

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

.....
Indian Institute, Oxford.

— — — — —
THE MALAN LIBRARY

PRESENTED

BY THE REV. S. C. MALAN, D.D.,

VICAR OF BROADWINDSOR,

January, 1886.

20605 e. 14

ИСТОРИЯ

ИЕРУСАЛИМА.

ИСТОРИЯ

СВЯТАГО ГРАДА

ИЕРУСАЛИМА,

ОТЪ ВРЕМЕНЪ АПОСТОЛЬСКИХЪ И ДО НАШИХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С. П. Ъ.

Въ типографіи III. отдѣл. собств. Е. И. В. канцеляріи.

1844.

**Отъ Комитета С. Петербургской Духовной Цензуры печатать по-
зволяется. Марта 13 1844 года.**

Цензоръ Морскаго Собора

Протоіерей Тимофей Никольскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Въ послѣдній разъ хотѣлъ я проститься съ Иерусалимомъ и обнять его взорами, съ Масличной вершины. Еще до зари, оставивъ за собою спящія твердыни, одиноко поднялся я на Элеонъ. Тамъ, на скаль плача, гдѣ плакалъ Господь о Сионъ, погрузился я въ созерцаніе весенняго утра; въ земль некогда обзтованной. — Все было тихо окрестъ Иосафатовой долины; робкія козы паслись, промежду ветхихъ оливъ, и ихъ дикій настыръ, медленно спускаясь за ними въ плачевную юдолю,

изумленный, оперся на длинное копье свое, при видѣ странника: мы встрѣтились взорами, и онъ удалился.

«Солнце, встающее изъ за Элеона, мало по малу, освѣтило предо мною очаровательное и вмѣстѣ страшное зрѣлище Св. града. Обнесенный зубчатою стѣною, онъ весь лежалъ предъ очами, на скатъ горы, издали, какъ бы вновь созданный и безъ слѣда развалинъ. Обширная, зеленая площадь Соломонова храма, живописно отдѣлялась отъ стѣсненныхъ позади ея зданій, изъ груды коихъ возвышались два купола Св. гроба, крѣпость Давида и нѣсколько минаретовъ и башенъ. Съ лѣвой стороны, внѣ ограды, домъ Тайной вечери вѣнчалъ Сіонъ: еще южнѣе, чрезъ оврагъ Геенны, гора Сობлазна вставала надъ деревнею Силоама, и монастырь Пророка Иліи мелькалъ вдали, промежъ маслинъ, на высотахъ ведущихъ къ Вилеему. Съ правой стороны города, позади разсѣянныхъ садовъ и утесовъ, село Пророка Самуила ограничивало горизонтъ, на высокомъ хребтѣ Силома, гдѣ такъ долго хранился кивотъ завѣта. У ногъ моихъ звывалось высохшее русло Кедрона, по зеленой долинѣ Иосафатовой, усыпанной гробами Евреевъ. Могила Адессалома и вертепъ Гересиманскій стояли гранями, на двухъ краяхъ сей вѣдчей долины.

«Такая дивная картина развивалась восхищенными взорами, и пламенно бы я желалъ всегда имѣть ее, хотя мысленно, предъ собою. Я бы желалъ выразить то необыкновенное волненіе, которое овладѣло духомъ, когда, въ одномъ великомъ зрѣлищѣ, предстали мнѣ оба завѣта: всѣ пророчества Вѣтхаго и ихъ событіе въ Новомъ, всѣ клятвы и благословенія, попеременно висѣвшія надъ роковымъ градомъ, доколѣ не сбылись наконецъ судьбы его, доколѣ благодать, однажды излившаяся на міръ изъ сего таинственнаго кладезя, не положила вѣчной печати безмолвія на его изсякшее устье, отколѣ нѣкогда истекало столько видѣній. — Псалмы, гремѣвшіе во дни славы Сіона, плачь Іереміа, оглашавшій его паденіе, сія таинственная юдоль плача, гдѣ началось страданія Спасителя, — юдоль Іосафатова, въ имени коей уже начинается звукъ послѣдней судной трубы... о кто найдетъ, въ такомъ хаосѣ предметовъ и воспоминаній, въ такой бурѣ взволнованныхъ чувствъ, довольно мыслей и глаголовъ, и что, кромѣ слезъ, можетъ облегчить сердце, на томъ мѣстѣ гдѣ плакалъ Богъ!

«Если же, не отвлекая взоровъ отъ сего очаровательнаго вида, обнять мыслию весь рядъ вѣковъ, славно или горько протекшихъ надъ Іерусалимомъ, — какое обширное поприще раскроется для

высокихъ думъ! какая чудная судьба встанеть надъ нимъ изъ мрака протекшаго, ярко отмѣчая каждое звѣно сей длинной цѣпи столѣтій! Которому изъ градовъ вселенной данъ былъ подобный удѣлъ — быть святилищемъ столькихъ народовъ? и какіе въ нихъ бурные приливы и отливы вѣры и невѣрія, то облакающіе полнотою славы Іерусалимъ, то обращающіе его въ пустыню! Онъ стоитъ на распутіи племенъ, но не мимо его течетъ рѣка торговли; его ближнее море Мертвое; скалы служатъ дикимъ щитомъ ему отъ алчности завоевателей; участь его не зависитъ отъ причинъ земныхъ; но въ его собственныхъ недрахъ зародышь благъ и золъ, по мѣрѣ его вѣры или невѣрія!

«На высотѣ Моріи сонмъ жрецовъ приносятъ безчисленныя жертвы, псалмы гремятъ въ дыму благоуханій, слава Іеговы потрясаетъ исполненный ею притворъ храма, и царство Соломона во всемъ своемъ блескѣ; Тадморъ и пустыня его дальнія грани. Но на сосѣднихъ горахъ начинаются требища идольскія; роши и потоки Геенны посвящены богамъ чуждымъ... и какъ буря возстаютъ Пророки, въ устахъ ихъ гибель Іерусалиму, надъ нимъ уже исполненный фіалъ гнѣва. Но Іосафатъ, но Іезекія, но Іосіа, сокрушаютъ идоловъ, посыпаютъ пе-

цвомъ главу свою, и отсрочена мечь. Манассія доводитъ послѣднюю каплю гнѣва, и весь фіалъ изльлся! — Сіонъ и Морія пусты. Обрѣлся завоеватель дикой Іудеи; она же, проникнувъ въ дѣра Навуходоносорова царства, на него обратила горше шещень. Киромъ сокрушены желѣзныя веревы Вавилона; но сей новый владыка Востока, отъ чрева матери, былъ уже предсказанъ Исаіею и, какъ бурный конь, узнающій голосъ всадника, смиряется предъ глаголомъ пророчествъ. Сіонъ цвѣтетъ въ роу во дни его преемниковъ. Грознымъ потокомъ стремится Александръ на міръ ему обреченный, но онъ не страшень Св. граду; Даниль уже предвидѣлъ его теченіе, и побѣдитель Персіи у ногъ Первосвященника. Антиохъ борется со святынею, — онъ погранъ. Помпей водружаетъ орлы Римскіе на стѣнахъ града; но храмъ Іеговы стоитъ, въ ожиданіи послѣдней, искупительной жертвы.

«Совершились семьдесятъ седмиць Даниловыхъ, и жертва сія является міру; обуявшіе Первосвященники приносятъ ее, соответственно съ таинственными указаніями закона Моисеева, и сами не вѣдая узаконяють. Они берутъ ее чистою, безъ всякаго порока, вѣнчаютъ терніемъ вмѣсто цвѣтовъ, обременяють всѣми клятвами и, за вратами города, закалываютъ за грѣхи цѣлаго народа. Принесена

последняя жертва, въ которой все предшествовавшія были только приготовленіемъ; отселе храмъ ветхозавѣтный уже терлетъ свое высокое знаменованіе, рушится, и какъ прахъ разсывается все племия Іудейское. Титъ и Адрианъ мстители за кровь Праведнаго. На пустотѣ Сіона стоитъ его судьба и пишетъ, на пещѣ царства, конецъ пророчества Моисея: — ту клятву грядущаго расточенія, которою грозилъ онъ, еще въ пустынь, непокорному народу Израильскому.

«Все ветхое миновалось; мгла невѣдственности надъ Іерусалимомъ, и новая вѣра быстро подымается посреди общаго разрушенія. По манію Елены, новый ликующій Сіонъ радостно возвышаетъ чело, гимнами оглашается пустыня, вся Палестина какъ одинъ храмъ, воздвигнутый православію; но она престаала быть обѣтованною, уже вся земля наследіе Бога. Протекли первые шесть вѣковъ Христіанства, ереси и распри раздирають Церковь, и какъ тяжкій искусъ, подымается изъ песковъ Аравіи враждебный законъ, сокрушая Востокъ именовъ Магомета. Тогда житейскія бѣдствія пробуждаютъ Христіанъ къ подвигамъ духовнымъ, мечъ Агарянскій зоветъ ихъ на бой. Два народа, во всемъ пылу своемъ, хотять измѣрить силы въ жестокой борьбѣ; одинъ, дѣйствуя въ полнотѣ свое-

го духа, склоняется къ битвѣ Востокъ; другой, отклоняясь отъ мирной цѣли, обращаетъ крестъ свой въ крестообразный мечъ и движется весь Западъ. Иерусалимъ избранъ поприщемъ для ихъ поединка, и по тщетнымъ порывамъ, падаютъ поборники Христа. Иной болѣе свѣтлый Иерусалимъ имъ назначенъ; судьбы же земнаго они не въ силахъ изменить. Чуждый, одинокій свидѣтель рожденія и паденія царствъ, онъ стоитъ, притчею народовъ, на распутіи ихъ вѣръ, славнымъ протекшимъ облакая настоящій позоръ свой и, во свидѣтельство въкамъ грядущимъ, та же судьба пишетъ, на чель его, конецъ пророчествъ Христовыхъ: «Иерусалимъ будетъ попираемъ язычниками, доколѣ не окончатся времена язычниковъ!»

Такія мысли, такія чувства, исполняли мою душу, когда, за четырнадцать лѣтъ предъ симъ, прощался я со Св. градомъ; то что, съ вершины горы Элеонской, только мелькнуло глазамъ моимъ, теперь развилось предо мною; въ болѣе пространномъ объемѣ, когда я постепенно углублялся мыслію въ таинственныя судьбы Св. града, — а между тѣмъ протекали годы. Въ священной исторіи, изданной мною, уже я коснулся ветхозавѣтнаго Иерусалима, и стараюсь, по мѣрѣ слабыхъ силъ

монхъ, изобразить половину той картины, которая мнѣ представилась нѣкогда, съ высотъ Олеонскихъ. Теперь я довершаю начатое и представляю вторую половину сего необычайнаго зрѣлища: исторію новозавѣтнаго Іерусалима, исполненную столькихъ чудныхъ событій, отъ временъ Апостольскихъ и до нашихъ.

Уже завѣтъ новый Бога съ людьми, чрезъ страданія Христовы, утвержденъ былъ на вѣки; надлежало запечатлѣться ветхому, временно заключенному съ избраннымъ народомъ, въ которомъ преимущественно сохранялось чистое ученіе о Божествѣ, дабы явить міру, что отнынѣ истинные поклонники поклонятся ему на землѣ, уже не въ одномъ Іерусалимѣ. Разрушеніе его сопряжено было со многими необычайными событіями, въ знаменіе долготѣшняго высокаго его значенія.

Послѣ славнаго племени Маккавеевъ, которые избавили Іудею отъ насилія Антиоховъ Сирійскихъ и вступили въ союзъ съ Римлянами, милостію ихъ воцарился въ Сіонѣ иноплеменикъ Иродъ, сходно съ пророчествомъ древняго Навуарха. Іаковъ возвѣстилъ двѣдцати сынамъ своимъ, что не оскудѣетъ князь отъ Іуды до пришествія Мессіи, и Мессія родился во дни чуждаго пришельца Ирода, плѣмя коего продолжало господствовать въ Палестинѣ, притѣсня юную Церковь Христову; въ самомъ же Іерусалимѣ повелевали игемоны Римскіе, подобно Нинету, подъ властію Проконсуловъ Сирійскихъ.

По мудрому устроенію Промысла, со времени паденія Вавилонскаго, большая часть колыбель Иудейскихъ осталась въ Месопотаміи и оттогда разсыпалась по Востоку. Многіе изъ Іудеевъ основались также въ западныхъ областяхъ Рима, приобрѣтивъ себѣ права гражданства въ столицахъ янчскаго міра и умножая число своихъ прозелитовъ, въ лучшихъ городахъ поморіи. Такимъ образомъ ширь

приготовился къ принятію ученія Христова; потому что Апостолы повсюду начинали проповѣдь свою съ Иудеевъ, какъ сохранявшихъ преданіе о Мессіи. Наннече въ Египтъ, гдѣ славилась просвѣщеніемъ Александрія, многочисленны были Евреи и гордились своимъ ученіемъ, смѣшаннымъ съ философіею Еллинскою.

Въ Александріи произошло и начало болѣзней, по стѣвшихъ народъ Израильскій за его невѣріе. Тамъ впервые поднялась на него рука Еллиновъ; когда вспыхнулъ мятежъ Евреевъ, раздраженныхъ за поруганіе Царя ихъ Агриппы, внука Иродова, который шелъ изъ Рима властвовать, по волѣ Кесаря, въ Палестинѣ. Многія тысячи, всякаго возраста, истреблены были яростію языческой черни, и въ послѣдствіи подобныя убійства повторились по городамъ Сиріи и у Парѣянъ, ибо вездѣ были ненавидимы Евреи; вездѣ подозрѣвали ихъ въ зажигательствахъ и въ нарушеніи общественнаго спокойствія. Такая печать отверженія повсемѣстно на нихъ легла, съ тѣхъ поръ какъ отвергли они своего Мессію. Иудеямъ грозило другое бѣдствіе, которое едва могли отклонить они, посольствомъ своего ученаго согражданина Филона и ходатайствомъ въ Римъ Царя Агриппы. Безумный Кесарь Калигула, негодуя, что одни Иудеи не воздаютъ ему почестей божескихъ, велѣлъ правителю Сиріи поставить изваяніе свое въ святилищѣ Иерусалимскомъ, какъ бы въ обличеніе непокорнаго народа, который еще недавно не хотѣлъ признать, въ томъ самомъ храмѣ, лице истиннаго Сына Божія, въ смиренномъ образѣ человѣка.

Одинъ только страхъ всеобщаго возстанія: отчаян-
ныхъ, готовыхъ погибнуть за оскорбленіе своей
святини, удержалъ Проклеса на исполненіе воли Ке-
саря. Но хотя, съ воцареніемъ Клавдія, совершен-
но оставлена была нелъзная мысль сія, однако же
часъ отъ часу болѣе тяготѣло надъ Іерусалимомъ иго
Римское, и возраставшее хищничество правителей
Сиріи превосходило мѣру терпѣнія людей, на нау-
чившихся терпѣнію Христову; доколе, наконецъ
частныя мятежи соединились въ одинъ общій, все-
го народа, при Кесарѣ Неронѣ.

Началу войны предшествовали знаменія. Ночью,
на праздникъ опръсенокъ, внезапный свѣтъ осіялъ
алтарь и храмъ, и восточныя мѣдныя врата, съ
трудомъ отвергаемые силою двадцати человекъ, от-
верзлись сами собою, и на вечернемъ небѣ явились,
въ разныхъ мѣстахъ Палестины, кометы и колес-
ницы, стремящіяся къ Сѣ. граду; въ день же пя-
тдесятницы, жрецы и довиты, вошедшіе въ храмъ
для принесенія обычныхъ жертвъ, съ ужасомъ по-
чувствовали тяжкое его колебаніе, и внезапно на-
шелъ изъ внутренности святилища громкій гласъ:
«изыдемъ, отсюда!» Но ежесдневныя жертвы, утра-
тивши свое значеніе, съ тѣхъ поръ, фактъ, принесен-
на была однажды примирительная жертва Христо-
ва, но прекращались. Продолжался и рядъ Перво-
священниковъ, по чину Ааронову, утратившихъ свою
законность; въ лицѣ Каиафы, который, не вѣдая
самъ силы словъ своихъ, прорекъ о Христѣ: «лучше
одному деловъку умереть за всѣхъ» и тѣмъ
самымъ, прорекъ его Первосвященникомъ вѣчными,

по чину Малкшаденому. Пророки и пресвитеры Каилои смѣнялись непрестанно, но прихоты народной или власно дѣтей: Ирода; ослѣпшіе ослѣхъли видѣть конца завѣта ветшаго въ грядущаго событія всѣхъ пророчествъ надъ Іерусалимомъ; они не внимали въ немъ волю Іисуса, сына Ананова, который, за четыре года до паденія, скитался по всему городу, повторяя непрестанно: «гласъ отъ востока, гласъ отъ запада, отъ четырехъ странъ вѣтровъ, гласъ на Іерусалимъ, на храмъ и новобрачныхъ, гласъ на всенародъ!» Вышій голосъ сей замолкъ только во время осады, когда Іисусъ, возвыкнувъ однажды: «Гора и мѣль!» пораженъ былъ брошеннымъ изъ снѣрда осаждавшихъ камнемъ. — И какъ все теченіе духовной и гражданской жизни народа Еврейскаго, отъ времени патриархальныхъ Авраама, описано въ его священныхъ книгахъ: такъ и кончина ветхозавѣтнаго города, съ разительною точностію, передана была потомству, очевидцемъ событій, знаменитымъ по своей учености Іудеомъ Іосифомъ Флавіемъ, который, после многихъ битвъ, самъ находился плѣнникомъ въ осадномъ станѣ Римлянъ.

Іосифъ составляетъ одною изъ причинъ, навлекшихъ казнь Божію на его соотечественниковъ, убіеніе ими праведнаго Іакова, брата Господня, перваго Епископа Іерусалимскаго, который, по древнимъ преданіямъ, рукоположенъ былъ въ санъ сей самимъ Господомъ (Златоу. толк. на Коринт. гл. XV), Тринацать лѣтъ уже правилъ онъ Церковію Христовою, и до такой степени приобрѣлъ любовь гражданъ

что названіе праведнаго присоединилось къ его имени, и, ради общаго уваженія, имѣлъ онъ даже дозволеніе всегда входить въ святилище Іудейское. Отъ юныхъ дней посвятивъ себя на служеніе Богу, Іаковъ непрестанно умолялъ Господа о спасеніи своего народа; колѣна его отвердѣли отъ напряженной молитвы, а тѣло изнурилось постами. Въ виду ветхозавѣтнаго храма собиралъ онъ живую Церковь Бога живаго, въ горницъ Сіонской, и устакановилъ порядокъ молитвъ при совершеніи вечери Христовой, который послужилъ основаніемъ и образцемъ послѣдующихъ литургій; первоначальная же сохранила имя Іакова. Бѣдствія вѣрующихъ между Евреями и поврежденіе нравовъ отъ лжеученій, внушили любящему его сердцу написать соборное посланіе ко всей братіи, о дѣлахъ истинной вѣры и пагубныхъ слѣдствіяхъ чувственности, о преодолѣніи искушеній, смиреніи, нищелюбіи, ожиданіи суда, и о двухъ таинствахъ исповѣди и елеосвященія, для поддержанія немощныхъ.

Священники Іудейскіе боялись, чтобы сильное вліяніе Іакова на сердца народа не привлекло еще болѣе людей къ распятому Мессіи, и возстали на праведника. Сперва лестію надвѣлись они убѣдить его отречься отъ Христа, и превознося хвалами смиреннаго, просили, въ день Пасхи, взойти на крыло церковное, чтобы оттолкъ объявить въ слухъ всего вѣрующаго народа, сколь тщетно обольщается онъ ученіемъ Христовымъ. Готовый умереть за исповѣданіе истины, нимомъ повиновался Іаковъ и взоспелъ на террасу храма. Тамъ громъ

книгъ голосомъ, сказали ему книжники: «мужъ преданный, которому подобаетъ всякая слава, народъ обольщается, послѣдуя распятому Христу; научи насъ истинъ: что есть, жертва Іисуса на крестѣ?» — и столь же громко отвѣтствовалъ имъ Іакобъ; «что спрашиваете меня о Сынѣ человеческомъ? Онъ сядеть одесную силы Божіей и грядеть на облакахъ небесныхъ.» Разъяренные книжники, посреди восклицаній народныхъ: «осанна сыну Давида!» свергли праведника съ вершины храма, и умирающій успѣлъ еще молиться, подобно Стефану, за своихъ убійцъ, пока они добивали его камнями.

Три милліона Евреевъ собрались на Пасху, въ Иерусалимѣ, когда въ послѣдній разъ тиетно прогнали они Проконсула, Кестія Галла, остановивъ хищность ихъ частнаго правителя Флора, и не смотря на кроткія убѣжденія Царя Агриппы младшаго, внука Иродова, роковой нитежъ вспыхнулъ. — Сънъ Первосвященника Ананія, юный Елеазаръ, начальствовавшій надъ стражею храма, возбуждѣвъ народъ и взявъ приступомъ башню Антоніеву, гланиую твердыню города; всѣ домы Римскіе, изгнанные изъ прочихъ укрѣпленій, умерщвлены были яростію черни. Въ тотъ же день 20,000 Евреевъ паде въ соседней Кесаріи, подъ мечемъ язычниковъ, и всѣхъ сія взводиловаде всю Палестину. Жестокая война возгорѣлась по всѣмъ городамъ и селамъ Сиріи, между Іудеями и Сирійцами; разсудія и вертепы начелнилась разбойниками; войска Евреевъ овладѣли многими замками, но за то

граждане ихъ немилосердно избиваемы были по
всѣмъ мѣстамъ, и въ Александрии погибло ихъ до
50,000. При самомъ началѣ можно было уже вы-
дать, что война сія должна окончательно рѣшить
участь цѣлаго народа. Вооружился проконсулъ, и
усмиривъ Галилею, двинулся къ Иерусалиму, но
отчаянное сопротивление Иудеевъ принудило его
удалиться.

Тогда, по небесному внушенію, Христиане Иеру-
салимскіе, видя, что уже мерзость запустѣнія, пред-
сказанная Давидомъ, является на мѣстѣ святомъ,
бѣжали изъ Иудей въ горы и удалились въ Сирий-
скій городъ Пеллу, на рубежъ пустыни. Иудеи
же, гордые своимъ успѣхомъ, вооружили боини-
цами городъ. Веспасіанъ заступилъ мѣсто Галлы,
и въ короткое время покорилъ Галилею и окрѣ-
стности Иудейскія, но предоставилъ сыну своему
Титу конечное покореніе Иерусалима, когда самъ,
по смерти Кесаря Нерона, превозглашенъ былъ
Императоромъ. Онъ устремился на западъ, пре-
вознесенный пророчествами востока о всемірной
монархіи, потому что къ его лицу относили тем-
ные гадатели обыванное и древле владычество
Мессіи по вселенной.

Между тѣмъ, еще прежде меча Римскаго, уже
губили внутренніе раздоры Иерусалимъ. Опытнѣй-
шіе въ немъ хотѣли мира, боясь пылкіе войны.
Первосвященникъ Ананія, съ другими старейши-
нами, которые одни только могли управлять на-
родомъ, умерщвлены были злобами. Пожди такъ
называемыхъ ревнителей, Ионна Гискаля и Елса-

зарь; владѣли храмы и привывали жилищамъ колѣна Идумейцевъ; для грабежа и убійствъ, и утѣпаны бѣдствующаго города; раздѣлились между собою и самыя златоты. Ничто Симонъ царь Сиона собралъ за Иорданомъ шайну разбойниковъ; какъ бы въ отмщеніе за смерть Первосвященника Аманія, и владѣлъ Сиономъ и нижнею частию города. Съ своей стороны Гиссала укрѣпился во вѣншихъ галлерейхъ храма; спряталъ то съ нимъ то съ Емеазаромъ, который заперся во внутреннемъ дворѣ святилища; доколе наконецъ, пошелъ праздникъ Пасхи, Иоаннъ вернувшись изнутри его и приобрѣлъ всѣхъ златоты; Симонъ же съ Идумейскн остался владыкою города.

Тогда приступилъ Титъ съ легионами Римскими, отъ пути сѣвернаго; и осадилъ Иерусалимъ. Часть его войска расположилась на горѣ Элеонской, и жестоко было противъ нее первое нападеніе осажденныхъ; внутренніе раздоры препятствовали дальнѣйшимъ успѣхамъ. Больше милліона народа, собравшагося на послѣднюю свою Пасху, впадо въ губельную осаду: голодь и жоръ мадно налегши на пожираемый раздорами городъ. Въ теченіе первыхъ пятнадцати дней орудія Римскія разбилицы сѣверную стѣну Иерусалима; и черезъ девять дней совершенно выгнели Варевъ изъ за старой ограды; они остановились у Башни Антоніевой и укрѣпленнаго храма. Желая спасти городъ и храмъ, военачальники послали послѣднато посланника Иосифа, убеждать ихъ сдатьъ Иоанна Гиссалу; ни чему отвѣдали каиннымъ. Между тѣмъ въ бѣдѣ возмѣшася

до такой степени, что единокровные оспаривали другъ у друга пищу и отцы вырывали ее у детей; многие покушались искать себя пропитанія за стѣнами города; но бѣжавшихъ отъ голода распяли тысячами въ виду Голгофы, такъ что не достало мѣста и дерева для крестовъ, въ страшную память того креста, на коемъ отцы ихъ распяли Царя славы, съ страшнымъ воплемъ: «кровь его на насъ и на дѣтахъ нашихъ!»

Не менѣе смертей сръчалось и внутри города, обреченнаго гнѣву Божию. Алчные убійцы врываются въ дома, гдѣ только подозревали найти пищу, которой самые гнусные роды все уже истощены были отчаяніемъ, и обрѣли наконецъ послѣдній — мать пожирающую собственного младенца. Она сама открыла испеченный трупъ его, привлеченнымъ на запахъ яствы, и сказала: «это мой сынъ и мое дѣло; ѣшьте, ибо я зла; — или вы нежизне женщины и мягкосердечные матери?» Съ ужасомъ бѣжали отъ нее голодные, и когда вѣсть о томъ дошла до стана Римскаго, Титъ призывалъ Бога во свидѣтели, что невиненъ въ такомъ злодѣянн, ибо не преставалъ предлагать миръ. Послѣ многократныхъ напрасныхъ приступовъ къ Антоніевой башнѣ, Римляне, съ невѣроятною скоростію обнесли въ теченіи трехъ дней весь городъ, многобашеннымъ валомъ, такъ, что уже никто изъ жителей не могъ переходить за роковую черту; и до двухъ тысячъ бѣжавшихъ Евреевъ, слѣдующихъ жертвою корыстолюбія Сиріанъ, которые искали золота въ ихъ утро-

бъ. Трупы умершихъ съ голода, несметнымъ множествомъ бросали со стѣнъ, такъ что отъ смраднаго воздуха задыхались въ городѣ.

Съ необычайными усиліями овладѣли наконецъ Римляне Антоніевою башней, потому что до такой степени опустошена была окрестность Иерусалима, что за двадцать веретъ привезли къ себѣ для стѣнобитныхъ орудій. Уже Титъ совершенно подступилъ къ храму, но междуусобіе же прекращалось; послѣдняго Первосвященника Матаіа убилъ Симонъ, Іоаннъ же ограбилъ самый храмъ, и тогда прекратилась ежедневная жертва. Желая сохранить святилище, еще однажды послалъ Титъ убѣждать Іоанна не осквернять святыни и сласти ея, но Іоаннъ отвѣчалъ: «что Божію граду не можетъ угрожать разрушеніе» и поставилъ орудія, метавшія камни, въ самыхъ вратахъ храма, такъ что святилище подобно было крепости, окруженной трупами. Военачальникъ въ послѣдній разъ послалъ сказать Іоанну: «призываю во свидѣтели отеческихъ моихъ боговъ и Бога, который нѣкогда охранялъ храмъ сей, а нѣтъ его оставилъ, что я не выуждаю васъ осквернять святилище; хотите ли избрать другое покривіе для битвы? и никто изъ Римлянъ къ нему не прииснется; ибо я, вопреки вашей воли, хочу спасти храмъ.» Но несчастный Іоаннъ принялъ великодушнаго воякѣ за малодушіе, и послѣ спривнаго ночнаго приступа, сгорѣли постепенно величественныя галлерей, окружавшія храмъ съ запада и

сверка; шесть дней непрерывно били орудія Рим-
скія въ великолѣпнѣйшій изъ всѣхъ притворъ во-
сточный, и съ трудомъ могли зырнуть только на-
сколько камней въшней одежды: столь прочно
было зданіе. По лѣстницамъ поднялись войны
на его стѣны и зажгли все, что подлежало огню.
Оставался одинъ храмъ, и вопреки совѣта своихъ
полководцевъ, хотѣлъ сохранить его Титъ, для
славы имени Римскаго; но Господь судилъ иначе;
ибо давно уже обречь свое святилище пламени, го-
ворить Исавъ. Одинъ изъ Римскихъ воиновъ
вынулъ голову изъ плавающего притвора и, под-
нявшись на плеча своего товарища, безъ всякаго
страха бросилъ ее въ золотое окно храма. Гром-
но воураликули Іудей, увидя пламя внутри;
Іудей отвѣтился на послѣднюю вылазку. Посре-
дѣ боя Титъ съ военачальниками поспѣшилъ га-
снуть огонь; но напрасно разсыпалъ онъ повелѣ-
нія; неустовые легіоны не слышали ихъ или не
хотѣли слышать. Безоружные и мятежники оди-
наково убиваемы были на поношь, и со ступеней
храма тѣла струили кровь. Титъ устремился
въ самую внутренность святилища и надѣялся еще
спасти его, потому что пламя охватило только
вѣшнія стѣны. Онъ окликалъ воиновъ для пона-
вешія пожара и велѣлъ соитнику даже убивать не-
покорныхъ: все напрасно. Ненависть къ Іуде-
ямъ, ярость битвы, жажда кары превозмогли
послушаніе Римское. Тотъ самый воинъ, который
послѣдовалъ за Титомъ, въ горячее предваріе,
непринятно подложилъ огонь подъ заввора; зву-

грозныхъ вратъ, и внезапно достигнуло пламя изъ самой середины, такъ что, и самъ Титъ принужденъ былъ удалиться и, вопреки его воли, обрядось огнемъ все святилище.

Съ паденіемъ храма прекратилось всякое состройство : дѣки, старцы, жрецы, и народъ гибли безъ пощады. Весь покрытый трупами, холмъ святилища дѣлалъ и ерошался кровію: побѣдныя клики Римлянъ, вой мятежныхъ Іудеевъ, посреди мечей и огня, вопли народа страшно сливались съ трескомъ пламени. Немногочисленныя богатства сгорѣли съ сокровищницею храма, на одной изъ пылающихъ галлерей погибло до 6,000 женщ. и дѣтей, которыхъ обильстилъ,же пророкъ, предсказаніемъ, что никто не уцѣлѣтъ: они спасеніе. На дѣдѣлицѣ храма провозгласилъ Римскіе воины, начальника своего Императоромъ. Въ пятый день, готолокъ, прикумль овладевшихъ Іудейскихъ войтъ въ одной изъ обгорѣвшихъ стѣнъ, и просить пощады. «Время милости миновалось», сказали Титъ, храма и все, ради чего, можно было бы пощадить, да въ теперь же, причина намъ съ души видѣтъ, и погибнуть». И въ одинъ опредѣнный день смертъ и лавинообразно были вѣны, дѣти, и женщины. Симонъ и Исмаилъ, вожди мятежныхъ, проситъ переговоровъ съ Титомъ и оны обещалъ имъ жизнь, если, поймавъ Гррррррр, не, оид, холмъ, и дѣтъ, съ боудный, выхоль изъ, грѣсствъ, въ, пустыню, и, для драженный Титъ велѣлъ все истребить, въ, городе, пламя, охватило, со, вѣхъ, сторона, часть, себя, называемую, Акрою, мятежники, пуле, попали, на, Симонъ, и

тамъ осадили ихъ Римляне; семнадцать дней длилась осада, и еще бы могла продолжиться, по неприступности башенъ и стѣнъ, но внезапный страхъ овладѣлъ осажденными; они сами ихъ оставили, и не въ силахъ будучи прорваться сквозь Римскую стражу, укрылись въ подземныхъ ходахъ около купели Силоанской. Римляне проникли въ оставленный ими городъ, и до ночи продолжались убійства въ тѣсныхъ улицахъ, гдѣ нашли цѣлые дома наполненные трупами; ночью же пламя охватило и Сионъ. Самъ Титъ, изумился твердости башенъ, которыя безъ оружія достались ему въ руки. «Съ помощію Божіею окончили мы войну, сказалъ онъ, ибо руки человѣческія не въ силахъ были бы вытѣснить Іудеевъ изъ такихъ укрѣпленій.»

Воины утомились отъ убійствъ, но еще много оставалось Іудеевъ. Изъ нихъ казнены были всѣ принимавшіе участіе въ мятежъ; красивые юноши оставлены были для триумфа; многихъ сослали въ рудокопни Египетскія, многихъ обрекли для амфитеатра; 2500 Іудеевъ пали на одномъ побойщѣ въ Кесаріи, многія тысячи распроданы въ неволю; отъ несмѣтнаго числа ихъ и обилія золота, найденнаго въ Палестинѣ, упала цѣна невольниковъ и металла. По исчисленію Юсифа до 100,000 пленныхъ достались въ руки Римлянъ и болѣе 1,000,000 погибли въ осадѣ, ибо собравшіеся на Пасху, со всѣхъ концовъ Іудеи, заключены были въ Іерусалимъ, какъ въ темницѣ.

Болѣе 2000 труповъ еще найдено было въ подземельяхъ, изъ коихъ вынули канонецъ вожди мя-

тежниковъ, сперва Іоаннѣ и потомъ Симонѣ, какъ какое привидѣніе, возставшее изъ развалинъ, въ белой одеждѣ и пурпурной мантии; ихъ сновали для триумфа. Уже болѣе нечего было щадить въ Іерусалимѣ; тогда Титъ велѣлъ войнамъ своимъ разметать до самыхъ основаній весь городъ и храмъ, сохранявъ только три башни: конную, Фемиды и Маріамны, для памяти минувшаго великолѣбнаго и силы, одолженной храбростію Римскою: воины такъ уравнили землю, что нельзя было даже подбръзвать существованія города.

Вѣсть съ отцемъ своимъ Веспасіаномъ, Титъ торжествовалъ въ Римѣ окончное одолженіе Іудей; и казнены были вожди мятежныхъ, предъ жертвоприношеніемъ. Златой подсвѣчникъ, священныя сосуды храма, самыя книги закона носимы были въ торжествѣ по стогнамъ Римскимъ. Сосуды поставилъ Веспасіанъ во вновь устроенномъ имъ храмѣ мира, а пурпурную завѣсу скинии и книги закона хранилъ въ собственномъ дворцѣ. Таковъ былъ печальный конецъ св. града, въ коемъ нѣкогда возсіяла слава Божія, избраннаго самимъ Господомъ, дабы тамъ пребывало имя его, и который даже язычники называли именитѣйшимъ городомъ во всемъ Востокѣ. — Въ 70 году по Р. Х. 7 Мая началась сія послѣдняя губительная осада Іерусалима и окончилась совершенно 11 Сентября; храмъ же сгорѣлъ въ субботу, 10 Августа, въ самый день истребленія перваго храма Соломонова, Царемъ Вавилонскимъ).

• Исскъ о войнѣ Іудейской Кн. 5, 6, 7.

II.

ЦЕРКОВЬ ИЕРУСАЛИМСКАЯ ВЪ ТРИ ПЕРВЫЕ ВѢКА.

Епископы Св. Симеонъ, Иустъ, Иуда, Маркъ, Наркиссъ,
Александръ.

Послѣ мученической смерти перваго Епископа и по разореніи Иерусалима, которое вскорѣ за нею послѣдовало, оставшіеся еще въ живыхъ Апостолы и ученики Господа, съ родственниками его по плоти, собрались для избранія преемника Св. Иакову и, по общему согласію, признали достойнѣйшимъ Симеона, сына Клеопы, упоминаемаго въ Евангеліи, двоюроднаго брата Спасителя. Такимъ образомъ престолъ Иерусалимскій, на который самъ Господь посвятилъ Иакова первымъ Епископомъ во вселенной, по особенной важности своей, представленъ былъ роду Давидову. Св. Златоустъ въ толкованіи своемъ на дѣянія Апостольскія, говоритъ, что верховные Апостолы Петръ, Иаковъ, Иоаннъ, не спорили между собою, кому изъ нихъ быть первымъ Епископомъ Иерусалима, но смиренно уступили сядь сей брату Божію. Посему и гора Сіонъ названа была матерію Церквей, а Евсевій свидѣтель-

ствуеть, что въ его время еще существовала деревянная кафедра Иакова, спасенная Христіанами, бѣжавшими въ Целлу; ее и до нынѣ показываютъ въ патриархіи Іерусалимской. Можно предполагать, что многочисленныя пещеры, которыя видны въ противоположащей Сіону горѣ, за оврагомъ Геенны, служили мѣстомъ жительства для первыхъ Христіанъ, возвратившихся на прежнее Іерусалимское.

Мученическая кончина ожидала также и престарѣлаго Симеона, во второе гоненіе противъ Христіанъ, при Императорѣ Траянѣ. Враждебные истинной вѣрѣ послѣдователи Керинея и Николая, обвинили предъ проконсуломъ Атиккомъ православнаго Епископа, не только какъ Христіанина, но и какъ потомка Давидова. Въ продолженіи многихъ дней, терзаемый бичами, двадцатилѣтній старецъ изумилъ своимъ терпѣніемъ жестокаго судію и скончался на крестѣ, подобно божественному сроднику своему по плоти, Господу Іисусу, послѣ сороколѣтняго управленія его Церковію. Еще при жизни Симеоновой, родство со Спасителемъ міра возбуждало страхъ властителей Римскихъ. Императоръ Веспасіанъ, котораго мѣсть Іудеевъ называла Мессією, издавъ повелѣніе истребовать въ Римъ всѣхъ происходящихъ отъ племени Давидова, дабы не оставалось болѣе надежды на явленіе Мессіи. Жестокой снѣгъ его Домитіанъ возобновилъ указъ сей; услышавъ, что внуки Іуды, называемаго братомъ Господнимъ, еще живы и происходили не только отъ племени

Давидомъ, что были ея родственниками; распятаго Христа, они несли привески ихъ къ Риму, и спроси оныя: сколько у нихъ талантъ и въ чемъ оно состоитъ? — Они отвѣчали, что обидѣ или богатству можно отъбить въ 9000 денаріевъ, и что это имущество не въ деньгахъ, а въ ясляхъ, которыя они водворяли собственными руками, въ потъ лица своего, надѣрживая одну часть на себя, а другую отдавая въ назву. Въ доказательство истинны словъ своихъ показали они Императору свои руки, зарубивши отъ работы. Властитель Римскаго міра, не менше Ирода опасавшійся Виллесамаго младенца, спросилъ оне, подобно Илзаку, у родственниковъ Христовыхъ, о его вѣчномъ дарствѣ гдѣ оно? и услышавъ что на небѣ, отпустилъ ихъ въ миромъ, видя крайнюю нищету, або не вѣтъ въ причинъ ихъ опасаться.

По смерти Симеона, избранъ быша ему преемникомъ Іустъ, одинъ изъ числа многихъ учителей раввинскихъ Евреевъ. Некоторые сего принимаютъ за того праведнаго Іуста или Варсаву, коему иудеи съ Матеимъ, Апостолами, давали ирабій; для замятія мѣста Іуды предателя. Но историкъ Янсейскій ясно говоритъ, что послѣ Симеона, уже не оставалось больше въ Израилѣ ни одного изъ ближайшихъ Апостоловъ и учениковъ Христовыхъ; онъ замѣчаетъ также, что всѣ преемники Симеона, до послѣдняго разоренія Евреевъ при Императорѣ Адрианѣ, умирали скоро, не причиняя ниостранныхъ гоненій. Въ гоненіи 16 лѣтъ иудѣ случилось оудачи

нацпять, на бѣдствующей кафедрѣ брата Моисѣя, и все они были Евреи, до послѣдняго изъ нихъ Иуды, потому что Церковь Иерусалимская, составленная собственно изъ Иудеевъ, хотѣла, чтобы ея Епископы носили на себѣ и печать обрезанія Моисеева. Последнее возмущеніе сего народа, послѣдовавшее 58 лѣтъ послѣ перваго разоренія Римскаго, совершенно измѣнило остатки ветхозавѣтнаго Иерусалима.*

Путешествія Кесаря Адріана, по его обширной имперіи, были причиною смутнѣй. Страданъ томительнаго болѣзнию, искалъ онъ облегченія въ Свѣ градѣ, ибо громко было во всѣхъ народахъ имя Іеговы.** Посреди развалинъ Иерусалима наумился Кесарь вознколзпно трехъ уцѣлѣвшихъ башенъ Иродовыхъ; на пепелищѣ Сіона нашелъ онъ только одну убогую церковь Хрестіанскую, и возбужденный памятію древней святѣни, велѣлъ обновить разрушенный городъ и водвигнуть капище Юпитеру на мѣстѣ храма Іеговы. — Тогда вспыхнуло негодованіе Иудеевъ, оскорбленныхъ коварнымъ поруганіемъ святѣни, столь близкой ихъ сердцу; они могли вынести зрѣлище развалинъ Соломоноваго, но не славу языческаго капища. Последний и ужаснѣйшій матежъ взволновалъ всю Палестину; которому неуспѣшно сперва противились военачальники Римскіе. Нѣкто Варво-лева, принявъ сіишнѣ; означавшее сына звезды, выдалъ себя народу за обрѣзаннаго Мессію, за избраннаго отъ себя звезду для просвѣщенія сѣдѣщихъ во мракъ; о которой пророчествовалъ древній вождь Вааламъ: Онъ воз-

* Евсев. кн. IV. ** Истор. Патр. Досно. кн. I. гл. 8. 111

братъ войско, овладѣвъ Иерусалимомъ, укрѣпился въ башняхъ Сионскихъ, принудилъ раввиновъ Еврейскихъ, потомковъ Гамалила, которые основали свое училище по соседству Св. града, признать себя владыкою, и нѣсколько лѣтъ управлялъ своимъ народомъ, какъ Царь; равно жестокой къ язычникамъ и Христіанамъ, онъ терзалъ ихъ за то, что не хотѣли обрѣзываться и воевать противъ Римлянъ. Уже Евреи, въ надеждѣ на дожднаго своего Мессію, хотѣли опять предпринять строеніе храма. Императоръ Адрианъ принужденъ былъ, для ихъ усмиренія, вызвать изъ Британіи проконсула Юлія Севера съ его легіонами. Опытный вождь сталъ постепенно брать приступомъ каждое укрѣпленіе; прѣвнкая въ ущалия горъ, онъ разрушилъ 50 крепостей, срылъ 985 селеній и умертвилъ до 580000 Евреевъ: безчисленное ихъ множество продано было въ неволю близъ Иерусалима, въ той славной долинь Терезинеской, гдѣ некогда отрокъ Давидъ поразилъ исполина Голиаа, и самое мѣсто торга осталось горько памятнымъ, подъ именемъ таргаша Адрианова. Плышники Іудейскіе опять наводнили собою вселенную и данпача Испанію, гдѣ съ тѣхъ поръ основались до новаго ихъ изгнанія, уже въ среднихъ вѣкахъ; дикіе звѣри приходили жать въ опустѣвшія ихъ жилища, ибо сіе последнее пѣтвеніе было ужаснѣ Навукодоносорова. На берегу озера Галилейскаго, въ Тиверіадѣ, сосредоточилось отчасти управленіе ихъ умаленнаго народа, подъ властію такъ называемыхъ патриарховъ Іудейскихъ, потомковъ Гамалила, которыхъ преемственное на-

следствіи сохранилось три: до исхода IV вѣка, одно чуждымъ населеніемъ осталось для нихъ Иерусалимъ. Опасался, чтобы зрелище древней столицы не возбуждало опять къ войнѣ беззаконнаго народа; Адрианъ запретилъ сынамъ Израиля приближаться къ Иерусалиму и даже издали смотреть на него, съ какой либо окрестной высоты; развѣ только въ годъ позволено было печальнымъ проходить плакать за одну изъ горъ, въ виду древней своей столицы, и, чтобы омерзять Иудеямъ свѣтлый входъ въ Иерусалимъ, Адрианъ велѣлъ поставить на вратахъ Виаденскихъ завѣщаніе ненавистнаго имъ животнаго.

Совершенно чуждое населеніе изгнанныхъ перенесено было въ новый городъ, который назвали древнее свое псаломное имя, ради знаменческаго обіавленія Эліемъ Адрианомъ, и назывался Элією Капитолиною. Онъ раздѣленъ былъ на семь частей и въ новъ устроились опять величественныя зданія, театры и общественныя гуляшца, но, по малолюдству города, Сионъ исключенъ былъ изъ стѣнъ его. Адрианъ поручилъ обновленіе Иерусалима язычнику Аквилѣ, уроженцу Невлѣйскому, который, видя чудеса Христіанъ, сперва принялъ самъ ихъ вѣру; но, по своей привязанности къ астрологіи, былъ изгнанъ изъ церкви и совратился къ Иудейству; тогда съ большимъ стараніемъ изучилъ языкъ Еврейскій и сдѣлалъ новый переводъ Св. писанія на Греческій, думая исправить тогдѣ 70 толковниковъ, затѣвнѣмъ ясныхъ смѣлѣтвеннотъ о Господѣ Исусѣ.

Императоръ языческій не пощадылъ и святыню Христіанскую, смѣшавъ съ Іудеями Христіанъ и осквернивъ идолами мѣста ихъ поклоненія. Надъ цещерою воскресенія поставилъ онъ кумирь Юпитера, а на Голгоѣ кумирь Венеры, такъ что, по свидѣтельству Св. Амвросія Медиоланскаго, все мѣсто и вся окрестность Голгоѣ назвалось Афродисією; оно слыло также и мѣстомъ сора, скупидонъ, потому что прежде сего туда свозили великую нечистоту, чтобы истребить изъ памяти мѣсто страданія Спасителя; но не могло оно укрыться, какъ не могла быть забыта и пещера Виаземская, хотя вокругъ нее насадилъ Адрианъ цѣлую рощу въ честь Адониса. По преданію нѣкаго монаха Александра, на которое ссылается Патріархъ Іерусалимскій Досифей*, вѣрные, зная мѣсто Св. Голгоѣ, ежедневно приходили съ благоговѣніемъ ему поклоняться, и хотя оно въ послѣдствіи осквернено было трещинами идольскими, царственные цвѣты васильки (отъ Греческаго слова василикъ, царскій) непрестанно росли на этомъ мѣстѣ: напрасно нечестивые старались истреблять ихъ, они опять появлялись, и отсель произошло въ Іерусалимѣ обыкновеніе совершать водоосвященіе съ васильками, для памяти сего чуда.

Вотъ что пишетъ блаженный Іеронимъ къ другу своему Епископу Павлину,** о состояніи святыхъ мѣсть во времена язычества: «отъ дней Адриана и до царствованія Константина, въ теченіе 180 лѣтъ, язычники поклонялись на мѣ-

* Кн. I. гл. 9. ** Письмо XIII.

ствъ, освятииомъ воскресеніемъ нашего Спасителя, идолу Юпитера, а на горъ Голговъ ираморному идолу Венеры, потому что виновники гоненій думали, оскверненіемъ святыхъ мѣстъ, истребить въ насъ вѣру въ воскресеніе и крестъ Господа Исуса Христа. Селеніе Вилееское, гдѣ я теперь живу и которое есть самое священное мѣсто на всей землѣ, ибо отсель, по предсказанію псалмопѣвца: «Истина отъ земли возсіяла», селеніе сіе было осквернено рощею въ честь Адониса, и язычники оплакивали смерть любимаго Венеры, въ томъ самоъ вертепѣ, гдѣ раздались первые младенческіе вопли новорожденнаго Христа.»

Но въ которомъ мѣстѣ Св. града стояла первая Христіанская церковь, которую засталъ Адрианъ? — Св. Епифаній Кипрскій пишетъ, что она была на Сіонѣ, куда собрались для вкушенія хлѣба Апостолы, послѣ воскресенія Христова, и гдѣ въ послѣдствіи сооруженъ монастырь; онъ же утверждаетъ, что на горъ Элеонской было семь мѣстъ подъ землею, для тайныхъ собраній, изъ коихъ одно оставалось до времени Императора Константина, отъ чего и произошло въ Церкви Христіанской обыкновеніе зажигать свѣтильники во время богослуженія. Когда послѣ разоренія Адрианова не оставалось болѣе обрѣзанныхъ между Христіанами, впервые избранъ былъ Епископомъ Іерусалима, изъ числа необрѣзанныхъ, Маркъ и послѣ него уже всѣ святители Св. града продолжали поставляться изъ обращенныхъ язычни-

ковъ, а не изъ Евреевъ. Не десять пресмыкающъ Маркъ до Наркисса, жившаго въ исходъ второго вѣка; известны только по имени. — Частыя гоненія были конечно виною краткаго ихъ свѣдѣтельства, ибо то время, по словамъ Ософила, Епископа Антиохійскаго, «было истиннымъ садомъ, въ которомъ цвѣли и розы мучениковъ, и кринны дѣвъ, и фиалки вдовицъ, и плющъ замужнихъ; Марія Магдалина не ошиблась, принявъ за вертоградяра Христа, ибо онъ, своею рукою, насадилъ добродѣтели върующихся, во славу Божию, прекраснѣе всякъ Азійскихъ садовъ.»

Однимъ изъ благовонныхъ цвѣтовъ сего духовнаго вертограда былъ Наркиссъ Иерусалимскій. Древній историкъ Евсевій свидѣтельствуесть о добродѣтели его и чудесахъ **. Однажды, въ великую субботу, недостало въ кандилахъ елей и много о томъ печалился народъ; но божественный мужъ велѣлъ почерпнуть воды изъ кладеня и благословилъ воду сію, которая при вліаніи въ лампы получила внезапно качество елей. Другіе же говорятъ, что когда недостало елей помазанія при крещеніи, онъ велѣлъ влить воду въ сосудъ, и помолившись обратилъ ее въ елей, въ присутствіи Императора Александра Севера. При зрѣніи такихъ чудесъ, могъ ли сей властитель Римскій не быть склоннымъ къ Христіанству? Но, не смотря на чистоту ангельской своей жизни, и Наркиссъ подвергся клеветѣ злобныхъ людей, которые сами не могли сносить его обличеній; страш-

* Ис. Досно. гл. 9. ** Кн. VI.

двѣ клятвы употребили: они въ подтвержденіе своей клятвы, и клятвы сіи обрушились на нихъ самихъ. — Одинъ говорилъ: если не истинно мое свидѣтельство, пусть огонь небесный поцалитъ меня; другой обрекалъ тѣло свое тлѣнію и червямъ, третій, въ случаѣ лжи, готовъ былъ лишиться зрѣнія. Хотя богобоязненные Христиане и не вѣрили тяжкимъ обвиненіямъ противъ Наркисса, однако онъ удержанъ на многіе годы въ пустыню. Но недремлющее око Божіе, которое, для обращенія грѣшниковъ, не съизбитъ совершать судъ свой, видя ихъ нераскаянность, обличило каждого изъ клеветниковъ, исполненіемъ избранной имъ самимъ казни, и тѣмъ засвидѣствовало чистоту Наркисса. Третій изъ нихъ, видя событіе клятвы, со страхомъ исповѣдалъ свое прегрѣшеніе, но и его не миновала призванная имъ клятва, хотя съ душевною для него пользою, ибо онъ лишился зрѣнія, проливая непрестанно слезы о своемъ грѣхѣ.

Однако, во время отсутствія Наркисса, клиръ Иерусалимскій избралъ ему преемника; десять лѣтъ спустя, уже при третьемъ Епископѣ Гордіѣ, явился опять Наркиссъ, какъ бы воскресшій изъ мертвыхъ, и былъ умоленъ народомъ, разделить заботы святительскія съ Гордіемъ. Переживъ и сего Епископа просилъ онъ, по глубокой своей старости, набрать другаго, вмѣсто себя, и братіямъ Иерусалимскимъ было откровеніе, принять Епископомъ того, кто на слѣдующее утро первый встрѣтится имъ во вратахъ города. Благодать Божія послала имъ Александра, Епископа Каппадокійска-

го, который уже однажды исповдалъ Христа въ узлахъ и, освободясь изъ темницы, по небесному внушенію, принявъ на шоклошеніе святаго мѣста; онъ остался въ Иерусалимѣ и еще нѣсколько лѣтъ раздвѣлялъ изводру съ старцемъ, который скончался на рукахъ его 116 лѣтъ. Имя Наркисса сохранилось и въ окружномъ посланіи собора Кесарійскаго, о законномъ времени празднованія Пасхи, ибо сей вопросъ возбудилъ много преній въ исходѣ втораго вѣка; кротость Епископовъ Восточныхъ, при обличеніи непокорныхъ, утѣшала вламя раздора, едва не разгорѣвшееся отъ надменности Епископа Римскаго Виктора.

Благочестивый Александръ, какъ ученикъ знаменитаго Климента Александрійскаго, который посвятилъ ему свои творенія, некровительствовавъ и его преемнику Оригену, когда сей послѣдній ознаменовалъ въ Кесаріи Палестинской обширное училище. Онъ же и рукоположилъ Оригена въ пресвитера, по согласію съ Епископомъ Кесаріи Феоноклистомъ; но тѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе Святителя Александрійскаго Димитрія, къ чьей епархіи принадлежалъ Оригенъ. Не вѣдая тайной причины, которая воспрещала возвестить это въ санѣ іерейскій, Александръ оправдывалъ себя предъ Димитріемъ, собственными его грамотами, иsolemnными похвалялъ Оригену, продолжалъ содѣйствовать ему въ распространеніи пресвѣщенія духовнаго по всей Палестинѣ, и собралъ самъ богатую бібліотеку въ Иерусалимѣ. Въ половинѣ третьаго вѣка, сорокъ лѣтъ спустя послѣ перваго сво-

его исповѣданія имени Христова, Александръ сдѣлался опять исповѣдникомъ и потому мученикомъ за Христа, въ жестокое гоненіе Декіево. Онъ вызванъ былъ въ Кесарію Палестинскую; тамъ, безъ всякаго уваженія къ почтеннымъ сѣдинамъ, ввергли его въ темницу, гдѣ и скончался по долгомъ томленіи. Мозаванъ заступилъ мѣсто святителя, и его имя стоитъ въ числѣ обличителей западной ереси Новагіа.

Во дни Именей, Епископа Іерусалимскаго, многіе Христіане пострадали въ Кесаріи Палестинской, отъ преслѣдованій Императора Валеріана; но самъ Святитель сохранился ко благу своей Церкви и, какъ соборникъ православія, дважды ходилъ на соборъ Антиохійскій, для осужденія мѣстнаго Епископа Павла Самосатекаго, который отвергалъ божество Господа Іисуса. При второмъ преемникѣ Именей, Ермонѣ, въ началѣ IV вѣка, открылось жестокое гоненіе Императора Діоклетіана на Христіанъ, распространившееся и на Палестину. Первый изъ пострадавшихъ въ ней былъ Прокоцій, родомъ изъ Іерусалима, чтець церкви Сквинопольской, отъ юности посвятившій себя на служеніе Богу. Въ Кесаріи исповѣдалъ онъ вѣру свою предъ судилищемъ проконсула и отрекся возливать вино, по обрядамъ языческимъ, въ честь Императоровъ; ему отсѣкли голову; вслѣдъ за нимъ, въ томъ же городѣ, пострададо много Епископовъ, кляриковъ и мірянъ. Нѣкоторые малодушествовали отъ жестокости мученій, но большая

часть мужественно довершила подвигъ, и тщетно язычники, силою привлекая связанныхъ къ олтарю и закрывъ имъ уста, старались показать, будто Христіане жертвовали богамъ: но и полу-мертвые еще хулили ихъ нечестивая требища.

Съ отреченіемъ отъ престола Императора Діоклетіана не уменьшилось гоненіе, а еще болѣе разгорѣлось въ Палестинѣ, по жестокости другаго Императора Галерія и Кесаря Максимиана, которому достался удѣломъ Востокъ. Въ Кесаріи, какъ областномъ городѣ Палестины, совершались всѣ ужасы, ибо туда влекли на судъ Христіанъ. Историкъ Евсевій, въ книгѣ своей о мученикахъ Палестины, сохранилъ подвиги нѣкоторыхъ изъ нихъ. Юноша Апѳіанъ, именитый родомъ, проникнутый чтеніемъ Св. писаній, услышавъ о новомъ указѣ Кесарей, чтобы всѣ жертвовали богамъ, смѣло приступилъ къ областному начальнику Урвану, въ минуту приношенія жертвы, и удержалъ его за руку, обличая суету идолослуженія. Воины, какъ лютые звери устремились на Апѳіана и осыпавъ его ударами, повлекли въ темницу; на другой день онъ подвергся жестокому истязаніямъ на судилищѣ: его терзали бичами, ему обвертывали ноги фителемъ и зажгли ихъ, такъ что огонь проникалъ во внутренность самыхъ костей; но онъ остался твердымъ и полумертвый брошенъ былъ въ море! Внезапно поднявшаяся буря, на морѣ и на сушѣ извергла тѣло мученика къ вратамъ города, чему былъ свидѣтелемъ самъ Евсевій. — Братья его

Евсеевъ въ другой юности Іудитинъ, иже и ту же участь.

Годъ спустя, въ той же Кесарии, когда жестокий Кесарь Максиминъ праздновалъ день своего рожденія, играцами амфитеатра, некто Агапій, уже трижды исповѣдавшій имя Христово въ темницѣ и однажды брошенный звѣрямъ, на сей разъ окончили мученичeskій подвигъ святой жизни: отвергнувъ предлагаемую пощаду, онъ громкогласно объявлялъ желаніе умереть въ своей вѣрѣ, и былъ разстерзанъ дикимъ медвѣдемъ, а потомъ брошенъ въ море. Потоцпенію подверглась также и дѣва Феодосія, за то что приветствовала въ преторіи нѣсколькихъ узниковъ христіанскихъ. Многихъ сослали въ рудожонни Палестинскія, и съ ними пресвитера Сильвана, бывшаго потомъ Епископомъ: а мученикомъ. Старець Ависетій брошенъ былъ звѣрямъ, витія Домникъ сожженъ, нѣкоторые обречены игрищамъ; нѣмнѣе исповѣдывавшъ; осужденны на рудожонни, выжгли правый глазъ и жилау праваго колѣна; въ томъ числѣ и будущему Епископу Іерусалимскому Магниму. Одна слабая дѣва смѣло обличила жестокость Кесаря Максимина, и опрокинувъ предъ лицомъ его оltарь идольскій, мужественно перенесла испытаніе огненное. Исповѣдникъ Павелъ, готовясь на смерть, просилъ только дать ему время помолиться, и промолвилъ молящю Бога, о спасеніи Христіанъ, обращеніи Іудеевъ и язычниковъ, дабы познали оцъ истиннаго Бога; наиконецъ о Императорахъ, судѣ своимъ и даже о паденіи

189 Муч. Фал. т. 4. 189

дабы не виновная ины въ прикъ его смерти; онъ во-
дился съ такою теплотою, что присутствовавшіе изъ-
ники не могли удержаться отъ слезъ. Ещѣ три
исповѣдника, пресвитеры Антоній, Зепина и Гер-
манъ, приблизились къ новому правителю Кесарія
Фирмилиану, въ часъ жертвоприношеній, и всемо-
ду просили его оставить заблужденія; они ва-
няли живую за свою омылость. Тѣмъ безчи-
сленныхъ мучениковъ, брошены были безъ погре-
бенія, и хищныя птицы разносили ихъ члены по
всѣмъ частямъ города, такъ что гнушались снѣ-
жъ зрѣлищемъ враги Христіанъ, хотя и не трогались
къ жестокому сердцу. Но мраморныя столпы об-
щественныхъ зданій, посреди коихъ совершались
всѣ сіи ужасы, внезапно, при ясной погодѣ, по-
крылись потомъ; вода стекала отъ нихъ по ули-
цамъ и площадямъ, отчего возникла молва народная,
что земля и камни плачутъ о сихъ неистовствахъ.

Однимъ изъ послѣднихъ знаменитѣйшихъ му-
чениковъ Палестины, былъ ученый пресвитеръ
Кесарійскій, Памелъ, съ двѣнадцатью своими
сподвижниками. Проведши всю свою жизнь въ
инокѣ, молитвѣ и добрыхъ дѣлахъ, онъ глубоко
изучилъ Св. писанія и собралъ въ Кесаріи време-
ннотую библиотечку, ибо самъ былъ свѣтлыиикомъ
своего времени; Памелъ исповѣдалъ Христа, не
судилищъ и широкъ былъ въ темницу; за нимъ
дѣакомъ церкви Іерусалимской, престарѣлый Валентъ,
и третій Павелъ, мръ соседняго города Тамни, и
пять мѣдодыхъ Египтянъ, свѣченныкъ во вратахъ
Кесаріи. Священное имя Іерусалима было въ на-

кошъ забвеннѣи, что когда судія, спросившій одного изъ нихъ: «отколю онъ родомъ?» услышалъ въ отвѣтъ: «изъ Иерусалима,» онъ сталъ жестоко пытать его, чтобы дознаться, гдѣ находится сей городъ? Хотя не болѣе двухъ дней пути, отъ Кесарин до Иерусалима, однако языческое имя Элиа Адриановой привело въ забвеніе библейское. Мученикъ сей, по имени Илія, не желая осквернить священнаго названія языческимъ, продолжалъ среди истязаній восклицать только: «что городъ сей на востокъ и есть отчина праведныхъ людей.» Смущеннѣи судія, полагая, что это какой либо замокъ, который Христіане хотѣли укрѣпить противъ Римлянъ, напрасно требовалъ новыхъ объясненій и велѣлъ наконецъ отсѣчь ему голову.

Жестокийъ правитель осудилъ на ту же казнь ученаго Памфила, послѣ двухлѣтняго заточенія, и тѣхъ, которые исповѣдали, вмѣстѣ съ нимъ, върукою на судилищѣ. Мужественный рабъ Памфила, Порфирій, хотѣвшій предать тѣло его погребенію, сожженъ былъ, малымъ огнемъ, съ другимъ исповѣдникомъ Іуліаномъ. Двухъ бросили звѣрамъ и правитель Фирмилианъ не пощадилъ собственнаго слугителя, почтеннаго староскію Феодула, за то что исповѣдалъ имя Христово; но и самъ мучитель скорѣе подвергся казни, по приговору Кесаря Максимина. Другъ Памфила, Епископъ Евсевій, сохранилъ потомству его подвиги и прочихъ мучениковъ. Послѣ всѣхъ пострадалъ престарѣлый Епископъ Газы, Сильванъ, знавшій наизусть все Свѣтое писаніе, и съ нимъ обезглавленъ въ одинъ

день 39 мучениковъ. Ими окончилось жестокое гоненіе, продолжавшееся въ Палестинѣ восемь лѣтъ, до 310 года. Тогда уже на каедрѣ Іерусалимской сіялъ своими добродѣтелями благочестивый Епископъ Макарій, которому суждено было, видѣть славное обновленіе Св. мѣстъ.

Протекла трехвѣковая буря, которая десять разъ принималась опустошать Церковь вселенскую, разражаясь мученіями во всѣхъ цѣдлахъ импѣра Константинъ великій, руководимый небеснымъ знаменіемъ креста, побѣдилъ постепенно жестокихъ гонителей. Отъ внѣшнихъ ужасовъ отдохнула Церковь, исповѣдники ея возсіяли на каедрахъ святительскихъ; вскорѣ однако опять спокойствіе ея возмущено было бурей Аріяства, отвергавшаго тотъ основной догматъ, за который пролито было столько крови мучениками, — божественность Господа Іисуса Христа. Первый вселенскій соборъ, созванный въ Никей, обличилъ ересь Аріеву и сложилъ символъ вѣры, во всеобщее единодушное исповѣданіе Церкви; однимъ изъ 318 святыхъ Отцевъ сего знаменитаго собранія, исполненнаго великихъ пастырей и исповѣдниковъ, былъ Макарій Іерусалимскій. Вскорѣ утердіе Константина и благочестивое странствіе его матери Елены ко Св. мѣстамъ, совершенно измѣнило языческій видъ Іерусалима въ Христіанскій; подобно какъ некогда Адрианово странствіе обратило Іудейскій въ языческій. Послушаемъ современника и очевидца Евсевія, Епископа Кесарійскаго, который самъ присутствовалъ на торжественнѣмъ обновленіи Сіона.

III.

СООРУЖЕНІЕ ХРАМА СВ. ГРОБА И ПРОЧИХЪ СВАТИЛИЩЪ.

Епископы Макарій и Максимъ.

«По окончаніи Никейскаго собора, боголюбивый Императоръ предпринялъ въ Палестинѣ дѣло, достойное вѣчной памяти. Онъ почелъ священнымъ долгомъ благоустроить въ Іерусалимѣ мѣсто воскресенія Господа нашего, драгоценное для всѣхъ человѣковъ, и немедленно повелѣлъ соорудить на ономъ великолѣпный храмъ, не безъ Божіаго внушенія; самъ Спаситель возбудилъ къ тому его сердце: поелику нечестивые люди, или лучше сказать весь сонмъ демоновъ, руками нечестивыхъ людей, покусились погрузить во мракъ забвенія сіе свидѣтельство нашего безсмертія, тотъ памятникъ, отъ коего нѣкогда свѣтлый Ангелъ отвалилъ камень, равно какъ и отъ души искавшихъ между мертвыми живаго Христа. Сію то спасительную нешеру старались совершенно истребить изъ памяти

нечестивые, безумно мечтая, что такимъ образомъ можно утѣять истину, и съ немалымъ трудомъ, нанесенною землею, засыпали вокругъ все мѣсто. Возвысивъ нѣсколько насыпь, они обложили ее камнемъ и такимъ образомъ укрыли вертепъ, а къ довершенію устроили сверху св. гроба гробницу для душъ, темное капище мертвыхъ своихъ идоловъ, въ честь сладострастнаго нѣкоего демона, именуемаго Венерою, гдѣ и приносили жертвы на нечестивыхъ алтаряхъ.

Ослѣпленные не разумѣли, что невозможно было побѣдителю смерти потерпѣть ихъ преступное дѣло, какъ и солнцу, обтекающему поднебесную, укрыться отъ зрѣнія. Сила же Спасителя нашего далеко превосходитъ изліяніе свѣта, и не только просвѣщаетъ тѣла, но проникая и души, давно уже исполнила собою міръ. Однако, не смотря на то, долго пребывало неприкосновеннымъ дѣло нечестивыхъ и не нашлось для его истребленія никого между столькими властителями, кромѣ одного благочестиваго Императора, который не могъ равнодушно перенести такого поруганія святыни. По внушенію Божію, онъ полагалъ, что та часть земли, которая наиболее была опозорена, навпаче должна быть предметомъ его благочестивыхъ заботъ, о ея украшеніи, и по сему повелѣлъ немедленно обрушить все созданное на ней къ обольщенію людей, и самихъ идоловъ низвергнуть, отбросивъ какъ можно далѣе остатки вѣчестія. Но и тамъ не удовлетворялась его ревность; онъ велѣлъ глубоко окопать кругомъ все мѣсто, чтобы

отнюдь не оставалось на немъ земли, оскверненной
требищами.

Тогда открылась первоначальная почва, т. е. святое мѣсто бывшее внизу, и сверхъ всякаго чаянiя просiялъ самый священный памятникъ воскресенiя Господня; пещера, по истинѣ могущая называться святою святыхъ, явила собою нѣчто, подобное воскресенiю Спасителя нашего, когда внезапно опять произошла на свѣтъ, изъ-подъ трехъ вѣковаго мрака; она представила взорамъ народа, стекшагося на сiе утѣшительное зрѣлище, какъ бы самую повѣсть чудесъ, нѣкогда въ ней совершившихся; ибо громче всякаго гласа свидѣтельствовала о воскресенiи Спасителя нашего. Обрадованный Императоръ опредѣлилъ, съ великолѣпiемъ истинно царскимъ, обильныя даванiя, для сооруженiя достойнаго храма, вокругъ спасительной пещеры, и предписалъ начальникамъ областей Восточныхъ, не шадить для сего никакихъ издержекъ; Епископу же Св. града послалъ грамоту, въ коей излилась явственно его, благочестивая вѣра.

«Константинъ, побѣдитель, великiй, Августъ,
Макарiю Епископу Iерусалимскому.

Милость, оказанная намъ Спасителемъ нашимъ, столь чрезвычайна и изумительна, что не достаетъ словъ для ея выраженiя. По истинѣ, что можетъ быть чуднѣе судебъ Его промысла, по концы окрѣпавъ Онъ подъ землею, столь долгое время, памят-

никъ своихъ страданій, доколь не былъ побива-
денъ врагъ благочестія и не освободились вѣрные
служители. Мнѣ кажется, если бы собрали всѣхъ
мудрецовъ и риторовъ вселенной, не могли бы они
сказать ничего достойнаго сего чуда, ибо оно столько
же превосходитъ всякое чаяніе, сколько вѣчная му-
дрость свыше разума нашего. По сему вознамѣ-
рился я возбудить всѣ народы къ принятію
истинной вѣры, съ ревностію достойною дивныхъ
событій, коими она утверждается со дня на день.
Не сомнѣваюсь, что какъ сіе мое намѣреніе уже
всѣмъ извѣстно, такъ и ты вѣришь, что одно
изъ самыхъ пламенныхъ моихъ желаній — укра-
сить великолѣпнѣйшими зданіями мѣсто, которое
будучи свято само по себѣ, освящено еще свидѣ-
тельствомъ страданій Спасителя нашего, и, по воли
Божіей, освобождено было моимъ стараніемъ отъ
требища идольскаго. Поручаю опытности твоей
принять нужныя мѣры, дабы зданіе сіе, величіемъ
и красотою, превзошло все, что только есть вели-
каго и славнаго въ мірѣ. Я повелѣлъ любезному
намъ Дракиліяну, намѣстнику анарха и правителю
области, употребить, по твоему указанію, лучшихъ
художниковъ для сооруженія стѣнъ. Извѣсти ме-
ня, какіе желаешь имѣть мраморы и колонны; а
бы хотѣлъ знать твои мнѣнія: должно ли святы-
нище сіе имѣть потолоки? ибо въ такомъ случаѣ
можно бы ихъ поволотить. Увѣдомь скорѣе назна-
ченныхъ мною савонниковъ, о числѣ строителей и
нужномъ количествѣ денегъ, о мраморахъ, колон-
нахъ и богатѣйшихъ, какія только можно, украше-

вѣхъ, дабы я могъ скорѣе о томъ быть извѣщенъ. Господь да сохранить тебя, возлюбленный братъ *.»

Блаженная Елена, мать Императора, отнесла письмо сіе въ Палестину. Она возбудила въ немъ свѣтъ истинной вѣры **, и умиротворила его приворошь своихъ добродѣтелей. Осьмидесятилѣтній возрастъ не воспрепятствовалъ ей предпринять дальняго пути. Проходя области восточныя, ознаменовала она странствіе свое необычайными милостями ко всѣмъ къ ней прибывавшимъ, деньгами и одеждами надѣляя убогихъ, открывая темницы, возвращая изъ заточенія и рудокопней, ибо такую власть даровалъ ей, съ титуломъ Августы, благоговѣвшій предъ нею сынъ. Въ самой Палестинѣ обнаружилось еще болѣе благочестіе души ея, почестями, какія воздала дѣвамъ, посвященнымъ на служеніе Богу: созвавъ ихъ въ свои палаты, она сама рабски имъ служила, возливая имъ воду и предлагая яства во время трапезы. Столь глубоко была проникнута Царица чувствомъ истиннаго смиренія; въ ея присутствіи совершались работы около святаго вертепа.

Но ревностной Царицѣ желательно было обрести животворящее древо честнаго креста, на коемъ распятъ былъ Господь славы, ибо Голгофа завалена была землею ***, подобно какъ и Св. гробъ; она сокрушалась духомъ о сей утратѣ. Богу угодно было указать, въ сонномъ видѣніи, нѣкоторымъ изъ благочестивыхъ мужей, самое мѣсто гдѣ на-

* Евсевій, житіе Констант. кн. III. ** Теодоритъ, кн. I, гл. 18.

*** Созоменъ, кн. II, гл. I.

ходилъ крестъ. Преданіе говоритъ также, что одинъ изъ Евреевъ, по имени Иуда, уже преклонный годами, сохранялъ письменное свидѣтельство отцовъ своихъ, о томъ, гдѣ обрѣталась святиня Христіанская, и угрозами вынужденъ былъ открыть ее. (Еще другое преданіе дополняетъ, что самъ онъ, обращенный къ вѣрѣ, зрѣніемъ чудесъ, сдѣлался въ послѣдствіи Епископомъ Іерусалимскимъ, подъ именемъ Кириака, но его нѣтъ въ спискѣ Патриарховъ Св. града). Послѣ многихъ трудовъ обрѣтены были въ недрахъ земли, съ сѣвероз-точной стороны Голговы, три креста и начертаніе на трехъ языкахъ, Еврейскомъ, Греческомъ и Римскомъ; но нельзя было распознать, который изъ сихъ трехъ крестовъ послужилъ орудіемъ смерти Спасителю нашему, ибо ветны небрежно брошены ихъ съ Голговы и начертаніе отпало съ древа. Надлежало онять промыслу Божию указать животворящій крестъ Господень, и Епископъ Макарій усмоколъ смятенное сердце Царицы, върою испросивъ знаменіе.

Въ Іерусалимѣ лежала на одрѣ смертномъ одна именитая жена; Святитель велѣлъ принести къ болящей три креста и преклонивъ колѣна со всѣмъ народомъ, такъ помолился: «Ты Господи, единов-роднымъ Сыномъ твоимъ, даровавший спасеніе роду человѣческому, чрезъ крестное его страданіе, и въ новѣйшія времена вложившій въ сердце рабы твоей, искать сіе блаженное древо, на коемъ висѣло спасеніе наше, — Самъ явственно укажи нынѣ, кото-

рый изъ сихъ трехъ крестовъ послужилъ во славу Господней и которые изъ нихъ только для рабской казни? даруй, дабы сія полумертвая жена, однимъ прикосновеніемъ къ спасительному дереву, внезапно возвратилась отъ вратъ смертныхъ къ жизни!» Произнесши сію молитву, Макарій приложилъ къ болящей сперва одинъ крестъ, а потомъ другой, и не было отъ нихъ никакого дѣйствія; но едва прикоснулся къ ней третій, болящая внезапно открыла глаза и, вставъ съ одра, укрѣпилась въ силахъ своихъ, еще болѣе нежели въ прежнемъ состояніи здоровья, и, бѣгая по всему дому, громко преславляла силу Божию. Нѣкоторые говорятъ еще, что и мертвый воскресъ отъ прикосновенія животворящаго дерева.

Историки Сократъ, Созомень, Феодоритъ и Руфинъ, свидѣтельствуютъ повѣсть сію, какъ слышанную ими отъ людей достовѣрныхъ и записанную для благочестиваго преданія потомству. Св. Елена оставила большую часть честнаго дерева Епископу Макарію, заключивъ ее въ серебряный ковчегъ, для храненія въ новомъ храмѣ, дабы всѣ вѣрные могли поклоняться святынь; отсель получилъ начало благочестивый обрядъ воздвиженія честнаго креста, ибо блаженный Макарій, стоя на возвышенномъ мѣстѣ, воздвигалъ оный предъ всѣмъ народомъ; другую часть креста Царица носила къ сыну своему, вмѣстѣ съ обрѣтенными вѣвздыми, изъ которыхъ одинъ онъ вдѣлалъ въ шлемъ свой, для охраненія царственной главы.

* Руфинъ, кн. X, гл. 8.

Видеть съ Епископомъ Макаріемъ ревностно приступила Царица къ исполненію воли сыновней, и надъ самымъ памятникомъ смерти Господней возникъ новый Іерусалимъ, славые древняго, который послѣ убіенія Господня подвергся крайнему запустѣнію за грѣхи народа. Около сего новозавѣтнаго святилища, бывшаго внѣ стѣнъ древняго Іерусалима, быстро образовался новый городъ, и тогда оставлено было языческое имя Эліи Капитолины, данное Адріаномъ. Императоръ воздвигъ трофеей победы, одержанной Спасителемъ нашимъ надъ смертію, говоритъ Евсевій, и сей-то храмъ быть можетъ тѣмъ новымъ Іерусалимомъ, о которомъ провѣщали Пророки и столько писали въ божественныхъ своихъ книгахъ, движимые Духомъ Святымъ.*

Прежде и выше всего украшена была священная пещера, лучшимъ мраморомъ и великолѣпнѣйшими колоннами, какъ вънецъ всего зданія и божественное свидѣтельство того обновленія, которое возвѣстилъ некогда міру, у дверей ея, небеснымъ святомъ возсіявшій Ангель. Изъ внутренности сей пещеры выходили подъ открытое небо, на весьма обширное мѣсто, помость коего устланъ былъ свѣтлымъ камнемъ, а съ трехъ сторонъ возвышались длинныя галлерей; напротивъ входа пещеры, обращеннаго къ востоку солнца, была соборная церковь, зданіе великолѣпное, но чрезвычайной высоты своей, длины и ширинѣ. Внутренность ея убрана была разноцвѣтнымъ мраморомъ, а наруж-

* Евсевій, житіе Констант. кн. III.

ныя стѣны гладкими камнями, столь искусно выровненными, что они ничѣмъ не уступали мрамору, по виду своему и красотѣ. На вершинѣ свода въ крыша охранена была свинцомъ отъ зимней непогоды, а подъ нею потолокъ, составленный изъ брусьевъ изваянныхъ и переплетенныхъ между собою, распространялся, на подобіе обширнаго моря, чрезъ всю церковь и, покрытый чистѣйшимъ золотомъ, озарялъ ее какъ бы лучами свѣта. Съ обѣихъ сторонъ храма, во всю длину его, простирались двѣ двухъярусныя галлерей, съ двойными аркадами, украшенныя также золотомъ по сводамъ. Наружная галлерей, съ лицевой стороны храма, т. е. соборной церкви, поддерживалась огромнѣйшими колоннами, а съ внутренней пиластрами, украшенными съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ. Трое, стройно расположенныхъ вратъ, принимали толпы входящаго народа, лицомъ къ востоку. Напротивъ сихъ вратъ, во главѣ полу-кругія, находился алтарь, увѣнчанный двѣнадцатью столбами, въ честь Апостоловъ Господнихъ и тѣмъ окончивался храмъ; капители ихъ украшались большими чашами, вылитыми изъ серебра, которыя Императоръ посвятилъ Богу своему. Идущимъ оттолкъ къ выходамъ храма, т. е. изъ собора, встрѣчалось опять открытое пространство. Здѣсь съ обѣихъ сторонъ, на первомъ дворѣ, или папертѣ, были галлерей и главныя врата, за которыми, на средней торговой площадѣ, возвышалось преддверіе всего зданія, устроенное съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ, такъ что сквозь него, внутренній

видъ святилища уже поражалъ входящаго; ибо ничего не пощадимъ Императоръ для его украшенія, и невозможно изчислить всѣхъ даяній его, золотомъ и серебромъ и драгоценными камнями.»

Когда сравниваешь сіе великолѣпное описаніе храма Иерусалимскаго съ нынѣшнимъ его состояніемъ, то едва можешь себя вообразить первоначальное его расположеніе; ибо съ тѣхъ поръ онъ нѣсколько разъ былъ опустошенъ и однажды совершенно разрушенъ, Халифомъ Египетскимъ; но знающій мѣстность можетъ отчасти угадать планъ перваго храма. Скажемъ сперва о Св. гробѣ, о которомъ вотъ что пишетъ Патріархъ Иерусалимскій Досіеѣй, въ своей исторіи^{*}; «гробъ Господень есть двойная пещера, поелику, по обычаю Евреевъ, высккали въ камняхъ какъ бы домъ, иногда большой, иногда малый, а внутри дѣлали или одинъ гробъ или нѣсколько, и когда погребали кого нибудь, то ничего не клали сверху, а только дверь закладывали большимъ камнемъ. Такъ и Аримазейскій Іосифъ высккъ себя изъ самороднаго камня гробницу, сперва одинъ покой и далѣе дверь въ другой, а во внутренности оваго, съ сѣверной стороны, сдѣлалъ новый гробъ, въ коемъ положено было безсмертное тѣло Господа нашего, и ничего поверхъ его; внутренняя дверь была открыта, а наружная завалена большимъ камнемъ. Поелику мѣсто, съ котораго срыли землю, было неровно, а пещера Св. гроба низка, то Св. Елена повелѣла все оное мѣсто очистить, доколѣ не об-

* Кн. II, гл. 4.

разовалась большая площадь, такъ чтобы памятнику воскресенія быть посреди оной; Царица велѣла обложить его снаружи мраморомъ, чтобы казался какъ бы построеннымъ внутри стѣнъ внѣшняго храма. Поелику же она повѣсила внутри Св. гроба лампы, то вверху пещеры, изъсѣченной изъ одного цѣльнаго камня, просверлила камень въ разныхъ мѣстахъ для исхода дыма. Вокругъ пещеры на площади построенъ былъ храмъ Воскресенія Христова, новый, предсказанный Пророками Іерусалимъ, и водчимъ его, по сказанію Теофана, былъ нѣкто по имени Евонній.»

Все сіе сходно съ мѣстностію и съ Евсеіемъ, но вотъ гдѣ начинается разность: святая пещера стоитъ теперь внутри храма, подъ куполомъ, который однако не совсѣмъ сведенъ и открытъ сверху; Евсеій же прямо свидѣтельствуетъ, что пещера воскресенія стояла совершенно подъ открытымъ небомъ, на площадкѣ, окруженная только съ трехъ сторонъ галереями. Быть можетъ не посему ли Императоръ Константинъ, прежде построенія храма, спрашивалъ, въ письмѣ своемъ у Епископа Макарія: надобно ли и какого рода дѣлать потолоки? если только это относилось не къ самой соборной церкви, а къ зданію около пещеры Св. гроба. Вѣроятно судили тогда непрямичнымъ, чтобы памятникъ Воскресенія, только что открывшійся міру, былъ опять закрытъ, хотя и сводами храма, и воспоминаніе сего сохранилось донинѣ въ отверстіи купола надъ пещерою.

Главная соборная церковь и теперь находится къ востоку противъ входа въ пещеру гроба, и полукружіе ея олтаря доселѣ сходно съ описаніемъ Евсевія; но тогда она составляла особенное зданіе, примыкавшее только къ галлереймъ, которыя окружали вертепъ гроба, и въ нее входили тремя вратами съ площадки, бывшей около вертепа. Теперь портикъ сей уничтоженъ и замѣненъ такъ называемою царскою аркою; ибо хотя и доселѣ два разные купола надъ церковью и вертепомъ, но они составляютъ нераздѣльный храмъ. Двухъярусныя галлерей, по обѣимъ сторонамъ соборной церкви, и теперь отчасти существуютъ, ибо кругомъ ея идетъ галлерей съ малыми придѣлами, а съ правой стороны возвышается двухъярусная Голгоѳа; но, изъ описанія Евсевія, видна совершенная правильность зданія, которой теперь вовсе нѣтъ, ибо съ сѣвера и востока прилегаютъ бывшій домъ Патриарховъ и монастырь Абиссинскій, а съ полудня къ Голгоѳѣ, монастырь Авраама. Но что весьма удивительно, Евсевій ни слова не упоминаетъ о Голгоѳской церкви, ни о подземной обрѣтеніи креста, при описаніи храма, хотя и говоритъ о нихъ, какъ объ отдѣльныхъ церквахъ, въ похвальномъ словѣ Константину, изчисляя устроенныя имъ въ Палестинѣ святилища. Быть можетъ, описывая только красоту зданія вообще, онъ не упомянулъ отдѣльныхъ частей, и подъ именемъ двухъяруснаго призора разумѣлъ и Голгоѳу, или въ то время еще не было на ней сооружено особенной церкви; и сія часть зданія окончана послѣ. Быть можетъ

еще и то, что св. Голгова была всегда отдельною церковію и только въ послѣдствіи, при Крестоносцахъ, включена въ общее святилище, какъ о томъ пишетъ Вильгельмъ, Архіепископъ Тирскій.

Есть еще одно не совсѣмъ разгаданное мѣсто у Евсевія : это главный входъ. Описавъ соборъ, онъ просто говоритъ, что идущимъ къ его выходамъ встрѣчалось открытое мѣсто, и это можно отнести къ площади около Св. гроба, хотя онъ упоминаетъ еще потомъ о первомъ дворѣ съ галлерейми. Судя по сему описанію, можно бы предполагать, что предъ площадью, бывшею около Св. гроба, находилась еще другая, въ родѣ внѣшняго двора съ западной стороны, т. е. прямо противъ Св. гроба и лежащаго за нимъ собора; но сего кажется, не позволяла мѣстность, ибо Патріархъ Доснеей ясно говоритъ, что храмъ имѣетъ къ западу одну только стѣну, потому что съ той стороны находится гора, и сіе совершенно справедливо, такъ какъ въ ней и доселѣ показываютъ гробы Іосифа и Никодима, изсѣченныя въ скалѣ. Главныя и единственныя врата находятся и теперь съ южной стороны, а на малой площадкѣ, предъ ними лежащей, видны остатки столбовъ, и точно съ сей стороны могла находиться торговая площадь, о коей упоминаетъ Евсевій. А какъ онъ не говоритъ, чтобы главный входъ былъ прямо съ запада, и нѣтъ причинъ предполагать, чтобы его измѣнили въ послѣдствіи, то весьма справедливо можно заключить, что и во времена Евсевія, входъ сей,

... Кн. VIII, гл. 3.

по расположенію мѣстности, находился какъ теперь, съ полуденной стороны.

«Благочестивая Царица» не могла видѣть окончанія заложенаго ею храма; она украсила только вечеру Св. гроба и соорудила два другіе храма: одинъ надъ тою пещерою, гдѣ родился Эммануилъ (съ нами сущій Богъ), другой же на той горѣ, отъ когъ вознесся на небо къ пославшему его Отцу; ибо Господь, нашего ради спасенія, благоволилъ явиться міру въ Вифлеемъ, и сію священную пещеру украсила, со всевозможнымъ великолѣпіемъ, Елена, а немного спустя Императоръ почтилъ ее царственными дарами, золотыми и серебряными сосудами, и драгоценными тканями, не уступая въ щедрости своей боголюбивой матери. Она же, въ память вознесенія Спасителя нашего, воздвигла величественныя зданія на самой вершинѣ горы Масличной, вмѣстѣ съ церковью. Правдивое преданіе свидѣтельствуешь, что близъ сего мѣста находится та священная пещера, въ которой Спаситель наставлялъ учениковъ своихъ тайнамъ царствія небеснаго, и благочестивый Императоръ также почтилъ въ ней Царя всѣхъ многими дарами. (Здѣсь нельзя опять угадать, о какой пещерѣ говоритъ Евсеій: о той ли, которая въ полугорѣ, или о Гевсимапской у ея подошвы?) Сіи два великолѣпные памятника надъ двумя святыми пещерами, въ боя смертную славу своего имени и въ залогъ пламенной любви къ общему всѣхъ Спасителю, оставила по себѣ Царица, и не много спустя, но счастливъ

* Евсев. жит. Констант. гл. III.

вомъ возвращеніи въ объятія своего семейства, достигнувъ крайняго предѣла старости, хотя и въ совершенномъ здоровіи тѣла и духа, перешла она отъ временной жизни къ вѣчной.» Позднѣйшій историкъ Никифоръ приписываетъ еще Царицѣ строгіе многіхъ другихъ церквей въ Палестинѣ, какъ то: въ Геосиманіи и Вифлеемѣ, и на томъ полѣ, гдѣ пастыри слышали гнѣие Ангеловъ славоулавившихъ новорожденнаго младенца и на Иорданѣ, одну въ честь Предтечи около его пещеры, а другую въ честь Іліи Пророка; въ Тверіадѣ, во имя Апостоловъ, также и въ Капернаумѣ на Фаворѣ и на Сіонѣ, гдѣ была тайная вечеря*.

По примѣру благочестивой Елены, и мать Императрицы Фавсты, Евтропія, родомъ изъ Сиріи, посетила святія мѣста и писала къ Императору, о видѣнномъ ею нечестіи при дубѣ Мамврійскомъ, гдѣ некогда Авраамъ оказалъ гостепримство тремъ Ангеламъ**. Мѣсто сіе, на разстояніи десяти часовъ хода отъ Іерусалима, называлось также Тервинѣомъ, по древнему тамъ находившемуся дереву, при коемъ ежегодно совершались торжества идольскія и стекались на торжище купцы Финикійскіе и Аравійскіе, ибо оно было въ глубокомъ уваженіи Христіанъ, Евреевъ и язычниковъ, ради памяти Патріарха и Ангеловъ. Самые язычники приносили имъ жертву, почитая ихъ за боговъ, и, по древнему преданію, сохраняли себя въ совершенной чистотѣ, во все время празднества, опасаясь гнѣва

* Ки. VIII, гл. 30. ** Созоменъ, кн. II, гл. 4.

Базиліа за нарушеніе святости мѣста; но, по причинѣ волѣній идоольскихъ, Христіана не могли черпать изъ колодезя Авраамова. Императоръ, навѣстивъ о томъ, немедленно написалъ грамоту Макарію и другимъ Епископамъ Палестины, кротко упрямая ихъ, что досель терпѣли такое поруганіе святыни. Онъ сообщилъ имъ, что уже предписалъ правителю области, Акакію, сокрушить олтарь, сечь идоловъ и строго наказывать тѣхъ, которые вопреки сего повелѣнія, дерзнуть еще осквернять мѣсто, на коемъ велѣлъ соорудить церковь; Епископовъ же просилъ только извѣщать его о безпорядкахъ, если еще какіе произойдутъ. Во исполненіе воли Императора, воздвигнута была великолѣпная церковь у дуба Мамврійскаго, надъ двойною пещерою Хевронскою, гдѣ погребены Патріархи Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ.

Императоръ велѣлъ соорудить и другія церкви, въ разныхъ мѣстахъ Палестины, ознаменованныхъ событіями Евангельскими. Совершителемъ благочестивой воли его былъ некто Іосифъ, родомъ изъ Виревъ Гиверіадскихъ, возведенный имъ въ достоинство комита и, по дивному промыслу, обращенный къ свѣту Христову. Патріархъ Іудейскій Гиллея, помощокъ знаменитаго Газавилла, чувствуя приближеніе своей кончины, призвалъ, въ качествѣ врача, соседняго Епископа Христіанскаго и, подъ предлогомъ бани, принялъ отъ него въ купели св. крещеніе. Онъ оставилъ по себѣ преосвященномъ малолѣтняго сына, подъ опекою Іосифа, который тайнѣмъ видѣлъ крещеніе.

пленіе Патріарха, и еще болѣе убѣдился въ истинѣ, когда отважившись проникнуть въ его сокровищницу, нашель въ ней, вмѣсто золота, Евангеліе и другія священныя книги. Самъ Господь явился ему, въ сонномъ видѣніи и сказалъ: «Я: Іисусъ, котораго распяли отцы твои, вѣруй въ меня.» Многія болѣзни посѣтили его съ такими же таинственными видѣніями; но еще долго не смягчалось сердце Іосифа, даже когда и самъ онъ, по небесному внушенію, исцѣлилъ знаменіемъ крестнымъ, одного бѣснуемаго. Наконецъ жестокія гоненія, со стороны единоплеменниковъ, обратили его къ Богу истинному и онъ, принявъ крещеніе, явился ко двору Императора Константина. Тамъ испросилъ себѣ позволеніе строить церкви въ селеніяхъ Іудейскихъ, и первую соорудилъ въ своемъ отечествѣ Тиверіадѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ исцѣлилъ Спаситель тещу Петрову.

Любопытно заглянуть въ путевыя записки современнаго поклонника западнаго, изъ Бурдигаліи, который посѣтилъ Св. мѣста въ 333 году, чтобы видѣть въ какомъ видѣ онъ ихъ засталъ: «когда идешь отъ Сіона къ вратамъ Неапольскимъ, съ правой стороны въ долину, есть арна, гдѣ былъ домъ или преторій Понтія Пилата, и гдѣ предсталъ на судилище Господь, прежде своей страсти; съ лавой же стороны холмъ Голговы, на коемъ распятъ былъ Господь: оттолъ какъ бы на вѣрженіе назва есть пещера, гдѣ положено было тѣло его и на третій день воскресло. Тамъ, же повелѣнію Импери-

: Елисація о сретельі ХХХ. . . . .

! . . . .!

ратера Константина, сооруженъ храмъ чрезвычайной красоты, имѣющій по сторонамъ водохранилища, отколы печернается вода, а позади купели, гдѣ омываютъ дѣтей. Идущимъ также, отъ Иерусалима къ вратамъ восточнымъ, чтобы подняться на гору Элеонскую, представляется долина, именуемая Юсафатовою, гдѣ по лѣвую сторону есть виноградники: тамъ Иуда предалъ Христа; съ правой же стороны пальмовое дерево, съ котораго дѣти срывали вѣтви, чтобы подстилать ихъ грядущему Христу. Потомъ восходишь на гору Элеонскую, гдѣ Господь наставлялъ своихъ Апостоловъ; прежде страданій, и тамъ сооружена церковь повѣльемъ Константина. Далѣе къ востоку село, именуемое Виванія, и пещера, гдѣ положенъ былъ Лазарь, воскрешенный Господомъ.* Путешественникъ говоритъ еще о Вивелемъ и Хевронъ, гдѣ по приказанію Императора, сооружены также великолѣпные храмы, сходно съ показаніемъ Евсевія.

Уже окончено было великолѣпное святилище воскресенія Христова въ Иерусалимъ, но перваго его строителя не было въ живыхъ. Другой исповѣдникъ Мансимъ, посвященный Макаріемъ въ Епископа Лидды, былъ удержанъ народомъ на его жандеръ. Онъ ходилъ вмѣстѣ съ прочими Епископами въ Тиръ, для сужденія великаго Адамасія Александрійскаго, котораго оклеветали Аріане, и тамъ еще однажды исповѣдалъ правую вѣру свою предъ лицомъ всего собора: Св. Понувій, Епископъ Оивандскій, другъ Асаян-

* Vol. III. Itinéraire de Chateaubriand.

сіевъ, увидѣвъ блаженнаго Макариа, взялъ его за руку и сказалъ: «такъ какъ ты носишь одинаковые со мною знаки и каждый изъ насъ потерялъ по одному глазу за Госнода Иисуса Христа, то я не могу видѣть тебя сидящимъ въ этомъ собраніи.» Онъ вывелъ его съ собою и, открывъ ему все козни противъ великаго Аванасія, побудилъ возвратиться въ Іерусалимъ.

Между тѣмъ Императоръ, достигнувъ тридцатилѣтней эпохи своего царствованія, почелъ время сіе самымъ приличнымъ, для возблагодаренія Царя всѣхъ за всѣ оказанныя ему милости, освященіемъ созданнаго имъ храма. Грамотою царскою повелѣлъ онъ собору, бывшему въ Тирѣ, немедленно идти въ Іерусалимъ, и мѣсто сіе внезапно исполнилось собраніемъ Епископовъ всея вселенной: ибо и Македоняне послали туда своего предстоятеля, и жители Мидіи и Панноніи, недавно обращенные къ Богу, лучшей цвѣтъ своего племени. Присутствовалъ тамъ и украшеніе Епископовъ Перскихъ, Іаковъ, мужъ святой и опытный въ божественныхъ писаніяхъ. Изъ Вонніи и Фракіи Епископы почтили своимъ лицемъ собраніе; тамъ были и святители Киликіи и Каппадокіи, славные ученостію и краснорѣчіемъ. Вся Сирія, Месопотамія, Финикія и Палестина, весь Египетъ, Аравія и Оманда, сошедшись воедино, составили одинъ священныи ликъ. За ними послѣдовало безчисленное множество народа изъ всѣхъ областей, и всѣ они угрощались на счетъ казни царской, ибо нарочіе при-

* Евсев. жизнь Констант. кн. IV.

славы были для надела Императора мужи почетные для них приёма. Надъ ними начальствовалъ сановникъ, близкій къ Царю, именитый вѣрою и ученіемъ, который во времена гоненій много разъ былъ изнѣдникомъ и вполне заслуживалъ такое назначеніе. Онъ съ щедростію, истинно царскою, принималъ многочисленныхъ Епископовъ, убогихъ же изъ народа раздавалъ милостыню, пищу и одежды, а самую церковь украсилъ неоцѣненнымъ дарамъ. Служители Божіи провождали дни торжественныя, частію въ молитвѣ, частію въ проповѣди слова Евангельскаго; нѣкоторые восхваляли благодарность Императора, къ общему всѣхъ Спасителю, и величіе храма; другіе услаждали слушателей духовною трапезою догматовъ богословія; нѣкоторые толковали тексты Св. писанія и проясняли глубокой смыслъ таинствъ. Кто же не въ состояніи былъ проповѣдывать, тотъ безкровными жертвами умолялъ Бога; о мирѣ всего міра и благосостояніи святыхъ Божіихъ Церквей и о благочестивомъ Императорѣ. Такъ, по описанію Евсевія, совершилось обновленіе храма Иерусалимскаго въ 13 день Сентября 335 года; оно продолжалось въ семь дней, какъ нѣкогда обновленіе Соломонова, и съ сего времени Церковь не престаётъ праздновать день сей, наканунѣ воздвиженія честнаго креста. Патріархъ Иерусалимскій Досіеѣй пишетъ, что поклоненіе Св. кресту приносили и во дни Пасхи, по случаю явленія особеннаго свѣта на гробъ Христовомъ, и что, такое же поклоненіе бывало,

ради многочисленнаго собранія вѣрныхъ, въ время воскресеніе великаго поста.

Онъ же, въ своей исторіи, вѣроятно по известному преданію, говоритъ, что великій Афанасій, убѣжавъ изъ Тира, прежде нежели явился Императору въ Константинополь, посѣтилъ втайнѣ Іерусалимъ, и по провидѣнію Божию, сдѣлалъ обновленіе Св. гроба, вмѣстѣ съ Епископомъ Максимомъ, чтобы онъ не былъ обновленъ Аріянами. Но хотя Арій и принятъ былъ въ общеніе, на соборѣ Іерусалимскомъ, однако большая часть Епископовъ не раздѣляли его мнѣній, а только были обмануты его мнимою покорностію догматамъ Церкви. Четырнадцать лѣтъ спустя, Максимъ Іерусалимскій имѣлъ утѣшеніе принять въ Св. градъ великаго исповѣдника Афанасія, со славою возвратившагося изъ своего долгаго изгнанія; всѣ Епископы Палестины, числомъ до шестнадцати, кромѣ двухъ закосячлыхъ въ Аріанствѣ, Акакія Кесарійскаго и Патрофила Скиеопольскаго, собрались въ Іерусалимъ, для свиданія съ защитникомъ православія, и написали соборно поздравительную грамоту Епископамъ Египетскимъ, о радостномъ возвращеніи ихъ Архипастыря.

«Святый соборъ, соединившійся въ Іерусалимъ, пресвитерамъ и діаконамъ, и вѣрнымъ Египта, Ливіи и Александріи, нашимъ возлюбленнымъ братьямъ, во Христѣ радоватися».

Никогда не возможемъ мы, возлюбленные братья, воздать Богу, творцу и блюстителю всѣхъ

тварей, должныя хвалы, за дивныя дѣла его во всякое время, и наипаче нынѣ, за тѣ, какія оказалъ вашей Церкви, возвративъ ей пастыря вашего Аѳанасія, сослужителя нашего смиренія. Кто когда либо надѣялся на такую милость? но Господь сжалился надъ вашею Церковію, исполнивъ молитвы ваши, видѣвъ плачу и воздыханіямъ. Вы были какъ овцы заблудшія и разсыяныя, не имѣвшія пастыря; но истинный Пастырь, пекущійся о стадѣ своемъ, воззрѣвъ на васъ съ высоты и далъ вамъ того, кого пожелали. Мы же, ищущіе только мира церковнаго и вполнѣ единомысленные съ вами, для его сохраненія, мы приняли его отъ всего сердца и просили доставить вамъ письмо сіе, въ коемъ изъявляемъ радость о его возвращеніи, дабы вы знали, что мы находимся съ нимъ въ общеніи. Праведно вамъ вознести молитвы къ Богу, о благочестивыхъ Императорахъ, которые признавъ его невинность и желаніе ваше паки имѣть Аѳанасія, возвратили его вамъ, съ такою для него почестію; и такъ примите его съ радостію и воздайте хвалу Богу, чрезъ Іисуса Христа Господа нашего, имъ же слава Отцу во всѣ вѣки.»

IV.

СВЯТИТЕЛЬСТВО СВ. КИРИЛЛА ИЕРУСАЛИМСКАГО.

Вскорь послѣ сего скончался блаженный Епископъ Максимъ, и еще болѣе именитый пастырь, Св. Кириллъ, возсѣлъ на кафедрѣ Иерусалимской. Начало его святительства ознаменовано было небеснымъ явленіемъ креста, которое донынѣ празднуется Церковію вселенскою 7 Мая, въ незабвенную память утѣшительнаго событія, обратившаго многихъ Иудеевъ и язычниковъ къ свѣту Христову. Св. Кириллъ извѣстилъ о томъ грамотою Императора Константія.

«Во дни, блаженныя памяти, родителя твоего Константина, обрѣтено было въ Иерусалимѣ спасительное древо креста Господня, когда онъ, имѣя величайшую ревность къ благочестію, чрезъ содѣйствіе божественной благодати, открылъ сокровенныя святыя мѣста; при тебѣ же, о благочестивѣйшій Государь, уже не изъ земли, а съ неба чудеса бывають, ибо въ сіи святыя дни Пятидесятницы,

соданнаго числа Мая, около третьяго часа дня, доразставивше знаменіе шобды Господа нашего надъ крестомъ, величайшій крестъ, весь олицинный надъ врата, явился надъ святою Голгофою, простирались даже до святой горы Масличной, и видимо были чрезвычайно ясно, не однимъ или двумя человеками, но цѣлымъ народомъ всего города. — Это не было, какъ бы могли полагать, дивное преходящее явленіе, потому что многіе часы оно продолжалось надъ землею, видимо для всѣхъ и арче солнца, когдѣ свѣтъ конечно бы затмылъ оное, еслибы свѣтъ отъ креста не испускалъ болѣе яркихъ лучей. Немедленно весь народъ собрался въ церкви, со страхомъ и радостію: старцы и юноши, мужи и жены и даже удивленные дѣвы, Христіана, туземцы и пришельцы, и язычники со многихъ мѣстъ стеклись. Вся единогласно восхваляли Господа нашего Иисуса Христа, единороднаго Сына Божія, совершителя дивныхъ, видя на опытъ истину Христіанскаго ученія, не отъ чужеземцевъ только возвышаемаго, но съ небесъ отъ Бога свидѣтельнаго. Св. Кириллъ заключилъ письмо свое, благоговѣннымъ желаніемъ, дабы Императоръ всегда восхвалялъ святую и единственную Троицу, чинъ ясно засвидѣтельствовалъ онъ немилосердную враждебность своею къ снвному врагъ Никейскаго собора, противъ котораго возставали тогда Аріяне. Разность сего благодѣянаго Царствяна къ православію обратилась въ все огласительныхъ божественныхъ соборыя донесе плушати лучшими цает-

многую догматическую учения и боголюбивых обрядов того времени. Св. Кирилл произнесъ въ храме воскресенія, или на Голгоѣ, часто приводя ее и Св. гробъ во свидѣтельство истинны евангельской. Нѣсколько свидѣній, о святыхъ мѣстахъ, можно потерпнуть, изъ его поученій. «Господь истинно былъ распятъ за грѣхи наши, говоритъ Св. Кирилл; еслибы ты закотилъ отвергнуть сіе, то видное нами мѣсто обличило бы тебя, сія блаженная Голгова, на которой собрались мы теперь, ради распятаго на ней, да и вся вселенная имѣетъ уже части честнаго древа.» — Голгова означаетъ лобное мѣсто, и не пророчески ли наименовано Голговою то мѣсто, гдѣ претерпѣлъ крестъ истинная глава Христею, о коемъ говоритъ Апостолъ: «иже есть образъ Бога невидимаго,» и дѣлаетъ «той есть глава тѣлу Церкви.»** Какъ знаменательно сіе пророческое наименованіе! — Да будетъ тебѣ крестъ первыйъ незыблемымъ основаніемъ, и на ономъ создай все прочее ученіе въры; не отрекайся распятаго, ибо если отречешия, то многое обличитъ тебя: — преторія Пилата, запустѣвшая нынѣ силою распятаго; сія святая возвышавшаяся Голгова, видная и до днесь, и донынѣ возвышающаяся, какъ распалась тогда для Христа камни; вблизи находившаяся гробница, въ которой оны положены былъ, и при вкдѣ камень, доселѣ лежавшій при гробницѣ. Крестъ собралъ всѣхъ, и донынѣ всцѣляетъ болѣзни, прогоняетъ злыхъ духовъ, расцветаетъ болѣзненія.*** — Желешь ли

* Оглаш. IV. ** Колю. I. 14—16. *** Оглаш. XIII.

вѣсть и о мѣстѣ воскресенія? продолжатъ Св. Кириллъ. — Самъ Господь говорить въ жизни, устами Соломона: «въ востокъ градъ оубо въ видоухъ» ибо тамъ сядь: бнль, гдѣ онъ раскиятъ; хотя те перь мѣсто сіе весьма украшено царскими дѣрами, но прежде оно было садомъ; признаки сего и даже остатки еще досель находятся. «Постерпи мѣня, платиголь Господь, устами другого Пророка Соевннн, ** въ день воскресенія моего во свидѣтельство.» — Видишь ли, что Пророкъ предвидѣлъ и мѣсто воскресенія, называемое Мартиріонъ, свидѣтельство: ибо по какой причинѣ сіе мѣсто Голгооты и воскресенія не зерновію называется, какъ другія зеркви, но Мартиріонъ? — вѣроятно на основаніи словъ Пророка: «въ день воскресенія моего во свидѣтельство.» Откуда же возсталъ Спаситель? — въ пѣсни пѣсней говоритъ онъ: «возстанн, прннди ближняя моя, въ покровъ каменнв.»*** Покровомъ каменнымъ онъ назвалъ пещеру, находившуюся тогда предъ дверью гроба Спасителя, и въ томъ же самомъ камиъ изсвѣченную, какъ обыкновенно здѣсь дѣлается при гробахъ. Теперь ее не видно, (т. е. преддверія), ибо пещера она изсвѣчена была тогда предъ гробомъ для нужнаго украшенія, и прежде нежели благоговѣнная царская любовь устроила гробъ, пещера: находилась предъ камнемъ (т. е. утесомъ гроба). Но гдѣ камень, при которомъ пещера? Среди ли города онъ лежитъ, или при стѣнахъ на концѣ города? въ старыхъ ли стѣнахъ онъ находится, или въ оврагѣ

* VI. 40. ** III. 8. *** II. 40. 44.

предъ стѣнами, волею сдѣланной? — На сіе оны отвѣчаютъ въ писемнѣ: «въ востроу каменнъ блже стины.» Много свидѣтелей воскресенія Спасителя: каменъ гробовый, его выстиранный, и оны прогнаны: станутъ въ лице Иудеямъ, ибо видѣлъ Господа, и каменъ отваленный, который и доселѣ лежитъ: будетъ также свидѣльствовать о воскресеніи.» Такими образомъ Св. Кирилъ, вступившій на наседру въ 351 году, 16 лѣтъ послѣ освященія храма, воздвигнутаго Императоромъ Константинемъ, дополняетъ нашъ сказанное о святыхъ, историкомъ Евсеіемъ, свидѣльствуя о Св. гробѣ и Голгоѣ, и о томъ, что мѣста оны находились въ отъ нами древняго Іерусалима, около коихъ образовался новыи городъ.

Патріархъ Десноей** относитъ къ памяти блаженнаго Кирилла и нудо честнаго креста, который не только сохранился дѣлнымъ въ землѣ 300 лѣтъ, но и не умаляясь могъ раздѣляться во все части міра, ибо вотъ что рассказываетъ блаженный Епископъ Павлицъ, въ 4 письмѣ своемъ: «крестъ, хотя вещество безчувственное, однако спасаетъ, и.е. имѣетъ животворящую силу; по сему, со времени обратенія его, дается въ благословеніе Христіанамъ, для общей пользы душъ, по дѣйствию Божественной благодати, не подлежа истязнію или сокращенію, но оставаясь неизмѣннымъ, и.дѣлнымъ: будучи раздѣляемъ, онъ не уменьшается и, опять всецѣло чувствуется съ благовѣіемъ, и.вѣрою; ибо

* Оглаш. XIV. ** Ки. М. гл. II.

какъ величественную силу, такъ и несокрушимую твердость, получивъ отъ тере, званъ правивъ блочу набоженъ, и влеть когото на немъ страдала, но не видѣла истлѣнія.» — Кто не знаетъ древняго обычая Иерусалимской Церкви, тотъ не можетъ понять олеву снхъ: ибо издавна приходивше на поклоненіа Св. ивстанъ увосили съ собою какую либо часть нествано древа, во свидѣтельство благочестиваго странствія. Повидимому, древо сіе и умножалось въ той же мѣрѣ, въ какой было раздробляемо и раздаваемо Архіереемъ Иерусалимскимъ, подобно макъ и пать ягъбовъ, манитившіе пать тысячъ человекъ въ пустыни; умножались въ рукахъ Апостоловъ, иль раздававшимъ народу, или какъ милостыня, не оскудѣвающая въ руцъ дающаго.

Милостыня Св. Кирилла и его православіе: немлекле и на это гоненіе, во время долгой бури Арианской, колебавшей востокъ и западъ. — Преславный историка Евсевія, на воеаръ Кесарійской, Епископъ Акакій, составлялся съ Св. Кирилломъ за свои мнѣныя права епархіальныя, и вадумалъ подчинить Апостольскій престолъ Иерусалима митрополіа Кесарійской, какъ областному городу; но тайнодо причиною его вражды было то, что православный Пастырь, сходно съ догматами Никейскаго собора и вопреки лжеученія Арианскаго, не пофодовалъ Сына Божія единосущивымъ Отцу. Акакій, воеаръ и самъ извлеченный съ воеары, вепредставленъ собора Сардиійскаго, потребовавъ ли себя на судъ Св. Кирилла, который не почелъ нужнымъ явиться. — Тогда Акакій заочно осужденъ

его за то, что не предсталъ на судъ и за разкнѣненіе будто бы вѣсны церковной; ибо милостивый пастырь, въ годовую годину, по недостатку денегъ, продалъ нѣсколько утварей церковныхъ, для пропитанія убогихъ. — Св. Кириллъ возважалъ къ большому собору для своего оправданія, но гонитель не удовольствовался однимъ осужденіемъ; онъ изгналъ изъ Іерусалима законнаго пастыря, который принужденъ былъ удалиться сперва въ Антиохию, а потомъ въ Тарсъ; тамъ благочестивый Епископъ Сильванъ, не смотря на угрозы Акакія, раздѣлялъ съ гонимыми заботы церковныя. Пять лѣтъ продолжалось изгнаніе Св. Кирилла, однажды оправданный на соборѣ Селевкійскомъ, онъ опять былъ осужденъ Аріянами въ Константинополѣ, и даже на его мѣсто поставленъ другой Епископъ, по имени Иринея. — Смерть Императора Константія прекратила гоненія; отступникъ Іуліанъ, провозглашенный языческими легіонами, желалъ сперва показывать равнодушіе философа къ вѣрѣ Галилея, какъ онъ называлъ Христіанъ, и велѣлъ возвратити всѣхъ Епископовъ на прежнія катедры; но сіе мнимое равнодушіе обратилось вскоре въ жестокое, хотя и болѣе скрытное гоненіе, ибо онъ хотѣлъ искоренити вѣру, имъ оставленную, и только показавъ миру безсиліе язычества.

По ненависти къ Христіанамъ, Іуліанъ жестоко вѣдствовалъ Евреямъ; онъ простилъ имъ многія подати и благосклонно писалъ къ нимъ Тиверіадскому Патріарху, называя его достопочтеннымъ бравомъ, ибо на его молитвы возлагалъ свои на-

двѣды, о успѣхъ войны съ Персами, и вместе съ ними желалъ воздать славу Богу, Іудейскому въ Іерусалимѣ. Отступникъ обещалъ даже, врагамъ Христовымъ, возстановить для нихъ отечественный храмъ; но любви своей къ жертвоприношеніямъ, онъ спросилъ однажды Евреевъ почему не исполняютъ законныхъ обрядовъ? и они отвѣчали, что жертвы ихъ могутъ быть пріятны Богу только въ одномъ Іерусалимѣ. Іуліанъ имѣлъ цѣль, сооруже- ніемъ храма, явить ложнымъ пророчество Давида, о конечномъ его запустѣніи, и пророчество Хри- стово о томъ, что не останется камня на камнѣ отъ древняго святилища. Онъ собралъ лучшихъ художниковъ, для строенія храма Іудейскаго, какъ нѣкогда великій дѣдъ его Константинъ, для храма Христова воскресенія, и, поручивъ некрещеному дру- гу своему Аліпію наблюденіе за работами, не ве- галъ падать никакихъ издержекъ.

Со всѣхъ сторонъ стеклись обрадованныя Евреи въ Іерусалимъ, ругаясь надъ Христіанами и угрожая нанести имъ еще болѣе вреда, нежели нѣкогда отцы ихъ нанесли Римлянамъ, какъ будто бы уже царство ихъ возстало во всей своей силѣ. Жены Карейскія лишили себя драгоценнѣйшихъ украше- ній, чтобы участвовать въ необходимыхъ издерж- кахъ для строенія, и сами носили злато въ бога- тыхъ своихъ одеждахъ; говорятъ даже, что шедъ устраивать для благочестиваго подвига серебряныя лозы и корзинны. Но Св. Кирилль, недавно воз- вратившійся изъ своего изгнанія, спокойно смотрѣлъ на всѣ сіи суетныя приготовленія, твердо вѣруе

въ неспроможность словъ Христовыхъ, и въ присутствіи многихъ сказалъ: что пророчества сія скоро исполнятся надъ новымъ храмомъ, отъ котораго не останется также камня на камне*.

Когда ископали основаніе, печально сдвинутый съ мѣста камень, обнаружилъ устье пещеры, священной въ скаль. Опущенный въ нее каменщикъ погрузился въ воду до коленъ и, простирая въ темноту руки, осязалъ столбъ, возвышавшійся поверхъ воды, а на немъ книгу, обитую тонкимъ подотномъ. Онъ подалъ знакъ, чтобы его опять извели изъ пещеры, и всѣ изумились; увидя, какъ могла сохраниться книга невредимою въ такой сырости; но общее удивленіе умножилось, когда язычники и Іудеи, раскрывъ книгу, прочли въ ней начертанное большими буквами: «въ началъ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово;» книга сія была Евангеліе отъ Іоанна**.

Аліпій, другъ Іуліанова, жившій съ правительствъ области, старался подвинуть работы, но по свидѣтельству даже языческаго писателя, Амміана Марцеллина***, страшные огненные шары, исторгавъ непрерывно изъ самыхъ основаній, сдѣлали мѣсто неприступнымъ вѣсколько разъ обжигала работниковъ, такъ что они принуждены были наконецъ оставить напрасный трудъ. По свидѣтельству же Христіанскихъ писателей, послѣ пророчества Св. Кирилла, наканунѣ того дня, въ который готовились приступить къ строенію, страшное землетрясеніе

* Сократ. кн. III, гл. 20. ** Филост. кн. VII, гл. 14.
*** Ам. ХСІІ, f.

внезапно разметало не только оставшіеся кибитки древняго храма, но и окрестныя зданія. Множество Евреевъ было подавлено и ранено въ обрушившихся галлерейхъ, гдѣ они временно поселились, и бурный вихрь разнесъ далеко песокъ, известь и камни; въ тоже время воспылавшій внезапно огонь истребилъ совершенно всѣ орудія, собранныя для предпринимаемаго труда, и на другой день пламенные потоки, исторглись изъ-подъ земли, разлились по всей площади и погубили многихъ Евреевъ, которые сбѣжались на сіе дивное зрѣлище. На слѣдующую ночь новое знаменіе ихъ поразило: свѣтлый крестъ явился на небѣ и темныя кресты на одеждахъ строителей, которые они напрасно старались стертъ. Тогда многіе изъ нихъ невольно исповѣдали Христа, распятаго ихъ отцами, и просили Св. крещенія, другіе же, болѣе ожесточенные, возвратились въ домы свои, ожидая еще большей казни; обратились къ Богу и нѣкоторые изъ язычниковъ. Такъ совершенно разрушился храмъ Іудейскій, вѣсто того чтобы возникнуть, и хотя чудо сіе, по словамъ Θεодорита, было такъ гласно, что не могло не дойти до слуха Іуліанова, но отступникъ ожесточился, подобно Фараону, и вскорѣ погибъ отъ стрѣлы Персовъ. Если же кто либо сомнѣвается въ семь чудъ, присовокупляетъ историкъ Созомень, жившій нѣсколько времени спустя**, пусть спроситъ у тѣхъ людей, которые это слышали отъ самихъ очевидцевъ, и даже у Евреевъ и

* Сопр. Θεодор. кн. III, гл. 20. ** Кн. V, гл. 22.

дьячковъ, коихъ отцы принимали дѣло, но не могли окончить, или лучше сказать, не могли даже и начать. О томъ же свидѣтельствуеъ и краснорѣчивый современникъ Іуліана, Св. Григорій Богословъ, въ обличительномъ словѣ своемъ противъ отступника, и симъ дивнымъ знаменіемъ укоряетъ невѣрующихъ.

Новая буря Аріанская, волновавшая Востокъ, въ теченіи четырнадцати лѣтняго царствованія Императора Валента, миновала однако Св. Кирилла. Онъ остался неприкосновеннымъ на Апостольской кафедрѣ Іерусалима, ко благу паствы, и даже имѣлъ утѣшеніе посвятить племянника своего Геласія на кафедру Кесарійскую, которая одно время спорила о первенствѣ съ матерію всѣхъ Церквей, Сиономъ. Второй вселенскій соборъ ста пятидесяти Епископовъ, въ числѣ коихъ былъ и Св. Кириллъ, созванный въ Константинополь благочестивымъ Императоромъ Θεодосіемъ, навсегда упрочилъ самостоятельность престола Іерусалимскаго; ибо онъ строго запретилъ, чтобы областные Епископы простирали власть на Церкви, за предѣлы своихъ областей, и подтвердилъ прежнее правило перваго вселенскаго собора, о достоинствѣ Іерусалимской Церкви: «послику утвердилось обыкновение и древнее преданіе, чтобы чтить Епископа, пребывающаго въ Элліи, то да имѣетъ онъ наследованіе чести, съ сохраненіемъ достоинства, присвоеннаго митрополіи*.»

* Пр. 7.

V.

ИНОЧЕСТВО ВЪ ПАЛЕСТИНѢ.

Св. Харитоній и Иларіонъ великій.

Долгое святительство Кирилла ознаменовалось утѣшительнымъ явленіемъ иночества въ Палестинѣ, которое вскорѣ исполнило все ея каменистыя пустыни; отшельники стали прославлять Бога, въ дикихъ ущеліяхъ, служившихъ дотола берлогами для звѣрей. Три самые цвѣтушіе вѣка жизни иноческой, съ половины четвертаго столѣтія и до разореній Сарацинскихъ, оставили по себѣ высокую лѣтопись того совершенства, до какого можетъ, съ помощію благодати Божіей, достигнуть природа наша, и столь необычайная эпоха житія, болѣе ангельскаго нежели человѣческаго, достойна особеннаго вниманія; она переноситъ насъ въ совершенно иной, духовный міръ, которому теперь мы только издали удивляемся и часто не хотимъ вѣрять, потому что сами не въ силахъ подражать ему. Но сіе невѣріе горько и постыдно для души нашей, ибо оно показываетъ, до какой степени мы упали духовно, въ сравненіи съ тѣми, которые совершенно себѣ покорили земную свою оболочку,

влекущую насъ долу, и сдѣлались чрезъ то истинными владыками міра.

Первымъ изъ сихъ отшельниковъ почитается въ Палестинѣ Св. Харитоній*, который исповѣдалъ имя Христова, еще во времена Императора Аврелиана, въ исходѣ третьяго вѣка, и потомъ посѣдилъ Іерусалимъ. Господь испыталъ однажды вѣру его, въ продолженіи сего благочестиваго странствія. На разстояніи двухъ часовъ отъ Св. града къ Іерихону, онъ впалъ въ вертепъ разбойниковъ, но видимое покровительство Божіе спасло Харитонія, ибо змѣй, вползшій въ пещеру, нечаянно отравилъ напитокъ разбойниковъ и всѣ они погибли. Сдѣлавшись такимъ образомъ наследникомъ собраннаго ими богатства, онъ употребилъ его на благія дѣла, раздавъ частію убогимъ, частію же обративъ на устроеніе церкви въ той самой пещерѣ, гдѣ былъ спасенъ отъ смерти. Долго оставался онъ одинъ въ своемъ вертепѣ; нѣкоторые изъ Христіанъ, бѣжавшихъ отъ гоненій на берега Мертваго моря, мало по малу собрались около его пещеры, и образовали въ послѣдствіи славную лавру Фаранскую, давшую много великихъ мужей Палестинѣ.

Строгая жизнь первыхъ отшельниковъ протекала, подъ назиданіемъ духовнаго отца ихъ, въ непрестанной молитвѣ, пѣніи псалмовъ и работѣ. Устроивъ ихъ обитель, Харитоній искалъ себѣ опять уединенія въ другой пещерѣ, близъ Іерихона, гдѣ питался только дикими травами, но и

* Четьи Минея, 29 Сентября.

тамъ извѣстїя болѣе: обнаружилъ славу его, и около него составилась новая лавра, названная Иерихонскою. Оттолкъ, еще удаленъ въ пустынныхъ окрестности Экви, на родину Пророка Амоса, но и туда стеклись къ нему ученики, и произошла новая лавра, подъ именемъ Сухумской. Наконецъ святой отшельникъ укрылся въ малую разсѣлину горы, вистѣвшую надъ бездною, чтобы совершенно посвятить себя богомыслию, и тамъ пребывалъ, доколѣ Господь не извѣстилъ его, о приближающейся кончинѣ; тогда спустился изъ вертепа въ первую свою лавру Фаранскую, гдѣ вѣкогда чуднымъ образомъ сохранилась его жизнь; возбуждая умѣнцовъ своихъ къ новымъ подвигамъ и предсказавъ имъ бурю Аріяцкую, онъ предалъ праведную душу Богу, въ глубокой старости. Это было около 340 года; но три его лавры прославились только въ исходѣ четвертаго столѣтїя.

Не Харитоній однако, а другой отшельникъ Иларіонъ великій, почитается отцемъ многочисленныхъ въ Палестинѣ, подобно какъ и великій Антоній въ Египтѣ. Святой Иларіонъ родился въ селенїи близъ Газы, въ исходѣ IV вѣка, отъ дѣйческаго семейства, какъ роза между терній, по словамъ блаженнаго Иеронима, описавшаго его житїе. Въ Александріи, куда отпустили отрока для посвященїя мірскими науками, просвѣтился онъ святымъ Христовымъ, при самомъ началѣ жестокаго

... *Niq. des pères du désert de l'Orient, L. II, ch. 1. Michel Aug. Magin, Paris, 1850.* Четьи Мелод. 28 Октября.

гоменія Діоклетиана, которое не поколебало его вѣры. На шестнадцатомъ году отъ рожденія, услышавъ о вѣческихъ подвигахъ великаго Антонія, юноша оставилъ мѣръ, чтобы научиться духовной жизни, подъ его назиданіемъ; но вскорѣ, испуганный множествомъ притекавшихъ къ святому аввъ, онъ возжелалъ большаго уединенія и, съ благословеніемъ Антонія, возвратился въ Палестину, гдѣ предназначено ему было просіять жизнью пустынною.

Слѣдуя заповѣди евангельской, онъ роздалъ все свое имѣніе братьямъ и убогимъ, оставивъ себя небо единственнымъ наслѣдіемъ, и поселился въ обширной пустынѣ, между Газою и Египтомъ, недалеко отъ приморскаго города Маіумы. Напрасно удерживали его родственники и друзья, представляя мѣсто сіе опаснымъ по разбоямъ; Иларіонъ говорилъ имъ, что боится только убивающихъ душу, и въ столь нѣжномъ возрастѣ сталъ измощать тѣло свое строгими постами, переносилъ зной и непогоды, въ одной кожаной одеждѣ, данной ему великимъ Антоніемъ. Сперва не имѣлъ онъ постоянного жилища, сплетая себѣ шалаши изъ тростника, потому что принужденъ былъ переходить изъ одного мѣста въ другое, отъ частаго нападенія разбойниковъ. Однажды они искали его цѣлую ночь и, нашедши только поутру, спросили: «что бы онъ сдѣлалъ, если бы на него напали?» — отшельникъ отвѣчалъ: «что ничего немнѣющему не страшны разбойники.» — «А если бы тебя убили?» еще спро-

спаси они; «не боюсь и смерти, потому что я къ ней приготовленъ,» опять отвѣчалъ пустыяникъ, и тронувше его отътомъ, оставили его въ мирѣ, обещавъ исправить жизнь свою.

Иларіонъ, по мѣрѣ возраста, умножалъ строгость поста, не разрешая его ни въ праздники, ни для болѣзни. Двадцати лѣтъ онъ выстроилъ себя убогую хижину, близъ моря, въ которой едва могъ протянуться; временно отказывалъ себѣ даже въ употребленіи хлѣба, определявъ ежедневною пищей только пятнадцать смоквъ; иногда же нѣсколькими днями сряду лишалъ себя и сей убогой пищи, при малѣйшемъ искушеніи помысла. Занятіемъ его было, въ часы свободныя отъ молитвы, воздѣлываніе земли, или плетеніе конищъ, и въ такомъ уединеніи провелъ онъ многіе годы, не входя въ города и селенія. Въ Иерусалимѣ же былъ одинъ только разъ, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Палестинѣ, и то дабы не упрекнули его въ пренебреженіи къ Св. мѣстамъ. На мѣнѣ великаго отца своего Антонія, испыталъ онъ и демонскія искушенія въ пустынѣ; но не смотря на жажду къ удивленію, не могъ укрыться отъ молвы народной, по случаю исцѣленій, отъ него происходившихъ.

Супруга одного изъ именитыхъ сановниковъ царскихъ, только что возвратившаяся изъ Египта, отъ Св. Антонія, съ тремя малолѣтними дѣтьми, приведена была въ отчаяніе ввѣщая ихъ болѣзнию и услышавъ о великомъ подвижникѣ, устремилась къ нему въ пустыню. Она долго умоляла

его прийти въ городъ и спасти ея дѣтей; которыхъ самъ Антоній держалъ на рукахъ своихъ, и ради сего великаго имени, не могъ отказать платущей. Иларіонъ; онъ послѣдовалъ за нею и исцѣлилъ отроковъ. Быстро распространилась молва о семъ чудѣ и всѣ окрестныя области стали притекать съ своими болящими къ пустыннику, который, по примѣру Господа, возвращалъ живіе ослѣплымъ, чрезъ плюнованіе, и страшенъ былъ демонамъ, бывавшимъ отъ его приближенія. Одинъ изъ сановниковъ Императора Константія, Готъ-родомъ, испросилъ у своего Государя позволеніе идти искать себѣ исцѣленія въ Палестинѣ, и съ великою пышностію посѣтилъ Св. мужа, удивленно ходившаго на номоріи. При первомъ видѣ на посетителя, Иларіонъ постигъ уже, какимъ недугомъ онъ томился, и велѣлъ злему демону, мучившему его отъ самаго младенчества, оставить его, ради имени Іисуса Христа. — Самые язычаники уважали святаго отшельника и принимали благословіе мимоходящаго по ихъ пустынямъ; однажды, когда онъ нечаянно пришелъ на идольское празднество, они толпами къ нему притекли съ женами и дѣтьми, и тронутые увѣщаніями святаго, все обратились къ Христіанству, а бывший жрецъ ихъ первый принялъ Св. крещеніе.

Великій Антоній, услышавъ утѣшительную вѣсть о духовныхъ подвигахъ ученика своего, вступилъ съ нимъ въ писменную бесѣду; и часто говорилъ приходившимъ къ нему за исцѣленіями, изъ дальнихъ предѣловъ Сиріи: «зачѣмъ идете вы мени

съ такими прудами, и въ столь далекихъ странахъ, когда вы имете у себя сына моего Иларіона?». Не одни телесныя, но и душевныя исцеленія, истекали отъ святаго, ибо вокругъ него собралось множество учениковъ, жаждавшихъ спасенія, и мало по малу множество обителей наполнило пустыню, по которой некогда скитался одинокій Иларіонъ; всѣ онѣ были подъ его духовнымъ начальствомъ и авва, переходя изъ одной въ другую, назидалъ иноковъ словомъ и примѣромъ: «преходитъ образъ міра сего, говорилъ онъ, и оія есть истинная жизнь, которую можемъ мы приобрести подвигами покаянія въ здѣшнемъ вѣкѣ.»

Однако множество братій и народа, къ нему притекавшаго, уже становилось въ тягость любителю уединенія, и онъ часто сожалѣлъ о прежнихъ годахъ жизни пустынной, когда вся его забота была только о небесномъ и беседа съ однимъ Богомъ. «Мнѣ ли не огорчаться? говорилъ онъ инокамъ, спросившимъ его о причинѣ прусты, я возвратился въ міръ, инымъ путемъ, и уже въ здѣшней жизни получилъ свою награду; или не видите, что во всей Палестинѣ и окрестныхъ областяхъ меня уважаютъ, какъ будто бы и чего либо стоимъ? и вотъ, подъ предлогомъ нужды монастырскихъ, я владею селами и движимымъ имуществомъ.»

Иларіону было уже тогда 65 лѣтъ; ученики его, и наипаче Исихій, любимѣйшій изъ всехъ; замечая въ немъ желаніе удалиться, стали приставать наблюдать за своимъ аввою; въ такомъ колебаніи провелъ онъ еще два года. Въ это время

посетила его супруга эпарха Восточнаго, у которой увидѣлъ онъ трехъ дѣтей, и открыла жеманіе свое видѣть еще однажды Св. Антонія; онъ отвѣчалъ ей со слезами: «ахъ! и я бы весьма хотѣлъ идти къ нему; но кромѣ того, что я здѣсь какъ узникъ въ собственной обители, путешествіе сіе безполезно, ибо уже два дня лишился міръ великаго звы!» Вспоръ горькая вѣсть, о блаженной кончинѣ Антонія, подтвердила его откровеніе.

Наконецъ, не смотря на весь убѣжденія учениковъ, Иларіонъ объявилъ имъ твердое свое намѣреніе удалиться, и велѣлъ привести себѣ осла, потому что отъ истомленія силъ своихъ ногами, не могъ совершать странствованія пѣшкомъ. При сей горестной вѣсти, внезапно собралось до десяти тысячъ человекъ, чтобы мольбами своими удержать старца; но онъ остался непоколебимъ и, разгребая песокъ своимъ посохомъ, говорилъ: «не обманываетъ меня Богъ мой; не могу видѣть церкви обрушенными, и алтари Христовы погранными, и пролитуую кровь моихъ дѣтей!» Такъ заранее предвидѣлъ жестокое гоненіе, воздвигнутое въ языческой Газѣ, противъ Христіанъ и его обитателей, отступникомъ Іуліаномъ, который искалъ умертвить и самаго Иларіона, какъ главную опору Христіанства въ Палестинѣ. Когда же старецъ увидѣлъ, что народъ не хочетъ отнестись его, поклялся, что не станетъ принимать пищи, если не отпустятъ, и семь дней не вкушалъ ничего, доколь наконецъ не вынуждены были усту-

нить его желанію. Далеко провожали его безчеловечныя толпы плачущихъ, съ которыми простился на рубежъ пустыни Египетской, взявъ съ собою только сорокъ братьевъ, изъ числа своихъ иноковъ.

Посвятивъ дорогою некоторыхъ изъ Епископовъ Египетскихъ, изгнанныхъ Аріанами, онъ достигъ, съ большими трудами, пустынной обители великаго Антонія, на вершинѣ горы. Ученики усоннаго аввы показали пришельцу тѣсную келлію, и жство его молитвы, и малый садикъ, гдѣ трудился собственными руками, но не смѣли открыть его могилы, по тайному завѣщанію блаженнаго учителя, который боялся почестей по смерти. Перейдя изъ обители Антоніевой въ другую пустыню, Иларіонъ удержалъ при себѣ только двухъ изъ своихъ послѣдователей, и молитвою испросилъ обильный дождь жителямъ страны, три года страдавшей отъ безводія. Оттогда удалился къ знакомымъ ему инокамъ, въ предмѣстіи Александрійскомъ, которые приняли его съ любовію, но и ихъ оставилъ, предчувствуя гоненія Іуліана; ибо на другой день, послѣ его отшествия въ пустыню Скитскую, пришли ликторы искать его. По смерти мучителя, Иларіонъ бѣжалъ уже не отъ гоненій, а отъ собственной славы, его преслѣдовавшей, и тайно отплылъ въ Сицилію, но и тамъ непрестанныя испытанія обнаружили святаго мужа.

Исихій, ученикъ долго его искавшій, услышавъ о его пребываніи на островѣ, поплылъ за своимъ великимъ учителемъ, и съ радостными слезами бросился къ его ногамъ. За нимъ по-

слѣдовалъ онъ въ парварскую горада Далматію, гдѣ даже и донынѣ былъ ему чуждъ... Епидавръ сдѣлался свидѣтелемъ новаго чуда, когда выступившее море едва не истребило волнами всего города: три креста, начертанные Иларіономъ на пескѣ номорія, и рука, воздвигнутая имъ противъ бурной стихіи, остановили ее; съ страшнымъ ревомъ валивалось море и нависло горою, но внезапно ушло и возвратилось въ свои предѣлы. Весь городъ, по словамъ блаженнаго Іеронима, уроженца Далматскаго, былъ свидѣтелемъ чуда, и въ его время матери еще рассказывали о томъ дѣтямъ, чтобы они передали потомству.

Кипръ былъ послѣднимъ пристанищемъ святого, который во время своего плаванія снасъ корабль отъ морскихъ разбойниковъ, укоривъ спутниковъ въ маловѣрїи. Но желаннаго спокойствія не обрѣлъ Иларіонъ и въ новомъ своемъ уединеніи, близъ Паеоса, ибо отовсюду стали къ нему стекаться болящїе и бѣсы, имъ изгоняемыя, обличали его присутствіе. Исихій услышалъ опять отъ своего аввы, о его желаніи удалиться въ Египеть, въ мѣста дикія, куда еще не проникло имя Христова; но онъ умолялъ его остаться въ Кипрѣ, гдѣ приобрѣлъ ему, въ ущелїяхъ горъ, малый уединенный садикъ, орошенный источникомъ. Св. Епифаній, Епископъ острова, воспитанный также въ одной изъ обителей Палестины, убѣдилъ наконецъ старца успокоиться въ его епархіи. Предъ кончиною писалъ Иларіонъ любимому ученику, завѣщая ему Еванге-

лю и своею убогою одеждою, ибо Исхій ходилъ тогда навѣстить братію Палестинскую. Чувствуя приближеніе послѣдняго часа, старецъ просилъ погребсти его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ провелъ остатокъ дней, и въ минуту исхода своего, молитвенно произнесъ: «изыди, душа моя, изыди, что медлишь? уже около семидесяти лѣтъ служишь ты Господу Иисусу Христу, и еще ли боишься смерти?» Последняя воля его была исполнена, но чрезъ восемь мѣсяцевъ, возвратившійся ученикъ тайно выкопалъ мощи великаго аввы и перенесъ ихъ въ родную обитель Палестинскую, гдѣ протекли первые годы его отшельнической жизни.

Съ тѣхъ поръ какъ великій Иларіонъ, примѣромъ и назиданіями, показалъ всю красоту жизни иноческой въ Палестинѣ, вся она исполнилась обителями, мужескими и женскими. Первые раздѣлялись на монастыри собственно, въ коихъ обитали иноки, собранные вмѣстѣ, подъ надзоромъ настоятеля, и на лавры, т. е. келліи отшельниковъ, разсыянные по пустынѣ, хотя также подъ духовнымъ руководствомъ какого-либо великаго аввы; но отшельники сихъ дикихъ уединеній сходились только по субботамъ, въобщую церковь, и потомъ расходились послѣ воскресной службы, для одинокой молитвы, при строгомъ постѣ и непрестанномъ рукодѣліи. Отъ Харитонія произошли первые три лавры, отъ Иларіона безчисленные обители.

Самый древній монастырь, о коемъ упоминается

въ Іерусалимѣ, имѣлъ, во времена Св. Кирилла, настоятелямъ нѣкоего благочестиваго игумена Филиппа. Когда Императоръ Іуліанъ отступникъ далъ волю язычникамъ, дѣйствовать противъ Христіанства, они стали преслѣдовать усопшихъ на равнѣ съ живыми, и выкопавъ, въ Севастіи, мощи Предтечевы, разсыяли ихъ по землѣ. Нѣкоторые изъ иноковъ монастыря Филиппова, пришедшіе въ Севастію, для поклоненія гробу Крестителя, съ ужасомъ увидѣли такое поруганіе, и вмѣшавшися въ толпу язычниковъ, которые собирали потлѣнныя останки, чтобы предать ихъ огню, успѣли сохранить часть святыхъ мощей; они принесли ихъ въ свою Іерусалимскую обитель. Обрадованный игумень Филиппъ, не почитая себя достойнымъ такого сокровища, послалъ святыя мощи, къ великому Аванасію Александрійскому, который принялъ ихъ съ благоговѣніемъ и положилъ въ церкви, имъ устроенной во имя Предтечи, на развалинахъ каплица Сераписова.

Гора Элеонская, отколѣ вознесся во славу пострадавшій ради насъ Господь, была уже исполнена отшельниками; они проводили молитвенную жизнь въ ея разсѣлинахъ, по сосѣдству великолѣпнаго храма воздвигнутаго Еленою, или въ юдоли Іосафатовой, между гробовъ пророческихъ и царскихъ, и близъ той священной пещеры, гдѣ положено было дѣвственное тѣло Богоматери; гора вся усвята была ихъ малыми келліями. Самъ летописецъ Русинъ, писавшій подвиги святыхъ, имѣлъ

† Русинъ, кн. II, ст. 28.

на ней свое уединенное жилище, и другой ихъ описатель Палладій, также житель Іерусалимскій, упоминаетъ о нѣкоемъ отшельникѣ, пресвитерѣ Иннокентіѣ, который будучи сперва сановникомъ при дворѣ Императора Константія, уединился на святую гору, и устроилъ тамъ малую церковь во имя Претечи. Богъ даровалъ ему власть изгонять демоновъ и исцѣлять различные недуги. Палладій говоритъ тоже и о другомъ отшельникѣ, Адолинѣ, родомъ изъ Тарса, который назидалъ всѣхъ строгостію своихъ постовъ. Съ вечера и до полночи стоялъ онъ на молитвѣ, не смотря на непогоду, и потомъ ходилъ будить братію, разсѣянную по горѣ, для ночнаго псалмопѣнія, не пропуская ни одной божественной службы и въ теченіи дня.

Преемникъ блаженнаго Кирилла, Іоаннъ, былъ также изъ числа иноковъ Іерусалимскихъ. — Непрестанныя странствія по святымъ мѣстамъ, отъ всѣхъ концовъ вселенной, умножились тогда до такой степени, что уже нѣкоторые Епископы, возставали противъ нихъ, по причинѣ случавшихся на пути опасностей и безпорядковъ. Такимъ образомъ братъ великаго Василія Архіепископа Кесарійскаго, отца иночествующихъ, который и самъ былъ поклонникомъ въ Іерусалимѣ, св. Григорій Нисскій, пишетъ къ одному пресвитеру Каппадокійскому, что онъ не находитъ полезными подобныя странствія для людей, отказавшихся отъ міра и предпочтительно посвятившихъ себя совершенству

Христіанскому; потому что мы къ тому не обяза- ны никакой заповѣдію Евангельскою; и развлеченія опасны отшельникамъ, которые избрали себѣ въ удѣлъ безмолвіе. «Если я самъ странствовалъ въ Іерусалимъ, продолжаетъ св. Григорій, то потому, что былъ посланъ для устройства церквей въ Аравіи, и долженъ былъ на пути совѣщаться съ предше- ственниками Іерусалимскими; но во время пути мы пости- лись и непрестанно воспѣвали хвалы Господу. Пре- жде посѣщенія Св. мѣсть, мы уже исповѣдали Хри- ста, и странничество не умножило и не убавило нашей вѣры; прежде нежели увидѣли Вноземъ, мы вѣрили, что Сынъ Божій воплотился изъ утро- бы Дѣвы, и не видѣвъ еще его гроба; вѣрили его воскресенію и исповѣдали славное вознесеніе его, не поклонившись еще горѣ Элеонской. Одно только узнали мы изъ нашего странствія, что соб- ственныя мѣста наши болѣе святы, нежели чуж- дыя, ибо никакое мѣсто во вселенной не исполне- но столькими церквами, какъ Кападокія, и въ ней, по истинѣ, обитаетъ Спаситель, если только присут- ствіе его обнаруживается священными памятника- ми. Переходящіе изъ страны въ страну не при- ближаются къ Богу, но самъ Господь обрѣтаетъ тебя вездѣ, гдѣ бы ты ни былъ, и вселится въ душу твою, если найдетъ ее достойною своего жи- лица. Но если внутренность твоя исполнена не- честія и бурныхъ помысловъ, то гдѣ бы ты ни былъ, на Голгоѣ ли, или на горѣ Элеонской, или у Св. гроба, ты еще будешь столь же далекъ отъ Христа, какъ и многіе, никогда не познавшіе исти-

ны его святой вѣры. И такъ внушай братіямъ твоимъ, не исходить изъ Каппадокіи въ Палестину; но изъ собственнаго тѣла, стремиться духомъ ко Христу. Если же кто-либо приведетъ противъ насъ во свидѣтельство заповѣдь, данную Апостоламъ, въ минуту вознесенія; не оставлять Іерусалима: то заповѣдь сія относилась только къ тому времени, доколе не пріяли они даровъ Св. Духа и не облеклись силою свыше; иначе и мы бы должны были доннѣ стремиться всѣ къ одному мѣсту, гдѣ нисшелъ Духъ Святой въ видѣніи огненныхъ языковъ; но поелику божественный Духъ сей дышетъ повсюду, гдѣ только хочетъ, то и всякій вѣрующій причастится даровъ его благодати, суля по плодамъ своей вѣры, а не ради странствія въ Іерусалимъ.

Но уже слова святаго любителя безмолвія не могли остановить общаго влеченія народовъ къ колыбели ихъ вѣры, къ которой какъ бы склонился весь міръ, и по сему невольному склоню текли и однокіе путники, и цѣлыя племена, съ своими вождями, соединяясь въ одно духовное цѣлое, на лонѣ матери Церкви. Въ числѣ державныхъ посѣтителей Св. мѣстъ, былъ и великій Θεодосій, по свидѣтельству Георгія Кедрина, которое приводитъ въ своей исторіи Патріархъ Досіеи. Онъ говоритъ, что Императоръ, въ простой одеждѣ, пришелъ, никому невѣдомый, въ Св. градъ, и постучался въ запертыя двери храма воскресенія; когда же одинъ изъ служите-

лей отворилъ ихъ неизвѣстному страннику, внезапно возжглись сами собою всѣ угашенныя лампы, какъ бы въ праздникъ. Изумленный служитель возвѣстилъ о томъ Епископу Іоанну, который, по внушенію Духа, узналъ въ смиренномъ поклонникѣ великаго Феодосія и привѣтствовалъ его какъ Императора.

VI.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ РИМСКІЕ.

Св. Меланія, Иеронимъ, Павла и Евстохія.

Древній Римъ послалъ цѣлую колонію именитыхъ мужей и женъ своихъ въ Іерусалимъ, и первая открыла имъ путь Меланія, изъ славнаго дома Антоніевъ*, блиставшая своими богатствами и еще болѣе добродѣтелями, во всемірной столицѣ. Оставшись вдовою въ юномъ возрастѣ, съ однимъ малолѣтнимъ сыномъ, послѣ потери двухъ старшихъ, она перенесла удары сии съ чрезвычайною твердостью, и припавши мысленно къ ногамъ Христовымъ, такъ молилась, съ видомъ болѣе веселымъ,

* *Vies des pères du désert* L. VII, ch. 8.

нежели печальнымъ : « Господи , поелику ты захотѣлъ снять съ меня бремя заботъ житейскихъ , отнынь я буду свободнѣе служить тебѣ . » Немедленно рѣшилась она посѣтить святыя мѣста , чтобы тамъ посвятить Богу остатокъ жизни , вопреки всѣхъ препятствій со стороны своихъ родственниковъ , и поручивъ сына Публиколу опекунамъ , въ зимнее время , тайно отплыла въ Александрию . Ей сопровождалъ одинъ только пресвитеръ Аквилейскій Руфинъ , описавшій житія видѣнныхъ имъ святыхъ .

Неизвестно , застала ли еще Меланія въ живыхъ великаго Аванасія , но она имѣла утѣшеніе бесѣдовать тамъ съ другими подвижниками : слѣпцомъ Дидимомъ , Исидоромъ страннопріимнымъ , который зналъ ее нѣкогда посреди величія Римскаго , и совѣтовалъ навѣстить отшельниковъ пустыни Нитрійской . Пришествіе ея въ Египетъ было спасительно для иноковъ и Епископовъ , гонимыхъ Аріянами ; она защитила ихъ именемъ своимъ и твердостью предъ областнымъ правителемъ , когда и противъ нее самой возстала буря Аріанская . Пренебрегая угрозами людей , она думала только о любви Христіанской , и въ теченіе трехъ дней питала до 5,000 отшельниковъ , укрывшихся отъ гоненій ; милостыни ея были нестоимы ; она даже посѣдовала въ Палестину за толпою исповѣдниковъ , туда изгнанныхъ , снабжая ихъ всемъ нужнымъ и услуживая имъ сама , какъ простая рабыня . Правитель Палестины хотѣлъ устрашить ее , чтобы воспользоваться ея богатствомъ , и велѣлъ

посадить въ темницу, не зная ея высокаго рода. Она же, съ такимъ смиреніемъ перенесшая народныя оскорбленія въ Египтѣ, ради Христа, поступила здѣсь, подобно Апостолу Павлу, который защитилъ себя гражданствомъ Римскимъ. Меланія послала сказать правителю: «я дочь такого Патриція и была, супругою такого-то, которые оба высоко стояли въ семь мѣрь; теперь же я смиренная раба Христова. Не думай пренебрегать мною, ради моего мнимаго убожества, ибо отъ меня зависитъ измѣнить сіи одежды въ самыя великолѣпныя; не надѣйся также изумить меня твоими угрозами, ни овладѣть моимъ имуществомъ, потому что я имѣю довольно силы удержать тебя. Тебѣ же даю изъ снисхожденія совѣтъ сей, чтобы по невѣдѣнію не впалъ ты въ погрѣшность.» Испуганный правитель поспѣшилъ извиниться, и воздавъ ей большія почести, дозволилъ посѣщать исповѣдниковъ.

Тогда Меланія собрала въ Іерусалимѣ до 50 инокинь и основала монастырь, гдѣ пребыла двадцать семь лѣтъ, имѣя духовнымъ своимъ руководителемъ пресвитера Руфина, который устроилъ себѣ келлію на горѣ Элеонской, это было въ 373 году. Милостыня ея была столь велика, что, по свидѣтельству Палладія, обширнѣйшій пожаръ едва ли могъ бы поглотить столько имущества, сколько истощило пламя ея ревностной любви къ ближнимъ; ибо и Персы и Британцы, и востокъ и западъ, и сѣверъ и югъ, испытали ея благотворныя обители, перкви, богадельни, темницы, все къ добру

приблизло и содержалось на щетъ ея, такъ что огромныя суммы денегъ; посылаемыя къ ней съ запада, ея родственниками, служили только маломъ для сей тщелюбивой лампы.

Вскорѣ поелъ Меланиѣ, принявъ поселиться въ пещере Вилеземской и ближайшій пресвитеръ Церронимъ. Влакомый жаждою уединенія, онъ оставилъ родну свою Далматію и Римъ, гдѣ былъ слишкомъ извѣстенъ своею ученостію, чтобы во глубинѣ Востока омлаживать грѣхонаденія юности; пустыня Халкійская, на рубежъ Сиріи и Аравіи, была первымъ поприщемъ его духовныхъ подвиговъ. Можно видѣть изъ собственныхъ его писемъ, сколь велика была начальная борьба его съ самимъ собою въ пустынѣ, посреди воспоминаній минувшаго и жестокихъ лишеній настоящаго; — огненная рѣчь его, выражаетъ всю силу пламеннаго характера отшельника.

«О, сколько разъ, скитаюсь въ безпредѣльной пустынѣ, опаленной знойнымъ солнцемъ, я воображалъ себя наслажденія Рима! Одинокое сидѣть я, исполненный горькихъ думъ; прахомъ обезображенъ былъ ликъ мой, Феюпокою чернотою покрылась кожа, роскошью была бы мнѣ прокладная струя. Иногда же сонъ одолажалъ борящееся съ нимъ тѣло, одинъ когти со стукомъ ложились на землю, и я, заключившійся страха ради геенны, въ подобную тешицу, я, сожителъ звѣрей и скорпионовъ, еще ногъ иногда переносятся мыслями въ хороводы дѣвъ; ликъ мой, умерщвленный по-

стами, еще прежде смерти отжила, но въ хладномъ тѣлѣ кипѣли страстные порывы. Такъ, лишенный всякой помощи, припадалъ я къ Спасителю; я проливалъ слезы, я рвалъ волосы, семидневнымъ голодомъ сокрушалъ свою плоть. Помню, какъ часто ночь заставляла меня, бѣющаго себя въ нерси, доколь не водворялось въ нихъ желанное спокойствіе; я даже страшился своей келліи, какъ свидѣтеля нечестивыхъ помысловъ, и въ брани самъ съ собою погружался въ пустыню. Во глубинѣ долинъ, на вершинѣ горъ, въ ущелии утесовъ, искалъ я мѣста молитвы, мѣста казни бѣдственной моей плоти, и тамъ, сквозь целену текущихъ слезъ, прикинувъ взорами къ неподвижному небу, я мыслъ себя въ ликахъ Ангельскихъ, и радостно повторялъ ихъ дивныя гимны.

Въ сей пустынь раздѣлялъ онъ время, между молитвенными подвигами и изученіемъ языка Еврейскаго, который труденъ ему казался въ зрѣломъ возрастѣ и жестокъ послѣ родственнаго языка Латинскаго; но онъ укрѣпился въ своемъ намѣреніи, страшнымъ видѣніемъ неумолимаго небеснаго Судіи, угрожавшаго ему казнію за пристрастіе къ языческимъ твореніямъ, вмѣсто пророческихъ богодуховенныхъ висаній. Въ пустынь Халкійской потерялъ онъ послѣднюю земную отраду, трехъ своихъ друзей, изъ коихъ одинъ его оставилъ, а двое переселились въ вѣчность. Напрасно призывалъ онъ къ себѣ покинувшаго его друга, изображая ему всю красоту пустыни: «о сладостное уедине-

• Письмо къ Евстохіа.

ніе, гдѣ вѣчная весна благоухаетъ цвѣтами, масса-
женными руками Сына Божія! о красная пусты-
ня, гдѣ собраны камни, для созданія Апокалип-
тического града великаго Царя! о безъдная жел-
дія, приближающая насъ къ Богу! — Братъ мой, что
медлишь ты въ міръ, который меньше тебя? доко-
ль останешься въ темницѣ твоего дома? Цевърь
ниъ, здѣсь ярче свѣтъ, которымъ наслаждаюсь!
пріятно стремиться за свѣтъ сладостнымъ свѣтомъ,
пренебрегая бременемъ тѣла. Если же тебя стра-
шитъ неизмѣримость пустыни, переносись мыслен-
но въ равнины небесныя и ты перестанешь быть
въ пустыцѣ!» Неустройство Церкви Антиохійской
побудило его оставить первое уединеніе, гдѣ про-
велъ четыре года; странствуя по святымъ мѣ-
стамъ Палестины, наконецъ основался онъ въ Ви-
елеемъ; потомъ посѣтилъ Антихію, гдѣ былъ по-
священъ въ пресвитеры, Епископомъ Павлиномъ,
и Царьградъ, гдѣ на время сдѣлался ученикомъ
Григорія Богослова, и наконецъ Римъ, куда при-
зываетъ его Папа Дамазь. Тамъ приобрѣлъ себѣ
благочастивыхъ ученицъ для пустыни Вилеємской,
именитую Давлу, изъ рода Сципіоновъ, и дочь ея
Евстохію; но зависть и гоненія, которыя онъ воз-
будилъ противъ себя въ Римѣ, славою своею и даже,
самымъ обращеніемъ именитыхъ женъ, отравили
ему пребываніе во всемірной столицѣ и еще силь-
нѣе повлекли въ тихое уединеніе Вилеєма. «Без-
умный! восклицалъ онъ, и я хотѣлъ воспѣть пѣснь
Господню на землѣ чуждой, и оставить гору Си-

• Письмо къ Иліодору.

наискуснѣе мовати себя, помади: въ Египтѣ. Я, позвѣтъ
быть притчу Евангеліскую, которая научаетъ насъ,
что точасть по выхождѣ изъ Іерусалима, мы владѣ-
даемъ въ руки разбойниковъ, обнажающихъ и
убивающихъ насъ!»

Это было въ послѣдніе годы четвертаго столѣ-
тія. Блаженный Іеронимъ, основавшись уже на-
всегда въ Іерусалимѣ, устроилъ тамъ обитель и
гостиницу, для того чтобы, по словамъ его, Іо-
сифъ и Марія нашли себѣ пристанище, если бы
еще однажды посѣтили Іерусалимъ. Но недостатку
средствъ для страннопріимства, онъ послалъ брата
своего Павлиніана на родину, продать остатокъ сво-
его имущества, уцѣлѣвшій отъ варваровъ набѣ-
говъ, и подражая милосердію Спасителя къ дѣ-
тямъ, непрестанно допускалъ ихъ къ себѣ, въ све-
омъ уединеніи, и даже завелъ для нихъ училища.
Также пламенная ревность, которая одушевляла от-
шельника пустыни Халкійской, исполняла его и въ
вертепѣ Виллемскомъ; съ необычайною дѣятель-
ностію занимался онъ, то переводомъ Св. писанія
съ Еврейскаго на Латинскій, то его объясненіемъ
и обличеніемъ противъ различныхъ ересей, то об-
широю перепискою со всеми замѣчательными ли-
цами своего вѣка, такъ что онъ даже не имѣлъ
времени исправлять писемъ, которыя со словъ его
писали скорописцы. Такимъ образомъ, убогій вер-
тепъ Виллемскій обратился, по гласу Іеронима,
въ обширное училище просвѣщенія духовнаго.

• Письмо къ Азелгѣ.

... Вотъ какъ описывать Иеронимъ свое мирное убавище Влодоедское, одной изъ именитыхъ жемчужинъ, Марколла, столько же, славной своими богатствами, сколько и благодатию: «будемъ говорить о селеніи Марини и о томъ мѣстѣ, которое послужило ей приютомъ; ибо всякій восхваляетъ то, что ему близко, но какими устами опишу тебѣ вертепъ Спасителя? — Мнѣ кажется, я болѣе по чту благоговѣйнымъ молчаніемъ святаго ясли, изъ коихъ раздались первые вопли младенца Иисуса, нежели слабою моею рѣчью! Не ищите здѣсь великолѣпныхъ чертоговъ, которыми превозносится суетная тварь выше всѣхъ красотъ Божіей вселенной! Виелеемъ, хотя и убогій уголокъ земли, былъ однако почтенъ рожденіемъ Творца неба и земли; здѣсь повился онъ въ ясляхъ, здѣсь поклонялись ему пастыри, здѣсь звезда указала его волхвамъ: и сей убогій уголокъ предпочитаю я блеску Капитолія, который столько разъ уже былъ поражаемъ молніями, что нельзя полагать его пріятнымъ Богу. — Говорить ли о суетѣ всемірной столицы? Здѣсь напротивъ, на родинѣ Христовой, совершенная простота; одно только тѣніе псалмовъ нарушаетъ безмолвіе, вездѣ лишь слышатся божественныя гимны; оратаи; опираясь на плугъ свой; поетъ аллилуія, жнецъ освѣжается псалмами посредѣ знойныхъ трудовъ, и виноградарь, обрызгивая лозы свои, имѣетъ непрестанно въ устахъ своихъ стихи Давида; это обычные напѣвы земли сей! — Не знаю; наслаждаетесь ли вы сладкимъ отдыхомъ, посреди Вавилона, и не въздыхаете ли о

Видеешь? а я наконецъ обрѣлъ въ ономъ желаннѣйшѣ мирѣ, я здѣсь внимаю въ ясляхъ возлѣять предвѣчнаго младенца, и мнѣ бы хотѣлось, чтобы и вамъ были слышны теченіе слезъ его и тихія жалобы.»

По его примѣру, Павла и Евстохія, убѣждали также Маркеллу поселиться съ ними въ Видеешь, и письмо ихъ выражаетъ, какими священными памятниками наполнена была Палестина. * «Когда принесется намъ пастливая вѣсть, что Маркелла приплыла къ берегамъ Палестины, и лики иноковъ и дѣвъ воспоютъ о томъ радостные гимны? Наступитъ ли тотъ день, когда намъ можно будетъ вмѣстѣ взойти въ пещеру нашего Спасителя и плакать надъ его гробомъ? Когда поклонимся мы честному древу креста на Голгоѣ, и со святой горы Элеонской вознесемъ на небо къ Господу, пламенными желаніями нашего сердца?»

Блаженная Павла, которая писала трогательныя слова сіи Римской своей подругѣ, оставила сама все возможное величіе земное, для убожества истинно Христіанскаго. ** Дочь Сципіоновъ и Гракховъ, оставшись вдовою въ юныхъ лѣтахъ, съ несмѣтнымъ богатствомъ и малолѣтними дѣтми, посвятила себя единственно подвигамъ благочестія, расточая богатства свои немущимъ, вопреки всѣхъ убѣжденій родственниковъ; единственнымъ ея желаніемъ было умереть въ такой нищетѣ, чтобы даже и саванъ для нее заимствовали Христа ради.

* Пис. Павлы къ Маркеллѣ. ** Пис. VIII. Герон. къ Евстохіи.

Нашроетаннай / вѣсть встопналъ ея селы: гѣлес-
нымъ, збо она хотала удовлетворитъ за то обмлю,
которынтъ наслаждалась, во дни своего вомлчїа.
Домъ ея былъ страннопрїимницей убогихъ и свят-
ныхъ мужей, и она дала у себя прїютъ Епифанію
Кипрскому, вмѣстѣ съ блаженнымъ Іеронимомъ,
который убѣждалъ ее совершенно оставить мїръ.
Жестока была для нее разлука съ близкими ея
сердцу, но она принесла и сію жертву Богу, въ-
рєю побѣждая самую природу. Лишивъ себя на-
слѣдства, ради царствїа небеснаго; Павла все от-
дала дѣтямъ, и съ одною дочерію Евстохію, на-
всегда съ нею неразлучною, исторглась изъ ихъ
объятїй и отплыла въ Палестину.

Проконсулъ, зная высокій санъ ея, пригото-
вилъ ей въ Іерусалимѣ прїличное помѣщеніе; но
она предпочла остановиться въ убогомъ домѣ, и
востыла въ Св. землѣ въ мѣста, ознаменованныя
подвїгами Спасителя, съ такимъ усердіемъ, что
однажды пошло желаніе облобизать тѣ изъ нихъ,
которыя еще невидала, но гле ее оторвать отъ
тѣмъ, збо корнѣ уже принадлежала. Она, съ пламен-
ного шрвѣшъ повлонилась ш четной укресту, нахъ бы
еще видя на шемъ самарѣ распятаго Господа, и при-
никла устами къ мѣсту; гдѣ лежало божественное
тѣло, желая утолить жажду свою источникамъ жи-
вой воды, текущей въ вѣчность; весь Іерусалимъ
двигался ея благочестію. Оттолъ поднялась она на
гору Сїонскую, градъ Царя Давида, и тамъ ей по-
казали столпъ, къ коему Спаситель былъ привязанъ,
поддерживающій преддверіе церкви, и еще обогрен-

ный его кровию; и крашею; гдѣ Духъ Святый; со-
щамъ на Апостолахъ. Блаженная Павла предаемъ
въ Вилеемъ пламеннымъ восторгамъ любви своей
къ Господу; при видѣ яслей предстались ей са-
мый Младенецъ въ пеленахъ, посреди пастырей; и
Ангеловъ и волквовъ, и Матерь Дѣва; съ обручи-
комъ Иосифомъ, у колыбели воплощеннаго Слова.
«Привѣтствую тебя, возкликнула она, въ потоки
радостныхъ слезъ, Вилеемъ, но истинны домъ
хлѣба, въ коемъ родился для насъ хлѣбъ, нисшед-
ный съ небесъ. О какъ удостоилась я, убогая грѣш-
ница, прикоснуться устами къ яслямъ воплощенна-
го! здѣсь мѣсто моего покоя, вселюся здѣсь въ
избранной родинѣ моего Спасителя!»

... Постыивъ и отшельниковъ Египетскихъ, она на-
конецъ основалась въ Вилеемъ, гдѣ устроила одну
обитель для иноковъ и другую для дѣвъ, раздѣ-
ленную на три части, по разности ихъ состоянія,
чтобы разность сія не была между ними причиною
несогласій. Иеронимъ былъ общимъ ихъ руководи-
телемъ; сама она подавала имъ примѣръ совершен-
наго смиренія и богомыслия, не отступая ни на
шагъ отъ наставленій святаго блаженнаго учителя;
и дочь ея Евстохія во всемъ подражала благоле-
пной матери, какъ списокъ образу. Такъ и по-
нынѣ изображены онѣ обѣ, надъ своей гробницею,
въ пещерѣ Вилеемской, лежащими одна подле
другой, какъ будто бы сонъ ихъ былъ только усы-
пленіемъ отъ всемогущихъ подвиговъ; возложенію

ахъ и лица такъ сходны, что одна лишь разность лѣтъ отличаетъ дочь отъ матери.

Когда наступила послѣдняя минута для Павлы, вѣчная дочь отходила отъ нее только къ священнымъ дѣламъ, чтобы умолить божественнаго младенца, о сохраненіи ей любимой матери, но умирающая жаждала преселенія въ вѣчность и тихо повторила стихи псалмовъ: «коль возлюбленны селенія твои, Господи силъ! желаетъ и окончивается душа моя во дворы Господни; яко лучше дѣнь единъ въ дому Господнемъ, паче неже жити ми въ селеніяхъ грѣшничихъ!» Иеронимъ спросилъ ее: не препятствуютъ ли ей страданія говорить? она же отвѣчала, что ей почти не больно; и съ той минуты, закрывъ глаза, шептала только псалмы до послѣдняго выдыханія; 58 лѣтъ она скончалась, изъ коихъ провела двадцать въ Византии. Епископъ Іерусалимскій Іоаннъ присутствовалъ при ея блаженной кончинѣ, со множествомъ духовенства, отшельниковъ и дѣвъ. Онъ совершилъ и погребеніе; блаженное тѣло несли на рукахъ Епископы, при пѣніи псалмовъ на Еврейскомъ, Греческомъ, Латинскомъ и Сирійскомъ, ибо столько разнородныхъ пламенъ стекло для возданія послѣдняго долга смиренной отшельницѣ. Земная рабушка съ матерію была величайшею жертвою, какую принесли (дѣва: Евстокія, Господу! Она продолжила неслѣдствію по совету блаженнаго Іеронима; управляетъ основанными ею обителіями; до своей кончины, и по смерти: настоятельница; похитъ себя; племянницъ, младшей Павлы, которая по добро-

дѣтелямъ была достойна старшей, оставивъ также въ юныхъ лѣтахъ величіе Рима для убожества Внолсеемскаго.

И старшая Меланія, въ послѣдній годъ своей временной жизни, нашла себѣ послѣдователей изъ своего семейства, невѣстку Албину и внуку Меланию младшую. Услышавъ о ихъ благочестивомъ расположеніи, она отплыла въ Римъ, не смотря на свой старческой возрастъ, и убѣдила ихъ оставить величіе мірское. Шествіе ея, отъ берега морскаго въ Римъ, было настоящимъ торжествомъ евангельскаго смиренія, ибо она вхала на ослицѣ въ бѣдной одеждѣ, а за нею слѣдовали всѣ ея родственники, первые вельможи вселенной, на великолѣпныхъ колесницахъ. Въ это время материнское сердце было исторчено смертію сына ея Публиколы; но она вооружилась мужествомъ Крестнискимъ и оуплыла опять въ Иерусалимъ; путь продолжался сорока дней, окончила свое духовное поприще. Смерть Публиколы разрышила и внуку ея Меланию, вместе съ благочестивою своею матерію Албиною и стольже набожнымъ супругомъ, Аппіаномъ, оставить всемірную столицу: они въ ней промедлили нѣсколько времени только для того, чтобы продать свои имѣнія и дворцы, которыхъ нельзя было найти покупателей, по ихъ великолѣпію. Разореніе Рима Аларихомъ, въ 409 году, уменьшило и тѣмъ способствовало къ продажѣ; но уже Меланія, съ матерію и супругомъ, успѣли заблаговременно удалиться въ Сицилію. Четьи Мител (Вл. Декабря).

лію и потомъ въ Африку, гдѣ проведя семь лѣтъ при блаженномъ Августинѣ, достигли наконецъ Палестины. Такимъ образомъ, благочестивый советъ старшей Меланіи, о удаленіи изъ Рима, былъ для нихъ пророческимъ предостереженіемъ, для спасенія отъ варваровъ. Скоро поморіе Сириіи наполнилось бѣглецами всемірной столицы, разсѣянными нашествіемъ варваровъ, и изъ убогой своей келліи Вилеумской оплакивалъ отшельникъ Іеронимъ паденіе Рима.

«Нѣтъ ничего могущаго имѣть конецъ, что бы могло назваться долговѣчнымъ, ибо весьма давняя истина: все, что растеть, должно состарѣться, и нѣтъ такою дѣла рукъ человѣческихъ, которое бы въ свой урочный часъ не погибло рукою времени. Но ахъ! кто бы подумалъ, что и самый Римъ, возвеличившійся добычею вселенной, нѣкогда падеть и, бывъ матерію народовъ, сдѣлается ихъ гробомъ! и что поморія Африки и Востока исполнятся бѣгущими изъ развалинъ всемірной столицы, и даже убогіи пріютъ Вилеумскій, дастъ у себя пристанище богатѣйшимъ, именитѣйшимъ гражданамъ, всея земли! — о суета суетъ и всяческая суета!»

Не всѣхъ однако призывалъ блаженный Іеронимъ въ свою пустыню, отклоняя иногда отъ странствія къ Св. мѣстамъ, утѣшительную мыслію, что царствіе Божіе повсюду, или жалуюсь на безпорядки Іерусалима къ его время. Такъ писалъ онъ къ другу своему Св. Павлину, Епископу Ноланскому: «гораздо лучше хорошо прожить въ Іерусалимѣ,

• Письмо XXI. къ Илдоору.

нежели только почитать его? Не тотъ городъ должно желать увидѣть, который, умертвивъ Пророковъ, пролилъ и кровь Христову; но тотъ, который будучи орошаемъ рѣкою мира, вѣчно радуется, и не можетъ укрыться, стоя на верху горы, называемый отъ Апостола матерію святыхъ, и гражданствомъ коего самъ онъ хвалится. — Не въ осужденіе самому себѣ говорю сіе, какъ будто бы напрасно подражалъ я Аврааму, оставивъ землю свою и родителей: но потому что не смѣю полагать преграды всемогуществу Божию и въсвяты въ малѣе пространство, наполняющаго Собою вселенную. Не ради достоинства обитаемыхъ мѣстъ цѣнятся вѣрные, но ради своей вѣры, и истинный поклонникъ поклоняется Богу, не въ одномъ Иерусалимѣ, но повсюду, духомъ и истиною; ибо Господня земля и ея исполненіе; не въ одной Іудей громко имя Божіе, но во всю землю прошло въшаніе Апостоловъ, и съ запада и востока собрались многіе на лоно Авраамово. — И такъ весьма полезно зрѣлище Св. мѣстъ, посвященныхъ памяти страданія и воскресенія Христова, для тѣхъ, которые носятъ крестъ его и ежедневно съ нимъ воскресая, дѣлаются чрезъ то достойными столь благоговѣйнаго жительства; однако врага небесныхъ не далѣе отъ Англіи; нежели отъ Иерусалима, ибо царствіе Божіе внутри насъ. — Если бы еіще мѣста, посвященные памяти воскресенія Спасителя, не находились посреди большаго города, гдѣ вмѣстѣ и присутственныя палаты и пребываніе правителя области, гдѣ подобно какъ и въ другихъ городахъ.

встрѣчаютъ скоромношъ и лицедеи, иди если бы къ нимъ обитали только люди, отрицающіе отъ міра, — конечно, такое святое мѣсто жемчужино было бы для жилища пустынниковъ! Но не безопасно тебѣ, оставившему городъ, домъ и родныхъ и общество людей, погружаться здѣсь опять въ шумную толпу народа; ибо сюда стекаются со всѣхъ предѣловъ земли, и Іерусалимъ исполненъ людьми всякаго рода, такъ что ты вполне долженъ будешь переносить здѣсь ту суету, которой нехотѣя набѣжать у себя.»

VII.

СМЯТЕНІЯ ОТЪ ПЕЛАГІАНЪ.

Епископы: Іоаннъ и Прасъ, Св. Норсирій Гавеній.

Іеронимъ, привыкшій къ своему Внодесскому вертепу, не охотно посещалъ Іерусалимъ, и не гналъ тамъ еще неудовольствій, какія выхлѣбъ съ Епископомъ его Іоанномъ. Первое изъ причинное бы-

до посвященіе брата Іеронима, Павлиніана, въ діакона и потомъ въ пресвитера, Св. Епифаніемъ. Епископомъ Кипрскимъ; хотя Павлиніанъ принадлежалъ къ епархіи Іоанна, но и Епифанія нельзя было обвинять въ нарушеніи правилъ церковныхъ, потому что онъ совершилъ рукоположеніе въ собственной обители, отъ него зависѣвшей въ области Палестинской, и жалоба Іоанна Архіепископу Теофилу Александрійскому возбуждала только напрасныя смуты между святителями. Св. Епифаній старался оправдать себя, кроткимъ посланіемъ, предъ Іоанномъ, представляя ему, какимъ образомъ евангельская простота нравовъ, на его островѣ Кипрѣ, не только терпится, но и съ любовію пріемлетъ такого рода посвященія въ чуждыхъ епархіяхъ; онъ обличалъ предъ нимъ и ересь Оригена, которая начинала распространяться по Востоку, внушая ему удалиться отъ общенія Руфина и Палладія, принесшихъ ее изъ Египта въ Іерусалимъ. Раздраженный Іоаннъ отвѣчалъ на письмо сіе, окружнымъ посланіемъ къ Теофилу и всѣмъ Епископамъ, такъ что нѣкоторые стали требовать обличенія по сему предмету у Іеронима. Отвѣтъ его не былъ растворенъ кротостію евангельскою, ибо онъ жестоко обличалъ Іоанна въ несправедливіи противъ Св. Епифанія.

Когда Папа Епифаній проповѣдывалъ въ твоей церкви противъ мнѣній Оригена, писалъ онъ къ Іоанну, и тебя обличалъ подъ его именемъ, ты и твои приверженцы, надмѣнною осанкою, показывали, сколько пренебрегали вы проповѣдничество. Неко-

славъ ли ты своего архидіакона, предъ святой гробъ, сказать Епифанію, чтобы онъ пересталъ говорить? — какой Епископъ обращался такимъ образомъ, даже съ своимъ пресвитеромъ, предъ лицомъ народа? И когда вы шли вмѣстѣ, отъ мѣста воскресенія къ Голгоѣ, и толпа народа, всякаго возраста и пола, къ нему сбѣгалась, подымая къ нему дѣтей, цѣлуя его ноги, отрывая воскрилія его одежды, такъ что вы оба не могли подвигаться и даже держаться на ногахъ: не зависть ли къ славъ святаго старца заставила тебя воскликнуть ему въ глаза, что онъ нарочно останавливается? Вспомни тотъ день, когда народъ оставался въ церкви до часа послѣ полудня, въ надеждѣ слышать Епифанія. Ты съ яростію говорилъ противъ антропоморфитовъ, которые грубо приписываютъ безплотному Богу члены человѣческіе, и нарочно обращалъ рѣчь свою на Епифанія, чтобы возбудить противъ него подозрѣніе въ сей ереси. Когда же ты умолкъ, онъ поднялся съ мѣста, и подавъ знакъ рукою, что хочетъ говорить, сказалъ: все, что обратъ мой проповѣдалъ противъ антропоморфитовъ, согласно съ истинною; и я ихъ также осуждаю; но по велику мы осуждаемъ сію ересь, справедливо осудить и неправыя мнѣнія Оригена! — Ты помнишь, я думаю, какія одобрительныя восклицанія поднялись отовсюду? Обвинія Іоанна въ потворствѣ къ мнѣніямъ Оригена, Іеронимъ осуждалъ его и за то, что обратился съ жалобами къ Архіепископу Александрійскому, какъ будто ему одному поручена забота о всехъ Церквахъ; оправ-

дывая самъ себя въ томъ наречаніи, что раздираетъ Церковь съ некоторыми иноками, отшельничеъ приводилъ во свидѣтельство, какимъ образомъ, во время солнечнаго затмѣнія, когда все ожидали кончины міра, онъ представилъ изъ обители Вилеесмской до сорока человекъ, всякаго возраста, Епископу Іоанну, для крещенія, хотя въ обители сей находилось пять священниковъ; ибо Іоаннъ запретилъ Вилеескимъ совершать у себя крещеніе. Малая однако составить себѣ вѣрнаго сужденія о Іоаннѣ, по письмамъ Іеронима, ибо свойственная ему пылкость, раздражившая противъ него и Римское духовенство, увлекала его иногда и на Востокъ пять предѣловъ любви Христіанской*.

Ересь Пелагія, бывшая отголоскомъ Оригеновой, возбудила между ними ноцья неудовольствія. Пелагій, родомъ изъ Британіи, заслужилъ въ Римѣ уваженіе многихъ знаменитыхъ мужей, строгостію своей жизни, но сошедшись съ Руфинномъ, который возвратился изъ Палестины, принялъ отъ него отчасти мнѣнія Оригеновы и впалъ въ заблужденіе, иждательно благодати Божіей и воли человеческой. Онъ не признавалъ первороднаго грѣха Адамова въ его потомствѣ, и полагалъ, что человекъ можетъ спастись собственными силами, безъ пособія благодати Божіей; однако тщательно скрывалъ свое мнѣніе, подъ личиною православія. Оуджденный въ Карфагенъ, блаженнымъ Августинемъ, онъ отплылъ въ Палестину и вкрася въ добротенность Епископа Іоанна, который не подозрѣвалъ его дести.

* Флери, ии. XIX, гл. 43, 45.

Церковиска, возникшая по предмету мнѣній Пелагія, между двумя свѣтильниками Церкви Западной, Іеронимомъ и Августинномъ, побудила сего послѣдняго послать въ Палестину ученаго пресвитера Испанскаго, Павла Орозій, съ обвинительными письмами противъ Пелагія, ибо ересь сія начинала уже смущать Западъ; сильно вооружился противъ нее на Востокъ Іеронимъ. Орозій вызванъ былъ нѣгъ удивленія Велеемскаго въ Іерусалимъ, чтобы присутствовать на совѣщаніяхъ Епископа Іоанна, касательно мнѣній Пелагія и ученика его Келестина, Іоаннъ и собранные съ нимъ пресвитеры просили Испанскаго пресвитера сообщить имъ все, что происходило въ Африкѣ по сему предмету, и онъ удовлетворилъ ихъ желанію, представивъ во свидѣтельство и писанія блаженнаго Августина противъ ересеначальника. По волѣ Іоанна, Пелагій явился къ собранію и, къ общему неудовольствію, посаженъ былъ между пресвитерами, хотя мірянинъ и еретикъ. На вопросъ о его ученіи, которое осуждено было Августинномъ, онъ отвѣтствовалъ, что не хочетъ знать Августина; когда же Епископъ Іерусалимскій объявилъ, что самъ заступаетъ его мѣсто, Орозій возразилъ: «если принимаешь на себя лице его, раздѣлай и мнѣнія.» Не смотря однако на обвиненія и приводимыя имъ свидѣтельства Африканскаго собора противъ Пелагія, и вопреки голоса Іерусалимскихъ пресвитеровъ, которые не хотѣли судить еще однажды о ереси, уже осужденной многими Епископами, Іоаннъ вступилъ въ дреніе

съ Пелагіемъ. Орозій, не зная по Гречески и не имѣя хорошаго переводчика, не могъ ясно понимать словъ Іоанна и требовалъ, чтобы судъ Пелагія, какъ уроженца Западнаго, отнесенъ былъ въ Епископу Римскому Иннокентію. Согласился наконецъ Іоаннъ, однако послѣ многихъ напрасныхъ споровъ, возбудившихъ несогласіе между нимъ и пресвитеромъ Испанскимъ. Они укоряли другъ друга въ неправильномъ образѣ мыслей, и потому примиреніе, которое хотѣлъ устроить Іоаннъ на совѣщаніи Іерусалимскомъ, наложивъ молчаніе на Пелагія и Орозія, до суда соборнаго, оказалось тщетнымъ.

Въ томъ же году соединился соборъ противъ Пелагія, въ Лидлѣ или Діосполисѣ, состоявшій изъ четырнадцати Епископовъ Палестинскихъ, въ числѣ коихъ были Евлогій Кесарійскій и Св. Порфирій Газскій; первенствовалъ Евлогій и ему подали обличеніе противъ Пелагія два Епископа Галликанскіе, лишенные своихъ кафедръ; но сами они, по причинѣ болѣзни, равно какъ и Орозій, не могли явиться въ назначенный день на соборъ. Пелагій воспользовался ихъ отсутствіемъ, чтобы выставить, въ лучшемъ свѣтъ, неправильныя свои мнѣнія и обольстить, хитрыми изворотами, Епископовъ Греческихъ, которые не могли вникнуть въ смыслъ Латинскихъ обвиненій, а внимали только оправданіямъ, ибо Пелагій объяснялся по Гречески. По ихъ приглашенію, лукавый еретикъ предалъ даже анаѳемъ тѣхъ, которые держались неправильнаго образа мыслей, будто бы ему чуждаго, и тѣмъ доулетворилъ собору, хотя только избѣжалъ пра-

ныхъ обличеній, хитрымъ сплетеніемъ словъ, и такимъ образомъ, осудить отчасти собственное мнѣніе, принять былъ въ общеніе церковное, какъ православный.

Печальное впечатлѣніе, произведенное соборомъ Дюснолійскимъ, изгладилось утѣшительнымъ открытіемъ мощей первомученика и архидиакона Стефана. Недалеко отъ Іерусалима, въ селеніи Кафар-гамала, на родинѣ именитаго учителя Павлова, Гамалиила, нѣкто благочестивый пресвитерь Лукіанъ имѣлъ видѣніе. Ночью представился ему въ ризницѣ, гдѣ онъ обыкновенно спалъ, для храненія утвари, величественный старецъ, съ длинною сѣдою бородою, въ бѣлой одеждѣ, съ золотыми крестами на воскриліяхъ и золотымъ жезломъ въ рукахъ, и, коснувшись его жезломъ, сказалъ ему по Гречески: «Лукіанъ, Лукіанъ, иди въ Іерусалимъ и скажи Епископу Іоанну: долго ли еще будемъ мы заключены? открой скорѣе гробницу, гдѣ небрежно лежатъ наши мощи, дабы Господь чрезъ нихъ открылъ міру двери своего милосердія. Не о себѣ я забочусь, но о святыхъ, со мною лежащихъ,» — «Кто ты?» спросилъ старца изумленный Лукіанъ. — «Я Гамалиилъ, законоучитель Апостола Павла, отвѣчалъ онъ, и подлѣ меня, съ восточной стороны, владыка мой Стефанъ, который былъ побитъ камнями отъ Іудеевъ, за сѣверными вратами города. Тамъ пребылъ онъ день и ночь, по приказанію нечестивыхъ священниковъ, чтобы тѣло его было съядено звѣрями, но ни звѣрь, ни

птица его не коснулись. Ночью послалъ я вѣрныхъ, знакомыхъ мнѣ въ Иерусалимѣ, и далъ имъ всѣ необходимыя средства; убѣдилъ ихъ тайно привезти, на моей колесницѣ, тѣло мученика въ домъ мой, и здѣсь, послѣ сорока дней, похоронилъ его въ моемъ гробѣ, съ восточной стороны. Здѣсь, въ другомъ гробѣ, и Никодимъ, приходившій къ Спасителю ночью и котораго крестили его ученики. Евреи, узнавъ о томъ, лишили его должности и изгнали изъ Иерусалима; я же принялъ его въ загородный домъ свой, гдѣ содержалъ до конца жизни, и похоронилъ съ почестію близъ Стефана. Тамъ похоронилъ я и сына моего Авиву, умершаго прежде меня, двадцати лѣтъ, но приняшаго однако крещеніе вмѣстѣ со мною. Онъ въ третьемъ, болѣе возвышенномъ гробѣ; тутъ и меня положили по смерти; но жена моя, Эна, и сынъ мой старшій, Селемія, не хотѣвшіе принять вѣру Христову погребены въ иномъ селеніи ихъ матери.» — «Гдѣ же искать тебя?» спросилъ опять Лукіянъ и услышалъ въ отвѣтъ: «въ предвѣстіи, называемомъ Деллагабри.»

Проснувшись, пресвитеръ, помолился Господу, чтобы видѣніе сіе, если оно истинно, повторилось дважды и трижды, и нѣложилъ на себя строгій постъ. Недѣлю спустя, опять представился ему тотъ же старецъ, спрашивая: отчего не извѣстилъ онъ Епископа Іоанна? и на отвѣтъ его, что боялся быть принятымъ за обольстителя, возразилъ: повинуйся, повинуйся, повинуйся! Ты хотѣлъ знать, гдѣ наши мощи? — смотри, продолжалъ Гамалиль,

привесшии ему три золотыя короны: и одну серебряную; съ благоухающими цвѣтами, это Стефанъ, почивающій у входа гробницы; другая корона Никодимъ, положенный подлѣ дверца; была корона знаменуетъ сына моего; въ совершенной чистотѣ оставившаго мръ, и съ нимъ содвигена моя.» После сихъ словъ, онъ исчезъ; на третьей недѣлѣ, въ тотъ же день и часъ, опять повторилось видѣнїе; но уже Гамалилъ угрожалъ пресвитеру за его небрежность, говоря: «или же видишь, какая засуха опечаливаетъ мръ? Сколько есть святыхъ мужей въ пустынь, гораздо лучше тебя; но мы ихъ оставили и тебя избрали, чтобы намъ открыться; для сего и перевели тебя изъ другаго селенія сюда въ пресвитеры.»

Тогда испуганный Лукіанъ посѣщилъ въ Иерусалимъ, къ Епископу Іоанну, который со слезами прославилъ Бога, и пожелалъ перенести мощи Св. Стефана въ церковь Сионскую; онъ велѣлъ искать ихъ подлѣ груды камней, наваленныхъ среди поля, гдѣ пресвитеръ надѣялся ихъ обрести; но старанія его и собраннаго имъ народа остались тщетными; ничего не нашли подлѣ груды камней. На другой день, нѣкто благочестивый имекъ Нугатій, имевшій также ночное видѣнїе, указалъ настоящее мѣсто погребенія первомученика, въ развалинахъ древняго памятника, и въ немъ обрѣли три гроба, съ именами Стефана, Никодима, Гамалила и Авца, священныхъ ма: давить. Дудилъ, поросшица, а дръгъ узломниа Епископа Іоанна, дъ Диосподисъ, и онъ, съ двумя Епископами у Севастійскими и Іерихон-

снимъ, оставилъ соборъ, чтобы поднять святую мощь, при многочисленномъ стеченіи народа. Чрезвычайное благоволеніе произошло надъ гробомъ Стефана, отъ коего сохранился одинъ только остовъ, въ совершенной цѣлости, но безъ всякой плоти, и прикосновеніе къ онымъ священнымъ останкамъ испустило внезапно болѣе семидесяти болящихъ всякаго рода; мощи архидякона перенесены были въ церковь Савинскую, гдѣ нѣкогда принялъ онъ рукоположеніе отъ Апостоловъ, и память перенесенія празднуется 2 Августа; пресвитеръ же Лукіанъ изложилъ, въ простомъ чистосердечномъ описаніи, повѣсть сего необычайнаго обрѣтенія, которая распространилась по всему Западу, чрезъ Орозія, бывшаго тогда въ Палестинѣ.

Въ тоже время обрѣтены были, неподалеку отъ того мѣста, въ предѣлахъ Елевсереполя, мощи Пророка Захаріи **; онъ явился, въ сонномъ видѣніи, нѣкому рабу, по имени Калимеру, управлявшему селеніемъ своего господина, и велѣлъ ему копать землю подлѣ дороги, ведущей къ городу Витеревію; Пророкъ былъ найденъ въ двойномъ гробѣ, облеченный въ бѣлую священную одежду, но это былъ сынъ первосвященника Юдая, а не сынъ Варакіи, отъ коего осталась намъ книга пророчеств ***.

Одинъ изъ Епископовъ, присутствовавшихъ вмѣстѣ съ Іоанномъ, на соборѣ Діоскоріаса, былъ Св. Порфирій Газскій, котораго ублажаетъ Церковь за
**** Четьи Минея, 2 Августа. .... Флери, кн. XXII, гл. 22, 24.
**** Саркентъ, кн. I, гл. послѣдн.

его великіе подвиги противъ идолослуженія: ибо онъ обратилъ къ свѣту Христову упорную своего царству, долже вестьхъ противавшуюся астинную вѣръ; предъстаники его, Ассилена, Ирмѣонъ и Дней, не могли успѣть. Порфирій родился въ Фессалоникѣ, въ половинѣ IV вѣка, отъ именитаго и богатаго семейства, и получилъ образованіе достойное своего высокаго званія; но пустыня была предметомъ его желаній, и во цвѣтъ лѣтъ онъ избралъ самую жестокою изъ пустынь, Скитскую, на рубежѣ Ливіи. Потомъ, посѣтивъ Св. мѣста, еще на пять лѣтъ удивился въ вертепѣ Иорданскомъ, откогда тяжкая болѣзнь заставила его идти въ Иерусалимъ. Тамъ, разслабленный, ежедневно посѣщая Св. мѣста, съ посохомъ въ рукахъ, исцѣлился чуднымъ образомъ; однажды, съ трудомъ дошедши до Голгофы, упалъ онъ безъ чувствъ на каменный помостъ ея, и будучи внѣ себя, увидѣлъ Господа Иисуса распятаго, который велѣлъ благоумному разбойнику сойти со креста къ болящому и взявъ его за руку исцѣлить. Порфирій всталъ исцѣленнымъ и продолжалъ строгую жизнь свою въ Иерусалимѣ, раздавъ все свое имущество бѣднымъ и монастырямъ. Епископомъ Іоаннъ, произвелъ его въ пресвитера и поручилъ ему: храненіе честнаго древа креста, которое соблюдалъ онъ три года, доколѣ не былъ избранъ въ Визеконя. Митрополитъ Кесарійскій Іоаннъ, по смерти Святителя Газскаго Дней, не зная кому поручить столь трудную царству, наложилъ на себя трехдневный постъ

и просилъ Господа отырокъ ему достойнаго пастыря; Господь указалъ на Порфирія.

Митрополитъ написалъ къ Юлиану Иерусалимскому, и самъ Порфирій шлалъ ночью другое видѣніе: І. Христосъ предлагалъ ему отдать обратно взыренное его заботамъ сокровище, ибо онъ хотѣлъ дать ему супругу убогую, но добродѣтельную, которую долженъ былъ такъ украситъ, чтобы она была первобытное свое состояніе. Порфирій тогда только понялъ таинственный сонъ, когда вызванный въ Кесарію, былъ противъ воли посвященъ Вископомъ въ Газу. Жестоко приняли его идолослужители сего города, ибо, по темнымъ предозначеніямъ жрецовъ своихъ, они ожидали отъ него сокрушенія язычества. Первое обращеніе произвелъ Порфирій, испрошеніемъ обильнаго дожда во время ужасной засухи, и присоединилъ до двухъ сотъ новокрещенныхъ къ прежнимъ тремъ стамъ, которые составляли дотолъ всю его паству; но онъ за то подвергся гоненіямъ, и не видя себѣ никакой помощи отъ правителя области, рѣшился обратиться съ письмами въ Царьградъ, къ великому Юлиану Златоусту, который и самъ былъ некогда цеклонникомъ взятымъ мѣсть Иерусалимскихъ. Златоустъ могъ только спросить у Императора Аркадія заключеніе кадицъ идольскихъ. Молитвы и издѣленія Порфирія мало помалу умножали число Христіанъ; но каждое обращеніе отставало ему местию со стороны язычниковъ. Онъ уже хотѣлъ оставить свою неблагодарную паству, но Митрополитъ Кесарійскій убѣдилъ его плыть съ нимъ вмѣ-

ствъ въ Царьградъ, чтобы тамъ искать помощи у самого Императора. Благополучно было ихъ цѣлѣваніе, и вступленіе Златоуста открыло имъ входъ въ палаты царскія; они предрекли Императрицу Евдокіи счастливое рожденіе сына и получили отъ Императора желанный указъ, о сокращеніи цѣлѣвшихъ капищъ въ Гагъ.

Радостно встрѣтилъ возвратившихся, въ городъ Маіумъ, Св. Епископъ Зинонъ, который и самъ былъ въ числѣ исповѣдниковъ, съ опасностію жизни избѣжавъ жестокаго гоненія Іудіанова; Христіанскіе жители Гагъ, съ престомъ въ рукахъ, вышли также на встрѣчу Порфирію, но исполненіе указа царскаго стоило многихъ усилій. Войны разрушили, въ теченіе семи дней, семь капищъ идольскихъ, къ утварямъ коихъ не позволялъ прикасаться Порфирій; но еще стояло главное капище Марнаса и колебалось: потребить ли его огнемъ, или обратить въ Христіанскую церковь, ради его великолѣпія? Голосъ семилѣтняго отрока обнаружилъ волю Божию, о истребленіи нечистаго капища, со всеми его идолами и сокровищами, и вскоре воздвиглась надъ его развалинами великолѣпная церковь, во имя Предтечи, по соборіемъ Императрицы Евдокіи и ревностію благочестиваго пастыря. День зажегши: храма ознаменовался чуднымъ спасеніемъ трехъ младенцевъ, упавшихъ въ колодезь; и ображеніемъ трехъ сотъ язычниковъ; прочіе однако не оставляли въ покое сятаго. Однажды, умертвивъ семь Христіанъ, устремчашся они въ жилище Епископа, и Порфирій долженъ былъ съчастіемъ бѣгствомъ,

вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Маркомъ, въ соседній домъ, гдѣ исцѣлялъ расслабленную дѣвцу. Но смиреніе его, постоянство и пламенная любовь къ своей паствѣ, не изменили ему до послѣдняго часа, и онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть, предъ своею блаженною кончиною, почти весь городъ Газу обращеннымъ къ Христіанству.

Соборомъ Діоспольскимъ не успокоилось волненіе, возбужденное въ Палестинѣ ересью Пелагія. Три года спустя, толпа его послѣдователей, ожесточенныхъ противъ блаженнаго Іеронима за его обличенія, ворвалась въ Виллеемскія обители и сожгла ихъ, умертвивъ нѣсколькихъ иноковъ, въ томъ числѣ и одного діакона; Іеронимъ едва успѣлъ спастись въ укрѣпленную башню. Пелагіане не попадали и женской обители Евстохіи и Павлы, которыя также съ большимъ трудомъ избѣжали смерти, поереді разоренія и убійства. Онъ жаловался письменно Папѣ Иннокентію, на равнодушіе, съ какимъ Епископъ Іоаннъ оставилъ безъ наказанія такое преступленіе, и Папа съ своей стороны написалъ ему увѣщательную грамоту, но она уже не застала его въ живыхъ. Лестъ Пелагіанская была столь обоюдна, что и преемникъ Іоанна, Цранль, увлекся сперва обманчивыми свидѣтельствами начальника ереси и писалъ объ немъ въ Римъ: Папа Зосима принялъ также благосклонное участіе въ Пелагіи и Колестинѣ, доколѣ усиліями блаженнаго Августина, соборъ Африканскій не обличилъ совершенно тайной ихъ ереси. Наконецъ и на Востокѣ обличилась ересь сія, и самъ Епископъ

Иерусалимскій Пророкъ изгнать лжеучителей. изъ Св. ивствъ.

Страшныя знаменія исполнили въ то время ужасомъ всю Палестину: 19 Юля 418 года, въ яркій полдень, солнце затмилось до такой степени, что звезды появились на небѣ, и необыкновенная засуха распространила смерть между людьми и скотомъ; странный свѣтъ, въ видѣ кометы, показался на небѣ въ часъ затмѣнія, и продолжался въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, какъ знаменіе грядущихъ бѣдъ, и странное землетрясеніе обрушило много городовъ и селеній; когда колебалась земля, съ неба падалъ огонь, не вредившій однако людямъ, потому что сильный вѣтръ уносилъ его на море; и онъ продолжалъ еще, къ общему изумленію, сіять на волнахъ. Самъ Господь Иисусъ Христосъ явился некоторымъ, въ облакѣ на горѣ Элеонской, и язычники внезапно увидѣли блестящія кресты на своихъ одеждахъ, такъ что многіе изъ нихъ пріяли святое крещеніе. Ожидали кончины міра; мнѣніе сіе было предметомъ писемъ, между блаженнымъ Августиномъ и Исихіемъ, Епископомъ Далматскимъ. Августинъ, ссылаясь на Иеронимово истолкованіе пророчествъ, благоразумно отвѣчалъ: «не смѣю рассчитывать впередъ время втораго пришествія Господня, и не думаю, чтобы кто-либо изъ Пророковъ определялъ оное, ибо я держусь словъ Господнихъ: что никто не знаетъ времени сего, котораго положилъ Отецъ во власти своей. По словамъ Христовымъ извѣстно, что прежде кончины

міра; Евангеліе проповідано будетъ во всей вселенной; но нельзя знать, сколько еще осталось народовъ, которымъ оно не проповідано, и еще менше, сколько останется времени, послѣ ихъ обращенія, до кончины міра. Я бы лучше негала въдати, нежели не въдати то, о чемъ мнѣ спрашиваютъ; но мнѣ пріятнѣе сознаться въ моемъ не въдѣніи, нежели похваляться ложнымъ знаніемъ.

На другой годъ, послѣ сихъ знаменій, скончался, въ Вилеескомъ своемъ вертепѣ, и девяностолѣтній старецъ Іеронимъ, измуренный годами и строгою жизнью; онъ погребенъ былъ въ той пещерѣ, гдѣ жревалъ болѣе 30 лѣтъ въ глубокомъ уединеніи, и гробница его доселѣ сохранилась въ подземельи. Ему предшествовала Евстохія, оставивъ по себѣ управленіе обителію племянницъ своей Павлы: Такихъ образомъ, мале до малу, переселялась въ вѣчность вся именитая колонія Римская, ученыхъ пресвитеровъ и благородныхъ жемъ, назывившихъ суету столицы всемірной на уединеніе Палестины. Оставалась еще Меданія младшая, которая по возвращеніи своемъ изъ Египта, устроивъ мать и супруга въ Іерусалимѣ, сама безвыходно затворилась въ делліи на горѣ Адронской, и только послѣ четырнадцати лѣтъ строжайшихъ постовъ и моленій, временно ее оставляла, чтобы основать обитель инокинь въ Іерусалимѣ; Іеронимъ, устроивъ ей снѣ каляіи, и его святыми набуждала она лести Пелагіанской. Она имѣла еще угаданіе обратити въ Христіанство дядю своего,

известнаго египетскаго Валудіана, для котораго нарочно отплыла въ Константинополь, и тамъ снизшла любовь Императрицы Евдокии, супруги младшаго Феодосія; когда же Евдокиа посѣтила, въ свою тѣду, Іерусалимъ, Меланія исцѣлила ее молитвою отъ болѣзни. Предчувствуя близкую свою кончину, она еще однажды обошла все Св. мѣста Іерусалима и его окрестностей, провела недѣлю рождества въ Внолесеи, и возвратясь въ Св. градъ, приобщилась въ послѣдній разъ Св. таинъ. Множество духовенства, отшельниковъ и народа стеклось, чтобы быть свидѣтелями ея блаженной кончины.

VIII.

ОБИТЕЛИ ВНОЛЕСЕИ и ПУСТЫНИ.

Св. Марія Египетская, Евопій великій и Феоктистъ.

Между обителями Внолесеи славилась и та, въ которой начали свои постническіе труды святые Кассіанъ и Германъ, также пришельцы Западные; какъ о томъ свидѣтельствуесть прозваніе Римля-

нина, сохранившиеся первому. Кассіанъ, оставив-
шій намъ описаніе знаменитыхъ отшельниковъ пу-
стыни Сидетской и Нитрійской въ Египтѣ, отзы-
вается съ большою похвалою о собственной обители
Вилеемской, гдѣ находилось много великихъ по-
движниковъ. Самая труднѣе, съ какою оба инока
могли исходатайствовать себѣ дозволеніе идти въ
Египетъ, уже овильтельствуееть о строгости правилъ
сей обители, ибо опытный ихъ авва боялся, чтобы
странствіе, хотя и благочестивое, не отвлекло юно-
шей отъ безмолвія келейнаго. Изъ ихъ обители рас-
пространилось на всю Церковь учрежденіе читать
псалмы и молитвы перваго часа, послѣ славословія
утренняго; по прежнему чину, иноки могли отдыхать
отъ всеобщаго бдѣнія до третьяго часа дня, но стар-
цы Вилеемскіе, опасаясь излишняго послабленія ма-
лодушнымъ, положили и сей первый часъ дня про-
водить въ молитвѣ, дабы приучить ихъ къ непре-
станному бодрствованію.

Странствованіе Кассіяна и Германа совершилось
въ самыхъ послѣднихъ годахъ четвертаго столѣтія;
съ любовію возвратились они въ свою обитель, и
собраннымъ Палестинскимъ инокамъ Ангельскую жизнь
отшельниковъ Египетскихъ: потомъ оба посѣтили
Царьградъ, гдѣ Св. Златоустъ рукоположилъ одно-
го въ пресвитера, а другаго въ діакона; но по слу-
чаю возникшихъ гоненій противъ Святителя, они
удалились на западъ. Тамъ, по просьбѣ одного изъ
Епископовъ Галликанскихъ, изложилъ Кассіанъ
духовную жизнь и совѣты иноковъ Египетскихъ

Въ его оцѣхъ сохранилась мать и поветъ, о мученической кончинѣ некоего отшельника въ пустыни Фокуа, избѣженныхъ Сарацинами, во время его пребыванія въ Визосемъ. Молва о нѣкъ святой жизни распространилась столь далеко, что Епископы Аравійскіе, съ большимъ множествомъ народа, пришли собрать нѣкъ останки, и нѣсколько городовъ ссоривали другъ у друга почестъ нѣкъ погребенія.

Въ обители блаженной Рижлянки Парлы, искала себя также снѣсенія духовнаго одна великая грѣшница, по имени Зоя*, которая проводила страстную жизнь въ Кесаріи Палестинской, отъажила даже искутить некоего святаго отшельника Мартиніана. Облечись въ рубище, она пришла въ бурную ночь въ его пустынной келліи, прося себя убавища отъ немоты, и была человеколюбиво принята нѣкъ въ преддверіе. На другой день онъ съ изумленіемъ увидѣлъ у себя женщину, облеченную въ роскошныя одежды; опасаясь козней дьявольскихъ, подвижникъ зажогъ огонь посреди келліи и, въ присутствіи грѣшницы, вступивъ въ него босыми ногами, говорилъ самъ себя: «каковъ тебѣ кажется огонь сей, Мартиніанъ? можетъ ли онъ сравниться съ адскимъ? Не если желаешь пламени адскаго, то приближься къ сей женщине!» Изумленная такимъ самоотверженіемъ грѣшница, бросилась къ ногамъ святаго отшельника, исповдала ему грѣхи свои, прося у него исцеленія духовнаго, и онъ отвѣлъ ее въ монастырь Св. Парлы, гдѣ провела остатокъ дней своихъ въ покаяніи.

* Liv V, ch. 13. Четыи Миселъ 13 Февраля.

Къ сему же времени относится другой, еще более изумительный примѣръ некаявинойся грѣшницы, Маріи Египетской*, который сохранился намъ изъ описанія Патриарха Іерусалимскаго Сѣверія; назидательная повѣсть сія утѣшительно свидѣтельствуеть, до какой степеніи совершенства можетъ достигнуть самая падшая природа наша; при содѣйствіи благодати Божіей. Бурно провела Марія вервья тридцать лѣтъ своей жизни въ Александріи, славясь красотою, утопая въ наслажденіяхъ чувственныхъ. Для новыхъ житейскихъ дѣлъ отплыла она вмѣстѣ съ поклонниками въ Іерусалимъ; тамъ любопытство повлекло ее въ храмъ на праздникъ воздвиженія, но волненіе народное безпрестанно отдаляло ее отъ св. вѣрствъ. Тогда тайный укоръ пробудился въ ея сердцѣ: не высшая ли сила препятствуетъ ей, за тяжкіе грѣхи, проникнуть въ святилище? и сей первый укоръ былъ минутою ея обращенія. Съ горькими слезами понялась она загладить покаяніемъ прежнюю жизнь, и поклонясь Св. гробу, укрылась, по внушенію сердца, во глубину пустыни Аравійской за Іорданъ.

Протекло около пятидесяти лѣтъ; игуменъ Зосима, спасавшійся въ одномъ изъ монастырей Іорданскихъ, во дни поста, когда вся братія расходилась по разнымъ пустынямъ, былъ увлеченъ далеко за Іорданъ, желаніемъ обрести образецъ совершенства иноческаго, въ комъ либо изъ забвенныхъ отшельниковъ. Много уже дней онъ скитад-

* Четыи Миней 1 Апрель.

ся, и вотъ наконецъ мелькнуло ему въ отдаленнѣмъ подобіе человѣческаго тѣла, совершенно иссохшаго и опаленнаго солнцемъ, одѣтаго лишь длинными власами; онъ устремился къ бѣгущему отъ него призраку и услышалъ жалобный голосъ: «авва Зосима, я женщина, брось мнѣ свою одежду и тогда приблизись.» Зосима узналъ чудесную повѣсть жены Египетской и, пораженный ея смиреннымъ разсказомъ, двинулся, гдѣ обрѣла она довольно силы для столь тяжкаго испытанія.

«Страшно вспоминать протекшее, сказала отшельница; вотъ уже сорокъ семь лѣтъ какъ я въ пустынь, и первая семнадцать провела въ жестокой борьбѣ съ моими страстями, какъ съ лютыми звѣрьми, ибо другихъ я здѣсь не встрѣчала. Любимая вино, иногда не могла я утолить и каплею воды свою жажду; много страдала отъ голода и зноя, много отъ болѣзней, и часто уже лежала какъ бездыханный трутъ. Прегнѣи возжелѣнія, какъ пламень, съѣдали мою внутренность, но я падала ницъ, и билась о землю, въ слезахъ призывала горнюю помощь, и она, наконецъ, посетила меня отрадною, тишиною духа и тѣла.» — Но гдѣ же научилась ты Св. писаніямъ? спросилъ Зосима, изъивенный, ея духовною бесѣдою. «Богъ посылаетъ знаменіе смертнымъ, отвѣчала она, а же ни чему не училась и не видала живой души, со дня моего перехода чрезъ Иорданъ. Чувствую однако что мои силы оскудѣваютъ; исполни пламеннее желаніе сердца; давно уже не приобщалась я Св. таинъ: не удаляйся на слѣдующій постъ въ пу-

стылю, но ожидай меня въ великій четвертокъ со Св. дарами на Иорданъ; нынѣ прости.»

Она скрылась; прошелъ годъ — и сдѣлавъ игуменъ, въ урочный день, на берегу рѣки, думая самъ въ себя: какъ перейдетъ давняя жена сія чрезъ бурныя, осеннія волны Иордана? Отшельница явилась на другой сторонѣ и, осѣнивъ крестомъ шумныя воды, сълою стопою по нимъ пошла. Въ ужасѣ палъ предъ нею Зосима: «священникъ Бога Вышняго, воскликнула Марія, ты ли унижаешь страшныя тайны Христовы предъ гривницею!» Съ умиленіемъ вкусила она божественныхъ тѣла и крови, и назначивъ ему чрезъ годъ свиданіе въ пустынь, вновь удалилась по водамъ.

Минувалось время, вруменъ пошелъ искать отшельницу въ знакомой пустынь: — внѣ дикато вертепа лежало ея высохшее тѣло. Одинокю отыскавъ ея безымянную, не зная, гдѣ скрыть соприлище мошей ея; но глазамъ его предстали начертанныя на нескѣ слова: «авва Зосима, въ самую ночь страсти Господней отошла я къ Спасителю, притаченная Св. таинъ; погреби здѣсь мое тѣло и помолись о убогой Маріи.» Радумсь небесной славы той, чье имя узналъ только по смерти, онъ стоялъ въ тяжкой думѣ, ибо не имѣлъ средства исполнить послѣдней ея воли; но къ нему на помощь выбѣжалъ изъ стени левъ и, мощными когтями, вырылъ предъ нимъ глубокую могилу. Сей погребатель пустыни, какъ будто постигнувъ на нигъ цель пришествія инока въ свою дикую область, и живеть съ нимъ вдалѣ послѣдній долгъ давной Маріи.

Но уже востало великое сѣтливо иночества, долженствовавшее озаботить собою всю Палестину, поддерживать въ ней потрясенное православіе и послужить образцомъ для современниковъ и потомства — богоносный Евимій *. Рожденный въ Малой Арменіи, отъ благородныхъ родителей, во время послѣдняго Аріанскаго гоненія Валента, онъ былъ сыномъ молитвы, подобно Іоанну Предтечѣ, разрывшъ собою неплодную утробу матери. Трехлѣтъ остался Евимій сиротою, но о немъ заботился Епископъ Милитинскій, который окрестилъ его и преждевременно принялъ въ клиръ, предвѣдая въ младенцѣ великаго мужа Церкви. Юношей уже онъ былъ благодетелемъ всѣхъ обителей отечественной епархіи, и тридцати лѣтъ вознамадавъ большаго удивленія, пошелъ посѣтить Св. мѣста Палестины, гдѣ предназначено было ему полуувѣковое славное поприще.

Сперва поселился Евимій въ пещерѣ, близъ лавры Фаранской, на разстояніи двухъ часовъ хода отъ Іерусалима, и тамъ соединился духовно съ другимъ именитымъ отшельникомъ Феоклитомъ. Неразлучно потекла иноческая жизнь ихъ; но времена оставляли они Фаранъ, чтобы погружаться на всю великую, четырехдесятницу, въ глубокую пустыню Заіорданскую; наконецъ обрѣли себѣ дикую пещеру надъ потокомъ, близъ Іерихона, на четыре часа пути отъ Св. града, и ее избрали мѣстомъ духовнаго своего подвига. Долго укрывались они въ ущелии горъ, невѣдомые міру, доколы

* *Vic des peres du desert, Liv. 11, ch. 13. Четыр Милел Гемв. 20.*

однажды настухи, пригнавшіе стада свои изъ потоку, увидѣли ихъ, какъ два призрака, на высотѣ, едва доступной; но первоначальный страхъ измѣнился въ духовную радость, когда узнали въ сихъ призракахъ мужей молитвы. Услышавъ о печальномъ обрѣтеніи давно утраченныхъ, съ любовью собрались къ отшельникамъ нѣкоторые изъ иноковъ Фаранскихъ, и мало по малу основалась, на потоку Герихонскомъ, въ ущеліяхъ, иная лавра, которую Евимій поручилъ Θεоктисту, а самъ продолжалъ молитвенную жизнь въ неперъ, служившей церковью для новой обители. Такъ дикія берлоги звѣрей обратились въ Ангельскія жилища. Евимій, назидая бесѣдами иноковъ, внушалъ имъ совершенное отреченіе отъ міра и непрестанные труды, по примѣру Апостола Павла, дабы праздность не лишила ихъ средствъ содержать себя и творить милостыню; онъ строго наблюдалъ за исполненіемъ правила иноческаго, не потворствуя ни малодушію слабыхъ, ни тщеславію превозносившихся подвигами поста.

Господь далъ ему и другое великое званіе, быть пресвѣтителемъ язычниковъ. Во время страшнаго гоненія, воздвигнутаго волхвами противъ Христіанъ Персидскихъ, въ царствованіе Издигерда, пограничные начальники области Персидской получили повелѣніе истреблять всѣхъ Христіанъ, бѣжавшихъ въ предѣлы Римскіе; но одинъ изъ старѣйшинъ Сарацинскихъ, которые кочевали на рубежѣ Персіи, Асповитъ, ужаснулся столь жестокаго повелѣнія и старался спасти гонимыхъ; вскорѣ и самъ онъ

принужденъ былъ бѣжать отъ раздраженнаго Царя. Эпархъ Римскій, слышавшій о его добродѣтели, сохранилъ ему званіе старѣйшины и поставилъ его надъ иными колѣномъ Сарацинскимъ, подвластнымъ Римлянамъ. У Аспевита былъ разслабленный сынъ, Теревонъ, котораго напрасно старался исцѣлить волхвованіями Персовъ и лекарствами Грековъ; самъ болящій помолился наконецъ Богу Христіанскому и обещалъ принять крещеніе, если исцѣлится; тогда въ сонномъ видѣніи предсталъ ему инокъ, съ длинною сѣдою бородой, и спросилъ: «все ли онъ исполнитъ, что обещалъ Господу?» Спящій повторилъ обещаніе, и старецъ сказалъ ему: «я Евоній, живущій въ пустынь, къ востоку отъ Іерусалима, на пути къ Іерихону; приди ко мнѣ, я помолюсь о тебѣ и Господь исцѣлитъ.» Повѣрилъ видѣнію юноша и рассказалъ отцу своему. Аспевитъ, съ избранными Сарацинами, пошелъ искать обитель, и устрашились иноки, увидя толпу варваровъ; но Θεоктистъ мужественно ихъ встрѣтилъ и спросилъ о причинѣ пріестья. «Мы хотимъ говорить съ Евоніемъ,» отвѣчалъ старѣйшина. — «Теперь нельзя, возразилъ Θεоктистъ, потому что онъ на безмолвіи до дня субботняго.» Когда же увидѣлъ разслабленнаго и услышалъ изъ устъ его о видѣніи, не рѣшился медлить, дабы открылась слава Божія язычникамъ, и посвѣшилъ извѣстить авву; Евоній вышелъ изъ своей пещеры, помолился и, знаменіемъ креста; исцѣлилъ разслабленнаго. Изумленные варвары пали на землю предъ дивнымъ старцемъ, и проси-

ли принять ихъ въ число Христіанъ; онъ же немедленно приказалъ устроить въ пещеръ своей куваль и, окрестивъ всѣхъ, далъ имя Петра Аспениту. Въ теченіе сорока дней наставлялъ ихъ истинамъ Христіанскимъ Евонмій и потомъ отпустилъ съ миромъ въ шатры ихъ; но дядя исцѣленнаго, Марись, пожелалъ остаться въ лаврѣ и пожертвовалъ ей все свое имущество. Такъ, съ большею подробностію, рассказываетъ сіе происшествіе инокъ Кириллъ, описатель житія Евонміева, почти современникъ, ибо и самъ былъ воспитанъ однимъ изъ учениковъ его.

Молва о семъ чудѣ распространила славу Евонмія по всей Палестинѣ, такъ что отовсюду стали стекаться къ нему за исцѣльніями: смиреніе его и любовь къ безмолвію не могли долго переносить стеченія народнаго; онъ рѣшился отойти въ пустыню Руванъ, гдѣ, какъ полагаютъ, постылся со ракъ дной Спаситель, и не смотря на убѣжденія Феоктиста, съ однимъ только ученикомъ Домитіаномъ, пошелъ сперва на берегъ Мертваго моря, а потомъ на высочайшую, отдѣленную отъ всѣхъ прочихъ, гору, съ вершины коей, по преданіямъ мѣстнымъ, діаволъ искушалъ Господа, зрѣящемъ царствѣ земныхъ. Тамъ обрѣлъ колодезь, съ развалинами древняго зданія, и соорудивъ алтарь, провелъ нѣсколько времени, питаясь травами; оттолъ перешелъ въ пустыню Енгалдійскую и долго обиталъ, безвѣстнымъ, въ той пещерѣ, въ которой нѣкогда укрылся Давидъ отъ гоненій Саула; по

исцеление биснуемато открыло Евонія окрестнымъ жителямъ , и они начали сооружать монастырь около пещеры. Авва искалъ опять спастися отъ молвы народной, въ прежнюю свою обитель, на потокъ Іерихонскомъ; не доходя до нее, на разстояніи часа, обрѣлъ онъ дикое мѣсто, которое полюбила душа его, и тамъ навсегда основался, не смотря на мольбы и слезы Феоктиста, пролитыя при радостномъ свиданіи обоихъ великихъ друзей.

Евоній посѣщалъ лавру только во дни воскресные, чтобы приобщаться Св. таинъ вмѣстѣ съ братією. Радостная вѣсть, о его возвращеніи, распространилась между Сарацинами, и старейшина, имъ просвѣщенный, собралъ множество людей своего келіа, всякаго возраста и пола, дабы и они воспользовались его назиданіями. Святый отшельникъ, приготовилъ ихъ сердца къ принятію истинной вѣры, окрестилъ ихъ и пребылъ съ ними неразлучно семь дней, для ихъ наставленія. Но Аспевитъ, видя что нѣтъ никакого пріюта святому старцу, во вновь избранномъ уединеніи; выстроилъ для него три малыя келіа, и ископалъ тамъ колодезь, а такъ какъ народъ Сарацинскій уже не хотѣлъ болѣе оставлять его, старецъ согласился, чтобы между лаврою Феоктиста и его скитомъ, устроилось селеніе. Онъ самъ начерталъ размѣры церкви и послалъ старейшину Аспевита, названнаго въ Христіанствѣ Петроу, къ Святителю Іерусалимскому, чтобы онъ рукоположилъ его въ Епископа новообращенныхъ.

Жаждавшій удивленія Евенній, не хотѣлъ сперва никого принимать въ свой безмолвный скитъ и отсылалъ всѣхъ, искавшихъ его руководительства къ Θεоктисту; но въ сонномъ видѣннн Господь открылъ ему свою волю, чтобы не чуждался новыхъ учениковъ, и мало по малу собралось ихъ до пятидесяти около его келліи. Онъ принужденъ былъ просить Аспевита, устроить и для нихъ церковь въ своемъ скитѣ, который вскорѣ обратился въ лавру, не уступавшую Фаранской. Самъ Епископъ Іерусалимскій, Іувеналій, преемникъ Пранла, приходилъ освящать ее съ хорепископомъ Пассаріономъ и пресвитеромъ Исихіемъ, которые сіяли, какъ звезды, на тверди нической, по выраженію лѣтописца; приходъ ихъ чрезвычайно утѣшилъ авву, и по его желанію, ученики его Домитіанъ и Домнъ, будущій Патріархъ Антиохійскій, рукоположены были въ діаконы, а два другихъ въ пресвитеры, для служенія при новой церкви.

Многія чудеса ознаменовали, сколь близокъ былъ Господу возлюбившій его авва: однажды, при совершенномъ недостаткѣ хлѣба въ обители, четыреста пемлонниковъ Армянскихъ, печально со-вратившись съ пути, пришли прямо ко вратамъ ея, и старецъ велѣлъ ученику своему Домитіану угостить ихъ братски. Напрасно представлялъ ему Домитіанъ, что и братія нуждалась въ пищѣ; онъ долженъ былъ идти исполнить приказаніе, и увидѣлъ пекарню, внезапно исполняющуюся хлѣба. Съ раскаяніемъ бросился онъ къ ногамъ аввы, но ста-

рець кротко напоминать ему только слова Апостола: «стѣющій съ благословеніемъ, съ благословеніемъ и поютъ.» Въ другой разъ, когда общая засуха истощила все источники и колодези, а святой старецъ, предъ началомъ великаго поста, собирався по обычаю на всю четырехдесятницу въ пустыню Заіорданскую, окрестные жители сошлись къ нему, съ крестами въ рукахъ, умоляя испросить у Бога дождя. Долго смиреніе его колебалось исполнить моленіе просящихъ; наконецъ, возбудивъ, ихъ къ молитвѣ, самъ онъ вмѣстѣ съ братіею воззвалъ къ Богу, и внезапно возшумѣлъ ливень, какъ некогда по гласу Пророка Іліи, съ громомъ и молніею, и освѣжилъ лице земли.

Исполненный благоговѣнія, при совершеніи Св. таинъ, Евменій однажды былъ видимо осіявъ, небеснымъ огнемъ, внутри его всегда горѣвшимъ, когда произносилъ предъ алтаремъ тризвѣтную пѣснь. Духъ прозорливости открылъ ему и будущую участь его учениковъ. Такъ предсказалъ онъ Домну, что будетъ преемникомъ дяди своего Іоанна, на кафедрѣ Антиокійской, и другому изъ младшихъ иноковъ лавры, Гавріилу, назначилъ кафедрю Синеополя, а ученикамъ своимъ Мартирію, Іліѣ и ризничему Іерусалимскаго храма, Анастасію, открылъ ожидавшее ихъ святительство въ Св. градѣ. Когда Анастасій посвятилъ лавру, будучи еще пресвитеромъ; съ Фидомъ, Епископомъ Яффы, Евменій предупредилъ эконома своей лавры, чтобы готовился принять Патриарха. Изумленный инокъ, встрѣтивъ гостей, тайно намекнулъ аввъ, что нѣтъ между ними Свя-

титала Иерусалимскаго, который всегда отличался бѣлою одеждою, но Евеній громко отвѣчалъ: «по-вѣрь мнѣ, сынъ мой, что Анастасій представляется глазамъ моимъ въ одеждѣ святительской, и конечно Богъ хотѣлъ открыть мнѣ будущее его назначеніе.»

IX.

СМЯТЕНІЯ ОТЪ ЕВТИХІАНЪ.

Патріархъ Іувеналій, Императрица Евдокія.

Сердце Евенія, горящее чистою любовью къ Богу, исполнилось скорби, когда услышалъ отъ Епископа родины своей, Амакія, о ереси Несторіевой. Много возбудилъ смятеній на Востокахъ сей Архіепископъ Царьграда, проповѣдуя, что Иисусъ Христосъ родился отъ Дѣвы Маріи, простымъ человекомъ, и не признавая Пресвятую Дѣву Богоматерию; но старецъ тогдашній утѣшилъ вѣстно о подвѣтахъ Св. Кирилла, Архіепископа Александрійскаго, и на вселенскомъ соборѣ, долженствовавшемъ соединиться въ Евесѣ. Святителемъ Иерусалимскій: Іувеналій,

будучи предваренъ посланіями Св. Кирилла и Папы Келестина, о злыхъ умыслахъ Несторія, явился на соборъ, вмѣстѣ съ другими Епископами Палестины, и авва Евонній возбудилъ писменнею окрещеннаго имъ Петра, Епископа Сарациновъ, держаться твердо догматовъ православія.

Мужественно подвизался Іувеналій*, занимавшій второе мѣсто, послѣ Св. Кирилла, на соборѣ Ессескомъ. Съ нимъ вмѣстѣ обличалъ онъ хитросметенія еретиковъ, и ему содѣйствовалъ Фидъ, вѣрный Епископъ Яффы. Уже торжественно провозглашена была анаема противъ Несторія; когда позднее прибытіе Іоанна Антиохійскаго, при прискахъ сановниковъ царскихъ, поддержало оныя есужденнаго. Св. Кириллъ, председатель собора, и Мемнонь, Епископъ Ессеса, подверглись даже временно узамъ. Тогда Іувеналій, съ прочими вѣрными православію Епископами, написалъ посланіе къ Императору Θεодосію младшему, и вызванные сами въ столицу, убедили его въ истинѣ. Исповѣдники православія возвратились съ честью въ свои епархіи, Несторій былъ сосланъ и наконецъ самъ Іоаннъ Антиохійскій призналъ вину свою предъ Св. Кирилломъ.

Но нескормно лѣтъ спустя, поколебалась твердость Іувеналія. Никто Еввхій, родомъ изъ Египта, игуменъ Цареградскій, сильно возсѣдѣвшій противъ ереси Несторія, впасть въ другую крайность. Православная вѣра учить насъ, что въ Господѣ Іисусѣ Христѣ двѣ природы, божественная и

человѣческая, въ одномъ лицѣ Богочеловѣка; а Несторій разумѣлъ, что поелику двѣ природы, то и два лица; Евтихій же, защищая догматъ о единомъ лицѣ Богочеловѣка, проповѣдалъ, что въ немъ и одна только божественная природа, въ которой будто бы человѣческая совершенно слиялась и нечезла. Такимъ образомъ заставлялъ онъ страдать самое Божество въ Иисусѣ Христѣ, и посему невѣжественные его послѣдователи обвиняли православныхъ въ Несторіанизмъ, будто бы они, признавая двѣ природы Богочеловѣка, признавали въ немъ и два лица. Ересь Евтихіева имѣла многихъ приверженцевъ, единственно по страху противоположнаго ей заблужденія Несторіева, на которое столь сильно возставалъ Св. Кириллъ Александрійскій, и это побудило недостойнаго преемника его, Діоскора, вступить, по крайнему невѣжеству и ожесточенію, за Евтихія, какъ за соотечественника. Вслѣдъ за своимъ Архипастыремъ, нѣкоторые Епископы Египта, и особенно многочисленные иноки, посядовали, безъ всякаго разсужденія, той же ереси, а чрезъ иноковъ пустила она свои корни и въ Палестину; ибо Египеть былъ зеркаломъ иночества, и великіе Святители, Афанасій и Кириллъ Александрійскіе, возбуждали общую дохвренность къ духовному просвѣщенію сего престола.

Напрасно Св. Флавіанъ, Епископъ Константинопольскій, и Св. Левъ, Папа Римскій, словомъ и писаніями, опровергали новую ересь Евтихія; друпой соборъ, соединившійся въ Ефесѣ, подъ председательствомъ Діоскора Александрійскаго, и по

своему безчиству прозванный разбоемъ Ефесскимъ, отвергъ истинное учение православныхъ Пастырей; Св. Флавійягъ, сосланный въ заточеніе, скончался отъ претерянннхъ имъ поруганій. Іувеналій Іерусалимскій, хотя и не оправдывалъ жестокихъ поступковъ Діоскора, однако по неопытности держался его мнѣнія, какъ некогда Кириллова; ибо Діоскоръ грѣшылъ на соборъ, именемъ своего святого предвѣстника; Императоръ Феодосій младшій и супруга его Евдонія увлеклись также мнѣніемъ соборника Ефесскаго, въ пользу Евтихія; но годъ спустя, когда благочестивая Царевна Пулхерія вступила на престолъ императорскій и раздѣлила его съ Маркіяномъ, четвертый вселенскій соборъ созванъ былъ въ Халкидонѣ; тамъ 630 Епископовъ Восточныхъ и обличительныя посланія Св. Льва великаго, Папы Римскаго, представили въ истинномъ свѣтѣ дѣянія Евтихія и Діоскора. Оба преданы были анаѣмъ церковной, и самъ Іувеналій не участвовалъ на первыхъ засѣданіяхъ, какъ подверженный осужденію за единомысліе съ Діоскоромъ. Тогда, увидѣвъ свое заблужденіе, покорился онъ соборному рѣшенію, и по ходатайству Епископовъ Восточныхъ, уважавшихъ его православіе и добродѣтель; введенъ былъ въ сонмъ отцевъ, чтобы съ ними вмѣстѣ осудить Евтихія и Діоскора.

На Халкидонскомъ соборѣ, по взаимному согласію Святителей Антіохій и Іерусалима, положены были предѣлы ихъ епархій: Мелитскій Антіохійскій епископъ, во время седьмаго засѣданія: «Епи-

* Флери, кн. XXVIII гл. 23.

скопъ Іувеналій и я согласились, послѣ многихъ преній, чтобы престолъ Св. Петра въ Антиохіи имѣлъ объ Финикіи и Аравію, а Іерусалимскій три Палестины; мы просимъ утвержденія соборнаго и царскаго.» — Тоже повторилъ и Іувеналій, говоря: «и я согласенъ, чтобы святое воскресеніе Господа Іисуса Христа имѣло три Палестины, а престолъ Антиохійскій объ Финикіи и Аравію», и легаты Римскіе, вмѣстѣ съ Анатоліемъ Архіепископомъ Цареградскимъ и прочими Митрополитами, утвердили соборно сіи предѣлы епархій, о которыхъ просилъ Іувеналій Св. Кирилла Александрійскаго, еще на соборъ Ефесскомъ. Со времени Халкидонскаго собора вошло въ общее употребленіе и почетное титуло Патріарховъ, присвоенное Епископамъ пяти старшихъ престоловъ Вселенскихъ: Рима, Константинополя, Александрии, Антиохіи и Іерусалима, хотя они имѣли еще и другія титула: такъ напр. Епископы Римскій и Александрійскій назывались Папами.

Однако, въ слѣдствіе собора Халкидонскаго, произошло сильное смятеніе въ Палестинѣ и во весь Востокъ. По смерти Петра, Епископа Сарацинскаго, Авксолой, его преемникъ, ходившій съ Іувеналіемъ на соборище Ефесское, впалъ въ заблужденія Евтихія и былъ отверженъ Св. Евонміемъ; но заступившій его каендру между Сарацинами Іраннъ, остался върѣмъ православію, и вмѣстѣ съ Епископомъ Іамніи, Стефаномъ, принесть святому отцу утѣшительную вѣсть, о рѣшеніи вселенскаго собора противъ Евтихія и Діоскора. По примѣру ве-

ликаго аввы, уже въ иноки Палестинскіе готовы были принять православное мнѣніе Халкидонское, когда явился возмутитель мира церковнаго, въ лицѣ инока Θεодосія, осужденнаго своимъ Епископомъ, въ Палестинѣ, и однажды наказаннаго въ Александріи за свою дерзость. Онъ распространилъ гнѣвную молву, въ обителяхъ Палестинскихъ, будто бы Халкидонскій соборъ принялъ ученіе Несторіево, о двухъ лицахъ, двухъ сынахъ, двухъ Христахъ, и показывалъ искаженный переводъ посланія Льва великаго къ Св. Флавіану. Многихъ соблазнила наглая увѣренность, съ какою Θεодосій поддерживалъ мнѣнія свои ложными свидетельствами, и особенно Императрицу Евдокію, которая, по смерти своего супруга, удалилась на жительство въ Іерусалимъ. Она увлекла съ собою иноковъ и народъ, и когда Іувеналій возвратился съ собора, его хотѣли принудить анаематствовать православное ученіе; былъ даже посланъ убійца къ Патріарху; но кинжалъ его поразилъ другаго благочестиваго Епископа, Северіана Скиенопольскаго. Іувеналій бѣжалъ въ Царьградъ, и мятежники поставили на его мѣсто, въ храмъ воскресенія, отступника Θεодосія. Доросей, правитель Іерусалима, ходившій въ то время усмирять Моавитянь, услышавъ о такомъ безчинствѣ, поспѣшилъ въ Іерусалимъ; но наемники Θεодосія и Евдокіи заперли врата городскія; доколе онъ не обвѣщалъ покровительствовать расколу; помощію его, около двухъ лѣтъ, держался Θεодосій на кафедрѣ Іерусалимской.

Джепатріархъ поспѣшилъ назначить Епископовъ въ нѣкоторые города Палестины, особенно на мѣста тѣхъ, которые еще не возвратились со вселенскаго собора, и поднялъ жестокаго гоненіе въ Іерусалимѣ противъ благочестивыхъ мужей, отвергавшихъ его общеніе. Иныхъ лишали имущества, или сожигали ихъ дома; другихъ подвергали бичевнѣ и узамъ, а преступникамъ отворали темницы; не избѣжали поруганій и почетныя жены. Всѣхъ принуждали, громогласно или письменно, предавать анафемѣ соборъ Халкидонскій и посланіе Папы Льва великаго: но нѣкто, діаконъ Анастасій, отважился однажды, посреди церкви, сказать въ лице сядѣвшему на кафедрѣ Θεодосію: «перестань воевать противъ Іисуса Христа и разсѣивать стадо его; узной наконецъ любовь нашу къ истинному вастырю, ибо мы чуждаемся чуждаго намъ глаза.» Клеветы Θεодосія завлекли мужественнаго діакона изъ церкви и, послѣ многихъ мученій, отсѣкли ему голову; тѣло его, влачили съ поруганіями по всему городу, и бросили на съденіе псамъ; но Церковь почитаетъ память святаго мученика Анастасія.

Θеодосій старался склонить на свою сторону святаго авву Евиміа и приглашалъ его къ себѣ, но великій старецъ не хотѣлъ идти въ Іерусалимъ. Джепатріархъ послалъ къ нему двухъ игуменовъ: Епифанія, ученика и преемника Пассаріона, и Геронтія, управляющаго обителию Св. Меланіи Родланки: «Господь да сохранитъ маю, отвѣчалъ Евимій, отъ участія въ преступленіяхъ и ереси Θεодосія, пролившаго кровь священную» — «И такъ,

мы должны принять догматы, о двухъ природахъ во Христѣ Исусѣ, утвержденныя на Халкидонскомъ соборѣ» возразили игумены. «Я не читалъ всѣхъ дѣяній соборныхъ, сказалъ имъ великій Евонній, но, въ изложениі догматовъ его, не нашелъ ничего неправильнаго;» и онъ объяснилъ имъ, какъ совершался соборъ, въ своихъ мнѣніяхъ, съ участіемъ Св. Кирилла Александрійскаго. Елпидій принялъ истолкованіе великаго аввы, хотя и не рѣшился сейчасъ оставить общенія Θεодосіева, а Геронтію заносилъ въ заблужденіи; такъ оба возвратились, раздѣленными въ своихъ мнѣніяхъ. Но Θεодосій не остался спокоенъ; онъ посылалъ къ Св. Евоннію еще нѣсколько духовныхъ лицъ, съ теми же убѣжденіями, довелъ наконецъ великій авва, видя его неотступность, предупредилъ многихъ настоятелей, чтобы не сообщались съ лжепатріархомъ, а самъ удалился во глубину пустыни, гдѣ оставался до его изложенія.

Многіе отшельники за нимъ послѣдовали: былъ между ними одинъ весьма именитый, Св. Герасимъ; который, проведя многіе годы въ подвижничествѣ, въ своей родинѣ Ликии, уединился потомъ на берега Иордана. И онъ сперва увлекся, съ нѣкоторыми пустынниками, въ общеніе Θεодосіа, не услышавъ о добродѣтеляхъ великаго аввы, посѣтилъ его въ пустынь Руванъ, и принялъ отъ него православное исповѣданіе Халкидонскаго собора. Герасимъ основалъ въ послѣдствіи лавру и монастырь, на разстояніи четверти часа хода отъ Иер-

дана; въ лавръ его считалось до сорокадесяти коз-
лий, на большомъ разстояніи одна отъ другой, и
въ ней спасались уже шепыганские отшельники;
они пребывали безвыходно пять дней надъямъ,
всегда оставляя открытою дверь своего убегающаго
жилища, когда по субботамъ приходили для прибо-
щенія въ церковь монастырскую. Звѣрь пустынные
служилъ, какъ домашній скотъ, Герасиму; однажды
увидѣлъ онъ огромнаго льва, который съ ревомъ
влячелъ увязленную лапу; отшельникъ, извлекивъ
запову, цапнулъ его. Съ тѣхъ поръ, благодарное
животное слѣдовало за нимъ повсюду, и даже
охраняло единственнаго осла, которымъ пользовался
монастырь, для принесенія воды Иорданской. Когда
же случилось, что хищники Аравійскіе увели съ
собою осла, и левъ подвергся подозрѣнію, что самъ
разтерзалъ его: онъ осужденъ былъ носить воду на
хребтѣ своемъ, доколь не нашелся опять утраченный,
и звѣрь, со смиреніемъ, исполнялъ столь несвой-
ственную ему службу. Іоаннъ Москъ, описатель сей
повѣсти, говоритъ, что левъ не могъ перенести кон-
чины своего благодѣтеля, и вздохъ надъ его мо-
гилою:

Въ пустынь Св. Евфимій, а въ Іерусалимъ игу-
менъ Геласій, основатель одной изъ обителей Св.
града, поддерживали догматы собора Халкидон-
скаго противъ лжепатріарха. При самомъ началѣ
раздора, Феодосій носѣтилъ его, стараясь привлечь
на свою сторону; но Геласій, пролинувъ лудав-
ство, призывалъ воскрешеннаго имъ отрока и ска-

* Vies des peres, Liv. VII, ch. 18. Святскій Патерикъ.

заять обольстителю: я если ты хочешь спорить о вере, вотъ кто будетъ отвѣчать тебѣ; мнѣ же некуда съ тобою разсуждать.» Потомъ, когда нечестивый иннокъ овладѣлъ кафедрою Іерусалима, онъ потребовалъ къ себѣ Геласія и, съ ласками и угрозами вводя въ алтарь, приказывалъ анафематствовать Іувеналія. «Не признаю другаго Епископа Іерусалиму кромѣ Іувеналія,» съ твердостью отвѣчалъ Геласій, и былъ изгнанъ изъ храма; думали устрашить его огненнымъ мученомъ, но отпустили съ миромъ, видя его непоколебимость и боясь народа, питавшаго къ нему большее уваженіе. Кротость и нестяжаніе святаго аввы были столь велики, что онъ не хотѣлъ даже преслѣдовать иннока, который похитилъ изъ его обители священное писаніе, дорогой цѣною приобретенное имъ, для употребленія въ церкви. Хищникъ нашелъ въ городѣ продавать книгу, но покупатель, прежде нежели дать за нее требуемую цѣну, испросилъ позволеніе показать ее опытному человеку, и принесъ Геласію, который отвѣчалъ, что она стоитъ тѣхъ денегъ и советовалъ купить. Желая однако еще дешевле приобрести книгу, покушавшій ее сказалъ инноку: будте самъ авва Геласій увѣрялъ, что она не столь дорога, сколько за нее требуютъ; — смятенный симъ именемъ похититель заботливо спросилъ: «не говорилъ ли еще чего нибудь авва?» когда же узналъ о его снисходительномъ молчаніи, самъ устремился къ аввѣ, исповѣдалъ предъ нимъ грѣхъ свой, и едва могъ убѣдиль его, взять обратно похищенную книгу; таковъ былъ Геласій!

Между тѣмъ нѣкоторыя игумены и монахи Иерусалимскіе, принявшіе участіе въ ереси Феодосія, написали, въ свою защиту, прошеніе къ Императрицѣ Пулхеріи, въ которомъ старались сложить вину случившихся безпорядковъ на востелей Св. града и на пришельцевъ. Супругъ Пулхеріи, Императоръ Марціанъ, по совѣту Патріарха Іувеналія, бывшаго тогда въ Царьградъ, отвѣчалъ имъ, чтобы оставались покорными своимъ Епископамъ и не мѣшались въ управленіе церковное, ибо онъ извѣщенъ подробно о томъ, что происходило въ Иерусалимѣ. «Вы дѣйствовали съ такимъ насиліемъ, писалъ Императоръ, не для защиты вѣры, а ради приобритенія власти, которой вы совершенно недостойны; намъ даже удивительно, какъ предасте вы анаемъ Евтихію, следуя его приверженцу Феодосію, виновнику всѣхъ безпорядковъ. Вы далие отвѣтъ за нечестіе ваше Господу Спасителю нашему: Іисусу Христу, который не оставитъ васъ безнаказанными; мы же не хотимъ принять на себя наказанія иноковъ; но повелѣли только водворить спокойствіе въ городъ Иерусалимъ, и предать достойной казни однихъ убійцъ и зажигателей.» Потомъ наложивъ догматическое ученіе Халкидонскаго собора, о двухъ естествахъ Богочеловѣка, онъ еще просоветовалъ: что не велѣлъ никого принуждать къ насильственному подписанію сего исповѣданія, ибо не хочетъ угрозами привлекать на путь истины, и даже предписалъ правителю Палестины, избавить всѣ монастыри отъ постоя воиновъ, назначенныхъ для усмиренія города. «И такъ, живите въ мирѣ; за-

клячалъ Императора, не чуждаясь въразъ канонической и не стобарался въ отдѣльныя сношѣннѣ, зная, что Царя; наши предшественники, строгими указами сіе запретили; мы позволили лучше написать вамъ грамоту, по ходатайству Ближнѣна нашего Ювеналія, надѣясь, что изъясненіе нашей милости васъ исправитъ.»

Въ такомъ же кроткомъ и смиренномъ духѣ писала посланіе благочестивая Императрица Пулхерія, къ инокамъ Іерусалимскимъ, и въ особенности къ Васею, игуменю двѣнчяго монастыря въ Св. градѣ, которая основала тамъ и мужеской, во имя Св. Маны. Императрица предвѣрила начальницу обители, чтобы она старалась разсѣять заблужденіе своихъ иноковъ, если нѣвоверыя ихъ кнѣзъ виали въ свѣтъ митрополита Теодосія, и научила бы ихъ чистотѣ догматовъ Калкидонскихъ. Вскорѣ скончалась сія царственная проповѣдница благочестія, причтенная Церковію къ лику святыхъ; она украсила свою столицу великолѣпными храмами; въ церкви же Одигитріи, т. е. путеводительницы, поставила чудотворную икону Божіей Матери; писанную Св. Евангелистомъ Лукою. Императрица Евдокія прислала ей изъ Св. града сію икону, которая съ тѣхъ поръ всегда почиталась христороительницею Царяграда, обращая въ бѣгство полки чуждыхъ. Списокъ сей иконы, подъ именемъ Одигитріи Смоленской, чувствуется и въ нашемъ отечествѣ.

Однако Императоръ Маркіанъ поудовольство-

нашею едиными мнрама протести: въ отношемиа иноковъ Палестинскихъ; онъ предписалъ правителю Доросею скватить лжепатриарха; но Феодосій успѣлъ спастись бѣгствомъ въ гору Синайскую, въ которую были въ духовномъ ещеніи обители Едипетскія. Посему и къ нимъ обратился Императоръ, возбуждая ихъ выдать самозванца, не для наказания, но для того, чтобы не могъ болѣе совращать слабыхъ. Послѣдователи его въ Палестинѣ понесли достойную казнь, и послѣ двѣнадцати мѣсячнаго отсутствія, Иувеналій возвратился опять на свой престолъ, въ 453 году. Немедленно низложилъ онъ всѣхъ рукоположенныхъ Феодосіемъ, и созвавъ соборъ, написалъ окружное посланіе ко всѣмъ игуменамъ и инокамъ Палестинскимъ, въ коемъ удостоверялъ ихъ, что ученіе Халкидонское есть ничто иное, какъ подтвержденіе Никейскаго. Посланіе сіе было подписано, кромѣ Иувеналія, Иринеємъ Кесарійскимъ и всеми Епископами Палестины.

Императоръ написалъ также грамоту сему собору, возбуждая Епископовъ возвратити къ истинной вѣрѣ свои паствы, и особенно оболыщенныхъ иноковъ; онъ извѣщалъ ихъ и о томъ, что уже предварилъ Епископа и братію горы Синайской о преступленіяхъ Феодосія. Св. Левъ великій, Папа Римскій, воздавъ благодареніе Императору, за его кровость въ отношеніи къ инокамъ, написалъ къ нимъ также окружное посланіе, изъясняя то, что было искажено, дурнымъ переводомъ его письма къ Св. Флавіану; о томъ же писалъ онъ и къ Императрицѣ Евдокіи.

Тронулась царица съ своимъ сердцемъ не охотясь въ грядущее, а только омытое мѣсто. Дочь египетскаго Аонискаго, воспитанная красотой и ученостію, Ездокія, еще подлѣ юныя имела Аониады, пришла въ Царьградъ, омылась съ братьями о насѣдствѣ родительскомъ, и по совету Царицы Шуахерин, избрана была супругою младшему Феодосію. Удалившись послѣ его кончины въ Іерусалимъ, кѣмъ и пребывала въ заблужденіи, но съ щедростію по шествіи царскою, подобно Св. Еленѣ, украсила великолѣпными зданіями Св. мѣста. Множество церквей, обителей и богадѣленъ; остались намятинками ея усердія; денежныя ея пожертвованія, кромѣ богатыхъ утварей, простирались до 20,000 фунтовъ золота; однажды въ день Пасхи, она дала на освѣщеніе храма до 10,000 мѣръ елея. Ездокія выстроила домъ Епископу Іерусалимскому, распространила и обновила стѣны Св. града, и вѣтъ его, на мѣстѣ побиеніи Архидіакона Стефана, соорудила столь обширную церковь, что въ ней могло помѣщаться до 10,000 народа; туда перенесены были и мощи первомученика. При церкви устроила она и обитель, перемѣнивъ игушномъ кѣмъ избравъ одинъ изъ учениковъ аввы Евонмія, Гавріиль; и въ виду его заврѣ, воздвигла Императрица церковь во имя Апостола Петра.

Тронутая вѣстію, о разореніи древней столицы Вандалами и плененіи дочери ея, супруги Императора Западнаго, и внучать, увлеченныхъ въ Картагенъ; Ездокія рѣшилась наконецъ искать общаго

Церковь иерусалимской, но хотѣла прежде испробовать мѣстна знаменитѣйшихъ пустынниковъ. Она послала Анастасіа, хорезмискаго Іерусалимскаго, азъ Антіохію, къ Св. отшельнику Сисанону, который, какъ свѣдѣльщикъ, поставленный на обѣщаніи, съ высоты столпа своего, дивно свѣтилъ всему міру, необычайнѣею своихъ подвиговъ. Столпникъ отвѣчалъ Императрицѣ: «познай, что демоны, повелевая богатству твоихъ добродѣтелей, восхотѣли искушать тебя, и орудіемъ послужили ему нечестивый Феодосій, исполнившій душу твою смятеніемъ, не бодрствуй; врага твоя не оскудѣла. Изумляюсь однако, зачѣмъ, будучи у источника, ищешь ты столь далеко струи; близь тебя божественный Евонній, славяи его совѣташь и спасешься.»

Евдокія не замедлила исполнить спасительный совѣтъ; но зная, что авва Евонній никогда не входитъ въ города, она велѣла построить башню на краю пустыни Іорданской, за тридцать стѣлій къ югу отъ его лавры, чтобы тамъ съ нимъ бесѣдовать. По ея просьбѣ, Косма, братъ игумена обители Стефановой, хранитель креста Господня, и хорезмискаго Анастасій, будущій Патріархъ, пошли искать великаго авву въ пустынь Руванъ, вмѣстѣ съ ученикомъ его Феонтистомъ, ибо Евонній удалился изъ лавры. После многихъ моленій, убѣдили они старца на свиданіе съ Императрицею, въ устроенной ею башнѣ. Евдокія бросилась къ ногамъ его, говоря: «теперь ясно я вижу, что самъ Господь посвятилъ меня твоимъ присутствіемъ;» но авва смиренно ей отвѣчалъ: «домъ мой, отыиитъ

внимай себя, будешь тебя приключившися въ Италіи, посетили тебя за мѣсть Феодосіеву, которой ты предана. И такъ, оставь твоѣ удержаніе, призывай наравнѣ съ тремя первыми вселенскими соборами и четвертый Халкидонскій, и возвратися къ общенію Епископа нашего Ювеналія; Блжст. словишь ее, Евимій удалился; она же, съ пламенною ревностію, исполнила совѣтъ его, чрезъ посредство Амавасія и Космы, вступила въ общеніе съ Патриархомъ; и примѣръ ея подѣйствовалъ на множество иноковъ и мирнѣ; упорствовавъ только игумень Геронтій, и два отступника изъ числа иноковъ, Маркіянъ и Романъ, оставивъ авву своего Елпидія, сами основали непокормыя скитища въ Вилгемъ и Фекуз.

Пять лѣтъ спустя, во дни Пасхи, Императрица посетила обители, устроенную ею близъ лавры Евиміа, гдѣ завѣла покоишь большой колодезь съ высотою горы, взглянувъ на многочисленныя холмы лавры, разобившаясь по мучающу, она прослезилась и воскликнула, въ душевномъ восторгѣ «коль красны селенія твои, Іаковъ, и шатры твои, Израиль!» Тогда же послала игумна Гавріла просить къ себѣ авву Св. Евиміа, но онъ отвѣчалъ ей: «дочь моя, не ожидай болѣе видѣть меня въ сей жизни; и что печешься о многомъ, когда въ теченіе зимы сей преидеши къ Господу? И такъ, во время лѣта, внимай о душѣ своей и приготовься къ великому исходу; о мнѣ же не поминай въ сей жизни, ни писменно, ни словесно, въ твоихъ дая-

нинхъ; но когда придетъ къ Господу, помини' меня, дабы оубъ взялъ меня къ себѣ, когда и жажѣ ему благоугодно будетъ.» Огорчилась благочестивая Евдонія, менше однако вѣстію о своей кончинѣ, нежели тѣмъ, что великій азва ничего не хотѣлъ принять отъ нее въ завѣщаніи. Она возвратилась въ Іерусалимъ, чтобы освятить, еще при жизни своей, великолѣпную церковь архидіакона Стефана, гдѣ и себя приготовила гробницу; носила также довершить или освятить другія многочисленные церкви и богадѣльни, ею устроенныя, и поклонившись еще однажды святымъ мѣстамъ, отошла съ миромъ къ Господу, оставивъ по себѣ незабвенную память въ Іерусалимѣ. Ей приписываютъ также украшеніе Византийскаго собора, и едва ли не она устроила вертепъ Геосиманскій; вообще можно отнести къ ея имени все, что безотчетливо предполагаютъ выстроеными Царицею Еленою, которая болѣе известна, потому что положила начало священнымъ зданіямъ въ Іерусалимѣ.

IX.

КОНЧИНА и УЧЕНИКИ СВ. ЕВОИМІЯ.

Патріархи Анастасій, Мартирій и Саллустій. — Св. Киріакъ.

Не за долго до кончины Императрицы Евдокии, преставился, послѣ сорокылѣтняго правленія Церковію Іерусалимскою, и Епископъ Іувеналій, присутствовавшій на столярныхъ соборахъ, въ теченіе многолѣтняго своего святительства. По предсказанію блаженнаго аввы Евимія и по избранію всего народа, Хоренисконъ Анастасій, ученикъ старца Пассаріона и казначей церкви Св. гроба, избранъ былъ на его катедру. Немедленно по своемъ поставленіи, послалъ онъ къ аввѣ діакона Фида, бывшаго свидѣтелемъ перваго ихъ свиданія, просить дозволенія у святаго посѣтить его лавру; но старецъ отвѣчалъ: «я бы всегда желалъ наслаждаться твоимъ присутствіемъ; но не могу принять тебя стольже свободно, какъ прежде; и такъ умоляю, не трудись напрасно. Если же повелиши, приму тебя съ радостію; но тогда мнѣ надобно будетъ принимать и всѣхъ твоихъ, которые станутъ

приходить ко мнѣ, и уже мнѣ нельзя будетъ оставаться покойно въ лаврѣ.» Патріархъ не рѣшился затруднять великаго авву.

Уже онъ достигъ глубокой старости; прежде однако, нежели угасло великое свѣтило Палестины, востекло предъ его очами другое, долженствовавшее озарить ее еще большимъ свѣтомъ. Св. Савва осудившій, почти отрокомъ, въ лавру Евемія, влекомый жаждою иночества, и старецъ помѣстилъ его въ обитель Феоктистову, ибо онъ еще былъ слишкомъ молодъ, чтобы раздѣлять его подвиги; когда же однажды взявъ его съ собою въ пустыню, на время четырнадцатидесяти, и онъ сталъ изнемогать отъ жажды, два испрошилъ молитвенно воду изъ горящихъ пещеръ, для его прохлажденія, какъ о томъ свидѣтельствовало въ послѣдствіи самъ великій Савва. Будучи девяносто лѣтъ, Евемій испыталъ еще одну великую скорбь, кончиною блаженнаго друга Феоктиста; онъ не отходилъ отъ болѣзненнаго одра его до последней минуты, и Патріархъ Анастасій воспладался симъ случаемъ, чтобы посвятить Евемія при погребеніи его друга. Троекратно было ихъ свидѣніе, по разсказу лѣтописца инокъ Кирилла; ибо глубокое уваженіе Патріарха къ авву могло только сравниться съ чрезвычайнымъ смиреніемъ святаго Анастасія, держимаго руки его къ сердцу, съ неукротимою слезливою дѣловало ихъ, воспріявъ: и даждно лучше, отче, жаждаль я сѣй блаженнои минуты; мои Господа, чтобы исполнилось слово мною до конца твое пророчество, и научи меня, какъ дѣй-

сказать.» Второй же смиренно поручалъ себя и обитель его покровительству и молитвамъ. По смерти Феодота, онъ поставилъ начальникомъ его обители, сперва Марка, вождя Сарацинскаго, некогда имъ обращеннаго къ Христіанству, и по скорби его кончивъ, инока Монтана, который достойно ею управилъ. Господь, открывшій пророчливому Евенмію будущую участь другихъ, не утаилъ отъ него и собственной кончины, какъ повѣствуютъ очевидцы.

Въ день отданія праздника Богоявленія собрались, по обычаю, долженствовавшіе сопутствовать ему въ пустынь, на все время поста, и изумились не найдя ничего приготовленнымъ къ пути. На вопросъ ихъ; «собирается ли идти въ пустыню?» онъ отвѣчалъ: «мы пробудемъ вмѣстѣ всю недѣлю въ лазрѣ и потомъ разстанемся.» Три дня спустя, на память великаго Антонія, послѣ всенощнаго бдѣнія въ церкви, собралъ онъ къ себѣ старшихъ и объявилъ, что совершилъ съ ними послѣднее бдѣніе. Вся братія стояла вокругъ своего аввы; онъ утѣшалъ ихъ послѣдними назиданіями, о взаимной любви и смиреніи, и просилъ себя молитвы, къ залочъ ихъ давшей къ нему любви, ибо самъ уже отходилъ въ путь вся земля, стезею отцевъ. Потомъ спросилъ ихъ, кого желаютъ имѣть своимъ настоятелемъ? и когда всѣ единогласно назвали келейника его Домитіана, старецъ, къ общему изумленію, объявилъ, что сіе невозможно, ибо Домитіанъ послѣдуетъ за нимъ въ седьмой день. Избранъ былъ Илія, уроженецъ Кериховскій, эво-

номъ обители Феоктистовой. Евсеий поручилъ ему братію и объявилъ, что по воли Божіей, лавра его должна скоро обратиться въ монастырь общинный. Тогда, съ послѣднимъ изданіемъ, отпустилъ братію, утѣшая ихъ тою надеждою, что испроситъ у Господа милость, всегда пребывать съ ними духомъ; онъ удержалъ при себѣ одного только Домитіана, свидѣтелемъ своего исхода, и спустя три дня, предалъ Богу блаженную душу, на 97 году отъ рожденія. Это случилось 20 Января 473 года, день, въ который и донынѣ Церковь совершаетъ его память.

Инокъ Кириллъ такъ описываетъ намъ блаженного старца: онъ былъ кротокъ и престъ, лице имѣлъ полное и продолговатое, пріятнаго вида и свѣжаго цвѣта; сѣдые волосы его и длинная борода спускались до пояса; ростъ его былъ средній, и онъ пользовался какимъ здоровьемъ, что до глубокой старости не потерялъ даже ни одного зуба. Въ минуту блаженной его кончины, Св. Герасимъ Іорданскій созерцалъ душу его, возносимую Ангелами на небо, и сообщилъ сіе видѣніе другому именитому отшельнику Кириаку, бывшему въ его обители. Оба поспѣшили въ лавру, куда уже прибылъ изъ Іерусалима Патріаркъ Анастасій, съ тремя другими учениками аввы, Хрисивомъ, Гаврииломъ и лекономъ Фидомъ; собралось несметное число духовенства и мирянъ, которые все изумлены были непрерывными истеченіями огня блаженныхъ останковъ. Съ утра и до вечера продолжалось погребальное шествіе, и надгроб-

живаеомъ пардеомъ, посреди общихъ слезъ и рыданій; до времени устройства обители положили погребенное тѣло въ приличномъ мѣствѣ. Патріархъ взялъ съ собою двухъ учениковъ старца, Мартирія и Илію, и посвятилъ ихъ въ пресвитеры у Св. гроба; діакона же Фиды оставилъ въ маврѣ, наблюдать за уменьшимъ ходомъ работъ, при сооруженіи достойнаго памятника великому аввѣ. На седьмой день, явился онъ ученику своему Домитіану, съ лицомъ просіявшимъ небесною радостію, и сказалъ: «спрди насладиться уготованною тебѣ славою отъ Бога, благоволившаго соединить насъ.» Домитіанъ поспѣшилъ извѣстить братію о небесномъ явленіи, приобщился Св. Таинъ и преставился съ радостію духовною.

Между тѣмъ изготовлено было мѣсто погребенія: діаконъ Фидъ обратилъ пещеру, служившую жилищемъ старцу, въ величественную церковь, украсивъ ее богатыми шрамами, которые прислалъ изъ Іерусалима Патріархъ; посрединѣ поставили гробъ Св. Евимія, а по сторонамъ гробы пресвитеровъ, игуменовъ и другихъ почтенныхъ по сану лицъ, и утвердили вокругъ рѣшетку. Самъ Анастасій, со всемъ клиромъ, пришелъ положить въ гробницу тѣло Евимія, и накрылъ ее шрамною пантою, чтобы никто не могъ похитить священнаго останковъ; непрестанныя исцѣленія продолжались отъ гробницы великаго мужа Церкви. Не прерывались однако смѣтенія, возбужденныя ересію Евтихіа между иноками, и послѣ кон-

* Vies des peres. liv. VII, ch. 13.

чины блаженного старца. Они опять возникли из Египта, где никто Тимофей Элурь, умертвивъ Патриарха Александрійскаго Протерія, овладѣлъ его кathedрою и временно былъ поддержанъ Василискомъ, который свергнулъ съ престола Императора Зинона. Иноки Евтихіанскіе, въ окрестностяхъ Іерусалима, подъ предводительствомъ трехъ игуменовъ: Геронтія, Маркіана и Романа, воспользовались беспорядками гражданскими, чтобы поставить Патриархомъ вождя своего, Геронтія, хотя и не на долго, ибо обстоятельства наметнулись въ Царьградѣ: возвратился законный Императоръ, и вскоре послѣ кончины настоящаго Патриарха Анастасія, избранъ былъ достойный ему преемникъ, изъ учениковъ Евиміа, Мартирій *.

Воспитанный духовно, вместе съ другомъ своимъ Іліею, въ пустынь Нитрійской, онъ принужденъ былъ бѣжать отъ гоненій архипатриарха Александрійскаго Тимофея, и пріедемъ нѣсколько лѣтъ подъ руководствомъ великаго Евиміа, самъ уединился въ пещеру близъ Іерихона, на разстояніи получаса отъ его лавры, гдѣ въ послѣдствіи основалась большая обитель, назветная подъ именемъ Мартиріевой. Ему некогда предсказалъ старецъ, что во дни его патриаршества примирятся все иноки, и пророчество исполнилось. Тотчасъ по своемъ избраніи, написалъ онъ посланіе Императору Зинону и Архіепископу Константинополя Акакію, который мужественно подвизался противъ Василиска; Марти-

рій извѣщалъ ихъ о состояніи Палестины, и повѣ-
рилъ грамоту діакону своему Фиду, со многими
словесными тайнами. Изъ Яффы отплылъ Фидъ;
но въ ту же ночь страшная буря разбила корабль
его, и онъ уже готовъ былъ погибнуть, когда Про-
видѣніе, его хранившее, послало ему остатокъ ко-
рабельной снасти на бунтующей нучиѣ. Въ сію
роковую минуту вспомнилъ Фидъ, о блаженномъ
аввѣ Евеміѣ, и поднявъ къ небу руки, громко
призывалъ его имя: внезапно явился святой ста-
рецъ, мдушій по волнамъ, и съ кроткою, знако-
мою ему улыбкою сказалъ: «не бойся, я Евемій,
рабъ Божій; знай, что Господу не угодно твое
странствіе, ибо оно не принесетъ никакой пользы
матери Церкви, Іерусалиму. Возвратись къ послан-
ному и скажи ему отъ меня, чтобы не заботился
о козняхъ отступниковъ, ибо въ его святительство
совершится примиреніе. Ты же иди въ мою лавру,
разори ея келліи и сооруди обитель на томъ мѣ-
стѣ, гдѣ ты меня похоронилъ, ибо такова воля
Божія.» Старецъ покрылъ мантиєю обурываемого,
и внезапно Фидъ увидѣлъ себя на берегу и потомъ
въ Іерусалимъ, въ своемъ домѣ, не понимая самъ,
какъ все сіе совершилось.

Спасенный снялъ съ себя мантию святаго, ко-
торая тотчасъ иже взята была невидимою рукою, и
вспомнивая все, что съ нимъ произошло дивнаго,
воскликнулъ: «теперь познаю, что великій Евемій
вѣстину рабъ Божій, и что онъ мнѣ былъ по-
сланъ съ неба, для спасенія отъ бури.» Патріархъ

• Vie des peres du desert, Liv. VII. ch. 14.

Мученикъ пролилъ слезы, услышавъ о: столь утѣшительномъ знаменіи, и вспомнилъ, что умирая Евонній, въ присутствіи многихъ, говорилъ такую измѣненіи лавры въ монастырь.

Патріархъ поручилъ немедленно Фиду, исполнить повелѣніе святаго. Престарѣлая церковь обращена была въ трапезу и сооружена новая; монастырь же воздвигли на мѣстѣ лавры и усыпальница Евоннія, для помѣщенія большаго числа иноковъ. Живописатель Кириллъ изображаетъ его положеніе, какъ одно изъ самыхъ пріятныхъ и удобныхъ. Малый холмъ возвышался между двухъ долинъ, заключенныхъ съ запада и востока другими холмами, которые соединялись между собою къ полуночи; съ южной стороны совершенно ограждена была тѣмъ обитель, стоявшая на полуденномъ скатѣ; а съ сѣвера высокая башня господствовала надъ плодороднымъ полемъ, длиною на полверсты; врата обители открывались подъ башнею, которая служила бойницею и видна была издалека; живописно представлялось извѣтущее поле предъ обителью, орошаемое малымъ потокомъ, который струился изъ восточной стороны холма; здоровый и благорастворенный воздухъ дѣлалъ мѣсто сіе пріятнымъ пристанищемъ для отшельниковъ.

Такъ многочисленны были работники и столь велика ревность строителей, что въ три года совершенно окончилось обширное зданіе; но когда уже готовились къ освященію храма, по недостатку обычныхъ зимнихъ дождей, освящающихъ пустыню, оказалось мало воды въ колодезяхъ, даже

и для употребленія братій. Настоятель лавры Илія и строитель діаконъ Фидъ, посланъ уже послать вичерпный скотъ за водоемъ въ окрестныхъ мѣстахъ къ Девкину, игумну монастыря Обединцова и къ Павлу игумну Мартиріевой обители, что стоило бѣ большаго труда и поддержки; но Св. Евоній авдаси ночью настоятелю Илію и укорилъ его: «маловѣрные, зачѣмъ не прибѣгли вы лучше къ молитвѣ? Тотъ, кто извелъ воду изъ камня, для утоленія непокорнаго народа въ пустыни, и струю живую изъ челюсти ослиной, по молитвѣ Самсона, не уже ли не въ силахъ дать ее и вамъ; если только будете просить съ вѣрою? не трудите напрасно домашній скотъ, ибо въ три часа исполнятся все ваши кладези.» Проснулся Илія и сообщилъ братіи радостную вѣсть; въ полдень облако нашло на обитель и обильный дождь шестолыла все ея водохранилища; но одно только пространство лавры Евоніевоу орошено было небеснымъ дождемъ, вокругъ же все оставалось сухо и бурный вѣтеръ далеко унесъ облако.

Молва о семъ чудѣ распространилась вокругъ по всей пустыни. Патріархъ Мартирій, съ многочисленнымъ клиромъ, поспѣшилъ къ освященію храма и совершилъ оное съ большимъ великолѣпіемъ, спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ кончины блаженнаго аввы; онъ положилъ подъ престолъ алтаря мощи Каппадокійскихъ мучениковъ Тараха, Анкроника и Прова, и вскоре рукоположилъ строителя діакона Фиды въ Епископа города Доры, на

неосрамилъ Нессарійскою; игумены же Илия около сорока лѣтъ управлялъ обителию Св. Евламія. Исполнилось и пророчество аввы, о примиреніи иноковъ Евтихіанскихъ, во дни Мартирія. Игуменъ Маркіанъ, терзаемый увреками совѣсти, обратилъ ихъ въ своей обители Висемской и сказалъ: «доколь, братія, будемъ мы раздѣлять тело Церкви, не испытавъ воли Божіей, и основываться только на собственномъ мнѣніи?— продолжемъ думше примѣру Апостоловъ и бросимъ жребій: кому намъ слѣдовать — Епископамъ или инокамъ?» Жребій палъ на Епископовъ и всѣ иноки Евтихіанскіе, подъ предводительствомъ Маркіана, пришли въ Иерусалимъ къ Патриарху Мартирію. Съ открытыми объятіями оный пріялъ ихъ въ свое общеніе и совершилъ великое торжество, въ которомъ участвовалъ и весь городъ, по случаю сего радостнаго примиренія. Два только отступника не хотѣли присоединиться: Геронкій, уже сорокъ пять лѣтъ управлявшій обителию Св. Меланія Римлянина и настоятель монастыря въ пустынной Оекун, Романъ; но они были изгнаны, за свое упорство, изъ обителей и кончили страннически горькую жизнь. Игуменъ же Маркіанъ, виновникъ желаннаго мира, прославился въ послѣдствіи даромъ чудесъ, и по небесному гласу, послужилъ однажды ко спасенію великаго отшельника Саввы, ижемогавшаго отъ голода. Преемникъ Патриарха Мартирія, Салустій, уважая достоинство и заслуги Маркіана, избралъ его благочиннымъ всѣхъ обителей Палестинскихъ, дабы предохранить ихъ отъ расслабленія духовна-

го, и Марціана вѣдалъ, утѣшеніе передать сію важную должность столь великимъ угодникамъ, каковы были Савва, священникъ и Феодосій, другъ его, начальникъ общины.

Около сего времени поселилась въ Иерусалимѣ, на горѣ Элеонской, въ одеждѣ иноческой, но въ образѣ мужскомъ, Целагія, сперва навѣстная гравинца Антиохійская, многихъ соблазнила своею красотой, а наконецъ знаменитая заворница. Епископъ Иліопольскій, Нонъ, былъ орудіемъ ея спасенія. Однажды слывъ оу на совѣщаніи, съ Патриархомъ Антиохійскимъ Максиміаномъ, предъ дворемъ церкви, и мимо нихъ проносилась шумная толпа юнцовъ и дѣвъ, сопутствовавшихъ Маргаритѣ или жемчужинѣ, ибо такъ была называема Целагія, по красотѣ своей, Епископъ съ состраданіемъ отаратилъ взоры; но блаженный Нонъ сказалъ имъ: «не осуждаетъ ли насъ поведеніе жены оуб? ибо если она столько заботится о украшеніи ея тѣла, чтобъ только нравиться людямъ, то не дадимъ ли мы тяжкаго отвѣта, за то что менѣе се радѣемъ о украшеніи души нашей, обрученной небесному жениху?» Возвратясь въ свою келлію, оубъ заключился на молитву, прося Госнода, со слезами, отпустить ему сіе прегрѣшеніе, и увидѣвъ во оубъ голубицу, сперва черную и смрадную, порхающую около кумали, въ притвѣрь оглашенныхъ, а потомъ ублаженную, нанъ свѣтъ, и воспарившую къ небу.

* Четьи. Миссы 8 Октября.

На другой день, по пресбыи Патриарки, проповѣдывалъ отъ народа въ церкви и есть избытокъ сердца убѣждіе истенале члѣ усть его. Промысловъ Божиимъ, пришедшая въ церковь грѣшница, пролила обильныя слезы и немедленно написала къ нему письмо, умоляя доставить ей свидѣніе, дабы покаяться предъ нимъ въ грѣхахъ. Она воляла ей придти, въ присутствіи Епископовъ, въ преддверіе того же храма, мимо коего еще недавно съ шумомъ протекла она, и грѣшница вриная къ ногамъ старца исповѣдала свои грѣхи. Святителемъ славалъ ей, что правила церковныя назначающъ воспріемника крещаемымъ; она же поручила ему свою душу, возлагая на него всю отвѣтственность своего обращенія, и по совѣту Епископовъ, дозволено ей было, ради пламеннаго ея покаяніа, приступить немедленно къ святому крещенію. Пелагія раздала имущество свое убогимъ, дала свободу рабамъ, и на осьмой день, оставивъ бывшаю одежду новокрещенныхъ, взяла власяницу и мантию изъ рукъ Епископскихъ, и пошла странницею въ Іерусалимъ. Тамъ, подъ мужескимъ именемъ Пелагія, затворилась въ келліи, на горѣ Элеонской, близъ храма Вознесенія. Три года спустя, діаконъ Нона, Іаковъ, пошелъ поклониться Св. мѣстамъ, и Епископъ поручилъ ему посвятить на горѣ Элеонской затворника Пелагія. Вѣрный діаконъ исполнилъ волю Святителя, и постучавшись въ окно келліи, привѣтствовалъ именемъ Нона, иримаго затворника, въ которомъ уже не могъ узнать прекрасную некогда жену Антиохійскую, ибо до такой степени

визначили ее: подвиги пощады: «Цепреси»: Святитель
помогавшая обе имъ; сказала возлюбленная Пелагія, по-
тому что онъ изъступилъ Святой Волей, и немед-
ленно закрыла окно. Третьимъ общему мелевомъ, а
святости затворника, діаконъ: хотѣлъ: еще однажды
востыть его, и спустя нѣсколько дней, опять по-
стучался въ окно келліи, но уже не было отвѣта.
Тайное предчувствіе внушило ему мысль, что за-
творникъ скончался; онъ открылъ окно келліи и
убѣдился въ печальной истинѣ. По его зову собра-
лись иноки окрестныхъ обителей, съ многочислен-
нымъ народомъ, чтобы воздать послѣдній долгъ
затворнику; но сколь велико было общее изумле-
ніе, когда при обмываніи тѣла узнали женщину
въ мнимомъ отшельникѣ; ее погребли съ честью,
воздавъ хвалу Богу, дивному во святыхъ своихъ.

Годъ спустя, послѣ кончины великаго Квонмія,
отшель въ вѣчность и блаженный его послѣдова-
тель, авва Герасимъ Іорданскій, до такой степени
строгий къ самому себѣ, что оскорблялся, когда
сосѣдніе жители Іерихонскіе приносили ему жи-
вотные припасы; онъ даже сказалъ однажды сво-
имъ инокамъ, просившимъ у него позволенія дер-
жать въ келліяхъ огонь, дабы согрѣвать себя во-
ду и пользоваться имъ для ночнаго чтенія, что
могутъ перейти изъ лавры въ монастырь новона-
чальныхъ, ибо доколѣ живъ, не позволить такой
роскоши отшельникамъ. Сто лѣтъ послѣ еще про-
цветала лавра его, на такомъ же твердомъ осно-

* Vie des peres du Desert, l. VII, ch. 78.

ванія. Однимъ изъ славыть его учениковъ былъ епископъ Киріакъ, воспитанный въ благочестіи, Епископомъ Жеринѣмъ, своей родины, и оставившій земныя блага по благовольскому изреченію: «если кто захочетъ идти по мнѣ, да возьметъ крестъ свой и взглянетъ за мною.» — Юношей посвятилъ онъ Св. мѣста Іерусалимскія, и тамъ основался на земю въ обители игумена Евлогія; но жаждающій безмолвія, удался къ великому Евенмію, который неручилъ его сперва игумну Феоктисту, а по смерти сего подвижника, Герасиму Іорданскому. Киріакъ успѣлъ снискать любовь сятаго старца и онъ всегда бралъ его съ собою, когда самъ сопутствовалъ великому Евенмію, на дни четырехдесятницы въ пустынь.

Послѣ кончины своего наставника, возмужавшій въ подвигахъ юноша, переселился въ лавру Евенміеву, гдѣ далъ ему келлію игуменъ Ілія; но несогласія, возникшія между иноками обителей Евенмія и Феоктиста, побудили Киріака, послѣ десяти лѣтъ, перейти въ лавру Сухумскую, основанную Харитоніемъ. Тамъ принятъ былъ сперва какъ новоначальный, и опять обремененъ низшими послушаніями, пока наконецъ не возвели его на степень пресвитера, по общему уваженію къ его добродѣтели. Восемьнадцать лѣтъ исполнялъ онъ сію должность, и потомъ удался, съ однимъ ученикомъ, въ соседнюю пустыню Натузъ, гдѣ долго нитался дикими травами, доколѣ одинъ изъ окрестныхъ жителей Фекуи не послалъ къ нему хлеба;

когда же истощившая калѣбъ, Кириѣкъ, принудяся
 опять за горькія травы, уолаждаемыя имъ чрезъ
 знаменіе креста. Служа четыре года, исповѣданіе
 бѣснуетаго привлекло къ нему столько народа,
 что онъ принужденъ былъ бѣжать въ иную пу-
 стыню Руванъ; но и тамъ провелъ не болѣе пяти
 лѣтъ, избѣгая молвы народной. Наконецъ погру-
 зился въ дикое уединеніе при устьи двухъ потоковъ,
 Лавры и Сусака, гдѣ еще не поселялся до него ни
 одинъ отшельникъ, и опять убѣжденъ былъ ино-
 ками лавры Сукумской у нихъ поселиться, ибо они
 надѣялись, что его присутствіе привлечетъ имъ
 благословеніе Божіе; онъ избралъ себѣ жилищемъ
 самую пещеру Харитонія. Смятенія, возбужденныя
 нѣкоторыми изъ монашествующихъ, побужденъ стар-
 цемъ отойти, одна часть въ пустыню Су-
 сакимскую, гдѣ Богъ послалъ ему льва для охра-
 ненія, какъ некогда блаженному учителю его Ге-
 расиму; ибо Св. мужъ, возвращавшійся къ перво-
 бытной невинности Адама, подобно ему приобрѣ-
 тали и большее владычество надъ всеми тварями.
 Подъ сею дивною стражею увидѣлъ его однажды
 лѣтоточецъ Кириллъ, пришедшій посѣтить его съ
 однимъ инокомъ лавры Сукумской. Устрашился
 Кириллъ дивнаго зѣвря, но спутника его успо-
 коилъ, и левъ уснулъ надъ дорогу, видя что спитъ
 идущій къ нему. Св. Кириѣкъ, знавая нѣтъ, что
 левъ охраняетъ его отъ хищныхъ звѣрей и зара-
 ровъ, и бросилъ каму, шавъ доминикскому животному,
 кусокъ хлѣба отъ трапезы, послалъ его старца

малый городъ свой. Въ такия подвигать скон-
чилъ старецъ Кирилъ болѣе нежели въковое свое
поприще, сохранивъ до послѣдней минуты всю
крѣпость тѣлесную.

X.

ОБ. САВВА ОСВЯЩЕННЫЙ и ОБОДОСІЙ КИНОВІАРХЪ.

Но время уже говорить о величайшемъ изъ
отцевъ пустынныхъ, имя коего драгоцѣнно для
каждаго инока, не менѣе Антоніево, ибо если Ан-
тоній, Египетскій былъ первоначальнымъ отцемъ
ихъ, то изъ лавры освященнаго Саввы, надъ водо-
лю плача, заимствовала вся Палестина и вся Во-
сточная Церковь, инокскій уставъ свой, до сего со-
храмлемый въ православномъ отечествѣ нашемъ.
Стоитъ еще и самая лавра, надъ пронастями
Кедрона, обурываемая сплошными вѣками бурствъ
и однако неподвижная, хотя человекъ цѣленица
вокругъ нее прочія имѣетъ жители пустынной.

* Четыи Минен 29 Сент. Vies des peres du desert, liv. VII, ch. 22.

Налестины. Сталь твердо положено было ея мн-
твенное основаніе.

«Никто, взявшись за рало и обратясь вспять,
не будет управлять въ царствіе Божіе!» О сей
евангельской истинѣ размышлялъ непрестанно, освя-
щенный Савва, девяти лѣтъ бывавшій изъ дома
отческаго въ обитель, и наконецъ изъ родины
Канадокии въ Св. мѣстѣ, не смотря на все
убижденія присматр. . . Ене отрономъ показавъ ему
взмѣръ необычайной своей вѣры, когда обнявъ
себя знаменіемъ креста, смѣло повлекъ изъ беряг
пей поше свою одежду, забытую въ ней во не-
брежности одного изъ многовъ; на бегу Божіаго
попущенія былъ онъ испущенъ и въ Палеювану,
начальникомъ обители. «Оставь идти Савву, оубъ
нѣтъ послужитъ въ пустынь;» таковъ былъ тани-
отвенный гласъ настоятелю о новоначальномъ, и
Савва пошелъ въ пустыню. Іувеналій еще былъ
тогда Епископомъ Іерусалима; Тамъ провелъ онъ
рокъ первую зиму, въ монастырѣ старца Массаріо-
на, подъ руководствомъ игумена Елпидія, и непре-
станно вѣдыхая о пустынь, устремляя въ пещеру
блгоносца Евемія; онъ умолялъ со слезами при-
нять его въ число учениковъ; но божескаѣ гласъ
послалъ его въ монастырь друга своего Осонтиста,
которому поручилъ наблюдать за нимъ съ особымъ
вниманіемъ, либо предвидѣтъ въ оубъ великаго
огня ошельниковъ, и хотѣтъ, по обстоятельству
оубу, научить его; нарѣ обратилася въ послед-
ствіи съ новоначальнымъ. Подъ руководствомъ

Феокиста: созрѣвъ юноша; не чуждался ниизнаники трудовъ и послушаній, такъ что и сама великій Евенній называлъ его ищѣмъ старцемъ.

Сильное искушеніе постигло Савву, когда въмужденный сопутствовать одному изъ собратій въ Александрію; нашолъ тамъ своихъ родителей, и они стали умолять его возвратиться опять въ міръ. «Я служу въ избранной дружинѣ Царя царей, отвѣчалъ онъ, и не могу признавать мопни прасными; дающихъ мнѣ столь пагубный совѣтъ.» Ему предлагали много золота на обратный путь; Савва взялъ только три золотыя монеты и крнесь ихъ Феокисту. Но кончивъ сего блаженнаго учителя, во время юмешства Лонгина, возмужавшій инокъ испросилъ себя позволеніе, у великаго Евеннія, уединиться въ сосѣднюю пещеру; которая висѣла надъ бездною, съ полуденной стороны монастыря; тамъ проводя всю недѣлю, въ молитвенномъ плесеніи конница, онъ возвращался по субботамъ въ обитель; для приобщенія Св. таинъ, и запасался опять, падымовыми вѣтвями на прочіе дни; такъ протекали пять лѣтъ. Уже онъ сдѣлался неразлучнымъ спутникомъ богоноснаго аввы, и съ нимъ вмѣстѣ удалялся каждый годъ, на время четьредесятиницы, въ пустыню Руванъ, гдѣ сердце его въ пламенной молитвѣ соединялось съ Господомъ... Когда же зашаталось на берегахъ: Иордана сіе великое: снѣгаво: пустынь, Савва еще немного времени пользовался незиданіями блаженнаго Герасима, молитвою отражая страшныя искушенія лукавыхъ духовъ; и змири, и гады, и самыя варвары, скитавшіяся на сей

пустынь; и не смелъ ему прикасаться, ибо надъ нимъ была рука Господня.

Четырестада впусти, когда однажды проводилъ ночь въ пещерѣ, на той горѣ, гдѣ Императрица Визокія соорудила башню, для свиданія съ Евнухиюмъ, Саввъ предеталъ свѣтлымъ Ангелъ и сказалъ: «если ты хочешь, для славы Божией, соорудить въ сей пустынь, какъ бы нѣкій градъ святыхъ отшельниковъ, сойди до того потока, что къ восходу солнца; тамъ найдешь пещеру, еще доселѣ никѣмъ не обитаемую. Избери въ своемъ жилищемъ, и Тотъ, кто промысломъ своимъ питаетъ зврей сельмыи и птицъ небесныхъ, не оставитъ и тебя въ пустынь.» — Пещера сия, уназванная Ангеломъ, находилась въ горѣ надъ потокомъ Ивдронскимъ, за пять часовъ хода отъ Иерусалима и за три отъ Виллесема. Саввъ было уже сорокъ лѣтъ, когда онъ поселился въ сей пещерѣ, послужившей основаніемъ его знаменитой лавръ и многимъ другимъ; это случилось, по свидѣтельству Автопидиа Карилла, въ годъ смерти Патриарха Анастасія, когда Мартирій заступилъ его мѣсто.

Такъ какъ трудно было подыматься въ пещеру, высѣченную надъ пропастью, Савва укрѣпилъ веревку при входѣ, чтобы съ помощію ея охранить себя отъ опаснаго паденія, особенно когда онъ возвращался съ водоносомъ, и не мало стоило ему добывать себѣ воду; за два часа разстояніи отъ пещеры; потому что тутъ была селеній потокъ. Еще недавно поселился въ селеніи вертепѣ отшельникъ; когда одлежалъ увидѣлъ четиры

Сарацныи, искавшихъ къ нему поднягся; безъ всякаго страха онъ опустилъ къ нимъ веревку, и варвары изумились, увидя строгій образъ его жизни, ибо онъ питался только дикими травами и кореньями: съ тѣхъ поръ они стали приносить ему хлѣба и финики, и такъ исполнилось предсказаніе Ангела, о томъ, что Богъ промыслилъ ему пищу въ пустынѣ. Пять лѣтъ одиноко провелъ онъ въ столь дикомъ уединеніи, когда божественный Учитель, избравшій его для назиданія другихъ, въ борьбѣ съ демонами и страстями, открылъ его новымъ искателямъ безмолвія; мало по малу собралось около него до семидесяти учениковъ, которыхъ автописецъ Кириллъ называетъ ликомъ Ангеловъ, дружною воцновъ Христовыхъ, гражданами деленія Божія, равночисленными и единоправными семидесяти ученикамъ Господа. Главные изъ нихъ, въ свою чреду, сдѣлались основателями лавръ и обителей, какъ то: Іоаннъ, Іаковъ, Фирмицъ, Северіанъ, Іуліанъ и другіе; блаженный авва, непрестанно назидавшій ихъ словомъ и примѣромъ, устроилъ имъ надъ потокомъ пространную лавру, съ малою церковію посрединѣ, на холмѣ, гдѣ приглашалъ совершать божественную службу мнимокопящихъ пресвитеровъ, ибо самъ по смиренію чуждался священства.

Недостатекъ воды послужилъ виною чуда, еще болѣе утвердившаго вѣру учениковъ святаго. Желая облегчить имъ трудъ дальняго водоношенія, которое самъ безропотно исполнялъ столь долго, Савва иламенно помолился Господу: «Господи Боже силъ,

если ты избралъ мѣсто сіе для своего прославленія, благоволи дать намъ здѣсь въ утѣшеніе и воду.» — Тогда услышалъ онъ ревъ дикого осла подъ горою, и при лунномъ свѣтѣ увидѣлъ животное, бѣднее копытомъ землю, откопъ явилась вода для утоленія его жажды. Замѣтивъ мѣсто, отшельникъ стагъ копать землю и, къ великому утѣшенію, обрѣлъ источникъ живой воды, не иссякавшій съ тѣхъ поръ и въ самыя сильныя засухи. Въ другой разъ, Савва, спустясь ночью изъ своей пещеры, читалъ псалмы, на берегу потока: внезапно увидѣлъ онъ, съ западной стороны его, огненный столпъ, возставшій отъ земли къ небу: страхомъ и радостію исполнилось его сердце; онъ вспомнилъ восклицаніе древняго Патріарха Іакова: «во истину Господь на мѣсть семъ, а я не зналъ сего! коль страшно мѣсто сіе, это домъ Божій, это врата небесныя!» и продолжалъ свою молитву во все теченіе ночи. Утромъ пришелъ Савва къ тому мѣсту, гдѣ видѣлся ему таинственный столпъ, и тамъ открылъ пространную пещеру, изсѣченную въ видѣ церкви, какъ будто рука Божія нарочно приготовила ее для своего служенія. Онъ довершилъ природную красоту ея, искусственнымъ убранствомъ, и определялъ ее на церковное собраніе по субботамъ и воскресеньямъ, а надъ симъ вертепомъ устроилъ для себя уединенную баню; которая сообщалась съ церковью, тѣсною витой лѣстницею, и поселился въ ней башки.

Уже число братій его лавры умножилось до ста пятидесяти, и о всѣхъ отечески заботился авва;

дабы предупредить ихъ опасное столкновеніе съ міромъ; и некоторые приносили съ собою и деньги, для удобнѣйшаго устройства лавры; но никому изъ учениковъ не позволялъ онъ: искать священства, опасаясь честолюбиваго помысла. Нашавъ однажды недоходные и въ его мирной обители, на смерти благопріятствовавшаго ему патріарха Маргаріа; они отважились идти ко вновь поставленному Саллустію и просили себя инаго настоятеля. Благоразумный Саллустій, показавъ смерва, будто ихъ не знаетъ, и спросилъ изъ какой оны пустыни? — «Мы живемъ въ дустымъ потока,» отвѣтали оны; «но какого потока?» спросилъ опять Патріархъ; «иные называютъ его потокомъ игумна Саввы,» возразили лукавые иноки, и на вопросъ: гдѣ самъ игумень? дали уклончивый отвѣтъ: «что человекъ сей слишкомъ грубъ и невѣжественъ, дабы управлять какою либо обителию; ибо не только самъ чуждается священства, но и не допускаетъ до одного дикаго изъ своихъ иноковъ.» Тогда пресвитеръ храма Воскресенія и хранитель честнаго креста, Киріакъ, бывший съ Патріархомъ, сказалъ имъ: «вы ли диняли игумна Савву въ его лавру, или онъ васъ приидеть?» Недовольные принуждены были сознаться, что Савва ихъ собралъ, и ревностный пресвитеръ обличилъ ихъ; что если Савва могъ своими трудами сдѣлать обитаемую пустыню, то конечно можетъ управлять и тѣми, которыхъ принялъ въ свое духовное гражданство. Патріархъ отпустилъ ихъ до утра безъ отвѣта, и втайнѣ призвавъ на другой день Св. Савву, какъ бы для бе-

свды, рукоположили его въ пресвитера, въ нѣкъ присутствіи, и сказали: «вогь отецъ нашъ и на- стоятель, не по избранію:человѣчюкъ, но по избра- нію Божію; а.же послужилъ только орудіемъ Св. Духу.» — Самъ Патріархъ проводилъ его въ пу- стыню, вѣстѣ съ пресвитеремъ Капіаномъ, и тамъ освятилъ новую пещеру въ пещерѣ, которая на- звана была Богозданною, ибо устроена рукою Бо- жіею, а не челоуѣчюкъ. Св. Саввъ было уже пять- десятъ три года, когда принялъ онъ на себя свя- щество, и въ тотъ же годъ утѣшилъ его Господь приходомъ четырехъ именитыхъ мужей, навсегда поселившихся въ его лаврѣ. То были уже испы- танные въ иночествѣ, Іеремія, родомъ изъ Арме- ній, съ двумя учениками Петромъ и Павломъ; старецъ уступилъ имъ прежнюю свою келлію и устроилъ особую церковь для молитвенниковъ ихъ язва. Четвертый же архимандръ былъ святой иоачимъ Іоаннъ*.

Іоаннъ происходилъ отъ славныхъ и богатыхъ родителей области Армянской; но онъ предпочелъ славу небесную земной, и устроилъ обитель въ своемъ городѣ Никомедѣ, заключаясь въ ней съ юнаго возраста; житая Армянскаго города Коло- ній, по смерти своего Вископа, испросилъ себѣ пещыремъ Іоанна у Митрополита ихъ области, не смотря на нѣкъ молибы и отреченія скромнаго от- щедѣнника, который не перемѣнилъ и въ святитель- ствѣ иноческаго житія; но девять лѣтъ спустя, оторченный жестокостію зятя своего, правителя

* Четьи Мѣсяцъ 3 Декабра.

Арменія, Св. Іоаннъ пошелъ искать суда въ Царьградъ, и устроивъ тамъ дѣла своей паствы, уже не хотѣлъ болѣе возвратиться на насадру. Онъ отплылъ въ Іерусалимъ, гдѣ поселился сперва въ обширной богадѣльнѣ Императрицы Евдокіи; оттоль, ищущій безмолвія, исследовалъ за свѣтлаго звездою, ему воссіявшаго во время молитвы, какъ нѣкогда велхвамъ, и обрѣлъ себѣ мѣсто упокоенія въ юдоли плача. Онъ пришелъ въ лазару Св. Саввы, въ тотъ торжественный день, когда Патріархъ освящалъ церковь въ вертепѣ, и утамъ отъ всѣхъ высокій сайъ свой, принять быдъ какъ новоначальный послушникъ.

Въ томъ же году, овдовѣвшая мать Св. Саввы, Свѣія, переселилась къ нему нѣзъ Александрію, и воспріяла иноческій образъ; по кончинѣ ея, Св. Савва употребилъ всѣ принесенныя ею богатства на устроеніе обширной богадѣльни, для помощенія души усопшей. Епископъ Іоаннъ, по воли эконома, какъ простой инокъ, трудился при строеніи, принося воду и служба для транзѣи каменщицъ, и такъ продолжалъ онъ подвизаться въ теченіе двухъ лѣтъ, доколѣ не испросилъ себѣ удивненную келлію для безмолвія.

Мѣжду тѣмъ великій Савва искалъ новыхъ подвиговъ; следуя примѣру богоноснаго Вениама, онъ каждагодно отходилъ въ пустыню, на время четырехдесятиницы. Однажды, скитаясь вдоль берега Мертваго моря, увидѣлъ онъ малый островокъ, гдѣ пожелалъ окончить подвигъ поста, но лѣстію демонскою едва не лишился жизни; ибо впасть въ

аму горящей кавести, которая такъ его опалила, что по возвращеніи братія узнавали своего аву только по звуку голоса; онъ же воздалъ славу Богу, что на время длился и видный благоуміи. На другой годъ, находясь съ ученикомъ своимъ Агаптомъ въ пустынь, увидѣлъ льва, приблизившагося къ спящему ученику, и молитвою обратился въ бѣгство страшнаго звѣря; но потомъ предвараѣ Агапта, чтобы болѣе бодрствовалъ надъ собою, не позволяя слишкомъ отягощать свое тѣло сномъ. Съ тѣмъ же ученикомъ открылъ онъ однажды, въ Іорданѣ, древняго отшельника въ уединенной горѣ. Духъ Божій внушилъ Саввѣ войти въ пещеру, и послѣ краткой молитвы, отшельникъ сказалъ ему: «Савва, рабъ Божій, кто открылъ тебѣ мѣсто сіе? уже тридцать восемь лѣтъ я здѣсь спасаюсь, никого не видя.» — «Богъ, открывшій тебѣ мое имя, привелъ и меня, отвѣчалъ Савва,» и они насладились взаимною бесѣдою. Нѣсколько дней спустя, возвратясь къ той же пещерѣ, святой Савва увидѣлъ отшельника, стоящаго на козлахъ, и не смѣлъ нарушить его молитвы; цѣлый день молча ожидалъ онъ ея окончанія, къ вечеру же тихо подоидя къ молившемуся, чтобы испросить благословеніе, нашелъ его мертвымъ, и съ благоговѣніемъ прадалъ земѣ.

Недалеко отъ лавры основанной святымъ, на разстояніи пути одного часа, находилась гора съ развалинами древней крѣпости, неприступная по жилищу злыхъ духовъ. Мужественный Савва рѣшился провести такъ святую четьредесятницу.

и довержились маслени готъ шамшанды; и вѣвщайшей
 древь честнымъ древомъ креста; и домыши, и сперея
 возмущавше нодой его страшнымъ дѣстами и во-
 пльми, сами со страхомъ бѣжали, дакъ сталъ чер-
 нымъ птиць; и остретные пастыря; и оумлецаише сивь
 чудомъ, пришли посмотреть на человека Божия, въ
 его нѣвомъ удивленн; онъ же отвѣстилъ изъ съ-
 шрощъ и навиданіемъ, и возврати въ лазру; и взялъ
 съ собою послѣ Пасхи нѣсколько учениковъ на го-
 ру, духовно имъ завсванную, чтобы устроить шел-
 ли и обитель изъ развалинъ; тамъ, посреди облом-
 ковъ, нашелъ цѣлое сохранившееся вѣданіе и опре-
 дѣлилъ оно для храма Божия. Савва назначилъ
 настоятелемъ въ новую обитель одного изъ учени-
 ковъ своихъ, Павла, а по его скорой кончинѣ; Тео-
 дора, который взялъ съ собою единокровныхъ ему
 Сергія и Парла; оба они были въ послѣдствіи и
 начальниками сей обители и Епископами. Желая
 сдѣлать новый монастырь разсудившомъ иносотнѣ,
 опытный его основатель, собралъ въ немъ братію,
 уже возмужавшую въ подвижанъ поста, а близъ
 горы сей устроилъ страннопріимный домъ, гдѣ по-
 вѣнчальныя привыкали къ обязанностямъ звани
 монашескаго; самыхъ же юныхъ, по примѣру нека-
 каго аввы Евенія, раздѣляшаго подобныя забо-
 ты съ другомъ своимъ Θεоктветомъ, отсылаалъ въ
 обширный монастырь Св. Феодосія Киниарха,
 или отда общажительныхъ, который находилася со-
 полтора часа хода отъ юдои плаче.

И Феодосій, какъ другъ его Савва, провѣнчи-
 дилъ въ Катмадокіи, родины великихъ мужей Шер-

шии Феодосія, что онъ вскоре удалился въ соседнюю пещеру, гдѣ, по преданію, провелъ ночь Волквы, когда пріяли во снѣ вѣсть не возвращающаяся въ Ироду.

Чрезвычайно строгая жизнь его, изнуряя тѣло, возвышала душу, и какъ древо, насажденное при источникахъ воды, приносилъ онъ сладкія плоды духовныя; тридцать лѣтъ, какъ тридцать дней, протекли непримѣтно въ непрестанномъ подвигѣ. Мало по малу собрались къ нему ученики, сперва въ числѣ семи, а потомъ двѣнадцати; Феодосій возбуждалъ ихъ, памятованіемъ смерти, и для сего велѣлъ имъ вырыть общую могилу; однажды, стоя на краю ея, сказалъ онъ съ чувствомъ тихой радости: «вотъ и жилище готово, кто же обновитъ его?» Одинъ изъ учениковъ, пресвитеръ Василій, преклонивъ колѣна, просилъ святаго, благословити его на сіе обновленіе, и Феодосій благословилъ. Съ тѣхъ поръ, братія уже смотрѣли на Василія, какъ на жилища иного міра: за него молчались какъ бы за усопшаго, въ третій, девятый и сороковый день, и на исходѣ послѣдняго, безъ всякой болѣзни, тихо уснулъ онъ о Господѣ. По прошествіи сорока дней, Василій видимо былъ святому аввѣ, молящимся вмѣстѣ съ братією, какъ во дни земной его жизни.

Господь явилъ, многими знаменіями, небесное покровительство возлюбившему его пустынножителю. Однажды когда, наканунѣ Пасхи, не было даже хлѣба для священнодѣйствія и огорчавась братія, Феодосій съ вѣрою велѣлъ имъ накрыть

трапезу, возмощивъ пошеченіе на Бога, : фило: за: то: деніи: соли: и: невѣстныйъ мужъ привезъ имъ, на двухъ лошадахъ, обильный запасъ хлѣба; въ другой разъ, когда братія опять просила его: при: быгнуть къ щедрости одного князьлюбца, во время голода, то же благое Провидѣніе привело къ нимъ нѣчто путника съ хлѣбомъ.

Число его иноковъ возрасло до такой степени, что необходимо уже стало помышлять о устройствѣ обители, хожи и долго боролся онъ съ мыслію все оставить, для желаннаго имъ безмолвія. Феодосій молилъ Господа открыть ему, видимыиъ знаменіиъ, место новаго жилища, и взявъ камильнику съ омиіиномъ и не разжженными углями, ходилъ по пустынь, въ той надеждѣ, что Богъ воспламенитъ уголь на мѣстѣ, Ему угодномъ. Исполнилось его благочестивое желаніе, и пламя возыкнуло недалеко отъ той пещеры Волхвовъ, гдѣ вначалѣ онъ водворился; тамъ положилъ основаніе обители, которая сдѣлалась самою обширною изъ общинн: тельныхъ во всей Палестинѣ. Молва о Феодосіи привлекла къ нему безчисленныхъ учениковъ, всякаго возраста и званія, отъ всѣхъ странъ міра; многіе оставляли броню воинскую или величіе свѣтскаго сана, чтобы обрести себѣ спасеніе подъ его смиреннымъ руководствомъ; ибо Духъ Божій наставлялъ блаженнаго авву, неопытнаго въ дѣлахъ міра, какъ управлять столь разнообразнымъ и многоплеменнымъ сонмомъ. Для большей дѣятельности, и для содержанія многолюдной братіи, явель онъ полезныя ремесла и искусства въ своемъ

монастырь, такъ что, не выходя изъ стѣнъ обители, можно было находить себе все, необходимое для жизни; но различныя же языкамъ брашна, аще соорудилъ три церкви, гдѣ на разныхъ нарѣчїяхъ совершалось богослуженіе:

Первая была для Грековъ, вторая для Армякъ, и въ ней собирались также Персы и Аравитяне; третья для Вассовъ, т. е. народа въ происхожденїи Вавонскаго, говорившихъ языкомъ Славянскимъ и Готскимъ; и такъ уже въ походы патаго стовлѣтїа, отечественный языкъ нашъ сдѣлался богослужебнымъ въ одной изъ славянскихъ обителей Палестины. Семь разъ въ сутки, но распределенно дня и ночи, собирались въ церквахъ своихъ разноплеменные иноки, для воспѣванїа хвалы Господу, соединившему ихъ отъ всѣхъ концовъ вселенной; но кромѣ утреннихъ и вечернихъ бдній, въ нихъ совершалась только литургїа оглашенныхъ: послѣ же чтенїа Евангелїа, всѣ съходились въ соборную церковь Греческую, для слушанїа литургїи великаго Василїа, ибо она преимущественно совершалась въ обители Феодосїа, по глубокому уваженїю его къ сему великому соотечественнику и учителю Церкви. Когда некоторые изъ его иноковъ, увлеченные въ пустыню духомъ гордости, безъ благословенїа настоятеля, возвратились опять въ обитель, испытавъ тяжкія искушенїа, Феодосїй прїнялъ ихъ съ любовїю; но построилъ имъ особенное жилище съ церковїю, дабы они, душевную свою болѣзнь, не возмутили мира врочахъ; баявъ же не-

простоинно навещала ихъ, заботясь отечески о ихъ спасеніи; а въ раны своихъ иноковъ укрывала, благими совѣтами, въ предпринятомъ яви подвигѣ, возбуждая ихъ къ любви, смиренію и полнотному труду, доколь еще не миновалось время.

Если замѣчала, что убѣжденія неавидительны для ожесточившагося сердцемъ, кроткій старецъ падалъ къ ногамъ ихъ и умолялъ; ради собственнаго ихъ спасенія, порадовать о бѣдствующей душѣ, хотя изъ снисхожденія къ его просьбѣ. Кротость его и любовь равнялись его великому терпѣнію! Однаждынокъ, отлученный изъ общества братьевъ, за тяжкое согрѣшеніе, вмѣсто того, чтобы раскаяться, отважился самъ отлучить авву; но духовный врачъ сей, хотя тронутый до глубины сердца такимъ ожесточеніемъ, не отказался исполнить сагъ возложенной на него эвтиніи, шемятенный его поступкомъ ученикъ, смирился въ себѣ чреду предъ великимъ учителемъ. Не только духовнымъ болѣзнямъ служила врачевницею егѣ обитель, но и всѣ тѣлесныя недуги находили въ ней покровъ и утѣшенье, ибо онъ устроилъ четыре богадѣльни, въ которыя съ любовью принималъ страждущихъ: одну для престарѣлыхъ иноковъ; изъисходившихъ подвигами; другую для больныхъ изъ числа братьевъ; третью для иррнговъ всякаго званія, болѣе привывшихъ къ удобствамъ жизни; и четвертую для простолюдиновъ. Одна благочестивая жена способствовала ему своими даяніями, къ устроению и пятой богадѣльни, для женскаго

пра, и сама основала не вдалекѣ женскую обитель, гдѣ постриглась и мать святаго, сдѣлавшаяся ему дочерью духовной:

Евангельская любовь Феодосія особенно обнаруживалась въ служеніи его при богадѣльняхъ; ибо онъ точно видѣлъ въ каждомъ изъ болящихъ самаго Господа Іисуса Христа, и не гнушался никакими недугами, побуждая тѣмъ отвращеніе учениковъ своихъ отъ смрадныхъ язвъ. Нищіе, мимоходившіе странники, алчущіе и жаждущіе, находили также временное успокоеніе въ его обители; ибо никому не затворялись гостепріимныя двери; всѣмъ нуждающимся раздавалась милостыня, одежда и пища; иногда до эта трапезъ накрывалось для многочисленныхъ путниковъ. Но гдѣ же находилъ онъ средства для щедротъ своихъ? «не оскудѣетъ рука дающаго, говоритъ Св. писаніе, и снабжающій нищаго, въ займы дастъ Богу.» Однажды, въ голодный годъ, собралось на Пасху такое множество народа въ обитель, что озабоченные ихъ пропитаніемъ блюстители трапезы, рѣшились уменьшить по возможности обычную раздачу хлѣба; дабы всѣхъ удовлетворить, и затворили врата монастырскія, для сохраненія порядка при раздачѣ пищи; но Феодосій, ведя, отворивъ врата, всѣхъ кормить до сытости, и блюстители, съ рабствомъ изумленіемъ, увидѣли дивное размноженіе хлѣбовъ; въ собственныхъ рукахъ ихъ, какъ никогда въ рукахъ Апостольскихъ, при насыщеніи пяти тысячъ въ пустынь; чудо сіе повторилось и въ другихъ подобныхъ же случаяхъ.

XI.

ПАТРИАРШЕСТВО ИЛИИ И ЮАННА,

Подвиги Св. Саввы и Θεодосія.

Преемникъ Самуеліи, на кафедрѣ Иерусалимской, Патріархъ Ілія, также изъ учениковъ великаго Евелмія, пожелалъ имѣть около себя обитель монашествующихъ, и собралъ многовъ, жившихъ отдѣльно окрестъ башни Давидовой, въ особенный монастырь, который устроилъ подлѣ своего дома, у храма Воскресенія. Св. Савва немедленно пріобрѣлъ опустыниці кельи башни Давидовой и обратилъ ихъ въ богадельню; для своихъ и чуждыхъ вниковъ; онъ устроилъ и еще двѣ богадельни, въ монастырѣ укрѣпленной горы, и двѣ больницы, одну въ Иерусалимѣ, а другую въ Іерихонѣ; донѣи же, потребныя на сіи богоугодныя заведенія, принесъ ему неизвѣстный мужъ и скрылся; не сказавъ, кто онъ и откуда. Такъ какъ число Армянъ очень умножилось въ лаврѣ, Св. Савва соорудилъ для нихъ особую больницу и церковь во имя Пречистой Дѣвы, которую освятилъ Патріархъ Ілія. Но, дозволивъ Армянамъ Богослуженіе на собствен-

номъ ихъ нарѣчїи, бдительный ревнитель, православїи, повелѣлъ имъ пѣть трисвятую пѣснь на языкѣ Греческомъ, дабы не вкралось неправильное прибавленіе: «распныйся за насъ», которое ввелъ между Армянами лжепатріархъ Антіохійскій Петръ Гнасей, оболещенный ересью Евтихїа, о страданїи Божества. Авва положилъ также, что бы вся братїя необходимо соединялась, по субботамъ, въ богослуженїи церкви вертепа, а по воскресенїямъ, въ храмъ Пречистой Дѣвы, гдѣ всенощныя бдѣнія занимали теченіе цѣлой ночи.

Къ Патріарху Иліѣ привелъ однажды Св. Савва молчальника Іоанна, извлеченнаго имъ опять изъ любимаго уединенїя къ заботливой должности эконома, и просилъ Святителя рукоположить его въ пресвитера. Уже Патріархъ шелъ въ церковь Голгофы, чтобы совершить надъ нимъ таинство; — тогда Іоаннъ, видя, что не можетъ долѣе таить своего сама, отвелъ въ сторону Патріарха и сказалъ ему: «тебѣ, святой отецъ, открою тайну, которую прошу сохранить; иначе я буду принужденъ оставить сіи предѣлы. Я Епископъ, и сознаніе грѣховъ моихъ заставило меня оставить санъ мой и бѣжать въ пустыню, чтобы въ ней искать милосердія Божїа. Я полагалъ однако, что доколѣ еще въ семъ возрастѣ, обязанъ я служить моимъ ближнимъ, дабы и мнѣ не укорительны были ихъ услуги, когда взнемогу силами.» Изумился Патріархъ глубокому его смиренїю, и призвавъ авву, сказалъ ему: «инокъ сей открылъ мнѣ тайну, воспрещающую рукополагать его; и таѣ оставь его въ

миръ, не нарушая отсюда ничьихъ его спокойствія.» Велико было огорченіе святаго игумена, ибо думалъ, что ошибся въ молчальникъ; онъ провелъ цѣлую ночь въ слезахъ и молитвѣ, прося Господа открыть ему сію тайну, и услышалъ Ангельскій голосъ: «не бесполезный сосудъ Іоаннъ, но сосудъ избранный; не можетъ Епископъ быть оиать пресвятеромъ.»

Не изумился и не устранился Савва небеснаго явленія, ибо онъ привыкъ къ общенію съ духовнымъ міромъ; онъ только поспѣвшигъ, съ сердцемъ исполненнымъ радости, въ келлію молчальника и, обнявъ его, сказалъ: «отче Іоаннъ, ты отъ меня утаилъ данную тебѣ благодать, но Богъ мнѣ открылъ ее!» — «Ахъ, отецъ мой, отвѣчалъ ему блаженный молчальникъ, слова твои меня огорчили, ибо теперь я долженъ буду оставить мое уединеніе, сдѣлавшись всемъ извѣстенъ.» Но Савва умолилъ его остаться, общая, предъ лицомъ Божиимъ, никогда не открывать его тайны, и молчальникъ еще болѣе уединился, уже ни съ кѣмъ не говоря ни слова, кромѣ приносившаго ему необходимую пищу. Однажды только вышелъ онъ изъ своей келліи, чтобы приветствовать Патріарха Ілію, приходшаго на освященіе храма; когда же возмущеніе иноковъ лавры побудило Св. Савву оставить неблагодарныхъ, то и молчальникъ скрылся въ пустыню Руванъ, гдѣ провелъ шесть лѣтъ въ нещаднѣ, питаясь дикими травами. Одинъ изъ братьевъ пришелъ разделить съ нимъ уединеніе и, будучи новѣ силахъ переносить лишеній пустынныхъ, убавля-

далъ молчальника возвратиться на пасху въ лавру; но Иоаннъ зная, что тамъ нѣтъ великаго настоятеля, совѣтовалъ ему ввѣрить себя Господу, сорокъ лѣтъ питавшему шесть сотъ тысячъ Израильтянъ въ пустынь; когда же непокорный ученикъ его оставилъ и, заблудившись въ пустынь, возвратился послѣ трехъ дней въ пещеру Иоанна, онъ нашелъ ее исполненную хлѣбами, и покаялся въ своемъ невѣрїи.

Зависть демонская нарушила желанный миръ въ лавръ Св. Саввы: недовольные иноки, которые уже однажды противъ него возставали при Патриархѣ Саллустїи, возобновили ропоть, въ числѣ сорока человекъ, и частыми неприятностями заставили наконецъ святаго удалиться. Онъ пошелъ въ предѣлы Скиѳополя, въ пещеру, гдѣ было логовище льва; дикій зверь, ночью возвратясь въ свою берлогу и увидѣвъ спящаго авву, тихо взялъ зубами за край его оджды, чтобы извлечь вонь. Проснулся святой и, ни сколько не ужаснувшись, сталъ творить молитвы; потомъ же сказалъ лъву, который хотѣлъ опять его тревожить: «обоимъ можетъ служить сія пещера, ибо мы имѣемъ единаго Бога творцемъ; если же ты не хочешь со мною оставаться, то уступи мнѣ мѣсто, потому что я человекъ и созданъ по образу Божїю;» — левъ удалился. И хищники, услышавъ о жительствѣ святаго въ пещерѣ, пришли съ намѣренїемъ его ограбить, но изумленные евангельскою его нищетою, удалились съ чувствомъ благоговѣнія; имъ встрѣтились на пути два страшные льва, и они оградились отъ нихъ именемъ освященнаго Саввы. Чудо

сіе совершенно ихъ обратило на путь покаяніа, и молва о томъ до такой степени распространилась, что уже Савва не имѣлъ покоя и въ своемъ дѣкомъ вертепѣ.

Около святаго отшельника собралось нѣсколько учениковъ, и въ послѣдствіи основался монастырь въ сей пещерѣ; Савва, влекомый любовью къ первоначальному своему жилищу, оставилъ покорныхъ для непокорныхъ; но число ихъ умножилось, въ его отсутствіе, и никакія убѣжденія кротости не могли на нихъ подѣйствовать. Опять удалился онъ къ Никополю и пустынствовалъ сперва подъ сѣнію развѣсистаго дерева, доколѣ владѣтель поля не устроилъ ему хижины, обратившюся также въ монастырь, отъ множества собравшихся учениковъ. Между тѣмъ, недовольные въ лаврѣ распустили молву, будто бы авву ихъ съѣли дикіе звѣри въ пустынѣ, и пришедши въ Іерусалимъ къ Патріарху Иліѣ, просили себѣ настоятеля; но Илія, зная ихъ нерасположеніе къ святому, отвѣчалъ: что онъ не можетъ повѣрить, чтобы Господь выдалъ звѣрямъ вѣрнаго раба своего, и потому надлежитъ или искать его по пустынѣ, или ожидать его возвращенія въ Іерусалимъ. И дѣйствительно Савва возвратился во святыи градъ, къ празднику обновленія храма, ибо къ сему дню обыкновенно сходились всѣ настоятели пустынныхъ обителей. Патріархъ убѣдилъ его не оставлять своей лавры и написалъ посланіе къ недовольнымъ инокамъ, чтобы они приняли съ любовію возвратившагося отца ихъ, или бы сами оставили обитель. Они же,

ослабленные вростию, разрушили башню надъ потокомъ, служившую келлію Саввы, и вышли изъ его лавры, оставивъ по себѣ сей горькій слѣдъ своего нечестія.

Мятежники думали найти убѣжище въ монастырѣ Сухумскомъ, у блаженнаго игумна Аквилы; но онъ не принялъ нарушителей порядка, и они принуждены были идти поселиться, близъ Фекум, въ развалинахъ монастыря Романа, изгнаннаго за ересь. Съ ихъ удаленіемъ водворился миръ въ лаврѣ надъ юдолюю плача; мстныя чаша по слушанію процвѣли подъ духовнымъ навиданіемъ отца ихъ. Савва отыскалъ въ пустынь и знаменитаго молчальника Іоанна и возвратилъ въ его келлію. Однако сердце святаго болѣло объ отпадшихъ; узнавъ, что они гибнутъ отъ неустройства внутренняго и вѣшняго, онъ самъ навѣстилъ ихъ, и сталъ посылать имъ необходимую пищу изъ своей лавры; видя же, что они принуждены ходить для слушанія божественной литургіи въ отдаленную церковь, выстроилъ для нихъ молитвенную храминку, испросилъ ихъ у Патріарха въ законное достояніе келліи, занятыя ими самовольно, и распространилъ ихъ обитель; подавляя ихъ неблагодарность бременемъ своихъ благодѣяній, онъ приобрѣлъ ихъ наконецъ себѣ и Богу, и далъ имъ настоятелемъ опытнаго инока своей лавры, Іоанна, одареннаго пророчествомъ. Мѣсто сіе названо въ послѣдствіи новою лаврою.

Савва достигъ уже семидесятилѣтняго возраста, но еще не утомлялся отъ подвиговъ поста. Отойдя

но обычаю, на время сорокадневныя въ пустыню, онъ обрлъ, недалеко отъ укрѣщенной горы, еще пещеру, и тамъ, послѣ пасхи, устроилъ малую церковь и обитель, подъ начальствомъ соудствовавшаго ему въ пустыне инока Павла; монастырь сей прославился въ послѣдствіи подъ именемъ пещернаго. И еще обитель основалъ великій отецъ пустынниковъ Палестинскихъ. Башня, воздвигнутая Императрицею Евдокіею, для свиданія съ аввою Евонміемъ, перешла послѣ ея смерти въ руки Евтихіанъ; когда же они были изгнаны, два инока Несторіанскіе въ ней поселились; башня сія возвышалась надъ тремя изъ монастырей Св. Саввы, который не могъ равнодушно видѣть столь опаснаго сосѣдства еретиковъ, посреди его духовной паствы. Онъ обратился съ молитвою къ Богу, и, въ духовномъ видѣніи увидѣлъ себя посреди храма воскресенія и двухъ ликторовъ, изгоняющихъ обонъ Несторіанъ. Савва, тронутый симъ видѣніемъ, посѣтилъ самъ отступниковъ православія и приобрѣта ихъ истинной церкви, отвелъ въ обитель Св. Феодосія Киновіарха, а въ оставленной ими башнѣ учредилъ монастырь, подъ начальствомъ ученика Феодосіева Іоанна, который служилъ вѣкогда въ странѣ императорской; отъ него сохранилось званіе Схоларія, новому монастырю.

Одинъ изъ иноковъ Св. Саввы, именемъ Іаковъ, вздумалъ самовольно подражать призыву Святаго, и удалившись во время поста въ пустыню, на малое озеро, называемое Эптастома; т. е. седмиуст-

ное, устроилъ тамъ келлію и церковь. Напрасно старался убѣдить его святой Савва дѣ неправильности еего поступка, представляя, что и самое озеро принадлежитъ лаврѣ. Одна только смертная болѣзнь небудила непокорнаго къ раскаянію, и Патріархъ Ілія велѣлъ разорить его постройки; но нѣсколько времени спустя, одинъ благочестивый мужъ пожертвовалъ землю недалеко отъ бывшихъ келлій, и съ благословенія святаго соорудилась тамъ еще лавра, названная Эптастою, подѣ настоятельствомъ двухъ братій Павла и Андрея. Святой старецъ имѣлъ утѣшеніе видѣть и совершенство, котораго достигали, подѣ его руководствомъ, послушные ученики. Двумъ изъ нихъ Зану и Веніамину, уступилъ оцѣ собственную свою келлію, за версту отъ великой лавры, гдѣ въ послѣдствіи основалась также обитель. Другой ученикъ Анеимъ, тридцать лѣтъ жившій по другую сторону потока, противъ самой келліи святаго, когда онъ предлагалъ ему, по болѣзненному состоянію перейти въ иную келлію, ближе къ церкви, отвѣчалъ: «на-дѣюсь, что Господь, создавшій мою душу, благо-волитъ и принять ее отъ меня въ той келліи, гдѣ я посвятилъ себя его служенію, съ тѣхъ поръ какъ оставилъ міръ.» Немного времени спустя, Св. Савва, вставъ ночью прежде благовѣста, услышалъ пѣніе со стороны келліи Анеима и псалом-ные гласы: «прейду въ мѣсто селенія дивно, даже до дому Божія, во гласъ радованія и исповѣданія шума празднующихъ.» Немедленно собралъ онъ всю братію и привелъ ее въ келлію Анеима; но

уже блаженный отшельникъ прешель въ вѣчность; съ честію погребли его въ усыпальникъ братій.

Еще одинъ инокъ, изгнанный изъ обители Св. Феодосія, за то что нечаянно убилъ лошака, прешель искать спасенія въ лавръ Св. Саввы, и провель тридцать лѣтъ въ непрестанныхъ подвигахъ поста. Когда же почувствовалъ приближеніе своей кончины, онъ просилъ святаго игумна отпустить его для примиренія къ Феодосію, и Савва послалъ съ нимъ другаго инока, сказать прежнему его настоятелю: «вотъ Афродитъ, пришедшій ко мнѣ человекомъ, а теперь возвращающійся къ тебѣ Ангеломъ.» Послѣ желаннаго примиренія, тихо преставился сей земной ангелъ, и его погребли въ отдельномъ гробѣ, для назиданія приходившихъ поклонниковъ.

Настало время великому аввъ подвизаться и за истину; ибо ересь Евтихіанъ еще не преставала волновать Востокъ. Наслѣдникъ Императора Зенона, Анастасій, старался распространить повсюду окружное посланіе, подъ именемъ Энотика, т. е. согласительнаго, которое, для примиренія Евтихіанъ съ Православными, не осуждало гласно, но и не признавало Халкидонскаго вселенскаго собора. Главнымъ дѣйствователемъ въ Сиріи былъ Северъ, мженатріархъ Антиохійскій, некогда инокъ одной изъ обителей Иларіоновыхъ, въ окрестностяхъ Газы, изгнанный оттолъ за ересь игумномъ своимъ Нефаломъ. Посланный Евтихіанами, съ нѣкоторыми другими иноками того же духа, въ Константинополь, онъ былъ благосклонно принятъ престарѣ-

мъ Императорамъ и содѣйствовала ему въ низверженіи законнаго Патріарха Македонія. Тимофей, избранный на его мѣсто, послалъ отъ себя общительныя грамоты ко всѣмъ вервостепеннымъ Епископамъ; но мужественные между ними отвергли сія грамоты; а робкіе, въ томъ числѣ Флавіанъ Антиохійскій и Ілія Іерусалимскій, приняли писаніе, какъ отъ православнаго, хотя не одобрили низверженіе Македоніево, и тѣмъ возбудили противъ себя гнѣвъ Императора.

Патріархъ Ілія, видя бурю, собирающуюся надъ его Церковію, послалъ семьдесятъ трехъ лѣтняго старца Савву, во главѣ иныхъ православныхъ игуменовъ Палестины, въ Царьградъ, чтобы предупредить козни Сѣверовы, и писалъ къ Императору: «я посылаю тебѣ цвѣтъ пустыни, добрыхъ и вѣрныхъ рабовъ Божіихъ, настоятелей обителей многихъ, и между ними господина Савву, главу всѣхъ пустынножителей и свѣтъ всея Палестины, въ той надеждѣ, что они умирятъ твое царское величество». Савва и бывшіе съ нимъ игумены предстали къ двору царскому; но привратники, всѣхъ пропустили, кромѣ одного Саввы, котораго приняли за нищаго, во его рубищу. Когда же Императоръ, прочитавъ грамоту, спросилъ гдѣ Савва? съ изумленіемъ нашли его въ углу одной изъ палатъ, читающимъ псалмы. Анастасій мнѣ видѣть Ангела въ его лицѣ и всталъ предъ нимъ съ престола, исполненный благоговѣнія; онъ посадилъ всѣхъ старцевъ, и спрашивая о нуждахъ

каждого, старался по мѣрѣ возможности удовлетворить ихъ, ибо любилъ монашествующихъ. Дошла очередь и до святаго, и на вопросъ Императора: почему онъ ничего не проситъ своей лавры? онъ отвѣчалъ, что пришелъ въ Царьградъ только поклониться его лицу и просить отъ имени Св. града и своего Архіепископа, не возмущать мира Церквей Божіихъ, дабы они денно и нощно молились о благоденствіи его державы.»

Императоръ далъ святому старцу тысячу златницъ, для многочисленныхъ его обитателей, и отпустивъ всѣхъ прочихъ игуменовъ, позволилъ ему провести зиму въ Халкидонскомъ предмѣстіи столицы, гдѣ его часто навѣщали сановники и родственники царскіе; между прочими была и Анастасія, племянница царская, которая въ послѣдствіи сама удалилась въ Палестину и прославилась подвигами иноческими на горѣ Элеонской. Императоръ часто призывалъ къ себѣ старца, чтобы пользоваться его духовною бесѣдою, и однажды сказалъ ему: что желалъ бы удалить Патріарха Илію, какъ признающаго соборъ Халкидонскій и чрезъ то потворствующаго ереси Несторія; но мужественный Савва отвѣчалъ ослѣпленному Императору: что святой Архіепископъ ихъ твердо держится православія, наученный оному древними святынями Церкви, ибо равно отвергаетъ раздѣленіе Несторіево, какъ и смѣшеніе Евтихіево, не отклоняясь ни на право, ни на лѣво отъ истиннаго пути; — «и такъ, продолжалъ онъ, заклинаю тебя, не

всмущата мира матери Царивей, гдѣ намъ откры-
лась, по словамъ писанія, велия благочестія тайна.»

Весною, предъ своимъ отъездомъ, онъ просилъ Императора, отпустить городу Иерусалиму недоимку взимаемой съ него подати, отъ которой страдали Церковь и народъ; Анастасій согласился исполнить его желаніе; но Савва не могъ убѣдить корыстолюбиваго хранителя казны царской, который воспротивился милостивому повелѣнію, и надъ нимъ сбылось пророчество святаго, о разрушеніи собственнаго его дома. На обратномъ пути изъ Царьграда, посѣтилъ онъ свою родину Каппадокію, и обратилъ къ православію въ Елеверополь нѣкоего игумна Паисія, бывшаго ревнителя ереси Северной. Онъ роздалъ щедрою рукою по всемъ обителямъ деньги, данныя ему Императоромъ; когда же возроптали за то нѣкоторые изъ иноковъ его лавры, святой напомнилъ имъ примѣръ Давида, раздѣлившаго добычу и тѣмъ, которые не ходили съ нимъ на брань, говоря, что если сами они трудились тѣломъ въ странствіи, то братія, оставшаяся въ обителяхъ, подвизалась за нихъ духовно.

И святой другъ Саввы, Феодосій, получивъ также обильныя даванія отъ щедроты царской, принялъ ихъ для того только, чтобы не оскорбить величія дающаго; но онъ роздалъ ихъ, подобно Св. Саввѣ, по окрестнымъ обителямъ, предвѣря ихъ о имѣющихъ быть искушеніяхъ за вѣру. Когда же сановники Императора, надѣясь, что уже благодѣяніями пріобрѣли старца на свою сторону, про-

силы его объявить свое мнѣніе, о догматахъ Халкидонскаго собора, Феодосій написалъ пространное письмо Государю, въ которомъ ясно показавъ, что готовъ лучше умереть за вѣру отеческую, нежели послѣдовать ереси Евтихіевой: «поелику намъ предлагаютъ, или обезчестить вѣру и жизнь нашу, заблужденіями еретиковъ, или умереть со славою за догматы Св. отецъ: то знай, о Государь, что мы предпочитаемъ последнее, ибо если всякой добрый гражданинъ долженъ жертвовать жизнію за отечество, и мы сдѣлали бы тоже въ случаѣ нужды: то не наипаче ли должны жертвовать жизнію для защиты вѣры, которая есть спасеніе душъ нашихъ? Скорѣе согласимся, чтобы Св. мѣста Іерусалимскія сожжены были огнемъ, нежели потерпимъ посреди ихъ мнѣнія, противныя истинѣ, ибо зачѣмъ и называть мѣста сіи святыми, если попустимъ ихъ обезчестить ересію?»

«Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Царь славы, да предохранитъ насъ отъ общенія съ еретиками, которыхъ мы не только чуждаемся, но и предаемъ анаѣмъ, будучи готовы постоять до крови за четыре вселенскіе собора. Пусть возжжется пламя, пусть изострятъ мечи и приготовятъ жесточайшія мученія, пусть умерщвляютъ насъ не однажды, а по нѣскольку разъ, мы на все готовы; но не измѣнимъ святой нашей вѣрь, и не потерпимъ, чтобы ионирали ученіе божественныхъ отцевъ. Мы призываемъ во свидѣтельство истинныя самыя ихъ подвиги за сію вѣру, которая пребу-

* Vic des pères liv. VII, ch. 15.

дети неподвижно въ сердцахъ взрывать Господу, и готовыя вамъ послѣдовать. Мы же молимъ Всевышняго Бога, даровать тебѣ миръ, превосходящій всякій разумъ, и направить ко благу твою державу.»

Императоръ, тронутый ли письмомъ снмъ, или вынужденный невольнымъ благоговѣніемъ къ святому старцу; на время остановилъ гоненіе и даже написалъ къ нему благосклонный отвѣтъ, слагая вину всѣхъ безпорядковъ на распри иконовъ, и поручая ему молиться Господу о умиреніи Церкви; но вскоре взошли опять жестока гоненія, въ которыхъ Феодосій показалъ себя, вмѣстѣ съ Св. Саввою, истиннымъ ревнителемъ и заступникомъ Церкви, и поддержалъ духъ православныхъ. Императоръ велѣлъ созвать соборъ въ Сидонъ, чтобы отвергнуть всѣ рѣшенія Халкидонскаго; но Флавіанъ Антиохійскій и Идія Іерусалимскій, явившись на соборъ, обрушили всѣ козни еретиковъ; когда же нечестивый Северъ поставленъ былъ силою на кафедрѣ Антиохійскую, вмѣстѣ блаженнаго Флавіана, и Патріархъ Ілія не хотѣлъ принять его общительныхъ грамотъ, раздраженный Анастасій послалъ Олимпія, правителя Палестины, низвергнуть и его съ кафедры; онъ поставилъ на его мѣсто пресвитера Іоанна, хранителя честнаго древа, который обещалъ пристать къ общенію Севера и анаеоматствовать соборъ Халкидонскій.

Едва услышали великіе отцы пустыни, Савва и Феодосій, о прибытіи посланниковъ Севера, съ его общительными грамотами, они немедленно собра-

лись на Голгоу; со многими игуменами, и при большомъ числѣ иноковъ и народа, произнесли торжественно анафему противъ Севера и его сообщниковъ, въ присутствіи тѣхъ самыхъ савонниковъ и воиновъ, которые посланы были, дабы принудить Патріарха Илію къ общенію съ Северомъ. Когда же Іоаннъ поставленъ былъ, властію царскою, на кафедрѣ Иліи, Савва и Феодосій пришли онять въ Іерусалимъ и убѣдили его, не сообщаться съ Северомъ и защищать соборъ Халкидонскій, объявляя ему во всемъ содѣйствовать; новый Патріархъ, исполненный благоговѣнія къ симъ великимъ свѣтиламъ, послѣдовалъ ихъ совѣту. Раздраженный правитель области, Олимпій, послалъ Анастасія, одного изъ приближенныхъ своихъ, въ Іерусалимъ схватить Іоанна и посадить его въ темницу; опасаясь однако молвы народной, скоро освободилъ его, въ надеждѣ, что исполнитъ данное прежде обѣщаніе; но Патріархъ созвалъ въ ту же ночь всѣхъ окрестныхъ иноковъ въ Іерусалимъ, и ихъ собралось до 10,000, такъ что кафедральная церковь воскресенія Христова не могла вмѣстить ихъ, и по необходимости они соединились всѣ, за вратами города, въ храмъ первоученика Стефана, основанномъ Императрицею Евдокіею.

Услышавъ о такомъ стеченіи, пришли туда и савонники царскіе: Анастасій, недавно заключившій въ темницу Патріарха, и бывший консуломъ Вахарія, и самъ племянникъ царскій Ипатій, который

посыпалъ по обвѣту Иерусалимъ, ради своего освобожденія изъ рукъ самозванца Виталиана. Патриархъ Іоаннъ, въ облаченіи, взошелъ на амвоу, посреди храма, имѣя по сторонамъ Св. Савву, начальника пустынножителей, и Св. Феодосія, начальника общинныхъ. Сановникъ Анастасій ожидалъ видѣть исполненіе воли царской; но народъ непрестанно взывалъ, въ теченіе многихъ часовъ: «анаематствуйте еретиковъ, утвердите соборъ!» и на сіи вопли всѣ трое громкогласно отвѣтствовали: «анаематствуемъ Несторія, Евтикія, Севера Антиохійскаго, Сотерія Кесарійскаго, и всѣхъ и всякаго; кто только не согласится принять собора Халкидонскаго.» Послѣ столь явнаго свидѣтельства своей вѣры, они сошли съ амвона; но ревностный Феодосій взошелъ еще однажды и, мановніемъ руки потребовавъ общаго молчанія, громко произнесъ: «если кто не приѣмлетъ святыя четыре вселенскія собора, какъ и четырехъ Евангелистовъ, тотъ де будетъ анаема.» Всѣ изумились и безмолвствовали, какъ бы внимая гласу Ангела, и онъ сошелъ съ амвона, посреди глубокаго къ нему уваженія предстоявшихъ, которые думали видѣть и слышать съ во свѣ, болѣе чѣмъ наяву. Послѣдствіемъ мужественнаго подвига было то, что четыре вселенскія собора вписаны были въ поминовенія церковныя. Такая твердость изумила и сановниковъ царскихъ; Анастасій бѣжалъ въ Кесарію къ Олимпію, а племянникъ Императора Ипатій, съ платвою свидѣтельствовалъ святымъ итумнямъ, что онъ всегда чуждался нечестиваго Севера и пришелъ въ Іеру-

сагимъ искать ихъ общенія. Онъ пожертвовалъ святому гробу, Голгоевъ и честному кресту, сто дитръ золота, и столько же далъ Саввъ и Феодосію, для раздѣленія по обителямъ.

Тогда Императоръ рѣшился употребить силу, чтобы удалить изъ Св. мѣсть Патриарха Юанна и святыхъ двухъ Архимандритовъ; но едва распространилась вѣсть сія въ Іерусалимъ, какъ всѣ иноки внезапно собрались въ святой градъ, и общимъ согласіемъ написали прошеніе Императору отъ имени святыхъ Саввы и Феодосія, всѣхъ игуменовъ Св. града и окрестныхъ пустынь, и всѣхъ ревнителей истинной вѣры. Въ грамотѣ сей они свидѣтельствовали Государю, что самъ Господь Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій единородный, и Богъ, Царь и повелитель вселенной, вѣрилъ ему царство земное, подъ своею лишь верховною властію, съ тѣмъ, дабы даровалъ миръ Церквамъ, и особенно матери всѣхъ Церквей Іерусалиму, гдѣ явилось и совершилось таинство нашего спасенія, ибо изъ Іерусалима распространилось евангеліе въ концы вселенной.

«Мы же, писали они, пользующіеся счастіемъ обитать въ сей священной землѣ, мы пріяли вѣру въ таинство сіе отъ начала, не воображеніемъ, но действительно, изъ устъ Пророковъ и Апостоловъ, чрезъ самый честный крестъ Господа Іисуса, чрезъ живоносный гробъ его и поклоняемыя здѣсь Св. мѣста, и мы соблюли вѣру сію во всей ея чистотѣ, по благодати Господа Іисуса Христа. И такъ, мы рѣшились и впредь соблюдать ее, при помощи той же благодати, не устранивша ея противниковъ

и не увлекался никакими остроумными или тонкими хитросплетениями, которыми только и могут шататься слабые души лестию. Изумляется, что хотя ты и воспитанъ въ правилахъ сей селтеи въры, однако допустилъ при своей державѣ такую бурю противъ матери воухъ Церквей, храма Воскресенія, которой есть приближенъ всего міра; вотъ ея Епископъ, священнослужители, иноки, изгоняются силою, предъ лицомъ язычниковъ, Евреевъ, Самаритянъ, и влекутся въ мѣста нечистыя и неосвященныя, дабы послужить, малодушіемъ, къ соблазну приходящихъ отовсюду полонниковъ, которые стекаются сюда, ради спасенія душъ своихъ, и отходить отъ себя съ утискомъ.

«Не умели по причинѣ измовданія въры, нападаютъ на сей священный градъ Іерусалимъ, который есть око и оубище вселенной; ибо по словамъ Пророческиа: «отъ Сиона изыдетъ законъ и слово Господне изъ Іерусалима?» Не въ семъ ли святомъ градѣ обитавшіа удостоиваются, собственными руками и устани, поизвать мѣста, означенныя: санныя; событіемъ божественнымъ: тридцать? Иакоже иже обрзави, предъ двѣдцать лѣтъ отъ рождества Христова, дѣтять еще, учить насъ, даидей върь? преобразившіа, каково хотять въ рай сдѣлавъ, можетъ ли происходить отъ Господа Іесуса? Не есть ли это скорое ученіе Антихриста, ищущаго разрушить върь и согласіе Церквей Божіихъ, исполнить ихъ смяченіями? Виною веруи силъ бжгствій есть Серверъ аксвалъ, во грѣхамъ нашихъ доушпанный Богомъ на катедру Антиохійскую, не-

тору ю занимаешь для гибели собственной души и всей Церкви Христіанской; ибо онъ дерзаетъ ана-тематствовать исповѣданіе собора Никейскаго и Св. отцевъ, доселѣ оное защищавшихъ. Съ уми-сомъ отвергаемъ его общеніе и молимъ твое благо-честіе, спастись надъ Сіономъ, матерію всѣхъ Церквей и покровительницею твоею державы, кото-рую столь нагло посягать. Повели предать бурѣ, сильно ее волнующей, ибо когда дѣло идетъ о вѣрѣ и надлежитъ избрать жизнь или смерть, мы предпочитаемъ послѣднюю, и твердо положили ни-когда не сообщаться съ врагами Церкви Божіей, держась непоколебимо вѣры Апостольской, въ коей вся наша слава и упованіе. Мы всѣ единомыслен-ны въ принятіи четырехъ святыхъ вселенскихъ со-боровъ, которые всѣ полагаютъ тоже Евангельское ученіе, хотя и въ различныхъ словахъ, по различ-ному времени ихъ собранія. Первый есть соборъ Никейскій, анатематствованный нечестиваго Арія; и мы почитаемъ себя обязанными принять и три послѣдующіе собора, какъ свѣй первый вселенскій, а именно: Константинопольскій, противъ нечестія Македоніева, Ефесскій, противъ узкаго Нестора, и Халкидонскій, противъ злаго Евтихія. Поэтому, сіи четыре святые собора заключаютъ въ себѣ чистое ученіе Евангельское, во никогда не возможно будетъ насъ отъ нихъ отлучить или присоединить къ отвергающимъ оныя, хотя бы намъ угрожали тысячами смертей; а дабы твоя царская власть хорошо вѣдала исповѣданіе нашей вѣры и дабы не впускала тебѣ, будте мы принимаемъ догматы Нес-

горевы; то свидетельствуемъ предъ тобою; что мы анасематствуемъ егo еретика, раздѣляющаго Иисуса Христа, и въ тоже время, вмѣстѣ съ собою ронъ Халкидонскій; анасематствуемъ и Евтихіа; который слираетъ Божество со святымъ человѣчествомъ Господа Иисуса.

«Послѣ сего объявленія, мы еще умоляемъ святость твою, прекратить гоненія противъ святаго града и нашего святаго Архіепископа Іоанна; ибо враги нашей вѣры, подъ личиною благочестія, дѣлають всякія жестокости. Свидѣтельствуемъ предъ твоимъ величіемъ, какъ и предъ Богомъ и его Ангелами, что не можемъ согласиться ни на какую новость въ дѣлахъ вѣры; пусть лучше проліется кровь наша, среди варева святыхъ жвствъ; ибо что въ священномъ наименованіи опыхъ посреди ихъ поруганія? — Миръ Господній, превосходящій всякій разумъ, да соблюдетъ свою Церковь и да прекратитъ, твоею властію, всѣ сіи соблазны, ко славу твоего царствія.»

Инокіи сняли четыре списка съ сего посланія, одинъ для своего Патріарха Іоанна, другою для областныхъ правителей, а два остальныхъ послали къ Императору и Патріарху въ Константинополь. Анастасій, тревожимый въ сіе время возмущеніемъ Виталиана, принужденъ былъ оставить въ покоѣ инокъ Палестинскихъ, и Патріархъ Іоаннъ удержался такимъ образомъ на кафедрѣ. Но такъ какъ мужественный авва Феодосій ходилъ по окрестнымъ городамъ и селеніямъ, чтобы утвердить народъ въ истинной вѣрѣ; Императоръ хотѣлъ осо-

бенно налить на святаго весь свой гнѣвъ и послать его одного въ изгнаніе. Съ радостію покорился онъ саму неpravому приговору, мочитя блаженствомъ страдать ради имени Христова; но изгнаніе его не продолжилось, по причинѣ скорой кончины самаго гонителя.

Пять лѣтъ уже протекло отъ заточенія Патріарха Илія въ Аравію, на берегахъ Чермнаго моря, и во все сіе время необычайныя бѣдствія, засуха и гладъ, обременяли Палестину, что приписывали явно гнѣву Божию, за изгнаніе законнаго пастыря. Въ исходѣ пятаго года, Св. Савва несътилъ его, въ пустынномъ заточеніи, вмѣстѣ съ Стефаномъ, игуменомъ обители Еденіевои, и Евваломъ настоятелемъ обители Іерихонской, котораго избралъ самъ Идія. — Обрадовался ихъ примествію Патріархъ и удержалъ у себя нѣсколько дней; они видѣли его только около девятаго часа дня, т. е. вечеромъ, когда выходилъ къ нимъ на убогую крашезу, ибо прочее время проводилъ въ безмолвномъ постѣ и молитвѣ. Однажды, когда собрались они въ обычное время, не пришелъ къ нимъ Патріархъ, и явившись уже около полночи, сказалъ: «вы вкушайте пишу, мнѣ же нѣкогда.»

Св. Савва, замѣтивъ въ немъ огорченіе внутреннее, удержалъ его, и просилъ сказать, что имѣетъ на сердцѣ? Тогда, помолчавъ и прослезившись нѣсколько, Святитель сказалъ: «Императоръ Анастасій скончался въ сію самую минуту, жакъ я говорю съ вами; а я долженъ послѣдовать за нимъ черезъ десять дней, чтобы дамъ, судитися. предъ

судилищевъ Господа Исуса.» Онъ, неимедленно далъ необходимыя повелѣнія, о устройствѣ своихъ обителей, которыми не престававъ управлять, даже и нѣкъ мѣста изгнаниа, и назначилъ веранце иноковъ Нислава и Захарію, одного за другимъ, быть настоятелями: послѣ смерти Езеаса, котъ и сей еще ставль живымъ предъ лицемъ его. Еще восемь дней претилъ онъ послѣ своего видѣнія, пятакъ только безпрощною жертвою; и за три дня до кончины, приключилась ему слабая болячка, положившая предѣлъ святой жизни. Св. Савва и прочіе игумены не отходили отъ одра его; на исходѣ десятаго дня, принявъ божественное причастіе и сказать тако: «савва,» на отходьбы молитвы, преставався на нѣкъ рукахъ осьми-десяти-двухъ лѣтній Святитель. Савва замѣтилъ день и часъ откровенія бывшего Патріарку, о кончѣ Императора, (это было 9. Июля 518 года): возвратясь же въ Иерусалимъ узнавъ, что действительно въ тотъ самый день и часъ Императоръ Анастасій, при раскатахъ грома, видя всѣ свои палаты какъ бы окруженныя небеснымъ огнемъ, перебыгалъ нѣкъ чертога въ чертогъ и былъ наконецъ пораженъ, въ самомъ свпроисхожденіи нѣкъ нѣкъ, молнією.

Иустинъ наследовалъ престолъ императорскій и велѣлъ возвратити всѣхъ изгнанниковъ. Едва достигла вѣсть сія Палестины, Св. Савва и Феодосій поспѣшили въ Иерусалимъ, со множествомъ иноковъ и духовенства; соединилсъ и Епископы, подвластныи Патріарху, въ маломъ соборѣ, и провозгласилъ

указъ Императора, поместилъ еще разъ четыре волеиские собора въ поминанія мерковья. Патриархъ Іоаннъ написалъ о томъ окружное посланіе къ Патриарху Константинопольскому, подписанное тридцатью тремя Епископами Палестины, и послалъ немедленно Св. Савву, съ некоторыми другими мгунами, къ Епископамъ Іоанну Кесарійскому и Феодасію Сиднепольскому, для объявленія имъ рѣшенія соборнаго; вѣсть сія исполнила радостію всю Палестину.

Мирополицъ Іоаннъ Кесарійскій вышлъ самъ съ своимъ клиромъ на встрѣху Св. Савва. Это былъ тотъ знаменитый Хозевитъ, который посвятилъ себя, съ реніемъ возраста, на служеніе Богу, въ пустынной обители, сперва Фивадской, а потомъ Палестинской; временно увлекся онъ прегнчниками Халкидонскаго собора; но въ послѣдствіи, видя въ ихъ заблужденія, поспѣшилъ въ Іерусалимъ присоединиться къ общенію Церкви, и поселился въ разблннѣ утеса, между Св. градомъ и Іерихонемъ, въ пустынь Хозевитской, давшей ему имя. Оттогда быль онъ привлеченъ на ваводру Кесарійскую; но жажущій, уединенія, въ старости удалился въ свое ушелье, гдѣ мало по малу образовалась около него обитель: кирхаская, вся издѣланая въ скаль; на сматрѣ однако же нестерпимый жаръ раскаленныхъ камней, она дышала райскою прохладою для африкнхоя: етъ вѣхъ сладостей житейскихъ, и была сія служила ступенями ихъ восхода духовнаго въ лучшій міръ.

Пробываніе святого Саввы въ Сквиошолѣ ознаменовалось чудесами; ибо тамъ онъ исцѣлилъ беснующую и кровоточивую. По возвращеніи въ Иерусалимъ, Патріархъ пригласилъ его за свою трапезу; «вызвать съ Θεодосіемъ, и ради похвоты; посагда между собою и братьемъ своимъ Антоніемъ, Епископомъ Ассимонскимъ. Савва, привыкшій къ воздержанію и возсезому, хотя и позволилъ себя за свою трапезою вкушать нечто болѣе обыкновеннаго, однако принужденъ былъ отказываться на гостеприимныя побужденія къ янцу обонхъ Святителей: «просите отцямъ моимъ, я столько емъ; должно мнѣ нужию.» Тогда Св. Θεодосій, улыбаясь сказавъ мнѣ: «Господимъ мой Савва такъ голоденъ, что васъ обонхъ недостало бы для его духовнаго насыщенія», и Патріархъ, постигнувъ значеніе сего слова, пересталъ бесновать своего гостя, и всталъ безадово. После кончины Патріарха Иліи, страшная засуха опустошила всю Палестину, и здѣсь опять явилась сила молитвы великаго явцы; ибо когда шикъ одной изъ многочисленныхъ его обитателей, такъ называемой северной, протали унцъ оставитъ, по недостатку воды, святой упрекнулъ шикъ: «о! малодушій, и обвинялъ: что чрезъ три дня инопоникити, всѣ шикъ водокраники; но исшествіи трехъ дней, дѣждовая туча покрыва: все пространство шикъ обителі; такъ, что ни одна шикъ не унцъ ни къ востоку, ни на монастырѣ умирляеиной горы, ни ни северу, ни на монастырѣ башни Вадикіевой, ни на югу на великую цавру; Когда же

мои молитвы; оно присоедини къ ней и твою, для
большой ея силы.»

Это было 3 Сентября; на следующий день царь
ушелъ до такой степени, что работники, ко-
павшіе рыи для обрѣтенія воды, принуждены были
убраться; но къ вечеру поднялся сильный южной
вѣтеръ, съ громомъ и молніею, и пошла столь
обильный дождь, что въ теченіе ночи исполнились
водою все рыи и колодези; самые потоки высту-
пали по береговъ, и орудія копанья въ землю
остались подъ водою; наполнились все водохранили-
ща Иерусалима, такъ что правдивы обнѣщанія
пророка, который одумалъ провести съ горы, о тор-
жествованіи ринство.

XII.

СВЯТИТЕЛЬСТВО ПЕТРА.

Коптская Ек. Синодъ; послѣдніе дѣла Св. Синод. — Иоаннъ
Мадридскій.

Патріархъ Иоаннъ скончался послѣ семилѣтняго
привлеченія Церковно, и Петръ, уроженецъ Егип-
топольскій, выступилъ его мѣсто; сохранивъ къ

Св. Савва: любовь и уваженіе своего предшественника; и Савва, исцеленіем болящей «сестры Патриарха», зарекомендовалъ предъ «цнствъ» неоскудывающую въ пошъ силу Божию; всеи Іерусалимъ услышала о семъ чудѣ, и воздала хвалу Богу; данному во свѣдѣнїа своихъ. На тогда оны въ мирѣ: управляла многочисленными гражданами своихъ: пустынныхъ поселеній; старческое сердце поражено было горестію земной раслуки; ибо великій его сотрудникъ Θεодосій отошелъ въ вѣчноста. И его провозвала Господи; даремъ чудеса, преледе блаженной: кончины: боляще исцелялись отъ прикосновенїа къ его одеждѣ; его кильною молитвою спасались толпа отъ истребительной саранчи, и плавателя на бурномъ морѣ; правитель Востока, Херикъ, облекшись его власнищею, какъ броней, побѣдилъ Персовъ. Θεодосій предсказалъ и страшное землетрясеніе, обрушившее Антиохію; однажды ночью онъ собралъ братію обители своей, возбуждая ихъ молиться усердно, ибо гнѣвъ Божій грядеть со стороны востока, и недѣлю спустя услышали о бѣдствїяхъ столицы Востока, въ самый часъ предсказанїа.

Сей несправдливый старецъ, видѣвшій Аврааму въ вольномъ переселенїи изъ своей родины, послушанїю Исаиному; престою величїа престоу Іакова, пустынной любви Предтечи, пламенной вѣрь Петра и подвигамъ Павла, уподобился еще и большенному Іоану «на страдающею» «дрн» въ тѣнїахъ «вѣла» года!! Съ совершеннымъ «одекой» «ствїа» духа переносить онъ «случайствїа» страда-

съ Богомъ, въ сладостномъ восторгѣ; ношась сло-
жишь престобразно руки на смиренной груди, и
предалъ мужественную свою душу, совершившую
столько подвиговъ, въ руки ея Творца, на сто
нестомъ году отъ рожденія. Исцеленіе бѣснуема-
го надъ едва остывшимъ тѣломъ святаго, явило
Церкви, какого великаго заступника она себя отя-
жала въ усоншемъ. Патриархъ Петръ, со многими
Епископами, и блаженный другъ его Савва, со все-
ми шестками и многочисленными народами, собра-
лись въ оспроветскую обитель, водять послѣдній
долгъ великому Киновіарю; каждый хотѣлъ въ
нему прикоснуться и дать послѣднее цѣлованіе, и съ
большимъ трудомъ могли улучить свободную мину-
ту, чтобы положить въ недра земли, какъ въ нѣкое
крайнище, ея сокровище исцѣленій, непрестанно
истекавшихъ отъ ея святыхъ мощей. Шестьсотъ
девяносто трехъ учениковъ имѣлъ утѣченіе самъ ру-
ководствовати къ небесному царствію Θεодосій, и
еще четыреста оставилъ, столь же приготовленнымъ,
преемнику своему Саввану.

Не долго уже оставался и есиаищенному Саввъ
святить нощь долин плача всей Палестины; но еще
девяносто четырехъ лѣтній старецъ, долженъ былъ
предпринять тяжкое странствіе, для умирненія Цера-
ви, въ Царьградъ, гдѣ Императоръ Юстиніанъ на-
слѣдовалъ дядѣ своему Іустину. Причиною стран-
ствія было возмущеніе Самаританъ, которые воз-
ружившись противъ Христіанъ, разорали церкви въ
Палестинѣ, овладѣли Сихемомъ или Неополемъ, и

умертвить Епископа Аммона съ его пресвитерами, сожгли ихъ на костяхъ мученическихъ, привлеченныхъ изъ гробовъ. Не было свободнаго пути Христіанамъ въ предѣлахъ Галилейскихъ; Самаритяне избрали даже изъ среды своей Императора, именемъ Іуліана, и должно было послать сильное войско въ Сирію, для усмиренія мятежа. Въ продолженіе онаго, Христіане Сивеопольскіе самозвольно умертвили нѣкоего Сильвана, родомъ Самарянина, злѣйшаго врага ихъ, который былъ силенъ при дворѣ царскомъ, вліяніемъ сына своего Арсенія, занимавшаго тамъ высокую степень. Раздраженный Арсеній возбудилъ гнѣвъ Императора, и особенно его супруги Теодоры, противъ всѣхъ Христіанъ Палестинскихъ, очернилъ ихъ многими клеветами, и Патріархъ Іерусалимскій Петръ, опасаясь пагубныхъ послѣдствій, умолилъ Св. Савву, не смотря на преклонный возрастъ, плыть въ Константинополь, чтобы тамъ оправдать своихъ согражданъ духовныхъ и испросить ослабу податей, по случаю разореній Самаритянскихъ.

Патріархъ предварилъ грамотою Императора, о путешествіи святаго старца, и обрадованный Іустиніанъ выслалъ ему на встрѣчу собственный корабль, съ Патріархомъ Константинопольскимъ Епифаніемъ и двумя Епископами. Они правили его въ торжествѣ, прямо къ палатамъ царскимъ, и зоры Императора пораженны были сіяніемъ; возразившимъ священную главу старца; со слезами въ очахъ простерся онъ къ его ногамъ, прося благо-

* Vie des pères de l'église, liv. VII. ch. 14.

словеса, и ввелъ потомъ къ Императрицѣ, кото-
рая, принявъ его съ тѣмъ же благовоишемъ,
молила о исходатайствованіи ей сына. Но святой
отвѣтствовалъ только: «Господь славы да сохра-
нитъ твою державу въ благочестіи и побѣдѣ.»
Оперчилась Императрица неудовлетворительнымъ
отвѣтомъ, и когда бышіе съ нимъ игумены спро-
сили: зачѣмъ не исполнилъ онъ ея желанія? — Савва
сказалъ имъ: «повѣрьте, отцы мои, никогда не
произойдетъ млада изъ сей утробы, дабы не зара-
зился онъ ученіемъ Севера и не возмуталъ Церкви,
наче Анастасія.» — Св. Савва и игумены помоще-
ны были въ палатахъ царскихъ. Императоръ,
узнавъ клеветы Арсенія, обратилъ гнѣвъ свой на
его согражданъ и затворилъ ихъ синагоги; самъ
Арсеній приближнулъ къ заступленію святаго и кре-
стился съ своими клеветами.

Нѣскольکو дней спустя, Императоръ аривалъ
священнаго Савву и сказалъ ему: «знаю, отецъ
мой, что ты основалъ много обителейъ въ пустынѣ,
проси же какихъ хочешь доходовъ, твоиже ино-
кавъ, дабы они жились за насъ и нашу держа-
ву.» — Но святой старецъ отвѣчалъ: «иноки, мо-
лящися о твоёмъ благочестіи, не имаютъ нужды
въ деньгахъ, ибо ихъ удѣлюеть Господь, нѣкогда
одождивающій небесный хлѣбъ на невѣрный народъ и
жестоковѣйный. Мы только просимъ у тебя облег-
ченія подати для жителей Палестинскихъ и обнов-
ленія церквей, созиженныхъ Самарянами, съ посе-
біемъ для разоренныхъ ими Христіанъ; устроенія
богадѣльни въ Іерусалимѣ, для приходящихъ стран-

накоуръ; довершенія также наметаго Патріарха
Иліега храма во имя Богоматери и накомуръ сод-
руженія храма въ пустынь, возвыше ихъ, мона-
стырей, которые я тамъ создалъ, дабы огради-
ти отъ набеговъ Сарацинскихъ. Убоваю, что ради
сихъ пяти грѣшихъ дьяволъ, Господь присоудилъ
къ твоей державѣ Ассию, Римъ и прочее бывшей
области Гонимой, утраченное твоими предше-
ственниками, лишь бы только ты освободилъ Цер-
ковь отъ трехъ ересей Арія, Нестора и Оригена.)

Императоръ охотно согласился исполнить всѣ
требованія уважаемаго имъ аввы, и когда, въ его
же присутствіи, сталъ писать о томъ указъ, съ
квесторомъ своимъ Тривоніаномъ, на имя Патріарха
Петра и областныхъ правителей Палестины, Савва
отошелъ въ сторону, чтобы читать молитвы третья-
го часа. Бывшій съ нимъ діаконовъ великой лавры,
Іеремія, тихо къ нему приблизился и сказалъ:
«видишь ли, отче, съ какою любовью исполняетъ
Императоръ всѣ твои желанія, зачѣмъ же ты его
оставилъ?» Но старецъ отвѣчалъ съ кротостію:
«сынъ мой, они дѣлаютъ свое дѣло, а мы станемъ
исполнять нашъ долгъ.»

Воспламененный благочестивою ревностію Іусти-
нина, обновилъ всѣ разоренныя церкви и довер-
шилъ храмъ, начатый Патріархомъ Иліега, во имя
введенія Божіей Матери, который в нынѣ существующъ, на мѣстѣ Соломонова храма, подъ имен-
нымъ мечетью въ Акса, т. е. дальней. Онъ устроилъ
также обширную богадельню, на двести кроватей,

въ Иерусалимъ, съ щедростію воздвигъ царскою, ибо присвоилъ ей до трехъ тысячъ семь сотъ золотыхъ, ежегоднаго дохода, и соорудилъ замокъ въ пустынь, для огражденія обитателей отъ Сардиновъ. Хотя Патріархъ Иерусалимскій Досифей * предполагаетъ, что сей укрѣпленный замокъ былъ ничто иное, какъ двѣ башни и донныя видимыя въ лагерь Св. Саввы, и что церковь Богоматери есть нынѣшняя Виллсеевская; но жизнеописатель Св. Саввы, Кириллъ, прямо говоритъ, что храмъ, начатый Патріархомъ Илією, находился въ Иерусалимѣ. Также и Проконій, пространно описывая всѣ зданія, сооруженныя Іустиніаномъ **, говоритъ, что поелику недоставало мѣста на холмѣ, для великолѣпнаго храма сего, то съ восточной и южной стороны употребили цѣлыя скалы подъ его основаніе, которыя съ неимоверными трудами изъскли изъ сосѣднихъ горъ и перевезли на волахъ. Далекъ отъ Св. града былъ и кедровый лѣсъ, для сооруженія сводовъ; по совершенному же недостатку мрамора для колоннъ и по отдаленію Иерусалима отъ моря, принуждены были употребить для столбовъ находившійся въ окрестностяхъ красноватый камень, и ими окруженъ былъ весь храмъ, величавый восточной стороны; особенно замѣчательны были двѣ столба въ преддверіи, которыя едва ли можно найти что либо подобное. Около храма устроены были двѣ бовадельни, одна для странныхъ, другая для болѣзненныхъ. Что же касается до замка, то хотя,

* Кн. Ч. ** Отд. V.

Императоръ украсилъ базилики и лапиды, но здѣсь должно разумѣть другой замокъ въ пустыни; ибо Савва просилъ огражденія не одной волною, а всѣхъ его обитателей. Не удовольствовавшись исполненіемъ требованій святаго старца, Императоръ простеръ и дальѣ свои щедроты, и великолѣпно обновилъ храмъ рождества Христова, воздвигнутый въ Влахосѣхъ Царидею Вленою и украшенный Евдокиєю; а у подошвы горы Синайской соорудилъ дивный храмъ преображенія Господня, донныиъ существующій въ сей дивной пустыни, и обнесъ его твердыми стѣнами, недоступными для Арабовъ. Такъ путешествіе одного великаго лавы осталось на вѣки памятнымъ во всю Востоку.

Общанія старца исполнились вскоре, съ большою славою для Іустиніана, и онъ, покоривъ Африку, съ умиленіемъ благодарнаго сердца, послалъ въ Іерусалимъ къ Св. гробу, древніе сосуды Іудейнаго ярама, мерзесенные извогда Титомъ въ Римѣ, похищенные отголѣ Вандалами, и наконецъ принесенные Велисаріемъ изъ Карфагена въ Царьградъ. — Историкъ Прокопій пишетъ, что когда побѣдитель Велисарій съ торжествомъ вступилъ въ новую столицу и предъ нимъ несли все его добычи, одинъ изъ Іудеевъ, приближенный къ Императору, увидя сосуды Іерусалимскіе, сказалъ Іустиніану: «не подобаетъ вносить сосуды сіе въ твои чертоги; одно лишь мѣсто имъ прилично, — то, которое имъ предназначилъ соорудившій ихъ Царь Соломонъ, ибо за ихъ похищеніе Титомъ, допущено было царю Вандаловъ Гемзернику разорить

палаты Римскія , а нынѣ Римлянамъ чертоги Вайдаловъ. » Іустиніанъ немедленно велѣлъ возвратити сосуды оиѣ въ Іерусалимъ *.

Съ миромъ отпустилъ Св. Савву Императоръ и съ благословеніями встрѣтила его вся Палестина. Патріархъ и прочіе Епископы просили его объявить указы царскіе въ Кесаріи и Скинеополь, и онъ, исполнивъ ихъ желаніе, пришелъ еще однажды въ Іерусалимъ проститься со святыми мѣстами; вскорѣ постигла его смертная болѣзнь. Едва услышавъ о томъ Патріархъ, поспѣшилъ въ лавру, и видя убежденіе святаго, томившагося болѣзнію на простой рогожѣ, перенесъ его въ свои палаты, и самъ служилъ ему, какъ любящій сынъ. Но святой старецъ, чувствуя приближеніе кончины, умолилъ Патріарха отпустить его обратно въ свою любимую лавру, и не смѣлъ ослушаться его Святитель Іерусалимскій. Тамъ, въ своей убогой башнѣ, созвавъ братію, онъ далъ имъ вмѣсто себя игуменомъ Мелитона, и убѣждалъ верно соблюдать преданія отеческія и чинъ богослуженія, имъ оставленный, и донныѣ сохраняемый повсемѣстно, подъ именемъ Типика или устава Саввы освященнаго. Четыре послѣдніе дня провелъ онъ безъ пищи, въ совершенномъ безмолвіи и уединеніи, и въ субботу вечеромъ причастившись Св. таинъ, испустилъ духъ съ сими словами: «Отче, въ руки твои предаю духъ мой.» (Это было 5 Декабря 531 г.)

Погребеніе Св. аввы совершилось съ чрезвычайною торжественностію; иноки всѣхъ окрестныхъ

* Procopius de bello Vandal. Lib. 11.

обителей и безчисленномъ множестве народа собрались въ лавру; пришелъ и Патріархъ Петръ, со многими Епископами и старейшинами города, и погребли нетлѣнное тѣло, между двухъ церквей; на томъ мѣстѣ, гдѣ некогда ему видѣлась грядущая слава его лавры, въ образъ огненнаго столпа. Инокъ Кириллъ такъ распределяетъ годы жизни освященнаго Саввы: восемнадцати лѣтъ пришелъ онъ въ Палестину, семнадцать лѣтъ провелъ въ обители, пятьдесятъ девять въ пустынь и лавръ, и скончался девяноста четырехъ лѣтъ. — «По его блаженную кончину, говорить тотъ же Кириллъ, скорѣе можно назвать сномъ, нежели смертію; ибо по словамъ Премудраго: души праведныхъ въ рукахъ Божіихъ, и ихъ не постигнуть муки.» Многіе годы спустя послѣ кончины святаго, тѣло его сохранялось свѣжимъ и цѣлымъ, какъ въ часъ успенія, и самъ Кириллъ это видѣлъ, собственными глазами, спустившись въ потрѣбальные своды, для поклоненія его мощамъ, когда тутъ же предавали землѣ тѣло блаженнаго игумна Касіана. Но Господь, прославивъ такимъ образомъ смертные останки своего угодника, еще болѣе прославилъ его чудесами и исцвленіями, отъ него истекавшими, ради людей, призывавшихъ съ вѣрою имя святаго.

Св. Іоаннъ молчальникъ, изъ Епископовъ сдѣлавшійся ученикомъ Саввы и затворникомъ его лавры, уже въ теченіе дватцати четырехъ лѣтъ, не присутствовалъ при его кончинѣ и безутѣшно плакалъ, о разлукѣ съ духовнымъ отцемъ своимъ;

но ему предсталъ, въ сонномъ видѣніи, Савва и сказалъ: «перестань огорчаться, отецъ мой Іоаннъ, хотя мы и разлучены тѣломъ, но духомъ я всегда съ тобою.» — «Ахъ, помолись Господу, чтобы онъ и меня ввелъ къ себѣ,» возразилъ Іоаннъ; но авва отвѣчалъ: «теперь невозможно, потому что лавра взволнуется сильнымъ искушеніемъ, и ты будешь нуженъ для утѣшенія и укрѣпленія подвижниковъ за вѣру.»

Іоаннъ пересталъ плакать, но заботился душою о предсказанномъ искушеніи. Тогда же, по случаю блаженной кончины своего аввы, помолился онъ Господу, чтобы ему открыто было, какъ разлучается душа съ тѣломъ, и духомъ былъ онъ перенесенъ въ церковь Вилеємскую; тамъ видѣлся ему въ преддверіи умирающій странникъ, простертый на землѣ; Ангелы же принявъ душу его, несли на небо, со славою и сладкимъ пѣніемъ. Іоаннъ, желая удостовѣриться въ истинѣ видѣнія, послѣдовалъ немедленно въ Вилеємъ и нашелъ тѣло умершаго, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ оно ему видѣлось; съ благоговѣніемъ облобызавъ священныя останки, онъ предалъ ихъ землѣ и опять заключился въ свою келлію. Семидесяти осьми лѣтъ остался онъ по кончинѣ Св. Саввы, и еще двадцать шесть лѣтъ спустя, историкъ Кириллъ, описывая блаженное житіе его, говорилъ о немъ, какъ о живомъ, предоставляя другимъ раскрыть все его добродѣтели. Еще во время великаго Саввы многіе приходили къ нему дивиться; нѣкто Аѳерій Архіепископъ, поклонившись Св. мѣстамъ и раздавъ многія милостыни

во обителяхъ, уже возвращался въ свою епархію, но противный вѣтръ заставилъ его вѣстать къ Ассалону. Въ сонномъ видѣніи явился ему Ангелъ и сказалъ: «ты не можешь предпринять плаванія, не увидѣвъ прежде, въ лаврѣ игумна Саввы, молчальника авву Іоанна, мужа праведнаго, благочестиваго и подобно тебѣ облеченнаго саномъ епископства; ибо Господь положилъ въ немъ дары небесныя, которые таитъ его смиреніе. Отъ живеть въ совершенномъ отчужденіи отъ міра, пропикнутый страхомъ Божиимъ и желаніемъ быть съ однимъ лишь Богомъ.»

Проснулся Аерій и поспѣшилъ въ лавру; онъ разсказалъ старцамъ видѣнный имъ сонъ, и такимъ образомъ обнаружилась, во славу Божию, долго хранившаяся тайна епископства Іоаннова. Два дни дробилъ въ его келліи Аерій, распрашивая у него все подробности его жизни, которыя сообщилъ потомъ Св. Саввъ и братіямъ, къ общему всехъ назиданію, и съ удивленіемъ говорилъ: «воистинну есть еще камни святыя, сокрываемыя подъ землею!» Многія чудеса и духъ прозорливости ознаменовали благодатное состояніе молчальника. Два ученика его, посланные имъ за Іорданъ, спасены были отъ пустыннаго льва, призываемъ имени ихъ блаженнаго учителя. Одна благочестивая діаконисса церкви Константинопольской, пришедшая поклониться Св. мѣстамъ, съ родственникомъ, зараженнымъ ересью Савера, скорбѣла о его душевной болѣзни и просила ученика Іоаннова привести къ нему сего родственника, ибо женщинамъ запреще

былъ входъ въ лавру. Но молчальникъ не хотѣлъ благословить пришельца, доколѣ не оставитъ лжеученія Северова, и тронутый сею презрѣнностью, онъ обратился къ православію. Утѣшенная діакоисса хотѣла сама идти къ Іоанну, одѣвшись въ мужескія одежды; но святой, проникнувъ ея тайный помыслъ, послалъ сказать ей: «да будетъ тебѣ извѣстно, что если ты придешь, то не увидишь меня; не сокрушайся однако и останься на мѣстѣ; я тебѣ явлюсь во снѣ и буду отвѣчать на всѣ твои вопросы, судя по тому, что внушитъ мнѣ Богъ.» Повѣрила діакоисса, и точно, въ сонномъ видѣніи, бесѣдовала съ молчальникомъ, черты коего она вѣрно рассказала ученику его; событія сіе слышалъ отъ нее самъ инокъ Кириллъ.

Смиреніе Іоанна могло только сравниться съ строгостію его жизни: уже многіе годы употреблялъ онъ пепелъ кадилный вмѣстѣ съ хлѣбомъ, единственною своею пищею; однажды засталъ его ученикъ Θεодоръ въ такомъ дѣйствіи, и святой огорчился, потому что постъ его обнаружился міру; но ученикъ, зная его смиреніе, утѣшилъ ея словами: «ты не одинъ, отецъ мой, такъ постишься; многіе изъ отцевъ здѣшней лавры тоже дѣлаютъ, чтобы согласоваться съ словами Пророка: «я вкушалъ пепелъ, какъ хлѣбъ.»

Келлія затворника прислонена была къ утѣсу, крѣго неплодный камень, опадаемый непрестанно солнцемъ, не могъ пронарастить никакой былинки. Однажды святой Іоаннъ, бесѣдуя съ двумя учениками своими, пожелалъ, чтобы Господь двинулъ ему

свою милость, въ нынѣшнемъ вѣкѣ, знаменіемъ будущаго блаженства, и взявъ три сѣмяна смоковничныя, положилъ ихъ въ ущеліе утеса. «Познаю милость Божию ко мнѣ, если дѣйствіемъ его благодати прозябнуть сѣяныя въ утесѣхъ,» сказалъ онъ, и Господь, прозябшій некогда жезлъ Аароновъ, далъ прозябнуть и смоковницѣ въ ущелии; мало по малу возникло дерево. отъ сѣмянъ, осыпало келлію Іоанна и даже принесло плодъ, который раздѣлилъ онъ съ учениками, проливая радостныя слезы. Это чудо было тѣмъ замѣчательнѣе, что даже въ саду лавры, вдоль потока, не могла удержаться ни одна смоковница, отъ чрезвычайнаго зноя, не смотря ни на какія старанія шюковъ. Но самое чудо обратило еще болѣе мысли Іоанновы къ смертному часу, ибо онъ видѣлъ, въ скоромъ исполненіи своихъ моленій, несомнительный призывъ его къ вѣчности и близость послѣдняго часа.

* Vie des peres, liv. VII, ch. 21. Четія Марка 3. Декабря.

XIII.

СМЯТЕНІЯ ОРІГЕНІСТОВЪ.

1. Патриарха Восточнїи и МакариИ. — Инокъ Кириллъ.

Еще продолжались тогда неложнїи, возмущенїи, послѣ Халкидонскаго собора, и около полусаѣка вся Западная Церковь почти не была въ общенїи съ Востокомъ. Пришествіе Папы Римскаго Адриана въ Константинополь умирло Церковь; онъ убѣдилъ Императора Юстинїана назначить Патриарха Цареградскаго Анеима, благопрїятельствующаго расколу, и на его мѣсто соборно былъ избранъ благочестивый Мина. Папа извѣстилъ о томъ писменно Патриарха Іерусалимскаго Нетра, упрекая его за то, что не чуждался общенїя Анеима, и внушая ему, что долженъ отринуть всѣхъ тѣхъ, которыхъ отринула отъ своего общенїя, какъ еретиковъ, каедре Римская. Въ то же время Епископы Восточные, въ томъ числѣ и нѣкоторые изъ Палестины, съ игумнами, бывшими тогда въ Царьградѣ, подали жалобу Папѣ Агапиту на лжепатриарха Антиохійскаго Севера, зараженнаго ересїю Ев-

такія и Манахѣевъ, и на всѣхъ его послѣдовате-
лей. После скорой кончины Папы Агапты, Па-
триархъ Мана соединилъ по сему предмету соборъ
въ Константинополѣ, изъ Епископовъ Восточныхъ,
на коемъ присутствовали также повѣренные Па-
триарха Петра и некоторые игумены Палестинскіе:
Ихъ было девятнадцать, и во главѣ ихъ стоялъ
Амвросій, игумень обители Мартиріевой, что въ
пустыни Іорданской.

Преемникъ Θεодосія Киновіарна, Софроній, по-
слалъ также на соборъ представителемъ своей оби-
тели и всей пустыни Іерусалимской, инока Исихія,
который вмѣстѣ съ прочими игуменами повторилъ
Патриарху Манѣ прежнюю жалобу на Совера, при-
коснувшую Папѣ Агапту, и такъ подписался на
сей жалобѣ: «я Исихій, по милости Божіей свя-
щенноинокъ обители блаженнаго аввы Θεодосія,
настоимствитель Софронія, священноархимандрита
сей обители и всей пустыни Іерусалимской, подни-
саясь съ прочими архимандритами Іерусалима, по-
сланными въ сей царствующій градъ и предста-
вляющими собою лице всѣхъ архимандритовъ и
иноковъ пустыни и трехъ Палестинъ.» Сей Ис-
ихій былъ въ послѣдствіи и преемникомъ Софронія,
и подпись его свидѣтельствуетъ, какую важную
роль занимали тогда въ іерархіи церковной на-
стоители обителей, по глубокому уваженію къ ве-
дущимъ отцамъ пустыни; ибо они заседали посред-
ствѣ соборовъ святителей и съ ними рѣшали дѣла
Церкви. 44. Патриархъ Петръ Іерусалимскій, по
• Истор. Флеры, XXXI, 37.

возвращеніи своихъ иноковъ изъ Царьграда, созвалъ соборъ въ Св. градѣ, имъ сорока девяти Епископовъ, на коемъ утвердилъ всѣ положенія Константинопольскаго, противъ Анеима и Севера, вслѣдъ за Патріархомъ, подписались на ономъ Епископы Илія Кесарійскій и Феофанъ Синопольскій. Тогда же одинъ изъ повѣренныхъ Патріарха въ Царьградѣ, казначейщикъ Св. гроба, пресвитерь Евсевій, испросилъ своей Церкви право предавать дома, ей принадлежавшія, дабы тѣмъ содержать безчисленныхъ поклонниковъ, посещавшихъ Св. мѣста.

Спустя два года, по приговору соборному и повелѣнію царскому, Патріархъ Петръ долженъ былъ идти въ Газу, вмѣстѣ съ Евремомъ Патріархомъ Антиохійскимъ, Ипатіемъ Митрополитомъ Ефескимъ и легатомъ Папскимъ Пелагіемъ, чтобы тамъ дойти о мѣстахъ святительскаго Павла, Патріарха Александрійскаго. Ему предоставлена была власть надъ всеми сановниками мірскими Египта, и его обвинили въ тайномъ повелѣніи, казнить одного изъ своихъ діаконовъ, благопріятствовавшаго Епитиміанамъ, хотя правитель области дѣйствовалъ въ семъ случаѣ самовольно. Зонъ руководителемъ былъ, Святителями Восточными, на каедру Павла. Но не было мира Патріарху Петру, внутри собственной его епархіи, отъ клеветъ Оригеновыхъ; некоторые изъ его иноковъ просили даже легата Пелагія, во время его путешествія въ Палестину, дабы онъ представилъ Императору, для собраннаго

осужденія, предвѣя мнѣнія, между ними разсѣянныя. Зараза истекала изъ новой лавры Св. Саввы, которую онъ устроилъ, на Христіанскому смиренію, для возмущившихся противъ него иноковъ; но не было надъ ними благословенія Божія. Изъ девяти обителей, имъ основанныхъ, кромѣ великой лавры, на укрѣпленной горѣ, у башни Давидовой, въ Симеополь и Никополь, около башни Еддоимъ, близъ семи устьевъ и въ пещерахъ, для Армякъ и для новоначальныхъ, не процвѣла только одна, сія новая лавра, возникшая отъ недобраго корня.

Св. Савва далъ настоятелю возмущившимся, прозорливаго инока Іоанна, который послѣ семилѣтняго правленія, со слезами предоказалъ, въ часъ своей кончины, что скоро наступитъ время, когда живущіе въ сей лаврѣ отклонятся отъ правой стези и, вознесшись гордостію, погибнуть, а козни ихъ уничтожатся. Преемникъ Іоанна, Павелъ, чрезъ полгода оставилъ лавру и удалился въ Арамш; но избранный на его мѣсто Агапиль, нашелъ въ обители четырехъ иноковъ Оригенистовъ, которыхъ принялъ во ищющности Павелъ. Старшій изъ нихъ Ноннъ, подъ видомъ внѣшняго благочестія, таилъ въ себѣ злую ересь, и будучи изгнанъ изъ лавры, по согласію Патріарха Иліи, вмѣстѣ съ тремя своими сообщниками, имѣлъ дерзость просить себя суда у Патріарха Іоанна; однако обличенный Св. Саввою, принужденъ былъ удалиться. Пять лѣтъ спустя, Мамонтъ, избранный на мѣсто Агапила, имѣлъ неосторожность принять къ себѣ такъ же иноковъ, не спросивъ совѣта у великаго дьяка, и

они оставались покойными до его кончины; но когда закатилось сіе церковное светило Палестины, стали мало по малу разсивать свои заблужденія въ лавръ и въ окрестныхъ обителяхъ Фирмина и Мартирія; многіе невѣжественные иноки разошлись оттогда по разнымъ предѣламъ Палестины, съ пагубнымъ лжеученіемъ. Столѣтній отшельникъ Киріакъ оградилъ лавру Сухумскую отъ ихъ заблужденій; ибо тогда еще спасался подлѣ нее, въ пещерѣ Харитоновой, но въ великой лаврѣ Св. Саввы оказалась зараза духовная. Архимандритъ ея Геласій, по совѣту именитаго молчальника Іоанна, велѣлъ читать въ церкви, во всеуслышаніе, писанія Антипатра, Епископа Востры, противъ Оригена, и сорокъ обличенныхъ Оригенистовъ изгнаны были изъ лавры. Такъ сбылось предсказаніе Саввы, и молчальникъ оградилъ его обитель, подобно какъ и отшельникъ Киріакъ Харитонову.

Отверженные бѣжали въ новую лавру, къ Нону и его сообщнику, Леонтію Византійскому, и тамъ новъ створился, силою заставить великую лавру принять мнѣніи Оригеновы. Прямде однако хотѣли еще привлечь на свою сторону монастырь Кемширка Феодосія; но отраженные его благоразумнымъ преемникомъ Софроніемъ, они пришли еще въ большую ярость и вооружившись дрекольями, съ толпою поселянъ, устремились къ великой лаврѣ, въ намѣреніи ее разрушить. Богъ не позволилъ уничтожить дѣло рукъ своего угоднаго и осаждалъ ихъ чувственные вооры, такъ что

" - Vie des peres, liv. VII, ch. 20.

цѣлыя сутки проскитались по мѣстамъ непроходимымъ; на другой же день, увидѣвъ дредъ собою Вифодемскую обитель блаженнаго Маркіана, весьма отдаленную отъ лавры, принуждены были возвратиться.

Между тѣмъ Патріархъ Петръ писалъ къ Императору Юстиніану, о безпорядкахъ Палестинскихъ; Государь сей издалъ уже опредѣленіе противъ мнѣній Оригеновыхъ, которое было подписано въ Іерусалимѣ всеми Епископами и игумнами, такъ что Ноннъ и его сообщники принуждены были опять оставить новую лавру и совершенно отдѣлились отъ общенія православныхъ. Но они имѣли заступника въ Царьградѣ, изъ числа своихъ братьевъ, Феодора Архіепископа Каппадокійскаго, сидѣнаго при дворѣ царскомъ. Едва услышавъ оцѣ и нагнаніи Нонна, какъ призвалъ къ себѣ повѣренныхъ Патріарха Іерусалимскаго въ Константинополѣ, и съ угрозами объявилъ имъ, что самъ придетъ въ Іерусалимъ низложить Патріарха, если не возвратятъ опять Нонна въ прежнюю обитель, и Патріархъ, малодушествуя, исполнилъ нечестивое требованіе. Одушевленные такою побѣдою, Оригенисты явно стали проповѣдывать свое ученіе по всей Палестинѣ, и объявили менримиримую войну великой лаврѣ, всячески старающь вредить ей; если только встрѣчали въ Іерусалимѣ какого либо православнаго ижека, они называли его Саввантомъ и, покровительствуемые свѣтскою властію, съ поруганіемъ изгоняли изъ города.

На берегахъ Иордана жили тогда некоторые иноки Вессы, родомъ изъ Фракіи, которые будучи движимы ревностію, пришли въ Іерусалимъ на помощь православнымъ; но Оригенисты заставили ихъ искать себѣ убожища въ богадельнѣ великой лавры, и въ числѣ трехсотъ окружили зданіе, чтобы умертвить иноковъ, которые въ немъ укрепились. Мятежники стали метать камнями въ окна и ранили многихъ; тогда одинъ изъ Вессовъ, исполинскаго роста, по имени Феодоритъ, мужественно вышелъ противъ толпы, и всѣхъ разогналъ, стараясь однако никого не ранить; но самъ онъ былъ пораженъ камнемъ и умеръ спустя нѣсколько дней. Наконецъ иноки великой лавры, не въ силахъ будучи прекратить безпорядка, умоляли архимандрита своего Геласія, идти въ Константинополь, извѣстить Императора, о бѣдственныхъ происшествіяхъ Палестины. Согласился Геласій, и въ часъ отъезда собравъ всю братію въ церкви, убѣждалъ ее чуждаться писаній Оригеновыхъ; но жестокий врагъ православія, Феодоръ Кесарійскій, сильнымъ вліяніемъ Императрицы, запретилъ, въ палатахъ царскихъ и патріаршихъ и во всѣхъ страннопріимницахъ столицы, принимать кого либо изъ иноковъ Іерусалимскихъ; такимъ образомъ отринутый повсюду Геласій, долженъ былъ оставить Царьградъ и умеръ отъ печали на обратномъ пути. Отцы великой лавры, услышавъ о его кончинѣ, пришли въ Іерусалимъ просить Патріарха, о назначеніи имъ новаго архимандрита, и были съ безчестіемъ изгнаны двумя его синкел-

лави, которыхъ опредѣлялъ къ нему силою, для ближайшаго за нихъ надзора, тотъ же Феодоръ. Мало по малу почти все мнози присоединились къ сильнѣйшей сторонѣ Оригенистовъ, хотя и не раздѣляли ихъ мнѣнiя. Противустояла только одна великая лавра, поддерживаемая молчальникомъ Юанномъ; но и туда ворвались, вооруженною рукою, Оригенисты и поставили архимандритомъ, нѣкоего сообщника своего Георгiя. Тогда разсыпались по пустынямъ святые отцы лавры, какъ овцы безъ пастыря, и съ ними великiй Юаннъ принужденъ былъ оставить на время утесистую свою келлию; въ которой столько лѣтъ безмолвствовалъ. Онъ удалился на гору Элеонскую, со многими изъ иноковъ лавры, и въ день его изгнанiя пораженъ былъ внезапною смертiю печетивый Ноннъ; полгода спустя послѣдовалъ за нимъ столь же печетивый архимандритъ Георгiй. Оставшаяся, хотя и въ маломъ числѣ, благочестивая братiя, избрали своимъ настоятелемъ, изъ православной лавры Сухумской, игумна Кассiана, бывшаго ученикомъ великаго Саввы, а послѣ скорой его кончины, не менше благочестиваго Конона Ликiйскаго, въ правленiе коего опять процвѣла обитель, какъ во дни своего основателя.

Напротивъ того сильныя раздоры возникли между Оригенистами, по смерти вождя ихъ Нонна; какъ обыкновенно случается съ еретиками; не держащимися одного праваго пути, но влающимися всякимъ вѣтромъ. По словамъ летописца Кирилла, Господь явилъ надъ ними чудо Вавилонскаго

смѣшенія языковъ и тѣмъ развѣялъ ихъ злоумышленія. Монашествующіе новой лавры, поддерживаемые Феодоромъ Кесарійскимъ, который возвелъ многихъ изъ числа ихъ на степень игуменовъ и Епископовъ въ Палестинѣ, враждовали противъ обителя Фирмина, несогласной съ ними во мнѣніяхъ. Настоятель ея, Исидоръ, видя свое безсиліе, пришелъ наконецъ къ архимандриту Конону; покаялся предъ нимъ за всю братію, въ своихъ заблужденіяхъ, и давъ ему слово, въ церкви Сіонской, во всемъ едѣйствовать противъ Оригена; сопутествовалъ ему въ Царьградъ; много пострадали они тамъ отъ Архіепископа Феодора, но терпѣніемъ все одолѣли.

Нѣсколько времени спустя скончался, послѣ двадцатилѣтняго правленія, Патріархъ Петръ, которому кончина предсказана была однимъ святымъ старцемъ горы Синайской, аввою Георгіемъ. Однажды, пожелавъ приобщиться Св. таинъ въ храмъ воскресенія Христова, Георгій, въ духъ былъ перенесенъ въ святилище и тамъ принялъ Св. тайны изъ рукъ самаго Патріарха; когда же Святитель хотѣлъ пригласить его на трапезу, никто уже не могъ найти авву въ Іерусалимѣ. Изумленный Патріархъ писалъ Епископу Фаранскому и отцамъ Синайскимъ, чтобы они прислали къ нему Георгія; и въ свою чреду изумились отцы, услышавъ о его таинственномъ путешествіи, ибо въ тотъ же день видѣли старца у себя въ церкви. Тогда Георгій написалъ самъ къ Патріарху: «прости мнѣ, святѣйшій владыко, семьдесятъ лѣтъ уже какъ я не

оставлялъ горы Синайской и не ходилъ въ Палестину, а если бы и ходилъ, не постыдилъ бы Ангела твоего. Впрочемъ, да вѣдаетъ твое блаженство, что чрезъ шесть мѣсяцевъ мы оба пойдемъ въ срѣтеніе Господу, и тамъ вмѣстѣ пребывать будемъ.» Чрезъ шесть мѣсяцевъ исполнилось надъ обоими сіе пророчество, по свидѣтельству Софронія Иерусалимскаго.

Оригенисты воспользовались кончиною Петра, чтобы возвести на его кафедру одного изъ своей лавры, но имени Макарія, чѣмъ возбудили общее смутеніе. Императоръ Іустиніанъ, раздраженный противъ нихъ и ихъ покровителя Теодора, велѣлъ изгнать Макарія; архимандритъ же Кононъ воспользовался случаемъ, чтобы представить Государю въ настоящемъ видѣ все дѣла Оригенистовъ. Получивъ такимъ образомъ довѣренность, онъ предложилъ Государю избрать въ Патріарха Иерусалиму благочестиваго Евстохія, эконома Церкви Александрійской, бывшаго тогда въ Царьградѣ, и желаніе его исполнилось. Уже готовились тогда къ пятому вселенскому собору; посему Кононъ предложилъ новому Патріарху, назначить своимъ мѣстоблюстителемъ Евлогія, архимандрита обители Феодосіевой, и послушалъ совѣта Патріархъ, отправивъ Евлогія на соборъ, въ числѣ трехъ архимандритовъ и трехъ Епископовъ, заступавшихъ его мѣсто.

Главною цѣлію сего собора было осужденіе трехъ, такъ называемыхъ статей, или сочиненій Епископовъ: Теодора Мелсуетекаго, Теодорита

Кирскаго и Иваса Едесскаго, которые оставлены были безъ вниманія на соборѣ Халкидонскомъ, но признавались неправославными отъ многихъ*. Императоръ Юстиніанъ уже нѣсколько лѣтъ заставлялъ, чтобы статьи сіи были осуждены, и это произвело сильное волненіе между Епископами Востока и Запада, которые опасались, осудить статьи, поколебать довѣренность къ собору Халкидонскому. Однако всѣ Патріархи Восточные и въ томъ числѣ Петръ Иерусалимскій, послѣ долгихъ сомнѣній, подписали осужденіе; противился только одинъ Вигилій Римскій, но и онъ, находясь въ Царьградѣ и нѣсколько разъ колебавшись въ своемъ мнѣніи, принужденъ былъ согласиться съ мнѣніемъ соборнымъ. По предложенію Императора, Святители осудили также и мнѣнія Оригеновы, ради смятеній, возбужденныхъ ими въ Палестинѣ; ибо Юстиніанъ велѣлъ прочесть на соборѣ жалобу, ему представленную архимандритами Палестинскими: Евлогіемъ, Кономомъ, Кириакомъ и Панкратіемъ; жестокій ихъ противникъ, Теодоръ Кесарійскій, уже не въ силахъ былъ противудѣйствовать, ибо скончалась его покровительница, Императрица Теодора.

Дѣянія соборныя посланы были въ Палестину и единодушно приняты, на областномъ соборѣ всѣхъ Епископовъ, созванномъ въ Иерусалимѣ Патріархомъ Евстохіемъ. Одинъ только Александръ, Епископъ Авилы, не хотѣлъ согласиться и былъ за то лишенъ сана; онъ удалился въ Царьградъ, гдѣ

* 553 годъ.

погибъ отъ землетрясенія. Инокъ новой лавры, не терпя осужденія Оригена, совершенно отдаленъ отъ общенія Церкви православной, и тщетно старался Патріархъ, въ теченіе осьми мѣсяцевъ, привести ихъ опять на правую стезю. Тогда исполнилъ надъ ними приговоръ царскій, чрезъ областного правителя, изгнавъ ихъ не только изъ лавры, но и изъ всей Палестины. Однако Евстохій не хотѣлъ, чтобы оставалась впускъ лавра, основанная великимъ Саввою. Онъ послалъ туда сто двадцать православныхъ иноковъ, половина коихъ взята была изъ великой лавры, а прочіе изъ другихъ обителей, и далъ имъ настоятелемъ нѣкоего Іоанна, мужа благочестиваго, служившаго прежде въ тѣлохранителяхъ царскихъ. Историкъ Кириллъ былъ въ числѣ новой братіи; онъ находился тогда въ обители Евонія и, по совѣту молчальника Іоанна, приглашенъ былъ отцами великой лавры въ новую. Всѣ они собрались въ Іерусалимъ и, подъ предводительствомъ Патріарха и новаго настоятеля, крестнымъ ходомъ пошли въ новую лавру, а между тѣмъ правитель Анастасій изгонялъ изъ нее Оригенистовъ: это происходило двадцать три года спустя послѣ кончины блаженнаго Саввы, и тѣмъ исполнилось пророчество ученика его Іоанна, о событіяхъ въ сей новой лаврѣ. «Такъ прекратилась нечестивая война сія между иноками, говоритъ Кириллъ, и я заимствую слова Писанія: да веселится неплодная и процвѣтетъ яко крутъ, ибо Господь, исполненный любви къ чадамъ своимъ, сказалъ: я видѣлъ овлобленіе

людей monkъ Израиля и внялъ воплю его и иду избавить его; пришелъ и посѣтилъ насъ и ввелъ насъ въ достояніе враговъ нашихъ, дабы мы соблюдали заповѣди его: ему слава во вѣки.»

Самъ историкъ Кириллъ, которому мы обязаны полнымъ описаніемъ житія святыхъ: Евѣмїя, Саввы, Θεодосїя, молчальника Іоанна, Кириака и всѣхъ современныхъ обстоятельствъ Палестины, рассказываетъ о себѣ, что онъ былъ родомъ изъ Сквиополя. Когда, въ послѣдній годъ своей жизни, Савва освященный пришелъ въ городъ сей, объявлять указы Императора Іустинїана, благопрїятные Церкви, Епископъ Θεодосїй встрѣтилъ его со всемъ народомъ, а отецъ Кирилла, бывшій при немъ домоправителемъ, привелъ къ нему отрока, для принятія благословенїя. «Отнынѣ я уже приемаю отрока сего какъ моего ученика, сказалъ великій авва: это чадо пустыни,» и обратясь къ Епископу, поручилъ наблюдать за нимъ. Святой отшельникъ посѣтилъ и домъ родителей Кирилла; съ тѣхъ поръ Епископъ не преставаъ спрашивать ихъ: «что дѣлаетъ ученикъ блаженнаго Саввы? научите его твердо читать псалтирь и апостолъ,» и онъ постригъ его самъ въ первую степень церковную.

Вмѣстѣ съ годами, пробудилась въ юномъ Кириллѣ жажда къ пустынѣ; онъ воспользовался праздникомъ обновленїя храма Іерусалимскаго, чтобы отпроситься въ Св. градъ; нѣжная мать запо-

* *Vica des pates, liv. VII, ch. 25.*

выдала ему, твердо держатся во всемъ совѣтовъ молчальника Іоанна, чтобы не впасть въ заблужденія Оригенистовъ. Поклонившись Св. мѣстамъ и честному кресту, Кириллъ посѣтилъ и великую лавру, чтобы испросить наставленія молчальника. — «Если хочешь освятиться, иди и поселись въ обители великаго Евонмія», сказалъ ему Іоаннъ; но юница, по вѣтренности своей, въ которой самъ потому сомнѣвался, предпочелъ идти въ одинъ изъ монастырей пустыни Іерданской, и горько въ томъ раскаялся; ибо онъ занемогъ въ лаврѣ Каламеновей, и одинокій впасть въ уныніе. Тогда предсталъ ему во снѣ блаженный Іоаннъ и сказалъ: «ты былъ наказанъ за то, что осуждался, не встань и иди въ Іерихонъ; тамъ найдешь въ богадельнѣ Евонміевоу малорослаго старца, который приведетъ тебя въ обитель аввы, гдѣ и обратишь спасеніе.»

Юнона проснулся съ свѣжими силами и, къ общему изумленію иноковъ Каламеновыхъ, причастившись, пошелъ пѣшкомъ въ Іерихонъ и отпавъ въ обитель Евонміеву, гдѣ благосклонно принималъ его игуменъ Леонтій. Съ тѣхъ поръ онъ пристраивалъ онъ спрашивать духовныхъ наставленій у молчальника, который врачевалъ и недуги душевные, и въ его присутствіи исцѣлялъ бискупъ, одинокъ помѣданіемъ свѣа отъ лампы честнаго креста. Кириллъ былъ свидѣтелемъ такого же исцѣленія и при монахѣ великаго Евонмія. Никто Павелъ, болящій инокъ монастыря Мартиріана, оставленный на ночь при гробѣ святаго, ви-

двалъ его въ сонномъ явленіи; и на утро присоеди-
нился къ братіи, поющей псалмы, но уже не хо-
телъ болѣе удаляться отъ спасительной для него
обители.

И другое чудо, бывшее при гробѣ величаго
Саввы, удостоился видѣть тотъ же Кириллъ, когда
посѣтилъ его лавру для бесѣды духовной съ мол-
чальникомъ. Тамъ ископали обширное водохрани-
лище, въ самой пещерѣ, гдѣ была церковь, изъ
коей вела мѣдненая лѣстница въ башню Св. Сав-
вы, а надъ нѣю устроены были стоки для дожде-
вой воды въ сіе хранилище. Зодчій Виселесскій,
по имени Мамонтъ, трудился надъ верхнимъ ве-
дешникомъ, вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Аккостіемъ,
когда настигла ихъ ввезанная буря съ ливнемъ;
быстро нахлынувшая вода опрокинула обонкъ, но
Мамонтъ удержался, ученикъ же увлеченъ былъ
падениемъ камней на площадку, между обонки
церквями, пещерною и вѣншевою, гдѣ находилась
гробница Св. Саввы. Но хотя строкъ упалъ съ
высоты десяти лантей и былъ заваленъ камнями,
однако, по минованіи бури, нашли его невредимымъ.
Подробности, съ какою рассказываетъ сіе событіе
Кириллъ, свидѣтельствуетъ о немъ; это случилось
въ тотъ день, когда онъ самъ пришелъ устроити
себѣ келью, въ великой лаврѣ, чтобы тамъ на-
погодѣ основаться при молчаніи. Онъ имѣлъ
также удовольствіе пользоваться духовными настав-
леніями именитаго отшельника Кириака, въ лаврѣ
Сусакимской; но еще прежде его переселился
въ великую лавру, когда по повѣсту Юлиана, Па-

триархъ Несторій перевелъ его въ новую, очищенную отъ Оригенистовъ, написалъ Кириллъ житія великихъ Евиміа и Саввы, или лучше сказать, привелъ въ порядокъ собранныя имъ поstepенно записки о ихъ дѣланіяхъ, видѣнныхъ или слышанныхъ имъ отъ очевидцевъ. Послушаемъ какъ онъ самъ о томъ рассказываетъ.

«Восприявъ отъ Св. Евиміа много милости и вспоможенія, тѣлесныхъ и духовныхъ, сего его молитвъ, и видя непрестанныя чудеса, совершавшіяся при гробъ его, благоговѣлъ я предъ великою благодатию, ему данною у престола Божія; въ сердцѣ моемъ возникло желаніе вполнѣ изучить дѣланія его жизни, дабы увидать, какою добродѣтелию достигъ онъ до такой святости, столь благоугодившей Богу. И такъ, испытавъ о томъ сомнѣніемъ, у отцовъ сей пустыни, изъ книгъ ихъ, которые почерпнули изъ вѣрныхъ источниковъ все относящееся до великаго Евиміа, а другіе еще и жили съ блаженнымъ Саввою, я тщательно собралъ все, что могъ узнать отъ тѣхъ и другихъ, и составлялъ записки, не приводя ихъ однако въ порядокъ. Нѣсколько времени спустя собранъ былъ пятый вселенскій соборъ, на коемъ осудили заблужденія Несторія и Оригена; когда же изгнанные изъ новой лавры Оригенисты замѣнены были православными отцами, и я былъ въ нее призванъ, съ дозволенія Іоанна молчальника, то едва поселился я въ новомъ моемъ жительствѣ, какъ онъ сталъ возбуждать меня, съ отеческою любовію, къ описанію житія блаженныхъ Евиміа и Саввы.

«Два года разсуждалъ я въ безмолвнѣй лагряхъ, о средствахъ исполненія его воли; но послѣдну не наученъ былъ книжному писанію, не зналъ какъ начать. Чувствуя свою немощь, я прибѣгулъ къ молитвѣ; но помолившись, со всевозможнаго ревностию, и проливъ обильные источники слезъ, я все еще не чувствовалъ себя въ силахъ и уже хотѣлъ оставить свое предпріятіе. Однажды сидѣлъ я, съ записками моими въ рукахъ, погруженный въ начальную думу, и задремалъ; это было во второй часъ дня, и вотъ великій Евонимій и блаженный Савва внезапно мнѣ явились, облеченные иноческаго одеждою, и мнѣ послышалось, что они между собою бесѣдуютъ; достоуважаемый Савва такъ говорилъ великому Евонимию: «вотъ сынъ твой Кириллъ держитъ въ рукахъ собранные имъ записки, но еще не могъ привести ихъ въ порядокъ, ибо не знаетъ какъ къ сему приступить.» — «И не устроить сего, отвѣчалъ авва, если не придетъ помощь свыше.» — «Испроси ему сію помощь,» сказалъ блаженный Савва. Тогда великій отецъ Евонимій, положивъ руку въ нѣдра свои, извлекъ малый серебряный сосудъ, наполненный дивнымъ питіемъ, коего по нѣскольку капель трижды влилъ въ уста мои; оно съ виду подобно было маслу, но я бы унижалъ его достоинство, если бы по вкусу сравнивалъ съ медомъ, и никогда не буду въ силахъ выразить словами всей сладости сего напитка; я проснулся отъ удовольствія и еще чувствовалъ отрадный вкусъ его въ моихъ устахъ. Съ сердцемъ, исполненнымъ утѣшенія, сейчасъ приступилъ я къ

труду и не только предпринялъ житіе великаго
Евасмія; но почувствовалъ внутреннее злеченіе на-
чертать и житіе несравненнаго Саввы.

Прежде нежели говорить о семъ видѣніи, кото-
рое было виною столькихъ угнетеній и изиданій
всему Христіанскому міру; историкъ Кириллъ за-
ключаетъ житіе великаго Евасмія, примѣзатель-
ными словами; внося въ разсужденіи его прав-
дивость: «свотъ наименѣшая часть того, что мы
видѣли сами или слышали отъ мнѣшихъ. О вели-
комъ Евасміи; мы изложили и чудеса, бывшія
при его жизни и тѣ, какия были по его кончинѣ,
дабы не остались они неизвестными грядущимъ
родамъ; ибо одни чудеса подтверждаются други-
ми, и всѣ свидѣлствуютъ о чрезвычайной свя-
тости сего великаго аввы. — По истинѣ, какъ мо-
гли бы совершиться столь великія знаменія надъ
его мощами; если бы онъ не былъ святъ во время
земной своей жизни? и можно ли сомнѣваться о
святости его жизни, ознаменованной столь велики-
ми чудесами послѣ его кончины?» Кириллъ начи-
наетъ житіе Саввы освященнаго, краткимъ пред-
словіемъ въ Георгію, настоятелю новой лавры, и
это начало имѣть свидѣлствовать о крайней его
любви къ истинѣ: «сказано всѣхъ, которые будутъ
читать книгу мою, испроситъ у Господа прощеніе
грѣшанъ моей жизни; сего оканчивой. Я не тре-
бую, чтобы вѣра къ тѣмъ событіямъ, какия стану
разсказывать, основывалась только на моихъ сло-
вахъ; имѣть, я съ намѣреніемъ и толкостію указавъ

и вѣста, время, лица, имена, дабы каждый могъ самъ удостовѣряться въ истинѣ, подробнѣе ея испытаніемъ.»

Перейдя въ великую пещеру Св. Саввы, около 357 года, Ниррелъ описалъ тамъ житіе своего великаго учителя молчальника Іоанна, который еще былъ тогда въ живыхъ, ста четырехъ лѣтъ отъ рожденія, и съ тѣхъ поръ мы уже болѣе ничего не знаемъ о обоихъ. Пять лѣтъ спустя, покровитель благочестиваго жизнеописателя, Патріархъ Востокій, изложенъ былъ съ наседры, но козлялъ мянанныхъ имъ Оригенистовъ, еще сильныхъ при дворѣ царскомъ, и соперникъ его Макарій опять былъ возведенъ на престолъ Іерусалимскій, отрекшись однако торжественно отъ всѣхъ своихъ заблужденій.

Таковы были великіе подвиги Евонмія, Саввы, Феодосія, и такъ отъ ихъ молитвеннаго поета процвѣли, яко кринъ, шестидняныя пустыни Іорданская и Кедронская, обративъ въ одно псаломное согласіе все восточныя и южныя ущелія Палестины, такъ что отъ Сіона и до Мертваго моря, обогатился народъ Божій отшельникомъ, какъ нѣкогда при исходѣ Израиля изъ Египта. Незвѣстно число всѣхъ обитателей, не только самихъ монашествующихъ, но все было исполнено ими. И племю Израіионову глубоко пустило свои корни на пеморіи Западной; она также процвѣла многими обителями и знаменитыми подвижниками, которые хотя и не принимали столь дѣятельнаго участія въ судьбахъ церковныхъ, какъ чада Евонмія и Саввы, но тѣмъ не

моиъ заидали чръ своиа добродетельми и архипейлы цвѣтъ благовонныа и сладостный плодъ: Таковъ былъ, въ окрестностяхъ Газа, монастырь аввы Сериды, пронирастившій Церкви великихъ подвижниковъ: старца Варсоноія и пророка Иоанна, авву Доросея и Досеюса.

XIV.

ОБИТЕЛЬ СЕРИДА.

Аввы Варсоноій, Иоаннъ, Доросей и Досеюсѣй.

Достопамятъ царский Валерій пишетъ о. Ев. Варсоноію, что онъ преслѣдъ съ тѣхъ временъ, когда персиду раздѣлили между египетскими и египетскими монахами, по чужбѣ и по нуждѣ. Онъ былъ родомъ изъ Египта, и удалился въ монастырь около Газа, гдѣ обиталъ

накъ бешмотный, ибо заключенный въ келлію, провелъ въ ней безвыходно пятьдесятъ лѣтъ, почти не употребляя пищи и непрестанно творя чудеса. Намътежникъ Іерусалимскій Евстохій, не вѣря: тому, что о немъ рассказывали, самъ пожелалъ его видѣть, и велѣлъ сдѣлать отверстіе въ стѣнѣ его келліи, но оттолкъ исторглось пламя, которое едва не опалило всѣхъ пришедшихъ испытателей. Слава Варсонофія была столь велика, что изображеніе его поставили въ соборной церкви Цареградской, между отцемъ иночествующихъ Антоніемъ и Св. Ефремомъ Сиряниномъ; жизнь его продолжалась болѣе ста лѣтъ, и намъ осталась цѣлая книга назидательныхъ его отвѣтовъ на духовные вопросы учениковъ.

Самый именитый изъ нихъ былъ Іоаннъ, названный прозорливымъ, ибо онъ имѣлъ даръ пророчества. Уже въ глубокой старости, по немощи его телесной, приставленъ былъ ему служителемъ другой великій подвижникъ, авва Дороеей, который былъ исполненъ къ нему такого уваженія, что поклонялся двери его келліи, и всякой почиталъ бы себя блаженнымъ служить столь святому старцу. Каждый вечеръ Дороеей принималъ на колынахъ его благословеніе, внимая его назидательному слову, ибо старецъ всегда отпуская ученика, съ какою шибудь перечисленъ древнѣе отцевъ пустыни. Иногда говорилъ онъ: «Св. отцы сказывали, что забота о томъ, какъ бы не оскорбить совѣсти ближняго, пятасть въ ладъ смиренію: иди туда, Господь да сохранитъ тебѣ въ любви своей.»

Въ другой разъ авва нарекнаго: «что штыя научили его не предпочитать своей воли воле братней; и еще: что ради нашего спасенія они вынуждены отречься отъ великой человѣческой превзанности; и наконецъ потеряли сію зановидь Амвостельскую: «другъ друга тлѣты носите и тако: помяните законъ Христовъ.» (Гал. VI).

Доросей самъ говоритъ, что онъ сохранилъ сіи четыре изреченія, немедленно ему повторившея, какъ напутствованіе на всю свою жизнь, и не преставае просить назиданій, то у блаженнаго своего учителя Іоанна, то у великаго аввы Варсоноія. «Какъ обуздать волю свою?» спросилъ онъ его однажды, и услышалъ въ отвѣтъ: «коростію: шеканія;» — «не какъ сохранить ее посреди великаго житейской и можетъ ли быть она безъ охры?» — «Сокрушающей волю овое и не осуждающей ближняго, приобретаеи блаженную печаль сію; хощеи и порреди людей, и источаетъ святые слезы отъ святыхъ коммеловъ.» — «Каннимъ образомъ терпѣніе въ поруганіяхъ приобретаеи намъ миръ душевный?» — «Мыслию, что смиреннѣе терпѣніемъ обидѣ мы удовлетворимъ правдѣ Божиій за наши грѣхи, какъ должникъ платитъ долги свои; притаромъ же да послужитъ намъ образъ распятаго, ради насъ, коему должны и мы сораспяться.» — «Какой путь ближе водеть ко спасенію: подвижн или смиреніе?» — «Нать истиннаго подвига безъ смиренія, носему ностъ и предмощець: видѣи смиреніе мое и трудъ мой, и остави грѣхи мои.» — «Нужно ли вышнее уничтоженіе и не достаточно

ли: нѣтъ внутренняго смиренія?» — «Должно бытъ часть униженіе: одно истинно изъ нашего сердца, а другое отъ людей; и послѣднее гораздо для насъ горше, не и полезнѣе; ибо первое можно иногда превозвести насъ».» Такими были духовныя назиданія старцовъ, испытанныхъ въ ангельской жизни.

Авва Даресей самъ о себѣ пишетъ **, что въ отрочествѣ нѣмалъ онъ сперва сильное отвращеніе отъ всякой науки, и что потомъ, съ помощію Божию, одолевъ сіе вредное чувство, такъ привязался къ заповѣдямъ, что уже ничто не могло отвратить его, и онъ жертвовалъ для нихъ своимъ, ничѣмъ и дѣломъ: утѣхою. Нѣмалъ онъ божественныя писанія Св. отцовъ кривыя и пустыни, и будучи родомъ изъ окрестностей Аскалона, поступилъ еще юнцомъ въ обитель Сериды, гдѣ нѣмалъ наставниками двухъ великихъ старцовъ, Варсонофія и Іоанна. Тамъ, съ тою же ревностію, предался подвигамъ иночества, съ какою нѣкогда посвящалъ себя наукѣ, и призналъ за правило ничего не знать отъ своихъ духовныхъ отцовъ, дабы тѣмъ отсвѣтить великій нечестивый помысль; даже и въ добромъ помыслѣ, возмнѣшившій въ его сердцѣ, тогда только утверждался, когда принималъ отъ нихъ, какъ бы вносъ, отъ своего поставившаго, по которому правде его повѣрялъ. Игуменъ Сериды, вида его ревность, назначилъ ему двойное послушаніе: служить странникамъ и болящимъ, и сверхъ того еще вѣнчать исповѣди новоявленныхъ. До-

* *Vies des pères du désert, liv. VII, ch. 96.* ** *ch. 97.*

росей съ любовію исполняли оба сіи пружины
должности: когда же засыпалъ, что одинъ изъ
братьевъ замечаетъ ему къ слушанію пророка
старцу: Іоанну, самъ онъ старался уловить слушанъ,
уступить ему сію заботу, и даже оправдывалъ предъ
нимъ заисступиваго.

«Игумена нашъ поручилъ мнѣ странноприим-
ную должность, говоритъ Доросей, а я только
что поправлялся тогда отъ тяжкой болѣзни. Мнѣ
доводилось оставаться весьма недолго съ призра-
ными нутряками, потому что озабочивали меня тѣ,
которые приводили верблюдовъ, и едва предавался
я покою, какъ мѣня подымали на новое дѣло,
такъ что когда ударяли къ утру, я еще не
успѣвалъ сомкнуть глазъ. Утомленный и разслаб-
ленный отъ болѣзни, едва я могъ держаться на
ногахъ и говорить. Снилось сонъ, приведшему разбу-
дить меня брату: «благодарю тебя за любовь твою,
иду вслѣдъ за тобою,» и снова погружался въ
сонъ; потому что меня мучила совесть, что отъ лѣно-
сти не пришелъ въ церковь, и я просилъ двухъ
изъ братьевъ, однажды разбудить меня, уже не по-
зволялъ мнѣ засыпать, и не истинно я уважалъ ихъ,
какъ людей, слушавшихъ моего спасенію.» — Съ
такимъ же смиреніемъ исполнялъ онъ и другое
свое послушаніе: внимать новоначальнымъ въ ихъ
тайныхъ помыслахъ и сомнѣніяхъ, и ему кажа-
лось, что они только по простотѣ своей, или даже
ради насмѣлки, могутъ доверять своимъ помысламъ
человѣку столь неопытному, каковымъ онъ себя

почиталъ. Собственное же послушаніе его было столь безотчетно къ каждому новелъннѣ евоиу нсвятелю, что онъ никогда не позволялъ себѣ разсуждать, и безъ жалѣйнаго ропота или замедленія исполнять свято всякое изъ слово, и до такой степени умеръ собственному сужденію, что самъ себя не вѣрилъ въ самыхъ неоспоримыхъ истинахъ. Къ Господу относилъ онъ все, что ему приключалось добраго или печальнаго, и потому переносилъ болѣзни и труды съ совершенною покорностію волю Провидѣнія.

Однажды, исполненный уныніа и болѣзни, Доросей умолялъ Господа, утѣшить его, въ избыткѣ горести сердечной, и внезапно, посмотрѣвъ во глубину церкви, увидѣлъ человека въ одеждѣ святительской, съ священнымъ сосудомъ, входящаго въ алтарь. Влекомый внутреннимъ чувствомъ, Доросей последовалъ за нимъ въ святилище, и видя его воздвизающимъ къ небу руки, сталъ пораженъ благоговѣйномъ страхъ. Тогда обратился къ нему таинственный мужъ и, по мѣрѣ его приближенія, умолкала въ сердце большаго грусть и болѣзь; Святитель коснулся рукою его груди, и произнесъ псаломныя слова сіи: «стерпя потерпѣхъ Господа, и внять ми и услыша молитву мою, и возведе мя отъ рова страстей и отъ брени тины, и постави на камени ногу мою и исправи стоны моя, и вложи во уста моя пѣснь нову, пѣніе Богу нашему». Трижды произнесъ онъ псаломныя стихи, тихо ударяя въ грудь Доросея, и неизъяснимою радо-

стію исполнилось его сердце; онъ хотѣлъ послѣдовать за небеснымъ пришельцемъ, но уже тотъ скрылся отъ взоровъ земныхъ, и съ тѣхъ поръ никогда никакое уныніе не одолевало сердце аввы.

Богъ послалъ ему чадо послушанія, его достойное, въ юномъ Досноевъ, который угождалъ Богу. совершеннымъ отреченіемъ своей воли, болѣе чѣмъ необычайными подвигами. Происходившій отъ знатнаго рода, Досноей воспитанъ былъ при одномъ изъ военачальниковъ царскихъ, безъ всякаго почти ученія о вѣрѣ; но онъ почувствовалъ къ ней влеченіе въ раннемъ возрастѣ, и однажды, когда бесѣдовалъ съ товарищами о Св. мѣстахъ, ему пришло желаніе посѣтить ихъ. Въ Геосиμανіи увидѣлъ онъ икону страшнаго суда и ужаснулся, при зрѣлищѣ мученій адскихъ; тогда предстала ему величественная жена и объяснила содержаніе иконы; тронутый юноша спросилъ ее: какъ можетъ избѣжать сихъ адскихъ казней? и она отвѣчала: «воздержаніемъ, постомъ и непрестанною молитвою.» Съ той минуты юноша совершенно измѣнился, къ общему изумленію своихъ присныхъ, и еще не вѣдая, что такое обитель, уже душевно желалъ уединенія. Промыслъ Божій направилъ его въ монастырь Серидовъ, и блестящая воинская одежда пришельца смутила игумна; онъ поручилъ испытать его аввъ Дорозею, который сперва извинился по чувству смиренія и хотѣлъ, чтобы о томъ спросили авву Варсонофія, но великій старецъ велѣлъ принять юношу, провидя его спасеніе.

* Vie des pères, liv. VII, ch. 22.

Мало по малу началъ приучать Дороеей юнаго ученика своего, къ подвигамъ иночества, и взялъ его себѣ въ сотрудики по больницѣ, гдѣ показалъ онъ особенную заботливость о болящихъ, жестоко себя упрекая за малѣйшій порывъ нетерпѣливости; одно только слово блаженнаго учителя могло разсвѣять его уныніе; ибо онъ совершенно посвящалъ себя послушанію. Если правилась ему какая либо одежда или вещь, Дороеей сей-часъ отнималъ ее, чтобы еще болѣе угасить въ немъ всякое желаніе; иногда же, съ умысломъ, сурово съ нимъ обращался, для большаго смиренія. Такимъ образомъ, въ теченіе пяти лѣтъ, юноша достигъ уже совершенства иноческаго, и Господь воззвалъ его къ себѣ, чтобы наградить за его вѣрность. Онъ долго страдалъ разслабленіемъ легкихъ; но томительная болѣзнь сія не возбудила въ немъ ни малѣйшаго ропота. Услышавъ однажды, что свѣжія яйца могутъ служить хорошиимъ средствомъ къ снятчію непрестаннаго кровохарканія, онъ пожелалъ сего лекарства, по свойству человеческой природы, которая чуждается смерти; но прежде нежели предварилъ о томъ своего авву, Дороеей просилъ не принуждать его къ принятію сего цѣлительнаго средства, потому единственно, что оно слишкомъ его занимало.

Съ усмеленіемъ болѣзни умножалась его молитва: «Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя!» повторялъ онъ непрестанно, и на вопросъ аввы, какова его молитва? отвѣчалъ смиренно: «стараюсь въ ней укрѣпиться, отче, твоими молитвами.» Когда

же не могъ болѣе произносить ихъ, обращалъ только внутренней духовный взоръ свой къ Богу, созерцая невидимаго какъ видимаго предъ собою. Наконецъ, взнемогшій отъ страданій, тихо сказалъ приходшему посѣтить его аввъ Варсонофію: «отче, благослови меня умереть, ибо мнѣ уже становится чрезъ силу;» но старецъ отвѣчалъ: «еще не много потерпи, чадо; близко милосердіе Божіе.» Авва Доросей уже не отходилъ отъ одра болящаго, опасаясь, чтобы не искусился потерпѣніемъ; не много спустя, юноша, обративъ умиленный взоръ на великаго Варсонофія, болѣзненно произнесъ: «отче, уже я не могу долѣе жить.» — «И такъ, иди съ миромъ, возлюбленное чадо, отвѣчалъ ему старецъ, и молись о насъ достопоклоняемой Троицѣ.» — Съ этими словами заснулъ блаженный сынъ неслушанія, сномъ праведнымъ, на ложѣ сей добродѣтели, возрастившей его къ истинному благочестію.

Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ иноковъ возрешали противъ той увѣренности, съ какою Варсонофій предрекъ юношѣ его спасеніе; ибо не видѣли никакихъ особенныхъ подвиговъ въ теченіе его краткой жизни; но Господь обличилъ ихъ неправое сужденіе. — Одинъ пустынный, приходшій въ нихъ обитель, молилъ Бога, открыть ему духовно, кто изъ иноковъ болѣе достигъ совершенства на пути спасенія, и онъ увидѣлъ, мысленными очами, свѣтлаго юношу, посреди сонма старцевъ; когда же на другой день спросилъ о немъ братію, рассказавъ подробно наружный видъ его, изумлен-

ные узнали, въ семъ прославленномъ юношѣ, пре- небрегаемаго ими Досиея, и покаались въ своей винѣ.

Послѣ кончины блаженныхъ старцевъ Юанна и Варсонофія, авва Доросей удалился въ близъ ле- жавшую пустыню, между городами Газою и Маіу- мой, и тамъ сдѣлался основателемъ новой обители, въ коей подвизался до 560 года. Намъ осталась послѣ него назидательная книга поученій, которую по счастію собралъ одинъ изъ его иноковъ, для душевнаго спасенія братіи, и тѣмъ сохранилъ по- томству одно изъ лучшихъ твореній совершенства иноческаго. Самъ же смиренный авва никогда не предполагалъ, чтобы слова его могли быть столь назидательны; ибо оравнивалъ святыхъ, исполнен- ныхъ добродѣтелями, и потому болѣе смиренныхъ, съ вѣтвями плодоносныхъ деревь, которыя чѣмъ болѣе обременены плодами, тѣмъ ниже склоняются къ землѣ. Однажды, желая объяснить именитому жителю Газы непонятную для него истину: поче- му величайшіе угодники Божіи, почитали себя наибольшими грѣшниками? — авва Доросей спросилъ его: «какимъ онъ почитаетъ себя между гражда- нами Газы?» и тотъ отвѣчалъ: «первымъ,» «а въ Кесаріи?» — «однимъ изъ именитыхъ;» «а въ Антиохіи?» — «простымъ гражданиномъ,» отвѣчалъ оный, изумленный таковыи вопросамъ. — «Что же, возразилъ наконецъ авва, еслибъ ты пришелъ въ Царьградъ и приблизился къ самому Императору?» «О тогда бы я почелъ себя за нищаго!» восклик- нулъ именитый житель Газы: «такъ бываетъ и со

святыми, кротно сказалъ ему авва Доросей; чѣмъ они ближе къ Богу, тѣмъ болѣе чувствуютъ себя грѣшниками. Авраамъ удостоился видѣть Господа и называлъ себя землею и пепломъ? — Исаія восклицалъ о себѣ: о окаянный и нечистый, ибо я совершалъ Господа Саваоа. Моисей и Іеремія отреклись отъ дивнаго посольства Божія, ради чувства своего недостойнства, и смиреніе Данилова заградило уста лвамъ; ибо никто не можетъ объяснить сей великой добродѣтели, которую можно только чувствовать въ сердцѣ, при содѣйствіи благодати Божіей.»

Примѣромъ смиренія представляетъ авва Доросей, въ своей книгѣ, Зосиму Кляккійскаго, игумна монастыря Фирминова въ Палестинѣ, основаннаго однимъ изъ учениковъ великаго Саввы*. Однажды софистъ сталъ увѣрять его, льстивыми рѣчами, что онъ напрасно почитаетъ себя грѣшникомъ, исполняя свято всѣ заповѣди; смущенный Зосима сказалъ ему: «не знаю, что отвѣчать тебѣ, но знаю только, что я таковъ, какимъ себя почитаю; не затрудняй меня своими хитросплетеніями.» Авва Доросей, желая вывести его изъ затрудненія, вступилъ въ разговоръ и объяснилъ софисту, что какъ въ діалектикѣ, медицинѣ и прочихъ наукахъ, одна лишь практика, соединенная съ теоріею, даетъ опытность, непримѣтно и нечувствительно для насъ самихъ, такъ бываетъ и со смиреніемъ, которое пріобрѣтается исполненіемъ заповѣдей, но не можетъ быть выражено словами.» Обрадованный Зо-

* Vie des peres, liv. VII, ch. 23. ** ch. 22.

сима бросился въ объятіи аввы и воскликнула : «ты разрѣшилъ Гордіевъ узелъ! — оно точно такъ на дѣлѣ.»

Однажды разбойникъ пришелъ въ обитель аввы Зосимы и просилъ его, именемъ Божиимъ, принять его къ себѣ, чтобы удержать отъ злодѣйствъ. Не усумнился святой старецъ, и послѣ сильнаго утѣшанія, облекъ его въ иноческую одежду; но спустя нѣсколько времени, опасаясь, чтобы его не открыли приставы царскіе, отвелъ его въ монастырь аввы Доросея, по сосѣдству Газы. Тамъ благочестиво провелъ онъ девять лѣтъ, и потомъ возвратясь опять къ Зосимѣ, просилъ у него позволенія снять съ себя иноческую одежду. Огорчился старецъ и спросилъ причину внезапнаго измѣненія; но благоразумный разбойникъ отвѣчалъ: «отче, девять лѣтъ провелъ я въ глубокомъ ямѣ, въ обители, подвизаясь сколько могъ, постомъ, молитвою и послушаніемъ, почему и надѣюсь, что неизреченная милость Божія отпуститъ мнѣ множество моихъ грѣховъ. Не сплю ли я или бодрствую, въ церкви ли я или за трапезою, и даже подходя къ Св. причастію, я непрестанно вижу предъ своими глазами младенца, котораго я давно уже зарѣзалъ, и онъ мнѣ все твердитъ: «зачѣмъ твои руки въ крови моей?» такъ что я не имѣю ни минуты покоя. Вотъ почему кочу я идти загладить смертію столь ужасное преступленіе, безъ всякой причины мною совершенное». Сказавъ сіе, онъ надѣлъ опять прежнія свои одежды, былъ

• Скитскій Патерикъ.

остановленъ воинами на пути къ Діосполису, и на другой же день ему отсѣкли голову.

Былъ въ Палестинѣ и другой святой старецъ того же имени, о коемъ упоминаетъ историкъ Евагрій*. Зосима Синденить, испытанный въ подвигахъ жизни иноческой, имѣлъ и даръ прозорливости, ибо видѣлъ заочно страшное землетрясеніе, обрушившее Антиохію, въ самую минуту горестнаго событія. Ему, ради его святости, дана была отъ Господа, какъ и другимъ великимъ отшельникамъ, первобытная власть Адамова надъ звѣрями. Однажды, на пути въ Кесарію, левъ разтерзалъ осла, который несъ убогіе пожитки старца; ни мало не смутился авва и спокойно сказалъ льву: «другъ мой, я слишкомъ старъ, чтобы нести бремя моего осла, а такъ какъ ты меня лишилъ его помощи, то я тебя осуждаю на ту же работу,» и смирился левъ предъ истиннымъ ученикомъ Христовымъ; онъ донесъ бремя его до воротъ Кесаріи, оттолкъ старецъ отпустилъ его обратно въ пустыню.

* Кн. IV, гл. 7.

XV.

ДУХОВНЫЙ ЛУГЪ ЮАННА МОСХА.

Около тогоже времени процвѣтали въ Палестинѣ два Юанна: одинъ по имени основаннаго имъ монастыря названный Эвапсасъ, а другой Савваитъ, по его жительству въ великой лаврѣ*. Первый, уже состарѣвшись въ Иерусалимской обители Евсторгія, избѣгая сана игуменскаго, просилъ Патріарха Илію отпустить его на гору Синайскую, и заболѣвъ на пути, принужденъ былъ остановиться съ ученикомъ своимъ въ пещерѣ**. Тамъ дважды явился ему, въ сонномъ видѣніи, Предтеча и не велѣлъ ходить на Синай, но основаться на томъ мѣстѣ, говоря, что малый вертепъ сей больше горы Синайской, ибо въ немъ посѣщалъ его самъ Господь Иисусъ, когда странствовалъ по сей пустынь. Такимъ образомъ, стараніемъ Юанна, вертепъ сей обратился въ церковь и вокругъ него разселилась многочисленная обитель.

* Vies des peres du desert, liv. VII, ch. 32. ** Скит. Патерикъ.

Другой же, Иоаннъ Саввантъ, хотя и не былъ самъ основателемъ обители, но возбудилъ многихъ, примѣромъ своихъ добродѣтелей. Онъ началъ множить въ одномъ изъ монастырей родственнаго ему Понта, и недовольный чрезмѣрною кротостію своего настоятеля, просилъ у него письма въ другую обитель. Тамъ, въ сонномъ видѣніи, представились ему нѣсколько мужей, требовавшихъ отъ него уплаты значительнаго долга, простиравшагося до ста фунтовъ золота: постигнувъ значеніе таинственнаго сна, онъ воскликнулъ проснувшись: «бѣдный Иоаннъ, какъ еще много остается тебѣ платить за грѣхи твои!» Послѣ трехлѣтнихъ подвиговъ, опять снилось ему, что сіи мужи даютъ ему расписку въ полученіи десяти, изъ ста долговыхъ имъ фунтовъ; онъ сталъ еще болѣе подвизаться и даже кородствовать, чтобы перенесеніемъ многихъ оскорбленій, совершенно смирить себя, и только спустя тринадцать лѣтъ получилъ, столь же таинственнымъ образомъ, совершенное отпущеніе: Такъ онъ самъ рассказывалъ знаменитому аввъ лавры Синайской, Св. Иоанну лѣствичнику, который упоминаетъ о немъ съ большою похвалою въ своей книгѣ, Духовной лѣствницѣ. Когда поселился онъ въ лаврѣ великаго Саввы, три юноши просили его принять ихъ подъ свое руководство; но онъ отказался, по чувству своего недостойнства, и далъ только одновременно каждому изъ нихъ прозорливый совѣтъ на все теченіе жизни, назначая различный образъ подвиговъ, свойственно ихъ силамъ, съ на-

* Духовная лѣствница, степень IV.

поминовеніемъ, что только претерпѣвшій до конца снесенъ будетъ. Примѣромъ долготерпѣнія онъ представлялъ одного инока, по имени Акакій, который всю свою жизнь страдалъ отъ жестокости своего духовнаго наставника и умеръ безъ ропота. Когда же по его смерти, одинъ изъ великихъ старцевъ спросилъ бывшего его наставника: точно ли умеръ Акакій? и тотъ въ удостовѣреніе привелъ его на самую могилу юноши, старецъ громко воскликнулъ надъ нею: «братъ мой Акакій, мертвъ ли ты?» и внезапно откликнулся ученикъ, свидѣтельствуя, и послѣ кончины, совершенное свое послушаніе: «можно ли, отче, чтобы вѣрный блюститель послушанія былъ когда либо мертвымъ.» Ужаснулся его жестокій наставникъ, и устроивъ себѣ келлію надъ гробомъ Акакія, провелъ въ ней остатокъ жизни, въ слезахъ покаянія.

Такими духовными подвижниками процвѣтала вся Палестина, въ теченіе трехъ столѣтій; прежде нежелезными варварскими набѣгами Персовъ и Сарациновъ, положили въ запустѣніе многія обители, явился, въ исходѣ мѣстаго вѣка, ревностный ихъ описатель, чрезъ котораго, подобно какъ чрезъ инока Кирилла, Провидѣніе сохранило намъ много замѣательныхъ примѣровъ. Это былъ какъ бы яркій лучъ вечерняго солнца, послѣ долгаго лѣтняго дня, широко озарившій всю пустыню, такъ что косвенный свѣтъ его, еще однажды, проникъ во всѣ ущелья и вертепы, обращенные въ келліи, и въ послѣдній разъ озарилъ на молитвѣ забытыхъ или

неизвѣстныхъ міру пустынножителей, вѣдомыхъ только Богу и его святымъ.

Священномнокъ Іоаннъ Москъ*, воспитанникъ великой обители Θεодосія Киневіарха, и его еще болѣе знаменитый ученикъ Софроній, прославившійся ученостію на своей родинѣ, Дамаскѣ, и потомъ занявшій патриаршую кафедру Св. града, были сими вечерними лучами Палестины, проникини ми во всѣ тайные изгибы ея пустынь. Они встрѣтились въ Александрію, гдѣ Софроній изучалъ подвиги иноковъ Египетскихъ, еще не облекшись самъ въ ихъ одежду, и куда Іоаннъ Москъ былъ посланъ, около 580 года, по дѣламъ монастырскимъ, архимандритомъ своимъ Григоріемъ. Съ тѣхъ поръ они уже сдѣлались неразлучны и провели снара десяти лѣтъ въ лавръ, такъ называемой Элѳонтъ, на берегахъ Іордана, а потомъ еще нѣсколько лѣтъ въ обители Киневіарха, и въ новой лавръ великаго Саввы; набѣги Сарацинскіе принудили ихъ удалиться въ Сирію и оттолвъ чрезъ Синай вторично въ Египеть, гдѣ временно основались при святомъ Патріархѣ Александрійскомъ Іоаннѣ милостивомъ. Съ нимъ вмѣстѣ подвизались они противъ остатковъ ереси Евтихіевой, многихъ обращая къ православію. Послѣ блаженной женщины Святителя, набѣгая нашествію Хозроя Персидомаго, они удались въ Римъ, и тамъ, въ послѣдніе три года своей жизни, написалъ Іоаннъ занимательную книгу свою, о подвижникахъ Египетскихъ и Палестинскихъ, подъ именемъ Духовнаго дуга. Онъ посвятилъ

* Vies des peres, liv. VII, ch. 34.

ее вѣрному спутнику своихъ многотрудныхъ страстей, и умирая заповѣдалъ ему перевести тѣло свое или на гору Синайскую, или въ обитель Квиовіарха, гдѣ началъ иноческую жизнь, и вѣршій другъ исполнилъ его послѣднюю волю.

Іоаннъ Москъ начинаетъ созерцаніе духовнаго луга, на берегахъ Іорданскихъ; и гдѣ же, если не близъ спасительныхъ водъ священной рѣки, могли прозвѣнуть духовныя цвѣты, которые точно обратили, въ одинъ благовоный лугъ, каменистыя пустыни дикой Палестины! Сперва говоритъ Москъ о обители Эвасасъ*, основанной, по видѣнію Предтечи, на мѣстѣ посвященія его Спасителемъ; потомъ о нустынникѣ Коновѣ, изъ обители Пентохліевой, которому поручено было, ради его высокой жизни, отъ Патріарха Петра, преподавать святое крещеніе всѣмъ желающимъ воспріять оное въ водахъ Іордана, ибо тогда предпочтительно избиралась священная рѣка сія новообращенными, для таинства ихъ обновленія. Однажды пришло ему сомнѣніе: прилично ли его званію отшельника совершать святое крещеніе надъ женщинами? но самъ Предтеча явился ему ночью и успокоилъ совѣсть смиреннаго. Въ другой разъ, на пути къ мѣсту крещенія Внесавара, встрѣтилъ онъ Евреевъ, хотѣвшихъ его умертвить; но ихъ поднятыя руки остались неподвижными, доколе самъ отшельникъ не разрѣшилъ ихъ молитвою.

Авва Полихроній, жившій постепенно во многихъ обителяхъ, близъ Іордана, и потомъ бывшій

* Скитскій Патерикъ.

пресвитеромъ въ новой лаврѣ, рассказывалъ Иоанну Моску, что онъ зналъ въ монастырѣ Пентехліевомъ инока, который рѣшившись идти опять въ свѣтъ, чтобы жертвовать страстямъ, увидѣлъ себя внезапно некрытыцъ проказою и, опомнившись, благодарилъ Бога, исцѣлившаго его душу, болѣзнію тѣла. По соседству сей обители зналъ онъ отшельника Марка, который въ теченіе шестидесяти трехъ лѣтъ, вкушалъ пищу только однажды въ недѣлю, и не смотря на то, работалъ день и ночь, чтобы трудами рукъ своихъ питать нищихъ и посѣтителей, хотя самъ ничего отъ нихъ не принималъ! Тотъ же Полихроній, замѣтивъ въ обители Пигрин, что одинъ изъ самыхъ нерадивыхъ братьевъ сдѣлался внезапно ревностнымъ, съ душевною радостію похвалилъ его. «Ахъ, отче, отвѣчалъ смиренный братъ, повѣрь, что я не замедлю умереть!» и точно онъ скончался чрезъ три дня. Экономъ обители пришелъ просить Полихронія, идти съ нимъ въ келлію умершаго, убрать его сосуды, и самъ горько плакалъ; наумленный авва спросилъ его о причинѣ слезъ, и услышалъ въ отвѣтъ: «что я сегодня дѣлаю для сего брата, то послѣ завтра сдѣлаю и для меня,» и пророчество его сбылось.

Когда умеръ игуменъ сей обители, братія единодушно избрали одного старца, изъ среды своей, ему въ преемники. Напрасно извинялся онъ своимъ недостойнствомъ и просилъ дать ему время онѣживать грѣхъ свои, говоря, что только такіе удѣ-

вительные шужь, каковы были Антоній, Пахомій и Θεодосій, могутъ быть настоятелями: — братія не преставали умолять его; наконецъ онъ испросилъ себя три дня срока, дабы узнать волю Божию. Это было въ пятницу, а въ воскресенье уже нашимъ его усопшимъ.

Тамъ же, нѣкто внокъ Миронъ, измощившій плоть свою чрезвычайною строгостію, впасть въ водяную болѣзнь и молилъ Бога о продолженіи недуга, говоря братіямъ: «просите только Господа, чтобы душа моя не впадала въ ту же болѣзнь.» Еще одинъ старецъ, привыкшій все раздавать убогимъ; когда однажды нищій просилъ у него одежды, вмѣсто хлѣба, ввелъ его къ себѣ въ келлію, чтобы отдать ему свою единственную рясу; но самъ нищій, видя, что старецъ останется совершенно нагимъ, тронулся такимъ самоотверженіемъ и оставилъ у него собственную котомку.

Волею Іорданской лавры аввы Петра, жилъ пятьдесятъ лѣтъ въ пещерѣ отшельникъ Петръ, питавшійся однимъ только хлѣбомъ. Другой отшельникъ, той же лавры, часто ходилъ на Іорданъ и безъ всякаго страха отдыхалъ въ пещерахъ львиныхъ. Однажды принесъ онъ въ лавру двухъ львенковъ, въ полѣ своей одежды, и сказалъ братіямъ: «если бы мы сохраняли заповѣди Христовы, дикіе звѣри сія насъ бы страшились; но поелику мы сдѣлались рыбами грѣха, то сами принуждены ихъ страшиться.» Это былъ не первый примѣръ мужества вноковъ, одушевленныхъ вѣрою: одинъ

• Скитскій Патерикъ.

изъ пустынноицѣхъ Иорданскихъ привлекалъ львовъ въ свою пещеру и кормилъ ихъ изъ собственныхъ рукъ; еще одинъ, по имени Пименъ, спалъ съ ними въ берлогахъ, хотя и зналъ, что будетъ ими разтерзанъ, за то, что однажды самъ не спасъ человека, котораго разтерзали псы предъ его глазами.

Около Иордана, также въ лаврѣ Эліонгъ, жилъ некто авва Θεодосій, который провелъ тридцать пять лѣтъ въ непрестанномъ подвигѣ, вкушая пищу только чрезъ каждые два дня. Отреченіе его отъ міра было столь велико, что когда однажды авва Авраамъ, обители Св. Маріи новой, зная что онъ не имѣетъ мантии, послалъ ему на зиму свою, и воры взшедшіе ночью въ его келлію, похитили сіе убогое покрывало, онъ даже никому не хотѣлъ сказать о своей уtratѣ. Другой отшельникъ той же пустыни, по имени Θεодоръ, просилъ Іоанна Мосха доставить ему святое писаніе, и получивъ оное въ даръ, пошелъ въ Іерусалимъ приобрести, трудами рукъ своихъ, столько денегъ, сколько стоила книга, чтобы заплатить Іоанну. Тамъ же спасся некто пустынный Стефанъ*, который непрестанно имѣлъ въ мысляхъ распятаго Христа. Однажды три старца пришли съ нимъ совѣщаться о духовныхъ предметахъ; онъ же безмолвствовалъ и потомъ отвѣчалъ на ихъ вопросы: «простите мнѣ отцы мои, что доселѣ не внималъ бесѣдѣ вашей; скажу вамъ только, что денно и нощно я только размышляю о Господѣ Іисусѣ Христѣ, при-

* Скитскій Патерикъ.

гвожденномъ ко кресту!» и сіе краткое слово было для нихъ полезнѣе всякаго назиданія.

Еще процвѣтала на Іорданѣ обитель Св. Герасима, имѣвшая тогда настоятелемъ добродѣтельнаго авву Александра; одинъ изъ ея пресвитеровъ Олимпій, спасаясь въ душной пещерѣ, гдѣ безнокони его насѣкомыя; онъ говорилъ изумлявшимся его строгому образу житія: «что малыми страданіями временной жизни ищеть предохранить себя отъ большихъ въ вѣчной; ибо надѣется, что зной душой пещеры избавить его отъ вѣчнаго огня осужденныхъ, а насѣкомыя отъ адскаго неумирающаго нервя.»

Около монастыря страннопріимныхъ, жилъ отшельникъ Николай*, также въ пещерѣ, какъ о томъ рассказывалъ авва Іорданъ Іоанну Моску, и молитвами своими спасъ юношу Тирійскаго отъ Сарациновъ, которые вели его, чтобы принести въ жертву идоламъ. Сперва онъ умолялъ варваровъ, пощадить юношу, предлагая себя въ замѣнъ его; потомъ же, именемъ Христовымъ, поразилъ ожесточенныхъ, и они сами подняли руки другъ на друга; юноша остался живомъ при своемъ благодѣлѣ.

Въ пустыни Іорданской, некто инокъ Георгій**, просфорникъ монастыря Фаенландскаго, ковавшій осцнованіе церкви, во имя Св. Кириака, увидѣлъ во снѣ старца, одѣятаго пальмовыми листьями, который сказалъ ему: «зачѣмъ, авва Георгій, послѣ столькихъ подвиговъ въ сей пустыни, хочешь ты

* Скитскій Патерникъ. ** тамъ же.

ніе великаго Аонасія и не' будете нязть хартин, чтобы переписать, напишите его на доль вашей одежды.» Самъ онъ, желая получить, отъ аввы Осефия, объясненіе одного отрывка Св. писанія, не устрился увиданнаго нязъ на пути змѣя, но смѣло пошелъ по слѣдамъ его и' остался невредимъ'. Не уступали ему въ благочестіи Павелъ и' Аскалонъ, цюки той же лавры.

Авва Егемій, настоятель монастыря Сергіева, близъ Вислосма, рассказывалъ Мосху, что старецъ Александръ, проведеній всю свою жизнь въ одной изъ пещеръ Берданскихъ, пришелъ окончить дни въ его обители; и за десять дней до смерти впалъ въ жестокую болѣзнь; но онъ переносилъ мученіе съ чрезвычайною твердостью, и смѣялся надъ некушеніями лукаваго демона, говоря: что врагъ избралъ для нязъ время его дряхлости, ибо не смѣлъ приступитъ къ нему въ пустынь, въ дни его силы.

Нязто отшельникъ Іоаннъ **, въ окрестностяхъ Іерусалима, имѣлъ такое усердіе къ Пресвятой Дѣвѣ, что хранилъ всегда у себя въ пещерѣ ея изображеніе, съ предвѣчнымъ младенцемъ на рукахъ; когда же случался, зажигалъ предъ иконою лампаду, жарившая себя счастливаго пути, и по возвращеніи обрызгалъ ее горящею въ пустынной келліи; это спросали: «какъ можетъ онъ лишать себя всего необходимаго въ столь дикомъ вертепѣ?» и онъ отвѣчалъ: «что вертепъ сей служитъ для него духовною мушкетю, въ которой

* Скитскій Патерикъ. ** тамъ же.

столько же приобретаешь съ одной стороны, сколько самъ уступаешь съ другой.»

Иоаннъ Мостъ, говоря о подвижникахъ великой обители Феодосіевой, гдѣ самъ долго пребывалъ при благочестивомъ архимандритѣ Георгіи, рассказываетъ назидательную повѣсть о двухъ инокахъ. Они связаны были узами истинной дружбы и дали взаимную клятву никогда не разлучаться; но одинъ изъ нихъ, послѣ многихъ лѣтъ непорочной жизни, внезапно охладѣлъ сердцемъ къ Богу и объявилъ другу рѣшительное свое намѣреніе, возвратиться въ міръ; тихими были все убѣжденія. Огорченный братъ не хотѣлъ однако его оставить и последовалъ за нимъ въ суету міра, съ надеждою когда либо обратитъ его опять на путь истины; не смотря на все тяжкія его паденія и на жестокость, съ какою пренебрегалъ всеми его совѣтами, не преставалъ онъ пламенно о немъ молиться, проливая горькія слезы о грѣхахъ его. Азъ Авраамъ, бывший прежде настоятелемъ обители Св. Маріи новой, на Иорданѣ, и потомъ Митрополитомъ въ Ефесѣ, устраивалъ тогда, на горѣ Алезской, монастырь Византійцевъ, и оба брата работали въ числѣ наемниковъ, при сооруженіи зданія; но одинъ изъ нихъ безпрестанно отлучался въ городъ, чтобы тамъ жертвовать страстямъ своимъ; другой же, трудясь за него, соблюдалъ строгій постъ въ благоговѣнномъ молчаніи; такъ что обратилъ на себя вниманіе азъ. Онъ призвалъ его въ свою келлію и, распробивъ съ нимъ причины учествованія, услышавъ, что труженникъ поселилъ себѣ столикъ тамъ,

кнѣмъ подвигамъ въ той надеждѣ, что Господь, ради его смиренія и покаянія, дастъ ему обращеніе грѣшника. И Господь даруетъ тебѣ! Душу брата твоего, сказали ему тронутый Іавва, и немедленно исполнились его слова; ибо ротъ чашъ не выводитъ изъ келіи; встрѣтилъ онъ брата своего, который, отъ раскаянныхъ сердцевъ, бросаясь въ него, обнятія и молилъ идти въ пустыню, чтобы тамъ скончался. Онъ удлившись въ пещеру Іаріанскую, гдѣ обранцовый грѣшникъ достигъ, въ короткое время, прежней высоты духовной, не преставляя оплакивая, однако, каять грѣхы своихъ; и въ сикъ благочестнымъ чувствомъ предавъ Господу душу. Видъ повникъ его обращенія цокоронилъ усоннаго брата въ пещеръ и продолжалъ надъ гробомъ его ту же строгую ашельническую жизнь. Въ послѣдствіи послышалъ его старецъ обители Каламоновой и спросилъ: «что надѣется онъ получить отъ Господа ради того, что проходилъ столь жестокое житіе?» Къ смиреннѣйшему отшельнику просилъ его придти; за отыгомъ чрезъ десять дней; но уже пришелъ напелъ его мертвымъ и прочелъ только слова, давертанныя имъ на камнѣ: «прости мнѣ, оцъ; одно лишь могу сказать тебѣ, что во всѣхъ моихъ дѣяніяхъ я только старался, отклонить домысли мой; далеко отъ всего земнаго...»

Много подобныхъ навидательныхъ приключеній происходятъ въ духовномъ Дугѣ, (которые, утани, только свидѣтельствуютъ, какими добродѣтелями, сіеяе тогда пустыня. Деласническая... Когда Іоаннъ

обращался врать Иорданъ и неподвижно стояли волны его. Варяге, из предельновъ Александрии, шитекали къ торжеству сему съ сосудами ароматными, которые исполняли священной воды, и ево окропляли каждый корабль, выходящій из пристаней Египта и Сирин; сами Христиане погружались въ Иорданъ, облеченные плащаницею, предназначенною для нихъ погребенія. После торжества, воды Иорданскія опять стояли въ Мертвое море.

Странная преданія переизшавы въ простосреднемъ расказъ Антеина. Такъ около Иордона, стьны кость разрушены были сильными землетрясениемъ, во дни Ирама, Епископа Иерусалимскаго, находилась пещера, гдѣ молитвенно жительствовали семь дѣвъ. Каждая изъ нихъ имѣла отдѣльную келлію и въ ней заключалась съ дѣтства; когда же умирали, келлія сія служила ей гробомъ, и немедленно переносилась другую келлію для иной пришлицы, ибо всегда исполнялось садмирное число дѣвъ; у нихъ хранился сударь, бывшій на главѣ Господней во время погребенія. Съ ужасомъ пробивли богомолцы Италійскіе въ сію мертвенную пещеру и не нашли въ ней никакого признака живицей жизни; ибо келліи дѣвъ были во глубинѣ. На пути изъ Иерусалема къ Визаніи стоялъ городокъ, называемый Васидъ, котораго теперь нѣтъ и слѣда; впрямую это то селеніе, что было оснѣвано, крещеными Сарацинами, банъ дѣлалъ великаго аввы Евенія. Визанія имѣла довольно обширныхъ обителей; и еще существовало селеніе

Горосманское на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь видны
одни остатки древнихъ масличъ.

Св. гробъ Спасителя, по описанію Антонінову, сѣлъ весь золотымъ украшеніемъ и драгоценными камнями; тамъ цѣловали и ореховую дщцу съ надписью: Иисусъ Назорей, Царь Іудейскій, бывшую на вершинѣ креста его. Въ Рамѣ, на пути къ Вилеему, находился источникъ сладкой воды, никогда не изсякавшій, ибо однажды утолилъ жажду Богоматери. Многочисленны были иноки въ Вилеемѣ во дни Антонина; онъ упоминаетъ о гробницѣ, которую самъ ископалъ себѣ блаженный толкователь Св. писанія Іеронимъ, недалеко отъ яслей Господнихъ. За полпоприща отъ Вилеема, показывали гробы Давида и Соломона, что весьма странно, ибо извѣстно по преданіямъ, что гробы сихъ Царей на Сіонѣ, въ самомъ Іерусалимѣ. Поклонники обрѣли въ Вилеемѣ и церковь Св. Давида, на мѣстѣ его рожденія, которой нѣтъ теперь и слѣдовъ.

Городъ прежде сего времени, но для Императора Константина Великаго, относятъ Грузины первоначальное основаніе монастыря Крестнаго, близъ Іерусалима, Царемъ своимъ Миріаномъ. Ихъ царственные летописцы Вахтангъ и Вахуштій утверждаютъ, хотя и безъ свидѣтельства историческаго, что первый Христіанскій Царь Грузинъ Миріанъ, обращенный къ вѣрѣ Св. Нинною, ходилъ на поклоненіе Св. мѣстѣ, и тамъ пріобрѣлъ для обители то мѣсто, гдѣ сохраняется корень отъ

честнаго древа. По народному преданію Грузинъ, праведный Лоть, племянникъ Авраамъ, посадилъ чудеснымъ образомъ три дерева, цевкъ, кедръ и кипарисъ, которые срослись въ одно. Царь Соломонъ срубилъ его для храма, но оно оставалось неупотребленнымъ до времени распятія Господня, и подь главнымъ престоломъ обители крестной и понынѣ показываютъ его корень. — Митрополитъ Грузинскій Тимофей, посѣщавшій Св. мѣста въ минувшемъ столѣтїи, видѣлъ въ семъ монастырѣ древнюю грамоту, въ которой описаны баснословный походъ Иверскаго Царя Вахтанга Гургъ-аслана, для завоеванія Св. мѣсть, въ V столѣтїи, и поселеніе Грузинъ въ окрестностяхъ Іерусалима. Но вторичное основаніе, или обновленіе монастыря Крестнаго, Грузины относятъ Царю своему Баграту III, который и понынѣ изображенъ на стѣнахъ соборной церкви. Онъ украсилъ и другія святилища, чрезъ посредство соотечественника, благочестиваго Прохора, инока лавры Св. Саввы, и послѣ Баграта, жившаго въ X вѣкъ, Грузинскіе Цари не преставали называть свои владѣнія Св. мѣста Палестинскія.

арха Амоса, послѣ Іоанна, одобрено было настоятелями монастырей Палестинскихъ, и всѣ они собрались къ нему, чтобы воздать должную честь, хотя Амосъ отклонялъ со смиреніемъ высокую степень, называя ее тяжкимъ бременемъ, едва удобносимымъ для небесныхъ силъ. Одинъ только Аонасій, игумень новыя гавры, нѣсколько времени не покорялся избранному Патріарху, и ему писалъ Папа Римскій Св. Григорій великій, дабы онъ примирился съ своимъ владыкою. Исихію, волею оставившаго престолъ Ісхкѣ, избравшаго въ 610 году Патріархъ Захарія, избранный изъ пресвитеровъ церкви Константинопольской, и онъ былъ свидѣтелемъ разоренія Іерусалимскаго.

Гражданскіе перевороты имперіи Греческой навлекли бѣдствія и Св. граду. Послѣ славнаго, долголѣтняго правленія Іустиніанава и двухъ его преемниковъ, Іустина и Тиверія, лучшаго изъ Императоровъ Восточныхъ, Маврикій, зять его, еще продолжилъ на некоторое время вышнее благоденствіе; но мятежникъ Фока овладѣлъ престоломъ, умертвилъ его дѣтей, и начался бѣдствіе, Козрой Царь Персидскій, подъ предлогомъ мести за смерть благодѣтеля своего Маврикія, который привралъ его доверію, но бывъ изъ честолюбія, дабы исполнить обширныя замыслы великаго дѣда своего Іулирвана, наступилъ съ крѣпкими войсками на имперію, и въ теченіе пяти лѣтъ постоянно завоевалъ всѣ ея восточныя предѣлы (близкіи предѣлы нѣтъ восснательники маиодумнаго Фоки. — 4

* Истор. Флери, кн. XXXVII, гл. 19.

Карою Палестиноріе, возбужденные надеждою (возобладать еѣи. лоза спокъ: предлють, предлючили по-мощь свою Хозрою;... въ число 26,000 присоединились они къ войскамъ Персидскимъ и ознаменовали себя повсюду жестокостію противъ Христіанъ: въ Антіокіи умертвили они Патріарха Анастасія. Сорокъ тысячъ Евреевъ, взявъ предвѣсть Тира, Тиверіады, Дамаска и даже Кира, соединились, осадили Тиръ в разореніи его окрестности; но на Іерусалимъ особенна извилась вся ихъ жестокость; тамъ ушлись они противъ Христіанскаго, тогда вое-начальникъ Персовъ, Харузій, овладѣлъ Св. градомъ; это бѣдствіе случилось въ Іюль 614 года. Неисчислима тысячи клириковъ, идиотовъ и ино-чницъ, подъ мечемъ Персовъ; опустошены и сожжены были церкви и самый храмъ Св. гроба; расхищены всѣ священныя сосуды, взято даже и честное древо креста Господня. Нѣкто патрикій Никита, по зна-комству съ военачальникомъ Персовъ, могъ только спасти конѣ, прозвищемъ ребра Сланиколл, и губу, наложенную желчію, которую поднесла ему воица на крестъ, и отослалъ святыню сію въ Цариградъ. Патріархъ Захарія уведомя: бывъ въ плавъ съ омно-гочисленнымъ народомъ;... за Іорданъ и Евфратъ, какъ ииногда во дни влѣченіе Вавилонскаго царя Навукодосора. Монахи, Іудеи, отступили, ис-снѣлько тысячъ Христіанъ; у Персовъ, для того только, чтобы ихъ уверовать, такъ иже число есъхъ погибшихъ простиралось до дошестста тысячъ. По-добнаго бѣдствія не испытывалъ Іерусалимъ со вре-мени разоренія Римскаго.

Персы: оруетомни, въ одно время съ Пископом и Св. гробомъ, величолпимый: тракъ Вознесенія, сооруженный: нѣкогда Царицею Флеолою, на перъ Елеонской, который съ: такъ парь, по: видвчелнству Патриарка Досмелъ, нилюгда: уже не: вошннхль, въ: таюць ридѣ, нѣъ оловкн развалншь. / Они истребили: бнростнль: монастыря, не: только: оградъ Св. града, но: и: въ: Галилеи и Самаріи: / Иа: Іорданѣ. За: восемь: дней: до: разоренія: Іерусалимскаго, отрядъ: варваровъ: шапалъ: на: великую: лавру: Св. Саввы: и: наполнилъ: еѣ: смертоубійствами. / При: первой: вѣсти: о: ихъ: приближеніи, большая: часть: иноковъ: разбѣжалась: не: въ: нѣ: олийъ: / которые, долгимъ: подвнгомъ: и: поместннцн: привыкли: предъ: ночнть: временной: жизни: и: чнзуо: и: иноконн: воганнть: своихъ: келій: и: тамъ: рншнлном: шерѣ: нести: съ: терпѣннемъ: все, что: готовнла: ннть: ярость: варваровъ. / Персы, проникнувъ: безъ: всякаго: сопротивленія: въ: укрѣпленную: лавру, сперва: порабили: иерусовъ, и: ономъ: же: разбѣжались: по: келіямъ, пребуя: отъ: старцевъ: секретовъ: ннхъ: / по: ннхъ: вышнло, сокровнщн. / Въ: теченіи: ннсколькихъ: дней: жаста: кншь: и: укашъ: подвергали: онн: мужествопнхъ: стрн: дндровъ, и: наконецъ, снндл: и: ннтр: воннла: шоломъ, рѣстннн: ннхъ: и: чѣстн: / Ствоенн: Снвалнть, а: раз: сказывали: оннхъ: снлтой: вогнннн, снлнннн: слухнн, что: вездѣ: ннхъ: чрѣкли: а: тнло: и: / на: ономъ: камнѣ, и: камнн: сей: доселѣ: показывается: на: лаврѣ. / Сн: рѣднннннн: же: юннсннн: ннхъ: снрадоцнн / и: Андіока, и: цннъ: гнн: лаврн: / и: в: нн: снлннн: к: а: годѣ: мн: / Ю:

старею, и глумлю. Галатайскому, окаянная участь Саграда и избіенныхъ брѣдй, такъ и нидя отъ зыдеетъ.

«Ты спрашиваешь меня о святыхъ отцахъ нашей лавры, недавно избіенныхъ, о ихъ жизни и подвигахъ; пользы мой не можетъ выразить сего, какъ должно. Одно только скажу: не знаю, Ангелами ли ихъ должно назвать или людьми? отъ самой юности взяли они на рамена свое сладкое иго. Господне, перенося мучительный зной одинокой жизни. Многіе изъ нихъ исполнены были святыхъ дѣлъ, смиренны, кротки, достоуважаемы, благочестивы, чужды всякаго зла, укрѣплены всеми добродѣтелями, сосуды даровъ Божіихъ. Некоторые имѣли болѣе стѣдѣтъ, и всю жизнь провели въ лаврѣ, никогда не выходя изъ нея и даже не оставляя своихъ келлій, развѣ только для церкви по субботахъ и воскресеніямъ; днемъ и ночью размышляя о страшномъ таинствѣ смерти: это были небесные челоуки и земные Ангелы, и за сіе они, достоуважаемые отцы и братія наши, насладовали вѣнецъ победы».

По удаленіи Персовъ, возвратились разсѣявшіеся иноки лавры, въ числѣ коихъ былъ и Антіохъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Николай, увидѣвъ разореніе обители и трупы братій, упалъ, какъ мертвый, отъ изнеможенія душевнаго. Знаменитый архимандритъ обители Феодосіевой, Модесть, собравъ разсѣянные остатки избіенныхъ, обдобызалъ ихъ

съ любовью и оросивъ благочестивыми слезами; положи въ усыпальницу братіи. Собрать четыре черепа святыхъ мучениковъ, хранящіеся отдѣльно въ пещерной церкви лавры, донныи свидѣтельствуютъ о ихъ подвигѣ. Утѣшая оставшихся, авва Модесть напомнилъ имъ слова Пророка Исаи: «мужи праведные вземлются и никто не разумѣеть сего въ сердце своемъ, ибо отъ лица неправды, ваялся праведный, и съ миромъ будетъ погребеніе его.» Онъ произнесъ и премудрыя слова Соломоновы, о участи праведныхъ **, «которыхъ души въ рукахъ Божіихъ и оуди суть въ мирѣ; ибо хотя предъ лицомъ чelовѣковъ и пріемлютъ муку, но упованіе ихъ исполнено безсмертія, и немного будучи наказаны, много будутъ благодѣтельствованы, поелику Богъ искусилъ ихъ и нашелъ ихъ достойными себя.» Воздавъ имъ такимъ образомъ послѣдній долгъ любви Христіанской, авва Модесть убѣждалъ братію не оставлять болѣе лавры и мужественно претерпѣвать въ ней всякое искушеніе Христа ради, намятуя слова его: «что узки врата царствія небеснаго и путь къ нему ведущій ***», также и слова Апостольскія: «что многими скорбями должно достигать онаго.»

Инокіи послѣдовали его совету, и хотя два мѣсяца спустя, при слухѣ о новомъ нашествіи варваровъ, временно удалились въ сосѣдній монастырь Анастасіевъ, однако опять возвратились въ лавру и уже болѣе ее не покидали, руководимые своимъ архимандритомъ Фомою, который повстиннъ былъ

** Исai. 53. Евр., ст. 2. *** Мат. 7. VII.

даже и въ эту горькую чѣдину, какъ истый божественный даръ, ибо они чрезвычайнымъ благочестіемъ, бдѣтельностью и любовью, назидалъ и укрѣплялъ малодушныя;

Благочестивый Антѣохъ, сохранившій намъ подвиги архимандритовъ Модеста и Фомы, равно какъ и мученичества иноковъ Мары, въ своихъ напѣвкахъ, (состоящихъ изъ 130 главъ разнаго содержанія), самъ поворачъ, что онъ написалъ ихъ для душевной пользы братьевъ, повсюду разсѣявшихся отъ стражи Персовъ: «снать полагалъ я хлѣбъ въ еуны скитальцевъ, какъ раздавалъ имъ и духовный хлѣбъ ученія, чтобы души ихъ не умирали отъ глада слова Божія; воину же не могу самъ посвящать святая обители, то почелъ полезнымъ составить для нихъ хотя инокое краткое поученіе, которое было бы въ общенъ употребленіи у всѣхъ и могло имъ сослуживать повсюду.» Антѣохъ оплакиваетъ въ своихъ духовныхъ бесѣдахъ и разореніе Іерусалима: «пролиемъ горячія слезы, ибо Св. градъ Божій сожгоу, честный крестъ Господень похищенъ и толкое число святыхъ побито и отведено въ плынь; поему, согласно съ изреченіемъ Пророка Іошиа, расплачеть посреди стѣпеней жертвенника и воскликнетъ къ Господу: попадѣ, попадѣ люди твои и не дай достояніа твоего въ поруганіе, да не обладаютъ имъ язычници и не рекуть между собою, гдѣ есть Богъ ихъ?» Онъ приводилъ во свидѣтельство и пророчество Исаи, о оскверненіи Св. града за нечестіе дщери Іеруса-

Когда Иерусалимскій Патриархъ Захарія отвелъ былъ въ плѣнъ, съ честию гражданъ, и никого не оставалось для управленія осиротѣвшею Церковію, избранъ былъ ея блюстителемъ Модесть, архидиаконъ обители Феоодосія Киновіарха, одинъ изъ величайшихъ мужей, какихъ даровалъ Господь обитающей землѣ; потомство назвало его вторымъ Восселомомъ, строителемъ скинии, и Зоровабелемъ, обновившимъ Иерусалимъ; ибо онъ возстановилъ опять изъ развалинъ сожженое аданіе Св. гроба, и церкви Голгофы и самый Вѣломъ, не опасаясь гоненія Иудеевъ, ни скитающихся въ Палестинѣ Персовъ. Мужествопный Императоръ Ираклій, вооружившись изъ Египта противъ нечестиваго тирана Фоки и вѣнчанный въ Царградѣ на его мѣсто, свободствовалъ, своими сокровищами, благочестивому Модесту, и велъ переговоры съ Персами: но еще, обуреваемый другими войнами, не могъ исхитить оружіемъ Св. града, изъ подъ икъ владычества, въ первые годы своего правленія. Нашелся и другой великій помощникъ блюстителю Модесту, Св. Іоаннъ милостивый, Патриархъ Александрійскій, который оплакавъ сперва, подобно Пророку Іереміи, бѣдствія Св. града, прижалъ, съ отверстыми объятіями, всѣхъ блуждающихъ Палестинскихъ въ Александрію, утѣшалъ плачущихъ, врачевалъ болящихъ и употреблялъ сокровища церковныя, на пропитаніе не имѣвшихъ крова и на обновленіе разоренныхъ сѣралищъ. Онъ послалъ Модесту тысячу золотыхъ и тысячу пудовъ желѣза, ты-

сячу кулей пшеницы, столько же овецъ, тысячу мѣръ сухой рыбы и столько же мѣховъ вина, и тысячу работниковъ Египетскихъ, съ смиренною грамотою, въ коей просилъ извиненія, что не посылаетъ ничего достойнаго храмовъ Господа Иисуса Христа: ибо и самъ пламенно желалъ бы придти трудиться, какъ простой каменщикъ, при сооруженіи храма Св. воскресенія, матери всѣхъ церквей. Писатель духовнаго луга, Іоаннъ Москъ, и будущій преемникъ Модеста, Софроній, находились тогда въ Александріи, при милостивомъ Святителѣ и раздѣляли его заботы, о бѣдствующихъ согражданахъ Палестинскихъ*.

Благочестивый инокъ Антиохъ, сохранившій намъ подвиги Модеста, говоритъ и о другомъ иже нитомъ настоятелѣ, Іустинѣ, монастыря Анастасіева, лежавшаго на разстояніи пути одного часа отъ Св. града. Врешенно призрѣвъ у себя монашествующихъ великой лавры, изъ коей и самъ происходилъ, Іустинъ строго соблюдалъ чинъ Св. Саввы въ собственной обители, и въ духъ сего великаго аввы управлялъ ею, посреди обурывавшихъ бѣдъ, такъ что мало по малу собралось около него великое число иноковъ. Однимъ изъ учениковъ его былъ славный мученикъ Персидскій, запечатлѣвшій своимъ страданіями исповданіе имени Христова.

Анастасій былъ родомъ изъ Персін и наученъ волхвованіямъ отъ языческихъ родителей. Когда честное древо креста принесено было Хозроемъ, юноша языческому любопытству было знать, почему

* Vic des pères, liv. VII, ch. 36. Четья Минея 22 Гетваря.

оказываютъ оному такое уваженіе Христіане? То, что услышалъ о ихъ вѣрѣ, побудило его обратиться къ истинѣ, и, оставивъ броню воинскую, удалился онъ сперва въ Іераполь; тамъ принявъ его съ любовію одинъ изъ вѣрныхъ, и часто водя во церкви, объяснялъ иконы, ихъ украшавшія. Особенно занимали Анастасія изображенія подвиговъ мученическихъ, и это было предзнаменованіемъ, что самъ некогда удостоится вѣнца мученическаго. Потомъ пришелъ онъ въ Іерусалимъ; представленный архимандриту Модесту, принявъ во святомъ крещеніи имя Анастасія, и желая совершенно оставить міръ, постригся въ обители Іустина; но и тамъ, изъ всѣхъ духовныхъ чтеній, наиболѣе привлекало его описаніе мученическихъ подвиговъ. Господь открылъ ему и его игумну, въ сновидѣніи, предстоявшее мученіе, и еще болѣе укрѣпленный въ пламенномъ желаніи, пострадать за Христа, онъ причастился Св. таинъ, и съ благословенія своего настоятеля, пошелъ въ Кесарію, бывшую тогда въ рукахъ Персовъ. Тамъ схватили его воины, какъ соглядатая, и привели къ правителю области, Марзавану, который спросивъ его о вѣрѣ и, осыпавъ поруганіями и ударами, бросилъ въ темницу. Анастасіи, твердо исповѣдая Христа, преслалъ только своихъ мучителей, святъ съ него рясу иноческую, прежде ударовъ, чтобы не обезчестить сію одежду его славы. Днемъ и ночью молился онъ въ темницѣ, остерегаясь нарушить покой того узника, съ которымъ былъ вмѣстѣ скованъ; и настоятель Іустиинъ, со

вою братією, молились также, чтобы Господь даялъ ему силу довершить начатый подвигъ; небесныя видѣнія утѣшали его въ темницѣ. Между, тамъ, правитель спрашивалъ у Царя Хозроя, что дѣлать съ плѣнникомъ? Царь позволилъ отпустить его, если только въ присутствіи двухъ свидѣтелей скажетъ, что онъ не Христіанинъ. Анастасій съ ужасомъ отвергъ такое предложеніе; тогда правитель рѣшилъ отправить его въ Персію, на судъ Царя; но такъ какъ въ теченіе сего времени случился праздникъ обновленія храма Іерусалимскаго, онъ позволилъ узнику идти отслушать литургію, въ одной изъ церквей Кесарійскихъ, въ сопровожденіи двухъ иноковъ, присланныхъ къ нему отъ игумна Іустина, и его присутствіе утѣшило Христіанъ, возбудивъ упавшій духъ многихъ. Одинъ изъ иноковъ сопровождалъ Анастасія и въ Персію, чтобы потомъ извѣстить о немъ своего игумна.

Царь Хозрой послалъ сановника своего цензуровать въру исповѣдника; но Анастасій не хотѣлъ даже и отвѣчать ему во Персидски и отвергъ все предложенія почестей и богатствъ. Въ теченіе несколькихъ дней терзали его жесточайшими мучками, раздавили обѣ ноги подъ тяжелою доскою, вѣшали за руку, привязавъ камень къ одной ногѣ; все напрасно: мученикъ остался неколебимъ. Вѣрныя навѣщали его въ темницѣ, по дозволенію стража, который былъ также изъ тайныхъ Христіанъ. Наконецъ Царь повелѣлъ умертвить его съ семидесятью другими плѣнниками. Ихъ удавили, одного за другимъ предъ его глазами, и въ послѣдній

разъ предлагали ему мѣзъ: за отреченіе отъ Христіанства; онъ же отвѣчалъ самозванцамъ царскимъ: «я думаю, что вы разсвѣтите меня на часъ ради Іисуса Христа; но если угрожаете мнѣ только такою смертію, то благодарю Господа, что стою легкимъ путемъ приобщаетъ меня къ славѣ своихъ мучениковъ.» Говору его отвѣдали и послали Хозрою; но еще наканунѣ, онъ предсказалъ смерть свою Христіанамъ, говоря: «знайте, что я завтра умру, по милости Божіей; вы же братія освободитесь чрезъ немного дней, ибо убіеиъ будетъ нечестивый Царь.» Скоро исполнилось его предсказаніе: тѣло мученика Анастасія выкуплено было, послѣдованннхъ за нимъ иноковъ, и положено въ пустынной обители Саргіевой, а потомъ въ собственномъ его монастырѣ.

Императоръ Ираклій рѣшился наконецъ дѣятельно противоборствовать Хозрою, котораго оружіе распространилось уже на югъ до Египта, Ливіи и Евопіи, а на сѣверу даже до Халкидона, предвѣстія столицы, осамидной воелачальникомъ Персидскимъ Самномъ. Ираклій хотѣлъ сперва предложить-его, мирными словами, и Самнъ подалъ ему благоуважденію; но честолюбивый Хозрой отвергъ дружелюбную грамоту Ираклія, умертвилъ самаго Самна и надменно объявлялъ посланникамъ царскимъ, что не пощадитъ Римлянъ, доколѣ не отречутся отъ распятаго Христа и не поклонятся евангелію. Тогда Ираклій, заключивъ миръ съ Каганомъ Скиескимъ, по недостатку денегъ, взялъ для

свищенной войны имущества церковныя и даже серебряныя подсвѣчники Св. Софїи, и отпраждивавъ насуху, предсталъ лично своимъ дружинамъ. Онъ взялъ съ собою и нерукотворенный образъ Спасителя и поклялся предъ нимъ, что будетъ сражаться до смерти, послѣ же клятвы со слезами произнесъ слова сїи: «вы видите братїя мои и дѣти, что враги Божїи попрали святыя мѣста, церкви сожгли, обители обратили въ пустыни, жертвенники и алтари обрушили, все осквернили, все разворили: время отмстить имъ!» — Патріарху Сергію поручилъ онъ царствующій градъ и малолѣтнаго сына своего, и взойдя въ послѣдній разъ въ великую церковь Св. Софїи, такъ помолился: «Господи Іисусе Христе Боже нашъ, не дай за грѣхи наши радоваться врагамъ нашимъ; но призри и помилуй насъ, да не превозносятся беззаконные и не пощраютъ наслѣдія твоего.»

Ираклій выступилъ въ походъ, въ двѣнадцатый годъ своего царствованія, и первые шаги его были ознаменованы побѣдою въ Арменїи. На слѣдующій годъ, онъ проникнулъ въ Персію и принудилъ Хозроя оставить городъ Газакію, гдѣ находилось знаменитое капище огня. Въ чертогахъ царскихъ нашелъ онъ истуканъ Хозроя, подъ свѣжо, изображавшею небо, а вокругъ него солнце, луну и звѣзды, съ ангелами, ему поклонившимися. Императоръ сжегъ капище и дворецъ, и желая узнать, гдѣ ему провести зиму, очистилъ прежде трехъ

* Досие. кв. VI, гл. 5.

двернымъ постомъ войска свои, потомъ открылъ Св. Евангеліе, и изъ прочитанныхъ имъ словъ, рѣшился остаться въ Адбаніи. Тамъ отпустилъ онъ до пятидесяти тысячъ вятыхъ имъ плѣнниковъ и человеколюбиво снабдилъ ихъ въ путь, такъ что все они молили Бога даровать побѣду кроткому Ираклію надъ жестокамъ Хозроемъ. Съ наступившею весною продолжались успѣхи оружія царскаго. Видя войновъ своихъ, смятенныхъ многочисленностію враговъ, онъ имъ сказалъ: «братія, съ помощію Божіею, одинъ изъ васъ поразитъ тысячу; пожертвуетъ собою для спасенія братьевъ и восприметъ вѣнецъ мученической, дабы намъ воспріять нѣду отъ Бога и прославиться въ вѣкахъ грядущихъ.» Императоръ обратилъ въ бѣгство Саргисара, военачальника Персовъ; раздраженный Хозрой велѣлъ расхитить имущество всехъ церквей Христіанскихъ въ Персіи и принуждать православныхъ къ общенію съ Несторіанами, многочисленными въ его предѣлахъ. Между тѣмъ и Царьградъ подвергся великой опасности, отъ нападенія отряда Персовъ изъ Халкидона, и Хана Аварскаго съ сѣвера; но заступленіемъ Богородицы спасена была столица.

Ревностный Ираклій не останавливался на пути побѣдъ и все далѣе проникалъ въ Персію. Наконецъ, всѣми ненавидимый Хозрой былъ свергнутъ съ престола, собственнымъ сыномъ своимъ Сироемъ, за то, что хотѣлъ возвести на его мѣсто младшаго брата, и томимый голодомъ среди собранныхъ

ямъ сокровищъ, скончался мучительною смертію. Воцарившіи ся Сирои немедленно заключили миръ съ Иракліемъ, и возвратилъ ему всехъ пленниковъ, съ Патріархомъ Захарією, и честное древо креста, бывшее въ плъну въ теченіе четырнадцати дѣтъ. — По некоторымъ лѣтописцамъ, Императоръ прежде принесъ оное въ Царьградъ, гдѣ Патріархъ Сергій всенародно воздвигъ святилю сію въ храмъ Софійскомъ, и на другой только годъ отплылъ Ираклій въ Іерусалимъ, съ крестомъ Господнимъ; но Зонаръ, Феоданъ, и другіе утверждаютъ, что прямо изъ Персіи побѣдитель пришелъ въ Св. градъ.

Съ торжествомъ хотѣлъ самъ Ираклій вознести на Голгоу честное древо, думая украситъ, діадимомъ царскимъ, церковное шествіе, и облеченный въ порфиру, увѣнчанный діадимомъ, поднялъ крестъ на рамена свои. Патріархъ Захарія вышелъ къ нему на встрѣчу, со всемъ народомъ, до горы Злочинской, съ фяшквыми вѣтвями въ рукахъ, воспеваля осанна, и уже они приблизились къ краснымъ вратамъ, чрезъ которыя надлежало войти на Голгоу: но внезапно, силою Божією удержанный Императоръ, сталъ во вратахъ и не могъ далѣе двинуться со крестомъ; старецъ же Патріархъ, духовнымъ окомъ, увидѣлъ во вратахъ молящаго Ангела, возбранявшаго входъ, и урочившаго тайный глаголъ, сказалъ Императору: чужай, о Государь, что невозможно тебѣ, облеченному въ одежды царскія, вознести сіе святое древо, которое

иногда подымать самъ Господь, обнищавшій нашего ради спасенія; еликоже копѣию пометети кресту, то послѣдуй вольному его смиренію.» Смирался Ираклій, стяжь съ себя багряницу, ивнецъ, и еднѣю обувь, и облеченный въ убогое одѣжаніе, безъ всякаго препятствія, вознесъ честное древо, по ступенямъ Голгофы, на то мѣсто, гдѣ было оно взято Персими. Велика была радость верныхъ, о возвращеніи креста Христова; какъ некогда Израиль, когда ивотъ заввѣта возвратился отъ Филестимлянъ. Снѣтъ воздвигася было честное древо Патриархомъ Захарією, предъ лицомъ народа, какъ некогда Макаріемъ, во дни Марины Елены, чтобы вси могли поклониться распятому на немъ Царю славы. Такими образомъ, два радостныя событія воспоминаются на другой день праздника обновленія храма Иерусалимскаго: — и обретеніе креста Еленою, и возвращеніе снаго Иракліемъ; но ради претерпѣннаго имъ гнѣва и чуда, бывшаго для смиренія Царя, праздникъ сей, всемирнаго воздвиженія честнаго креста, совершается Церковію съ постомъ и повтореніемъ самаго воздвиженія, на утренни, предъ очами верныхъ?.

Старець Патриархъ Захарія, истомленный четырнадцатилѣтнимъ мѣзномъ, не долго пережилъ радостное освобожденіе, и въ место его вступилъ достойный быстителемъ и обновителемъ. Онъ гряде архимандритъ Медвѣтъ; не и ему не болѣе явля лась суждено было сѣсть на овчаникъ Сиона, ибо она уже совершила свой подвѣтъ, еще не будучи ни престоль патриархомъ, и

* Истор. Патр. Досм. кн. VI, гл. 6. и М. Свѣт. Четьи Мѣск.

для него уже готовы были тотъ вѣнецъ правды, который, по словамъ Апостола Павла, ожидать возлюбившихъ ния Христово.

Но Императоръ Иракдій, виновникъ столькихъ торжествъ, былъ причиною и распространенія новой ереси Монеослитовъ, которыхъ хотѣлъ привлечь къ общенію Церкви, во время славныхъ своихъ походовъ на Востокъ. Θεодоръ, Епископъ Фараа въ Аравіи, первый наложилъ, въ письмѣ къ Патриарху Цареградскому Сергію, свое неправильное мнѣніе, о единой волѣ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, когда напротивъ того, Церковь православная признаетъ двѣ воли, какъ и двѣ природы, божественную и человеческую, въ одномъ лицѣ Богочеловѣка. Монеослиты, т. е. единовольники, были отраслію ереси Монеизитовъ или послѣдователей Евтихія, Севера и его главнаго ученика Іакова Вардан, который распространилъ въ Сиріи такъ называемую секту Іаковитовъ, и доннынъ тамъ сохраняющуюся, въ общеніи съ Армянами и Коптами Египта. Сергій, происходившій самъ отъ родителей Іаковитскихъ, принявъ мнѣніе Θεодора Фаранскаго, и симъ ложнымъ мнѣніемъ увлекся Императоръ Иракдій, когда вступалъ въ преніе съ послѣдователями Севера въ Арменіи, съ Киромъ, Епископомъ Лазовъ, и наконецъ съ Ассасіемъ, главою Іаковитовъ въ Іераполь, старался склонить ихъ къ единомыслию въ вѣрѣ. Ассасій, которому польстилъ Императоръ надеждою на мазедру Антиохійскую, обманулъ его, признаніемъ двойной природы въ Господѣ Іисусѣ,

хотя она и была несогласна съ единою волею; Киръ же вполне раздѣлилъ образъ мыслей Императора и Патріарха Сергія, и былъ поставленъ на кафедру Александрійскую; а какъ, въ то же время, Патріархъ Константинопольскій, лествицею своею грамотою, увлекъ и Царя Римскаго Омерія, то внезапно всѣ патріаршіе престолы, исключая Іерусалимскаго, поколебались въ православіи, и ересь сія укоренилась въ Александріи и Царьградѣ, до шестаго вселенскаго собора.

XVII.

ЗАВОЕВАНІЕ ІЕРУСАЛИМА АРАБАМИ.

Патріархъ Соверній.

Изъ Александріи всталъ сильный протавуборникъ ереси, въ лицѣ священномонаха Совернія, который возвратился туда изъ Рима, по смерти блаженнаго своего учителя Іоанна Мокха. Патріархъ

* Ист. Флери кн. XXXVIII. 6—6.

Киръ далъ ему прочитатъ изложеніе своихъ догматовъ; и Софроній со слезами бросился къ ногамъ его, умоляя не отгнать ихъ въ соборной церкви; не послушалъ мудраго совѣта Киръ, ибо надѣялся тѣмъ привлечь на свою сторону всѣхъ Монофизитовъ, отделившихся отъ Церкви, и точно привлечь; но чрезъ это самъ отступилъ отъ православія, и съ тѣхъ поръ большая часть Египтянъ закоснѣла въ расколѣ, подъ народнымъ своимъ именемъ Коптовъ. Ревностный Софроній, не ожидая никакого успѣха въ Александріи, отплылъ въ Царьградъ; но тщетно убѣждалъ онъ Патріарха Сергія отступить отъ мнѣній Кировыхъ. Онъ принужденъ былъ возвратиться въ родственнѣйшій ему по сердцу Иерусалимъ, и тамъ волею Промысла, который воздвигъ его для соблюденія православія, единодушно избранъ былъ на кафедру Св. града, послѣ кончины знаменитаго Патріарха Модеста.

Первымъ дѣяніемъ Св. Софронія было созвать соборъ всѣхъ Епископовъ Палестины, для предупрежденія ихъ, противъ измѣненія Монофизитовъ, и написать соборную общительную грамоту къ Святителямъ старшихъ престоловъ, дабы наложить имъ исповѣданіе своей вѣры. Замѣчательно странное его посланіе къ Патріарху Сергію Константинопольскому, которое было отправлено также къ Павлу Остроуму; и въ послѣдствіи послужило правдомъ вѣры, на тиверинскомъ вселенскомъ соборѣ. Софроній начинаеть свое посланіе, горькими жалобами на то, что его извелили изъ мирнаго уединенія на

столь великую мредрю: : похотѣ : : палапастъ : : свое исповѣданіе, объясняя таинство Пресвятыя Троицы и опровергая всѣ богопротивныя ереси, особенно Нестеріа и Евтихіа, въ ясномъ свѣтъ выставляя спасительный догматъ воплощенія Христова, и двоякую волю въ единомъ лицѣ Богочеловѣка, : соотвѣтствующую двумъ его природамъ, божественной и человеческой. Онъ осуждаетъ также Оригена и анаематизуеъ всѣхъ еретиковъ, признавая за основаніе чистой вѣры: ршенія пяти вселенскихъ соборовъ, до него бывшихъ; но, не смежая на заблужденія Патриарха Сергіа, весьма скромно изъясняетъ ему истину, порукая себя епо, молитвамъ, и уже предвизая грозу Сарацинскую, предстоящую Св. граду, такъ заключаетъ свое посланіе: «помолись о нашихъ Императорихъ Иракліѣ и сынѣ его Константѣ, дабы Господь далъ имъ побѣду надъ всеми варварами, и манпате дабы смирили надмѣяность Сарациновъ, которые, по грѣхамъ нашимъ, столь печально противъ насъ востали и все вокругъ опустошаютъ съ несчастивою дерзостію.»

Заботясь столько же о благѣ вселенской Церкви, сколько и о собственной цастви, обурываемой внищными бѣдствіями, Софроній обратъ, да шестисотъ отрывковъ изъ Св. отецъ, противъ ереси Моисеелитовъ, для ихъ обвиненія; видя же, что ничто не усииваетъ, а враги умножаются, онъ рѣшился въ Римъ исхатъ подкращенія истинъ, ибо на зналъ еще, что и Пала Флорій зналъ въ заблужденіе,

Призвать Стефана, Епископа Доры, благочестивый Софроній повелъ его на Голгоу и сказалъ: «ты дашь отвѣтъ распятому на семь святомъ мѣсть, когда придетъ онъ судить живыхъ и мертвыхъ, если пренебрежешь опасностію, въ коей обрѣтается святая вѣра; и такъ исполни то, чего я самъ не могу сдѣлать, ради набѣговъ Сарацинскихъ. Пошлиши, отъ сего края земли, предстать къ едрѣ Апостольской, гдѣ основаніи чистой вѣры; открой святыхъ мужамъ, собраннымъ тамъ, все что здѣсь пренесло, и не престань умолять ихъ, доколѣ не осудятъ соборно сего новаго лжеученія.» Стефанъ, утраченный симъ заклинаніемъ и убѣжденный мольбами многихъ Епископовъ Востока, поспѣшилъ въ путь и, не смотря на все препятствія со стороны Моноотелитовъ, и на опасности отъ Сарацинъ, достигъ благополучно Рима; но уже не засталъ въ живыхъ Папу Онорія и присутствовалъ въ послѣдствіи на соборахъ его преемниковъ, для утвержденія православія.

Страшная гроза, которую видѣлъ Софроній, возстающею отъ юга на Іерусалимъ, и которая надъ нимъ разразилась, еще во дни его святительства, была новая вѣра лжепророка Магомета, возникшая, какъ вѣкій пустынный вихрь, изъ песковъ Аравіи, и проповѣданная оттолѣ оружіемъ во вселекной; кровь и пламя знаменовали путь ея и предѣлы. Сбылось предсказаніе Ангела Агаря, скитавшейся некогда въ пустыни Аравійской, съ отрокомъ своимъ Измаиломъ: что онъ будетъ мужъ дикій, и руки его на всѣхъ, и рука всѣхъ на немъ,

и что вселится съ оружіемъ предъ лицомъ братій своихъ, чадъ Авраамовыхъ, влоситинъ и духовныхъ. Отъ колѣна Исмаилова возникъ Магометъ, изъ племени Корешитовъ; испытанный нищетою, скитался онъ съ верблюдами по пустынямъ, продавалъ созерпаніи и почерная смазанныя пачитія, о Иудействѣ и Христіанствѣ, отъ расвященныхъ въ Аравіи Евреевъ и отъ нѣкаго еретическаго мнѣка Сергія, съ конемъ встрѣтился въ Во-стрѣ, во время своего странствованія, для купли житейской. Сорока лѣтъ выступилъ онъ на поприще міра, и убедилъ сперва, въ своемъ небесномъ посольствѣ, богатую вдову, на коей женился, племянника Алія, и честа по другой жонѣ, Абубекра, проповѣдывалъ единство Божіе посреди идолопоклонниковъ, признавалъ Пророковъ и посланниковъ Божіихъ, Ноя, Авраама, Моисея и Мессію, Господа Іисуса, чудно рожденнаго отъ Дѣвы, какъ Слово и Духъ Божій, но не распятаго за родъ человѣчскій, а спасеннаго будто бы тайно Богомъ изъ рукъ Евреевъ; признавалъ ветхій и новій заветъ, но въ искаженномъ видѣ, и составилъ, изъ отрывковъ священныхъ преданій, собственную книгу Коранъ; ибо себя выдавалъ онъ за исправителя Іудеевъ и Христіанъ, и за послѣдняго изъ пророковъ, обещаннаго Богомъ, для обращенія къ истинѣ всехъ народовъ; посему и изложилъ новое законодательство свое въ Коранѣ; повелѣвая всѣхъ покорять его ученію. Принужденный бѣжать изъ Мекки въ Медину, отъ возставшихъ противъ него Корешитовъ, въ 622 г. по Р. Х., онъ утвердился

въ Медвнъ. Бъство сие, по Арабски зтира, принимается на начало двостисленія у послѣдователей Магомета; семь лѣтъ спустя, побѣдителемъ выступилъ онъ опять въ Мекку, и уже въ часъ смерти, вся Аравія предложила предъ нимъ колѣна. Тестъ его Абубекръ принялъ послѣ него званіе Халифа, т. е. его наемъника или властителя всѣхъ правъ верныхъ, и собралъ въ одну книгу разсыпанные листы Корана.

Тогда выступилъ бурный потокъ войъ изъ предѣловъ Аравіи и разлился по вселенной. Сирія и Палестина, нрвы испытала силу фанатизма Магомета, и тамъ скоро подверглись жгучему, что еще не успѣли оправиться отъ опустошеній Персидскихъ. Малые дружины Императора, который не ожидая, послѣ своихъ славныхъ побѣдъ, столь сильнаго нападешя съ юга, отъ пренебрегаемыхъ имъ Сарацинъ, не могли защитить безлюдныхъ городовъ. Въ окрестностяхъ Газы были первые сраженія Грековъ съ Арабами, которые предлагали миръ и братство, съ однимъ лишь условіемъ: — принять ихъ въру, и все предавали огню и мечу, если отвергали Коранъ. Амру, Каледъ, Обейдъ, были вождями neodолжныхъ дружинъ, и уже предъ ними пали главные города Сиріи, Востра и Дамаскъ, когда Халифъ Омаръ заступилъ мѣсто Абубекра. Долго очередь до Иерусалима, ибо, по общему совету старшинъ Арабскихъ и по улаженію, какое издали послѣдователи джипророка къ сему мѣсту погребенія истинныхъ Пророковъ, они

жаждали овладѣть имъ: вѣсначалникъ Арабскій получилъ повелѣніе осадить Св. градъ. Императоръ Ираклій, послѣ паденія Дамаска, удалился съ войсками въ Антиохію, не въ силахъ будучи противустать новой бурѣ, какъ некогда Хозрою, и по свидѣтельству летописца Теофана, унесъ съ собою, изъ Іерусалима, честное древо креста, дабы оно вторично не досталось въ руки варваровъ, ибо предвидѣлъ, что не устоитъ противъ нихъ Св. градъ.

При первомъ повелѣніи Калифа, пятидесяти тысячъ отрядъ войскъ Арабскихъ, подъ начальствомъ Абу Софіана, подступилъ къ стѣнамъ Іерусалимскимъ, и мало по малу собрались другія войска **. Всѣ предложенія о сдачѣ были отвергнуты и отбиты первыя приступы, продолжавшіеся въ теченіе десяти дней. Главный воевода Обедъ, приведшій съ собою остальныхъ дружины, думалъ устрашить осажденныхъ, зрѣящемъ своихъ несмѣтныхъ полчищъ, и написалъ къ нимъ письмо такого содержанія: «мы требуемъ отъ васъ, чтобы вы признали единого Бога и Магомета его пророкомъ, и страшный день судный, и что мертвые возстанутъ изъ гробовъ. Когда обнарудете сіе исповѣданіе, намъ уже нельзя будетъ проливать крови вашей, ни расхищать имущества и чадъ вашихъ; если же отречетесь отъ сего, то должны платить дань; иначе пошлю противъ васъ людей, которые болѣе любятъ смерть, нежели сколько вы сами любите

* Флери, кн. XXXVIII, гл. 5. ** Marigny, histoire des Arabes, т. I, р. 273—290.

упиваться виномъ и пресыщаться свинымъ мясомъ; и я не оставлю васъ, если сіе угодно будетъ Богу, доколь не поработю васъ и дѣтей вашихъ, истребивъ и тѣхъ, кто за васъ сражался.» Надпись этого письма была: «именитымъ гражданамъ Эліи,» ибо такъ называли Іерусалимъ Арабы; но не устрашились угрозъ мужественные воители Св. града и, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, продолжались непрестанныя вылазки, стоившія много крови и осажденнымъ и осаждавшимъ. Положеніе сихъ послѣднихъ было еще затруднительнѣе, отъ чрезвычайной колодной зимы, ихъ обурывавшей подъ шатрами.

Патріархъ Софроній, все еще надеясь на занятіе Ираклія, поддерживалъ речами своимъ мужество гражданъ и возбуждалъ ихъ къ покаянію. Намъ сохранилась проповѣдь его на Рождество Христово, въ коей оплакивалъ, что не можетъ совершать молитвы, надъ колыбелію Вифлеемскаго младенца, по случаю осады: «Пастыри, говорилъ онъ, имѣли утѣшеніе пойти въ Вифлеемъ поклониться тамъ Спасителю міра и не страшились никакого препятствія. Волхвы отъ Востока, руководимые звездою, посланною имъ отъ Бога, на пути въ Вифлеемъ, заботились только о томъ, кого искали и нашли, съ радостію великою, повѣтаго пеленами въ убогихъ ясляхъ; въ нихъ познали они Бога, Господа и Спасителя міра, хотя божество его не могло быть зримо тѣлесными очами, подъ покровомъ его человечества. Мы же, ради безчисленныхъ грѣховъ нашихъ, не можемъ

участвовать въ семь блаженствъ, будучи принуждены оставаться заключенными въ стѣнахъ нашихъ, и хотя мы не связаны узами, однако страхъ Сарацинскій удерживаетъ насъ паче всякихъ узъ. Конечно вѣпою тому грѣхи наши; ибо если бы достойны были участвовать въ утѣшеніи пастырей и волхвовъ, и мы могли бы, подобно имъ, идти въ сей любезный намъ Вифлеемъ, издали только нами видимый теперь, хотя онъ такъ близко отъ насъ, и мы бы тамъ воспѣли пѣснь святыхъ Ангеловъ: слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ челоуѣкахъ благоволеніе! Помстимъ, мы можемъ воспѣвать и здѣсь сію пѣснь, но мы не имѣемъ утѣшенія видѣть святыхъ яслей и той дивной и небесной пещеры рождества, которой мы сдѣлались недостойными по грѣхамъ нашимъ. Мы подверглись участи перваго нашего праотца, когда онъ былъ изгнанъ изъ рая и поселился прямо рая, имѣя предъ собою огненный мечъ Херувима, воспрещавшаго ему входъ. Не сего пламеннаго оружія мы страшимся, горѣвшаго во вратахъ Эдемскихъ, но земнаго оружія варваровъ, и находясь недалеко отъ Вифлеема, не можемъ въ него проникнуть. И такъ углубимся въ самихъ себя, обратимся къ Господу, оставимъ дѣла нечестія, которыхъ столько гнушался сей божественный Младенецъ, и мы еще будемъ смѣять имѣть утѣшеніе поклоняться ему на томъ мѣстѣ, гдѣ благоволилъ родиться, дабы тамъ вознести предъ нимъ наши молитвы.» Такъ возбуждая Св. Софроній плачу-

* Vie des peres, liv. VII, ch. 36.

щій народъ къ покаянію , подобно древнему Пророку Іонъ, проповѣдавшему покаяніе въ Ниневіи.

Однакоже постоянство , съ какимъ непріятель переносили всѣ трудности долгой осады , поколебало наконецъ твердость осажденныхъ ; они стали опасаться совершеннаго раззоренія Св. града и , послѣ двухлѣтней обороны , старѣйшины рѣшились вступить въ переговоры съ самымъ краткимъ изъ военачальниковъ Арабскихъ , Обендомъ , который , по промыслу Божию , занялъ мѣсто жестокаго Каледа , раззорителя Востры и Дамаска. Они умолили своего Патріарха , принять на себя столь опасное дѣло , и не отрекся благой пастырь положить , въ случаѣ нужды , душу свою за овецъ своихъ. Софроній потребовалъ свиданія съ Обендомъ и , въ долгой бѣсѣдѣ , старался тронуть его , святостию мѣста и великими воспоминаніями , внушая ему , что и самое небо накажетъ гнѣвомъ своимъ всякаго , кто дерзнетъ вступить непріятельски въ завѣтныя стѣны.

«Знаю , отвѣчалъ вождь Арабскій , что Іерусалимъ , мѣсто рожденія и погребенія многихъ Пророковъ , и даже , изъ сего вменитаго города , собственнй нашъ пророкъ Магометъ былъ однажды ночью восхищенъ на небо и приблизился къ Господу , на два вержемя стрѣлы. Мы его ученики и посему болѣе васъ достойны владеть святынею ; и такъ не оставимъ осады , доколѣ Богу не угодно будетъ предать намъ сей городъ , подобно какъ и многіе другіе.» — Такъ передаетъ бѣсѣду сію

Арабскій эмиръ Алванедъ. — Тогда Патріархъ Софроній, видя, что уже не останется никакой надежды, старался только сдать городъ на выгодныхъ условіяхъ, и опасаясь жестокости варваровъ требовать, чтобы на уваженіи къ столь священическому мѣсту, самъ Халифъ пришелъ принять одну изъ рукъ Христіанъ. Согласился Обедъ, и немедленно подалъ вѣстива въ Мекку, убедити Омара къ исполненію сего условія.

Раздѣлилось мнѣніе совѣтниковъ Халифа: Отманъ, будущій его преемникъ, противился такому снисхожденію къ Христіанамъ, недостойнымъ чести видѣть лице его; но племянникъ Магомета, Али, утверждалъ напротивъ, что не должно проливать крови вѣрныхъ дружинъ, если одно присутствіе Халифа можетъ покорить городъ, и Омаръ собрался въ путь, въ совершенной простотѣ древнихъ патріархальныхъ нравовъ Востока. Два мѣха съ пшеницею и плодами, и мѣхъ воды, составляли весь запасъ его пищи, на томъ же верблюдѣ, на коемъ сидѣлъ; совершенная прѣстота сія привлекала ему любовь многочисленныхъ подданныхъ. Такъ прибылъ онъ въ станъ Іерусалимскій, путемъ горы Масличной, и послѣ утренней молитвы, осудилъ многихъ, за непозволительную роскошь одежды, ибо опасался, чтобы богатство не утѣсило воинственнаго духа послѣдователей Магомета.

Христіане Іерусалимскіе, услышавъ о прибытіи Халифа, послали избранныхъ мужей своихъ въ станъ, и послѣ многихъ совѣщаній, Омаръ подо-

жить слѣдующія условія, которыя послужили образцомъ для всѣхъ будущихъ, при завоеваніи городовъ: «Христіане не будутъ строить новыхъ церквей ни въ городѣ, ни въ окрестностяхъ, и препятствовать входить въ синаги Мусульманскія, ни днемъ, ни ночью; двери ихъ должны быть отворены всѣмъ милолюбивымъ. Если странствующій Мусульманинъ останется въ ихъ городѣ, они обязаны содержать его три первые дня. Христіане не могутъ учить дѣтей своихъ Корану или говорить открыто о своей вѣрѣ; коими паче убѣждать къ ея принятію и удерживать другихъ отъ Магометашества. Имъ не дозволено одѣваться подобно Мусульманамъ, ни носить ихъ чалмы и обуви; они не будутъ говорить языкомъ Арабскимъ, ни даже называться именами Арабскими. Каждый Христіанинъ долженъ вставать предъ Мусульманиномъ, чтобы воздать ему должную честь, и стоять пока тотъ не сядетъ. Христіане не будутъ продавать вина, ни держать у себя рабовъ, бывшихъ въ услуженіи у Мусульманъ; не позволено имъ совершать крестные ходы по улицамъ, гдѣ живутъ Мусульмане, или ставить кресты на церквахъ своихъ, и звонить въ колокола.» Халифъ далъ отъ себя краткую охранительную грамоту Христіанамъ Іерусалимскимъ: «во имя Бога милостиваго и милосердаго, Омаръ, сынъ Хаттиба, даруетъ безопасность народу города Эліа, какъ самимъ гражданамъ, такъ и ихъ женамъ и дѣтямъ, имуществомъ и всѣмъ ихъ церквамъ; онѣ не будутъ ни сломаны, ни закрыты.» Но Халифъ, хотя и не кровожадный

по праву, не въ точности недолилъ свое обладаніе, ибо допустилъ войскамъ безднствовать въ городѣ и его окрестностяхъ. Двѣнадцать тысячъ воиновъ Греческихъ защищали Св. градъ и должны были выдти изъ него, подожнивъ оружіе; могли остаться въ немъ только туземцы, числомъ до пятидесяти тысячъ, которые все, кроме старцевъ и дѣтей, обложены были данію, отъ трехъ до пяти золотыхъ*.

Побѣдитель вошелъ въ Іерусалимъ, съ видами великаго благоуспѣха: ибо по чрезвычайнымъ судьбамъ Св. града, онъ не только есть святилище Христіанъ и Евреевъ, но и Магометанъ, уважающихъ въ немъ мѣсто Соломонова храма, откуда, по ихъ преданіямъ, лжепророкъ возшелъ на небо. Халифъ облеченъ былъ, ради смиренія, въ верблюжью убогую власяницу, хотя и окружала его блестящая дружина. Съ тяжелою скорбію въ душѣ, пришелъ встрѣтить завоевателя, во вратахъ покореннаго имъ города, блаженный пастырь Іерусалимскій Софроній, когда уже не могъ болѣе защитить паству свою отъ враговъ**. Халифъ благосклонно принялъ великаго мужа. Церква, распрашивая съ любопытствомъ о древностяхъ Св. града и пожелавъ видѣть храмы. При посѣщеніи перваго изъ нихъ, онъ спросилъ Патріарха: можетъ ли совершить въ немъ молитву? и услышавъ горькій отвѣтъ: что все въ его власти, вышелъ вонъ изъ храма безъ моленія. Такъ поступилъ и во всѣхъ прочихъ церквахъ,

* Lening, Comment. Kemalodin, p. 45. ** Marigny, Histoire des Arabes, T. I, p. 297.—298.

и остановился только въ главномъ соборѣ Воскресенія Христова. Тамъ, осмотрѣвъ прежде внутреннюю красоту зданія, преклонилъ колѣна на ступеняхъ храма и совершилъ намазъ или молитву; потомъ сказалъ Патріарху: «ты конечно осуждаешь мои своевольные поступки; но знай, что я такъ дѣйствовалъ изъ уваженія къ тебѣ, для того, чтобы вамъ сохранить обладаніе вашими церквами; ибо если бы я въ нихъ совершилъ свою молитву, Мусульмане стали бы у васъ ихъ оспаривать и непременно бы овладѣли, по тому праву, какое имѣютъ молиться, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ молился ихъ Халифъ.»

Тогда Омаръ велѣлъ принести себѣ условія, о сдачѣ Иерусалима, и прибавилъ, собственною рукою, что Мусульманамъ дозволяется только приходить молиться на ступеняхъ или въ преддверіи Христіанскихъ храмовъ, и что ихъ мусезимы, или глашатаи, не могутъ на сихъ мѣстахъ призывать къ молитвѣ. — Такъ рассказываетъ лѣтописецъ Арабскій Алвакеди; но мѣстное преданіе говоритъ, что когда Халифъ хотѣлъ совершить свою молитву въ храмъ Воскресенія, мужественно воспротивился ему Патріархъ Софроній, напомявъ условія мира. Послушалъ старца Омаръ, и въ виду храма велѣлъ разостлать коверъ, для совершенія первой молитвы въ стѣнахъ Св: града, который и у Арабовъ называется Эль-кодсъ; т. е. святымъ. Мѣсто сіе обозначено и донинѣ, малою мечетію съ высокимъ минаретомъ, свидѣтельствующими ревность благочестиваго пастыря о спасеніи святинища.

Историки Арабскіе, восхваляя благочестіе своего Халифа, утверждаютъ, что онъ спросилъ Патріарха, о мѣстѣ Соломонова храма; и ему указали камень, на коемъ спалъ Іаковъ, когда видѣлъ во снѣ небесную лѣстницу. Мѣсто сіе было въ совершенномъ запустѣніи у Христіанъ, ибо они не хотѣли касаться развалинъ древняго храма, когда самаря основаніи его еще недавно были сожжены; чудеснымъ огнемъ, при ступеніи Императоръ Іуліанъ. Омаръ оскорбился такимъ пренебреженіемъ мѣста, священнаго по его мнѣнію; онъ началъ самъ спосить съ него нечистоту, въ помятой своей одеждѣ, и вся дружина ему подражала, такъ что въ короткое время очистились развалины и открылся совершенно мнимый камень Іакова; Халифъ, преклонивъ на немъ колѣна, совершилъ молитву, и въ уваженіе къ памяти Патріарха Іакова; но камень сей, по мнѣнію Христіанъ, есть тотъ, на коемъ остановился Ангелъ смерти, поразившій Израильскій народъ во дни Давида. Лѣтописецъ Греческій Софроній со слезами сказалъ: «теперь истинно будетъ назваться святому та мерзость запустѣнія, о коей предрекалъ еще Пророкъ Даніилъ!» ибо обломки древняго святилища Іудейскаго, отверженнаго за грѣхи народа, обновлялись новыми врагами имени Христа. Такъ какъ Омаръ молился среди развалинъ и землею работою измаралъ свою одежду, Софроній предложилъ ему отъ себя чистое одѣяніе; но Халифъ согласился только принять оное на то время, пока замышлется его собственное. Тотъ же

мъстивость свидѣтельствуеть, что несомненно дѣтъ сироты, когда уже началъ сооружать мечеть свою Омаръ, — зданіе не могло держаться твердо на основаніи; онъ спросилъ о причинѣ сего явленія, и Евреи ему объяснили, что мечеть не утвердится, доколѣ будетъ стоять крестъ на противуположающей горѣ Елеонской. Святіе креста украсило мечеть, и въ послѣдствіи враги имени Христова стали снимать всѣ кресты съ церкви Иерусалимскихъ.

Омаръ пробылъ некоторое время въ Иерусалимѣ, чтобы устроить дѣла завоеванныхъ имъ областей; онъ ввѣрилъ правленіе Палестины и Иерусалима Абу Софиану, который прежде всѣхъ подступилъ къ Св. граду, и повелѣвъ воеводамъ, Обенду и Амру, продолжать завоеванія въ Сиріи и Египтѣ, самъ возвратился съ торжествомъ въ Медину. Новые успѣхи ознаменовали оружіе Арабовъ; имъ содѣйствовало малодушіе войскъ Грековъ, при иеролометѣ некоторыхъ изъ вождей. Скоро палъ Алепъ, и самъ Императоръ Ираклій, на время затворившійся въ Антиохіи, принужденъ былъ удалиться въ Царьградъ, отъ превосмогавшей силы Арабовъ, которые овладѣли сию столицю востока. Обендъ сдѣлался правителемъ Сиріи; между тѣмъ, Амру изгонялъ изъ Палестины сына царскаго Константина. Сперва, при личномъ свиданіи съ Царевичемъ, военначальникъ Арабекій требовалъ отъ него или дани, или исповѣданія Магометанства; потомъ, побѣдивъ его въ сраженіи, при-

нудили заключиться въ стѣнахъ Кесаріи, и все по-морскіе города, оданъ за другія, покорились пра-гажъ. Услышавъ о паденіи Тира, Константинъ бѣжалъ въ Царьградъ и Кесарія сдѣлась военачал-нику Арабскому. Завоеваніе всей Палестины и по-морія было столь быстро, что оно казалось болѣе путешествіемъ, нежели походомъ. Тогда обратил-ся Амру на Египетъ и покорилъ его стольже не-ожиданно. Александрія одна противустояла долгой осадъ, — съ ея паденіемъ прекратилось владыче-ство Императоровъ Греческихъ на Востокъ *.

Не вынесла столькихъ горестей пламенная ду-ша Патріарха Софронія, исполненнаго ревности къ Богу и любви къ своей паствѣ, которую старался защищать предъ лицомъ завоевателя Арабскаго, съ мужествомъ, достойнымъ великаго святителя Хри-стова. Три года спустя послѣ взятія Іерусалима, когда уже оружіе Арабовъ распространилось по всей Сиріи и Египту, и пали подъ иго ихъ два другіе патріаршіе престола, Александріи и Антиохіи, святыи Софроній отошелъ къ Господу; съ нимъ надолго закатилась слава Іерусалима, и Церковь вселенская утратила въ немъ одного изъ величай-шихъ своихъ пастырей и ревнителей православія, Намъ осталась послѣ него сія вечерняя молитва, донинѣ пѣваемая въ православныхъ церквахъ Во-стока :

«Святе тихій, святая славы, безсмертнаго Отца небеснаго, святаго блаженнаго, Іисусе Христо, сра-
* 640 годъ. Четья Минея 11 Марта.

шодше на западъ солнца, видѣние свѣтъ дщерицъ,
проемъ Отца, Сына и Святаго Духа Бога. Достойнъ
еси, во вся времена, бытьъ быти гласы преподобны-
ми, Сыне Божій, животь дай, тѣмъ же мѣръ тѣ
славить.»

XVIII.

ХАЛИФАТЪ ОММІАДОВЪ.

Патріархи Осодоръ, Анастасій, Іоаннъ. Св. Андрей
Іерусалимскій.

Между тѣмъ продолжало распространяться вла-
дычество Магомета по ужаснувшемуся Востоку; тре-
тій Халифъ Отманъ, преемникъ Омара, сокрушилъ
древній престолъ Сассанидовъ, Царей Персидскихъ,
(столь долгое время враждебныхъ Императорамъ),
въ лицѣ послѣдняго Царя Издигерда, внука Хоз-
роева. Но и внутри необъятной державы Халифовъ
проливалась непрестанно кровь преемниковъ же-
нщины, ради приобритія его престола. Отманъ
палъ жертвою возмущившихся дретивъ него старей-

ниці, и племянникъ Магомета; Али, женатый на его дочери Фатимѣ, принялъ на краткое время бразды правленія, чтобы также пасть съ дѣлами своими, въ кровавомъ междоусобіи. Моавія, изъ могущественнаго племени Омміадовъ, назначенный, при Халифѣ Отманѣ, правителемъ Сиріи, утвердился независимо отъ Алія въ Дамаскѣ, и послѣ его бѣдственной кончины, принудилъ родъ Аліевъ уступить себѣ престолъ*. Не смотря на частыя смутенія, возникавшія противъ него въ Аравіи, двадцатилѣтнее царствованіе Моавіи было цвѣтущимъ временемъ Сиріи, и хотя онъ подступалъ съ судами своими къ Царьграду и велъ непреставную войну съ Императорами Греческими, однако искалъ приобрести себѣ любовь своихъ Сирійскихъ подданныхъ, всѣхъ исповѣданій; Христіане не терпѣли при немъ сильнаго гоненія, хотя дѣла церковныя пришли въ разстройство, отъ завоеванія Арабскаго.

Послѣ взятія Іерусалима, временно прекращаются о немъ лѣтописи церковныя и гражданскія, и мракъ неизвѣстности лежитъ на великихъ мужахъ, подвизавшихся въ окрестныхъ пустыняхъ; безъ всякаго сомнѣнія многія обители опустѣли при нашествіи Персовъ и Сарацинъ. Изрѣдка только, изъ актовъ соборныхъ, или лѣтописей Византійскихъ, или житія Святыхъ, проявляется нѣкое событіе, относящееся до Св. града, или возстасть, изъ его Епископовъ и ошельниковъ, какое либо свѣтлое лице, принимающее участіе въ дѣлахъ церковныхъ; все же прочее остается во мракѣ.

* 660 годъ.

Даже преемство святительское, на кафедру брата Божія, прервано было въ теченіе тридцати лѣтъ, послѣ кончины блаженнаго Софронія, и только мѣстоблюстители изъ Епископовъ Палестины, непрерывно наблюдали за осиротѣвшею паствою, а между тѣмъ ересь Моноселитовъ, поддерживаемая въ Царьградѣ, властію Императорскою и Патриаршею, распространялась по Востоку*. Сергій, Епископъ Іонній, еще послѣ перваго разоренія Персовъ, овладѣлъ самовольно мѣстоблюстительскимъ престоломъ Іерусалимскимъ и рукоположилъ, вопреки правилъ, нѣсколько Епископовъ въ сей церковной области, которые, чтобы удержаться на своихъ мѣстахъ, вступили въ общеніе съ Патриархомъ Павломъ Константинопольскимъ, Моноселитомъ, и тѣмъ возбудили смутенія въ Палестинѣ.

Старшій изъ Епископовъ Палестинскихъ, Стефанъ, посланный Св. Софроніемъ въ Римъ, для защиты православія, посреди безначалія своей родины и заблужденія Патриарховъ трехъ старшихъ престоловъ Востока, представилъ Папѣ Римскому Теодору блдственное положеніе Палестинской Церкви. Онъ самъ былъ назначенъ мѣстоблюстителемъ, съ властію низлагать Епископовъ, поставленныхъ Сергіемъ, если не присоединятся къ православію, но многія церкви остались безъ пастырей. Участие Папы, въ дѣлахъ не подчиненныхъ ему Церквей, не выходило изъ древняго порядка, ибо во дни общей опасности бывали и прежде подобныя примѣры Епископовъ, дѣйствовавшихъ властію Апостольскою,

* Истор. Флери кн. XXXVIII, гл. 34.

въ худшихъ или эпархіяхъ. Такимъ образомъ Св. Леонасій великій заботился о Церкви Антіохійской, и посланный имъ Лукиверъ, Епископъ Кагліарій, рукоположилъ тамъ пастыря, хотя в то время, котораго желалъ соборъ Александрійскій; Василій великій заботился также о Церквяхъ соседственной ему Арменіи, и Евсевій Самосатскій рукополагалъ тамъ Епископовъ, доколь миръ церковный не привелъ опять весь эпархію Востока въ установленный соборами порядокъ.

Неправильное наложеніе вѣры Императора Ираклія, въ пользу ереси Моноелитовъ, и несчастный указъ, подъ именемъ тѣна или образа, данный его внукомъ Константіемъ, который запрещалъ всякое разсужденіе о вѣрѣ, побудили Св. Папу Мартина созвать соборъ Латеранскій въ Римѣ, чтобъ спасти православіе*. Это была одна изъ самыхъ бедственныхъ эпохъ Церкви: Арабы Магометанскіе мечемъ и огнемъ распространяли повсюду вѣру свою; а между тѣмъ каедрны Восточныя заняты были Моноелитами. Епископы и многи Мелестинскіе, услышавъ о сознаніи собора, поспѣшили прислать въ Римъ мѣстоблюстителей, въ надеждѣ на умиротвореніе своей Церкви. Предстоятелемъ ихъ былъ Стефанъ, Епископъ Доры; въ пространномъ прошеніи, жаловался онъ собору на безпорядки Востока, напомнилъ, какимъ образомъ еще блаженный Софроній заклиналъ его идти въ Римъ и какъ поручено ему было наблюдать за Церковію Мелестинскою, и

* 649 годъ.

умолять не презрѣть православныхъ Епископовъ и народовъ Востока, но съязомъ своихъ повелѣній стереть съ лица земли остатки ереси Аполлинаріевой и Северовой, которая опять возобновилась.

Тоже повторили многіе архимандриты и игумены Греческіе, изъ коихъ нѣкоторые уже давно жили въ Римѣ, а другіе прибыли на соборъ. Но въ ихъ смиренномъ прошеніи замѣтна неколебимая приверженность къ православію, основанная не на слѣпомъ довѣрїи къ Папѣ или Епископамъ, которыхъ умоляли утвердить католическое ученіе, въ двухъ воляхъ и двухъ природахъ въ Господѣ Иисусѣ Христѣ. Такъ укрѣпилъ ихъ своимъ ученіемъ въ истинѣ блаженный Патріархъ Софроній. — «Знайте, говорили они, что если вы рѣшите иначе, чему мы даже не можемъ и повѣрить, то мы свидѣтельствуемъ впередъ, что не примемъ въ сѣбѣ участія, а для большей крѣпости, просимъ васъ перевести, со всевозможною точностію, на Греческій языкъ все, что вы теперь рѣшите, дабы испытать оное подробно, мы могли изъяснить и нѣмце согласіе.» Прошеніе было подписано пятью игумнами и тридцатью двумя иноками, между коими много находилось пресвитеровъ и діаконовъ, и во главѣ всѣхъ стоялъ Іоаннъ, священноархимандритъ великой лавры Св. Саввы. Желаніе ихъ было въ точности исполнено и акты соборныя разосланы Папою Св. Мартиномъ, по всему Западу и Востоку, за подписью всѣхъ Епископовъ.

Св. Мартинъ написалъ также окружныя посланія

къ Церквамъ Восточнымъ, возбуждая ихъ сохра-
нить согласіе съ Римскою и избѣгать общенія овла-
дѣвшихъ; неправедно креслами Александріи и
Антіохіи. Онь назначилъ соборно мѣстоблюстите-
лемъ Іоанна, Епископа Филадельфійскаго, по благо-
пріятнымъ о немъ отзывамъ Стефана, Епископа
Дорскаго, и инокова обители великаго Фердосія, до
времени избранія законнаго пастыря, дабы не
исстребилось совершенно священство, въ сихъ пре-
дѣлахъ; для сего внушалъ наполнять Церкви
каролинскія Епископами, священниками и діако-
нами, и искать обращенія отпавшихъ отъ право-
славія. Папа писалъ къ нему чрезъ архимандрита
Феодора и инокова обители Феоносіевой, Іоанна,
Стефана, и Деонтія, присутствовавшихъ на соборѣ
Антверпенскомъ, и возбуждалъ также другихъ благоче-
стивыхъ Епископовъ Палестинскихъ, содѣйствовать
мѣстоблюстителю Іоанну. Такова была ревность
Св. Мартина, который и самъ въ послѣдствіи по-
страдалъ за вѣру въ Царьградѣ. Императоръ Кон-
стантій послалъ его въ Харсонисъ Таврическій, гдѣ
иногда окончилъ дни свои. первый Епископъ
Римскій Св. Климентъ. Церковь Восточная была
точно въ самомъ бѣдственномъ положеніи, послѣ
упадка владычества Греческаго; въ Сиріи, пония-
лись Несторіане, Евстадіане или Іеремиты, въ Египтѣ;
Всѣ раздѣленія Христіанскія безразличны были
для Магометанъ; но оны болѣе благоприятствовали
тѣмъ изъ нихъ, которые чуждались общенія съ
Царьградомъ; самые Патріархи православные, въ

сихъ предлагать; стали называться Мелькитами, т. е. царственными, въ противоположность Иаковитскимъ, которые были враждебны Императорамъ. Наконецъ, уже во время владычества Халифа Моавинъ, поставленъ былъ въ Иерусалимъ Патріархомъ Іоаннъ, вѣроятно Филадельфійскій Епископъ, спустя двадцать девять лѣтъ послѣ кончины Софронія.

Но Досибей, утверждаетъ въ своей исторіи, что первымъ Патріархомъ, послѣ долгаго отсутствія катедры Св. града, былъ Θεодоръ, похвальный за свое православіе, и послѣ него Іоаннъ; по сказанію же некоторыхъ, Анастасій слѣдовалъ за Θεодоромъ, а за нимъ уже Іоаннъ, что достовернѣе, присовокупляетъ Досибей. — Однако на шестомъ вселенскомъ соборѣ, который созвалъ правнукъ Иракліевъ, Императоръ Константинъ Погопатъ въ Царьградѣ, для умирненія Церкви отъ ереси Монофелитовъ, Θεодоръ названъ только мѣтеобластителемъ престола Иерусалимскаго, а не Патріархомъ; вмѣсто него присутствовали Георгій, священникъ, и архидіаконъ Иерусалимскій Андрей, сидѣвшіе на одной сторонѣ съ легатами Папскими, такъ какъ оба престола, Римскій и Иерусалимскій, дружно подвизались за православіе.

Въ темную годину для Иерусалима, святымъ лицомъ Восточной Церкви явился блаженный Андрей, именованный отъ самаго дѣтства дѣтницею Вышняго. Онъ родился въ Дамаскѣ, отъ благочестивыхъ родителей, и былъ нѣмъ до семилѣтняго
 * 668 годъ. ** Кн. VI, гл. 19. *** Флери, кн. XII, гл. 49.
 681 годъ. **** Четья вынесъ 4 Юля.

въ первомъ дни чотырдесятины, дабы возбуди сердце мое сокрушенію: поразкаданнымъ, въ примерамъ паденія и восстанія грешниковъ, обоемъ правды, и добродѣтелями святыхъ; и его же третисны заключаетъ каждое повечеріе страстной седмицы, какъ достойный отголосокъ дивныхъ событій снѣ великихъ дней. Блаженный любитель пустыни долженъ былъ однако оставить свое безмолвіе, для Архіепископской кафедры острова Крита, куда выехала его воля Императора Юстиніана II, и, вмѣстѣ съ Патріархомъ Іерусалимскимъ Анастасіемъ, преемникомъ Феодора, опять присутствовать оному въ Царьградѣ, на соборѣ Трульскомъ, который доложилъ, наложеніемъ правилъ церковныхъ, двѣма двухъ предъидущихъ вселенскихъ соборовъ.

Это было горькая эпоха для Іерусалима, оставленнаго безъ всякой защиты со стороны Императоровъ, на произволъ Халифовъ. Между тѣмъ сынъ и внукъ сильнаго Моавин, какъ тѣни проскальнули на Дамаскомъ престолѣ, непрестанно воюемые племенемъ Аліа въ Аравіи. Мирванъ, также изъ рода Омйядовъ, принужденный бѣжать отъ оныхъ, вѣнчался въ Дамаскѣ вмѣсто семейства Моавин, и его пушественный сынъ его Абдель Медекъ наводилъ Арабамъ времена первыхъ Халифовъ. Намырившись совершенно одолѣть своихъ соперниковъ, въ Месопотамію и Мединѣ, оны заключилъ миръ съ Императорами Грецескими, и обидѣлся даже платитъ имъ ежегодную дань; а для того, чтобы отвѣстъ Магометанъ Сирійскихъ, отъ поклоненія ему, Аврааму для

1. 118 Origène; histoire des évêques, II. 123 p. 502 et 503. 1870

Набравши Мекку, и ястре, то оселобитъ: нравственное
 житіе своего сопотрипа: Абдашы, онъ учредилъ
 новое істрашеніе въ Іерусалимъ, для своихъ Под-
 данныхъ. Въсто чарнаго камня Авраамова, бли-
 зкаго предметомъ общаго уваженія Арабовъ въ
 Меккѣ; Халфеъ положилъ: посреди мечети Омро-
 вой, иинный камень Патриарха Іакова; на каемъ
 отдалека онъ; когда виднеть се: сия небесную
 лъстину, и съ того будто бы: иже пророкъ Маго-
 метъ: вознесся на небо. Должно: предполагать, что
 Абделъ Мелекъ, для той же цѣли, желая разши-
 рити мечеть Омарову въ Іерусалимъ, отнялъ, по
 еслоду: съ нею, у Христіанъ и знаменитую пер-
 ковъ: введени въ храмъ Возней Матери, сооруже-
 ную: великимъ Іустиніаномъ; ибо никто: другой изъ
 Халфеовъ: столько: не заботился о: украшеніи ме-
 чети Омаровой. Онъ сдѣлалъ: зады нею: новый
 куполь и: по описаніямъ Арабинимъ, всегда: высо-
 монаркамъ; устроилъ въ ней до: пятидесяти: дверей
 и: шесть: сотъ: столповъ; повѣсилъ: триста: восемьде-
 сять: шеть: серебряныхъ лампадъ; и: воздвигъ: по
 краемъ мечети: четыре: минарета, учредивъ: при ней
 до: трехъ: сотъ: священнослужителей. Такимъ обра-
 зомъ; вместо: одной; два: знаменитая: мечети: сдѣ-
 лались: предметомъ: благоговѣнія: Арабовъ: въ: Св.
 градъ: Эль-Мараъ, с. р. заштная, называемая
 еще: и Эль-Сахара, отъ лежащаго въ ней: камня, и
 Эль-Акса: или: отдаленная, отнятая у: Христіанъ.
 Камнеъ: хотѣлъ: также: воздвигнуть: и: драгоцѣнные
 мраморные: столпы: въ: Св. Геесимаміи; но: пред-

* Leming, Comment. libri Kemalodini p. 46.

мы привели, себя представляя Св. места по
прежнимъ и послѣдующимъ къ описаніямъ. Такъ
напримѣръ: Аркульфъ говоритъ о тройной стѣнѣ
храма, посреди коего стоитъ часовня Св. гроба; —
что иначе около часовни Св. гроба кругло
это справедливо и болѣе сходно съ нынѣш-
нимъ его состояніемъ, нежели три притвора о
коихъ писалъ Евсевій; но что разумѣлъ онъ
подъ тройною стѣною? развѣ дрежърусныя хоры,
изъ аркавъ вокругъ часовни, какъ мы и теперь
это видимъ въ новомъ Иерусалимѣ, и чего не
понять Адамцанъ, опустивъ на своемъ планѣ
хоры, сіе до помоста, въ видѣ тройной стѣны?
Часовня же Св. гроба совершенно такова въ
описаніи Аркульфа, какъ и теперь, да и не могла
быть иначе, ибо она высѣчена въ скаль. По сло-
вамъ его, пещера обращена къ востоку и раздѣ-
лена на двѣ части; шесть человекъ могутъ сво-
бодно въ ней помѣщаться; наружность обложе-
на великолѣпнымъ мраморомъ, а на верху, надъ
малой главою, золотой дитой крестъ. Съ сѣверной
стороны, внутри вертепа, высѣчена гробовая цита,
въ семь футовъ длины, на край докелось боже-
ственное тѣло, и тамъ днемъ и ночью горятъ двѣ
издаты лампады. Большой серебряный крестъ воз-
двигнуть на Голгофѣ, на самомъ мѣстѣ распятія
Господня. Аркульфъ упоминаетъ еще о серебря-
номъ потирѣ, съ двумя ручьями, служившемъ для
тайной вечери, въ коемъ хранилась и дуба, напои-
вшая жедчно распятаго Спасителя.

Во времена Аркульфа, свитой градъ былъ обнесень крѣпкою стѣной, съ осьмидесятью четырьмя башнями и шестью вратами, что объясняетъ его двухлѣтнюю защиту противъ полчищъ Арабскихъ. Ежегодно, въ день воздвиженія, все окрѣстѣе народонаселеніе стекалось туда на торжище, и нечистота, накоплявшаяся въ теченіе нѣсколькихъ дней отъ множества коней, воловъ и верблюдовъ, внезапно сметаемая была большимъ дождемъ, который падалъ тотчасъ послѣ праздника, такъ что весь соръ стекалъ въ долину Иосафатову и Кедронскимъ потокомъ въ Мертвое море. На вершинѣ горы Элеонской, церковь безъ крыши ограждала то мѣсто, гдѣ въ послѣдній разъ ступила на землю стопа Спасителя; предъ вознесеніемъ на небо; церковь сія была осьмиугольная, и въ каждомъ изъ ея стеклянныхъ оконъ горѣла лампада; ночью отрадный свѣтъ ихъ проливался на всю гору Элеонскую, въ видѣ небеснаго яркаго вѣнца. При Аркульфѣ еще стоялъ посреди Иордана большой деревянный крестъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ крестился Спаситель, и даже высочайшій каменный мостъ соединялъ оба берега священной рѣки; малая церковь означала мѣсто, гдѣ лежала одежда Христова, во время его крещенія, а неподалеко находился пространный монастырь во имя Св. Іоанна Предтечи. Тридцать лѣтъ спустя послѣ Аркульфа, другой Епископъ, Виллибальдъ Саксонскій, съ дѣсятью спутниками, посетилъ Св. мѣста; но его путешествіе не заключаетъ въ себѣ ничего особенно замѣчательнаго. Онъ засталъ пятнадцать

длина въ Св. гробѣ, вмѣсто дванадцати; видѣн-
ныхъ тамъ Аркульсомъ, и уже въ его время не
существовалъ каменный мостъ чрезъ Иорданъ; но
протянутая съ берега на берегъ веревка, помогала
Христіанамъ переходить чрезъ бурный потокъ его
для выдерживать стремленіе водныхъ волнъ.

Сынъ Халифа Абдель Мелека, Валидъ, распро-
стрилъ, чрезъ своихъ военачальниковъ, славу ору-
жія Арабскаго, по сѣверу Африки даже до Испа-
ни; но онъ не былъ столь снисходителенъ къ
Христіанамъ, какъ отецъ его, ибо отнялъ у жите-
лей Дамаскихъ и разорилъ до основанія великолѣп-
ную церковь Іоанна Предтечи, чтобы воздвигнуть
на ея мѣстѣ мечеть. Халифъ Омаръ, второй име-
немъ, испуганный страшнымъ землетрясеніемъ, сло-
жилъ вину гнѣва Божія на Христіанъ и многихъ
сталъ обращать силою къ Магометанству; онъ за-
претилъ имъ употребленіе вина, по заповѣди Ко-
рана, избавляя отъ податей отступниковъ въры, и
не велѣлъ принимать на судилищахъ свидетельства
Христіанъ противъ Магометанъ. Омаръ даже напи-
салъ догматическое посланіе къ Императору Льву
Исавру, восшедшему на престолъ послѣ истребле-
нія рода Иракліева, надвѣясь склонить его къ уче-
нію лжепророка; однако, по чувству справедливо-
сти, далъ обѣщаніе Христіанамъ Дамаскимъ, не
касаться болѣе ихъ церквей, за тотъ храмъ Пред-
течи, который у нихъ отнялъ его предѣльникъ.

При его наслѣдникѣ Іезидѣ, явился ложный

* Histoire de Jerusalem, Poujoulat, T. II. p. 300. * Ист. Флеры
кн. XII, 42.

раемся имѣть оное всегда предъ глазами, чтобы тѣмъ укрѣпить себя въ вѣрѣ истинному, а не мнимому его вочеловѣченію, какъ учили нѣкоторые еретики. Мы изображаемъ и пречистую его Матерь Дѣву, для вѣчной памяти божественнаго воплощенія, и ублажаемъ Мучениковъ, Апостоловъ, Пророковъ и всѣхъ Святыхъ, угодившихъ Богу, представляя подвиги ихъ на иконахъ, для возбужденія къ подражанію онымъ. Но чувствуя ихъ, какъ друзей Божіихъ, подобающаго единому Богу, а только утверждаемся сами, чрезъ посредство зрѣнія нашего, въ тѣхъ истинахъ, о коихъ слышали; ибо будучи облечены плотію, имѣемъ нужду въ чувственныхъ убѣжденіяхъ, какъ и въ духовныхъ для души.» Папа Римскій Григорій IV писалъ о томъ же къ Императору, угрожая ему возстаніемъ областей Италійскихъ, за поруганіе святыхъ; но ниждкія убѣжденія не могли остановить разъяреннаго Льва Исаврскаго. Первый пострадалъ Св. Патріархъ Германъ, и былъ изверженъ съ своею коадры; вмѣсто его заступилъ неустойчивый Анастасій; началось святоватное крушеніе: иконы въ палатахъ царскихъ и въ храмахъ столицы; распространившись и по другимъ областямъ имперіи; нова ересь: иконоборцы: и началъ себя медведь донаторей; и въ теченіе ста лѣтъ возмущала епикопство Церкви Восточной, и вскорѣмъ разъ начиняется и превращается, не смотря на драгоцѣнныя соборы; съдѣланъ. А было отложеніе этой Италіи отъ державы Восточной и независимость Епископовъ Римскихъ, которые, будучи гони-

ны Императорами, и работали въ санцахъ Королей Фрэнкнъ.

На Востоку, куда также распространилось гоненіе Исавра, возстало яркое свѣтло прадеславія, оварившее и утѣшившее, проткнивъ своимъ свѣтомъ, всю Палестину, — Св. Іоаннъ Дамаскинъ; онъ былъ свѣтильникъ горящій, предъ лицемъ Церкви, хотя и не на выседрѣ епископской; имѣя съ нащедо-веніемъ Мансура и Дамаскина, отъ его рода и мѣсна рожденія, ему сохранилось и следное имя Христоваго, т. е. златоструйный, по обильному потоку краснорѣчія, истекавшему изъ устъ его. Благородные предки Іоанна, въ тяжкую для Христіанъ годну, соблюдая свято зару свою, епископи, подобно Іессеу и Данилу, мнѣсть иноверныхъ властителей, и отецъ его Мансуръ былъ даже постатъ влеть отъ Халифа судцею градоникъ и блюстятелъ общественныхъ строеній. Пользуясь своимъ саномъ, много добра сдѣлалъ онъ единовѣрной брати, выкупая плѣнныхъ, освобождая узниковъ изъ землицъ и прощавая убогихъ. Подъ надзоромъ стольъ благочестивыхъ родителей, агрокъ Іоаннъ именуъ былъ, но храбрости войсконой или худежелуу чловѣческому, но страху Божию и разумнѣнъ свѣщенныкъ писаній, и родителъ его молитъ прильжне Бога, да помилуетъ ему наследникъ, му драмъ и благотворнѣнъ, ибо желде было въ Дамаскъ, амуניתъ наукамъ словеснымъ.

Или Уильяма Господь, его родителъ и одичилъ Сурраинъ, охолоднѣнъ и ошреснѣнъ, страданъ для

• Четвъ Милея 4. Декабръ.

Свѣтло и глинъ

платилъ Крестіанъ, привелъ съ собою санови-
таго внока, родомъ изъ Италіи, по имени Кос-
му, чтобы продать его на торжищѣ. Варвары
видя, что всѣ павинники, обреченные на казнь,
принадлежатъ къ ногашъ старца, спросили его: ка-
кимъ способомъ почтенъ онъ между своею братією? —
«Я только недостойный вникъ, и даже не священ-
никъ,» сказалъ имъ старецъ съ торжкими слезами.
Родители Іоанновы, стоявшие недалеко, хотѣли его
утѣшить привѣтливою речью: «зачѣмъ же наипаче
ты человекъ Божій, о разлуку съ миромъ, которо-
му ты давно умеръ? говорили они, и старецъ отвѣ-
чалъ: «не о живъ я плачу, но о томъ, что отхо-
жу безчадею.» — Изумленные такимъ отвѣтомъ,
они еще болѣе удивились, когда услышали, что
плачетъ не о плотскомъ насладіи, но о духовномъ;
ибо, какъ невозможное древо, никому не передастъ на
земль даннаго ему таланта.

Обрадовался отецъ Іоанна, обрѣтенію желаннаго
сокровища; онъ спросилъ себя у Халифа великаго
старца, звавъ его въ домъ свой и дая ему на воспи-
таніе Іоанна, сына своего, съ друтиемъ отрокомъ Іе-
русалимскимъ, Космою, котораго усыновилъ. Оба
достоинны были великаго своего учителя: Іоанна,
подобный парящему орлу, давно достигалъ высо-
кихъ таинствъ веры; Косма же, братъ его духов-
ный, какъ вѣтрій корабль, плывавшій по морямъ,
быстро протекалъ возглубины учения; и досель
ублаждаетъ ихъ вси Церковь, а также и гнилыя; каими
се уираемля? не по шара премудрости, возроставшю
въ нихъ и смиреніе.

Блаженный наш учитель видя, что уже подвигъ его совершился; сказалъ родителю Иоанна: «вогъ желаніе твое исполнялось и отроки не требуютъ болѣе наставника; и такъ отпусти меня въ обитали, дабы я самъ сдѣлался ученикомъ житія шоческаго, а отъ философіи — широкой перенять изъ духовной, которая одна лишь погребна для спасенія души.» Старецъ упоконился надъ юдошю плача, въ лагерь великаго Саавы; въ скоромъ времени преставившеся и родители Иоанна; но вѣдь Халиса, хотя и вопреки собственной, Иоаннъ былъ поставленъ на мѣсто отца своего Мансура, старейшина Крестанъ. Тогда возникло несчастное чюленіе Льва Исавра на чюны; Иоаннъ разжегся ревностно по благочестію, подобно Пророку Или, обличавшему Ахааву. Изъ великаго меча слова Божія, поражалъ онъ несчастное ученіе иконоборцовъ и залушннхъ риканія мѣшныя, грѣши окружными послоніями по всѣмъ православнымъ.

«Знаю, писалъ смиренный Дамаскинъ, что ради моего недостойнства, я бы долженъ былъ краснито въ чюное мбачаніе и довольствоваться поповъдѣніемъ грѣховъ моихъ Богу; но види Церковь, основанную на камнѣ, волнуемую страшною бурей по чютивану полевныиъ молчаніе, ибе и всего болѣе боеое Бога.» Знаю, что Тотъ, кто никогда не мбечеть; сказалъ: не сотвори себѣ кущира, ниже обикане подобна того, что на небѣшии подь земли; и по сему (показалось единнику Богу и ему) одному чюдану поклоненіе богослужедное. Не обоняю твари; истор. Флери, кн. XII, гл. 10, 11.

не Творца, ради меня сделавшагося тварію по моему подобію, и поклоняюсь тѣлу ево, какъ перенрѣ, обдѣкшей великаго Царя; дерзаю изображать Бога невидимаго по той мѣрѣ, какъ еси дамъ себя дайся намъ видимымъ. Но Господь сказалъ Моисею: не сотвори себѣ жупира; — аще ли же, какъ мыслить: сію самъ Моисей во второзаконіи; Господь глаголахъ намъ азъ среды огня, вы же: не видели никакаго образа; а только слышали гласъ его; для того, чтобы взрѣя на небо и видя солнце, луна и звезды, вы не обольстивши и не отади служить имъ. Видите ли, что намъ редиемъ его было, отадеъ азъ отъ поклоненія твари, а не Творца, и аще бы сія была для Евреевъ, ескорныхъ и идолослуженію. Намъ же, которымъ, благодатію Божію, дано лучше разумѣть естество Божіе, и которые уже прошли младенчество детскаго заблужденія; намъ извѣстно, что можно и чего нельзя изображать иконами. Можно ли сдѣлать изображение не имѣющаго ни образа ни предѣловъ, или выразить красками безцѣльнаго? не съгнать портъ, какъ изображенъ Господь, можемъ изображать его въ видѣ добіи, человеческаго, и живописать красками, а такъ и словами, рожденіе его, отъ Дѣвы, и крещеніе въ Иорданѣ, и преображеніе на Озарьѣ, святыхъ страсти его, ради насъ: похърылія, распятіе и похъребаніе, и воскресеніе и вознесеніе.

— II Двокое быдееъ поклоненія: одно, какъ бодот служебное, воздаемъ мы елиному, но аумислуду своему, а второе, аще елиному Богу, аще атракомъ рабскимъ или сыновнимъ, съ а выраженіемъ удивленія

оія святыни, дѣло рукъ человѣческихъ: есть ли что недостойное Господа? Но какими же образомъ, скинія и все, что она въ себя заключала, было; но выраженію Апостола, образомъ будущихъ благъ? Не ужали, одинъ и тоу же законъ, и запрещаетъ, и повелѣваетъ дѣлать образы? — или отвергни всякое поклоненіе, всякій обрядъ внѣшній, всякое уваженіе святыни, или признай, что можно почитать образы Бога воплощеннаго и его угодниковъ, и воздавать подобающее святыни*»

Все сіе подтверждалъ Дамаскинъ, свидѣльствами изъ Св. писанія и Св. отецъ, уважаемыхъ вселенскою Церковію, и такъ заключилъ: «благочестивые властители не дерзаютъ нарушать преданій отеческихъ и обрядовъ церковныхъ, ибо не они, но соборы судятъ подобные предметы, и на нихъ, а Апостоламъ своимъ и ихъ преемникамъ, вручилъ Господь Іисусъ Христосъ власть вязать и рашить. Мы повинемся тебѣ, Государь, во всемъ, что только касается до гражданской жизни, но въ предметахъ духовныхъ слѣдуемъ слову апостольнаго писанія.» Эти послѣднія слова показываютъ, кѣмъ еще во времена Св. Іоанна Дамаскина, т. е. въ половинѣ осьмаго столѣтія, не смотря на владычество Халифовъ Арабскихъ по всей Сиріи, Христіане восточные все еще съ надеждою обращали взоры свои къ Царьграду, отколѣ чаяли избавленія; ибо сохраняя законы Римскіе и языкъ Греческій, продолжали признавать законными своими государями Императоровъ Константинопольскихъ.

* Слово III. о иконахъ.

Послание Юлианы дошло до нечестиваго Дави
и возбудило ярость его. — Соединяя коварство со
злостью, онъ велѣлъ написать, сходно съ потерянн
свѣтло, послание, какъ бы отъ его имени, въ коем
Юлианъ умолялъ Императора, спасти Дамаскъ и
всѣхъ единоверныхъ отъ владычества Сарацинъ.
Минувшею сѣю посланію старавшись Императоръ къ
Халифу, при собственномъ царствѣ, и узнавъ его
въ своей ярости, совѣтовалъ казнить преступ
ника. Разгнѣванный, но никакъ оправданнымъ свѣ
тло, велѣлъ немедленно отвѣчь ему ту руку, кою
будто бы написалъ послание, и повѣстивъ ее на
торжищѣ. Къ вечеру, Юлианъ, зная, что уже мине
вался первый пылъ ярости Халифа, послалъ про
сить у него отсѣченную руку и, приложивъ ее къ
мышцѣ своей, со словами простерся предъ иконою
Пречистой Дѣвы; онъ молилъ Владычицу, ходата
йствовать предъ Сыномъ своимъ, о исцѣленіи
руки, дабы опять могла подвизаться въ аништу
привославія; тогда, въ сонномъ видѣніи, предстал
Юлиану Матерь Божія, исцѣляющая руку его: —
проснувшись, онъ осязалъ ее совершенно здоровою
и, въ радостномъ восторгѣ, воспѣлъ и всѣхъ новую
Господню и ея Пресвятой Матери.

Вѣсть, о чудесномъ исцѣленіи, дошла до Халифа;
Юлианъ исповѣдалъ предъ нимъ помяну, восприн
тую отъ иконы Пречистой Дѣвы; когда же вла
ститель Востока хотѣлъ облечь его въ оковы са
ноу, святой спаренно бросился къ ногамъ его
и молилъ только отпустить съ миромъ. Возвра
тись домой, Юлианъ освободилъ всѣхъ рабовъ

своихъ; роздалъ святыне ценнѣйшими и мѣстами дру-
гомъ своимъ Космою, пошелъ поселиться въ
лѣсахъ; въ лаврѣ великаго Саввы, молвилъ
онъ архимандриту принять его, какъ заблудшую
овцу, въ число братій. Обрадованъ настоятель
смиренію великаго мужа, ибо всѣмъ былъ извѣ-
стенъ Іоаннъ, но никто изъ опытныхъ старцевъ
лавры не рѣшался принять его къ себѣ на полу-
щаніе, зная его премудрость. Одинъ только старецъ
престой правомъ, согласился быть его руководи-
телемъ духовнымъ, и первую заповѣдь на-
ложилъ на него запрещеніе мудрствовать, письме-
но или словесно, дабы испытать, не превознесся
ли помыслъ его житейскаго славою.

Долгое время пребывалъ Іоаннъ при духовномъ
старцѣ, свято исполняя его заповѣдь, которая не
казалась тяжкою тому, кто оставилъ всѣ блага
міра для кроткаго ига Христова: но строгій на-
ставникъ хотѣлъ испытать еще его смиреніе, дру-
гимъ образомъ, болѣе чувствительнымъ для само-
любія. Онъ послалъ его продавать, за высокую
цѣну, ничтожныя кошицы, въ родственникъ ему
Дамаскъ, и, безъ малѣйшаго прекословія, пошелъ
Іоаннъ скитаться по торжищамъ роднаго города,
гдѣ каждый, видѣвшій его прежде во всемъ
блескъ мірскаго величія, дивился вольному обни-
щанію; не прежде возвратился онъ въ лавру, какъ
получивъ положенную цѣну за кошицы, отъ од-
ного изъ бывшихъ рабовъ своихъ, который при-
творился будто бы его не узнаеть, чтобы только
забавить отъ столь удивительнаго послушанія. . . .

Противъ одного лишь испытанія не устояло чувствительное сердце Дамаскина ; никто изъ иноковъ, потерявъ друга, съ горькими слезами просилъ его, написать духовную пѣснь ему въ утѣшеніе. Тѣтне отговаривался Іоаннъ своимъ образомъ, ещечинный якоже не преставае молить его, доколе законецъ, пренежнутый самъ его горемъ, изъ состраданія написалъ онъ тѣ дивныя стихи, которые и понынѣ поются надъ усопшими :

«Кая житейская сладость пребываетъ печали не причастна? ная ли слава стоитъ на землѣ непреложна? — вся снѣ немощнаѣша, вся соній прелестнаѣша ; единымъ мгновеніемъ и сіа вся смерть прииметь ; но во свѣтъ, Христе, лица твоего, и въ наслажденіи твоея красоты, его же избралъ еси, упокой, яко челоуколюбецъ.»

«Изъачу я рыдаю егда домышляю смерть, и вижу во гробѣхъ лежащую, по образу Божию созданиую красоту, безобразну, безславну, не имущую вида. О чудесе! что сіе еже о насъ бысть таинство? како предахомся тлѣннѣ? како сопрогодохомъ смерти? — во истинну Бога повелѣнемъ, якоже писано есть, подающаго преставльшемуся упокоеніе.»

Старець, уельнявъ Іоанна поющаго сіи дивныя пѣснѣ, изгнать непослушнаго изъ своей келліи. Напрасно просилъ весь монастырь помилованія благочестивому Іоанну ; неумолимый старецъ, глубоко проиниутый святостію иноческаго убѣта, полагае, что суетное самолюбіе могло подвигнуть Іоанна къ написанію надгробной пѣсни ; онъ далъ ему за выборъ, или удавнтся изъ лавры, или

идти считать все, ея сирадь. Но сколь удивно было его удивленіе, когда увидѣлъ знаменитаго лица, съ доплатою въ рукахъ, сирению немощнаго сіаго тяжкую апигимію. Тронутой до слезъ старецъ, также любилъ Іоанна и въ сердечной радости воскликнулъ: «сыны мой! твое послушаніе окончилось, ты совершилъ свой подвигъ! Отнынѣ воюми десятиструнный псалтырь Давида и воздѣль за Царемъ Пророкомъ, налей намъ твои высокія думы, въ трогательныхъ пѣсняхъ, вбо ты освѣтилъ ихъ, еще на днѣ души твоей, смракиемъ.»

Съ тѣхъ поръ, разраженный инокъ, исключительно посвятивъ небу свое вдохновеніе, и, въ остальные годы жизни, написалъ торжественнаго даваны Восточной Церкви. Тогда составлялъ онъ и октоихъ, или собраніе ирмосовъ на восемь разныхъ гласовъ, призывающа, къ принятымъ уже въ Христіанствѣ пѣснямъ, творенія субботенныя, по которымъ воила на всеобщее употребленіе. Много ему помогала другъ его Косма, Епископъ Константиин, котораго убедилъ онъ оставить архіерейство для иноческой жизни. Но творенія Дамаскина особенно отъ другихъ отличаются силою вдохновенія; онъ не исналь въ умѣ напряженныхъ выраженій, легко истекали онъ изъ пылкаго сердца, и потому въ лѣднѣкъ его такъ утѣшительно сливаются въра и любовь; — что можетъ сравниться съ его погребальными стихами, или съ вдохновеннымъ канономъ Насхи!

Въ лавра Св. Саввы и доселѣ показываютъ, въ одной изъ башенъ Іустиніановыхъ, тѣскую деланію

Иоанна, и видя, что малый предель, иже устроены
 ный во имя Ангела своего Предтечи; библиотека
 лавры, хранящаяся въ той же башнѣ, пояснилъ,
 почему Иоаннъ избралъ ее предпочтительно своимъ
 жилищемъ: Патриархъ Иерусалимскій Феодоръ, трид-
 цать пять лѣтъ занимавшій кафедру Св. гроба,
 оставивши въ пресвитеры Иоанна Дамаскина; изъ
 писана же его къ аввъ Георгію, противъ Анаста-
 сія, игумена обители Вавниіевоу, который непра-
 вильно отнескъ къ Сыну Божію трисвятую цѣль,
 являющу въ какихъ близинѣхъ отношеніяхъ, нехо-
 дила святой и съ предшественникомъ Патриарха
 Феодора, Иоанномъ Дамаскинъ, защищая его отъ
 нареканій Анастасія, говоритъ: «кто лучше меня
 зналъ мнѣніа блаженнѣйшаго Патриарха Иоанна?
 всяко духовное свое сужденіе передавалъ онъ
 мнѣ, какъ ученику своему; теперь же обвиняютъ
 его; когда уже онъ безгласенъ!» Не въ какое
 время Дамаскинъ былъ ученикомъ Патриарха, не
 видно изъ его жизнеописанія, которое, составивъ
 другой Патриархъ Иерусалима Иоаннъ. Намъ сохра-
 нилась еще, отъ сего великаго учителя Церкви, его
 пространная догматическая богословія, раздѣленная
 на четыре книги, которая и донынѣ служитъ вер-
 щиломъ православія для всего Востока; осталась
 также его обличенія ересей, и книга сравнитель-
 ныхъ изреченій отеческихъ съ текстами Св. писа-
 нію. Подобало столь великому святилу возсіять на
 терновѣхъ Церкви, обурываемой въ одно время Ха-
 лифами и Императорами; ибо сынъ Лива Исавра,

Константиль, проващный Копранимонъ, былъ до-
стойный преемникъ отцу въ иконоборствѣ.

Но иже Иоанна подвизался, въ составленіи
божественныхъ гимновъ, другъ и сотрудникъ его
Косма, отъ котораго имѣемъ умилительныя каноны
и трисъенцы, на всю великую четиридесятницу, и
особенно на святые дни страстной седмицы. Та-
кимъ образомъ, даже въ столь бѣдственную эпоху
для Христіанства на Востоку, мы обязаны Иеруса-
лимцу, лучшими цвѣтами краснорѣчія духовнаго и
вдохновенными гимнами Андрея, Иоанна и Космы.
Противъ своего желанія поставленъ былъ Косма на
кафедру мученика Петра, Епископа Маіумскаго,
который запечатлѣлъ святую жизнь, исповѣданіемъ
имени Христова. Разболѣвшійся, Петръ созвалъ къ
себѣ приверженныхъ ему сановниковъ Арабскихъ,
и сказалъ имъ: «молю Господа, дабы наградилъ
васъ за ваша постыженіе, и желаю, чтобы вы были
свидѣтелями моего завѣщанія. Всякой, кто нефи-
руетъ Отцу, Сыну и Св. Духу, Троицѣ единосущ-
ной, тотъ слѣдъ душою и достоинъ всякой казни,
какъ и лжепророкъ вашъ Магометъ, предтеча ан-
тихриста; и такъ, умоляю васъ, отрекитесь отъ
сего лжеученія; приемлю противъ васъ во свидѣ-
тели землю и небо.» Сановники, хотя и раздра-
женные такою рѣчью, потерпѣли ее изъ любви
къ Святителю, приписывая его обличенія болѣз-
ненному состоянію; но когда, исцѣлившись, онъ
громко возгласилъ опять анагему Магомету, и его
недѣлю книгу, и всѣмъ вѣрующимъ оной, то му-
жественному исповѣднику отсекли голову. Въ то

* Истор. Флери, кн. XLII, гл. 28, 29.

же время другому Петру, Митрополиту Дамаскскому, урвали волосы и сослали его въ счастливую Аравію, за то что онъ смѣло обличалъ, въ столицѣ Халдеи, нечестіе Арабовъ и Маннеговъ.

Война, предпринятая Констанциномъ противъ Арабовъ, была причиною гоненія Христіанъ; Халдеи Ишанъ воспользовался междоусобіемъ, возникшимъ между Императоромъ и зятемъ его, чтобы отравить оружіе Греческое и велѣлъ умертвить, по всемъ городамъ своей державы, военнопленныхъ. — Имъ предлагали отречься отъ Христіанства, для спасенія жизни; но они предпочли мученическую смерть. Желая еще болѣе потрясти державу Восточную, Халдеи покровительствовалъ самозванцу, который выдавалъ себя за Тиверіа, сына Императора Юстиніана, и послалъ его съ торжествомъ въ Іерусалимъ, а оттолкъ по всей Сиріи. — Однако Халдеи сей, современникъ Св. Іоанна Дамаскина, оказалъ и великую услугу опустившимъ кафедрамъ Антиохіи и Александріи; онъ позволилъ избрать въ Антиохіи, гдѣ уже со рокомъ лѣтъ не было Патріарховъ, благочестиваго мужа Стефана, котораго самъ полюбилъ и даже предлагалъ Христіанамъ возвести въ санъ сей: — отъ Стефана начался опять прерванный рядъ Святителей Антиохійскихъ. Въ то же время, Косма, Патріархъ Александрійскій, престою правами и ученіемъ, умѣлъ себя снискать довѣренность Халдеа, и пришедши въ Дамаскъ, испросилъ православыиъ въ церкви, которыя у нихъ отняли Іаковиты, со времени завоеванія Египта Арабами.

Состояніе православныхъ было тамъ столь убого, что имъ остались только двѣ обители: Св. Саввы въ Александріи и Св. Георгія въ старомъ Каирѣ и они посылали рукополагать своихъ Епископовъ къ Архіепископу Тирскому. — Патріаркъ Косма не только приобрѣлъ прежнія державы, но и самъ совершенно оставилъ заблужденіе Моноотелитовъ, которое господствовало въ Египтѣ около ста лѣтъ, со временъ Императора Ираклія и Патріарха Кира; онъ же, вмѣстѣ съ Патріархомъ Антиохійскимъ Θεодоромъ, и Θεодоромъ Іерусалимскимъ, по взаимному согласію, осудили и предали анаемъ, Косму Епископа Епифаніи Сирійской, обвиненнаго собственною властью, за то что расточилъ сосуды церковныя, и предался иконоборству.

Тяжкое бѣдствіе постигло Сирію и Палестину, во время святительства Θεодора: 18 Января 746 года, страшное землетрясеніе обрушило многія церкви и монастыри около Іордана, и наняче въ пустынь около Іерусалима, и хотя мы не знаемъ, какія именно погибли, но вѣроятно они болѣе не возставали изъ развалинъ, но недостатку средствъ, посреди бѣдственныхъ обстоятельствъ Палестины. Такимъ образомъ, мало по малу, угасали въ ней сіи мирныя обители, которыя процвѣтали съ такою славою въ пятomъ и шестомъ столѣтіи; и сколько еще подвиговъ великихъ отшельниковъ остались намъ неизвѣстными, во мракѣ сихъ печальныхъ временъ; ибо никому не пришло на мысль описать житія ихъ, какъ некогда Кириллу, Іоанну Моску и Сет

11. * 355 А. Флора, т. I. XIII. гл. 36. 18 Дт. Осод. стр. 654

фронію. Однако еще держались первостепенныя обители, служившія разсадниками прочимъ: лавры Фарауская и Сухумская Харитонія, и обители Евонмія и Θεоктиста, монастырь Θεодосія Киновіарха, и особенно великая и новая лавры освященнаго Саввы; имена ихъ нрѣдка проявляются, то въ лѣтописи, то въ посланіи какого либо святителя или аввы. Самый Іерусалимъ, какъ и вся Сирія, бывшіе предметомъ междоусобій упавшей династїи Халифовъ Омйадскихъ, переходили изъ рукъ въ руки. Послѣдній Халифъ изъ сего рода, Мерванъ, обрушилъ его стѣны; и по свидѣтельству Патріарха Досидея, въ теченіе сего смутнаго времени, Императоръ Константинъ, семь разъ отнималъ Св. гробъ у Сарацинъ, однако не могъ удержать въ своей власти. Непрестанныя сія осады могутъ дать понятіе о безстѣнномъ его состояніи; но ко благу Церкви, посреди безпорядковъ внѣшнихъ, долговѣствовали Патріархи Іерусалимскіе, и отъ того не опустѣла ихъ кафедра; послѣ 35 лѣтняго правленія Θεодора, Илія заступилъ его мѣсто, на столько же дѣтъ.

Кн. VI, гл. 40.

XX.

ХАЛИФАТЪ АББАСИДОВЪ.

Патріархъ Оона. Св. братья Феодоръ и Феофанъ, начертанные.

Въ половинѣ осьмага вѣка произошелъ важный переворотъ въ могущественномъ Халифатѣ Арабскомъ, который имѣлъ влияние и на судьбу Христіанъ Восточныхъ, ибо съ переменною династіею, измѣнилась и столица, перенесенная изъ Сиріи дальше на Востокъ*. Племя Омміадовъ, девяностолѣтъ занимавшее престолъ Халифовъ, по внутреннимъ своимъ раздорамъ, должно было уступить болѣе сильному племени Аббасидовъ, которое происходило отъ дяди лжепророка, Аббаса. Абдалла Сафи, старшій въ родѣ семь, былъ провозглашенъ Халифомъ въ Аравіи и вооружился противъ послѣдняго Халифа Омміадовъ, Мервана. Сирія, Палестина и Египетъ сдѣлались поприщемъ кровопролитныхъ битвъ, отъ которыхъ много пострадали

* Флери кн. XLIII, гл. 6.

Христіана, Наконенъ Марваць, ваятый въ цвѣтъ своимъ соперникомъ, былъ умаршленъ, и съ нимъ прекратился родъ Омміадовъ; одна только отрасль его, вѣтвила въ Испаніи. Абдалла воцарился по всему Востоку, и передалъ власть свою болѣе славному сыну Алмансору, при которомъ умножились гоненія претивъ Христіанъ. Патріархъ Іерусалимскій Досифей пишетъ, что дядя Халифа, Абдалла, предводитель Арабовъ въ Сиріи, сдѣлалъ много вреда Христіанамъ: сослалъ въ заточеніе Феодора Патріарха Антиохійскаго, за мнимыя, его сношенія съ Императоромъ Константиномъ; многіе храмы обратилъ въ стояла бессловесныхъ, не позволяя строить новыхъ церквей, ни выстарять наружу кресты, и обложилъ податію самыхъ пустынниковъ и столпниковъ, которые до того были свободны отъ всякой дани, по заповѣди Корана; ради сего притѣсненія, бѣдствующіе днѣи, принуждены были продавать или отдавать въ залогъ священные сосуды, чтобы только удовлетворять алчности жестокихъ правителей. Онъ запретилъ всеночныя бдѣнія, вѣроятно изъ опасенія ночныхъ собраний и заговоровъ, запретилъ Христіанамъ говорить даже о вѣрѣ съ Магометанами, или учить дѣтей своихъ другой грамотѣ, кромѣ Арабской, дабы не сроднились языкомъ Греческимъ съ подданными Императора, такъ что православные, по необходимости, принуждены были переводить на Арабскій языкъ всѣ свои богослужебныя книги, и самые учителя Церкви стали проповѣдывать на языкъ своихъ на-

святелей! Наконецъ, самъ Халивъ Алмансуръ, побѣдивъ для Богомодія Иерусалимъ, вѣнчалъ, по чувству ненависти и презрѣнія, налагать клейма на рукахъ Христіанъ и Евреевъ; отчего многіе изъ нихъ бѣжали къ Гренамъ.

Посреди такихъ гоненій, со стороны восточныхъ инопольныхъ, Церковь православная страдала еще отъ Императоровъ иконоборцевъ; ибо Константинъ, вполне достойный своего позорнаго имени Копронима, преслѣдовалъ всѣхъ исповѣдниковъ правой вѣры и соединялъ противъ нихъ несчастныя собораша, предавая анаемъ Св. Юанна Дамаскина, подъ именемъ Мансура, за его обличительныя писанія. Но къ славы Палестины отнести можно то, что въ ней находили себѣ убожище всѣ гонимые иконоборцами въ Царьградѣ. Св. Стефанъ, игуменъ обители Авксентіевой близъ столицы, величайшій исповѣдникъ сего времени, направлялъ туда иноковъ, изгнанныхъ изъ своихъ монастырей: ибо святители Св. града, Феодоръ и Илія, принимали ихъ, не смотря на гражданскія бѣдствія; обурывавшія собственную паству, а святые Дамаскинъ, Косма и иные аввы пустынные, горѣли какъ яркіе свѣтильники въ своихъ уединенныхъ лаврахъ.

Наконецъ, съ кончиною Копронима и сына его Льва Хазарскаго, временно прекратилось гоненіе и, по внушенію Патріарха Царьградскаго Тарасія, Императрица Ирида, съ сыномъ своимъ Константиномъ, созвала седьмой вселенскій соборъ въ Никей, для возстановленія Св. иконъ. Тарасій восполь-

своими и миромъ между Императоромъ и Халкедонцами, чтобы отринуть двухъ своихъ посланцевъ, съ окружными посланцами, съ Патриархами Александрии, Антиохіи и Иерусалима, умоляли ихъ преслать отъ себя, хотя двухъ вѣстоблюстителей, на соборы. Посланцы открыли своимъ посольствомъ двумъ именнымъ инокамъ Палестинскимъ, которые узнали ихъ отъ подозрѣній Арабовъ, чтобы не были приняты за ереладателъ; иноки же собрали тайно представителей главныхъ обителей и, подъ плащомъ, сообщили имъ великую тайну о соборѣ. Обрядованые пустынные старцы и со слезами поблагодарили Бога, за столь счастливую переизмену въ Царьградѣ, послѣ полуавказоваго нечестія: они не решились, однако, по известной имъ неопытности Магометанъ къ Христіанамъ, допустить поврѣненныя Тарасія, до свиданія съ Патриархами, и призвали ихъ къ себѣ, умоляли не нарушать мира церковнаго, слишкомъ открытымъ дѣйствіемъ, чтобы тѣмъ не умножать бѣдъ утѣшеннаго народа.

Огорчились такимъ предположеніемъ посланцы Патриархіе, говоря: «что они съ тѣмъ и пришли, дабы жертвовать своею жизнью въ пользу Церкви, въ исполненіе воли Императора и Патриарха,» и когда иноки Палестинскіе возвращали имъ: «отрѣче одинъ: они потерпятъ, но вся страждущая Церковь Восточная,» поврѣненные спросили: «какъ же имъ гонимая обратна къ посланцамъ ихъ?» Тогда иноки Палестинскіе избрали изъ своей среды двухъ имъ известныхъ мужей, но ревности къ вѣрѣ и

любимъ и удивленію, которыхъ оба были келейниками Патриарховъ, Іоаннъ Антиохійскій и Ѳома Александрійскій. «Вотъ, братія, время удобное для спасенія вашего, и подвигъ, превосходящій божество; сказали иже отцы Палестинскіе, идите съ нами посланными на соборъ и объявите отцамъ нашимъ и настоятелямъ словесно то, чего не можемъ мы написать на письмѣ. Вы знаете, какъ по мнѣньюшнему подозрѣнію, въ сообщеніи съ Греками, свѣтлѣйшій Патриархъ нашъ Илія былъ заточенъ; болѣе нежели за шесть сотъ поприщъ отъ Царьграда. Когда же совершится дѣло Божіе и открыются отцамъ нашимъ, какъ соблюдаются Апостольскія преданія въ Церквахъ Сирій и Египетъ, тогда возвратитесь опять въ любимое свое уединеніе.» Напрасно старались уклоняться избраннаго по чувству своего достоинства; онъ принужденъ былъ думать на себя должность мѣстобластителемъ Патриарховъ Восточныхъ, которые сами не могли даже отправить съ ними грамотъ. Такимъ образомъ, иски Палестинскіе опять спасли православіе на Востоку; какъ во дни ереси Евтихіевои; Іоаннъ представлялъ лице Патриарха Антиохійскаго Теодорита и Иерусалимскаго Иліи, а Ѳома Патриарха Александрійскаго Политіана, временника Космы; но на соборъ каждый изъ нихъ подписывался, какъ представитель всѣхъ трехъ Патриарховъ. Съ молитвою и слезами разстались они съ братією Палестинскою, которую уже не должны были болѣе увидѣть, ибо Іоаннъ навсегда остался въ Царьградѣ, а Ѳома одѣланъ былъ Архіеписко-

номъ Фессалонийскомъ. Изъясненъ великаго ревнителя православнаго, Св. Иоанна Дамаскина; обличены они истину, на соборъ Никейскомъ, какъ и прежде; именованъ Патриарха Софронія; Св. Андрей Иерусалимскій, гремятъ на шестоцъ вселенскомъ соборъ; такъ, даже и посреди бѣдствій Палестины, дважды изъ нее истекло шестое учене въры для утвержденія Церкви вселенской. После Патриарха Иліи оказывается опять разногласіе, у церковныхъ историковъ, въ предствіи Святителей Иерусалимскихъ. Флора называють нѣкоего Георгія, основываясь на словахъ писателя Александрійскаго, Натихія, и считають тридцать шесть лѣтъ его святительства, послѣ коихъ вступилъ на кафедру Фому, въ 811 году; но Патриархъ Досеей доставляють въ своемъ каталогѣ, Георгія преемде Фодора, но означая годовыице святительства; послѣ же Иліи немедленно ставятъ Фому, ибо известно, что онъ былъ современникъ славнаго Халфеа Аврона Альрашида; внука Алмансореца, при немъ временно отдохнула Церковь Палестинская. Вотъ что о немъ пишетъ Вильгельмъ, Архіепископъ Тирскій, въ летописецъ Крестовыхъ походовъ, «со времени покоренія Св. града, Халфомъ Омаромъ, и до Крестоносцевъ, четыре ста девяносто лѣтъ страдалъ онъ, по грѣхамъ нашимъ, подъ игомъ недостойнаго рабства, хотя и въ различной степени; ибо, съ частыми измѣненіемъ, дѣлъ, часто измѣнялись и властители, но располженно коихъ приходили на Иерусалимъ

• Кн. XV, т. 51. •• кн. I, гл. 3.

времена: хитрыя и тайныя; найтъсто: Бамбету он
Баллима; въ мѣщанствѣ не мочь оны: вѣдь: нгоны
беднаго племени: Во времена: не: ивоиннаго
Хаджа Аарона: Альрашида; щедрость и: образованіе
красоты: прославляются въ: тѣхъ: сирнахъ, и: по
холодѣтну: другого: бессмертнаго: мужа: Импера-
тора: Карла: великаго, достинде: народа: Басній: миръ
и утшеніе; камъ: тѣ: казалось: Иерусалимъ: болде
состоян: покъ: державою: Императора: , нежели: Ха-
лифа: . Сколькомъ: же, и: каковымъ: измѣненіемъ,
поддержаніемъ: бѣдотвующій: традъ: Божій: и: оирест-
няя: страны, со: времени: ихъ: завоеванія: Арабами: и
до: крестовыхъ: походовъ, это: можно: найтъ: въ: моей
книгѣ: дѣдній: влассителей: Восточныхъ; и: не: по: не-
стаскію, книга: сія: не: дошла: до: насъ, и: утратамы
всѣ: драгоценныя: свѣдѣнія, съ: такимъ: трудомъ
собранныя: прасвѣщеннымъ: Архіепископомъ: . . . . .

Болде: двадцати: лѣтъ: продолжалось: царствованіе
Аарона, знаменитѣйшаго, изъ: всѣхъ, Халифовъ; онъ
ходилъ: восемь: разъ: на: поклоненіе: въ: Мекку: и
Медину, не: минуя: и: Иерусалима; когда: же: не: могъ:
самъ: исполнить: сего: долга, содержалъ: на: своей
счетъ: до: трехъ: сотъ: богомощцевъ, раздавая: обиль-
ную: милостыню: убогимъ: всѣхъ: исповѣданій: . Онъ:
утвердилъ: столицу: свою: въ: Багдадѣ, основанномъ
дѣдомъ: егѣ: Алманзоромъ, на: берегахъ: Тигра, и
обновилъ: оная: знаменитую: мечеть: Омара, въ: Иеру-
салимѣ, которая: частію: обрушилась: при: Алманзо-
рѣ, отъ: землетрясенія, и: не: была: исправляема, же
скуности: сего: Хаджа, такъ: что, для: ея: поддержанія,
принуждены: были: употребить: серебряныя: и: зла-

тыя украшенія дворей ея; великой вино устроенахъ
 Абдель-Мелекочы. — Свобода, коюго пользовались
 Христиане въ его приваженіе, позволяя Патриарху
 Іерусалимскому везти отъ себя и некоторыя бли-
 щенныя дары Императору Карлу великому, и
 Карлъ, съ своей стороны, отправилъ въ Іерусалимъ
 придворнаго пресвитера Захарію, который къ нему
 возвратился на слѣдующій годъ, въ сопрово-
 деніи двухъ иноковъ Іерусалимскихъ; они поднесли
 Императору, отъ имени Патриарха, и конечно съ
 согласіемъ Халфа, священную хоругвь, съ ключами
 Св. гроба и Голговы. Императоръ принялъ ихъ
 Императоръ и отпустилъ, съ великими дарами, къ
 Патриарху и Халфу. Сношенія его съ Альраши-
 домъ были самыя дружественныя, ибо сей властитель
 Востока предпочиталъ дружбу Государя За-
 паднаго всѣмъ прочимъ, и не только согласился
 на то, чего у него просили посланники Императо-
 ра, въ пользу Св. гроба, но и совершенно уступилъ
 въ его обладаніе Св. мвста, что впрямую и озна-
 меновано было хоругвию и ключами. Но тотъ же
 Патриархъ Ома, во время тяжкихъ
 междоусобій, возникшихъ между сыновьями вели-
 каго Аарона, Аль-Амикомъ и Аль-Мамукомъ, когда
 хотѣлъ исправить обветшавшій куноль надъ хра-
 момъ Св. гроба, временно подвергся темничному
 заключенію, за то будто бы, что распространилъ
 перковь, ибо это было строго запрещено Христи-
 анамъ. По свидѣтельству летописца Теофана, за-
 ключившаго тѣмъ свою летопись, первые годы

* 801. ** Истор. Флоры кн. МХУ, гл. 25.

девятого столѣтія были столь бедственны, для Христіанъ Палестинскихъ и вообще для всего Востока, что бысть некротанныхъ разбоевъ, грабежей и насилій, многіе Христіане, клирики и миряне, подверглись мученической смерти, а другіе толпами бѣжали изъ Сиріи на островъ Кипръ и въ Царьградъ. Въ самомъ Іерусалимѣ, храмъ Воскресенія и Голгобы, и прочія церкви были разрушены и даже на время оставлены, почему и долженъ былъ приступить Патріархъ Оума къ обновленію купола надъ Св. гробомъ; а въ окрестныхъ пустыняхъ оставлены были некогда даже двѣ великія лавры, Фарамская Харитонія и Св. Саввы, на юдоли плача, также и знаменитыя обители Св. Евоннія и Феодосія, и неизвестно, всѣ ли онѣ опять населились въ послѣдствіи*.

Однако благодѣянія великаго Императора Карла, Церкви Іерусалимской, были столь действительны, что даже сорокъ шесть лѣтъ послѣ его смерти, еще слѣды ихъ оставались во Св. градѣ. Такимъ образомъ, монахъ западный Бернардь, ходившій на поклоненіе Св. мѣсть, въ половинѣ IX вѣка, нашель бібліотеку и страннопріимницу, устроенныя симъ Государемъ; онѣ примыкали къ церкви Св. Маріи, называемой Латинскою, ибо тамъ всегда находили себя пріютъ прішельцы западные; когда кто либо изъ поклонниковъ приходилъ изъ Европы, его встречали со крестами, въ дверяхъ обители, и отводили ему келлію; гостинница состояла изъ двѣнадцати

* Осоевъ стр. 778, изд. Илбура.

полюсть, имела поле, виноградники и садъ, въ долинахъ близъ купели Силоамской; не удалекъ, видны были гробницы благочестивыхъ отшельниковъ, почившихъ въ Иерусалимѣ. Малое торжище находилось предъ домомъ Богомоладцевъ, и въ призо водворяться отъ него платили туземцы, по дни золотыхъ монетъ епископу Даттискому; особенно, въ болышой числъ, совершали тамъ купки свои жители Аналонъ и другихъ неморскихъ городовъ Италія. Имятъ Вернардь видаль на гробъ Господнемъ только девять лампадъ, вместо двенадцати; горавшихъ во время странствования Аркумъа, въ монушере столетіи, и при немъ уже совершалось торжество Св. огня, на Св. гробъ, въ великую субботу*.

И такъ, вотъ первое свидѣтельство западныхъ Св. огня, въ половинѣ IX вѣка: мы имеемъ, въ исходъ того же столетія, и свидѣтельство Восточныхъ, которое приводитъ Патріархъ Досеѣй Иерусалимскій; онъ говоритъ, что Ареба, Епископъ Нессарійскій, писалъ, отъ имени Императора Льва преудраго, къ нѣкому визирю Эмира Сарацинскаго, къ пользу Св. гроба: «донынъ сей святой и вѣщественной гробъ, каждое лѣто, накупивъ свѣтлаго изъ него воскреснія Христова, чудодѣйствуетъ; ибо когда угашается въ день сей всякой огонь въ Иерусалимѣ, готовится Христіанами невозможное кандило на Св. гробъ, въ присутствіи Иерусалимскаго Эмира, который стоитъ близъ сѣмныхъ дверей вертепа, Христіанъ, тѣмънашихся вкрутъ огня и поющихъ: Господи! приими!»

* Histoire de Jerusalem, T. 1, p. 502. — кн. VIII, гл. 8.

и, внезапно, при близости немцев, возвестит о самъ себѣ: съять въ жандаль, и уже оти сею небос-
надо, съзвѣннѣпають у себя: годнѣ всѣ живущіе
въ Иерусалимѣ, р. г. . . . .
-ой Ошты: возникло, при нечестивомъ Императорѣ.
Дакъ Армянскому, поение прокивъ частыхъ мѣстѣ
мѣстѣ стали подвизаться за нихъ, словомъ и дѣл
зель, православные Иерусалимляне. Знаменитый
виумѣи обителѣ Царяградской, Св. Феодоръ Сту-
длты, пострадалъ самъ за вѣрны, и послѣ низложені-
нѣи: самоннаго Патриарха Царяградскаго, Св. Никол-
сера, и послѣ изъ своего заключенія ублаженныя
вселенія, о заннѣ православія, и прочимъ все-
ленскимъ Патриархамъ, Рима, Александріи, Антио-
хіи и Иерусалима; оны умоляютъ ихъ: подати труку
помощи, и ба: алтари: опрокинуты и обезображены
церкви и обителѣ: Епископы, клирики, инокѣ и
міряне: убили думомъ, всѣ рабымаленѣ на верте-
пемъ и: уще діамъ, стадо бѣи: пастыря; никто не
смѣеть говорить о истинной вѣрѣ. Конечно: Ара-
бы, властвующие въ предѣлахъ нашихъ, говорятъ
шаменный: Студитъ: болде: означиваютъ: уваженія
нѣ: Господу: Иисусу Христу, нежели: сей: первый
Царь: Адаавъ, гонящій: уже: на: Илію: Пророка: и: на
самаго: Христа: и: его: честную: Матерь: и: всѣхъ:
Святыхъ. Именемъ: всѣхъ: прошу: помощи: хотя: бы:
и: одной: молитвы: ибо: и: она: будетъ: намъ: оидь: и
оверю: въ: ино: странную: гонимую: . . . . .
вѣститъ: мнѣ: что: писаніе: мое: достигло: до: Анот-
стольскихъ: рукъ: тѣмъ: и: послѣ: Св. Феодоръ: Па-
триарху: Иерусалимскому: Фомѣ: и: ба: не: безразсудное

ответа Патриарха Александрий и Антиохий; но ревностный Феодотъ, пространнѣе послѣдовавъ, чрезъ своего свѣтала, святаго и ученаго мужа Михаила, который оставя навсегда въ Царьградѣ; съ нѣтъ нѣтъ прислалъ оны на чинъ Св. Студиту, двухъ именитыхъ отшельниковъ, братьевъ Феодора и Феодана, названныхъ въ чертавѣхъ, отъ восприятая нѣтъ учения. Оны происходили отъ благородныхъ родителей въ Иерусалимѣ, и въ юныхъ лѣтахъ отданы были для духовнаго образованія въ лавру Св. Саввы, гдѣ исключительно занялся нѣтъ ученикъ одинъ благодѣтельный пресвитеръ Иона. Оба искали высшей философіи Христіанской, доходящей и за предѣлами преходящаго міра, и пострадавъ въ лаврѣ, нѣтъ духовной кельбели, строго соблюдали все ея уставы; вскорѣ, по своей добродѣтели, Феодоръ рукоположенъ былъ пресвитеромъ; но уже ему заблаговременно была предсказана мученическая кончина, тѣмъ же старкомъ, который направлялъ его первые шаги на пути къ свѣтлому вѣщу. Святитель Иерусалимскій Феодотъ, кою и самъ обуреварный непрестанными междуособіями Арабовъ и нѣтъ нападеніями на пустынные лавры, не пожалѣлъ однако отпустить обонъ братьевъ въ Царьградъ, для обличенія беззаконія; ибо зналъ, что только нещеленіемъ большаи внутренней можно вращевать вѣщину.

Оба брата, нѣтъ нещеленные чада послушанія; нѣтъ случившю въ лаврѣ великаго Саввы, ревностно устремившись на предельный нѣтъ подвигъ, и достигнувъ столицы, обличили сперва же-

патрiарха Феодота, поставленнаго на мѣсто Св. Никитора, а хотѣлъ и самого Императора. Левъ изумился ихъ смѣлои рѣчи, но утѣшилъ добродетель, сперва старался привлечь ихъ на свою сторону, ласками и убѣжденiями; видя же непреклонность и ожесточенный справедливыми обличенiями, согласъ въ заточенiе обѣихъ исповѣдниковъ, на берегахъ Чернаго моря, гдѣ въ большой тѣнѣ, рододѣ и убожествѣ, пребыли до кончины гонителя. Новый Императоръ, Михаилъ Травалъ, уморившій Льва, возвратилъ всѣхъ гонимыхъ мнѣ; но святые братья уже почитали родиною своею не Палестину; а то мѣсто, куда посланы были для проповѣди слова Божiя, и многихъ обратили отъ иконоборства въ Царьградъ, доколѣ не подверглись новому штыванiю; при сынѣ Михаила, Феофанѣ, ревностномъ иконоборцѣ, за обличенiе его и патрiарха Юанна. Прiязль ипотта раннѣ, они посланы были опять въ заточенiе и, два года спустя, еще однажды предстали на судѣ, по зову самого Императора. ....

Съ яростию спросилъ онъ звячьихъ братьевъ; отколѣ родомъ? и предалъ ихъ въ руки Сарацинъ; чтобы отвести на мѣсто рожденiя; но прежде осыпалъ поруганiями и вѣлѣлъ начертать, иглами на ихъ лицахъ, укорительныя стихи. Знаркъ города призвалъ ихъ къ себѣ и приглашалъ, однажды только; прiобщиться съ иконоборцами; чтобы избѣжать мученiя; но блаженный Феодоръ отвѣчалъ: а слова твои подобны тому, какъ если бы кто сказалъ мнѣ: прости тебѣ, дай мнѣ однажды ступить тебѣ голову и потомъ иди, куда хочешь; не знай,

чимъ прежде: прератяло небо и земля, светила: мнѣ отступивши отъ благочестія.» Тогда, предавъ ихъ змари въ руки мучителей и цѣлый день, терзавъ ихъ, исполнениамъ надъ ними жестокаго приговора: они же, молились, громко, взывая къ Господу и къ святой Матери, и съ горящими, отъ истязаній дряхлыми, сказали мучителямъ: «видите, что Херувимъ, спрунцій лавры рты, увидѣвъ сію начертанію, смуститъ предъ нами свое пламенное оружїя, ибо отъ начала, въка не было еще изобрѣдено: такоу востанію: и, въ глазахъ вашихъ, оно отразится на лицѣ самаго Господа, въ тотъ день, когда предстанетъ земля вѣстѣ на страшный судъ его.» Въ Вѣннѣи спомчался отъ ранъ мученикъ Феодоръ: братъ же сво Феоданъ дожилъ до лучшихъ временъ, ибо онъ былъ свидѣтелемъ возсанащенія цесивихъ, иконъ, супругю Феодана, Императрицю Феодорою и, съ темъ же Михайломъ. Самъ онъ поставленъ былъ отъ блаженнаго Патріарха Мееродія, въ Митрополита Никей, и по красотѣ и общію гимновъ, которыми обогатилъ церковъ, прозванъ творцемъ каноновъ. И такъ, вотъ еще одинъ, духовный црвецъ изъ Палестины, и опять изъ лавры великаго Саввы, откогда уже возникли Св. иконопѣны: Андрей, Іерусалимскій, или Критскій, Іоаннъ Дамаскскій, Косма Махумскій, и иконопѣнъ сей новій творецъ, каноничъ, начертанный Феоданъ Индейскій. Такимъ образомъ, при севардичномъ унакъ дѣтнннго блгвресетолннн: подъ бурю Арабскую, уже лѣтсти . Пнлнссн Мншоѳ 27 Декабря 1870 г. и др. . . .

лети, свирепствовавшему въ Палестинѣ, въ двадцать
вѣтвей, обраблано дикомое, и дары пустыни
были разданы имъ, оное. Столь велики для всей
православной Церкви: заслуги, освященнаго, Саввы, и
оныхъ послѣдователей, и нѣтъ людей, плачущихъ
слезами благочестія: весь міръ Христіанскій!

III. Патриархъ Досифей пишетъ, что посреди Гру-
бого чужества, и свирѣпшаго Западъ, Папа, Левъ
III, обратился также, съ дружественнымъ посланіемъ,
къ Патриарху Иерусалимскому. Оумъ умоляя его
прислать къ нему мужей опытныхъ, и ученыхъ,
для прогнанія тмы невѣжества, и что Святитель
исполнилъ его благочестивое желаніе. Болѣе дру-
гихъ извѣстный, по своимъ сношеніямъ со всемъ
Христіанскимъ міромъ, Патриархъ Оума, писалъ,
черезъ своего ученаго синкелла Михаила, обличитель-
ное посланіе и къ Армянамъ, не принимавшимъ со-
боръ Халкидонскій, и послѣ двадцати лѣтняго пра-
вленія Церковію Божіею, оставилъ кафедру ученику
своему, столь же благочестивому, Василию, кото-
рый возсѣдалъ на ней двадцать пять лѣтъ. Но
по свидѣтельству самаго Патриарха Досифея, пи-
савшаго исторію своихъ предшественниковъ, со вре-
мени Патриарха Захарія, при коемъ разоренъ былъ
Перламъ Иерусалимъ, и особенно послѣ завоеванія
Арабскаго, при Патриархѣ Софроніѣ, до такой сте-
пени запутаны лѣтосчисленіе и имена Патриарховъ
Иерусалимскихъ, и нѣтъ мѣстоблюстителей, что
иногда и не вѣдаемъ истинныя Досифей при-
бѣгалъ къ Арабской лѣтописи Патриарха Адама.

* Кн. VII, гл. 4.

дрѣвскаго Евтихія, жившаго въ X. вѣкѣ, и часто встрѣчалъ въ ней противорѣчя съ актами тѣхъ соборовъ, на коихъ присутвовали Патріархи Іерусалима, и съ царскими грамотами на ихъ имя, и даже съ диптихами или поминками церковными, хранящимися въ Іерусалимѣ. Посему, не въ состояніи будучи опредѣлить въ точности времени святительства каждаго Патріарха, иногда только онъ называлъ его по имени, не входя въ исчисленіе годовъ и въ подробности дѣяній, тѣмъ болѣе, что о многихъ молчитъ летопись.

XXI.

УПАДОКЪ АББАСИДОВЪ.

Патріархи Василій, Іоаннъ, Сергій, Феодоръ и Деметрій Доскеевъ, на основаніи Арабской летописи томъ же Евтихія, пишутъ, что въ 836 году, Смирителъ Іерусалимскій Василій, вступя съ Ша-

тріархомъ Александрійскимъ Христоромомъ и Антиохійскимъ Іеромъ, составили въ Св. градѣ соборъ противъ иконоборцовъ; сто, восемьдесятъ Епископовъ, сихъ трехъ пресколовъ, восемьдесятъ игуменовъ окрестныхъ монастырей Палестины, Сиріи и Египта, и тысяча сто пятьдесятъ иноковъ, осудивъ единодушно алую ересь, написали обличительное посланіе Императору Теофилау, отъ лица трехъ патриаршихъ престоловъ и всей іерархіи Восточной, Соборное число Святителей, пресвитеровъ и иноковъ показываетъ, въ какомъ еще извѣтующемъ состояніи находилась Церковь Восточная, на смотря на все, что она перенесла, въ теченіе двухвѣкового ига Арабскаго, и даже въ то самое время, когда горѣла жестокая война между Императоромъ Теофиломъ и однимъ изъ самыхъ могущественныхъ Халифовъ, Аль Мамуномъ, сыномъ знаменитаго Аль-Рашида. Война сія возникла за разореніе Теофиломъ города, гдѣ родился Аль-Мамунъ, и кончилась разореніемъ Америкъ, родины Теофиловой; потомъ Христіанской кровя, были блаженнымъ следствиемъ частной вражды двухъ сильныхъ владетелей. Съ кончиною Аль-Мамуна, просвѣщеннаго покровителя наукъ и художествъ, стала упадать и слава Халифата; братъ и преемникъ его Мотамедъ, обружилъ себя избранною дружиною Турковъ, и оставивъ столицу Багдадъ, поселился въ царской усадьбѣ, Самаратъ, чтобы не было распрей между жителями и его буйною дружиною; а Турки, усиливаясь болѣе и болѣе, овладѣли всею властію и стали, по прихоти своей, смѣнять и назначать Хали-

фовъ! Свирепый внукъ Мохамеда, Мотвакеидъ, гонитель своихъ подданныхъ, былъ уже провозглашенъ Турками и ими же ушершленъ! Халифъ сей, будучи раздраженъ успехами Грековъ, вторгшихся въ Египеть, издалъ оскорбительный указъ, конемъ воспретилъ избирать, въ какихъ либо должностяхъ, Христьянъ и Евреевъ, и употребилъ ихъ для верховой езды лошадей, и велеть иновѣрцамъ всегда носить на себѣ кожаный поясъ, для отличія отъ Мусульманъ.

Во дни Святителя Иерусалимскаго Василія, Александрійскій Патріархъ, ереси Иаковатовъ, воздвигая изъ развалинъ монастыри, разоренные въ Египтѣ, которые некогда принадлежали православнымъ, основалъ и въ Иерусалымѣ станнопримный домъ, съ церковію для Богомольцевъ Иаковитскихъ, ч. в. Келтовъ, своихъ единоплеменниковъ! Страннопримница сій была, ввроятно, начальная причомъ селты ихъ въ Св. градѣ; ибо до того времени Финикъ не слышно было въ Палестинѣ, хотя они жили своихъ Патріарховъ въ Египтѣ и Антіохіи! Патріархъ Іоаннъ VI. заступилъ мѣсто ушершаго Василія, но святительство его продолжалось не долгот! Чрезъ три года, граждане Иерусалимскіе, возбужденные противъ него наветами Арабскихъ властей, обсыпали его всякими поруганіями, и онъ, убоишись послѣдствій, отказался самъ отъ своей кафедры. Кажется, сей Іоаннъ нанедалъ житіе Св. Дамаскина.

Вму наслѣдовалъ Сергій, сынъ гражданина Дамаска. Истор. Флери, кн. XLVIII, гл. 839 годъ.

масснаго, по имени Марсуръ, который передалъ
ѣхать герольдъ сей князь шодъ шеста Христианъ изъ
руки Сарациновъ; синоиситъ Патріархъ Досвдой
гедеритъ, что не знаеть, и иніе Христиане заидли
гедда Дамаскомъ. — Послъ шестнадцата лѣтнѣ
сравленіа, Сергіева, болешои на четыре года: все
пріялъ его массдру и передалъ Феодору, или Феодосію,
при коемъ провозили, сильнѣя, воумущенія
въ Церкви Константинопольской, между двумя Па-
тріархами, Игнатіемъ и Фотиемъ.

Бѣдственная сія распря отозвалась и на Восто-
къ; ибо и оттолъ вызывались мѣстоблюстители
патріаршіе на соборы, созываемые постепенно въ
Царьградъ, то Фотиемъ, то Игнатіемъ. Императоръ
Василій Македонскій долженъ былъ для сего обра-
щаться, уже не къ Халифамъ Багдадскимъ, но къ
самодержавному властителю Египта и Сири, Ах-
мету эбизъ-Тулуну, который, изъ простаго война
Турецкой дружины, сдѣлался сперва правителемъ,
а потомъ Султаномъ, сихъ двухъ областей и,
на краткое время, оставилъ по себѣ державу своему
роду. Владычество его было менѣе пагубно для
Христианъ Восточныхъ, нежели слабое и корыстное
правление мѣлкихъ намѣстниковъ, посылаемыхъ изъ
Багдада; ибо при ихъ безсиліа, новая фанатиче-
ская секта Керматовъ, возникшая изъ Аравіи, дѣ-
лала безпрестанныя опустошенія по всей Сири и
въ окрестностяхъ Св. града.

Но мѣстоблюстители Восточныхъ Патріарховъ,

приверженные на соборъ противъ Фотія, оказались въ несладости дожиныи, и ихъ обличилъ другой соборъ, оправдавшій Фотія, по кончинѣ Игнатія; это засвидѣтельствовано было письмомъ Патриарха Александрійскаго, Михаіла, который, обвиняя ижемаго сврего мѣстоблюстителя, гаворилъ и о Іерусалимскомъ Иліи, выдававшемъ себя за еписколла, Патриарха Сергія, что онъ, по возвращеніи въ Палестину, умеръ бѣдственно въ проказѣ. Патриархъ Іерусалимскій, Θεодосій, послалъ на соборъ Фотіевъ, своими мѣстоблюстителями, двухъ братьевъ священноинокъ, Андрея и Ілію столпника, съ окружнымъ посланіемъ, коимъ признавалъ, за себя и за своего предмѣстника, законнымъ Патриархомъ Фотія, отлучая всѣхъ и каждаго, кто его не приемлетъ. То же писалъ и Патриархъ Антиохійскій Θεодосій, который вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался на тяжкое гоненіе, имъ претерпѣнное отъ Ахмета эбнъ-Тулуна. Въ продолженіе собора, пришло извѣстіе, о кончинѣ Патриарха Іерусалимскаго Θεодосія, и новый Патриархъ Ілія, братъ бывшаго на Іерусалимской кафедрѣ Сергія, написалъ также общительную грамоту къ Фотію, чрезъ Епископа Мартиропольскаго, Василія. Такимъ образомъ, весь Востокъ пребывалъ и остался съ нимъ въ постоянномъ общеніи.

Около тридцати лѣтъ продолжалось святительство Иліи, сильнаго въ Іерусалимѣ, по своему именитому роду и по тѣмъ заслугамъ, какія оказалъ Сарацинамъ отецъ его Мансуръ, и по долготу

применію брата, Патріарха Сергія. Вліяніе его распространилось и на Египеть; онъ посвятилъ въ Іерусалимъ Христодула, уроженца Аленикаго, въ Патріарха Александріи, и когда не хотѣли принимать его въ Египеть, самъ Ілія пошелъ и утвердилъ на кафедрѣ рукоположеннаго имъ Святителя; что доказываетъ довѣренность; какою онъ пользовался у пресвитеровъ Султана эбнъ-Тулуна. Проникнутый бѣдствіями своей паствы и родины, Ілія подражалъ примѣру одного изъ своихъ предшественниковъ, Патріарха Фомы, исцѣпившаго себя помощи на Западѣ, и послалъ; съ двумя иноками; прекраснѣйшее посланіе: ко рѣшью благочестивымъ и славнымъ князьямъ, отъ рода великаго Императора Карла, Царямъ всей земли Галликанской; Митрополитамъ, Архіепископамъ и Епископамъ, пресвитерамъ, діаконамъ, клирикамъ Св. Церкви, инокинямъ и всѣмъ вообще поклонникамъ Господа Іисуса Христа, именитымъ мужамъ и женамъ, католическимъ и православнымъ всего Христіанскаго міра. «Мы полагаемъ нужнымъ уведомить васъ, писалъ Патріархъ, о великихъ и неизчислимыхъ бѣдствіяхъ, которыя терпимъ отъ преступнаго и богоненавистнаго народа, и о коихъ могутъ достаточно возвѣстить вамъ приходящіе сюда богомольцы; но одна вещь иначе насъ сокрушаетъ и ее довериемъ мы, любви вашой, чрезъ сію нашу грамоту. Видя храмы наши разрушенными или падшими отъ ветхости, и не дерзая обновлять ихъ, мы со многими воздыханіями и слезами, мо-

Визант. Св. Служба, т. 2, р. 443.

ляли милосердаго Бога, дабы во славу сннато
своего имени, дать намъ средства водворить пер-
кви, нашимъ потомъ и трудами. Провиданію Божию
угодно было, чтобы Князь земли сей едкаяде
Христіаниномъ, какъ васъ о томъ извѣстятъ по-
сланные намъ. (Неизвѣстно, о какомъ князѣ гово-
рить здѣсь Патріархъ, быть можетъ о какомъ-либо
частномъ правителѣ, или о томъ эмирѣ или эпан-
рѣ, коему писалъ Императоръ Левъ, о Са. огнѣ).
Отъ намъ опять позволилъ владѣть нашими храма-
ми и восстановить ихъ изъ развалинъ. Дозволеніе
сіе пришло намъ съ неба, и мы не могли и не
должны были пренебречь онымъ; — и такъ укреп-
ленные Господомъ, мы вооружились, всеми нашими
силами, для столь великаго дѣла. Намъ нужны
были средства, и мы по необходимости прибѣгли
къ невѣрнымъ; но какъ никто изъ нихъ не хотѣлъ
намъ давать денегъ бѣзъ залога, мы принуждены
были заложить наши масляные сады и виноград-
ники, и самыя священныя сосуды, и, по нашему
убожеству, не могли доселѣ выкупить ихъ изъ
рукъ невѣрныхъ.» — Далѣе Патріархъ пишетъ,
что по отчужденіи масляныхъ садовъ не достаетъ
масла и для лампадъ святилища; что убогіе и
иноки страдаютъ отъ голода, и многіе Христіан-
скіе узники, не въ силахъ будучи купить себя,
умираютъ въ неволѣ. «А такъ какъ, по божествен-
ному Апостолу, когда страдаютъ одинъ членъ,
страдаютъ и всѣ прочіе члены, то Христіане Іеру-
салимскіе рѣшились обратиться къ братьямъ своимъ
Западнымъ, уповаю, что они раскроютъ для нихъ

утробы своего милосердія. — Ничего бы не было страннаго, если бы они удаляли часть своих имуществъ, для возобновленія церквей Іерусалимскихъ, и въ некогда сыны Ізраиля, сами собою, предлагали золото и серебро, для сооружеиія скинии, такъ что должно было объявить чрезъ глашатая, что уже достаточно собрано приношеній, хотя и сіе не могло остановить щедрости народа Божія.» Доказавъ еще иными свидетельствами изъ Св. писанія, что долгъ верныхъ сыновъ Церкви, вспомошествовать Іерусалиму, Патріархъ Ілія поручалъ имъ и двухъ инокъ, посланныхъ съ его грамотами, присовокупляя: «что все можно безъ страха доверить тѣмъ, коимъ Господь не пренебрегъ повѣрить святыя таинства и самый священнѣйшій гробъ свой.»

Такимъ образомъ, Патріархъ Ілія, излагая живую и горькую картину бѣдствій Іерусалима, старался всеми средствами возбудить участіе Запада, и это первый кличъ отдаленнаго Востока къ многолюдному Западу, отголоскомъ коего было въ послѣдствіи движеніе стольниахъ милліоновъ людей на Востокъ. Не известно однако, о возобновленіи какихъ церквей, говорилъ Святитель: быть можетъ о тѣхъ, которыя были разорены, по свидетельству летописи Ососиновой; во время междоусобій дѣтей Калифа Аарона аль-Рашида, и десима, вѣроятно, что сыновья иноплеменнаго гражданина Мансура, оба бывшіе въ тоиціи многихъ дѣлъ Патріархами, Сергій и Ілія, какъ мунн: государственныя, рѣшилось воздвигнуть изъ развалинъ все, что было разорено Арабами.

Десятый вѣкъ, самый темный для свидѣній историческихъ о Иерусалимѣ, начинается событiями лѣтосчисленiемъ самихъ Патрiарховъ. Въ первое его десятилѣтiе, Сергiй, сынъ Тамгiана; наследовалъ знаменитому сыну Мансура, Илiк, и правилъ пять лѣтъ, его касседру; на семнадцатъ лѣтъ, принялъ Патрiархъ Левъ; послѣ него Аванасiй, первый изъ Святителей Иерусалимскихъ, который по тѣснымъ обстоятельствамъ времени, или по упадку языка Греческаго, и потому что самъ былъ родомъ Арабъ, сталъ проповѣдывать въ церквахъ на языкъ Арабсконъ. Удрученный болѣзнию, онъ избралъ на свое мѣсто инока Николая; но сей смиренный мужъ, въ свою чреду уступилъ касседру Аванасiю, когда онъ опять укрѣился въ силахъ, и, только по его кончинѣ, сталъ вочитать себя законнымъ Патрiархомъ; еще пятнадцать лѣтъ послѣ Аванасiя святительствовалъ Николай, и его преемникомъ былъ Христодулъ, родомъ изъ Аскалона, послѣднiй изъ Патрiарховъ Иерусалимскихъ, о коемъ упоминаеть лѣтопись Евтихiа Александрiйскаго, ибо около сего времени скончался и самъ Патрiархъ Евтихiй, бывшiй преемникомъ того Христодула, котораго поставилъ на касседру Александрiйскую Патрiархъ Иерусалимскiй Илiя.

Касательно времени и имени Иерусалимскаго Патрiарха Христодула, происходитъ разногласiе; между Евтихiемъ и историкомъ Греческимъ Кодранимъ, которое старается согласить новѣйшiй писатель Досноей; ибо Кодринъ называетъ вмѣсто

* Ист. Досно. кн. VII, гл. 22.

Христодула Іоанна, и оба историка свидѣтельствуютъ, о томъ же событіи, при двухъ разноименныхъ Патріархахъ, т. е. о пожарѣ Іерусалимскаго храма. Евтихій говоритъ, что во время Христодула или Христодула, Сарацены сдѣлали смѣненіе въ храмѣ Константинскомъ, въ день Пасхи, святыхъ святыхъ врата его, и полагаютъ это событіе въ 937 году; а Патріархъ Досифей говоритъ, что въ лѣтосчисленію Евтихія должно прибавить еще восемь лѣтъ, ибо онъ неправильно начинаетъ эру Маттеянскую, осмью годами ранѣе определеннаго, т. е. 622 года; Досифей предполагаетъ также, что смѣненія Сараценысіа начались только при Христодулѣ, но что храмъ сгорѣлъ при Іоаннѣ, и самъ Патріархъ сдѣлался съ нимъ вмѣстѣ жертвою пламени, какъ о томъ пишетъ историкъ Кедринъ; но и здѣсь однако не сходится лѣтосчисленіе его съ Евтихіевымъ, ибо онъ поставляетъ сіе бѣдственное событіе въ 968 году. Темная эпоха десятаго вѣка, неопредѣленныхъ смѣненіями гражданскими, при упадкѣ просвщенія, могла быть причиною сихъ хронологическихъ недостатковъ.

Въ началѣ десятаго столѣтія, распалась и могущественная держава Аббасидовъ, около двухъ вѣковъ господствовавшая по всему Востоку; но еще, въ теченіе цѣлаго вѣка, довершала она бѣдственное свое существованіе. Напрасно благоразумный Халифъ Мотамедъ старался поддержать то, что началъ исправлять мудрый его отецъ; при сынѣ его и слабыхъ внукахъ, вся власть перешла опять въ руки Турецкой дружины. Много повредилъ и бѣд-

ственный принтеръ, данный еще славнымъ Халифомъ аль Мамуну; надвясъ на свое могущество, онъ сдѣлалъ независимымъ правителемъ Хорасана; накоего воеводу, который помогъ ему вступить на престолъ; съ тѣхъ поръ, частные правители областей, мало по малу, стали отпадать отъ власти Халифовъ и только требовали отъ нихъ подтвержденія своей независимости, подобно эбнъ-Тулууну, Султану Египта; въ Халифѣ же уважали одну лишь власть духовную, перваго Имама, или преемника лжепророка Магомета. Онъ принужденъ былъ освящать, именемъ своимъ, всякое неправильное приобрѣтеніе непокорныхъ властителей, и потому еще до времени окружали его, почестями царственными, доколѣ наконецъ не уяло и сіе наружное величіе. Между тѣмъ въ Арію возсталъ другая династія Халифовъ Фатимитскихъ, которые произвели родъ свой отъ дочери Магометовой; Фатимы, и ея племянника Алія, и уже, не какъ независимые свѣтскіе правители, но какъ соперники по власти духовной, вступили въ борьбу съ Аббасидами.

Магометъ Обейдаллахъ, былъ родоначальникомъ Фатимитовъ, и утвердившись силою оружія въ Кезранѣ; покорилъ всю северную Арію своему владычеству; но доколѣ еще его преемники не утвердили Халифата въ Египтѣ, тамъ возникло новое племя Султановъ, замѣнившихъ родъ Тулуна. Халифы Багдадскіе, устрашенные его могуществомъ, думали, частою переменною областныхъ правителей, воспрепятствовать идѣ успѣшнѣю, но

избранный или Турецъ, Магометъ Акхиндъ, но хотѣлъ болѣе подчиняться ихъ власти, и овладѣвъ Сирією, принудилъ слабаго Халифа Рахи признати его независимымъ. Эти смуты были, вѣроятно, та самыя, отъ коихъ пострадалъ Иерусалимъ и храмъ Св: гроба. Однако въ северной части Сиріи, Акхиндъ встрѣтилъ себѣ сильныхъ противниковъ, въ некоторыхъ Гаманидовъ, князей Алеппскихъ, которые оспаривали у него Дамаскъ, и сражались постепенно, то съ нимъ, то съ Императорами Греческими, нарушая непрестанно спокойствіе Христіанъ Палестинскихъ.

Не оставалось уже и тѣни древняго Халифата: малодушный Рахи еще болѣе разстроилъ власть свою, уредивъ новый санъ Эмиръ-эль-Омара, или князя князей; санъ сей переходилъ сперва отъ одного вождя Турецкой дружины къ другому, а потомъ, на некоторое время, сдѣлаюся достояніемъ сяднаго племени Булдовъ, влстителей Персіи; они стали произвольно смѣнять Халифовъ. Между тѣмъ секта Керматовъ овладѣла совершенно Аравією и сандыкъ святлишцемъ Магометанъ, и прочія области продолжали постепенно отпадать отъ Багдада; иногда также Халифомъ принужденны были предаваться въ руки частныхъ влстителей, чтобы только избѣгнуть гоненія своихъ эмировъ. Посреди сихъ междоусобій, преемникъ Акхинда: Кафаръ, самовластно обладая Сирією и Египтомъ, продолжалъ кровавую распрю съ князьями Алена, которыхъ съ другой стороны воевалъ Императоръ Греческій, Романъ Лакаинъ, онекутъ и тестъ Кон-

стантина Багрянороднаго. Романъ заставилъ Сарацинъ выдать ему, изъ города Едеесы, славную иерусалимскую икону Спаса, присланную некогда, по церковнымъ преданіямъ, самимъ Господомъ Царю Авгарю, и переносъ ее съ торжественнѣе въ Царьградъ; онъ оставилъ по себѣ благую память и въ Иерусалимѣ, обильными милостынями, даже и тогда, какъ самъ былъ уже немощно постриженъ неблагодарными дѣтми.

Побѣды Императора Никифора Фоки, управлявшаго государствомъ, за малолѣтнихъ внуковъ Багрянороднаго, въ послѣдніе годы X вѣка, горькими послѣдствіями отозвались для патріаршихъ престоловъ Сиріи и Палестины; ибо когда побѣдоносное оружіе Греческое проникло горы Ливанскія и покоряло Антиохію, Алеппъ и Дамаскъ, — развращенныя Сарацины, предполагая, что Императоръ действуетъ по внушенію Патріарховъ, умертвилъ Христомъ, Антиохійскаго Святителя, и сожгъ Юанна Иерусалимскаго, искавшаго себѣ спасенія въ церкви Св. гроба, и ограбилъ немилосердно храмъ Цѣлмисхій, преемникъ Никифора, поддержавъ его успѣхи на Востокъ, и временно вся Малая Азія и часть Сиріи принадлежали опять державѣ Греческой; Патріархи Антиохійскіе стали избираться по назначенію Императоровъ. Самъ побѣдитель Цѣлмисхій уведомилъ Царя Армянскаго, о своихъ побѣдахъ, радостнымъ письмомъ изъ Антиохіи, гдѣ отдыхалъ послѣ счастливой брани; «иришьмо
... 868. годъ, ** 872. годъ, Bibliothèque des Croisades, T. 1, p. 486.

сіе отиротъ тѣбѣ о великихъ дѣлѣхъ; житія Господи совершилъ, протавъ великаго чина; нашею рукою. Поры сдѣлались данинами нашей державы, мы исторгли изъ рукъ ихъ мечи. Онъ Іакова, нечестиваго въ городъ Низвину. Повелитель Аориканскихъ Арабовъ имѣлъ дерзость съ нами сразиться и былъ пораженъ. Мы завоевали обратно бывшія области нашей имперіи и, покоривъ города Антиохію и Алеппъ, подступили къ Дамаску; правитель оного предложилъ намъ дань и принять отъ насъ стражу войсковую; жители Газеріады и Назирена подрезали Дамаскитъ. Въ то время, какъ посѣщали мы священную вершину Олвора, граждане Палестины и Іерусалима приехали просить нашей помощи, предаваясь совершенно въ наши руки и требуя отъ насъ стражи. Мы согласились, по сѣтвѣ условию, чтобы Св. гробъ освобожденъ былъ изъ рукъ нечестивыхъ Турокъ: (Императоръ говоритъ, вѣроятно, о стражѣ Турецкой, стоявшей тогда, какъ и теперь, при вратахъ храма). Постепенно покорились намъ Кесарія, Веритъ, Тиръ и Сидонъ, ибо всюду бѣжали предъ нами войска Африканскія. Въ семь мѣсяцовъ окончили мы блистательный походъ сей, и все намъ покорилось до Вавилона, гдѣ трепещетъ заключенный Халифъ. Господу единому слава, силою коего совершили мы всѣ сіи подвиги.»

Таково вкратцѣ содержаніе письма Императора, который сражался съ остатками силъ Султановъ Египетскихъ Ахмидовъ, Гаманидовъ Сирійскихъ, и съ возникающею силою Фатимитовъ. Подъ име-

номъ Вавилона: разумѣть онъ старый Кадръ, или
иногда и Багдадъ. Но тяжкое иго Церкви Иеруса-
лимской ни мало не облегчилось отъ этихъ побѣдъ,
одержанныхъ почти подъ стѣнами Св. града.
Бѣдствующіе пресмнники свяженного Іоанна, носягъ
краткаго святительства, умирали большею частію
въ Египтъ, куда призывали ихъ дѣла церковныя.
Тамъ скончался Патріархъ Христулъ, иначе Аге-
ній, только два года управлявшій своею паствою.
Пресмникъ его Оома, болѣе счастливый, десять
лѣтъ сидѣлъ на кафедрѣ Апостольской, но насле-
довавшій ему Патріархъ Іесифъ, врачъ искусный
и мудрый философъ, послѣ трехлѣтняго святитель-
ства, окончилъ дни свои въ Египтѣ; а по смерти
Оеофила, заступившаго его мѣсто, не болѣе какъ
на восемь лѣтъ, и до Патріарха Никифора, один-
надцать лѣтъ сиротствовала безъ пастыря Церковь
Іерусалимская. Такъ бѣдственны были для Св.
града послѣдніе годы десятаго столѣтія.

— † Истор. Древнесл. кн. VII, гл. 22.

XXII.

ХАЛИФАТЪ ФАТИМИТОВЪ.

Разореніе и обезземленіе храма Са- гроба.

Причиною невольнаго хожденія Патриарховъ Іерусалимскихъ, въ Египеть, было утвержденіе въ странѣ сей Халифата Фатимитовъ, власти коего подпали Іерусалимъ и вся Сирія. Правнукъ родоначальника Фатимитовъ, Моезь - лединъ - Аллахъ, одолевъ слабыхъ преемниковъ Султана Ахмида, и основалъ новую столицу Каиръ, или городъ победы, гдѣ утвердилъ престолъ для своего потомства на два столѣтія. Это случилось во дни Багдадскаго Халифа Моти, котораго имя перестало съ тѣхъ поръ поминаться въ Сиріи и Египтѣ и даже въ Аравіи, гдѣ имя Алія превозмогало Аббасидовъ. Халифъ Моезь принялъ и бѣлый цвѣтъ Алія, въ противоположность чернаго царственнаго цвѣта Аббасидовъ, и такъ совершенно распалась исполни-

ская держава, простиравшаяся во дни ихъ величія, отъ Индіи до Испаніи. Сынъ эль Моеза, Азиръ-эль-биллахъ, наследовалъ славу и могущество отца своего, и женившись на Христіанкѣ, Маріи, по любви къ ней, доставилъ двумъ ея братьямъ Іереміи, (иначе Оресту) и Арсенію, патриаршія каедедры Іерусалима и Александріи. Арсеній, пользуясь покровительствомъ Халифа, отнялъ у Іаковитовъ, въ старомъ Каирѣ или Фостатѣ, знаменитую церковь Ножіей-матери, древле почитаемую ими у православныхъ. Но плодомъ сего брака, который, казалось, обѣщалъ столько благоденствія Церкви Христовой, былъ Халифъ Ханимъ Біаршаллахъ, жесточайшій ея гонитель въ теченіе двадцати пяти лѣтняго царствованія.

Злобный, несчастивый въ своихъ предпріятіяхъ и завѣрскій до безумія, онъ, какъ второй Неронъ, сжегъ большую часть своей столицы, чтобы насладиться зрѣлищемъ зарева и убійства многихъ тысячъ невинныхъ подданныхъ. Равно преслѣдуя Христіанъ и Евреевъ, Халифъ разорялъ церкви и синагоги, ослѣпо соображая всѣхъ къ исламизму, и потому опять позволялъ возвращаться къ исповѣданію отцевъ своихъ и обновлять сожженные храмы. Наконецъ, безумный возмечталъ и самъ быть богомъ, и цѣлѣмъ до шестнадцати тысячъ малодушныхъ, которые согласились поклоняться ему, какъ божеству. Нѣкій вохвъ Персидскій, Магометъ, сынъ Ізмаила, сдѣлался его помощникомъ, проповѣдуя сего новаго бога по Египту, и былъ умерщвленъ разъяреннымъ народомъ, въ самой колесни-

изъ Халвеса; но съюзился другой облыститель, Гамъза, который распространилъ учене его, но Сирин, и досель еще еще въ селѣ, въ горахъ Ливанскихъ, между Друзади. Пренебрегая обязанности своего сана, Хакимъ пересталъ совершать всенеродныя молитвы пятка и соблюдать постъ рамазана, запретилъ богослуженіе въ Мекку, и закрылъ всѣ церкви Христіанъ въ Каира, такъ что въ одной толкѣ, и то стайки, могло совершаться богослуженіе; Патриарха же Іаковитскаго Захарія бросилъ въ ровъ лавинный; но алчные звери лошадины старца, погнавъ себя болѣе милосердными, вскрыли влстителя бдствуюаго Востока. На Іерусалимъ влилъ онъ всю свою ярость.

Западный мнѣнъ Главеръ рассказываетъ о бдствіяхъ, постигшихъ Іерусалимъ, что причиной ихъ были Евреи, съ ненавистію видѣвшіе усраи божественнаго множества Христіанъ, ходившихъ на поклоненіе Св. гробу. Евреи Орлеанскіе, пользуясь покровительствомъ Короля Французскаго Роберта, были весьма сильны и надѣжны; они подкупили одного бдлаго послушника монастырскаго, по имени Роберта, который, подъ видомъ странника, снхтался повсюду, и отправилъ чрезъ него грамоту къ влстителю, Вадлона (т. е. Каира), вложивъ ее во мнугренность трески. Евреи, предварили Халифа, что если вскоре не разорать храмъ Св. гроба, тогда драгоцѣнный для Христіанъ, то сами Христіане придутъ лишить его царства; и испуганный Халифъ послалъ немедленно разрушить до основа-

нѣ связанное эдаміе. Исполнители жестокаго при-
казанія старались даже, медленными ломана, со-
крушить и священный вертепъ, но не одолѣли па-
мороднаго утеса, хотя сѣкды ихъ орудій остались
на камнѣ; — такъ вторично была разрушена церковь
сія послѣ Персевъ. Когда же Христіане узнали
въ послѣдствіи, кто былъ виновниками сего бѣд-
ствія: они обратили ненависть свою на Евреевъ, и
начали ихъ изъ своихъ прѣдѣлъ; многіе поги-
бли въ общемъ гоненіи; Епископы западные запрѣ-
тили своей паствѣ входить въ какія бы то нибыло
сношенія съ Евреями, если не пожелаютъ крестить-
ся, отъ чего нѣкоторые изъ нихъ и крестились; самъ
же бѣглый Робертъ изобличенъ былъ, по возвраще-
ніи въ Орлеанъ, однимъ поклонникомъ, видѣвшимъ
его на Востоцкѣ, и сознавшись въ своемъ преступ-
леніи, преданъ заслуженной казни. Его сожгли
всемародно; тогда Евреи стали являть мало по малу
ливаться въ городахъ. Но пять лѣтъ спустя послѣ
разрушенія храма Христіанскаго, мать Халдеа, Ма-
рія, начала вновь соорудить церковь Св. гроба; и
бесчисленное множество Христіанъ стеклось изъ
всѣхъ странъ въ Іерусалимъ, жертвуд для сего
большими деньгами.

Другой лѣтописецъ западный, Адмиралъ*, рас-
сказывая о многихъ знаменіяхъ, предвѣщающихъ
чрезвычайное бѣдствіе, говорить, что оно соверши-
лось, когда Халдеу Египетскій вельзь разорить
храмъ Св. гроба; ибо Евреи обвинили предъ нимъ

* Glaber. III, lib. 7. † Bibliothèque de Crébrades, T. I, p.
203—205.

двигали всажую мѣру, и допраки, вѣдѣхъ дракъ, дѣ-
роанныхъ имъ предшественниками. Халифа, Ха-
лифа, запретилъ самыя торжества, церковныя, ко-
торыя до того дня даже и каины совершались,
Часть торжественнѣе былъ день, тѣмъ, строже за-
ключались Христіане въ стѣнахъ своихъ жилищъ;
но не смѣя являться на улицу, не были, безопасны
и внутри домовъ, ибо туда бросали камни и на-
гло: врывались, повѣрнѣе; тѣмъ, судяго были, празд-
никъ; тѣмъ; явительнѣе были обиды. Сверхъ
того, за каждое легкое слово, на малѣйшему домог-
су, немедленно предавали Христіанъ мученіямъ и
казнямъ; попищали: казни ихъ, а малолѣтнихъ
дѣтей, ласками и угрѣсами, и даже жестокииъ бѣт-
ниги, принуждали памянить Христіанству. Патрі-
архъ тѣхъ печальнѣхъ дней, первый подвергся
каргамъ, мужественно возбуждая паству свою
къ долготерпѣнію, и обещаая вечныя награды за
временныя страданія. Олушавленные его рѣчами
и примиромъ, они переносили все мученія; Христа
ради и взаимною любовію утѣшали другъ друга.
Трудно было бы изчислить все муки, какія
испытали они вѣрные слушители Божіи, ради его
царства; но мы приведемъ хотя одну
примѣръ изъ тысячи, чтобы показать только, по
какимъ ничтожнымъ причинамъ подвергались они
казнямъ. Одинъ изъ враговъ Христіанъ, по нена-
висти къ нимъ, желая возбудить противъ нихъ го-
рѣніе, бродилъ ночью мертвого; на изъ преддверіе
уважаемой всеми мечети Омариной, въ копей охъ
былъ блудствителемъ; утромъ, пришедшій на молитву

Сарацѣны воскликнули яростію, при видѣ сего труна, и какъ неистовые исполнили воцлании горюдь. Сбѣжался народъ, и весь единодушно зывали, что Христіане сдѣлали поруганіе мечети; вопля сего достаточно было, чтобы обречь ихъ всѣхъ погибали за нишнее преступленіе. Вѣрные, зная свою невинность, готовились однако пріять смерть за Христа, и мучители уже предстояли съ обнаженными мечами, когда одинъ мужественный юноша вышелъ изъ толпы и сказалъ: «горько будетъ, братія, если такъ погибнетъ вся сія Церковь, лучше же одному погибнуть за весь народъ; уступите мнѣ это право, дабы меня всегда зыкали вы въ своей памяти, съ благословеніями, и роду моему навсегда сохранилась должная почесть; я же, съ помощію Божіею, отклоню отъ васъ сіе убійство.» Съ радостію услышали слова его граждане и единодушно положили, чтобы въ память великодушнаго самопожертвованія, родственники его одинъ навсегда зыкали право, въ день вербнаго воскресенія, торжественно внести въ городъ маслину, знаменующую Господа Іусуса. Тогда благородный юноша добровольно предалъ себя въ руки старейшихъ Сарацѣнскихъ, неговѣдая нишнее преступленіе, для спасенія столькихъ невинныхъ, и осужденный немедленно на смерть, положилъ душу свою за братьевъ, уповая на Господа, дарующаго возмездіе въ будущей жизни.

Милосердіе Божіе, соблазнул о скорбящихъ, даровало имъ немалое утѣшеніе въ ихъ бѣдахъ, когда по смерти нечестиваго влаетителя, умерщвлен-

наго: своими присылки; престало гоненію; при державѣ сына его Дамера. Халдѣеи сей, возобновили храмъ, нарушенный огнемъ его, съ Императоромъ Константиническимъ Романомъ Артуромъ, по просьбѣ его, позволилъ варьямъ возстановить изъ развалинъ обрушенныхъ ихъ святилища. Услышавъ о семъ разрѣшеніи, обрадовался върный народъ Іерусалимскій; но не чувствую себя въ силахъ совершить столь великое дѣло, отправилъ посланниковъ къ преемнику Романа, державшему скипетръ, Константину Мономаху; въ умиленной просьбѣ гражданъ жаловало было, въ каковъ бѣдственномъ положеніи впали Христиане, жители Св. града, послѣ разоренія святилища; посему и заклинали Богомъ, простерть къ нимъ руку помощи и царственными щедротами возобновить низверженное зданіе. Предстоятели посольства были никто Іоаннъ, по прозванію Киріантъ, уроженецъ Царградскій, именитый по роду и еще болѣе по добродѣтельной жизни; который, оставивъ почести свѣтскаго званія, послѣдовалъ за Христомъ, и облеченъ въ санъ извѣстнѣйшій, убого обиталъ въ Іерусалимѣ. Іоаннъ, съ должною заботливостію, успѣшно исполнилъ свое посольство и исходатайствовалъ, у боголюбиваго Кесаря, все нужное для расходовъ на сооруженіе новаго храма, радостно возвратился въ Іерусалимъ, гдѣ утѣшился весь клиръ и народъ; какъ болящихъ послѣ тяжелой немощи. Патріархъ Св. града былъ тогда благочестивый мужъ Никифоръ. Такимъ образомъ, съ дозволенія Халдѣеи, царственными издержками, возстановлена была ны-

ищия: церковь Воскреснія въ Иерусалимѣ, въ дѣ-
то отъ землетрясенія Христова 1048, тридцатисемь
лѣтъ послѣ ея разрушенія и за пятьдесятъ лѣтъ
годъ до освобожденія Св. града; сооруженіе ея
исполнило утѣшеніа Христіанъ, посреди угрожа-
ющихъ опасностей и непрестанной смерти; ибо не
прекращались частыя оскорбленія противъ варяго
дарода, какъ то: ослѣванія, удары, узы; темни-
цы и наконецъ всякаго рода извѣдья. Не только
подвергались имъ ищущіе съ неугрихими въ
снѣгомъ городъ, но даже и въ Осунъ и Виласемъ,
гдѣ были одни только Христіане. При каждой пе-
ремѣнѣ правителя области, возобновлялись прежніи
казни противъ народа Божія; для домогательства
денегъ, и если проиходили малѣйшія замедленія,
со стороны Патріарха или народа, въ исполненіи
начальственныхъ требованій, имъ угрожали не-
медленнымъ разрушеніемъ храма; недостойные и
алчные правители притворялись, будто уже змыли
ихъ рукавъ своихъ царское повелѣніе разрушить
храмъ, если немедленно не будутъ уплачены ко-
дани. Во время правленія Арабовъ и Египтянъ,
Христіане пользовались еще нѣкоторою пощадою;
когда же превозмогли Турки надъ обоими Халиф-
ствами и овладѣли Св. градомъ, то въ теченіе трид-
цати-шести лѣтъ, жителіи Иерусалимскіе подверглись
жесточайшимъ гоненіямъ, до самаго освобожденія
ихъ Крестоносцами. »

Архіепископъ Тиреній оставилъ намъ въ краткое
описаніе церкви Св. гроба, какъ она была въ епо-
ху Валасеана Тир. кн. 4, гл. 4, 5, 6; 1011. 1012. 1013.

время, и волею ея: обмереніи: и на: локотки: горы: Сѣверной, (вероятно: Гіонскій, ибо / тамъ назывался и въ древности: обвалъ: лежащій: крестъ), сооружеио: крупная: церковь: воскреснію: Христова; каѳедра: ивѣаново: имени; цѣтому: что: надъ: нѣю: господствуютъ: гора: ии: склоны: крестъ: она: стѣна: Крестъ: прииъ: высоко: поднять: на: брусныхъ, нудя: само: еиъ: ииъ: нѣю: съ: видъ: ииъ: на: поеру: оставлено: оувертїе, нъ: крестъ: преллнваетс: необходимый: прѣтъ: во: внутренность: аданїа, и: подъ: стѣна: откертїемъ: находится: гробница: Спасителя. Преледе: однако: же: пришествїа: Латиняиъ, мѣсто: страданїа: Господня; называемое: лобнїемъ: или: Голгозою, и: то, уде: обратено: было: честное: древо: креста; и: то, тѣ: помяно: было: тѣло: Спасителя: снито: съ: креста, и: обито: плащаницею, но: обичаи: Іудеиъ, находилс: внъ: объема: вышеупомянутой: церкви: и: на: нихъ: сооружены: были: только: малые: алтари, (вероятно: по: убожеству: тогдашнихъ: Христіанъ: Іерусалимскихъ, которые: заботилс: о: уиращенїи: главнаго: святилища: Св. гроба). Когда: же: наши, съ: помощїю: Божию, овладѣли: Св. градомъ, единномъ: убогимъ: и: тѣснымъ: показало: снъ: такое: еданїе, и: они, расширили: прежнюю: церковь, стѣна: прочною: и: великолѣпною: прѣстрої: крестъ, включили: и: сн: срященныя: мѣста: во: внутренность: еднго: общаго: дивнаго: храма. . . . .
... Киарозїиъ, въ: описанїи: о: оуиъ: Св. земли, и: ииъ: согласилъ: разекать: еиъ: глабера, съ: поиъ: вѣнїемъ: Архіепіскопа: Тирскаго; о: разлнчныхъ

строенияхъ обновленнаго храма, предполагать, что мать Халифа, Марія, начала только строеніе разрушеннаго зданія, съ помощію Христіанъ Запада и Востока; потомъ же оно постепенно довершено было Императорами Греческими, Романомъ и Михаиломъ, при помощи и Римскаго Конрада, какъ о томъ свидѣтельствуеть лѣтописецъ Кодритъ, и наконецъ совершенно украшено Императоромъ Константиномъ Мономахомъ. Гораздо труднѣе согласить Архіепископа Тирскаго съ Патріархомъ Доснеемъ, въ лѣтоисчисленіи Патріарховъ Іерусалимскихъ, ибо Вильгельмъ говоритъ, что при разореніи храма былъ Орестъ, а при сооруженіи Никифоръ; но Патріархъ Досней утверждаеть, что Орестъ святительствовалъ послѣ Никифора, уже во время Императора Романа, при коемъ обновлялся храмъ, и былъ отъ крови царской (что справедливо, ибо онъ приходился дядею Халифу); скончался же, послѣ двадцати двухъ лѣтънаго правленія, въ Царьградѣ, при Императорѣ Константиинѣ Мономахѣ. А послѣ Ореста упоминаеть онъ о Миѣ, Софроніи, Маріи, правившемъ четырнадцать лѣтъ, и наконецъ о Патріархѣ Симеонѣ, при коемъ уже Крестоносцы овладѣли Іерусалимомъ, не называя однако Никифора, о которомъ говоритъ Архіепископъ Тира.

Но изчисляя такимъ образомъ рядъ Патріарховъ, Досней говоритъ опять, что во время Императора Константина Мономаха, содѣйствовавшаго къ обновленію храма, Христіане Іерусалимскіе подняли и часть стѣнъ Св. града, и по ходатайству

Кн. VIII, гл. 22. " Кн. VII, 26. VIII, 4. . . .

царскому. испросили, у благосклоннаго къ нимъ Халфеа Фатимитавъ Дагера, исключительное право, владеть сею частію города, и не имѣть надъ собою никакого судію, кромѣ собственнаго Патріарха, который былъ тогда Никифоръ. И такъ вотъ и у Досиея является имя Никифора, пропущенное имъ въ каталогъ Патріарховъ. Участокъ города, предоставленный, снисхожденіемъ Дагера, въ область Патріархамъ Іерусалимскимъ, составлялъ четвертую часть онаго, т. е. весь сѣверозападный уголъ, присоединенный Царицею Еленою къ древнему городу и заключающій въ себѣ главное святилище Св. гроба и прилежавшія обители, почему и населенъ былъ исключительно Христіанами. Потомъ Досией говоритъ еще, что во дни Патріарха Софронія, т. е. въ 1064 г., многія тысячи западныхъ поклонниковъ, предводительствуемые двумя первостепенными ихъ Епископами, пришли вооруженною силою къ Іерусалиму и были приняты благочестивымъ Патріархомъ, со всевозможною честью, при звукахъ гимновъ и химваловъ, при блескѣ многихъ свѣтилниковъ, и что сіи поклонники, видя въ Іерусалимѣ и на пути къ Іордану многія разрушенныя обители, пролили обильныя слезы.

Благосклонный пріемъ, оказываемый Святителями Іерусалима пріищельцамъ Западнымъ, свидѣтельствуетъ, что они, посреди бѣдствій, ихъ обурывавшихъ, не принимали участія въ расприхъ, возникшихъ между Патріархомъ Цароградскимъ Михаиломъ Керуларіемъ и легатами Папы Діа IX, и не подозревали, что это былъ уже окончатель-

ный разрывъ между Церковію Греческою и Римскою. Патриархи Антиохійскіе, знаменитые своею ученостію, Петръ и Теодоръ Валсамонъ, какъ поддѣжашіе имперіи Греческой, послѣ освобожденія ихъ престола, и приходившіе въ Царьградъ по дѣламъ церковнымъ, письменно и словесно вступали въ праніе съ Западными; но изъ Іерусалима, кроткій инокъ Косма, украсившій своими добродѣтелями кафедру Царьградскую, въ мирѣ прошелъ пятнадцатое свое святительство, возвратившись опятъ въ стѣны обители, при воцареніи Алексія Комнина; одинъ только Патриархъ Симеонъ, послѣдній до Крестоносцевъ, писалъ противъ опроекъ, неправильно принятыхъ Римскою Церковію, и уже, быть можетъ, тогда, какъ самъ былъ насильственно выгнанъ съ своей кафедры, которую занималъ около двадцати лѣтъ. Патриархъ Досимей свидѣтельствуесть самъ, что рѣшительною причиною разрыва между Западомъ и Востокомъ были крестовые походы, во время коихъ Папы старались совершенно покорить себѣ всю іерархію Восточную, поставили Латинскихъ Епископовъ на мѣсто законныхъ пастырей Греческихъ.

Говоря о Императорахъ Греческихъ и властителяхъ западныхъ, благодѣльствовавшихъ Св. гробу, должно упомянуть и о Царяхъ Грузинскихъ, близкихъ тою же благочестивою ревностію къ мѣсту Воскресенія Господня, въ теченіе многихъ вѣковъ и начавше въ XI столѣтіи. — Такимъ образомъ, Георгій I. Куропалатъ основалъ въ Іеруса-

лишь великолѣпный монастырь во имя Апостола
Іакова, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оны страдали;
и сынъ его Вагратъ IV, обновилъ тамъ многія
обители, принадлежавшія Грекамъ и Грузинамъ,
особенно же церковь на Голгофѣ, ибо по родству
съ Императоромъ Романомъ, оны имѣли большее
участіе въ его благодѣяніяхъ Христіанамъ Пале-
стинскимъ. Архимандритъ Георгій, Іерусалимскій мона-
стыря на горѣ Афонской, которому обязаны Гру-
зины переводомъ священныхъ книгъ на своей род-
ной языкъ, былъ вернымъ исполнителемъ воли
царской, оставивъ по себѣ благую память въ Іеру-
салимѣ. Преемники Баграта, Георгій II. и Да-
видъ II., прозванный возобновителемъ, наследо-
вали и царственную ревность его къ украшенію
Св. мѣста, и всадомное имя Давида следственно
отдѣлившись, опять во градъ Давидовомъ, когда
дучинникъ царскій, самъ рода княжескаго, Арсе-
ній, посмѣившій себя подвигать шочества, ще-
дрою рукою спалъ милости его на Св. мѣста.

Одиннадцатый вѣкъ былъ особенно обилень
богомольцами, которые стремились одинъ за дру-
гимъ въ Палестину, и это уже сдѣлалось мало
по чину: необходимостію того времени. Наступив-
шее тысячелѣтіе отъ Рождества Христова, сопро-
вождаемое многими страшными знаменіями и бѣд-
отвѣтами, поразило умы всѣхъ, мыслию о скорой
кончинѣ міра; земля постыла для ожидавшихъ
сперей ея утраты и послѣдняго суда. Казалось,
одинъ только путь велъ на небо; сквозь пустыню
переходшаго міра, и этотъ путь лежалъ чрезъ

земной Иерусалимъ въ небесный. Никогда бы нельзя было подумать, говорить легионсецъ Глаберъ*, чтобы Св. гробъ Спасителя могъ привлечь столь несмѣтное число поклонниковъ. Сперва подвиглось низшее сословіе народа, потомъ среднее, дабы заняться куплями житейскими; наконецъ пробудились и сильные міра, графы, герцоги и князья; вѣтъ и Епископы подыались съ кавалеръ своихъ и могущественные Цари съ своихъ престоловъ; даже и самыя жены, простыя и благородныя, не устращивались дальняго пути, все устремились толпами къ Св. гробу; они шли на встрѣчу Антихриста, открывая себѣ путь въ дальнія края, говорить тотъ же легионсецъ западный, но не безъ завладѣнія остаются ихъ благочестивая ревность. Глаберу казалось уже, что раздается звукъ трубы Архангельской, возвѣщающій послѣдній день. Но глубокіе перевороты, нравственные таинствы въ самъ бурномъ стремленіи народовъ, и страшное составленіе Запада съ Востокомъ, временно сломило возрастающую силу исламизма, хотя и много повредило Церкви Восточной.

Макарій, Патріархъ Антиохійскій, открываетъ сей рядъ благочестивыхъ поклонниковъ одиннадцатаго вѣка. Движимый пламенною ревностію къ спасенію душъ, онъ оставилъ свою кавалеру, для продовѣди слова Божія Евреямъ и Сарацинамъ, и видя бѣдственное поруганіе Св. мѣсть, при безумномъ Халифѣ Хакимѣ, пошедь исцѣлить имъ помощь на Западѣ, гдѣ и окончилъ дни свои. Иной на-

* Кн IV. ** Histoire de Jerusalem, T. II. p. 315—320.

клевещи, Фульгъ чернаѣ, графъ Анговицкій*, трижды страждоуахъ во Св. землю, для очищенія многихъ своихъ убійствъ; и во вретинѣ терпѣла удары отъ своихъ служителей, на улицахъ Иерусалимскихъ: такое покаянiе возложилъ на него Первосвятитель Римскій.

Латинищецъ Глаберъ, пишетъ о чудѣ Св. огня, въ великую субботу, когдѣ свидѣтелемъ былъ богородецъ Одольрикъ Биноушъ Орлеанскій**. Когда все собраніе Христіанъ, соединившись въ храмъ Воскресенія, съ благоговѣніемъ ожидало появленія небеснаго свѣта, одинъ нечестивый Сарацинъ, ради насмѣшки, возгласилъ: агіосъ киріе слейсонъ, то что явля обличиваеши Христіане при явленіи огня, и вырвалъ свѣчу изъ рукъ Христіанина, но самъ вскоре умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Между тѣмъ Св. огонь являлся по обычаю, на одномъ изъ семи кандилъ, повѣшенныхъ на Св. гробъ, и отъ него зажгився прочія. Епископъ Одольрикъ купилъ за фунтъ золота, у Патріарха Иерусалимскаго, сію лампаду и привезъ ее въ свою церковь, испуляя мисломъ ея болящихъ.

Бенцоній, аббатъ монастыря Луцкаго, для забвенія горестей семейныхъ, сперва посвятилъ себя жизни иноческой въ Египтѣ, потомъ оскоуался временно на Сіонъ, благодаривъ Христіанамъ Восточнымъ, и благодаривъ сіи послужилъ ему отраднымъ воспоминаніемъ въ часъ смертный. Въ 1044 г., Рихардъ II, Герцогъ Нормандскій, принялъ на себя задоримъ остраштованія въ Палестину, Рихарда, аббата обш-

* 1020 годъ. ** Кн. IV, гл. 6.

тепи Викторовой, и съ нѣмъ семисотъ псаломщи-
ковъ. Съ торжествомъ вступили, омывъ Св. градъ,
при пѣніи псалмовъ, и благоговѣнно посетили все
Св. мѣста; аббатъ ранаго былъ камнемъ отъ Са-
рациновъ, въ минуту, когда погружался въ Иорданъ.
Въ присутствіи Патріарха и клера Иерусалимскаго
совершалъ онъ литургію на горѣ Сионской, въ
храмъ Тайной вечери, и омывалъ двѣнадцать
убогихъ, снабдивъ ихъ пищею и одеждою. Десять
лѣтъ спустя, еще болѣе многочисленная толпа,
трѣхъ тысяча богомольцевъ, пустилась въ путь, подъ
предводительствомъ Лундберга, Епископа Камбрен-
зійскаго, и толпа сія называлась ратью Божією;
по своему назначенію: Не дошедши до Ладонинъ
Сирийскихъ, монгольскія принуждены были съ го-
рестію возвратиться, ибо услышали, что Халифъ
Египетскій запретилъ Христіанамъ входить къ Св.
гробу.

Еще десять лѣтъ спустя, семь тысячъ поклон-
никовъ, подъ начальствомъ Сигорда, Архіепис-
копа Маннзскаго, и съ нимъ трѣхъ Епископовъ и
многихъ рыцарей Германскихъ, предприняли так-
же странствіе въ Иерусалимъ; о нихъ говоритъ Досе-
ей въ своей лѣтеникѣ. За одно поприще отъ Рамлы,
дружина сія принуждена была сражаться противъ
двѣнадцати тысячъ Арабовъ, некуменнаго роскошою
одежды Епископовъ и рыцарей; и хотя многіе изъ
нихъ погибли въ битвѣ, однако мужественно от-
разили нападеніе, съ помощію Турконовъ, послѣд-
нихъ къ нимъ изъ Иерусалима; съ торжествомъ
вступили они во Св. градъ, при звукѣ кимваловъ,

при своих факлах, и дали обильная даяния Патриарку, Св. отцу; для обителей Св. ащотъ, радруионскихъ Св. ащотъ; но уже церковь Св. гроба воздвигла съ изъ развалинъ храмъ ихъ прикладъ. Между половецкими было много купцовъ, которые задержали другихъ въ Палестинѣ, до продажи своихъ коней, а бѣже трое тысячъ изъ сей мисеписленной дружины положили кости свои на чужбину; ащотъ Генуезскій возвратилъ ихъ въ отечество. — Были и еще иные поклонники, во странствіи ихъ не имѣли ничего замѣтательнаго...

„ Турки, властвовавшіе тогда въ Палестинѣ, и на некоторыхъ споль торьво, шалоуааа; Арміійскіе Тира, принадлежали знаменитому племени Сельджукиловъ, воиминахъ изъ Туркменіи, съ береговъ Каспійскаго моря; родоначальникъ ихъ Сельджукъ, принужденный оставить родную землю, просланился подвигами воинскими въ окрестностяхъ Самарканды, а славный внукъ его Тогруль-Бекъ, дорого завладелъ Султану Корасалскому, Махмуду Газневиду, за допущеніе сильной орды его въ свои предѣлы. Бже бѣже умножилось могущество Тогруля Бекъ, когда слабій Халивъ Багдадскій, Капагы, притѣсняемый своимъ Эмиръ-ал-Омра, изъ племени властителей Персидскихъ, призвалъ къ себѣ на помощь Султана Сельджукискаго и передалъ ему, вмѣстѣ съ симъ блесвднимъ званіемъ, весь владычество въ державѣ Арабской. Тогруль-Бекъ забавлялъ его, и отъ нападеній Халифа Фатимидовъ и, ознаменовавъ себя новыми побѣдами, окрестилъ славное свое поприще въ Багдадъ, уже въ кач-

ствъ зятя Халифа. Мужественный его племянникъ, Альпъ-Арсланъ, участвовавшій во всѣхъ его битвахъ, наследовалъ его сану и власти при клубокѣ Халифѣ. Онъ распространилъ свои завоеванія въ Малой Азійѣ и соетизался съ Императоромъ Греческимъ Романомъ Диогеномъ, опекуномъ малолѣтнихъ дѣтей царственного Константина Дука.

Альпъ-Арсланъ, прозванный львомъ исламизма, съ малою дружиною встрѣтилъ многочисленное войско Греческое, въ предѣлахъ Арменіи, и тщетно предлагая миръ, принужденъ былъ отчаянно вступить въ битву. Победа осталась въ рукахъ его, и самъ Императоръ приведенъ былъ плѣнникомъ къ Султану; онъ наступилъ ему на выю, въ знакъ своего владычества, потомъ же привѣтливо спросилъ: «какой участи ожидать себя отъ побѣдителя?» «Если ты владыка Турковъ, отпусти меня съ честью, отвѣчалъ ему плѣнный Императоръ, если кунецъ, продай меня въ неволю; если палачъ, умертви меня.» Съ честью и дарями отпустилъ его Арсланъ; но уже имперія не хотѣла принять цѣрабейнаго однажды владыка; и заключеніе монастырское было жребіемъ Романа. Не долго торжествовалъ и Альпъ-Арсланъ; его поразилъ князь другаго именитаго плѣнника, нигъ шоруганнаго. «Вы все видѣшіе величіе Альпъ-Арслана; возросшій до небесъ, приндите посмотреть его во прахъ:» таковое надгробіе надшеице было ему на роднѣ въ Хорасанѣ. Омытъ его, столь же именитый Малекъ Шахъ, утвержденъ былъ Хали-

* 1072 годъ.

чани Каганомъ и его преемникомъ Мостади, во
всѣхъ достоинствахъ великаго отца, какъ непоколе-
бимый повелитель всѣхъ Мусульманъ.

Въ свою чреду, Малекъ Шахъ оказалъ великия
услуги Халифѣ; онъ покорилъ оружіемъ всю стра-
ну, отторгнутую отъ Багдада; частию Фатимитамъ,
частию Императоромъ Нимвехіемъ; имя Халифа
Аббасидовъ стало возноситься въ мечетяхъ Сиріи,
вмѣсто имени его соперника Мостангера, сына Да-
горова; изъ рода Фатимитовъ. Христіанская Антио-
хія впаде опять въ руки Магометавъ, Дамаскъ и
Іерусалимъ отырала врата свои побѣдителю, и
черное знамя Аббасидовъ стало развѣваться на ихъ
стѣнахъ, вмѣсто бѣлаго Фатимитовъ. Отсюда умно-
жились и бѣдствія Св. града, о немъ столь жа-
лостно вываетъ Архіепископъ Тира; ибо жестокое
иго Турковъ, суровыхъ сыновъ свѣра, было го-
раздо чувствительнѣе для него владычества Ара-
бовъ, болѣе образованныхъ, и уже смягчившихся
правами. Малекъ Шахъ успѣшно сражался и съ
друзьями императорскими въ Малой Азіи, и умръ
исполненный славы, посреди торжествъ своихъ въ
Багдадѣ, выдавъ дочь свою за Халифа Мостади;
но съ нимъ поколебалось и могущество племени
Сельджукидовъ. Сынъ его Баріарукъ уже прину-
жденъ былъ оспоривать оружіемъ права свои, у млад-
шаго брата Махмуда, хотя самъ признавъ былъ за
Эмира-эль-Омра, Халифомъ. Наконецъ, обширная
держава Сельджукидовъ раздѣлилась на пять частей,
между дѣтьми и родственниками Малекъ Шаха, и

образовалось изъ различныхъ династій, хотя и сильныхъ, но часто враждебныхъ другъ другу, въ Персїи, Керманѣ, Дамаскѣ и Анатолиі. Въ такомъ разрозненномъ состояніи застигли ихъ, въ годъ ХІ: въскр. Крестоносцы, и это было причиною ихъ первыхъ успѣховъ противъ ослабѣвшихъ Князей Турецкихъ, при соперничествѣ двухъ Халифовъ, Багдадскаго, Мостадера, и Мостади-бимала, Баснетскаго.

Красноречивый Архіепископъ Пира, Вильгельмъ, внѣшая послѣдніа бѣдствія, удручающія Христіанъ Палестинскійхъ, до начала крестовыхъ походовъ, такъ говоритъ о нихъ въ своей лѣтописи: «доиде еще продолжалось благодѣетвіе имперіи Греческой, была въкая отрада и Св. граду, въ нудлахъ его, отъ дома императорскаго; ибо здравое состояніе царства, вновь покорившаго соседніе Іерусалиму города: а: наипаче Антиохію, поддерживало и даваго: гражданскъ, хотя слабую надежду на освобожденіе. Когда же они, истомленныя собственными бѣдами, услышали горькія вѣсти о пероменицѣхъ единоцарствъ; тогда и самая жизнь ихъ постыла; ибо увидѣвъ себя обращенныхъ гниному работѣ! Въ: торкїа: времена сіи: случалось: многимъ, неч: числа Греховъ и Мучинъ, приходитъ на поклоненіе Св.: истаемъ; но: прошедшимъ тысячи смердей: на враждебныхъ спранамъ, въ виду Св.: храма; оная: завѣдла желанный входъ, если не въ: емакъ: брѣи: заплагитъ червонецъ: прирартыкамъ; и: такъ: многа: многіа тысячи, съ тщетномъ ожиданіемъ, томилсь

голодомъ и болѣзнями предъ стѣнами Св. града, и сіи живые мертвецы были только въ большую тягость для гражданъ, ибо они должны были питать живыхъ и хоронить мертвыхъ, когда и сами одолевались собственными заботами. Но и тѣ, которые заплативъ даже положенную дань, вступали во Св. градъ, столько же обременяли собою жителей, ибо они безпрестанно страшились, чтобы пришельцы, неосторожно обходя святыя мѣста, не навлекли на себя поруганія и ударовъ отъ Сарацинъ, и не погибли бы гдѣ либо тайною смертію, Песему, желая предупредить такія несчастія, они съ братскою заботливостію повсюду слѣдили за приходящими, не оставляя неопытныхъ одними.

Былъ въ Іерусалимѣ монастырь Амальфитянъ, называемый Св. Марією Латинянъ, и при немъ страннопримница, съ малою церковію во имя Св. Іоанна милостиваго, гдѣ принимались и содержались несчастные странники, милостію вѣрныхъ; ибо едва изъ тысячи одинъ могъ поддерживать себя, собственными средствами, утративъ ихъ въ дальнешь пути, вмѣстѣ съ силами тѣлесными. И такъ не было бѣднымъ гражданамъ покоя, ни дома, ни изъ домовъ, вездѣ одна лишь смерть и рабство, ужаснѣйшее самой смерти. Изъ довершенію бѣдотвѣй, они не были спокойны и внутри церквей, которыя обновили изъ развалинъ съ немощными трудами; ибо и въ нихъ, во время богослуженія, съ шумомъ и яростію врывались невѣрные, поражая Христіанъ, вскакивая на алтари, опрокидывая Св. потиры и попирая ногами священные сосуды,

и осылая поруганіями самый клиръ. Не было пощажено ими и священное лице Патріарха, представительствовавшего Церкви въ бѣдственныя времена сіи; какъ недостойнаго раба, невѣрные сохлакали его, за сѣдые волосы и браду, со священной кathedры и со смѣхомъ бросали на землю; иногда же безъ всякой причины заключали въ темницу, чтобы безчестіемъ Пастыря сокрушать паству. Подъ бременемъ столь жестокаго ига стоналъ народъ Бонній многіе годы, и днемъ и ночью, со слезами зывалъ къ Богу отцевъ своихъ, о спасеніи, дабы Господь престалъ облачать ихъ яростію своею и наказывать гнѣвомъ своимъ, ибо уже воъ низопали въ бездну золь: но какъ, по выраженію псалмопѣнца, бездна призываетъ бездну, такъ бездна золь привлекла наконецъ бездну милосердія, отъ Госпада всякихъ щедротъ, услышавшаго гласъ плача своего народа, и пришло избавленіе. Такъ по крайней мѣрѣ казалось Архіепископу Тирскому.

Въ числѣ поклонниковъ западныхъ, посѣтвшихъ Св. мѣста, пришелъ икто Петръ пустыжникъ, именовъ и дѣвнїями, родомъ изъ Франціи; человекъ большой добродѣтели и строгой жизни; онъ былъ роста малаго и убогаго вида, но въ маломъ тѣлѣ заключалъ великую душу. Вступивъ въ Св. градъ, болѣзненно пораженъ былъ Петръ, зрѣлищемъ Св. мѣсть, подъ игомъ невѣрныхъ, и ихъ мечети, заступившей мѣсто Соломонова храма, и конюшенъ Сарацывскихъ, примыкавшихъ къ самому зданію церкви Св. гроба. Какъ человекъ опытный, распросилъ онъ Христїанина, у коего остано-

идеся къ домъ , не только о настоящемъ бѣдствіи вѣрныхъ , но и о томъ , что терпѣли отцы ихъ , и въ теченіе долгаго пребыванія въ Св. градѣ , посетивъ самъ весь церкви , собственными глазами удостоверился , въ настоящемъ горестномъ состояніи дѣлъ .

Услышавъ , что Патріархъ Іерусалимскій Симеонъ , былъ человекъ добродѣтельный и богобоязливый , Петръ пожелалъ его видѣть , и вступилъ съ нимъ въ разговоръ чрезъ переводчика , по незнанію имъ языка Греческаго ; оба наслаждались взаимною бесѣдою . Патріархъ проникнувъ , въ простомъ богомольцѣ , человека благоразумнаго , съ большею опытностію и весьма убѣдительнаго словомъ , излилъ предъ нимъ со слезами душу свою , и видя , что и онъ не можетъ удержать теченія слезъ оныхъ , спрашивалъ его , не знаетъ ли какого облегченія въ такихъ скорбяхъ ? — « Грѣхъ наши , говорилъ плачущій Святитель , причиною , что Господь не внемлетъ нашимъ молитвамъ , ибо мы еще не довольно наказаны ; но быть можетъ , была бы и намъ нѣкая ослаба , если бы вышъ народъ , искренно служащій Богу , и еще крѣпкій и строгими силами своими врагамъ нашимъ , принялъ бы сюда къ намъ на помощь , или бы хотя помолился о насъ Господу Іисусу ; ибо мы уже болѣе ничего не ожидаемъ отъ Грековъ , хотя они къ намъ и ближе , какъ по самой мѣстности , такъ и по узамъ крови . Едва могутъ они защищать самихъ себя ; до такой степени упала прежняя ихъ сила , и ты уже могъ слышать , какъ , въ теченіе послѣднихъ

немногихъ лѣтъ , они внезапно утратили половину своего царства.»

Пустынный Петръ отвѣтствовалъ Патриарху : «свѣдай святой отецъ , что если бы Римская Церковь и вѣснители Западные извѣщены были о гоненіи , какое вы здѣсь терпите , чрезъ человека достойнаго вѣры , то непременно постарались бы приложить нѣкое врачеваніе вашимъ язвамъ. И такъ нашии Папъ и Государямъ пространныя посланія , скрѣпленныя твоєю печатію ; я же вызываюсь отнести ихъ и повсюду идти , съ помощію Божіею , просить для васъ помощи!» Обрадовались такой рѣчи Патриархъ и присутствовавшіе Христіане , и воздавъ должную хвалу пустынноку Петру , за его ревность , снабдили его отъ себя желанными грамотами.

Нѣсколько времени спустя , говоритъ тотъ же лѣтописецъ западный , когда пустынный молился въ храмъ Св. гроба , о успѣхъ своего путешествія , заснулъ онъ , и въ сонномъ видѣніи узрѣлъ Господа Іисуса Христа , ему говорящаго : «встань Петръ , и поспѣши исполнить данное тебѣ порученіе , безъ всякаго страха , ибо я съ тобою буду ; — настало уже время очищенія сихъ святыхъ мѣстъ и помощи вѣрнымъ моимъ служителямъ.» Еще болѣе возбужденный снѣмъ сновидѣніемъ , пустынный Петръ простился съ Патриархомъ , и съ его благословеніемъ отплылъ въ Италію ; достигнувъ Рима , вручилъ онъ Папъ Урбану II. грамоту Святителя и бѣдствующихъ Христіанъ Палестинскихъ , самъ же , прейдя Альпы , пошелъ возвѣщать бѣдствія

Иерусалима всему Западу, въ слухъ народа и сильныхъ земли, возбуждая всѣхъ къ освобожденію Св. мѣсть, и приготавливая умы и сердца къ принятію перваго зова, какой услышать отъ Римскаго престола. — Тогда, по выраженію инаго лѣтописца, разверзлась къ Востоку дверь Латинянъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
Глава I. Разореніе Іерусалима Римлянами.	1
— II. Церковь Іерусалимская въ три первые вѣка.	17
— III. Сооруженіе храма Св. гроба и прочихъ святилищъ	34
— IV. Святительство Св. Кирилла Іерусалимскаго	56
— V. Иночество въ Палестинѣ	67
— VI. Переселенцы Римскіе.	82
— VII. Смятенія отъ Пелагіанъ.	97
— VIII. Обители Виллеема и пустыни.	113
— IX. Кончина и ученики Св. Евонміа.	143
— X. Св. Савва освященный и Феодосій киновіархъ	158
— XI. Патріаршество Иліи и Іоанна.	176
— XII. Святительство Петра.	201
— XIII. Смятенія Оригенистовъ.	216
— XIV. Обитель Серида	235

Глава XV.	Духовный дугъ Іоанна Мосха	245
— XVI.	Раззореніе Іерусалима Персами	265
— XVII.	Завоеваніе Іерусалима Арабами	283
— XVIII.	Халифатъ Омміадовъ.	300
— XIX.	Гоненія иконоборцевъ	315
— XX.	Халифатъ Аббасидовъ	332
— XXI.	Упадокъ Аббасидовъ	349
— XXII.	Халифатъ Фатимитовъ	363

ИСТОРИЯ

ИЗРАИЛЕВЪ.

ИСТОРИЯ

СВЯТАГО ГРАДА

ИЕРУСАЛИМА,

ОТЪ ВРЕМЕНЪ АПОСТОЛЬСКИХЪ И ДО НАШИХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

С. П. Б.

Въ типографіи III. отдѣл. собств. Е. И. В. канцеляріи.

1844.

Отъ Комитета С. Петербургской Духовной Цензуры печатать дозволяется. Марта 13-го 1844 года.

**Цензоръ Морскаго Собора
*Протоіерей Тимовскій Никольскій.***

XXIII.

ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ.

Патріархъ Сивскаго.

Григорій VII, основатель владычества папскаго, простиравшій честолюбивый взоръ свой на все престола Запада и Востока, чтобы подннзнить ихъ единой кресдръ Рима, уже жаждаль орвободить гробъ Господень, силою оружія, и по словамъ его, душа его была прнсорбца даже до смерти, поплку нр. моль себе исполнить. Посланннми Императора Греческаго Мнлана Дуки, послъ Бѣлнскнмаго, пораженія Романа Диогена, представлн

Римъ, умолять Папу, о защитѣ противъ сильнаго Малекъ Шаха и возраставшей силы Сельджукидовъ. Но хотя Григорій и писалъ ему въ отвѣтной грамотѣ, что пятьдесятъ тысячъ воиновъ, подъ его личнымъ предводительствомъ, готовы выступить на помощь Христіанамъ восточнымъ; хотя и возбуждалъ, окружными посланіями, властителей Европы къ освобожденію Св. мѣсть, и посылалъ туда на покаяніе великихъ преступниковъ, однако голосъ мощнаго Папы остался безъ дѣятельнаго отголоска, посреди ~~неудобной~~ борьбы его, съ Императоромъ Римскимъ Генрихомъ IV; онъ только посѣялъ сѣмена, въ свое время произрастившія плодъ. Викторъ III, его преемникъ, дѣйствуя въ его духъ, звалъ также Западъ къ освобожденію Востока; ~~и велѣлъ только~~ ~~поднять~~ ~~дисциплине~~ города Италіи, вооружить свои флоты, для бесполезныхъ высадокъ на берега Сиріи.

Дѣло сіе предстояло Папѣ Урбану II, котораго мощное слово двинуло всѣ народы Запада къ Востоку, и тогда началась новая воинственная эпоха для Иерусалима, названная на два столѣтія лице всей Халдеи, и дѣланъ оставившая глубокіе слѣды свои на Востокъ. Новая стлія западная, племъ Франковъ, примышало къ стізіи Арабской и Турецкой, уже заслужившей первобытную образованную стілію міра Греческаго, который сподобляемо преврътъ въ обновленной Христіанствомъ Св. земли. Въ великіе духъ ~~и~~ ~~не~~ преставныя кровопролитія Франковъ и Турковъ, милліонами труповъ устали всѣ пути Сиріи, а хотя,

отъ сего страшнаго сраженія Запады съ Востокомъ, возникло въ послѣдствіи превращеніе въ Европѣ, не много пользы принесло оно будствующей Палестинѣ; надъ которою еще болѣе оягочилась это Магометанское, но удаленіи Франковъ; а между тѣмъ истребилось постепенно сокровище обитателей пустыньскихъ, подъ превозмогавшимъ вліяніемъ: первосвященниковъ Западныхъ, и остатки учености духовной, которую славились еще лавры Св. Саввы и Феодосія, Кривія и Харитонія, подъ игомъ Арабскимъ, и чести совершило; когда, послѣ бурнаго прѣлива и отлива волнъ западныхъ, осталась только одна твердая цѣпь, столпникъ христіанства въ Св. градѣ и духоборова въ Св. земляхъ.

Уже преподѣ Петра пустыньника оплоскало по всему Западу; когда дошли въ Римъ посланники отъ новаго Императора Греческаго, Мануила Комнина, укрѣпленнаго онять, о: зашити противи Турокъ; оди ихъ племя, подѣ предводительствомъ Султана, влдвараго въ дровной Никей и угрожаю Царьграду. — Урбанъ II, созвалъ соборы въ Пласенци; на кооры предстали и посланцы Кривія; но соборенныя неустроенна Запада таи озаботили оцены собора, что не дали имъ времени заняться дѣлами Востока. Въ Клермонте, посредо родственной ему Франціи, шадвался Урбанъ на большіе усилки, и шавалъ себя отъ лосекъ, поеди саму; послѣ жалостнаго оицанія будствующей Св. земляхъ, уставившомъ Петромъ, краснорѣчиво возмался

съ кнезды, въ слухъ собранныхъ вокругъ него тысячъ, всякаго званія и рода :

«Вы слышали изъ устъ очевидца, вы внимали посланіямъ Христіанъ Восточныхъ ; онъ рассказалъ вамъ бѣдственную участь народа Божія и града Царя царей, отколъ истекло и на васъ чистое преданіе истинной вѣры! — Дивный гробъ, побѣдившій самую смерть, гробъ сей, источникъ будущей жизни, надъ коимъ востекло солнце воскресенія, поруганъ тѣми, которые сами воскреснутъ только для вѣчнаго огня! — Торжествующее нечестіе распространило мракъ свой на весь Востокъ; Антиохія, Ефесъ, Никея уже въ рукахъ Магометанъ, съ береговъ Геллеспонта, угрожающихъ Христіанскому міру ; если самъ Богъ ихъ не удержитъ, вооруженіемъ собственныхъ чадъ своихъ, кто затворитъ предъ ними двери Запада? — Посреди столькихъ золъ, когда и самый храмъ Господень посрамленъ былъ неверными, кто бы могъ удержать, въ ихъ опустошенныхъ жилищахъ, блюстителей Голговы, согражданъ Богочеловѣка, если бы не страшнопріимная любовь къ посѣтителямъ Св. мѣсть? если бы не страхъ оставить безъ богослуженія, безъ алтарей и священниковъ землю, еще всю обгаженную кровію Іисуса Христа? Горе намъ, братія и чада, что мы дожили до сихъ бѣдственныхъ временъ! для того ли явились мы на свѣтъ, въ сей отверженный звѣкъ, чтобы видѣти опустошеніе Св. града и пребывать въ мирѣ, когда видимъ его въ рукахъ враговъ Божіихъ? Не лучше ли пасть въ битвѣ, нежели терпѣть долге столѣ

ужасное зрѣлище? Восплачемъ вмѣстѣ о грѣхахъ нашихъ, вооружившихъ на насъ небесный гнѣвъ! восплачемъ, но слезы наши да не будутъ какъ сѣмя, посеянное на песокъ; нѣтъ, да возгорится пламя священной войны, огнемъ нашего покаянія, въ любовь къ братьямъ нашимъ да будетъ крѣпче самой смерти, въ борьбѣ нашей противу ихъ враговъ!»

«Войны, внемлюшіе словамъ моимъ, вы, не престанно ищущіе предлога къ суетной брани между собою, радуйтесь, ибо вотъ причина войны законной! — Настало время показать, истинно ли ваше мужество; настало время искупить столько нашихъ, во дни мира, столько побѣдъ, оскверненныхъ неправдою! Вы, столь часто бывшіе ужасомъ своихъ согражданъ и продававшіе за постыдную мзду руки ваши, для чуждой мести, нынѣ вооруженные мечемъ Маккавеевъ, идите защитить домъ Израилевъ, виноградникъ Господа силъ. Дѣло не объ отмщеніи обидъ человеку, но обидъ, нанесенныхъ Богу, не о приступѣ города или замка, но о завоеваніи Св. мѣстъ! — Если побѣдите, благословенія небесныя и царства Азійскія будутъ вашимъ удѣломъ; если же падете, будете имѣть славу умереть на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и Господь вашъ Иисусъ Христосъ, и не забудетъ васъ Богъ, видѣвшій васъ въ святой своей дружинѣ! Да не удержатъ васъ, въ домахъ вашихъ, житейскія чувства, малодушныя связи! войны живаго Бога, внемлите только воздыханіямъ Сіонскимъ! разорвите всѣ узы земныя и помните слово Господне:

кто любить отца своего и матья паче мене, тотъ не достоинъ меня! — и всякой, кто оставитъ домъ свой, или отца, или матья, или жеу, или кады, или: наследіе, имени моего ради, восприметъ сторицею и наследуетъ животъ вѣчный!»

Речь Урбана, глубоко проникнутая духомъ и самыми обстоятельствами того венеціанскаго вѣка, воспламенила сердца всѣхъ, ибо въ каждомъ наша себѣ вѣрный отголосокъ! — Внезапно поднялся весь сонмъ на возъ пастыря, и единодушно воскликнулъ: «такъ хочетъ Богъ! такъ хочетъ Богъ!» — «Крестъ сей да будетъ нашимъ ратнымъ знаменемъ, и да воавеститъ повсюду присутствіе Господа сядь!» сказалъ Урбанъ, возмущившей тогда, и поднимая знаменіе креста, прошепсая «самъ Іисусъ Христосъ исходитъ изъ гроба и предлагаетъ вамъ крестъ свой! крестъ сей да будетъ знаменіемъ народовъ, соединяющій разрозненные племена Израилевы! носите его на груди и на плечахъ, на щитахъ и хоругвахъ; онъ будетъ для васъ залогомъ побѣды или палмою мученичества, непрестанно напоминая вамъ, что Христосъ за васъ умеръ, и что вы должны также за него умереть». Велѣлъ за сильною рѣчью Папы, объявлено было всанародное отпущеніе грѣховъ наущившимся дотязанъ креста; и первый Алемаръ, Епископъ бывшій въ послѣдствіи видаріемъ папскимъ въ крестовыхъ дружинахъ, принялъ на себя крестъ, изъ рукъ самаго Урбана; за нимъ Епископы, Князья и рыцари, въ такомъ множествѣ, что неостало мѣста святительской, для дѣланія изъ насъ крестовъ

на грудь вѣнчалою, возвыше устремить въ Палатину. Свѣтъ Палат., Императора Римскій и Короля Французскій, не могли словъ во гласъ крестоносцевъ, по внутреннимъ смятеніямъ областей своихъ, хоти и объявлять была перемѣнно. Миръ Божій, страждавшій, хоти въ некоторомъ мѣстѣ, безопасности гражданъ и вутѣхотѣ, отъ неслѣдъ бѣснечальныхъ воиновъ, тогда жестокаго времени. Не другіе именитые Князья поднялись для освобожденія Св. земли, и вой Бирса пришла въ военное, неслѣдъ сабора Клермонтскаго; ибо всякаго мѣстѣ надежда добычи и жобль, слушавшая вѣста и удовлетвореніемъ въ тѣхъ грѣхъ, и цѣлымъ подчница всаго возраста, званія и пола, двинулись, не зная сами куда, спрашивая только: гдѣ Іерусалимъ?»

Изумительно и вѣстѣ странно было сіе ордаше, всей почти Европы, внезапно умноженной для збушной брани, и возставшей, какъ одинъ человекъ, при единодушномъ воелъ: «такъ хотеть Божь!» Сильные земли продавали или поручали церквямъ свое достояніе и брали мечъ; пастыри приновлядали миръ внутренній и внѣшнюю брань; ремесленники, земледѣльцы бросали свои ремесла и плуги, и стремились на Востокъ; слабыя жены, малыя дѣти шли впереди полковъ, и каждый городъ казался имъ Іерусалимомъ, по совершенному незнанію мѣстѣ. Это было обратное движеніе, съ Запада на Востокъ, народовъ, наводившихъ некогда Римскій миръ съ Востока на Западъ; но жестокая кровопролитія оамменовали сіе необъяк-

ное движеніе, и Еврою, какъ ближайшіе драги
мисси Христова, тысячами погибали, когда еще
не достигнуто оружіе крестоносцевъ до враговъ ихъ
даленныхъ.

Доколя Князья и бароны готовились выступить,
съ своими избранными дружинами, первый поднялся
съ стотысячною постройною толпою, асликаго зва-
нія, самъ пустынникъ Петръ, возмечтавшій, что
двигатель столькихъ милліоновъ можетъ быть и
возможенъ итъ! — Вальтеръ немущій, такъ про-
званный по своему убожеству, начальствовалъ имъ
редовный отрядомъ, и взшедши въ предѣлы Болга-
гаріи, ведумалъ состязаться съ жителями, вторяны
раздражилъ безпорядками своихъ полчищъ. Въ умал-
ленномъ числѣ достигъ онъ до стѣнъ Царьграда,
куда, въ такомъ же бѣдственномъ положеніи, при-
велъ остатки бѣдствующихъ своихъ послѣдователей
и пустынникъ Петръ, разорявшій также на пути,
области Венгровъ и Болгаровъ, въ отищеніе за
урокъ своихъ предшественниковъ. Болѣе двухъ
третьей сего многолюднаго войска погибло, и слабые
остатки были приняты дружелюбно Императоромъ
Алексіемъ Комнинымъ. И третій отрядъ свя-
щенника Нѣмецкаго Готшалка, подвергся той же
участи, отъ тѣхъ же безпорядковъ, въ долинахъ
Венгаріи. Когда непрестанно умножавшееся число
крестоносцевъ стало дѣлаться опаснымъ и тягост-
нымъ, для окрестностей столицы Греческой, Им-
ператоръ убѣдилъ пустынника Петра, переправить
свои дружины на берегъ Азіійскій, и тамъ они всѣ
погибли, въ жестокомъ сраженіи противъ Тур-

ири, и наконец легко было одолеть истеричную войну, замедлившую отъ голода и болзани. Такъ погибли шварьскіе крестоносцы, въ числѣ трехсотъ тысячъ оставившіе родную страну свою. — Промывадникъ бѣдственнаго похода, возвратился со стыдомъ въ Царьградъ, ожидать пришествія новыхъ крестоныхъ дружинъ, уже болѣе устроенныхъ, ибо они начинали творили негуманитарные князья, грабят и бароны западныхъ державъ; но съ тѣхъ поръ, отъ не имѣлъ вліянія на дальнѣйшій успѣхъ крестоносцевъ.

Готфредъ Бульонскій, Герцогъ Лотарингін, происходившій по женскому колену отъ Карла великаго, стоитъ во главѣ престовыхъ дружинъ, какъ самое свѣтлое лице тѣхъ временъ, прославленное въ лавописяхъ и въ нѣсмяхъ; ибо онъ по истинѣ былъ образцемъ мужества и всѣхъ доблестей рыцарскихъ своего вѣка. Готфредъ выступилъ въ походъ, съ пятидесятью тысячами войска, два мѣсяца спустя послѣ собора Клермонтскаго, въ сопровожденіи двухъ родныхъ братьевъ Евстація и Валдуина, и двоюроднаго, Валдуина Бурснаго: (два послѣдніе должны были ему наследовать на престолѣ Іерусалимскомъ). Вслѣдъ за нимъ двинулось все благородное рыцарство Франціи и Германіи, прославившееся въ битвахъ; путь его не былъ ознаменованъ, безпорядкамъ первыхъ полчанъ, и Король Венгерскій Коломанъ, равно какъ и Болгары, открыли ему свободный проходъ къ Царьграду. Хотя самъ Король Франціи Филиппъ, будучи въ общеніи церковнаго, не могъ участвовать въ бранн

крестовой; изъ брать его Гуговъ великій, Герцогъ Верандійскій, устремился за Готаредомъ съ лучшими членами рыцарей своей родины. Ему послыдовали и два славные Роберты, одинъ Герцогъ Нормандіи, сынъ завоевателя Англіи Вильгельма, другой владетельный Графъ Фландрій, и Стефанъ, Графъ Шартрскій, одинъ изъ образованнѣйшихъ владѣтелей своего времени. Нанъ Урбанъ благословилъ самъ дружицы сіи, которыя отчасти выходили чрезъ Италію, чтобы морскимъ путемъ достигнуть Востока. Шествіе ихъ возбуждало ревность другой отрасли выходцевъ Нормандскіхъ, завоевавшихъ югъ Италіи: Князь Тарента, хитрый Босмундъ, непрестанно воевавшій съ Императоромъ Греческимъ, рѣшился на время оставить брань сію, для брани крестовой, и повлекъ за собою до тридцати тысячъ воиновъ, съ витязями Италіи, между коими въскъ банетальнѣе былъ дворянскій братъ его Тамбредъ, краса рыцарства.

Еще одинъ сильный владѣтель поднялся изъ южной Франціи, съ стотысячнымъ войскомъ, уже испытаннымъ въ битвахъ противъ Мавровъ Иованскіхъ, Раймундъ, Графъ Тулузскій, другъ Епископа Адегара, бывшаго душею перваго крестоваго похода, въ качествѣ легата папскаго. Раймунду, подобно какъ Босмунду, Балдуину и Готареду, предназначено было навсегда оставить свое отечество, чтобы основать въ Сиріи новыя державныя княжества, которыя болѣе стали бы стражами нападенія Сарацинскія. Путь Раймулда лежалъ чрезъ Ломбардію и Адриатическое поморіе къ Царьграду;

подъ стенами его собралось все войско крестоносцев, в том числе и Греховъ, которые шли съ ними частью отрядки, въ продолженіе разновременныхъ походовъ различныхъ дружинъ. Уже Императоръ Алексій Комнинъ самъ не радъ былъ признаннымъ какъ пришельцамъ Западу, ибо они опустошали его предѣлы, и стараясь скорее сбавить ихъ въ Анатолю, какъ и первыя полчища. Но умный Государь, вѣдая ихъ блескомъ царскаго двора своего и великолѣпіемъ древней египетской, взявъ средоточіемъ домогався сбавить въ своихъ вассалахъ, чтобы приобрести плоды будущихъ завоеваній, и вынуждалъ постепенно присягу въ карности отъ Готфреда, имъ усыновленнаго, Боэмунда, Гурона, Раймунда и другихъ могущественныхъ владѣтелей. Сто тысячъ всадниковъ было шестисотъ тысячъ пѣшихъ перенесли Боэморъ, подвѣсивъ предводительствуемъ различныхъ вождей, и ополчились предъ стѣнами Нижей.

Завоеваніе сего древняго города, знаменитаго на двумъ вселенскимъ соборамъ, было первымъ подвигомъ соединенныхъ дружинъ крестоносцевъ, которые жаждали отнестись Туркамъ, за истребленіе на тѣхъ же мѣстахъ перваго отряда Петра пустынина. Напрасно надѣялся попомокъ Малекъ Шахъ, Султанъ Килыкъ Арсланъ (львиный мѣль) на кривость своихъ трехсотъ шестидесяти батальонъ и на силу племени Турецкаго, одолевшаго Греховъ и начавшии пришельцевъ Западныхъ. Послѣ многихъ кровопролитныхъ вылазокъ и приступовъ, они предприняли слать горю Императору, и встрѣтить еще

однажды крестоносцевъ , въ жестокой битвѣ близъ Дорилеи , уже болѣе не беспокоили на пути , опустошая только предъ ними селенія и поля Малой Азій . Голодъ и болѣзни , болѣе чѣмъ оружіе враговъ , истребляли дружины , медленно подвигавшіяся къ Востоку , по совершенно неизвѣстнымъ для нихъ дорогамъ ; междуусобіе возникло въ передовомъ отрядѣ , между братомъ Готфреда Балдуиномъ и Танкредомъ , по случаю завоеванія приморскаго Тарса . — Далѣе Балдуинъ извѣстилъ долгу крестоносца и , оставивъ священную цѣль Іерусалима , для болѣе легкаго завоеванія Едессы , утвердился на новомъ княженіи , которое похитилъ у Грековъ и Армягъ .

Въ позднюю осень спустились ослабѣвшія дружины ; съ дикихъ ущелій Тавра , гдѣ претерпѣли всякаго рода лишенія , въ благословенныя долины Сиріи ; онѣ ополчились станомъ подъ крапкими стѣнами Антиохіи , не болѣе какъ четырнадцать лѣтъ завоеванной опять Сарацинами . Медленность сей осады , которую слишкомъ скоро надвѣялись окончить ; была истиннымъ бѣдствіемъ для крестоносцевъ . Сперва развратъ , а потомъ болѣзни и уныніе , ослабили духъ войска ; многіе бѣжали и въ числѣ ихъ самъ проповѣдникъ похода , пустыиникъ Петръ , со стыдомъ возвращенный въ станъ . Частыя стычки съ осажденными пробуждали однако мужество ратныхъ , и вожди ихъ Готфредъ , Боэмундъ и Танкредъ , особенно отличались своими подвигами . Напрасно посланные Халифа Египетскаго , убѣждали ихъ оставить дальнѣйшее завоеваніе ,

предлагли свободный входъ для безоружныхъ въ Иерусалимъ; напротивъ и Князья Алепа, Дамаска и другихъ городовъ Сиріи, вооружались для спасенія Антиохіи. Весною, приближеніе могущественнаго Султана Моссульскаго Кербога, на немощь осажденнаго, угрожало двойною опасностію крестоносцамъ; главные вожди согласились, хотя и противъ воли, уступить владычество сему городу Князю Бесумуду, который на сихъ только условіяхъ обещалъ скорое завоеваніе Антиохіи, ибо вступилъ уже въ тайныя сношенія съ нѣкоторыми изъ осажденныхъ; но слову его, крестоносцы, подмывшись въ бурную ночь, на одну изъ самыхъ крѣпкихъ башенъ Антиохійскихъ, овладѣли внешнею городомъ, при страшныхъ кликахъ: «тикъ хочетъ Богъ!» и древняя столица Востона обагрилась кровію ея защитниковъ.

Антиохія пала, но тяжкая сія побѣда была еще труднѣе своими послѣдствіями; не успѣли крестоносцы предаться вполнѣ своей радости, какъ уже показались на окрестныхъ горахъ несмытныя полчища Сарацынскія. Глава Сельджукидовъ Баркиарукъ, сынъ Малекъ Шаха и Эмиръ-эль-Омира, по назначенію Халифа Багдадскаго, властвуя самъ въ Персіи и Багдадѣ, велѣлъ Султану Моссульскому, Кербогу, идти съ Князьями Алепа, Дамаска, Иерусалима и прочихъ городовъ Сиріи, встрѣзять намѣстнѣе пришельцевъ Западныхъ. Ужасъ объялъ обеззащитныхъ долгою осадкою пришедшихъ сего сонмища враговъ; они запертыми въ стѣнахъ недавно покоренной ими Антиохіи, изъ

осаждавшихъ отъѣздившихъ внезапно осажденными; и завидуя преданному своему положенію; ибо въ тѣ бѣдствія, какія терпѣли Турки въ стѣнахъ города, ихъ одолевала, — голодъ и болѣзнь; уже многіе изъ вождей стали расматривать въ своемъ необдуманномъ предпріятіи. Тогда главные начальники, легаты папскій, Адемаръ, Герцогъ Готеродъ, Графъ Раймундъ, возбуждая уназдій духъ воиновъ, рисованомъ небесныхъ видѣній и мнимыхъ обретеніемъ копья, конемъ прободенъ былъ на крестѣ Спасителя. Оныя одушевилось войско, опять потребовало битвы, и выступило изъ стѣнъ, съ увѣренностію побѣды, на невумлвнныкъ столь неожиданною бѣдростію враговъ.

Легаты : Адемаръ, возбуждѣвъ рвѣнію дружины, съ благословеніемъ пропустилъ ихъ мимо себя, и сталъ въ срединѣ полка, съ хоругвями и щитомъ; покрывъ святительское ризосо воинскую брѣню. Готеродъ, Балдуинъ и Танкредъ, бились на правомъ крылѣ. Гуговъ и днъ Роберта на лѣвомъ; болззиселный графъ Тулузскій Раймундъ остался въ Антиохіи, на стражѣ импѣгорода; коверный бдѣлся въ явѣ битвы, Босмундъ прикрывалъ озадн дружины. Замкнула шестоедн битва и не учелла враги; изъ первыхъ побѣждалъ Эмиръ Иерусалимскій, Сомавъ, сынъ Ортона, пришедшій на помощь Султану; но Эмиры Алеца и Дамаска удалялись въ тылъ и едва не опрокинули дружины Босмунда; Готеродъ и Танкредъ шествующи къ помощи, и Султанъ Мосудскій, явля съ вылетѣмъ, гдѣ раскинутъ была великолѣпная шахеръ

область, подобно Босмунду и Балдуину, встопице своим крестоносцевъ, въ приступахъ къ прибрежнымъ городамъ; ибо Императоръ Алексій уступилъ княжество Лаодикійское Графу Раймунду, и онъ домогался отнять Триполи у Турнокъ. Оставивъ въ сторонъ кривія твердыни Акры, войско достигло Рамлы и Эмсауса, уже только въ числѣ семидесяти тысячъ; и ому остатку шестисоттысячнаго ихъ полчища, собравшагося за два года предъ тѣмъ подъ стѣнами Царьграда, суждено было исполнить обѣтъ свой, освобожденіемъ Іерусалима; самое малолюдство благопріятствовало успѣху, ибо вся несметная толпа поклонниковъ, затруднявшая собою походъ и продовольствіе, извѣдала въ горахъ Малой Азіи и въ долинахъ Сиріи.

Между, тѣмъ Іерусалимъ уже подвѣлъ иному владычеству. Халифъ Египетскій, воспользовавшись отсутствіемъ войскъ Турецкихъ, которые сражались съ Франками подъ стѣнами Антиохіи, овладѣлъ опять Св. градомъ; посланники его явились еще разъ въ станъ крестоносцевъ, съ предложеніемъ мира, если хотятъ посѣтить безоружными поклонниками Св. мѣста; — общій вошьъ негодованія былъ отвѣтомъ Халифу. Намѣстникъ его въ Іерусалимѣ, Иовникаръ адлауи, заботился о укрѣпленіи стѣнъ и приготовленіи запасовъ для долгой осады; онъ отразилъ всѣ свѣрстныя нападенія и съ шестидесятьютысячною войскою, въ кою считалось до двадцати тысячъ вооруженныхъ граданъ, надѣялся образить невѣдомыи ему враговъ. Но мѣръ ихъ приближенія, совсѣлились для защитѣ

города окрестные жители Сарацынскіе, изъ Галилен и отъ береговъ Иордана, предавая у себя огню и мечу церкви и безоружныхъ Христіанъ. Тѣ, которые спаслись отъ гибели, возвѣстили горькую вѣсть сію крестоносцамъ, ополчившимся въ Эммаусъ, и тѣмъ возбудили ихъ ревность; конечно въ этомъ опустошеніи погибло множество иноковъ и обителей окрестныхъ ~~пустынь~~, о коихъ не упоминають лѣтописи крестовыхъ походовъ, какъ о чуждыхъ. Жители Вилеема просили себя защиты отъ нападенія Турковъ; доблестный Танкредъ былъ посланъ къ нимъ съ сотнею всадниковъ; онъ первый изъ крестоносцевъ, имѣть болѣе достойный, поклонился колыбели Вилеемскаго Младенца, и знамя его поднялось на вершинѣ вѣлаколыбнаго храма **Волжества**.

XXIV.

ЗАВОЕВАНІЕ ІЕРУСАЛИМА КРЕСТОНОСЦАМИ *.

Никто не смыкалъ глазъ въ Эммаусъ, наканунѣ того дня, когда долженъ былъ предстать крестоносцамъ предметъ ихъ давнихъ, пламенныхъ желаній, — Іерусалимъ! Внезапное затмѣніе луны навело сперва уныніе на дружины, но оно разсѣялось тою надеждою, что ущербъ луны знаменовалъ пораженіе невѣрныхъ, избравшихъ ее своимъ символомъ. На разсвѣтъ радостно двинулись крестоносцы, и когда, съ вершины послѣдней горы, внезапно открылся ихъ взорамъ Св. градъ, невыразимый восторгъ овладѣлъ сердцами всѣхъ, и одно только имя Іерусалима, переходя изъ устъ въ уста, громко раздавалось по окрестнымъ долинамъ, при звукѣ оружія, готоваго его покорить. — О сколько слезъ пролито было, при зрѣищѣ твоего града,

* Michand. Hist. des Crois. liv. 3, 4.

Босниды: Иисусе! восклицая: благодетельный: даго-
ниваетъ: одинъ, бросаая коней своихъ, мадали на ко-
лѣна: и съ воздыханіями: цѣловалъ землю, гдѣ: сту-
жалъ: Госноде: ихъ; другіе: простирали: безоружными
руки къ: Иерусалиму, повторяя: обѣты: своей: ослобо-
дить: еще, съ: языками, которые: обгласили: въ: кожда
область: Колариконтскій; ари: давали: обѣты: нуднаго
движенія: Западна: (и) Востока: «хвать: кохвать: Бога!
такъ: похвать: Бога!»

На: разсвѣтъ: копѣ: же: дня: выступилъ: изъ: (Вне-
ресепа: Танкредъ: и, отправивъ: подъ: стѣнами: города
нападеніе: Сарацины: на: передовой: отрядъ: Бал-
дуина: досады: (и) ошель: на: гору: Флессскую, чтобы
насладиться: отголъ: зрѣлищемъ: Св. града, въ: утрен-
ней: красотѣ: его: и: въ: тишинѣ, еще: не: нарушенной
звуками: браней. И: мадали: онъ: уже: видѣлъ: прибли-
женіе: воинства: крестоносцевъ, но: являя: прикуле-
донъ: балъ: сразиться: самъ: съ: являю: Сарацинами,
которые: думали: одолеть: одного: и: бѣжали: отъ
его: страшнаго: меча. Танкредъ: возвратился: непре-
дливо: къ: своимъ: дружинамъ, которая: ополчилась
съ: сѣверо-западной: стороны: Св. града, усадной
милитивными: садами, и: балъ: удобней: для: атака,
по: рѣшному: мѣстоположенію; ибо: отъ:сюда, съ: про-
чихъ: сторонъ, Иерусалимъ: окруженъ: глубокими: огра-
дами: и: горами. Царственный: Готфредъ: сталъ: посред-
никъ; съ: двумя: Робертами, Нормандскимъ: и: Фландр-
скимъ; по: бокавъ: его, противъ: воротъ: Дамасскихъ,
и: малыхъ: Ирода, и: явля: закладенныхъ; пракъ: ихъ
Танкредъ, предъ: угольною: сѣверо-западной: башней:
Станъ: Графа: Раймунда: Тулузскаго: простирался: съ

западной стороны, противъ воротъ Виафенсонскихъ, или Давидовыхъ, на высотахъ горы Исмаелинской, по которой лежить обычный путь поклонниковъ западныхъ; но такъ какъ глубокий оврагъ, прудовъ Соломоновыхъ, отдѣляетъ его отъ города, то онъ перенесъ въ послѣдствіи часть своихъ шауровъ на самую гору Сіонскую, гдѣ, по близости стаятъ, идогѣ безпомощны егѣ стрѣлы непріятелей. Малый отрядъ войскъ поставленъ былъ и на вершинѣ горы Элвонской, во вся восточная и южная стороны, гдѣ пролегалы глубокія долины Иосафатова и Еннѣна, оставались свободными, и непріятель могъ черпать воду изъ купели Силеамской, у подножья Сіона.

Со слезами умиленія смотрѣли крестоносцы на Св. градъ, уже какъ бы объземлемый ихъ руками, и жаждали добыть его, чтобы въ шель напитать душу израильтянъ святыни, для которой прийли надалена, чрезъ столько странъ, бѣдствій и трудовъ: Тома Христіанъ Іерусалимскихъ, изгнанная изъ своихъ жилищъ неверными, еще более возбуждала ихъ ревность, расказомъ претерпѣваемыхъ гоненій; жемъ, дѣти и старцы, задержаны были заложниками, взрослые обречены на тяжкія работы, пресоходившія ихъ силы; церкви разграблены для содержанія войскъ Сарацинскихъ; блюстителъ страннопорівнищы западной вверженъ въ темницу; за вооруженіе его крестоносныхъ обратій. Самъ Патриаркъ Симеонъ заблаговременно удался на островъ Кипръ, чтобы тамъ просить милостыни у вѣрныхъ, для спасенія своей паствы, которой угро-

жани, оцнть разореніемъ Св. мѣсть, если не запла-
титъ, нецѣмърной дани, договорно, владѣющей на
всѣхъ Христіанъ Іерусалимскихъ. Пробывавъ во все
время осады на островѣ, ревностный Патріархъ не
преставалъ доставлять отсюда денежные пособія и
прислать осаждающимъ, которые заплатили ему не-
благодарностию по вѣяніи Св. града, ...
Съ первыхъ дней осады явился въ ставкѣ
Христіанскій . . . . . пустынный, поселившійся на
горѣ Элеонской, и умолялъ не отлагать при-
ступа, именемъ Іисуса Христа, общая добле-
ду. Общаніе сіе имѣло дуку ратныхъ, и,
бывъ вслѣдъ драгоцѣннѣй, вожди рѣшились не
приступать, ожидая явнаго покровительства Божія и
памятуя бѣдствія долгой осады Антиохійской. Въ
большемъ порядкѣ приблизились полки къ твер-
дынямъ; они стѣснились подъ шитами, чтобы
укрыться отъ метаемыхъ камней и стрѣлъ, но
тѣсно усиливались, жѣлезными ломами, сокрушить
толстыя стѣны, одна только лѣстница достигла до
якъ вершины; тысячи храбрыхъ на нее устреми-
лись и, въ рукопашномъ бою, сражались съ Араба-
ми, изумленными такою дерзостію: — конечно кре-
постосны овладѣли бы въ сей день Іерусалимомъ,
если бы имѣли хотя нѣкоторыя орудія, необходи-
мыя для осады. Но чудо, ими ожидаемое, по гла-
су отшельника, не совершилось, и они принужденны
были отступать, оплакивая свое легковѣріе, ибо
много храбрыхъ погибло на стѣнахъ.
Чувствуя необходимость стѣнбитныхъ орудій,
но не видя нигдѣ въ окрестности дѣсовъ, крепостос-

цы порубили весь маслины, сломали дома и самыя керки, чтобы только добыть себѣ дерева, и бытъ можетъ, пострадали тогда сосѣднія обитатели пустыни Иерусалимской, заблаговременно опустыившія. Изъ медленному успѣху осады присоединилась еще еще суха, ибо лѣтній зной начинался въ ущелияхъ Палестинскихъ, когда крестоносцы подступили къ Иерусалиму; Колодези всѣхъ, отравлены были колодези; купели Силоамской не доставало для стодѣсятыхъ ратныхъ: всѣ ужасы жажды стали томить войско, подъ раскаленнымъ небомъ пустыни, и одна только мысль занимала воиновъ и вождей, — добытіе прохладной струи. Днемъ и ночью толпы богомольцевъ скитались по окрестнымъ горамъ, съ опасностію впасть въ руки враговъ; когда же находили гдѣ либо живую струю или колодезь, часто, еѣ мечемъ въ рукахъ, оспаривали другъ у друга каплю воды. Сосѣдніе жители приносили въ мѣшкахъ болотную воду, изъ застоявшіяся колодезей, но и ее съ жадностію глотали воины; не смотря на смрадный запахъ, хотя и самые кони отъ нее отвращались. Вода сія послужила источникомъ кровавой болѣзни, и внезапной смерти; воздухъ заразился отъ тлѣнія труповъ. Каждый день умножалъ томленіе крестоносцевъ; за душнымъ днемъ слѣдовала стольже душная ночь; не было ни росы утренней, ни прохлады вечерней, такъ что самыя сильныя взнемогали и лежали неподвижно въ матрахъ своихъ, умоляя Бога ниспослать имъ ливень и грозу. Всѣ проклинали чуж-

дое: в: ной: шее: небо, : зноль: не: гостя: пр: имное: для: при: шиди: ту, и: сами: ре: ностные: ста: ли: ко: леба: лся: въ: нурь, : стра: дя: му: на: ми: въ: ви: ду: то: го: гра: да, от: но: лъ: и: стек: ло: об: ще: спасе: ния. Ни: ко: торы: да: же: не: ма: ли: се: бя: смер: ти, и: ус: тра: вля: лся: къ: ст: вна: мъ, ц: лова: ли: во: лоды: ше: ка: мня, : воск: ли: ца: : «ст: вны: Ие: ру: са: лим: ская: па: дите: на: насъ: и: по: кр: вите: насъ: свя: щен: нымъ: сво: емъ: пра: комъ!» . И: е: сли: бы: оса: жден: ные: не: бы: ли: са: ми: уде: ржа: ны, : стра: комъ: пер: выхъ: по: беды: ог: на: св: ящен: ныхъ: всю: А: зию, и: сд: лали: на: вале: ние, они: ло: гко: бы: одо: лали: при: шель: щевъ; но: Во: стокъ: тро: нста: лъ: предъ: нимъ: при: зре: комъ: За: па: да, и: горь: ко: сть: ж: ра: бныхъ: еще: ка: за: лась: ему: сто: лъ: же: стра: шною, какъ: ть: не: счи: тная: ты: ся: чи, : ко: торы: уже: по: ло: жи: ли: но: сти: свои: въ: его: пу: сты: няхъ! Са: ма: а: без: печ: ность: Хри: сти: а: нъ, : по: сре: ди: о: па: сности, у: бь: жда: ла: въ: не: воз: мо: жности: одо: лать: ихъ.

Начальная помощь охватила духъ воиновъ: въ станъ пронеслась вѣсть, что причалилъ флотъ Генуезской съ орунiемъ и принасами, и триста всадниковъ, посланныхъ изъ стана, пробился въ Яефу сквозь толпу враговъ. Между тѣмъ флотъ Египетской истребилъ суда Христіанъ; но уже запасы и всѣ нужныя орудiя сложены были на берегъ и благополучно достигли стана Иерусалимскаго, въ сопровожденiи опытныхъ художниковъ. Въ окрестностяхъ Самарiи открытъ былъ и строевой лѣсъ, по указанiю одного Сирийца, и всѣ дружно принялись за стѣнобитныя орудiя; рыцари и бароны не уступали въ ревности простымъ воинамъ. Одни стрѣляли башни и тараны, другiе носили воду въ

и врать, ить давить источникъ Виссина, Внесла
лесна в пустыня Предтечовой, инае же привожи,
влади коми для орудий и собирали сукія жезва для
платней; вездь закивала жизнь.

Въ короткое время соорудились три водоникныя,
трекъярусныя башни на колесахъ, превышавшия
самыя ствыны, на которыхъ можно было бросать съ
ихъ вершины подъемные мосты; видъ ихъ неволь-
нилъ ужасомъ осажденныхъ. Но вожди, пригото-
вляя все нужное къ послѣднему приступу, не оста-
вили возбудить въ душевнаго осторда дружину
своихъ, сильными рвчани многочисленныя сна-
щенниковъ. Разсѣявшись по стану, они всѣмъ
убивали къ взаимному ширу, нечаянно, забвению
обидъ; къ нимъ присоединился пустынный горы
Элеонской, «Вы, говорилъ онъ, пришлите изъ
дальняго Запада, для поклоненія гробу Господню,
возлюбите другъ друга, какъ братія, и освятитесь
покаянїемъ и добрыми дѣлами. Если повертется
заповѣдямъ Божиимъ, — онъ даруетъ вамъ овладѣть
святыгъ своимъ градомъ; если же будете упер-
ствовать, гнѣвъ его падеть на васъ.» Пустынный
обѣщавалъ имъ сдѣлать крестный ходъ вокругъ
Іерусалима, по подобію народа Божія, никогда об-
ходившаго ствыны Іерихонскія, которыя пала при
звукѣ трубъ и киваловъ жрацовъ Іудейскихъ.

Послушались благочестиваго совѣта крестнос-
цы, и послѣ строгаго трекдневнаго поста, воору-
женныя выступили изъ шатровъ, съ босыми нога-
ми и обнаженною головою, Впереди ихъ шли пре-
витеры и Епископы, въ бѣлыхъ ризахъ, съ харугъ

ваши, шлонами и крестами, воздвигая жолды; раз-
виги были и воинскія знамена; и слыши раздавалася
звукъ нимбалоу и трубъ. Отъ сѣла Готеродоу
началось шествіе и чрезъ долину Иосафату, мимо
Гасенмакии, слѣдовало на священныя высоты Элеон-
скія. Оттолкъ величественное зрѣлище отырылось,
взорамъ: къ востоку море Мертвое, къ глу-
бокой долины Иерихонской, какъ: яркое: зеркало,
и серебряная лента Иордана, съ лазурными
твердыцами зубчатыхъ Аравійскихъ горъ; къ
западу же, какъ на ладони, весь Иерусалимъ, въ
вищъ своихъ грозныхъ башенъ и яростные блѣд-
ные холмы Иудейскіе. На томъ мѣстѣ, гдѣ ступи-
ла въ послѣдній разъ на землю стопа Христова,
Арульдъ, будущій Латинскій Патріархъ Св. града,
тогда же еще только домашній священникъ Герцога
Нормандскаго, произнесъ краснорѣчивое слово, воз-
буждая крестовосцевъ къ довершенію ихъ обѣта.
«Видите ли наслѣдіе Христова, помираемое егда вра-
гаци? воскликнулъ онъ, обратясь къ Иерусалиму,
вотъ достойная награда всѣхъ вашихъ трудовъ, вотъ
мѣсто, гдѣ Господь проститъ вамъ все ваши согрѣше-
нія и благословитъ ваши победы!» Внимая рвемъ
его, Танкредъ и Раймундъ графъ Тулузскій, долго
наивыше между собою распрю за вышгородъ Антио-
хійскій, обнялись предъ лицомъ всей дружины, и бо-
гатые дали обѣтъ поддерживать убогихъ; все покля-
лись слѣдовать заповѣдямъ Евангельскимъ. И пу-
статникъ Петръ, виновникъ похода, при видѣ кре-
стовъ, которые съ ругательствами подымали на стѣ-
нахъ Сарацины, умолялъ вѣтязей креста, защитить

гонимого Христа, какъ распинаемого на Голговетъ его врагами. «Кликуе, воскликнутъ они, вашимъ оружіемъ и благочестіемъ; что царство тьмы миновалось! при первомъ движеніи Божіей рати, оно разсвѣтѣло какъ дѣнь, сего дня еще превозносятся враги; а завтра ужасъ ихъ обьетъ: на той самой Голговетъ, которой ругаются нынѣ. Они будутъ предъ лицами вашими, какъ стражи Римскіе; оставившіе, съ оружіемъ въ рукахъ, около Св. гроба; въ часъ воскресенія Христова, и падшіе на землю, какъ мертвые, при страшномъ землетрясеніи; которое обнаружиле миру присутствіе воскресшаго Бога. Виде жемного и весь сн мѣста обратятся въ храмы истиннаго Бога, и новыя храмы возникнутъ изъ развалинъ, и весь Иерусалимъ огласится опять псаломными пѣснями.»

Презвычайный восторгъ одушевилъ сердца вѣнцевъ; съ радостнымъ кликомъ спустились они къ купцу Силомской и поднялись на гору Сионскую, не обращая вниманія на метаемыя со стѣнъ стрѣлы и камни, отъ коихъ многіе пали на крестномъ ходу; благословляя Бога въ часъ смерти. Къ вечеру только возвратилось войско въ станъ, и вся ночь протекла на молитвѣ въ ополченіи Христіанскомъ; вожди и простые воины исповѣдывали грѣхи свои и укрѣплялись причащеніемъ Св. таинъ на предлежащій подвигъ. Глубокая тишина царствовала и въ Иерусалимѣ, обреченномъ послѣдней осадѣ: тамъ раздавались только пронзительные крики Муеззимовъ, сзывавшихъ къ молитвѣ, и страшное ожиданіе исполняло сердца всѣхъ!

Созвуть. Военачальниковъ и ближнихъ воспользо-
ваться общимъ восторгомъ для приступа на другой
день; и въ ту же ночь Готерель перенесъ станы
свои и перекатилъ огромную башню, съ позлащен-
ными на ней кресцомъ, къ юго-восточной станы,
болѣе благопріятной для осады. Танкредъ остался
противъ Виллемскихъ вратъ и угольной башни, и
между ними оба Роберта; а на Сионъ, Графъ Рай-
мундъ, цѣною денегъ, подъ тучю стрѣлъ, завадилъ
глубокій ровъ, отдальившій его отъ южныхъ твер-
дынь города, которыя защищала самъ Эмиръ Іеру-
салимскій. Начался ужасный приступъ и не
менѣе сильный отпоръ; стрѣлы и камни, кипящее
масло и Преческій огонь, сыпались на стѣнныя
орудія осаждавшихъ, и въ отважной вылазкѣ но-
вѣрные покусались смечь подвижныя башни, но
ихъ отразили, хотя и повреждены были орудія.
Ночь прекратила бой, и съ горестію возвратились
въ станы свои Христіане, вздыхая о томъ, что не
почесть ихъ достойными Богъ овладѣть Св. гра-
домъ для поклоненія Христову гробу; невѣрные же
ругались имъ со стѣвъ, которыхъ проломы сдѣла-
ли завалить камнями. Но въ теченіе цѣлой ночи
духовенство возбуждало въ шатрахъ доблесть вои-
новъ, и на утро уже опять были готовы къ бою и
люди и орудія. Съ разсвѣтомъ начался приступъ
на тѣхъ же мѣстахъ, тѣми же вождями и съ оди-
наковою яростію, посреди камней, стрѣлъ и дикаго
юпля біющихся и стена умирающихъ.

Во время боя, по словамъ лѣтописцевъ Запад-
ныхъ, двѣ чародѣйки явились на стѣнахъ, закли-

ная сила ада; на помощь кочевникамъ, и два гонца, посланные отъ Аскалона, куда приближалось уже многочисленная полчище Халифа Египетскаго, сделавъ провинуть въ городъ, чтобы поддержать духъ осажденныхъ надеждою на скорую помощь; но они были перехвачены крестоносцами и трупы ихъ брошены черезъ стѣны врагамъ. Дольше уже длился бой; подвижныя башни Христанъ въсколько разъ загарались, и недоставало воды для угашенія огня; зоркой крестъ на башнѣ Готерода прилежалъ къ некупленнымъ усиліямъ непріятелей и отъ биса съ двумя своими братьями, на верху площадки, убитой трупамъ его рыцарей; многие погибли у подошвы стѣнъ, подъ грудью низвергаемыхъ камней; огонь Греческій допиралъ самое оружіе воиновъ, некавшихъ спасти тараны и башни: подуденный звонъ довершалъ изнеможеніе ратныхъ, уже отчаявавшихся въ небесной помощи. Одно мгновеніе еще выжило; крестоносцамъ внезапно показався блещущій всадникъ на горѣ Длесской, который шипотомъ своимъ подавалъ знакъ, чтобы вступили въ городъ, и оба вождя, Готеродъ и Раймундъ, воскликнули въ одно и то же время, что самъ великомученикъ Георгій вѣтъ воборастъ. Имя небеснаго витязя оживило дружины, все съ новой ревностію устремились въ бой; щепы и дѣти, и даже болящія, стали разносить по рядамъ воду, пищу и оружія, и помогать воинамъ двигать туры.

Общими силами подкатили къ самой стѣнѣ башню Готерода, и не смотря на стрѣлы и огонь, спустился съ нее подземный мостъ;

плана, раздвинутое, непринятости, отъ нечаяннаго
зтра, обратилсь на нитъ самитъ, и водель на
двумя рыцарями; Готеродъ, третимъ, вскопль на
отъзу Иерусалимскую, въ сопровожденіи братьевъ и
иныхъ витазей; вслѣдъ за ними устренились въ
городъ и прочіи воины: и билсь по улицамъ съ
Сарицынами. Въ то же время, разнесоа слухъ, что
блаженный Епископъ Адемаръ и многіе крестоносцы,
надіе въ битвахъ, явились впередіи дружины
и водрузили знамена: свои на башняхъ Иерусалим-
скихъ. Одушевленные сими разсказомъ, Танкредъ
и два Роберта, проникли также во внутренность
города, при кликахъ «такъ хочетъ Богъ!» одни по
лѣстницамъ, другіе чрезъ проломы стѣнъ, и ра-
били съ кирами врати Геосманонія: для протей
голови. Еще медлль одинъ Раймундъ Тулузскій,
со стороны Сиона; но и его полни, услышавъ о
успѣхахъ своихъ братьевъ, бросилъ туръ и тараны
и по лѣстницамъ взобралсь на стѣны. Эмиръ Ие-
русалимскій иринужденъ былъ заключитсь въ крѣ-
пость Давида, такъ называемый вынгородъ; въ
проникшіе въ городъ, со слезами обнимались на
улицамъ, поздравляя другъ друга съ побѣдою. . . .
Крестоносцы вошли въ Иерусалимъ 11 Юля,
по вѣнчанію латинцевъ, въ пятницу, въ три часа
по полудни, т. е. въ тотъ самый день и часы,
когда Господь нашъ на крестъ испустилъ духъ;
сама торжественность сей минуты могла бытравъ
положить ихъ къ милосердію; напротивъ того,
раздраженные прежними ругательствами повѣршкль
и бдствіями шестинедѣльной осады, и даже со-

противодействию неприятеля: внутри стѣнъ, они послѣд-
нили кровопролитіемъ святой градъ, будущее нѣтъ
отечество. Не было никакой пощады побѣжден-
нымъ, ни въ домахъ, ни въ мечетяхъ, куда стека-
лись толпы беззащитныхъ. Въ мечети Омара по-
вторились опять также самые ужасы, которыхъ уже
однажды былъ свидѣтелемъ храмъ Соломоновъ,
разрушительный Титомъ; мѣсто сіе, казалось, исклю-
чительно было обречено небесному мщенію. Пѣшіе
и всадники, вмѣстѣ ввервались въ мечеть по грудъ
гѣлъ, посреди стога и вѣщлой смерти, и очевидецъ
свидѣтельствуеть, что внутри самаго храма натекло
крови до коленъ и даже до удила коней. Чтобы
ярнѣе изобразить сіе ужасное зрѣлище, дважды
повторившееся на томъ же мѣстѣ, можно привести
слова свидѣтеля перваго разрушенія храма, Юсефа
Флавія, который говорилъ нѣкогда, что число
убитыхъ мечемъ далеко превосходило число
умерщавшихъ, и что соседнія горы Юрдаискія
откликнули страшный кличъ смерти, исторгавшійся
изъ внутренности храма. Съ ужасомъ отвращается
воображеніе отъ столь плачевнаго зрѣлища, чтобы
оставаться на трогательной картинѣ Христіанъ,
которыхъ оковы разбили крестоносцы. Со всѣхъ
сторонъ обѣгались они къ побѣдителямъ, осыпая
ихъ пищею и водою; всѣ вкупѣ благодарили Бога
за избавленіе отъ неварныхъ; мустыжники Петръ,
за пять лѣтъ предъ тѣмъ, объявившій вооруженіе
Запада, былъ предметомъ общаго восторга, и осво-
божденнымъ, какъ бы забывъ о подвигахъ столь-
кихъ витязей, его одного провозглашали побѣдите-

лемъ, наумываясь, что одними человекомъ могло придти къ шибъ забвѣнію.

Тогда благонестивый Готарель, удержавшись отъ всякаго убійства, послѣ взятія города, оставилъ прочихъ вождей и, съ тремя только спутниками, безъ оружія и обуви, посетилъ царковь Св. гроба. Его примѣру послѣдовали прочіе вожди, и въ крестоносцы, сложивъ съ себя ратные доспѣхи, босыми ногами устремались въ святилище, исподняя плачемъ и воядыханіями Св. градъ. Въ тишинѣ наступившей ночи слышались только гимны псаломные, и такъ изумительна была сія внезапная перемена, что казалось дикіе воители, обогрѣнные кровію, провели всю свою жизньъ мирными отшельниками. Но на другой день обновилась опять ужасъ, бывшіе накануне; тогда оставшихся драговъ въ городъ и приближенію сильнаго войска Египетскаго устрашала побѣдителей, и жестокой приговоръ смерти пронзасенъ былъ всемъ Сарацынамъ Іерусалимскимъ. Тогда погибли и тѣ, коихъ сперва пошла дѣла жажда корысти, въ надеждѣ на богатый выкупъ: однихъ свергали съ башенъ и отъѣдъ, другихъ сожигали въ домахъ или умерщвляли на площадяхъ и въ подземельяхъ, гдѣ искали укрытія. Ничто не спасало, ни слезы, ни слабый возрастъ и полтъ, ни самое зрѣлище мѣсть, овященныхъ присутствіемъ Христовымъ; весь городъ заваленъ былъ трупами, и въ буйствѣ кровопрелія, зрѣлище сію никого не поразало. Милосердые числа крестоносцевъ не могли спасти обреченныхъ на смерть: триста Сарацынъ, взощедшихъ на вло-

падку мечети Омаровой, умерщвлены были, не смотря на знамя, данное имъ Танкредомъ, котораго сердце горело негодованіемъ, за такое нарушение слова и всѣхъ нравъ рыцарской чести. Снизлиса только тѣ, которые сдались Графу Раймунду въ крѣпости Давидовой, и нашлись даже люди, которые приписали сей поступокъ болѣе корысти, нежели милости.

Цѣлую недѣлю продолжалось кровопролитіе, во время коего погибло до семидесяти тысячъ Магометанъ и Евреевъ; сіи послѣдніе сгорѣли въ своей синагогѣ. Нѣкоторые каваліеры, избѣжавшіе участи своихъ братьевъ, принуждены были предавать землѣ гнѣвшіе трупы, для очищенія города отъ смрада; имъ помогали воины графа Раймунда, которые надѣялись найти еще что-либо между мертвыми, ибо менѣе другихъ получили добычи. Опять совершенно измѣнилось лице Іерусалима: въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ пережилъ своихъ жителей, вѣру, законы; по взаимнымъ условіямъ крестоносцевъ, каждый владалъ завоеванною имъ частию города: крестъ или щитъ на дверяхъ знаменовалъ владѣльца и отклонялъ другихъ; такимъ образомъ возстановился порядокъ. Часть обранныхъ сокровищъ опредѣлена была убогимъ и на украшеніе храмовъ; золотыя и серебряныя лампы мечети Омаровой достались Танкреду и были имъ раздѣлены съ Готфридомъ, котораго онъ избралъ своимъ Государемъ; два дня, на шести волахъ, перевезли изъ мечети всю богатую утварь. Но Христіане скоро отвратили взоры свои отъ себя

главнаго сокровища къ неглавному, когда увидѣли честное древо креста, которое нѣкогда взято было Хозроемъ и возвращено Ираклемъ, и вновь утасно взрыныи, во время осады, отъ хвощности враговъ. Крестоносцы, говорить лѣтопись, обрадовались сему обрѣтенію, какъ будто бы самъ Господь висѣлъ еще на честномъ крестѣ своемъ, и съ торжествомъ носили его по улицамъ Св. града.

Черезъ десять дней послѣ побѣды, вожди озаботились возстановленіемъ престола Давида и Соломона, дабы избранный ими могъ сохранить завоеванное Христіанами царство въ Палестинѣ. Посреди совѣта Князей, Графъ Робертъ Фландрскій изобразилъ, въ благоразумной рѣчи, подлежащую опасность, отъ окружавшихъ враговъ, при удаленіи многихъ изъ числа крестоносцевъ на родину; говорить также, каковы должны быть доблести избираемаго, междѣ въ Царя, нежели въ блюстители Св. граду, и въ отцы тѣмъ многочисленнымъ семействамъ, которыя, добровольными изгнанниками, посвятили себя, въ странѣ имъ чуждой, на служеніе Богу. Многие изъ числа вождей крестовыхъ могли имѣть надежду на престолъ Іерусалимскій, особенно Раймундъ, Танкредъ и два Роберта, не говоря уже о доблестномъ Готфредѣ; но вожди единодушно положили, для избѣжанія распри, чтобы будущій Король былъ избранъ, совѣтомъ десяти благочестивыхъ мужей, изъ числа духовныхъ и свѣтскихъ.

Наложили постъ и молитвы; избиратели дали

клятву безпристрастно увѣнчать только мудрость и добродѣтель, и послѣ многихъ испытаній, о каждомъ изъ главныхъ вождей, выборъ малъ на благочестиваго Готфреда, ради его доблестей воинскихъ и домашнихъ добродѣтелей, засвидѣтельствоваанныхъ его близкими, и ради общаго къ нему расположенія войска и народа. Многимъ представлялся онъ въ сновидѣніяхъ, окруженный величіемъ царскимъ, и его избраніе произвело единодушный восторгъ. Съ торжествомъ ввели его въ церковь Св. гроба, для присяги и вѣнчанія; но смиренный Готфредъ отрекся принять златой вѣнецъ тамъ, гдѣ его Спаситель вѣнчался терніемъ: онъ принялъ только скромное званіе Барона Св. гроба.

Когда Князья занимались избраніемъ достойнаго властителя Іерусалиму, духовенство обновляло церкви и разсылало пастырей по окрестнымъ городамъ, покорившимся оружію крестоносцевъ. Главною заботою его было назначеніе Патріарха; но выборъ сей не былъ столь счастливъ, какъ выборъ Короля, ибо, съ самой первой минуты владычества Христіанъ западныхъ въ Св. градъ, происки и нечистая корысть все исказили. Духовенство Греческое, не смотря на его права, пожертвовано было честолюбію Римскаго клира; забытъ былъ и законный Патріархъ Симеонъ, накликавшій сію бурную тучу съ дальняго Запада и помогавшій во все время осады крестоносцамъ. Онъ умеръ въ Кипрѣ, вскорѣ послѣ неблагодарнаго ихъ поступка. Православные избрали на его мѣсто, Архипастыремъ Евоніа, который носилъ титулъ сіе девятнадцать

лѣтъ, хотя и отсутствовала отъ своей пасты. Онъ былъ посредникомъ шира между Императоромъ Алексіемъ Комнинымъ и Керолемъ Сицилійскимъ Рогеромъ. При томъ же Императоръ упоминаются еще, въ санѣ Патріарховъ Іерусалимскихъ, Агапій и Савва, бывший Епископъ Кесаріи Филипповой; но они имѣли также пребываніе въ Царьградѣ*.

Арнульдъ, недоброй памяти канцелярь Герцога Нормандскаго, легкій нравами и жадный на корысть, поставленъ былъ, силою денегъ, Латинскимъ Патріархомъ Св. града. Первымъ его дѣйствіемъ была распря съ Танкредомъ, за сокровища мечети Омаровой, какъ будто бы имущество иноувѣрныхъ напещъ было достояніемъ Христіанскаго Первосвященнаго. Арнульдъ коварно старался возбудить зависть и негодованіе прочихъ Князей противъ Танкреда, представляя имъ, что не столько Церковь, сколько все она оскорблена присвоеніемъ общественныхъ сокровищъ частнымъ лицомъ; благородно защитилъ себя Танкредъ, правомъ войны и тѣмъ, что онъ жертвовалъ, большею частію добычи, храму Божію; а советъ Князей присудилъ ему дать только десятину своей добычи въ пользу Св. гроба, что составило до семи сотъ марокъ серебра. — Ничего не шадли крестоносцы для возстановленія благолѣвія церковнаго въ Іерусалимѣ; опять загуляла призывая мѣдь колоколовъ, умелкихъ со времени Халифа Омара, и варные, вошь окрестныхъ странъ, стали опять стекаться на поклоненіе Св. гробу; Геторедъ меккадженно учредилъ при немъ

* Досмо: ив. VII; гл. 28.

братство, изъ двадцати канониковъ Латинскихъ, которые, вмѣстѣ съ духовенствомъ Греческимъ, стали совершать богослуженіе. Онъ побѣдшилъ также обратитъ въ храмы обѣ мечети: Омарову, аль-Сагара, и аль-Акса, отнятую Халифомъ Абделъ Мелекомъ у Христіанъ, и учредилъ при нихъ братство, которое въ послѣдствіи замѣнили славные рыцари Храма. И въ Иосафатовой долинѣ, надъ вертепомъ Геосиманскимъ, устроилъ онъ обитель, изъ тѣхъ иноковъ, которые мужественно подвизались во время осады.

Когда Христіане предавались радости, о искупленіи Св. мѣсть, общее уныніе распространилось между Магометанами. Въ Багдадѣ, кадіи города Дамаска, принесшии горькую вѣсть сію Халифу Мостанверу, рвалъ себѣ седую бороду, въ его присутствіи, посреди дивана, и внимая ему Халифъ и весь диванъ плакали; установили посты и молитвы; ишамы и поэты, въ краснорѣчивыхъ проповѣдяхъ и стихахъ, описывали бѣдствіе Мусульманъ, сдѣлавшихся невольниками Христіанъ, и ужасы осады Іерусалимской. «Сколько крови, сколько бѣдствій! восклицали они; жены и дѣти погибли мечемъ! братіямъ нашимъ, некогда властителямъ Сиріи, нѣтъ другаго пріюта; промъ хребта быстряхъ своихъ верблюдовъ и утробы жадныхъ коршуновъ!» Столь велико было смутеніе Арабовъ, Турковъ и Египтянъ, что временно прекратилась между ними раздоры, бывшіе виною первыхъ усѣховъ крестоносцевъ. Жители Дамаска и Багдада одинаково стали ожидать спасенія отъ оружія Ха-

лиха Фатимитовъ, недавно ненавидимаго ими, какъ незаконнаго соперника племени Аббасидовъ. Со всѣхъ предѣловъ Востока, храбрые воины стали стекаться въ стаи его войскъ, приближавшихся къ Аскалону, подъ начальствомъ визиря Афдала, который еще недавно отнялъ у Турковъ Иерусалимъ.

Танкредъ и Графъ Фландрскій, посланные съ дружиною по окрестнымъ предѣламъ, поспѣшили доставить вѣсть сію въ Иерусалимъ и, ради близкой опасности, ее огласили ночью, при свѣтѣ факеловъ и при звукѣ трубъ, по всему городу. На разсвѣтъ громкій благовѣсть созвалъ крестоносцевъ въ церковь Св. гроба, дабы приготовились къ походу молитвою и причащеніемъ Св. Таинъ; столь велика была общая увѣренность въ побѣду, что ни малѣйшаго безпокойства не возникло въ городѣ и войскѣ. Король Готфредъ вывелъ дружины въ западныя врата Виелеемскія, въ сопровожденіи Патріарха Арнульда, съ честнымъ дровомъ креста. Жены, дѣти, старцы и слабые богомольцы, остались одни въ Иерусалимѣ, подъ надзоромъ пустытника Петра, чтобы молитвами содѣйствовать успѣху оружія. Графъ Раймундъ Тулузскій, не охотно сдавшій крѣпость Давидову, новому Королю, и безпечный Герцогъ Нормандскій Робертъ, довольный совершеніемъ своего обѣта, колебались слѣдовать за Готфредомъ, но и они увлечены были общимъ стремленіемъ; въ Рамлѣ ополчилось все воинство креста.

Услышавъ, что сильное войско Халифа распе-

ложилось станомъ, на равнинѣ Аскалонской, Готфредъ велѣлъ полкамъ своимъ приготовиться къ бою, наканунѣ праздника успенія. Съ разсвѣтомъ, каждая дружина собралась вокругъ своей хоругви, и Патріархъ, возвысивъ честное древо креста, какъ вѣрный залогъ победы, далъ благословеніе къ битвѣ. Съ пламенною ревностію двинулись крестоносцы, какъ бы на нѣкій пиръ, ни сколько не смущаясь числомъ враговъ, такъ что самъ Арабскій Эмиръ Рамлы, слѣдовавшій за ними, изумился мужеству воиновъ и обѣщалъ Готфреду принять вѣру храбрыхъ. Вся равнина Аскалонская покрыта была полчищами враговъ, которыя, опираясь на песчаные холмы поморія, распустили широкія крыла, чтобы окружить Христіанъ; вдали на высотѣ видѣлись башни Аскалона, въ пристани коего стоялъ флотъ Египетскій, съ припасами воинскими. Малочисленныя дружины Христіанъ показались несмѣтнымъ полчищемъ изумленнымъ врагамъ, потому что цѣлое стадо воловъ, лошадей и верблюдовъ, къ которому запретилъ прикасаться Готфредъ, изъ опасенія какой либо воинской хитрости, слѣдовало за звукомъ трубъ и подымало вдали широкое облако пыли.

Страхъ объялъ Сарацыновъ; они не ожидали, что Христіане отважатся выступить противъ нихъ въ поле, и вспомнили ужасное кровопролитіе въ стѣнахъ Антиохіи и Іерусалима, но уже закипѣла битва. — Король Готфредъ, съ десятью тысячами всадниковъ и тремя тысячами пѣшихъ, устремился къ Аскалону, чтобы воспротивиться нападенію засад-

наго войска и жителей. Графъ Раймундъ сталъ между неприятелемъ и его флотомъ; Танкредъ и два Роберта ударили на враговъ; черныя Африканцы сперва выдержали напоръ пѣшихъ и конныхъ, осыпавъ ихъ тучами стрѣлъ, и вступили въ рукопашный бой, за ними устремились и другія полчища Египтянъ; но ничто не могло удержать пыла крестоносцевъ. Герцогъ Нормандскій пробился до того мѣста, гдѣ самъ визирь Афдалъ распоряжалъ битвою, и выхватилъ главное знамя невѣрныхъ. Тогда общее смятеніе распространилось между ними и все ихъ нестройное полчище обратилось въ бѣгство: тысячами падали неприятели подъ мечемъ побѣдителей, бросая оружіе, и овѣжія войска Готфреда и Раймунда довершили поражение, какого давно не видали надмѣнные завоеватели Востока. Многіе погибли бѣдственно въ пустынь; до двухъ тысячъ задавлено было во вратахъ Аскалона, въ коемъ искали спасенія. Визирь Афдалъ, утратившій мечъ свой на полѣ битвы, видя конченную гибель, съ вершины башенъ Аскалонскихъ, въ тотъ же день бѣжалъ съ флотомъ въ Египетъ. Чрезвычайное обиліе припасовъ и богатѣйшая добыча вознаградили крестоносцевъ за ихъ подвигъ: уже имъ не было враговъ въ Палестинѣ; побѣда сія распространила всеобщій страхъ имени Христіанскаго отъ Каира до Багдада. По сказанію очевидца, монаха Роберта, и дѣтеписца, Архіепископа Тирскаго, двадцать тысячъ крестоносцевъ одолѣли на поляхъ Аскалонскихъ триста тысячъ Магометанъ. Сдѣлся бы и самый Аскалонъ, если бы не возникло ги-

Большое несогласіе между старшихъ вождей. Король Готфредъ и графъ Раймундъ оспаривали другъ у друга владеніе городомъ; внезапное, удаление Раймунда принудило Короля довольствоваться небольшою данью, которою откупились жители. Та же распря и та же неудача повторились и подъ стѣнами соседняго города Арсуфа, и уже раздраженный Король хотѣлъ сразиться съ непокорнымъ графомъ, но Танкредъ и оба Роберта бросились по срединѣ дружинъ и примирили державныхъ соперниковъ.

Съ торжествомъ и радостными гимнами возвратились крестоносцы въ Іерусалимъ; мечъ и знамя Аѳдала повшены были на столпахъ церкви Св. гроба, которую еще недавно онъ клялся разрушить до основанія. Такъ окончился сей первый крестовый походъ, взволновавшій весь Западъ и Востокъ! Совершивъ объѣзъ свой, Князья стали собираться въ обратный путь, предоставивъ защиту Св. ижесть мудрости Короля и мечу Танкреда, съ тремястами избранныхъ рыцарей. Не болѣе сего осталось въ Палестинѣ отъ милліона людей, принявшихъ на себя крестъ въ Европѣ, и хотя еще поднялись, въ теченіе краткаго времени, три новыхъ полчища, предводимые знаменитѣйшими изъ князей Запада, — они не достигли Іерусалима: но одно за другимъ, въ числѣ четырехъ сотъ тысячъ, погибли бездѣльно въ горахъ Малой Азіи, гдѣ воспользовались ихъ неопытностію орды Турецкія, разсыпавши ихъ крестоносцами около Никен.

Со слезами прощались оставшіеся въ Палестинѣ съ братьями ихъ, идущими опять на родину, и умоляли не забывать добровольныхъ паломниковъ; возбуждая новыхъ воителей изъ Европы; рыцари и бароны клялись не оставлять въ забвеніи Св. гроба и, возвратясь моремъ или сухимъ путемъ въ Европу, повсюду встрѣчаемы были съ пальмами въ рукахъ, какъ достойные витязи креста; но плачь о многихъ погибшихъ отравлялъ радость о маломъ числѣ возвратившихся. Графъ Раймундъ Тулузскій временно остался въ Царьградѣ, гдѣ укрѣпилъ за нимъ Императоръ княжество Лаодикійское, на поморіи Сиріи; онъ вызвался быть предводителемъ одной изъ трехъ новыхъ дружинъ крестоносцевъ; и хотя онъ бѣдственно погибъ въ Анатолиі, но самъ Графъ спасся отъ смерти. Герцогъ Робертъ Нормандскій, безпечный и сластолюбивый, дерзнулъ состязаться съ братомъ своимъ, Королемъ Генрихомъ, за вѣнецъ Англии, и умеръ въ долготѣней темницѣ, забытый своими подданными. Болѣе очастливъ былъ другой Робертъ, Графъ Фландрскій, благополучно возвратившійся въ свою область, равно какъ и Евстафій, братъ Короля Готгерда, смиренно управлявшій до конца жизни родовымъ своимъ наследіемъ. Но общее негодование Европы возстало противъ Графа Стефана Шартрскаго и Гугена, брата Короля Французскаго, за то что оставшии знамена креста еще подъ Антиохіею; они принуждены были, со стыдомъ, опять идти въ походъ, съ тремя отрядами, которые въ послѣдствіи погибли въ Анатолиі. А пустынный Петръ, первый двига-

толь столькихъ полчищъ, возвратясь въ отечество, заключился въ обитель, гдѣ еще шестнадцать лѣтъ велъ строгую жизнь инока, забывъ о бранныхъ тревогахъ, возбужденныхъ между Западомъ и Востокомъ, его мощнымъ гласомъ.

XXV.

КОРОЛЕВСТВО ІЕРУСАЛИМСКОЕ ФРАНКОВЪ.

Готфредъ, Балдуинъ, I. и II, и Фулькъ, игумень Руссій
Даніилъ.

Весьма непрочно было состояніе новаго королевства Іерусалимскаго, послѣ удаленія крестовыхъ дружинъ, содѣйствовавшихъ къ его основанію: не болѣе двадцати городовъ или мѣстечекъ зависѣло отъ Готфреда, въ окрестностяхъ его священнои столицы, и на сосѣднихъ другъ другу замкахъ, коими усѣяна была Палестина, хоругвь креста рѣдѣвалась недалеко отъ знамени лжепророка: Турки, Арабы, Египтяне, перемѣшаны были въ силахъ съ Христіанскими подданными Готфреда,

Michaud. Histoire des Croisades, Liv. V.

туземными Сирианами и Греками, и часто сии послѣдніе страдали отъ притѣсненія Магометанъ, не находя безопасности въ слабо защищенныхъ городахъ. Западные же пришельцы оставляли свое отечество, которое для многихъ казалось изгнаніемъ; дабы привязать ихъ къ собственности Палестинской, обнародованъ былъ законъ, что всякой домъ, усадьба, или поле, послѣ годоваго постоянного владѣнія, остаются за настоящимъ владѣльцемъ.

Прежде всего озаботился Готфредъ расширеніемъ своихъ предѣловъ и усмиреніемъ Магометанъ. По его повелѣнію, Танкредъ вступилъ въ Галилею и, овладѣвъ Тиверіадою и другими городами по теченію Іордана, получилъ себя въ награду княжество Галилейское. Приморскій городъ Арсуръ, стоявшій между Кесарією и Яффою, отказался платить дань, наложенную послѣ победы Аскалонской; Готфредъ, съ своими рыцарями, пошелъ осаждать его; тогда жители привязали къ дереву одного изъ рыцарей, Герарда, оставленнаго у нихъ заложникомъ, и выставили его на стенахъ города, цѣлюю стрѣлы, чтобы принудить крестовосцевъ къ отступленію. Горько плакалъ Герардъ, умоляя братій своихъ о пощаду; но хотя зрѣлище сіе раздирало душу кроткаго Готфреда, оно не могло поколебать его твердости. «Если бы и братъ мой Евстаѳій былъ на твоёмъ мѣстѣ, сказалъ онъ другу своему Герарду, я бы не могъ спасти его; умри же, благородный рыцарь, за вѣру и во славѣ Господа Іисуса; какъ истинный его витязь и мученикъ.» Умилив-

шійся Герардъ просилъ только молиться, о душѣ своей, и посвятить Св. гробу своего ратнаго коня и оружіе. Неудачна была осада; осенніе дожди принудили Готфреда отступить въ Іерусалимъ, съ горестію въ сердцѣ о напрасной гибели своего друга; но велика была общая радость, когда недѣлю спустя явился въ Іерусалимъ самъ оплакиваемый Герардъ, котораго пощадили невѣрные, ради его мужества, и возвратили Христіанамъ, чтобы снискать ихъ благосклонность. Готфредъ далъ ему въ награду горный замокъ Св. Авраама, къ юго-востоку отъ Вилесема.

Во время осады Арсура, многіе Эмиры Галилейскіе пришли привѣтствовать Короля Іерусалимскаго; они наумились, увидя мощнаго воителя, который потрясъ оружіемъ своимъ Востокъ, смиренно сидящимъ на разосланной по землѣ солодѣ, безъ всякаго наружнаго блеска. «Земля, изъ которой мы произошли и въ которую мы опять возвратимся, сказалъ имъ Готфредъ, не можетъ ли служить намъ сѣдалищемъ и во время жизни?» и еще болѣе подивились они столь смиренной рѣчи, исполненной мудростію ихъ Востока. Много расказывали и о необычайной силѣ Готфреда: одинъ изъ Эмировъ просилъ показать ему силу руки своей, и Готфредъ, ударомъ меча, отрубилъ предъ нимъ голову верблюда; когда же стали подозревать какую либо тайную силу, въ мечъ Готфреда, онъ взялъ саблю Эмира и отсекъ голову другому, верблуду, Богатырскій мечъ билъ и его рыцарскія

шпоры должны хранятся въ сокровищницѣ Иерусалимской.

По возвращеніи въ Иерусалимъ, Готаредъ радостно встрѣтилъ тамъ брата своего Балдуина, Графа Эдесскаго; и Кнзя Антиохійскаго Босмунда, съ остальными рыцарями и воинами креста, которые еще не посвятили Св. мѣсть, будучи отвлечены въ иные предѣлы Сиріи; къ нимъ присоединилось множество поклонниковъ западныхъ, такъ что общее число посѣтителей восходило до двадцати пяти тысячъ. Былъ между ними и честолюбивый Архіепископъ Пизы, Дамбертъ, воспитанный Папы Григорія VII; ревностный защитникъ преобладанія церковнаго. Пронесши и даромъ умѣлъ онъ захватить сперва престолъ патріаршіи Иерусалима; въ руку Арнулда, который неправильно заступилъ мѣсто законнаго Святителя Греческаго; потомъ же наполнилъ, корыстолюбивыми расприми, раздѣляющую Церковь Латинскую въ Св. градѣ. — Основываясь на томъ, что Халмъ Дагеръ, по ходатайству Греческаго Императора Романа, предоставилъ въ управленіе Патріарховъ Иерусалимскихъ четвертую часть города, которая прилежала къ храму Св. гроба; Дамбертъ потребовалъ себѣ сего участка; и не только уступилъ ему крѣпкій Готаредъ, но даже объявилъ всенародно, въ день пасхи, что башня или крѣпость Давида въ Св. градѣ будутъ принадлежать Церкви, въ томъ случаѣ, если самъ онъ умретъ безъ потомства.

Неустроенное состояніе новаго королевства, населеннаго людьми всякаго званія и исповѣданія, в

принцельцами; которые несли загладиѣ тяжкія свои прегрѣшенія въ Іерусалимъ; самовольность духовенства, возбуждаемаго примѣромъ Патріарха, и вассаловъ, едва признававшихъ надъ собою власть своего Государя, побудили мудраго Готфреда, положить преграды умножавшимся беспорядкамъ. Онъ воспользовался присутствіемъ Князей и созвалъ людей опытныхъ, въ палаты Соломоновы, гдѣ имѣлъ пребываніе, чтобы составить уложеніе для новыхъ своихъ подданныхъ. Учреждены были три судилища: одно высшее, подъ председательствомъ самаго Короля, для первостепенныхъ вассаловъ и рыцарей; другое, гдѣ засѣдали намѣстникъ Іерусалимскій съ выборными окрестныхъ городовъ, рѣшало тяжбы горожанъ; третье судилище, составленное изъ природныхъ жителей Сиріи, занималось ихъ управленіемъ и вершило дѣла, по ихъ законамъ и на ихъ языкѣ. Все сіе законодательство, самое совершенное изъ всѣхъ узаконеній того времени, носило названіе Уложенія Іерусалимскаго, или грамоты Св. гроба. Оно послужило въ послѣдствіи и для управленія всѣхъ государствъ основанныхъ крестоносцами на Востоку, и принято было даже на Западѣ.

Весною 1100 года, Князья и поклошники, посетивъ Іорданъ и Галилею, возвратились въ свои предѣлы. Готфредъ остался опять одинъ въ Іерусалимѣ, раздѣлять убежество своихъ подданныхъ и воиновъ, которыхъ не въ силахъ былъ даже содержать иначе, какъ ратною добычею. Одинъ только страхъ его имени поддерживалъ его владычество и

побуждалъ Эмировъ Аскалона, Кесаріи и Птолемаиды, добровольно платять ему подать, ибо города ихъ были гораздо крѣпче Іерусалима. Часто долженъ былъ подыматься Король на помощь Танкреду, непрестанно воюемому невѣрными; онъ доходилъ съ оружіемъ до Дамаска и горъ Ливанскихъ, и даже во внутренность Аравіи, какъ второй Іуда Маккавей, возстановившій некогда благосостояніе Іудей; но ему не суждено было довершить начатый подвигъ. Возвращаясь лѣтомъ, изъ-за Іорданскаго похода, занемогъ онъ недалеко отъ Яффы, такъ что уже не могъ держаться на конѣ. Флотъ Венеціанскій причалилъ туда, съ Дожемъ своимъ и Епископомъ, предлагая завоевать какой-либо изъ приморскихъ городовъ Сиріи. Умирающій Готфредъ предложилъ имъ Каиафу и, на одрѣ смерти номъ, занялся всѣми распоряженіями осады. Самъ же велѣлъ нести себя въ Іерусалимъ, гдѣ еще пять недѣль, удрученный тяжкимъ недугомъ, продолжалъ заниматься дѣлами королевства, допуская къ себѣ всякаго. Общій плачъ раздавался въ городѣ и въ церкви были наполнены народомъ, умолявшимъ Господа о спасеніи своего Государя; но не услышана была сія молитва. Причастившись Святинѣ, Готфредъ испустилъ духъ 17 Іюля, чрезъ годъ послѣ завоеванія Іерусалима, и былъ погребенъ подъ освобожденною имъ Голгозою.

Распри возникли въ Іерусалимѣ, послѣ кончины перваго Короля. Патріархъ Дамбертъ, основываясь на исторгнутомъ имъ обещаніи Готфреда, требовалъ себѣ его наслѣдія; но всѣ, носившіе

оружіе, чувствовали необходимость въ воинственномъ Государь, посреди окружающихъ опасностей, Родственники Готореда; съ его рыцарями, заняли башню Давидову и послали пригласительное письмо къ брату покойнаго, Графу Эдесскому, Балдуину, чтобы воспѣшилъ вступить на осиротѣвшій престолъ. Съ другой стороны, Танкредъ, только что овладѣвшій Каиафою, воспѣшилъ къ Іерусалиму къ зову Патріарха; но предъ нимъ заключили братья Св. града. Честолюбивый Дамбертъ обратился къ Князю Антиохійскому, умоляя его спасти Церковь, какъ некогда храбрый отецъ его, Робертъ Гвискардъ, спасъ Папу Григорія VII. изъ рукъ нечестивыхъ; но письмо сіе уже не застало Боэмунда въ Антиохіи. Неосторожный Князь достался въ плѣнь сильному Эмиру Туркомановъ, который увелъ его въ свои горы, и напрасно Графъ Эдесскій искалъ освободить его.

Услышавъ о кончинѣ брата, Балдуинъ уступилъ Эдессу родственнику; своему, Графу Бургскому, и самъ воспѣшилъ въ Св. градъ, съ отборною дружиною, сквозь непріятельскую землю. Эмиры Эмесскій и Дамаскій, хотѣли преградить ему путь въ ущельяхъ Финикійскихъ, около Бейрута; но оубавность Балдуина обратила ихъ въ бѣдники. Молва о побѣдѣ надъ неверными, предшествовала ему въ Іерусалимъ; весь народъ, Греки и Сиріянцы, встрѣтили его со крестами, какъ законнаго своего Государя, и торжественно привели въ храмъ Св. гроба. Напрасно Патріархъ, съ малымъ числомъ приверженцевъ, удалился на Сіонъ. Балдуинъ хо-

твѣ обнамешовать, внешнешигъ подвизомъ, вступле-
ніе свое на славный престолъ брата, и немед-
ленно пошелъ въ походъ къ Мертвому зорию, въ
горы Арарійскія; тамъ обрѣлъ Греческій мона-
стырь Аарона; въ извѣстней долинь, и самый
источникъ, чудно изведенный Моисеемъ изъ утеса;
когда Господь уморилъ его и брата, за нихъ сом-
нѣніе: Возвратившись съ добычею въ Іерусалимъ;
Король примирился съ Патриархомъ; и былъ вен-
чанъ имъ на царство, въ храмъ Визлемеиномъ, въ
самый день рождества Христова. Балдуинъ не отка-
зался, подобно смиренному брату своему, отъ вѣнца
царскаго, въ смутныхъ обстоятельствахъ; но и онъ не
смыслъ принять его на томъ мѣстѣ, гдѣ страдалъ
Искушитель міра; если Визлемеискія казались ему
болѣе священными, для торжества царскаго, не-
жели Св. гробъ.

Тотчасъ по водареніи, Балдуинъ искалъ при-
влечь правдою сердца новыхъ подданныхъ, и въ
теченіе первыхъ двухъ недѣль, всякій день являл-
ся на престолъ, въ палатахъ Соломоновыхъ, рѣшая
многочисленныя жалобы своихъ васалловъ. Онъ
искалъ примириться съ Танкредомъ, который не-
правильно удерживалъ за собою Каіафу, и не бу-
дучи въ силахъ принудить его явиться, какъ ва-
сала, вѣдь свое судилище, заклиналъ священную
память Готтареда, не нарушать мира своею непо-
корностію. Смирися Танкредъ и, на миролюбивомъ
свиданіи, не только уступилъ Королю Каіафу, но
и свое княжество Тиверидское; самъ же пошелъ

управлять Амфилоію, въ отсутствіе великаго Бертмунда:

.. Въ одинъ изъ частыхъ походовъ, на берега Иердана, Балдуицъ имѣлъ случай оказать рыцарскую свою добродѣтель. Возвращаясь съ погони Магоматанъ, услышалъ онъ воямъ, недалеко отъ рѣки, и увидѣлъ женщину въ мукахъ рожденія. Балдуицъ покрылъ ее своею мантией, ваялъ расслать для нея ковры, и привести самку верблежью для новорожденнаго младенца; потомъ возвратилъ ее своему другу; то былъ Эмиръ Сарацынскій, и онъ поклялся никогда не забывать великодушнаго поступка Балдуицова: ему случалось въ послѣдствіи исполнить свою клятву. Вскорѣ узналъ Король, что флотъ Генуэзскій причалилъ къ Яфѣ, и посланъ на встрѣчу воинственными пришельцами, обѣщая уступить имъ треть всякаго города, который немогутъ ему завоевать на поморіи. Первый покорился Арсуръ, долго протинавшійся Готереду; потомъ взята приступомъ богатая Кесарія, послѣ тщетныхъ переговоровъ и двухнедѣльной осады. Ужасно было развереніе сего цвѣтущаго города, который обгагрися вель кровью Магоматанъ; обильная добыча досталась въ руки побѣдителей. Въ числѣ сокровищъ, Генуэзцы овладѣли чашею, которая, по преданію, служила будто бы для дѣтей тайной, и увезли ее съ собою на родину. Крестоносцы, съ общаго согласія, поставили аббата Герберта Архіепископомъ Кесарин, опять съ нарушеніемъ правъ законныхъ святителей Греческихъ.

Прежде взятія Кесарія, привелены нападныя посылки Иерусалимъ, для примиренія Паскя, и тамъ были свидѣтели чуднаго возженія Св. огня, въ великую субботу, какъ о томъ рассказываетъ въ своей исторіи очевидецъ Фулькъ, капелланъ Короля Балдуна. — Онъ говоритъ, что когда поклонники прѣшли въ Иерусалимъ, весь городъ былъ въ смутѣ; потому что Св. огонь не являлся и въ тѣхъ дѣльцѣхъ оставался, въ тишномъ ожиданіи, въ храмѣ Воскресенія. Духовенство Греческое и Латинское уже нѣсколько разъ начинало вѣтъ: «Господи помилуй!» нѣсколько разъ начиналъ молиться и Патриархъ надъ Св. гробомъ, — небесное пламя не сходило ни на одну изъ его лампадъ. На другой день, въ самую паску, клиръ и народъ собрались опять въ церковь и опять не являлось Св. огня. Тогда, какъ бы по небесному внушенію, Духовенство Латинское и Король, со всемъ дворомъ своимъ, пошли крестнымъ ходомъ, бѣсыми ногами, въ храмъ Соломоновъ, недавно обращенный ими въ церковь изъ мечети Омаровой; а между тѣмъ Греки и Сириане, оставшіеся у Св. гроба, раздирая свои одежды, съ воплями призывали благодать Божию, и тогда наконецъ сошелъ Св. огонь; при видѣ его полилась обильная слеза, всѣ возгласили: «Господи помилуй!» и воспѣвши дождечь свѣчи, небесное пламя внезапно разлилось повсюду, при звукѣ трубъ и пѣніи псалмовъ и рукоплесканій народа; общаю радостію оживился весь Иерусалимъ*.

* Michaud, histoire des Croisades, T. II, liv. V.

Любопытно сравнить съ описаніемъ западнаго Богомольца; современное сказаніе, о томъ же событіи; Русскаго игумена Данила, который посылтъвъ Св. мѣста, въ царствованіе Балдуина, оставилъ намъ довольно подробное описаніе своего странствія, и былъ въ послѣдствіи избранъ Епископомъ въ Переяславль. Это первый изъ нашихъ соотечественниковъ, ходившій паломникомъ въ Иерусалимъ. Въ великую пятницу, Данилъ пошелъ просить Балдуина, о дозволеніи ему поставить свое кандило на Св. гробъ, за всѣхъ Князей и за всю Русскую землю, и Балдуинъ уважилъ его прошеніе. Вечеромъ ввели Данила въ вертепъ Св. гроба, безъ обуви, и онъ поставилъ кандило стеклянное съ масломъ, въ ногахъ Св. гроба, а въ головѣ стояло Греческое (взротно отъ Императора), на персяхъ же еще третье кандило, всѣхъ монастырей Греческихъ въ Палестинѣ, и только эти три кандила возжглись; а Франскія, повѣшенныя сверху, не зажигались Св. огнемъ. Въ полдень великой субботы, все собрались предъ большою церковію Воскресенія Христова, ожидая открытія Св. вратъ, въ часъ пришествія царскаго: тогда все наполнилось народомъ, такъ что отъ множества задыхались въ храмъ и слышанъ былъ общій плачь; всякой человекъ боялся, чтобы ради его грѣховъ не удержанъ былъ съ неба Св. огонь; Король Балдуинъ, окруженный своею дружиною, со слезами стоялъ противъ Св. гроба, около вели-

* Путешест. ко Св. мѣстамъ 1830 г. четв. изд. Часть I.

набо алтаря. Прежде нежели вступить въ храмъ, онъ позвалъ съ подворья Св. Саввы, игумна и чернецовъ лавры, вместе съ ними я. Датыла, и велѣлъ имъ стаять на плоской крышѣ часовни Св. гроба; а Латинскіе священники стояли всѣ въ большемъ алтарѣ, и двери гроба запечатаны были тройною печатію царскою. После полудня, православные книжи стали пѣть вечерню надъ Св. гробомъ, а Датыла въ алтарѣ, по своему, и во время чтенія царемій, Епископъ, съ діакономъ, выходила изъ алтаря два раза къ Св. гробу, досматривать сквозъ затворенныя двери, не явился ли Св. огонь; но огня не было. Тогда всѣ люди со слезами начали звать: «Господи помилуй!» и внезапно напыла отъ востока туча и стала надъ открытымъ кинцо-домъ храма, и шумный дождь оросилъ всѣхъ стоявшихъ надъ часовнею Св. гроба; вдругъ возсія въ немъ свѣтъ — и страшное блистаніе надъ нею блеснуло. Епископъ, съ четырьмя діаконами, (вироятно Латинскій), отворилъ гробныя двери и, взявъ свѣту изъ рукъ Короля, возжегъ ее шервою, небеснымъ огнемъ, и вручилъ радостному Балдуи-ну; а отъ его свѣчи возжиглись и всѣ прочія. Свѣтъ же сей, говоритъ паломникъ, не таковоу какъ отъ огня земнаго, но блистаетъ совершенно иначе; и тотъ, кто не сподобился самъ этой радости, не вѣритъ ей; всѣ воспримшіе ее, со слезами вопиаша: «Господи, помилуй!» Мнѣ же худому свидѣтелю Богъ и Св. гробъ, и вся дружина Русская, бывшая со мною, Новгородцы и Кіевляне. (Это подтверждаетъ, что первый шагъ паломникъ

Даніилъ, съ многочисленными свугирями; достыны
Св. мвста).

Послѣ возжеия Св. огня, всѣ возвратились въ
дома свои, стараясь соблюсти отъ ветра свѣтъ,
чтобы снѣгъ огнемъ возжечь у себя кандила и свѣ-
чи, а въ великой церкви священники уже одни
окончили вечернее дѣніе. «И мы съ игуменомъ
ищеть Даніилъ, возвратились въ свою обитель;
на другой же день, послѣ утрени пасхальной,
сотворивъ взаимное цѣлованіе, пришли во Св. гробъ
насладиться благодатию Св. Духа, при горящихъ
еще; небеснымъ огнемъ, трехъ кандилахъ право-
славныхъ; а прочіе пять кандиль Франковъ, вы-
свѣщникъ надъ гробомъ, горѣли совершенно инымъ
свѣтомъ, и на нихъ не сошелъ небесный огонь, по
свидѣтельству, самихъ эконома и ключаря, которые,
судя по самому сознанію, вроятю были изъ числа
Грековъ, а не Латинскіхъ. — Послѣ трехъ дней,
Даніилъ пришелъ взять свое кандило и съ любо-
вію облебызавъ святыню, намѣрилъ въ удивленіи
длину и ширину Св. гроба. Ключарь, принявшій
отъ него благословеніе, будучи тронуть его ревни-
стѣю, втайнѣ приподнялъ мраморную плиту и отачи-
милъ ему кусокъ отъ камня гробнаго, съ клятвою
закрѣтивъ говорить о томъ кому либо въ Иерусалимѣ;
Благочестивый паломникъ свидѣтельствуется Бо-
гомъ, что онъ не забылъ поминуть надъ Св. про-
бромъ и въ лаврѣ Св. Саввы; всѣхъ Князей и Княгини
и бояръ Русскіхъ, и дѣтей своихъ дуковныхъ, въ
числѣ Князей называетъ Святослава, Владиміра
Мономаха, Давида, Олега, Ярослава, Андрея и Во-

скопья, впрочем Римские, совершали обрядъ. Самое имя лавры Давидъ исключительно относить къ одной обители Св. Саввы: Святые мощи основателя, въ послѣдствіи увезенныя Венеціанами, кончились еще тогда въ его пустынь, и въствъ съ гласами другихъ тамъ прославленныхъ угодниковъ.

Окрестности лавры и берега Иорданскіе, находящіеся въ непосредственномъ владѣніи крестоносцевъ, подробно описаны Давидомъ, ибо онъ могъ свободно посещать ихъ, безъ опасенія Сараценовъ, которые, по словамъ его, держались только въ Аскалонѣ и на горѣ Хивронской. Такими образомъ, недалеко отъ Св. Саввы, встрѣчалъ онъ еще краиную обитель друга его Феодосія, нынѣ разоренную, надъ тою пещерою, гдѣ отдыхали волквы, и лежащая тамъ неслѣдственныхъ останкамъ самаго аввы, его матери и матери Св. Саввы.

Въ долину Иорданской, Давидъ видѣлъ нѣсколько монастырей, разбланныхъ по теченію рѣки, но изъ словъ его нельзя распознать никакого изъ положенія. При устьѣ Иордана, описываетъ онъ большой укрѣпленный монастырь Боніей матери, Каламони (благая обитель), воздвигнутый на мѣстѣ я отдыха, когда бѣжала въ Египетъ, и по соседству, называетъ друпую, богатую и кривую обитель Іоанна Златоуста. Нѣсколько дальнѣ обожъ монастырей, нынѣ уже не существующихъ, на левомъ берегу въ лавру Св. Герасима Иорданскаго, которой развалины доселѣ видны, и еще выше, на крайю русла, но не на самой рѣкѣ, должны были находиться священныя монастыри

Предтечи, близъ кою совершилось крещеніе Спасителя. Давидъ называетъ его вѣтхимъ, дабы отличить оныя другого украшеннаго монастыря Предтечи, стоящаго въ ущелияхъ, на пути къ Иерусалиму, отъ Иордана, надъ горы Ермоинской. Онъ еще говоритъ о монастырѣ близъ Иордана, Архангела Михаила, на мѣстѣ авдеи, вождя горныхъ силъ Иисусу Навину; тамъ покрывава двѣнадцать камней, взятые сынами Израиля на память прехожденія чрезъ Иорданъ. Къ западу отъ Дерахона видѣлъ оныя пору искушенія, гдѣ въ обширной пещерѣ сорокъ дней постился Спаситель, и по соудству оной достигъ монастырь святаго Евеміа, сооруженный въ долину, въ объѣмъ каменистыхъ горъ; тамъ поклонился мощамъ великаго авы и иныхъ угодниковъ. Но дѣвора о церквахъ и стѣнахъ сей обители, и о другой Св. Θεоктиста, лежавшей подъ горою, къ полдню отъ Евеміевой, Давидъ отзывается о нихъ уже въ прошедшемъ времени, и жалуется на большіе разбой въ сныя ущелияхъ, обвиняетъ поганыхъ въ разореніи обителей.

Ему удалось также видѣть дубъ Мамарійскій и, въ горы Хевронской, сугубую пещеру Авраама и другихъ Патриарховъ, надъ гробами коихъ были воздвигнуты нѣсколько церквей; но оныя посвящались снѣ мѣста подъ защитою воинской дружины, ибо Сарацины имѣли крепость на Хевронѣ. Одинъ изъ нихъ Эпирозъ перевозилъ его до лавры Фаранской, на Мертвомъ морѣ, гдѣ обрѣвался; тогда мощи спрятала ея Св. Харитина, Кириана, и дѣтей Кос-

нофонта и других угодников; и недалеко от Фарна великолепная церковь стояла над обширной пещерою, где похоронены двенадцать Пророковъ. Описание Виллсема менѣе занимательно, ибо съ тѣхъ поръ ничего почти въ немъ не измѣнилось; остатки монастыря, построеннаго въ долину, гдѣ были Ангелы, съ настырями, и въ то время были уже развалинами. Вообще церкви, въ окрестности городовъ Иудейскихъ, болѣе потерпѣли, нежели въ пустыняхъ, гдѣ древніе снѣты отшельниковъ, молитвами своихъ старцевъ, держались посреди Сарацинъ. Такъ и въ Горней стояли еще при Давидѣ неприкосновенными двѣ обители: одна Предтечи въ дѣбряхъ, пристроенная къ пещерѣ, гдѣ жилъ отъ младенцемъ, другая же Висаветы, на память посвященія Св. Дѣвы, въ той же пещерѣ, гдѣ родился Іоаннъ.

Въ окрестности Иерусалима, именуемаго Иверскій монастырь; кратко упоминается о великой церкви въ Виллсманн, надъ гробомъ Мавра, и о другой, на мѣстѣ побіенія Стефана, у цѣвика Кедроваго, но повора однако о нихъ состояніи. Но янъ засталъ уже томъ же развалины древней обители, воздвигнутой надъ гробовою пещерою Богоматери въ Гесеманн; быть можетъ Арабы разорвали ея во время прежнихъ прискузовъ или послѣдней осады Иерусалима; но она сослуживаетъ съ слезами гбеда, дабы она не могла служить (упрежденіемъ) неприятелю. На Сионъ дѣнь тайной! Бече-рь была тогда Христіанскою обиталию; надъ шир-

неть дома Иоанна Богослова. Дале, черезъ обрвѣ долины Энноа; находилась, въ бытность ирвана Данила, глубокая пещера; лицомъ къ Востону, гдѣ казлся Апостолъ Петръ; тридцатью ступенями туда спускался и надъ нею стояла великая церковь. — Что же касается до внутренности храма Воскресенія, то, чрезъ столѣцъ египтійскихъ ига, святыня сія сохранялась невредимо. Замѣчательно описаніе знаменитой мечети Омара, обращенной крестоносцами въ церковь; подъ нею обрѣтался въ пещерѣ гробъ Пророка Захирія, а посреди церкви стоялъ камень, на коемъ отдыхалъ Іаковъ, когда видѣлъ во снѣ лествицу, и потомъ боролся съ Ангеломъ; на томъ же камнѣ остановился Ангелъ смерти, пораженный язвою народъ Давида.

Усердный паломникъ воспользовался походомъ Короля Балдуина къ Дамаску, чтобы испросить у него позволеніе идти, вслѣдъ за войсками, къ морю Галилейскому, и говорить подробно о пути своемъ чрезъ Нейполь, Самарю (гдѣ нашель богатый монастырь Франковъ надъ темницею Предтечи), къ истоку Іордана изъ Галилейскаго озера. Оставивъ тамъ крестоносцевъ, пошедшихъ далѣе въ Сирію, онъ посѣтилъ Тиверіаду, и ея окрестности. Не описывая всѣхъ мѣстъ, на коихъ совершались чудеса Спасителя, обильно изливаемаго благодатью проповѣди и испуленій на берега Галилеи; онъ упоминаеть только о двухъ церквахъ, въ это время тамъ существовавшихъ: одна, во имя Апостола Петра, и въ

самоу городу Тивериадѣ, затѣнила домъ, гдѣ иждѣлалъ Господь тещу Петрову, а другая, во имя всѣхъ Апостоловъ, внѣ города, стояла на поморіи, тамъ, гдѣ въ третій разъ явился имъ Воскресшій.

Гора Фаворская и Назаретъ возбуждали также благочестивое любопытство Данила. Не смотря на опасность, онъ рѣшился одинъ совершить сіе путешествие. Фаворъ чрезвычайно поразила его своею красотой; на мѣсть преображенія видѣлъ онъ богатый Латинскій монастырь и церкви, во имя Пророковъ Моисея и Иліи, обнесенные крѣпкою оградю, отъ коей видны были одни развалины. Прежде, по словамъ игумена, владѣли они мѣстомъ Епископы православныя, такъ какъ и всеми прочими обителями въ городахъ, которыя только со времени крестовыхъ походовъ перешли въ руки Франковъ. Горды Назаретъ найденъ былъ Даниломъ почти въ томъ же состояніи, въ какомъ обрѣтается нынѣ. Тогда Франки недавно лишь обновили тамъ опустывленную обитель надъ пещерою Благовѣщенія; Абра находилась уже въ то время, по словамъ его, въ рукахъ крестоносцевъ, и съ ихъ дружиною возвратился онъ снова въ Св. градъ.

Осинадцатилѣтнее царствованіе Балдуина есть одно изъ замѣчательныхъ явленій исторіи Иерусалимской; всякой боги раздавался набатный колоколъ Св. града, возвышавшій приближеніе Сарацинъ, или слышавъ былъ торжественный звонъ ради какихъ либо побѣдъ мужественнаго Короля, и по дугую пришествія новыхъ богомольцевъ съ

Запада на помощь поселенцамъ Восточнымъ; во все сіе время честное древо креста, предношенное въ битвахъ, почти никогда не оставалось въ храмъ Воскресенія, странствуя въ станъ Христіанскій, какъ некогда кивотъ завѣта въ Израилевомъ. Герій Балдуинъ, съ малыми силами совершалъ великое, заставляя забыть прежніе его проступки, при началъ крестоваго похода, а рыцарскій мечъ служившій ему скиптромъ, возвратился въ ножны тогда только, когда упокоился во гробъ его доблестный владыцъ.

Послѣ взятія Кесарія, надменный Халифъ Вгнута велѣлъ своимъ Эмирамъ, которые заключались въ стѣнахъ Аскалона, встрѣтить на чистомъ полѣ, лишихъ Франковъ и привести ихъ скованными въ Каиръ. Балдуинъ встрѣтилъ непріятеля, съ тремястами рыцарей и девятьюстами пѣшихъ, и едва не сдѣлаемъ жертвою своего мужества. «Франція далеко!» сказалъ онъ своимъ витязямъ, и давъ лшоры коню, съ бывымъ знаменемъ, бросился въ несмытную толпу Эіюповъ, Турковъ и Арабовъ; но дружина Христіанская ужаснулась сего полчища и обратилась въ бѣгство. Тогда Архіепископъ Кесарія и аббать, который носилъ честное древо вѣсто Патріарха, бывшаго въ непрязнѣ съ Королемъ, напомнили Балдуину, что вражда сія вѣною гнѣва Божія, и внушили ему чувства умиленія. Поручивъ десяти рыцарямъ храненіе честнаго креста, онъ ринулся съ остальными въ сѣчу и словилъ враговъ нечаяннымъ напоромъ. Побѣдитель съ торжествомъ возвратился въ Яффу, гдѣ Королева, слы-

шавшая о первомъ пораженіи; уже оплакивала пощину своего супруга.

Въ томъ же году, Балдуинъ радушно встрѣтилъ державныхъ Графовъ и Князей, которые, потувивъ свои многочисленныя полки въ ущельяхъ Малой Азіи, убогими странниками пришли поклониться въ гробу; они уже готовы были отплыть на родину, къ Яфѣ, когда ихъ удержала вѣсть о новомъ нападеніи Египтянъ. Горькое пораженіе ожидало на сей разъ Христіанъ; Графъ Шартрскій, уже однажды оставившій крестоносцевъ подъ Антиохіею, погибъ въ битвѣ съ графомъ Бургундскимъ; Конрадъ, первый сановникъ имперіи Германской; съ другимъ именитымъ Графомъ Бургунскимъ, достались въ дѣльнѣ врагамъ; самъ Балдуинъ принужденъ былъ бѣжать въ Рамлу; но ее осадилъ враги; и не было бы спасенія Королю Иерусалимскому, если бы не явился къ нему ночью тотъ Эмиръ Арабскій, котораго жену похитилъ онъ на берегахъ Иордана: «Теперь время заплатить тебѣ священный долгъ, славалъ онъ Балдуину, слѣдуй за мною немедленно, ибо завтра ты здѣсь погибнешь.» Спутники Короля убѣдили его сохранить жизнь свою, для блага церкви, и ночью укрылся онъ изъ Рамлы въ соседній Арауръ. Въ то же время двѣсти судовъ западныхъ причалили къ Яфѣ; Балдуинъ убѣдилъ новыхъ пришельцевъ немедленно отмстить за его пораженіе, которое приписывалъ отсутствію честнаго древа креста, на полъ битвы. Совершенная побѣда увѣнчала дружины Христіанъ, и радостный Король велѣлъ безмездно отпереть, для новыхъ при-

щельцевъ, врата Св. гроба, которыя, какъ изъ сего явствуетъ, оковались и тогда, только за известную плату, ради доходовъ церкви Иерусалимской.

Услышавъ о пришествіи новаго флота Цизанъ и Генуэзцевъ, которые помогли графу Тулузскому Раймунду, распространить свою область на поморіи Сирійскомъ, Балдуинъ предложилъ имъ, на выгодныхъ для нихъ условіяхъ, осадить Птолемаиду, и овладеть городомъ, еще однажды разбилъ многочисленное войско Египетское, вышедшее изъ Аскалона. Таковы были первые подвиги брата Готфрида; но внутри Иерусалима все еще не имѣлъ онъ мира съ Патріархомъ Данибергомъ. Арнульфъ, бывшій Патріархъ, оставшійся въ качествѣ архидіакона при Св. гробѣ, возбуждалъ между ними вражду, доколь не принудилъ своего соперника удалиться въ Италію; послѣ двухъ новыхъ избраній патріаршихъ, достигъ онъ наконецъ желанной цели, и не смотря на сопротивленіе декановъ папскихъ, проникнулъ своими въ Римъ, достигъ опять катедры Иерусалимской.

Прочіе Христіанскіе владѣтели Сиріи не имѣли успѣховъ Балдуиновыхъ, въ войнѣ съ мавританами, Князь Антиохійскій Боемунъ, едва только освободившійся изъ плѣна, вмѣстѣ съ Танкредомъ и Графомъ Эдесскимъ Балдуиномъ, проникли въ Месопотамію и тамъ потерпѣли пораженіе, по своимъ распоряжѣніямъ; съ трудомъ могли только спастись Боемунъ и Танкредъ, а ихъ союзники впали въ руки враговъ. Турки, одушевленные успѣхомъ, осадили Эдессу и угрожали Антиохіи; Князь Боемунъ, опа-

саясь нападеній давняго своего непріятеля, Императора Алексія, тайно отплылъ во Францію, собралъ противъ него новыя дружины и, отраженный Греками, окончилъ бурные дни свои въ прежнемъ убогомъ княженіи Тарентійскомъ. Танкредъ остался опять управлять Антиохіею до совершеннolетія сына Боемундова; а Балдуинъ графъ Элескій, послѣ пятилѣтняго плѣна въ Багдадѣ, возвратившись въ свою область, едва могъ въ ней держаться противъ непрестанныхъ нападеній Турецкихъ. Въ это время скончался и престарѣлый Графъ Раймундъ, овладѣвъ съ помощію Короля Іерусалимскаго и сына своего Бертранда, приплывшаго изъ Тулузы, главнымъ городомъ новаго отдаленнаго графства Триполи, которое по имени только было подчинено Королю.

Между тѣмъ, Балдуинъ продолжалъ распространять владычество свое вдоль поморія Сирія, завоеваніемъ Бейрута и Сидона, и въ этомъ походѣ содѣйствовалъ ему Свенонъ, сынъ Короля Норвежскаго, пришедшій, съ десятью тысячами своихъ воиновъ, на священную брань въ Палестину. Но посреди воинскихъ успѣховъ, печально озаботили Короля мучительная смерть Графа Тиверіадскаго Жерве, взятаго въ плѣнъ Турками, и кончина доблестнаго Танкреда; мудро управлявшаго княжествомъ Антиохійскимъ. Танкредъ назначилъ по себѣ преемникомъ племянника своего Рогера, съ тѣмъ однако условіемъ, что уступить престолъ законному его наследнику, сыну Боемундову, когда возвратится изъ Италіи, и съ миромъ почилъ отъ всѣхъ

въ обителев Иерусалима и Авны; которую, послалъ онъ укороты Георгіанскихъ, окрестилъ въ Парыраде, для свиданія съ своими родственниками, а уже болѣе не возвращалась въ горскій для шед. Иерусалимъ. Однако царственнымъ заботы Балдуина, о населеніи своей столицы, привлекши къ нему особую народную. Онъ предложилъ у себя мирное пріеманіе Христіанамъ всаго званія и именоданія, разсланнымъ въ Аравіи, Сиріи и Египтъ, и милостиво принималъ въ стѣны Иерусалимскія угнетаемыхъ повѣрными, раздавалъ имъ домы, сады и поля, такъ что въ его царствованіе процвѣлъ оный Св. градъ. Не забывалъ онъ милостынями своими и храмовъ Божіихъ, и учредивъ митрополию Латинскую въ украшенномъ имъ Виноградѣ, испросилъ у Папы Паскалія, чтобы перкви всѣхъ городовъ, какіе въ послѣдствіе некортед оружіемъ Христіанъ, зависли отъ престола Иерусалимскаго.

Одна только война могла поддерживать лубочіе состояніе Короля и его дружины; при отсутствіи великихъ другихъ средствъ; Балдуинъ, совершая непрестаннаго походы, основалъ крепость Марашъ въ каменистой Аравіи, достигъ береговъ Чернаго моря, и даже до завтуннъ водъ Нила; близъ Иелусіа Тамъ положенъ былъ предѣлъ его воинскимъ подвигамъ и жизни; внезапная болѣзнь раскрыла предкии его раны. Чувствуя приближеніе кончанія Балдуинъ послышалъ обратное въ Иерусалимъ поить вусцнникъ аль-Аршиа; застигъ его послѣдній часъ. Онъ умолялъ своихъ присныхъ, чтобы погребли его умищенное тѣло въ Св. градъ, чтобы погреб

сти подъ Голгобою, рядомъ съ Готфредомъ, и свято исполнили его послѣднюю волю: подъ пещаными буграми эль-Ариша зарыли только его внутренности; и мѣсто сѣе доселѣ слыветъ гробомъ Валдуновымъ; между Арабами, которые рассказываютъ о немъ свои восточныя преданія; а съ уваженіемъ Трупомъ рыцари продолжали путь свой къ Иерусалиму. Погребальное шествіе сѣе приблизилось долиною Иосафатовою, къ Краснымъ вратамъ, въ небыло ваий, въ ту самую минуту, когда Патріархъ совершалъ иной торжественный ходъ, съ пальмами въ рукахъ, отъ горы Элеойской, а двоюродный братъ умершаго Короля, Валдуинъ Графъ Эдесскій, вступалъ въ городъ вратами Дамасскими, желалъ отпраздновать въ сѣе пнвъ пасху. Печальная встрѣча мертвого Валдуина съ живымъ, въ часъ крестнаго хода, принята была Христіанами Иерусалимскими за указаніе Промысла; Графъ былъ единодушно провозглашенъ Королемъ и ввѣчанъ въ храмъ Воскресенія; графство же свое уступилъ оны родственику Иосселину Куртенайскому.

Первымъ дѣломъ благочестиваго Валдуина было созвать соборъ въ Наблузъ, городъ Самарійскомъ, подѣе личнымъ своимъ предсѣдательствомъ и Патріарха Иерусалимскаго Гварамунда, для устроенія Церкви, которая страдала отъ частыхъ перемѣнъ патріаршихъ; и для укрощенія сблзновъ, ибо развратъ доходилъ до высшей степени, отъ степеней всякаго рода людей въ Иерусалимъ. Но соборъ сей, не смотря на благочестивую цѣль свою, послужилъ только для обличенія, а не для очищенія нравовъ.

Но усмирилось и честолюбие духовныхъ властей Палестинскихъ, ибо преемникъ краткаго Патриарха Гварамунда, Стефанъ, бывший сперва воякомъ, сталъ жалко требовать, отъ втораго Балдуина, тоже, что и надманный Дамбертъ отъ перваго, т. е. обладанія Іерусалимомъ; застигнутый внезапною смертію, которую иные приписывали яду, жестоко одвѣталъ отъ пришедшему посѣтить его, Королю, на вопросъ: «какъ онъ себя чувствуетъ?» — «такъ какъ ты сего, желалъ!»

При самомъ началѣ своего царствованія, Балдуинъ долженъ былъ спешить на помощь князюству Антиохійскому, правитель зрѣго, неосторожный Рогаръ, далъ въ кровопролитной битвѣ противъ страшнаго Ильгана, владителя Алепскаго, Сопутствуемый честнымъ древомъ креста, Король одержалъ славную победу надъ полчищами Сарацинскими; но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ онъ самъ сдѣлался жертвою своего мужества, устремившись въ Эдессу, для освобожденія ая Графа Юсселина, котораго взялъ въ плѣнъ Бадакъ, преемникъ побѣжденнаго имъ Султана Алепскаго. Неосторожный Балдуинъ, уже однажды изытывавшій горести плѣна, когда еще былъ Графомъ Эдесскимъ, опять впалъ въ руки враговъ Христіанскихъ, и заключенъ былъ въ укрѣжденный замокъ. Напрасно покусились освободить его пятьдесятъ мужественныхъ воиновъ Армянскихъ, обрекшице себя на гибель для спасенія своего Государа. Тайно проникли они во внутренность стѣны и истребили стражу, но не было возможности бѣжать; спасся одинъ

тогда: беседники; и: стройнической: оловда: до: онитъ: оцъ: Св.: града, и тамъ, сложивъ: цѣпи: свои: на: Св.: гробъ, разсказалъ: печальную: участь: Короля: грандирамъ: Иерусалимскимъ. Между: тамъ, раздраи: жемный: Султаны, осадилъ: ит: самъ: Баадунна: по: вращилъ: шибникова, взялъ: ихъ: пять, на: ирудѣ: развалилъ, и: сохранилъ: жизнь: одному: Королю, увелъ: его: съ: собою: въ: Месопотамію. При: первой: вѣсти: о: плененіи: Короля, Сарацины: Египетскіе: собрались: на: равнинахъ: Аскалонскихъ, надѣясь: однимъ: мощнымъ: наперомъ, вытѣснить: Христіанъ: ит: всей: Палестины; но, по: звуку: набатнаго: колокоца, выступили: дружины: изъ: Св.: града, подъ: предводительствомъ: Евстадія, Графа: Силенскаго, избраннаго: въ: наместники: осиротѣвшему: царству. Самъ: Патриархъ: несъ: предъ: цюлками: честное: древо: креста, неизобразимый: ужасъ: внезапно: объялъ: враговъ: — они: бѣжали: съ: поля: битвы, и: побѣдители: съ: торжествомъ: возвратились: во: Св.: градъ.

И: послѣ: сей: побѣды: не: оставались: правдыми: Христіане, во: время: плена: своего: Короля, такъ, что: самые: враги: убѣдились: въ: малой: для: нихъ: цѣль, отъ: его: узъ. Венеціане, возбужденные: усиліями: Пизанъ: и: Генуэзцовъ, приплыли: съ: большими: флотомъ: къ: берегамъ: Сиріи. Правитель: королевства: съ: Патриархомъ: вышли: къ: нимъ: на: встрѣчу: до: Акры, и: на: общемъ: совѣтѣ: положили: осадить: Тиръ: или: Аскалонъ. Броненный: жребій: равиль: осаду: Тира, и: соединенными: силами: подошли: къ: городу. Дождь: Венеціи: съ: моря, правитель: Патриархъ: и: Грекъ: Трипельскій, съ: суши: сдѣлали:

прежде взаимное уклоніе, о раздѣлѣ добычи и веро-
да. Несколько мѣсяцев длился кровопролитный
осадъ; ни шель о смерти Султана Аменскаго Бала-
ка, пораненнаго въ битвѣ Коссаевоу; рѣшился
сдачу Тира. Воспользовался своєю смертію и Король
Балдуицъ, чтобы освободиться отъ двухъ тыся-
чъ пѣхоты, посреди смятенія враговъ; онъ возвратился
въ свою обрадованную столицу, и съивною побѣ-
дою, подъ стѣнами Дамаска, отвѣстилъ Мусульма-
намъ за прежній позоръ.

Халдеу Египетскому, уже оставался только отъ
всѣхъ его прежнихъ владѣній Сирійскихъ, единки
Аскалонъ на поморіи; всегдашире: египетскіе Сара-
динъ; но флоты его еще свободно ходили по Сред-
земному морю, угрожая прибрежнымъ породамъ.
Халдеу же Багдадскій, ничтожный самъ по себѣ,
страшнѣе былъ Христіанамъ Палестинскимъ, только
оружіемъ подвластныхъ ему Султановъ Дамаска,
Алепа и Мессула, и иныхъ малыхъ Эмвровъ отъ
племени Ортока, которые укрѣпились въ Месопо-
таміи. Но самыя опасныя враги, для припавшихъ
западныхъ, были Туркожаны и Курды, дикими ор-
дами непрестанно наводившіе Сирію, отъ пустыни
Каспійскаго моря, и не менѣе страшныя Князьми
Магометанскимъ, сколько и Христіанскимъ. Съ
ними особенно боролось графство Эдесское, на бе-
регахъ Евфрата, прикрывавшее отъ сѣвера только
мужественнымъ племенемъ Грузинъ, которые, подъ
предводительствомъ воинственныхъ своихъ Царей,
полагали твердую преграду варварамъ. Малое кня-
жество, въ горахъ Армянскихъ, служило также ове-

рою Анлизіи съ павора; до, вместе, тогда, и, тобою
чеканъ, возмелъ съ, выверия Гродского, цеша, шитом
лякъ, мой, добририрмию, вранду, со, враней, шери
вхити, распрей Алексія, и, Басунда, Граесцова Тра
недйское, болже, другихъ, ображденное, онъ, напе
денія, драговъ, до, своему, счастливому, цомовенію
ярели, поселеній Христіанскихъ, молю, только
опасался, фодоръ Египетскихъ; но, по, его, сосла
елю, поселенел, въ горахъ, Диванскихъ, стратимій
Шейхъ, горъ, начальникъ, секты Деманьтанъ, или
Ассасиновъ; онъ, вооружалъ, изувтрныхъ, своихъ
посадлователей, книжалани, на, недавнихъ, ему
Кидзей Христіанскихъ, и, такъ, страшно, было, его
мнению, что, самое, имя, Ассасиновъ, сдѣлалось, гла
подомъ, на, языкъ Франковъ, выражающимъ, убійство.

Египтяне, и, Бедуины, были, природными, врага
ми, королевства Иерусалимскаго, которое, расло, къ
югу, въ, каменистую, Арабію, и, къ, западу, за, Иер
данъ, укрѣпляясь, замками, на, пустынныхъ, оазадахъ.
Непрестанные, вонтели, стекались, къ, нему, изъ, всѣхъ
странъ, Запада, и, къ, самому, Иерусалиму, обрадова
лись, постепенно, защитники, Св. мѣстъ, изъ, ры
царей, трехъ, духовныхъ, орденовъ, вступившихъ,
въ, воинское, братство; ибо, въ, сей, юношескій, воз
растъ, рыцарской, Европы, и, самая, религія, ядрот
вадилась, не, иначе, какъ, подъ, ратными, доспѣхами,
Страннопримный, домъ, для, пришельцевъ, запада
ныхъ, основанный, въ, Иерусалимѣ, еще, со, временъ
Карла, великаго, при, зеркалѣ, Св. Іоанна, Предтечи,
и, одаренный, милотами, Готфреда, за, услуги, ока
занныя, во, время, осады, преобразовался, въ, фондъ

своишый орденъ рыцарей Св. Іоанна Іерусалимскаго; во дни первого Короля Валдуина. Первымъ Великимъ Магистромъ ордена былъ благодетельный Герардъ, раздѣлявшій свои заботы между странниками и болельщиками; и вѣсть бодрый воитель на поляхъ битвы, съ дружиною своихъ витязей. Черная мантия, съ бывшимъ осмаконечнымъ крестомъ, отличала ихъ отъ ордена Храмовыхъ рыцарей, совершенно воинственнаго, который былъ основанъ во дни Валдуина, девятью сподвижниками Готтареда; на мзгъ Соломонова храма, отъ чего и получили свое названіе. Рыцари храма посвятили себя единственно защитѣ богомольцевъ, на пути ихъ въ Іерусалимъ! Бывшая мантия ихъ, съ багровымъ на ней крестомъ; служила всегда, въ горахъ Палестинскихъ, залогомъ спасенія убогимъ путникамъ, и при видѣ ея бѣжали хищные Бедуны. Самые каноники Св. гроба, учрежденные Королемъ Гоцфредомъ, единственно для молитвы, избранили свое первоначальное назначеніе, для болве воинственнаго, ограждая мечомъ вътронный ихъ почитаемый гробъ Спасителя. Таковы были вначалѣ ея три ордена, обогатившіеся въ послѣдствіи обильными даяніями Европы; пѣтъ два первые стали владѣть безчисленными замками и даже цѣлыми областями; ибо весь цѣвъ, благороднаго юношества искалъ вступить въ ихъ славное братство.

Валдуинъ, не имѣя наследниковъ, предложилъ руку дочери своей, Меллисанды, шенитому принцу изъ запада, Фулку, Графу Антевинскому; воителю храброму и благочестивому. — Последнимъ дѣломъ

двенадцатилетнего цареубийца Балдуина была неудачная осада Дамаска, престреленная страшными надобриями; но слава летописца, казалась, была забеснута: онъ разверзаетъ, какъ во дни потопа, и въ этихъ возстахъ на Христіанъ. Оно чиненной сими урономъ, Корона заболела вскоре по возвращеніи въ Иерусалимъ, и чувствуя приближеніе смерти, воля перенести себя въ келью патриарха, чтобы быть ближе къ Св. гробу. Тамъ онъ бичился, на рукахъ дочери и зятя, посредіи остроты народа, который въ немъ онаживалъ послѣднато нтъ следованіе Готерда, испытанного многими бѣдствіями, но забываясь о благахъ своихъ подданныхъ и чрезвычайно ревностнаго къ Церкви. — И онъ погребенъ былъ въ храмъ Воскресенія, еса же подъ каменою Голгозою, въ при входѣ, недалеко отъ двухъ его предшественниковъ, Готерда и первого Балдуина.

Когда воцарился Фулькъ, Христіанскія области Востока достигли уже высшей степени благоденствія; съ его времени началось ихъ упадокъ, сперва отъ внутреннихъ раздоровъ, потомъ же отъ возвращеннаго могущества Арабовъ, которыхъ роды, подъ смиреннымъ именемъ именуемъ Князей Моссульскихъ, внезапно возвысились въ лицъ сильнаго Зенги, надъ всемъ Оширами Сиріи. Едва лишь успѣлъ Фулькъ принять вѣнецъ надъ Св. гробомъ, какъ уже долженъ былъ идти умиротворить Антиохію, которую возмущало честолюбіе вдовствующей Княгини, дочери Балдуина. Мужественный сынъ Всеузда, какъ съ битвы противъ Туркоманъ, и

вдова его: получила управление: княжествомъ: по: врано: малаянства: своей: донери: она: даже: возбудила: Графа: Триполійскаго: заградить: путь: идущему: Королю: Фульк: вобидеть: и: допакорного: вассада: и: полениша: Турковъ: на: на: мнущихъ: на: беззащитную: Антиохію: и: вызвать: тайно: вѣх: Франціи: графа: Раймунда: Пиктавнискаго: и: восталъ: его: браакми: съ: на: влдилицю: Бедмунда: онъ: помилъ: тро: и: такъ: еще: недавно: изъ: чуждыхъ: пришельцевъ: поступилъ: на: престолъ: Іерусалимскій: посредствомъ: брака: съ: Медивандою: Надзванная: сестра: ея: принуждена: была: удалиться: въ: Авелкино: но: тотъ: же: мнриат: ценный: дукъ: отозвалъ: Королю: и: въ: собиавенной: его: супругъ: которая: нарушила: семейный: миръ: мстительнымъ: своимъ: правомъ: и: благосклонностию: къ: одному: изъ: сильныхъ: вассаловъ: Графу: Яескому:

Нашествіе Императора Греческаго Іоанна Комнина, сына Алексісса, который одержалъ много побѣды надъ Турками и Армянами, въ Малой Азіи; и: подступилъ съ сильнымъ войскомъ къ Антиохіи, втроедожило опять Короля Іерусалимскаго, Беззащитный Князь Антиохійскій требовалъ помощи, а Графъ Триполійскій находился въ плыну у Султана Дамасскаго, въ то время, какъ сынъ его принужденъ былъ бороться, со всеми силами Султана Моссульскаго. Самъ Король, выступилъ на помощь Раймунду, встрѣтилъ на пути могущественнаго Зенги, и: былъ вынужденъ: вожать: себя: спасенію, въ: стѣнахъ: горнаго: замка: Одно: только: великодушій: Императора: снасло: въ: сію: минуту: Франковъ: уда-

разстывавшись призывомъ Князя Антиохійскаго, они обратили свое оружіе противъ Магометанъ и обратились въ правыхъ Кесарію, и здѣсь съ войсками Франковъ; но и здѣсь безвѣстности Князя Антиохійскаго и Грѣка Эдесскаго, которые проводили время въ увеселеніяхъ, были виновны неудачи Грековъ. Императоръ возвратился въ Антиохію, однако принудить своимъ походомъ, Атабека Зенги, выпустить изъ осады Короля Іерусалимскаго; но когда, въ послѣдствіи, Іоаннъ объявилъ свое намѣреніе идти покориться Св. грѣбу, устрешенный Фулкъ послѣднимъ отправилъ къ нему посольство, приглашая его, не иначе какъ простымъ пленникомъ, вступать въ Св. градъ, безъ всякаго величія царскаго. Императоръ, оскорбленный такими условіями, перешелъ обратно черезъ хребтъ Тавра, и когда въ скоромъ времени погибъ отъ ядовитой стрѣлы Туркомъ Франки безумно радовались его смерти, позабывъ, что лютейшимъ врагомъ Христіанства былъ Зенги. Сія ненависть и недоверчивость влстителей Сиріи, къ природнымъ своимъ союзникамъ Грекамъ, возбуждаемая духовенствомъ Латинскимъ и честолюбіемъ Папъ, были виновны скорого ихъ паденія въ Сиріи.

Зенги, котораго Архіепископъ Тира, Вильгельмъ, сравниваетъ, въ своей Лѣтописи, съ землянымъ червемъ, безпрестанно движущимся, обнаружилъ свои замыслы, овладѣть Дамаскомъ, и Султанъ сего города, забывъ вражду съ Христіанами, искалъ sincerely ихъ помощи. Онъ предложилъ Королю Іерусалимскому содѣйствовать ему, въ осадѣ города

Панседы, стоявшаго на истокихъ Иорданскихъ, чтобы потомъ отклонить, общими силами, оружіе фаворителя отъ Дамаска; союзники войска Христиана и Мисметанъ явились оинъ, некъ во дни перваго Балдуина, въ одномъ осадномъ станѣ. Не выдержавъ городъ двойнаго нападешя, ибо вѣтвомъ обещанъ народовъ старалась другъ передъ другомъ выказать свое искусство; и сдался Королю. Это было послѣднимъ подвигомъ четырнадцатилѣтняго правленія Фулка; онъ вкорѣ умеръ, отъ паденія съ лошади, оставивъ двухъ малолѣтвыхъ сыновей, Балдуина и Алмерика, подъ управленіемъ матери ихъ Королевы Мелленды.

Отрокъ Балдуинъ III. немедленно былъ въцѣпанъ на царство, въ церкви Св. гроба, и, слѣдственными частями души и тѣла, обѣщалъ славное царствованіе. Но честолюбивая мать держала сильною рукою кормило правленія, во время его малолѣтства, и не охотно уступала власть мужайшему Королю, возбуждая тѣмъ внутреннія несогласія. Неудачно было и первое воинское помышленіе юнаго Балдуина, который горѣлъ желаніемъ скорѣе заслужить себѣ рыцарскія шпоры, въ битвѣ противъ невѣрныхъ. Не смотря на мирныя представленія савсшаго Султана Дамаскаго, Балдуинъ выступилъ въ походъ, въ каменистую Аравію, противъ города Бостры, зависывшаго отъ Султана, ибо надѣялся на помощь градоначальника, но она была во время открыта; войску Латинскому, изуренному зноемъ и жаждою въ пустынь, надлежало идти въ обратный путь, подъ тучею стрѣлъ неприятеля, иоравд

разномыслии: ими: тернисть: Навя: не погибам: въ
вреды: съ: Кородемъ: и только: пламенная: молитва
Бенксена: Пазарелюкаго: . который: неск: честное
древо: креста: спасая: вадыхавшихся: отъ: дыма: ма-
ля: . гонимы: латромъ: на: Христианъ: . обратилось
внезапно: противъ: неверныхъ: . Жители: Иерусалим-
ские: обрадовались: спасению: юного: Короля: . но: до-
рого: сподъ: поведъ: сей: Палестинъ: . . . . .
Тогда: умеръ: въ: Элесе: престарелый: Графъ: . он
Иоссаильт: . славный: въ: битвахъ: крестовыхъ: первого
похода: . и почти: полвека: после: того: воевавший: съ
Сарацынами: въ: Палестинъ: . При: осаде: одного: изъ
горныхъ: замковъ: . обрушился: подлѣ: него: башня
и: засыпала: его: своими: развалинами: . едва: дышу-
маго: излекая: изъ: подлѣ: обломковъ: . но: когда: онъ
удлишалъ: что: Сумтанъ: Иконийскій: наступилъ: на
его: владѣлы: и: что: малодушествуетъ: сыны: его
Иоссаильт: . старецъ: велѣлъ: нести: себя: противъ: не-
приятелей: . и: обративъ: ихъ: въ: бѣгство: . со: славою
схватилъ: верховъ: на: полѣ: битвы: . Недостойный: сынъ
славнаго: родителя: . Иоссаильт: . забывая: опасность:
угрожающую: его: владѣству: . отослалъ: окружающему
Турками: . и: оставилъ: Элесеу: . удалился: на: берега
Евфрата: . чтобы: тамъ: можно: предаться: наслажде-
ніямъ: . Атабекъ: Зенги: . который: уже: властвовалъ
надъ: всею: Месопотамією: . не: упустилъ: удобнаго
случая: овладѣть: Элесею: . въ: отсутствіе: ее: Графа:
онъ: осадилъ: слабый: городъ: . хотя: и: мужественно: за-
щитавший: народомъ: воеденіемъ: Армянь: . и: Халдеевъ:
Никто: не: послышалъ: на: помощь: Элесе: . ни: Король:
Валдуния: . утратившій: сыны: въ: напрасномъ: походе:

ни Князь Антиохійскій Раймундъ, по личной враждѣ къ Графу Юсселину; а полчища Туркомановъ, Курдовъ и Арабовъ, ежедневно умножались подъ стѣнами осажденнаго города; послѣ двадцати дневной осады, страшнымъ приступомъ взята была Одесса, и предана огню и мечу.

Ничего не пощадили въ ней: лютые враги, ни возраста, ни пола, ни святости храмовъ; одинаково погибли Евнекопы Православныя, Латинскіе и Армянскіе, у ограбленныхъ алтарей своихъ; тысячи распроданы были въ неволю ея жители, а головы умерщвленныхъ съ торжествомъ отосланы къ Халифу Багдадскому, какъ дань его вѣрнаго вассала Зенги. Радостію исполнились все Магометане, отъ Багдада до Африки и Испаніи, услышавъ о паденіи Одессы, ибо въ нихъ возникла надежда совершенно одолѣть Христіанъ на Востоку; но не долго наслаждался побѣдою суровый Зенги; онъ былъ зарѣзанъ своими рабами, посреди ронскаго стана. Молодой Юсселинъ хотѣлъ воспользоваться смутею Магометанъ, и съ малымъ числомъ рыцарей овладѣлъ опять своимъ наслѣдіемъ; но никто изъ Князей не поддержалъ его. Сынъ Зенги, еще болѣе его славный Нуррединъ, Султанъ Алепа, подступилъ съ новыми силами, къ разореннымъ укрѣпленіямъ Одессы, въ вышгородѣ коей держалась стража Турецкая; — Юсселину оставалось вѣкать сраженіи въ бѣгствѣ. Ночью пробился онъ, съ остатками своихъ воиновъ и жителей, сквозь станъ осаждавшихъ; но большая часть ихъ погибла, во время сего отчаяннаго подвига, и раздраженный

Булганъ въ западнѣйшій Одессѣ, дорогою отступивъ ей за кровь своихъ. Вѣсть, о вторичномъ ея паденіи, исполнила ужасомъ Св. градъ и весь Востокъ ожидающъ новыхъ бедствій!

XXVI.

ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ.

Императоръ Конрадъ, Король Франціи Людовикъ VII —
Балдуинъ III.

Снова подвиглась Европа, по гласу Бернарда, игумена Кларивалійскаго, какъ некогда по зову пустынника Петра; второй крестовый походъ провозглашенъ былъ по всему Западу. Уже не одни князья и владѣтельные графы устремились къ священной битвѣ, но самъ Король Франціи Людовикъ VII, терзаемый упреками совѣсти, за пролитую имъ кровь у подножія алтарей, и его юная супруга Элеонора, съ цѣвтомъ блистательныхъ

— * Histoire des Croisades, Liv. 6, 7, 8.

день Франціи, и Конрадъ Императоръ Римскій. Вся покоебадось, зинмая Бернарду, который былъ возбуждителямъ двухъ сильныхъ стремлений: своепо-
вѣка, — къ иночеству и крестовымъ битвамъ. Онъ послалъ отъ себя орденскій уставъ рыцарямъ Храма въ Иерусалимъ, и краснорѣчивыя его посланія обтекали Западъ и Востокъ, ибо и Папы и Цари становились въ ряды его учениковъ. «Стану до смерти сражаться за Церковь, восклицалъ онъ, и вмѣсто щита и меча употреблю собственное оружіе, слезы мои и молитвы къ Богу!» Пламенная ревность Бернарда, преодолела колебаніе Короля Франціи, который, неохотно оставлялъ свое царство. На соборъ, созванномъ въ Бургундіи, явился проповѣдникъ крестовой брани, и всѣхъ увлекъ огненною рѣчью: «Богъ небесный утратить ли землю, освященную столькими чудесами и его кровію, землю спасенія, гдѣ возникли первые цвѣты его воскресенія? Нѣтъ, Св. мѣста, обогранныя кровію непорочнаго Агнца, преданы мечу враговъ нашей вѣры, и грѣхи наши накликали бурю сію на святая святыхъ! Если бы кто возвѣдичъ вамъ, что непріятель двощель въ города ваши, расхитилъ жадъ и дѣтей, поругалъ храмы, кто бы изъ васъ не устремился къ оружію? — но не достигла ли до васъ вѣсть о болѣе ужасныхъ бѣдствіяхъ? Семейство Христово, которое, есть вмѣстѣ и ваша, разсыяно мечемъ цезарныхъ, и даравры ридѣли наслѣдіе Божіе! Что еще медлите отмстить на обиду, нанесенную небесамъ? или дадите восторжествовать врагамъ, къ вѣчному своему позору? —

Богомъ живымъ, меня пославшимъ, заклинаю васъ, не навлеките на себя его гнѣва, равнодушiемъ къ его достойнiю! горе тому, кто не обнажитъ меча!»

Одуревленные рѣчью Бернарда, Король и всѣ владѣтельные васаллы и Епископы Францiи, бросились къ ногамъ проповѣдника и приняли отъ руки его крестъ. Папа Евгений III, благословилъ Людовика въ крестовый путь. Бернардъ устремился въ Германiю, и тамъ, на имперскомъ сеймѣ, возбудилъ медленнаго Конрада идти въ Палестину. «Какъ ты будешь защищать наследiе Божiе, такъ и Богъ призритъ твое,» говорилъ онъ Государю, и Конрадъ, съ своими Князьями, произнесъ обѣтъ крестовый. — Опять двинулись несметныя толпы крестоносцевъ, но уже въ большемъ порядкѣ; самъ Бернардъ не хотѣлъ быть вождемъ ихъ, памятуя судьбу пустытника Петра. Не смотря на предложенiя Рогера, Короля Сицилійскаго, земной путь предпочтенъ былъ морскому. Первый выступилъ Императоръ, съ сотнею тысячъ войска, и благополучно достигъ Царьграда, гдѣ, съ высшими изъясненiями дружбы, принялъ его уstraшенный Императоръ Греческiй Мануилъ; внукъ хитраго Алексiя, не охотно видѣлъ, подъ стѣнами столицы, сомерника своего по имперiи, наследника Кесарей Римскихъ, и поспѣшилъ переправить его черезъ проливъ въ Анатолiю. Но бѣдственная участь первыхъ крестоносцевъ ожидала ихъ неопытныхъ послѣдователей, въ дикихъ ущелияхъ Тавра. Войско, раздѣленное на двѣ части, обманутое проводниками Греческими, изнуренное труднымъ походомъ и недостаткомъ

припасовъ , печально встрѣтилось съ многочисленными толпами Турковъ , и принужденное отступить въ безпорядкѣ , почти все погибло. Императоръ , съ немногими рыцарями , остаткомъ сильныхъ дружинъ , встрѣтилъ Короля Франціи , въ Никей , и поклялся довершить съ нимъ походъ крестовый ; но прежде возвратился въ Царьградъ , гдѣ былъ принятъ ласково , ибо уже не внушалъ страха.

Горькій опытъ Конрада не послужилъ на пользу Людовику. Съ болѣе устроеннымъ войскомъ , благосклонно принятый въ Царьградъ Императоромъ , съ трудомъ удержалъ онъ однако своихъ рыцарей , отъ осады столицы Греческой ; ибо гласно о томъ проповѣдывалъ въ станѣ Епископъ Лангрскій ; Людовикъ ускорялъ переплыть Босфоръ. — Изъ Никей отправился онъ вдоль поморія и благополучно достигъ Ефесса ; на берегахъ Меандра опрокинулъ первыя полчища враговъ ; но побѣда внушила ему самонадеянность , и въ ущельяхъ Лаодикійскихъ едва самъ не погибъ , съ болѣею частію своего войска , при неожиданномъ нападении Турковъ. Отчаянное мужество спасло Людовика , оставленнаго всеми рыцарями ; бѣдственный урокъ принудилъ его , хотя и поздно , къ болѣе осторожному походу. Великій Магистръ Храмовниковъ встрѣтилъ около Саталии упавшій духомъ войска. Впередѣ все опустошено было неприятелемъ , и Король рѣшился , съ частію войска , съѣзъ на суда , предлагаемыя Греками , чтобы моремъ достигнуть Антиохіи ; оставленные имъ на поморіи погибли , отъ изгнаны Грековъ и меча Турковъ.

Другаго рода некушения ожидали крестоносцевъ въ стѣнахъ Антиохіи. Хитрый Князь Раймундъ старался отклонить ихъ оружіе отъ Іерусалима, въ пользу собственныхъ владѣній; видя непреклонность Короля, обольстилъ онъ именитыхъ витязей и женъ, наслажденіями роскошнаго Востока, и овладѣвъ сердцемъ Королевы, былъ виною разрыва супружеской любви. Силою увлекъ ее Людовикъ въ Іерусалимъ, и уже боялся вступить въ предѣлы Графа Триполійскаго. Въ стѣнахъ Св. града Императоръ Германскій ожидалъ Короля Франціи; оба, лишенные войскъ своихъ, убогими бѣгомольцами поклонились Св. гробу, который шли защищать съ такими полчищами. Дружелюбно встрѣтилъ ихъ, въ Іерусалимѣ, юный Король Балдуинъ съ матерію Мелизендою. Никогда столько царственныхъ особъ не было собрано въ стѣнахъ Св. града. Два Короля, двѣ Королевы и одинъ Императоръ, кроме владѣтельныхъ Князей, и никогда столько смиренія, вольнаго и невольнаго, не сопутствовало сему земному величію, посреди воспоминаній небснаго убожества. Въ Итолемандѣ назначено было совѣщаніе, о дальнѣйшемъ походѣ; но туда не явились ни Князь Антиохійскій, ни Графъ Триполійскій, ни самъ Юсселинъ Эдесскій, избѣжавшій смерти въ день гибели своей столицы; не было и рѣчи о ея освобожденіи, хотя имя Эдессы подвигло весь Западъ. Дамаскъ, еще не завоеванный страшнымъ Султаномъ Алепа, Нурединомъ, былъ избранъ цѣлю похода, и къ нему двинулось войско крестоносцевъ. Впереди всѣхъ шелъ Ко-

роль Иерусалимскій, съ Магистрами Страннопринимныхъ и Храмовниковъ, за нимъ Король Франціи съ своего дружиною, Императоръ Конрадъ замыкалъ ихъ остатками собранныхъ имъ воиновъ. Станъ Христіанскій расположился въ цвѣтущихъ садахъ Дамаска, и необычайная отвага витязей, ревновавшихъ другъ передъ другомъ выказать удаливость своею, поразила ужасомъ жителей; болѣе всѣхъ отличался, въ непрестанныхъ поединкахъ съ неприятелями, Императоръ Конрадъ. Аюбъ, отецъ страшнаго въ послѣдствіи Саладина, начальствовалъ въ Дамаскѣ; при немъ находился и самъ будущій завоеватель Иерусалима. Уже начинали думать о славѣ города, когда возникли въ станѣ Христіанъ обычныя распри о томъ, кто будетъ владѣть имъ, и ревность многихъ остыла, когда узнали, что Дамаскъ обреченъ былъ въ удѣлъ Графу Фландрскому. По мѣртвѣ того, какъ упалъ духъ осаждавшихъ, возникало мужество осажденныхъ; несчастное рѣшеніе перенести станъ, изъ садовъ предмѣстія на южную сторону города, для удобнѣйшаго приступа къ стѣнамъ, спасло Дамаскъ; ибо тогда Курдовъ въ него проникла, чрезъ оставленные крестоносцами сады, а между тѣмъ зной и жажда стали истреблять войска ихъ, на голой равнинѣ. Вѣсть, о приближеніи Султановъ Алепа и Моссула, рѣшила крестоносцевъ оставить гибельную для нихъ осаду. Общее уныніе овладѣло вождями; напрасно Балдуинъ предлагалъ осадить Аскалонъ, Императоръ думалъ только о своемъ возвращеніи, и самъ Людовикъ, остававшійся болѣе года въ Па-

лестивъ, не совершилъ ничего достойнаго великихъ замысловъ. Раздоры и развращеніе нравовъ были источникомъ всехъ бѣдствій; ибо новые вонтели не имѣли уже простоты и набожности сподвижниковъ Готфреда.

Между тѣмъ, никогда Христіане Сирійскіе не имѣли нужды въ большей помощи. Раймундъ Князь Антиохійскій, виновникъ семейныхъ раздоровъ Франціи, палъ въ битвѣ подъ стѣнами Алепа, и голова его послана была къ Халифу въ Багдадъ. Графа Триполійскаго поразилъ невѣдомый кинжалъ Ассасиновъ, внутри собственной его столицы. Юсселинъ, бывший Графъ Эдесскій, забытый крестоносцами, впалъ въ руки невѣрныхъ и окончилъ бѣдственную жизнь въ тюрьмахъ Алепа. Въ самомъ Иерусалимѣ царствовалъ раздоръ между Королемъ и его матерію; Балдуинъ осадилъ даже Мелитенду, въ башнѣ Давидовой, куда укрылась съ своими приверженцами. Пользуясь симъ безпорядками, два Эмира изъ племени Ортока, властвовавшего некогда въ Св. градѣ, собрали войско въ Месопотаміи и расположились станомъ на горѣ Элеонской. Иерусалимъ спасенъ былъ только отчаяннымъ мужествомъ нѣсколькихъ рыцарей, которые одушевили своимъ примѣромъ обѣятыхъ ужасомъ жителей. Въ столь бѣдственныхъ обстоятельствахъ, напрасно Король и Патріархъ, и оба Магистра зывали о помощи къ Европѣ: второй несчастный походъ охладилъ на Западѣ страсть къ битвамъ. Папа и Епископы, дотолѣ ревностные, не смѣли проповѣдывать болѣе, о вѣнцахъ мученическихъ на Во

етоуъ; замеръ и краснорѣчивый голосъ на устахъ Бернарда; онъ только изумлялся таинственности судьбы Божиихъ, не благословившихъ столь священнаго начала. — «Какой позоръ для насъ, писалъ онъ Папѣ, ходившихъ повсюду съ вѣстію мира и радости? или мы напрасно трудились? или мы дѣйствовали не по волѣ Бога и его намѣстника? — Почто не приерылъ Господь посты и стонанія наши? какъ терпѣть онъ святотатный голосъ, хулящихъ его народовъ Аравіи, посмѣяющихся гибели его ратниковъ въ пустынь! Вся сулябы Божіи истины! но сія послѣдняя есть столь ужасная бедна, что блаженъ, кто не соблазнится о ней!» — Таковъ былъ отголосокъ послѣдняго отпа Западной церкви, какъ его презвали современники, на собственную его проповѣдь о крестовыхъ битвахъ!

Когда упалъ духомъ Западъ, на Востокъ странно возставало могущество Султана Нуреллина, сына Зенги, покорившаго себя всѣхъ медкихъ Эмировъ Сиріи, и наконецъ утвердившаго столицу свою въ Дамаскѣ, долго ему меккорномъ. Умѣ не было слышно о племени Сельджукидовъ, некогда столь сильныхъ въ Сиріи; они только господствовали въ Персіи. Халифъ Багдадскій, какъ глава и блюститель ислама, долженъ былъ призвать своимъ единственнымъ защитникомъ Нуреллина, для сохранения призрака своей власти и всего исповѣданія, потрясеннаго оружіемъ Христіанъ. Халифъ Фатимитовъ въ Египтѣ, ему враждебный, былъ также слабую тѣню и играющимъ визирей

своихъ, которые содержали его пльникомъ въ роскошныхъ палатахъ Каира. Прежде, нежели вступилъ въ состязаніе съ мощнымъ Нуреддиномъ, Король Балдуинъ рѣшился воспользоваться слабостію Египта и возбудить отъ унынія Христіанъ Палестинскихъ, смѣлымъ подвигомъ. Онъ подступилъ къ Аскалону, всегдашнему скопищу Сарацынъ, отъ коихъ громили они непрестанными набѣгами его предѣлы и куда безбоязненно приставали ихъ флоты. Не только всѣ рыцари и бароны, но даже Епископы Палестинскіе приняли участіе въ ратномъ дѣлѣ; Патріархъ сопутствовалъ съ честнымъ древомъ креста. Графъ Сидонскій подошелъ съ судами къ пристани Аскалонской. Уже два мѣсяца длилась осада, когда около пасхи, множество богомольцевъ западныхъ вышло на берегъ Сириі: обрадованный Балдуинъ пригласилъ ихъ содѣйствовать успѣху брани, и умножилъ ихъ судами осадный флотъ. Мало помощи принесло Аскалону пришествіе Египетскаго флота; стѣнобитная башня, устроенная изъ корабельнаго лѣса, громила стѣны; напрасно старались истребить ее осажденные; возженное ими пламя обратилось, противнымъ вѣтромъ, на ихъ собственныя стѣны и часть ихъ упала отъ треснувшихъ камней. Храмовники устремились на проломъ и городъ былъ бы въ рукахъ Христіанъ, если бы не увлекла рыцарей жажда корысти, которую не хотѣли раздѣлить съ другими; сами они были изгнаны ободренными жителями. Уже Король и его бароны начали отчаяваться во взятіи города и хотѣли отступить: Патріархъ съ

Епископами поддержали ихъ духъ, обѣщая именемъ Божиимъ побѣду; начались опять кровопролитныя приступы, но осажденные, не ожидая болѣе никакой помощи изъ Египта, рѣшились оставить него-степримное для нихъ поморіе. Они предложили сдать Аскалонъ витязямъ креста, которые сами изумились столь нечаянному обороту дѣлъ. Чрезъ три дня уже развѣвалось знамя Іерусалимское на стѣнахъ Аскалона; жители его удалились въ Египетъ, куда открылся свободный путь Франкамъ, покореніемъ сей послѣдней твердыни.

Взятіе Аскалона было славнѣйшимъ изъ подвиговъ Балдуина. Тогда обратилъ онъ оружіе противъ Султана Дамассаго; но первое его состязаніе съ Нуреддиномъ было неудачно. Король, разбитый на берегахъ Іордана, едва спасся бѣгствомъ въ соседнюю крѣпость Сафатъ; городъ Панаеда достался въ руки непріятеля. Народъ Іерусалимскій уже отчаявался о жизни своего Государя, какъ вдругъ онъ явился въ Св. градъ; годъ спустя, воспользовавшись прибытіемъ Графа Фландрскаго, выступилъ опять противъ Сарацынъ, отнялъ у нихъ Кесарію, въ предѣлахъ Антиохійскихъ, и разбилъ самаго Нуреддина, на берегахъ Іорданскихъ, отомстивъ ему жестоко за первое пораженіе. Бракъ Балдуина съ племянницею Императора Греческаго Мануила, кромѣ сокровищъ богатаго вѣна, столь необходимыхъ убогому престолу Іерусалимскому, подавалъ еще утѣшительныя надежды на будущее согласіе между Греками и Латинами, для

одоле́нія общаго врага ихъ; но вскорѣ рушились сіи надежды преждевременною кончиною доблестнаго Короля.

Не было мира и въ Иерусалимѣ, отъ соблазнительныхъ раздоровъ Патріарха съ рыцарями Страннопріимными, которые не хотѣли платить ему узаконенной десятины своихъ доходовъ, и дошли даже до явной вражды; они соорудили стѣну прямо противъ входа въ храмъ Воскресенія, соседній ихъ замку, заглушали стукомъ оружія служебные гимны внутри святилища, и даже преслѣдовали стрѣлами канониковъ Св. гроба, которые повѣсили стрѣлы сіи на Голгоевъ, въ обличеніе святотатства рыцарей. Напрасно престарѣлый Патріархъ искалъ на нихъ суда у Первосвященника Римскаго; и тамъ богатство заглушало голосъ истины; одна только смерть Патріарха прекратила распрю. Безмолвный ея свидѣтель, Король Балдуинъ, не въ силахъ былъ ее прекратить, властію своею въ собственной столицѣ, но призванъ былъ въ Антиохію, для примиренія тамошняго Латинскаго Патріарха съ Княземъ Ринальдомъ Шатильономъ, супругомъ вдовы Раймуида. Отложивъ всякой страхъ Божій и человѣческой, Ринальдъ не убоился выставить дряхлаго Святителя на верху башни Антиохійской, обмазавъ медомъ обнаженную голову его, при палящемъ солнцѣ. Король успѣшилъ укротить столь ужасное своеволие и водворить миръ церковный въ разстроенномъ княжествѣ; но путешествіе сіе стоило ему жизни. Онъ заболѣлъ въ Антиохіи, и причину его недуга приписывали отравѣ; чувствуя

приближеніе кончины, Балдуинъ сдѣлалъ къ Іерусалимъ къ Св. гробу; — тамъ упокоился только его кости. Доблестный юноша скончался въ Бейрутъ, послѣ пятнадцатилѣтняго царствованія, оплакиваемый своими подданными и всеми Христіанами Сиріи, которыхъ былъ послѣднею опорою. Самъ Нуреддинъ, исполненный благородства, почтилъ справедливую горестъ враговъ своихъ и остановилъ всякое воинское дѣйствіе, чтобы Христіане могли свободно отнесты тѣло усопшаго Короля своего въ Іерусалимъ. Братъ его Алмерикъ, ненавидимый всеми за свою гордость и корыстолюбіе, заступилъ его мѣсто, не безъ малыхъ усилій, ибо главные бароны и Епископы не хотѣли видѣть его на престолѣ Іерусалимскомъ. Одинъ только страхъ возбудить междоусобіе, нарушеніемъ законнаго престолонаслѣдія, посреди угрожавшей опасности отъ Сарацинъ, могъ примирить подданныхъ съ Алмерикомъ, и онъ былъ вънчанъ, рукою Патріарха, въ храмъ Воскресенія.

... 1166 годъ.

XXVII.

УПАДОКЪ КОРОЛЕВСТВА.

Алмерикъ I. Баадунъ IV и V. Лузавьянъ. — Св. Евфросинія
Полоцкая.

Едва вондрился Алмерикъ, какъ обратилъ уже взоры на Египетъ, и съ малымъ войскомъ быстро перешедя пустыню, принудилъ Халифа, купить миръ кѣною золота. Легко было одолѣть Египетъ: при внутреннихъ его раздорахъ; два взира оспоривали другъ у друга верховную власть, у подножія престола, на коемъ держали они своимъ названникомъ послѣднѣго изъ рода Фатимитовъ. Халифа Адила. Визирь Шаверъ, изгнанный, содерникомъ, обратился къ могущественному Султану Дамаска, и Нуреддинъ послалъ съ нимъ опытный шагъ изъ своихъ Эмировъ, Ширку, дядю Саладинова, для завоеванія Египта. Испуганный Халифъ; съ своей стороны, просилъ помощи Франкозъ, и опять вооружился Алмерикъ. Эмиръ предупредилъ

Короля и успѣлъ овладѣть Каиромъ; но у него самаго возникла распря съ визиремъ, и Шаверъ въ свою чреду искалъ помощи у Алмерика, обѣщая ему все то, что предлагалъ вождю Сирійскому; послѣ многихъ битвъ Ширку принужденъ былъ оставить Египетъ. Жестоко отплатилъ Султанъ поражение войскъ своихъ Христіанамъ Сирійскимъ; въ числѣ его пльнниковъ были Князь Антиохійскій, третій Боемундъ, и Триполійскій Графъ Раймундъ; давно уже томился въ его узахъ и Ринальдъ Шатильонъ, бывшій правитель Антиохіи. Одушевленный симъ успѣхомъ, онъ рѣшился покорить Египетъ, и самъ Халифъ Багдада провозгласилъ священную войну противъ закоснѣлаго врага своего, Халифа Фатимитовъ, ибо онъ хотѣлъ, чтобы одно только имя Абассидовъ оглашалось во всѣхъ мечетяхъ исламизма, какъ законныхъ наследниковъ Пророка Мекки.

Смятенный властитель Египта искалъ опять спасенія, въ союзъ съ Франками, и послы его явились въ Іерусалимъ. Обрадовалось корыстолюбивое сердце Алмерика такому зову; онъ собралъ королевскій сеймъ въ Наблузъ и требовалъ чрезвычайной подати, представляя всѣ выгоды Египетскаго похода. Уже грозный его соперникъ Ширку проходилъ пустынею, вокругъ областей Христіанскихъ, и утратилъ отъ пещаной бури половину войска, но и остатками силъ своихъ навелъ ужасъ на Египетъ. Король медлилъ сражаться, заботясь только о богатой дани, и упустилъ благоприятное время для истребленія враговъ; они успѣли удалиться

съ честію и безъ урона. Сто тысячъ ефимковъ золота, роскошные дары и стража Христіанская въ Каирѣ были слѣдствіемъ сего похода; но Алмерикъ, увлеченный жаждою большей корысти, уже съ презрѣніемъ смотрѣлъ на свое убогое царство, послѣ сокровищъ Египетскихъ; имъ овладѣло гибельное желаніе завоевать страну своихъ союзниковъ. Бракъ съ племянницею Императора Мануила еще болѣе возбудилъ его надежды; онъ старался склонить властителя Греческаго къ завоеванію Египта, и Мануилъ обѣщалъ ему сильное содѣйствіе, деньгами и флотомъ. Напрасно благоразумные советники, и особенно Великій Магистръ Храмовниковъ старались отклонить Короля отъ несчастнаго похода, представляя незаконнымъ такое нарушеніе союза, хотя и съ невѣрными, тѣмъ болѣе, что настоящая опасность грозила отъ Султана Сиріи, который держалъ въ плѣну трехъ Князей Христіанскихъ. Король не терпѣлъ противурѣчій, и Великій Магистръ Страннопріимныхъ поддерживалъ его сторону, въ надеждѣ на несмѣтные богатства Египта, коихъ жаждалъ не менѣе Алмерика. Такимъ образомъ Король Іерусалимскій и Султанъ Дамаскскій, въ одно время, устремились на Египетъ, стараясь оправдать другъ передъ другомъ несправедливыя свои притязанія; въ церквахъ Христіанскихъ, равно какъ и въ мечетяхъ Сирійскихъ, однаково возсылались объѣты о сокращеніи престола Фатимитовъ.

Изумились Египтяне нашествію Францовъ и ихъ жестокости, при варіи Билбенса; раздраженный

народъ изгналъ стражу Христіанскую изъ Каира и укрѣнилъ его, предавъ огню богатое предместье. Халифъ обратился къ законному врагу своему Нурэддину, съ мольбами о защитѣ, и обрадованный Султаною послалъ, въ третій и послѣдній разъ, Эмира Ширну, покорить Египеть. Между тѣмъ хитрый визирь Шаверъ, обещавши богатой данью, задержалъ вѣстие Короля, напрасно ожидавшаго помощи отъ Грековъ. Въместо нихъ явился страшный Ширку, съ войсками Сирійскими, и се стыдомъ долженъ былъ удалиться черезъ пустыню. Король Алмерицъ, ибо не въ силахъ былъ бороться съ удвоенными силами Султана и Халифа. Но и вѣзирю стоила жизньъ побѣда Сирійцевъ: эмиръ Ширку отвѣстилъ ему за прежнюю измѣну, и когда самъ скоропостижно скончался, посреди своихъ побѣдъ, славный его племянникъ Саладинъ, избранъ былъ Халифомъ на его мѣсто, для собственной гибели Фатимитовъ и для гибели Христіанъ.

Еще однажды устремился Алмерицъ на Египеть, съ флотомъ Греческимъ, который, подошелъ къ пристани Птолемаидской, но походъ его окончился тщетною осадю Даміеты. Несчастныя покушенія Франковъ на Египеть должны были имъ напомнить древнюю заповѣдь, данную некогда Евреямъ: не обращать взоровъ своихъ на Египеть. Не ожидая болѣе помощи отъ Запада, Король Іерусалимскій положилъ всю свою надежду на Императора и отплылъ въ Царьградъ, предоставивъ Господу Іисусу управлять его царствомъ, какъ онъ самъ отзывался, ибо не было иной защиты обуръ-

всесою со всехъ сторонъ врагами. Блистательный пріемъ, при дворѣ императорскомъ, не принесъ однако никакой пользы Алмерику; одно только страшное землетрясеніе, обрушившее многіе города въ Сиріи, остановило на время Султана Дамасскаго отъ дѣйствій воинскихъ. Каждый Князь и народъ занятъ были собственными бѣдствіями; страхъ суда Божіа удержалъ обоюдное оружіе, говоритъ Вильгельмъ Архіепископъ Тирскій, пользовавшійся милостіями Короля Алмерика, и бывшій наставникомъ его болазненнаго сына.

Въ послѣдніе годы рыцарскаго королевства, посѣтила Св. мѣста другая знаменитая паломница Русская, духовнаго сана, итуменія, но вѣсть и княжна, дочь Князя Полоцкаго Брячислава. Св. Евфросинія избрала самое благопріятное время для своего странствованія, ибо въ 1173 году, хотя оставалось только пятнадцать лѣтъ до завоеванія Іерусалима Саладиномъ, однако еще со славою царствовалъ Король Алмерикъ, и по браку своему съ Марією, дочерью Греческаго Императора Мануила, вѣроятно ласково пріявлъ княжну Русскую. Краткое описаніе ея хожденія и блаженной кончины осталось намъ въ ея житіи*.

«Св. Евфросинія, перучивъ обитель сестръ своей Евдоимъ, и возложивъ упованіе на Бога, пустилась въ преднамѣренный путь, будучи далеко провожаема всеми родными, съ горькими слезами. Она взяла съ собою брата своего Давида и родственницу Евпраксию, и сперва пришла въ Царьградъ, гдѣ съ

* Четвъ Мисл 23 Маг.

честію принята была Императоромъ и Патріархомъ. Достигнувъ Іерусалима, поклонилась живоносному гробу и поставила на немъ золотое кандило, церкви же Іерусалимской и Патріарху поднесла богатыя дары. Когда же, съ умилениемъ сердца, обошла весь Св. мѣста, поселилась въ монастырь, называвшемся Русскимъ, при церкви пресвятыя Богородицы. Пришедши однажды ко гробу Господню, Св. Евфросинія такъ помолилась надъ нимъ со слезами: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, родившійся отъ пресвятыя дѣвы Маріи, ради нашего спасенія, и сказавшій: просите и дастся вамъ, — благодарю твое благоутробіе, что я грѣшная, чего просила у тебя, то получила: ибо сподобилась видѣть Св. мѣста, которыя, ты освятилъ пречистыми своими стопами, и цѣловать Св. гробъ твой, въ коемъ ты почилъ твоею плотію, смерть за насъ подъявшею: но и еще у тебя, о преблагій Владыко, прошу единого дара: дай мнѣ и окончить дни мои на сихъ Св. мѣстахъ. Не презри смиреннаго моленія моего, Создатель мой, прими мою душу въ семъ святомъ твоемъ градѣ, и водвори ее со угодившими тебя, на лонѣ Авраамовомъ.» Св. Евфросинія, возвратившись въ обитель, гдѣ имѣла пристанище, вскорѣ заболѣла и, уже на одрѣ смертномъ, благодарила Господа, что послушала недостойную свою рабу. Ей хотѣлось побывать на Іорданѣ, но уже не доставало силъ, и потому просилъ брата своего Давида, принести ей оттогъ священной воды. Блаженная, принявъ воду сію съ великою радостію и благодареніемъ, пила ее и

облила ея все свое тело, благословляя Господа, просвещающаго и освящающаго всякаго человека, трудящагося въ мирѣ. Было ей въ болѣзнь Ангельское явленіе, съ изъясненіемъ о блаженной женщинѣ, и преподобная исполнилась духовной радости, о Богѣ Спасѣ своемъ. Потомъ послала она въ лавру святаго Саввы, просить Архимандрита и братію, чтобы дали ей мѣсто на погребеніе въ ихъ обители; но они отказали, говоря: «завоудѣ имѣемъ отъ святаго отца нашего Саввы, чтобы никогда не нагребать жены въ его обители; но есть Феодосіевъ общежительный монастырь Пречистая Богородицы, въ коемъ многія жены покоятся: тамъ и мать Св. Саввы, и мать Св. Феодосія, и мать святыхъ безсребренниковъ, Феодотія, и еще иныя; всему и богоугодной Евфросиніи прилично быть тамъ положенной.» Услышавъ сіе преподобная возблагодарила Бога, изволяющаго, чтобы тело ея положено было съ мощами святыхъ женъ, и послала въ обитель преподобнаго Феодосія, съ тою же просьбою, и тамъ иноки показали мѣсто для ея могилы, въ церковномъ притворѣ. Двадцать четыре дня продолжалась болѣзнь ея; когда же почувствовала приближеніе кончины, она призвала пресвитера, причастилась божественныхъ таинъ, и на молитвѣ передала святую свою душу въ руки Божіи, 23 Мая; съ честью погребена была Книжница Русская, въ обители преподобнаго Феодосія, въ паперти церкви Пресвятыя Богородицы. Братъ же ея Давидъ и родственница Евпраксія возвратились въ свое отѣчество, въ городъ Полецкы, куда при-

если вѣсть о блаженной кончинѣ и честномъ погребеніи преподобной Евросиміи.

Говоря о молитвенныхъ подвигахъ святой соотечественницы нашей, любознательно изяснить и рядъ Патриарховъ Иерусалимскихъ, заочна бодрствованникъ надъ своею паствою, какъ называется ихъ въ своей исторіи преемникъ ихъ досней. Когда Король Иерусалимскій Балдуинъ III, завоевалъ Аскалонъ, православныиъ Патриархомъ Св. града былъ уже Евхерій, а за нимъ Іаковъ. Высшею Патріархъ Арсеній упоминается, въ нѣкой древней хартии, по случаю утвержденія вѣчного устава для монастыря Св. Евеміа, который въ 1145 году обновилъ внутри стѣнъ Иерусалимскихъ, нѣкто авва Герасимъ, при содѣйствіи Анны Императрицы Трапезундской, и съ нимъ названы Митрополиты Германъ Васанскій, Матеей Газскій и Іулія Внелеемскій: это показываютъ однако, что и православные сохранили, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ Архіереевъ. Еще два Патріарха Иерусалимскіе подписали имена свои на соборахъ, бывшихъ въ Константинополѣ при Императорѣ Мануилѣ Комнинѣ, въ 1156 и 1166 годахъ, противъ тѣхъ, которые отвергали таинство евхаристіи и равенство Сына со Отцемъ. Первый изъ сихъ Святителей былъ Іоаннъ, писавшій также противъ опрѣсвоковъ Латинскихъ, а второй Никифоръ.

Между тѣмъ Саладинъ укрѣпился въ Египтѣ, довершая покореніе земли сей, будто бы во имя Нуреддина, но уже замышляя собственное влады-

чество. Онъ уничтожилъ тамъ Халифатъ Фатимитовъ, болѣе двухъ вѣковъ враждебный Абассидамъ; ихъ черное знамя замѣнило, опять бѣлое потомковъ Алія, и во всѣхъ мечетяхъ Ислама стали поминать одно только имя Халифа Багдадскаго. Ахидъ, послѣдній изъ Фатимитовъ, не вѣдая самъ, во глубинѣ своихъ чертоговъ, о совершившейся вокругъ него перемѣнѣ, внезапно скончался, и смерть его приписываютъ Саладину. Уже новый правитель Египта возбудилъ подозрѣнія и зависть всѣхъ Эмировъ Сиріи и самаго Нуреддина, который нѣсколько разъ напрасно требовалъ его ко двору своему. Одна только ранняя смерть Султана остановила междоусобія; малолѣтний сынъ его, Малекъ Исмаиль, не въ состояніи былъ управлять обширною державою. Смятенные Эмиры Дамаска искали союза съ Франками и предложили золото Алмерику, чтобы только оставилъ онъ предпринятую имъ осаду Панады. Согласился Король, испросивъ прежде свободу всѣмъ пѣннымъ Князьямъ Христіанскимъ, и вѣкоръ скончался, ибо не долговѣчны были власти Иерусалимскіе на тронѣ Давида и Соломона; а страшный Саладинъ принудилъ Эмировъ Дамаска и самаго Халифа Багдадскаго, за оказанную ему услугу противъ Фатимитовъ, признать его единственнымъ обладателемъ Сиріи; сыну Нуреддина остался не надолго одинъ Аленъ. Такъ, вся Сирія и Египетъ, дотолъ разрозненныя и потому менѣе опасныя для Христіанскихъ державъ Востока, соединились подъ одну мощную руку, и неминуемая

гибель угрожала Иерусалиму, который въ столь бѣдственную годину оставленъ былъ Западомъ и не имѣлъ въ себѣ твердаго защитника, ибо малолѣтній сынъ Алжерика, Балдуинъ IV, отъ рожденія страдалъ проказою и не могъ управлять.

Все влилось къ паденію въ королевствѣ Франковъ, хотя, казалось, никогда не были они въ болѣе пвѣтущемъ положеніи, по своему богатству, народонаселенію и множеству городовъ и замковъ, разбѣянныхъ по пустынь и вдоль померія. Родственные связи двухъ Королей уврѣчили давно желанный союзъ съ Императорами Греческими. Владѣтельный Графъ Триполійскій и феодалыя владѣтели Сидона, Бейрута, Каіася, Кесарія, Аскалона, Галилеи, Яффы, Арсура, Карака и областей Ваиорданскихъ, должны были, по уставу Готфреда, посылать вспомогательныя войска свои, по первому зову Короля, который самъ обладалъ, кромя Св. града, Наблузомъ, Акрою и Тиромъ. До пятнадцати тысячъ войска, коннаго и пѣшаго, могло выставить королевство Франковъ, не считалъ двухъ могущественныхъ орденовъ, Странноприимныхъ и Храмовыхъ, которыхъ дружины напоминались непрестанно западными пришельцами, а богатства превосходили царскія. Силенъ былъ и Латинскій Патріархъ Св. града, отъ котораго непосредственно зависѣли Митрополиты Виллесама, Тира, Кесарія, Назарета и Карака, съ подчиненными имъ Епископами, какъ и самъ Патріархъ имѣлъ, въ своей области, Епископовъ Виллесама, Хеврона и Лидды.

Всѣ они также обязаны были поставлять известное число войскъ во время походовъ.

Иаковъ Витрійскій, Епископъ Птолемаиды, описывая Царь состояніе Палестины, того времени, говоритъ, что подъ властію Франковъ, Церковь на Востоку начинала процвѣтать и виноградникъ Господній пускать новыя отрасли. Повсюду самыя живописныя мѣста избирались для обителей, устроаемыхъ щедростію царскою, и дома Божіи умножались милостынею вѣрныхъ. Гора четырехдѣсятицы близъ Іерихона и гора Кармилъская имѣли духовныхъ пчелъ своихъ, которыя, приготовляли сладкій медъ Господу; многіе умершіе міру, чтобы жить Богу, избрали себѣ мирныя гробы въ пустынь Іорданской, гдѣ спясался блаженный Предтеча. Въ самомъ Іерусалимѣ возвышалась, какъ замокъ, воинственная обитель Страннопримныхъ, близъ храма Воскресенія; крѣпкіе монастыри Храмовниковъ стояли на Сіонѣ и Элеонѣ; кромѣ канониковъ Св. гроба, устроенныхъ Готфредомъ, учредились еще въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ женскія общины, во имя Богоматери и Св. Анны, на мѣстѣ рожденія пречистой Дѣвы, и Дазрева въ Візаніи, устроенная Королевою Мелизендою для сестры своей, царственной шюкини. Иаковъ, отзываясь съ похвалою о рыцарскихъ орденахъ, говоритъ особенно о Храмовникахъ: «что молва о ихъ святости распространила благоуханіе по всему Западу, а Церковь всегда будетъ прославлять ихъ славныя побѣды за имя Христова.» — Орденъ сей, принявшій уставъ свой отъ Бернарда, былъ точно болѣе строгъ въ

его исполненіи, нежели рыцари Іоанна Іерусалимскаго: однако, отъ его честолюбія и жадности къ корысти, истекла гибель Іерусалиму. Но самое жестокое зло происходило въ Палестинѣ, отъ смѣшенія всѣхъ племенъ западныхъ, потомки коихъ, подъ именемъ Пуланъ, отличались своею безнравственностію, и утратили силу предковъ, посреди всеобщаго возраста. Они были какъ ржавчина на желѣзѣ, какъ дурная трава въ богатой жатвѣ, говоритъ Епископъ Акры, и Турки не страшились сихъ изнѣженныхъ вонтелей, болѣе привыкшихъ къ банямъ, нежели битвамъ. Горько жалуется онъ и на порчу нравовъ духовенства Латинскаго, которое, уподоблялось волкамъ, пожирающимъ, а не пасущимъ вѣренное имъ отъ Христа стадо. Десятый Патріархъ Латинскій Св. града, Ираклій, подавалъ собою примѣръ всякаго разврата. Самъ діаволъ позавидовалъ благосостоянію сего новаго Эдема, и подавилъ его подъ бременемъ грѣховъ, говоритъ Епископъ Іаковъ, такъ что отъ негъ до главы, отъ народа до клира, неосталось ничего здраваго въ Іерусалимѣ; повсюду соблазнъ, все вопіяло къ Богу о небесномъ мщеніи, и оно пало на Іерусалимъ.

Тотчасъ по кончинѣ Алмерика возникли распри: — кому управлять государствомъ до возраста юнаго Короля. Но тотъ, кто домогался власти, Милоуъ, владѣтель Аравіи, найденъ былъ мертвымъ на улицахъ Птолемаиды, и Графъ Триполійскій, Раймундъ, самый доблестный витязь во всей Палестинѣ, испы-

* *Bibliothèque des Croisades, Liv. I, p. 174.*

таинный многими бедствиями и долгимъ плѣномъ у неверныхъ, принялъ бразды правленія; надменный нравъ возбуждалъ противъ него ненависть прочихъ сильныхъ бароновъ, и самъ Балдуинъ не доверялъ ему; хотя некорился необходимости. Явились и еще два лица, имѣвшія горькое вліяніе на судьбу королевства: Ринальдъ Шатильонъ, некогда правитель Антиохіи, недавно освободившійся отъ долгой неволи, которому изъ состраданія дали замокъ Каракъ, а отъ грабежами каравановъ, навлекъ мщеніе Саладина. Другимъ, не менѣе гибельнымъ лицомъ для Іерусалима, былъ Лузиньянъ, Графъ Яофи и Аскалона, влѣкшій своею красотою дочь Короля Америка, Сивиллу, и получившій ея руку, послѣ кратковременнаго ея супружества съ Маркизомъ Моисефератскимъ. Младенецъ Балдуинъ, пятый и послѣдній Король сего имени, какъ призракъ мелькнувшій на престолѣ, былъ плодомъ перваго ея брака; паденіе Іерусалима плодомъ втораго.

Однако еще одинъ, послѣдній успѣхъ, порадовалъ Христіанъ, при началѣ царствованія Балдуина. Войско Саладиново внезапно вторглось въ предѣлы Палестинскія, все предавая огню и мечу, и осадило Аскалонъ; болѣзненный Король поспѣшилъ туда съ малою своею дружиною, при первомъ слухѣ о присутствіи непріятеля. На томъ мѣстѣ, гдѣ некогда дружины первыхъ крестоносцевъ, предводимые Готфредомъ, побѣдили цѣлщица Египтянъ, не усомнились и слабѣй его потомокъ выступить, съ трамсами рыцарей, противъ неверныхъ, уподая, при собственной помощи, на силу Божию, и на содѣйствіе

честнаго древа преста: — оно поразило внезапными ужасомъ враговъ: вѣтви его, не скаранию очеиднщевъ, казалось, возрасли до неба и пррстерлись до краевъ горизонта. Вбжали паврыше, бросам оружье по дорогъ; и едва спасся самъ Саладинъ, утративъ все свое войско, станъ и воинскіе снаряды; давно не было одержано болге совершенной победы. Бедуины пустынные довержили расхищеніе и гибель бжавшихъ. Но годъ спустя, уже Саладинъ явился съ новыми силами, на берегахъ, Іордана и поразилъ тамъ новыхъ пришельцевъ западныхъ, брата Короля Франціи и другихъ владетельныхъ графовъ; въ то же время Балдуину должно было заботиться, о обновленіи ствнъ Іерусалимскихъ, приходившихъ въ упадокъ отъ ветхости. Богатѣйшіе граждане наложили на себя добровольную дань для сего необходимаго дѣла, и опять укрѣнился Св. градъ.

Засухи и голодъ принудили враждующихъ, Христіанъ и Магометанъ, заключить невольное перемиріе на два года*; ибо не было средствъ содержать войско, въ опустошенныхъ предѣлахъ Сиріи. Саладинъ удалился въ Египеть, съ толнами голоднаго народа. Въ то же время, цѣлое племя Маронитовъ, обитавшихъ въ горахъ Ливанскихъ, совершенно независимое по своему гражданству и церкви, присоединилось къ Римской, признавъ надъ собою власть Латинскаго Патріарха Св. града. Духовный и вмѣстѣ гражданскій союзъ сей принесъ некоторую отраду областямъ Христіанскимъ въ Си-

* 1180 годъ.

ри, по Больше милостию Антиохійскому и графству Трапезійскому, нежели королевству; ибо вельможные Мириситы ограждали ихъ со стороны Ливана отъ нападенія Турковъ. Еще не кончилось условленное перемиріе съ Султаномъ, какъ уже начались враждебныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ. Саладинъ захватилъ корабль съ богомольцами западными, занесенный бурей въ Даміету; а владѣтель Карана, Ринальдъ продолжалъ грабить караваны богомольцевъ Магометанскихъ, и даже отважился овладѣть Меккою; но смѣлое предпріятіе рушилось, и воины его, ваятые въ плѣтъ Турками, принесены были въ жертву, на праздникъ Байрана, вмѣстѣ съ овцами заклешія, предъ дверями Каабы, дома Авраамова; нѣкоторые изъ нихъ погибли въ самомъ Каирѣ, предъ лицомъ раздраженнаго Султана, отъ руки Софіевъ и проповѣдниковъ Корана. Саладинъ поклонялся, бородами своего пророка, отплатить Христіанамъ за ихъ святоотачное покушеніе, подступалъ съ войскомъ къ Караку и Байруту, опустошилъ Галилею и опять на время удаленъ въ Месопотамію; ибо онъ долженъ былъ еще сокрушить родъ Атабековъ, который держался въ сихъ предѣлахъ. Смерть сына Нуреддинова и взысканіе Алена сдѣлали его наконецъ полнымъ владѣтелемъ Сиріи, какъ и Египта, и тогда уже могъ онъ обратить всѣ силы на единственныхъ враговъ своихъ Христіанъ.

Ежедневно и повсемѣстно ожидали его нападенія, а между тѣмъ болѣзнь пронаженнаго Короля усилилась до такой стѣпени, что онъ ослабъ и ли-

иненъ былъ употребленіи рукъ и ногъ. Въ столь горестномъ положеніи, Балдуинъ принужденъ былъ отнаться отъ верховной власти, съ сохраненіемъ только достоинства королевскаго; но избранный имъ правитель, Лузиньянъ, супругъ Сивиллы, не внушалъ никому довѣренности; гласъ народа былъ гласомъ Божиимъ, ибо въ скоромъ времени обнаружилась неспособность и малодушіе правителя, когда онъ, съ двадцатитысячнымъ войскомъ и тысячею тремя стами рыцарей, позволилъ непріятелю, предъ своими глазами, опустошать предѣлы Галилейскіе. Общій ровоть и негодованіе побудили Короля ваять, изъ слабыхъ рукъ, кормило правленія; онъ даже хотѣлъ лишить Лузиньяна графства Аскалонскаго и расторгнуть бракъ его съ Сивилою; но некорривый вассалъ заключился, въ стѣнахъ Аскалона, и напрасно царственный слѣпецъ, болѣзненными руками, самъ стучалъ во врата затвореннаго ему города. Тогда, призывая Бога во свидѣтели измѣны Лузиньяновой, онъ назначилъ правителемъ королевства Раймунда, Графа Триполійскаго, и възвѣчалъ въ храмъ Воскресенія младенца Балдуина, сына сестры своей, Королемъ Іерусалимскимъ. Въ палатахъ Соломоновыхъ, гдѣ обитали властители Латинскіе, въ послѣдній разъ данъ былъ великолѣпный пиръ, на коемъ граждане Іерусалима служили, по обычаю, Королю и его баронамъ.

Патріархъ Ираклій, съ В. Магистрами Страчнопріимныхъ и Храмовниковъ, посланцы были въ Европу, просить помощи гибнущей Палестинѣ. Они предстали въ Веронѣ Папѣ Луцію, нагнанно-

му изъ Рима своимъ соперникомъ, и Фридриху Императору Германскому, умоляли и Короля Франціи Филиппа Августа, только что воевавшагося, и могущественнаго Генриха II. Короля Англійскаго: все было напрасно, ибо еще не изгладились слѣды втораго несчастнаго похода. Генрихъ обещалъ помощь и далъ только денегъ; раздраженный Патриархъ напомнилъ ему, данную имъ клятву, идти въ Палестину за убіеніе Архіепископа Фомы, но гнѣвная рѣчь не произвела желаемаго дѣйствія. Ираклій возвратился ни съ чѣмъ; Первосвятитель Римскій, не въ силахъ будучи подвигнуть Запада, принужденъ былъ дѣйствовать иными средствами, и написалъ умоливательное посланіе въ защиту Христіанъ, занесенному врагу ихъ Султану Саладину и брату его Малекъ-Аделю. «Мы ненавидимъ наше настоящее, писалъ Архіепископъ Вильгельмъ Тирскій, и съ ужасомъ ожидаемъ будущаго: враги наши во всемъ имѣютъ надъ нами верхъ, и мы достигли до той степени, что уже не можемъ переносить ни золь, ни врачеваній!» — Сими словами заключаетъ свою летопись краснорѣчивый писатель; ибо уже не въ силахъ былъ продолжать картины бѣдствій и описывать паденія Св. града. Многія знаменія, на небѣ и на землѣ, предвѣщали близкую его гибель, какъ некогда во дни Иудеевъ, страшные вихри и землетрясенія, затмѣнія солнца и луны; но вѣрнѣйшимъ знакомъ было веробіеце развращеніе нравовъ, начиная съ Патриарха Ираклія, котораго печистая жизнь служила соблазномъ целому городу. «Древній врагъ человѣковъ исключи-

тельно царствовалъ въ Иерусалимѣ, разсѣявъ повсюду бурю матажа; другіе народы, воспріявшіе некогда свѣтъ вѣры изъ Св. града, видѣли въ немъ тогда примѣръ всякаго беззаконія; потому презрѣлъ Господь свое наслѣдіе и наказалъ оное желѣзнымъ жезломъ Саладина.» Такъ говоритъ Латинскій современнѣйшій писатель Вальтеръ, о безнравственномъ состояніи, до какого допустили себя соплеменники его во Св. градѣ*.

Въ столь бѣдственныхъ обстоятельствахъ, несчастный Король Балдуинъ угасъ, посреди окружавшихъ его радоровъ о верховной власти, и вслѣдъ за нимъ скончался младенецъ Балдуинъ V; это было послѣднее царственное погребеніе у подножія Голговы; родъ Готфреда и Балдуина отходилъ къ покою, Иерусалимъ подвигался къ паденію. Тотчасъ по кончинѣ обоихъ Королей, Графъ Триполійскій созвалъ бароновъ королевства, въ Наблузъ, для совѣщанія; Патріархъ и В. Магістръ Храмовниковъ остались въ Иерусалимѣ и предложили вѣнецъ Сивиллѣ, сестрѣ умершаго Балдуина. Въ заключенномъ храмѣ Воскресенія совершился тайно послѣдній обрядъ царскаго вѣщанія, и тогда же, по взаимному согласію съ Патріархомъ, Сивилла возложила другой вѣнецъ на бѣдственную главу своего супруга, въ залогъ паденія царства. Напрасно Графъ Триполійскій умолялъ бароновъ, избрать Королемъ молодого Торона, мужа другой дочери Алмерика, Изабеллы. Самъ Торонъ и вслѣдъ за нимъ прочіе бароны, опасаясь междоусобій, по-

* Michaud. Hist. des Croisades T. II, p. 263.

корились Сивиллѣ; Графъ Раймундъ принужденъ былъ заключиться, въ свой удѣльный городъ Тиверіаду, и даже просилъ помощи отъ Султана на тотъ случай, если нападетъ на него Король.

Еще одно расхищеніе каравана, шедшаго въ Мекку, Ринальдомъ, возбудило опять мшненіе Саладиново. Онъ провозгласилъ, въ мечетяхъ Каира и Дамаска священную войну противъ враговъ Исламизма, выступилъ съ войсками для защиты каравановъ и осадилъ Каракъ. Сынъ его Афдалъ перешелъ Иорданъ и приблизился къ Назарету; но болѣе ста тридцати рыцарей Храма и Странноприимныхъ сразились съ многочисленнымъ непріателемъ, и, послѣ невѣроятныхъ подвиговъ, пали въ битвѣ, исключая одного В. Магистра Храмовниковъ, который спасся на гибель Иерусалима. Тогда Король Лузиньянъ и Графъ Раймундъ примирились, при видѣ угрожающей опасности, и дружески обнялись предъ всеми народами, на площади Иерусалимской.

• 1167 годъ.

XXVIII.

ВЗЯТИЕ ІЕРУСАЛИМА САЛАДИНОМЪ.

(Битва при Тиверіадѣ).

Со стороны Христіанъ и Магометанъ готовились, съ крайнимъ ожесточеніемъ, къ рѣшительной битвѣ*. Султанъ обещалъ уже своимъ Эмирамъ богатѣйшія области и города королевства. Халифъ возсылалъ молитвы, о взятіи Іерусалима, и ему вторили, отъ Хорасана до береговъ Нила, послѣдователи Корана, приведенные Саладиномъ подъ его единовластіе. Восемьдесятъ тысячъ войска перешли Іорданъ, съ могущественнымъ Султаномъ Сиріи и Египта, и ополчились при Тиверіадѣ. Король, Графъ Триполійскій и всѣ бароны собрались въ Іерусалимъ, чтобы совѣщаться о мѣрахъ защиты; всѣ силы должны были выступить туда, отколѣ угро-

* Histoire des Croisades liv. 8.

жизни опасности. Деньги, присланные Королемъ Англии употребили на вооруженіе. Честное древо креста обнесли, по стѣнамъ и улицамъ Св. града, и Патріархъ вручилъ его Епископамъ, дабы сочувствовало стану ратныхъ; но грустныя предчувствія исполняли сердца жителей Иерусалима, и между ними разгласилось предсказаніе, что уже честное древо не возвратится въ Сіонъ.

До пятидесяти тысячъ воиновъ Христіанскихъ выступили въ Галилею, на обширную равнину Сефориса, древней Діокесаріи; крѣпости и замки остались почти безъ всякой защиты; всѣ богомольцы, пришедшіе съ запада, и даже гробы судовъ, явились съ оружіемъ въ рукахъ; Графъ Триполійскій привелъ всѣхъ своихъ воиновъ, Князь Антиохійскій послалъ только пятьдесятъ рыцарей, подъ начальствомъ юнаго сына. Вскорѣ услышали, что Саладинъ овладѣлъ Тиверіадою и осаждаеть, въ Вышгородѣ, жену Графа Триполійскаго; собрался советъ воинскій въ станъ Христіанъ. «Тиверіада мой городъ, моя жена осаждена въ Вышгородѣ, спавалъ Графъ Раймундъ, мнѣ всѣхъ ближе спасеніе Тиверіады; но горе намъ, если увлечемъ, въ безводныя мѣста, воиновъ и коней, а Саладинъ заслонитъ намъ озеро Галилейское. Дождемъ здѣсь непріятеля, который двинется на насъ; превознесенный своими побѣдами, и та участь, которая бы насъ ожидала въ пустынь, встрѣтитъ его здѣсь; жажда и мечъ истребятъ невѣрныхъ, и даже, въ случаѣ пораженія, намъ будетъ куда отступить. Лучше пусть погибнетъ одна Тиверіада, нежели все королевство.»

Великій Магистръ Храмовники и Ринальдъ Шатильонъ упрекнули Графа въ малодушіи; прочіе вожди одобрили мудрый совѣтъ его, и Король сдѣлался, съ общими мнѣніемъ, ошдидать непріятеля. Но въ ту же ночь Магистръ внушилъ подозрѣніе слабому Луаньяну, противъ Графа, который будто бы хотѣлъ выдать царство Саладину; онъ убѣждалъ его спасти Христіанъ решительною битвой. Король велѣлъ двинуться къ Тиверіадъ; въ первый разъ принудилъ онъ повиноваться своей волѣ, и это было для гибели Іерусалима.

Утромъ 3 Іюля выступило войско изъ стана при Сесоретъ; Графъ Триполійскій шелъ впередъ въ свою дружиною, по правую и лѣвую руку бароны съ земли, посрединѣ честный крестъ, върешенный избранными мужими; и Король Іерусалимскій съ храбрыми своими рыцарями; братья Храмовники и Странноприимные замыкали войско. Христіане шли прямо къ Тиверіадъ, и за три верста отъ нее, встрѣтили Сарацинъ, когда уже сами начинали томиться зноемъ и жаждою. Надлежало вреникнуть сквозь тѣсныя ущелія, чтобы достигнуть моря Галилейскаго; и потому Графъ Триполійскій послалъ сказать Королю, чтобы онъ поспѣшилъ пройти лежащее на пути селеніе; но Сарацины, съ такою яростію, устремилсь на задніе полки Христіанъ, что поколебались Храмовники и Странноприимные. Тогда Король, не зная идти впередъ и не зная, что ему дѣлать, велѣлъ ставить шатры; многіе слышали даже какъ онъ восклицалъ: «вѣдь все для насъ кончено! мы все погубили и погубимъ ко-

ролевство!» Съ отчаяніемъ въ сердцѣ повиновались ему дружины; страшную ночь должно было провести имъ на этомъ мѣстѣ. Сыны Иманла окружили станъ народа Божія и зажгли окрестъ него сухой ковыль; всю ночь томилась Христіане, отъ пламени и дыма, голода и жажды, подъ тучею стрѣлъ. На разсвѣтъ Султанъ выступилъ изъ Тиверіады, на битву съ изуренными; крестоносцы хотѣли проникнуть сквозь ущелія къ озеру Тиверіадскому, ибо надѣялись, освѣжаясь водою, успѣшнѣе действовать. Уже передовой отрядъ Графа Раймунда направился къ высотѣ Хиттимъ, иначе называемой горою Блаженства, ибо оттоль проповѣдалъ Спаситель о блаженствахъ Евангельскихъ: — ее занимали Турки. Доколѣ еще войско строилось къ битвѣ, пишіе волки, въ безпорядкѣ и безъ прикрытія рыцарей, устремились на высоту Хиттимъ, оставивъ въ сматеніи прочія дружины. Король, бароны и Епископы, послали возвратити ихъ, для защиты честнаго креста и хоругвей. «Мы умираемъ отъ жажды, и не въ силахъ сражаться!» было ихъ отвѣтомъ; никакія убѣжденія не произвели на нихъ; между тѣмъ Храмовники и Странноприимные бились мужественно въ тылу, безъ всякаго усѣха, ибо число враговъ безпрестанно умножалось. Одолжаемые Сарацинами, они звали къ себѣ на помощь Короля; но Король видя, что пѣшіе полки его оставили и что самъ онъ въ опасности, отъ стрѣлковъ Сарацинскихъ, предался на волю Божию, и велѣлъ опять разбивать станъ, чтобы удержатъ, если можно, напоръ непріятеля.

Воины въ безпорядкѣ столпились около честнаго креста; когда Графъ Триполійскій увидѣлъ, что рыцари и все войско представляютъ одну смѣшанную толпу, отъ которой самъ былъ, отдѣленъ тьмою варваровъ, онъ открылъ себѣ путь, сквозь ихъ полчища, къ озеру. Ежеминутно новыя тысячи Сарацынъ устремлялись на Христіанъ, осыпая ихъ стрѣлами. Епископъ Акры, который несъ честное древо, получивъ смертельную рану, вручилъ священный залогъ Епископу Лидды. Тогда пѣшіе полки, искавшіе себѣ спасенія на высотѣ Хиттима, были въ свою чреду окружены непріятелемъ и все взяты въ плѣнъ или убиты. Балсанъ, баронъ Набула и тѣ, которые только могли спастись, прѣшли по трупамъ, а не по землѣ. Все Сарацыны сбѣжали къ тому мѣсту, гдѣ находились честный крестъ и Король Іерусалимскій. Легче выразиться рыданіями и горькими слезами, нежели высказать въ подробности конецъ сего страшнаго дня, говоритъ современная лѣтопись. Честное древо взято было, съ Епископомъ Лидды и всеми его защитниками; Король и его братъ, Маркизъ Монфератскій, достались въ плѣнъ непріятелю и съ ними все Храмовники и Страннопріимные, которые еще не погибли въ битвѣ. Господь уничижилъ народъ свой, и лилъ на него всю чашу своей ярости.

Такъ рассказываетъ о сей несчастной битвѣ свидѣтель ея и боецъ, Карлъ Корнуальскій, родомъ изъ Англіи, и то же повторяютъ лѣтописцы Арабскіе: Ибнъ Алатиръ и Эмадединъ. «Великій крестъ взятъ былъ прежде Короля, и много невер-

ныхъ около него погибло; они украсили его золотомъ и драгоценными камнями, и почитали первымъ деломъ защищать въ битвахъ, преклоняя колѣна, когда воздвигалось древо; взятіе онаго было для нихъ горше, нежели плѣнь ихъ Государя. Когда Король Франковъ взошелъ на высоту Хитти-ма, рыцари, около него бывшіе, опрокинули Мусульманъ къ подошвѣ холма; обратилось лице Саладина и онъ схватилъ себя за бороду, страшными кличвами возбуждая своихъ воиновъ; опять вобрались они на вершину и опять устремились на нихъ Франки. «Бѣгутъ, бѣгутъ!» воскликнулъ стоявшій подлѣ Саладина сынъ его; — «умолкни, сурово отвѣчалъ ему отецъ, тогда только будутъ они совершенно побѣждены, когда упадетъ королевское знамя,» и въ ту минуту оно упало. Увидя это Султанъ, сошелъ съ коня и, простершись на землю, со слезами благодарилъ Бога за побѣду.»

Графъ Раймундъ бѣжалъ въ Триполи и тамъ умеръ съ отчаянія, подозрѣваемый Христіанами въ измѣнѣ. Сынъ Князя Антиохійскаго, Ринальдъ; Графъ Сидонскій, и юный Графъ Тиверіадскій, послѣдовавшіе за Раймундомъ на поле брани, спаслись отъ общаго пораженія. Писатели Восточные прославляютъ мужество Франковъ въ сей жестокой битвѣ: «рыцари ихъ стояли, желѣзной стѣною, въ сѣмъ лѣтахъ, доколѣ не пали подъ ними истонченные кони; вся долина устья была трупамъ, и сіе обширное поле смерти благоухало райскими цвѣтами для послѣдователей корана;» такъ выразилъ свою жестокую радость въопиесствъ Арабекій.

Судя по множеству мертвыхъ, казалось, ни одинъ изъ воиновъ креста не достался въ руки враговъ живымъ; но когда стали собирать пленныхъ, отъ множества ихъ можно было опять подумать, что вовсе никто не убитъ; по сороку всадниковъ связывали одною веревкой; одинъ человекъ стерегъ двести, и не доставало покупателей для столькокъ пленныхъ, — за обувь продавали рыцаря. Милостиво принялъ Саладинъ Короля Лузиньяна, въ шатръ своемъ, и предложилъ ему прохладный напитокъ; когда же Король хотѣлъ передать кубокъ Шатильону, Султанъ остановилъ его, воскликнувъ: «не долженъ пить въ моемъ присутствіи этотъ напитокъ, ибо я не могу пощадить его.» Съ твердостью отвѣчая Ринальдъ, на всѣ угрозы, и Султанъ поразилъ его саблею; голова Ринальда скатилась къ ногамъ Короля: это было навѣрно кровопролитіе. На другой день Саладинъ велѣлъ привести всѣхъ рыцарей Храма и Страцмонимныхъ, и позволялъ своимъ Эмирамъ, собственною рукою, умерщвлять ихъ, чтобы избавить землю отъ столь проклятаго рода. Пощажень былъ одинъ Валжій Магистръ Храмовниковъ, за гибельный советъ; сами рыцари не просили себя пощады, но съ жадностію устремлялись подъ мечъ Сарацинскій. Тѣ даже, которые не принадлежали къ обонимъ орденамъ, называли себя ихъ именемъ, чтобы только добыть звѣнецъ мухаммедскій.

Саладинъ быстро воспользовался своею побѣдою; немедленно занялъ онъ вышгородъ Тиверіады и отпустилъ Графиню Триполійскую. Не болѣе

двухъ дней держалась Акра, утраченная его ору-
жьемъ; Наблузъ, Рамла, Кесарія, Ясса, Бейрутъ,
открыли врата побѣдоносному Султану. Тиръ отра-
зилъ его, хотѣлъ держаться и Аскалонъ; но самъ
Король Иерусалимскій, водимый плѣнникомъ въ
станъ Саладина, убѣдилъ жителей пощадить женъ
своихъ и дѣтей. Согласились доблестные защитни-
ки Аскалона, но первымъ условіемъ сдачи поло-
жили освобожденіе недостойнаго ихъ Короля, и
тронутой Саладинъ обѣщалъ возвратитъ черезъ годъ
свободу Лузиньяну.

Тогда обратился, со всеми силами, къ Св. граду.
Королева, Патріархъ съ клиромъ, дѣти убитыхъ
воиновъ при Тиверіадѣ и многочисленныя семей-
ства Христіанъ, искавшія убѣжища въ стѣнахъ его
отъ грабежей Сарацынскихъ, — таковы были защит-
ники Св. гроба, для котораго столько миллионъ
людей устремились изъ Европы; плачь и смятеніе
исполнили Иерусалимъ. Султанъ призвалъ къ себѣ
старѣйшихъ города, и сказалъ имъ: «знаю, какъ
я ви, что Иерусалимъ есть домъ Божій, не хочу
осквернить его кровопролитіемъ; оставьте стѣны
ваши, а я удѣлю вамъ часть своихъ сокровищъ, и
дамъ столько земли, сколько можно обработать.»
— «Не можемъ, отвѣчали они, уступить тебѣ горо-
да, въ которомъ умеръ за насъ Господъ нашъ, еще
меньше можемъ продать его.» — Раздраженный Сала-
динъ поклялся, кораномъ, обрушить стѣны и башни
Иерусалима, и отмстить смерть Мусульманъ, погиб-
шихъ при осадѣ его крестоносцами. Во время пере-
говоровъ, внезапно затмилось солнце, и Христіане

приняли сіе замініе за горькое предзнаменованіе ; однако, ободренные духовенствомъ , приготовились къ защитѣ города. Они избрали вождемъ своимъ Балеана Ибелниа, владѣтеля Наблузскаго, который спасся отъ битвы Тиверіадской, мужа опытной доблести и всеми уважаемаго за свою добродѣтель. Балеанъ озаботился укрѣпленіемъ стѣнъ и устройствомъ новой дружины и , по недостатку рыцарей, произвелъ ихъ пятьдесятъ изъ числа простыхъ гражданъ ; всѣ тѣ, которые только могли носить оружіе, поклялись пролить кровь свою за Господа Иисуса ; по недостатку денегъ , всѣ мѣры неказались законными, среди угрожавшей опасности, и народъ не соблазнился , когда перелили въ деньги драгоценную крышу съ часовни Св. гроба.

Вскорѣ съ высотъ Эммауса показались знамена Саладиновы, который расположился станомъ на тѣхъ же мѣстахъ , гдѣ нѣкогда разбили шатры свои царственный Готфредъ и витязь Танкредъ и оба Роберта. Жестоки были первыя стычки ; осажденные, частыми вылазками, безпокоили Сарацинъ, держа въ одной рукѣ копьѣ или мечъ, а въ другой лопату, чтобы ослѣплять врагомъ неприятеля. Спустя нѣсколько дней , Саладинъ направилъ свое нападеніе къ сѣверной стѣнѣ города и повелъ подкопы около воротъ, съ Иосафатовой долины. Храбрыя шіе , изъ защитниковъ Св. града, вышли уничтожить работы и орудія осаждавшихъ , возбуждая другъ друга словами писанія : «одинъ изъ насъ поразитъ десять невѣрныхъ и десять поразятъ тѣму ;» но они не могли остановить успѣшныхъ

дѣйствию неприятеля; при первомъ приступѣ должны были обрушиться бойницы; уныніе овладѣло гражданами Іерусалима; они плакали въ храмахъ, вместо того чтобы сражаться, и никто, ни за какую цѣну, не хотѣлъ охранять поврежденную часть стѣны, которой угрожала опасность. Духовенство, крестнымъ ходомъ, обходило улицы, взывая къ небу о пощаду; иные били себя камнями въ грудь, другіе томилн тѣло свое вретншемъ, повсюду слышны были вопли; но не видалъ имъ Господь, ради развращенія и нечистоты, исполнившихъ Сіонъ и заградившихъ путь молитвъ, по выраженію современнаго лѣтописца.

Посреди общаго смятенія, большая часть жителей, Грековъ и Сиріанъ, которые много терпѣли притѣсненій во время господствованія Франковъ, по тайному предложенію Султана, хотѣли открыть ему врата, чтобы избѣжать кровопролитія. Еще болѣе смутились старѣйшины города, когда проникли ихъ тайный умыселъ, и сами рѣшились сдать городъ. Балеанъ, вождь ихъ, явился въ станъ Саладина, предлагая ему ключи города, на тѣхъ же условіяхъ, какія были отринуты предъ началомъ осады; но Султанъ не хотѣлъ измѣнить данной имъ клятвы, — истребить всѣхъ жителей, и напрасно переходилъ Балеанъ, изъ города въ станъ и изъ стана въ городъ, умоляя суроваго побѣдителя о пощаду. Однажды, во время сихъ переговоровъ, Султанъ указалъ просителямъ свои знамена, уже развѣвавшіяся на одной части стѣны, и спросилъ ихъ съ надмѣнною улыбкою: «какихъ еще хотѣтъ

условія?» не въ ту же минуту опрокинуты были знамена, и Балеанъ; возбужденный снѣмъ послѣднимъ успѣхомъ, сказалъ Султану: «ты видишь, что есть еще защитники Іерусалиму; если же не можемъ ожидать отъ тебя никакого помилованія, мы рѣшились на нѣчто ужасное и ты самъ ужаснешься нашему отчаянію. Храмы и палаты, конхъ алчешь, будутъ разрушены, сокровища наши не утолятъ жажды Сарацынъ, ибо погибнуть въ пламени. Обрушимъ и мечеть Омара, и сотремъ въ прахъ таинственный камень Іакова; предметъ поклоненія вашего; пять тысячъ вашихъ шъвниковъ падутъ отъ меча, ибо мы не пощадимъ собственныхъ женъ и дѣтей, чтобы только избѣжать позорнаго рабства. Когда же Св. градъ будетъ однею обширною могилою и грудю развалинъ, мы выйдемъ изъ сего гроба и не одни, но съ тѣнями нашихъ близкихъ, убиенныхъ тобою и нами, съ мечемъ и огнемъ; никто изъ насъ не преселится въ рай, не умертвивъ прежде собственною рукою до десяти невѣрныхъ, и такъ все погибнетъ славною смертію, призвавъ на васъ проклятіе небесное.»

Устрашился угрозы Саладинъ и отложилъ отвѣтъ свой до другаго дня; онъ совѣщался съ своими законниками: можетъ ли согласиться на условія осажденныхъ, вопреки данной клятвы? и получивъ отъ нихъ разрѣшеніе, подписалъ на слѣдующее утро условія сдачи. — Такъ, послѣ осмидесяти осмилѣтняго владычества Христіанъ, Іерусалимъ опять въ руки невѣрныхъ. Историкъ Латинскій замѣчаетъ, что крестоносцы вошли въ Іеру-

салимъ въ пятницу, въ самый часъ искупительной смерти Христовой; Магометане же взяли обратно городъ въ день, празднуемый ими, какъ память мнимаго восхожденія ихъ лжепророка изъ Иерусалима на небо, и это обстоятельство возвысило еще славу Саладина въ глазахъ Мусульманъ. Побдитель даровалъ жизнь жителямъ и позволилъ имъ купить свою свободу, по десяти золотыхъ за каждаго мужчину, по пяти за женщину, по два за ребенка; кто не могъ заплатить выкупа, оставался въ неволѣ; всѣ носившіе оружіе получили дозволеніе удалиться въ Триполи или Тиръ, ибо не оставалось больше другихъ городовъ, на всемъ номоріи, въ рукахъ Христіанъ; черезъ сорокъ дней надлежало сдать Иерусалимъ. Съ радостію приняты были сперва условія, ибо всѣ помышляли только о спасеніи жизни; но по мѣрѣ приближенія роковаго срока, глубокая горестъ овладѣла сердцами. — Всѣ проливали слезы на Св. гробъ и Голгобъ, и сокрушались, что не пожертвовали за нихъ жизнью, особенно отчаявались тѣ, которые не въ силахъ были искупить себя отъ неволи; но и въ сіи жестокія минуты, поруганіе святыни было для нихъ чувствительнѣе собственной участи. Золотой крестъ, сорванный съ купола церкви Храмовниковъ и вложенный по улицамъ Магометанами, едва не возмутилъ безоружнаго Иерусалима противъ святотатныхъ побдителей.

Наступилъ наконецъ роковой день, когда Христіане должны были оставить Иерусалимъ. Заключили всѣ врата его, кромѣ Давидовыхъ, конни

исходили плачущій народъ, предъ лицомъ Саладина. Онъ сидѣлъ, у вратъ Давида, на высокомъ престолѣ, и вокругъ него, подъ роскошнымъ шатромъ, стояли Эмиры, Софи и законники, вмѣстѣ съ поетами, которые воспѣвали стихи въ честь побѣдителя. Впередѣ всѣхъ вышелъ изъ Св. града Латинскій Патріархъ Ираклій, со всемъ своимъ клиромъ, унося съ собою церковную утварь Св. гроба и окровища, которыхъ цѣну зналъ одинъ Богъ, говоритъ лѣтописецъ Арабскій. Одинъ изъ приближенныхныхъ Султана предложилъ ему отнять сіи сокровища; но Саладинъ не хотѣлъ нарушить договора и взялъ съ Патріарха, какъ и со всѣхъ другихъ, не болѣе десяти золотыхъ. Королева Сивилла, погубившая царство несчастнымъ бракомъ, шла позади недостойнаго Ираклія, участника ея честолюбивыхъ замысловъ и настоящаго позора, окруженная царскимъ дворомъ своимъ и всеми рыцарями, которые не могли спасти мечемъ Св. града. Тронулся Султанъ, непостоянствомъ величія земнаго, и, почтивъ горесть Королевы милостивымъ словомъ, позволилъ ей идти соединиться съ супругомъ въ Наблузъ. Съ нею была одна Греческая Царевна, по словамъ Арабскихъ лѣтописей, которая посвятила себя жизни иноческой въ Іерусалимѣ, и была отпущена со всемъ ея имуществомъ; но кто она? — неизвѣстно. Вдова Ривальда Шатильона, навлекшаго грабежами послѣднюю войну сію на Іерусалимъ, дерзнула приблизиться къ Султану и умолять его, о возвращеніи сына ея, бывшаго въ плѣну; но Саладинъ потребовалъ сдачи замка Карака, и от-

чаянная мать прошла мимо. Другія именитыя жены, съ плачущими младенцами на рукахъ, умоляли также Султана, о пощаду ихъ дѣтей и супруговъ: «у ногъ твоихъ матери, жены и дочери воиновъ, со слагою защищавшихъ столицу и нынѣ томящихся въ окопахъ; съ ними мы всего лишились; вотъ мы оставляемъ на вѣки родную землю, возврати нѣтъ намъ, чтобы облегчилась наша горькая участь.» Сжалился гордый побѣдитель и обещалъ имъ свободу; нѣкоторые изъ гражданъ Иерусалимскихъ, оставивъ все свое имущество, несли на плечахъ, престарѣлыхъ родителей или больныхъ друзей, и зрѣлище сіе возбудило участіе враговъ. Саладинъ, сострадая къ убожеству, роздалъ имъ обильную милостыню и дозволилъ нѣсколькимъ братьямъ, изъ ордена Страннопріимныхъ, остаться въ городѣ, чтобы ходить за болящими.

До ста тысячъ Христіанъ заключено было въ Иерусалимъ, при началѣ осады, изъ коихъ большая часть заплатила своей выкупъ. Правитель Балсанъ употребилъ до тридцати тысячъ золотыхъ, изъ казны общественной, для выкупа восемнадцати тысячъ убогихъ; братъ Султана, Малекъ Адель, заплатилъ за двѣ тысячи плѣнныхъ; многіе избѣжали неволи, тайно спустившись со стѣны города, или облекшись въ одежды Сарацынскія, по злоупотребленію Эмировъ, приставленныхъ къ собранію подати; но не смотря на то, еще осталось въ неволѣ до шестнадцати тысячъ, и между ними пять тысячъ дѣтей; участь ихъ была тѣмъ плачевнѣе, что они вмѣстѣ съ свободою утратили и вѣру.

Незавидна была участь и тѣхъ, кои спаслись отъ плѣна; отверженные братьями своими на Востоцѣ, которые обвиняли ихъ въ предательствѣ Св. гроба невернымъ, они скитались безъ пріюта по Сиріи, и болѣею частію погибли отъ голода и болѣзней; городъ Триполи заключилъ предъ ними врата, и одна мать съ отчаянія бросила въ море своего младенца. Исканшіе спасенія въ Египтѣ, обрѣли болѣе милости между Магометанами, ибо Султанъ велѣлъ приютить ихъ; нѣкоторые бѣжали въ Европу. Христіане, исповѣданія православнаго, изъ числа Грековъ и Сиріанъ, остались добровольно въ Іерусалимѣ и пользовались тамъ большими льготами, нежели при Латинскихъ Короляхъ, съ платою установленной подати. Султанъ, раздраженный противъ Франковъ, отдалъ Св. мѣста во владѣніе православнымъ, позволивъ только четыремъ Латинскимъ священникамъ остаться при Св. гробѣ. Нѣкоторые изъ ревностныхъ Мусульманъ, говоритъ Эмадъ-Эддинъ, совѣтовали Саладину разрушить до основанія храмъ, полагая, что когда однажды уничтожится гробъ Мессіи и плугъ пройдетъ по основаніямъ храма, уже не стануть болѣе приходить Христіане на поклоненіе Св. мѣсть; но другіе судили благоразумнѣе, что не церковь, а мѣсто, возбуждаетъ благочестіе Христіанъ, и что если бы небо слылось съ землею и тогда бы народы Христіанскіе устремлялись къ Іерусалиму. Примѣръ Халифа Омара, пощадившаго храмы, рѣшилъ и Саладина; онъ только закладъ верхнія окна купола надъ Св. гробомъ; стеръ стѣнную живопись и

обратилъ соседній домъ патриаршій, въ училище софіевъ, а монастырь Св. Анны, у вратъ Геесимамокихъ, въ обитель факировъ, и всѣ прочія церкви въ мечети. Все его вниманіе устремилось на главную мечеть Омара, бывшую соборною церковію ордена Храмовниковъ.

Писатели Арабскіе Ибнъ-Алатиръ и Эмадь-Эддинъ, восхваляя благочестіе Саладина, говорятъ, что первымъ его дѣйствиємъ было, послѣ торжественнаго вступленія въ Іерусалимъ, обновить славную мечеть Омара и взглянуть въ ней всякій слѣдъ Христіанства, въ особенности изображенія, оставленныя на стѣнахъ. Братъ Султана, Малекъ-Адель, оба сына, Адель и Афадль, и всѣ члены его семейства, не уступали ему въ усердіи; они сами, сложивъ оружіе, омыли потоками розовой воды стѣны и помость, особенно въ мечети эль-Сахара; внутри ея была устроена малая часовня, на подобіе Св. гроба, съ золотымъ куполомъ, вѣроятно надъ самымъ камнемъ Іакова, который обложили мраморомъ Короли Латинскіе. Султанъ разрушилъ алтарь, на коемъ лежало Евангеліе, и положилъ снісокъ корана на обнаженный камень. Онъ вспомнилъ, что Нуреддинъ, его предвѣстникъ, устроилъ великолѣпную кафедру, въ той надеждѣ, что когда либо поставитъ ее въ Іерусалимъ, и исполняя его желаніе, велѣлъ поспѣшно перенести ее, въ Алепа, въ мечеть Омара. Въ первую пятницу, послѣ торжественнаго входа въ Іерусалимъ, Султанъ, въ сопровожденіи своихъ Эмировъ, Софіевъ и толкователей корана, посреди войска и народа, наполнявшихъ об-

ширную площадь Соломонова храма, взвешель во вну-
тренность мечети. Начальникъ Имамъ поднялся на
высокую кафедру и возблагодарилъ громкимъ голо-
сомъ Бога за победы Саладиновы. Потомъ вознесъ
онъ молитву о Халифѣ Багдада и о побѣдоносномъ
Султанѣ Сиріи и Египта. Такія молитвы, враждеб-
ныя имени Христову, раздавались на мѣствъ Соло-
монова храма, и такъ въ одинъ день внезапно
измѣнились вѣра, законы и жители бѣдствующаго
Іерусалима!

Ходатайство Императора Греческаго Исаака Ан-
гела, который находился въ дружественныхъ сно-
шеніяхъ съ Султаномъ, не могло спасти святыни
отъ поруганія, хотя и оградило ее отъ конечнаго
разрушенія. Императоръ воспользовался однако сямъ
случаемъ, чтобы утвердить опять въ Іерусалимѣ
кафедру ея Святителей, изгнанныхъ оттолъ во
время владычества крестоносцевъ. Тотъ, кого
избралъ на кафедру Св. града, былъ строгій и бла-
гочестивый инокъ обители Студійской, Досиеей,
или Феодосій, по нѣкоторымъ спискамъ; но горько
отозвалось ему вниманіе царское, когда въ послед-
ствіи, низложивъ Цареградскаго Патріарха Василія,
Самодержецъ Греческій, принудилъ Святителя Іе-
русалимскаго заступитъ его мѣсто. Аванасій на-
слѣдовалъ ему въ Св. градъ и былъ свидѣтелемъ
новыхъ бѣдствій.

XXIX.

ТРЕТИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ*.

Императоръ Фридрихъ I. Король Франціи Филиппъ Августъ
и Рихардъ Львиное сердце, Король Англіи.

Ужасъ распространился по всей Европѣ, при
горькой вѣсти о паденіи Іерусалима. Все сравни-
вали судьбу его съ участію Нинивіи и Вавилона,
не пощаженныхъ ради избытка ихъ нечестія, и
памятуя страшный судъ сей, каялись въ собствен-
ныхъ грѣхахъ и временно исправлялись. Одинъ
изъ первыхъ услышалъ о томъ Папа Урбанъ III.
и не пережилъ столь тяжкой утраты; преемникъ
его, Григорій VIII. ввелъ все свое краткое свя-
тительство, въ возбужденіи Князей и народовъ къ
новому крестовому походу, но не дождался желан-
наго вооруженія. Свидѣтелемъ его былъ уже Кли-
ментъ III, а проповѣдникомъ краснорѣчивый Виль-

* Histoire des Croisades, Liv. 8, 9, 10.

гельмъ Архіепископъ Тира, который, будучи очевидцемъ бѣдствій, подвинулъ опять, ихъ описаніемъ, всю Европу, какъ некогда Бернардъ. Во Франціи, мощное слово его заставило двухъ соперниковъ положить оружіе: юнаго Короля Филиппа Августа и престарѣлаго Генриха II, Короля Англіи. «Вы здѣсь воюете, за берегъ рѣки, за ничтожный рубежъ, сказали имъ вѣстникъ Сіона, а тамъ невѣрные попираютъ берега Іордана, опустошаютъ Божіе царство, и самый крестъ Господень, съ безчестіемъ, влечется по стогнамъ Багдада. Вы проливаете кровь, за суетные договоры, а выдаете Евангеліе, сей священный завѣтъ Бога съ людьми; или нѣтъ болѣе между вами Готфредовъ и Балдуиновъ? Какая радость для Сараценовъ, торжествующихъ посреди плача и безчестія гробовъ пророческихъ и Господня, когда они услышатъ въ Іерусалимѣ, что уже нѣтъ болѣе вѣрныхъ Христу вонтелей на Западѣ, и что Князя его равнодушны къ судьбамъ Св. града!»

Внимая рѣчамъ Архіепископа, обидѣлись бывшіе врагами и приняли отъ руки его крестъ, со всеми первостепенными Герцогами и Графами, и многими Епископами обохъ королевствъ. По недостатку денегъ наложена была чрезвычайная подать на всѣхъ безъ изъятія, которая прослыла Саладиновою, ибо всякой, кто не могъ идти сражаться на Востокъ, противъ страшнаго Султана, обязывался платить десятую часть своихъ доходовъ, и самое духовенство не избѣжало сей десятины. Вскорѣ однако возникла опять вражда, между Генрихомъ и Фи-

лишешъ, который поддерживалъ сына его Рихарда противъ отца; одна только смерть престарелаго Короля Англии могла потушить вражду сію; но Рихардъ, прозванный Львинымъ сердцемъ, за свои геройскіе подвиги, вмѣстѣ съ престоломъ наследовалъ и вражду противъ Филиппа, и она была причиною малаго ихъ успѣха въ Палестинѣ. Оба стали дѣятельно готовиться къ крестовому походу; исцощая силы своихъ областей, и предпочли морское сраженіе сухопутному. Филиппъ въ Гелун, Рихардъ въ Марсиди, отплыли въ одно время, и встрѣявъ въ Сициліи, едва не обратили тамъ другъ на друга оружія, которое должно было защищать Св. землю.

Послы Франціи, Вильгельмъ и легаты Папскіе возбуждали къ войнѣ крестовой всю Германію. «Кто изъ васъ, говорили они, не вступится за Царя своего, видя его изгнаннымъ изъ своихъ предѣловъ? — а вы, рабы Господа Іисуса, равнодушно видите его, утратившимъ свое наследіе, священныи градъ Іерусалимъ! Нѣкогда, при стукѣ гвоздей, вонзаемыхъ въ крестъ, земля тряслась, затмилось солнце; камни разсыпались и отверзались гробы; нѣтъ же какое сердце не разобьется, при горькой вѣсти, о поруганіи честнаго древа крестнаго!» — Подвигаясь вся имперія на зовъ проповѣдниковъ; Императоръ Фридрихъ, сопутствовавшій дядѣ своему Конраду, въ первомъ крестовомъ походѣ, и видѣвшій гибельныя слѣдствія безпорядковъ, хотѣлъ предупредить ихъ, лучшимъ устройствомъ своей столической дружины, и мирнымъ договоромъ съ Им-

Императоромъ Греческимъ; но та же бедственная участь ожидала и сихъ новыхъ крестоносцевъ. Фридрихъ послалъ торжественно объявить войну Султану, и принужденъ былъ на пути овладеть Адрианополемъ, когда услышалъ, что послы его заключены въ темницѣ Цареградской. Испуганный Исаакъ Ангелъ, постыжился восстановить миръ, съ Германскимъ своимъ соперникомъ, и перевести войска его въ Анатолию, общую могилу встѣхъ крестоносцевъ. Они направили сперва путь свой вдоль роскошнаго номорія, когда же проликли въ дикія ущелія за Лаодикію, начались жаркія битвы съ Султаномъ Иконійскимъ. Мужество Германцевъ одолело несметныя полчища Турковъ; Иконія пала, но голодъ и болѣзни истомили неодолимыхъ въ битвѣ. Уже достигли предѣловъ Арменіи и миновалась главная опасность, какъ въ малой рвчкѣ, близъ Селевкіи, бедственно потонулъ Императоръ Фридрихъ: — съ нимъ угасла сила и надежда его дружинъ. Они разсыпались сами собою, какъ будто ихъ не бывало, и только малый остатокъ привелъ къ стѣнамъ Цтолеманды племянникъ Фридриха, Герцогъ Швабскій, гдѣ самъ вскорѣ скончался отъ болѣзни. Императоръ погребенъ былъ въ Антиохіи, а по лѣтописямъ Арабскимъ въ Тирѣ. Христіане Палестинскіе, гордившіе именемъ его Сарацинамъ, съ неудовольствіемъ приняли слабый отрядъ Германцевъ, ибо малое число ихъ возвысило только духъ непріятелей. — Послѣ взятія Иерусалима; изъ всѣхъ городовъ королевства, одинъ только Тиръ отразилъ отъ стѣнъ

своиъ всю силу Саладину, по отчаянному мужеству Конрада, Маркиза Монсератскаго, который рѣшился лучше погребсти себя подъ развалинами, нежели едать послѣднюю твердыню Христіанъ. Напрасно Султанъ угрожалъ умертвить, предъ его глазами, престарѣлаго отца, взятаго въ плѣнъ на полѣ Тиверіадскомъ. Конрадъ отвѣчалъ, что ему лестно быть сыномъ мученика, и продолжалъ биться, на сушь и на морь, ибо Саладинъ отовсюду обложилъ крѣпость; все, что только оставалось лучшаго изъ рыцарей въ Палестинѣ, Храмовниковъ и Страннопримныхъ, стеклось въ Тиръ. Конрадъ не принялъ только малодушнаго Лузиньяна, когда въ послѣдствіи онъ освободился изъ плѣна, ибо Тиръ не хотѣлъ поддаться Королю, утратившему свое царство. И Триполи, послѣ смерти своего Графа Раймунда, поступившій во владѣніе Князя Антиохійскаго, отразилъ нападеніе Султана, но ему сдался въ пустынь замокъ Каракъ; тогда лишь отпустилъ онъ плѣннаго Короля, взявъ съ него клятвенное отреченіе отъ престола.

Епископы немедленно разрѣшили Лузиньяна отъ невольнаго отреченія, и онъ первый подступилъ къ стѣнамъ Итолемаиды, собравъ около себя нѣскольکو воиновъ, изъ числа пришельцевъ западныхъ. По странному теченію дѣлъ того вѣка, сія безотчетная осада Акры рѣшила судьбу третьяго крестоваго похода; достаточно было имени Короля Іерусалимскаго, хотя и утратившаго свое царство, чтобы столь же необдуманно собрать подъ стѣнами одного города Сиріи всѣ силы Европы, направлен-

ныя для освобожденія Иерусалима, и угасить, въ тщетной осаде, первый пылъ крестоносцевъ. Не болѣе десяти тысячъ было съ Королемъ, при началѣ осады; Пизане, Датчане и Фламандцы, примать Англія, Архіепископъ Кантербурійскій, съ большимъ флотомъ, пришли постепенно подрывать Лузиньяна. Султанъ оставилъ также поприще своихъ побѣдъ, чтобы послышать на помощь осажденной Акрѣ. Явился и мужественный его соперникъ Маркизь Монфератскій изъ Тира: до двенадцати Епископовъ западныхъ выходили въ бой впереди дружинъ, облеченные броней поверхъ святицельской одежды; опять собрались около Лузиньяна рыцари Храма и Страннопримцы, и переди кровопролитная битва, подъ стѣнами Акры, обратила въ бѣгство полки Сарацинъ; Саладинъ уже искалъ самъ спасенія въ быстротѣ коня своего, когда корыстолюбіе побѣдителей исторгло изъ рукъ ихъ побѣду; они бросились грабить станъ непріятельскій и дали время Султану остановить бѣгущихъ. Въ свою череду едва не погибло все войско Христіанъ; Великій Магистръ Храмовниковъ, давшій гибельный совѣтъ при Тиверіадѣ, искупилъ славною смертію свой проступокъ; мужественно бился самъ Король и едва опять набѣжалъ плѣна. Обширная равнина Птолемаиды, накануне ожирѣвшая двумястами тысячами ратныхъ, покрылась трупами; но Султанъ отступилъ послѣ своей побѣды, опасаясь зимнихъ непогодъ, а крестоносцы, съ болѣею осторожностію, продолжали осаду.

Настала весна; опять приблизились полчища

Саладиновы и пробудился дух осажденныхъ. Они осмѣли станобитнаго брудія; уже нѣкоторые изъ вѣстелій западныхъ начинали отчаяваться въ успѣхъ; ибо, кромя безпрестанныхъ битвъ на равнинѣ Птолемаидской, и на морѣ флотъ Христіанскій принужденъ былъ выдерживать частыя нападенія флота Египетскаго. Единовластіе Саладина давало ему преимущество надъ многоначальнымъ станомъ крестоносцевъ, гдѣ возникали частыя распри. Пришествіе Герцога Швабскаго, съ остатками Нѣмецкихъ дружинъ, распространило общее уныніе, при частыхъ неудачахъ, и съ наступленіемъ зимы нечего почти всякая надежда, ибо голодъ и болѣзни стали угрожать войсму. Къ довершенію бѣдствія, возникли распри, о наследствѣ престола Іерусалимскаго, по смерти Королевы Сивиллы. Честолюбивый Конрадъ, властитель Тира, желая добыть себе вѣнецъ, убилъ сестру ея Изабеллу расторгнуть первый бракъ свой съ Торономъ; чтобы доставить ему вѣнецъ и, не смотря на внушенія Епископовъ о ширь, весь станъ, отъ князя до послѣдняго: война, раздѣлился на двѣ стороны, между бывшимъ Королемъ Лузаньяномъ и новымъ искателемъ престола.

Рѣшеніе спора отложено было до прибытія Королей Франціи и Англіи, которые явились наконецъ подъ стѣнами Акры, послѣ долгихъ междоусобій въ Сициліи. Первый пришлылъ Филиппъ и встрѣченъ былъ, какъ ангелъ хранитель, унывшимъ станомъ Христіанъ; но Король, въ порывъ великодушія рыцарскаго, захотѣлъ ждать союзника свое-

го Рихарда, который между тѣмъ отыскалъ островъ Кипръ у слабаго преемника Коммашовъ, и праздновалъ тамъ бракъ свой съ дочерью Короля Наварскаго; медленность сія сдѣлалась нагубною для успѣха осады, ибо Султанъ успѣлъ опять укрѣпить Акру. Прибытіе союзныхъ Монарховъ устранило Сарацынъ; станъ Птолемандскій, содержавшій въ себѣ весь цвѣтъ Европы, походилъ болѣе на укрѣпленный городъ, нежели на временное пребываніе дружинъ ратныхъ. Саладинъ изъявилъ уваженіе свое къ обомъ первостепеннымъ властителямъ Запада, присылкою плодовъ во время ихъ болѣзни, и получалъ отъ нихъ взаимные дары; но сіи внѣшніе признаки пріязни не препятствовали подвигамъ ратнымъ, между войсками Христіанъ и невѣрныхъ. Опасѣе ихъ было взаимное несогласіе, возникшее опять между Королями; ибо Филиппъ, болѣе распорядитель нежели воинъ, завидовалъ воинской доблести Львиного сердца, бывшаго ужасомъ враговъ. Они рѣшили однако, съ общаго согласія, споръ о престолѣ Иерусалимскомъ, предоставивъ его пожизненно Лузиньяну, а послѣ него Конраду; но ни тотъ, ни другой, не могли возсѣсть на немъ, ибо не суждено было болѣе Св. граду достаться въ руки Христіанъ.

Возобновились жестокіе приступы къ стѣнамъ Птолеманды, которую уже не могъ защитить Султанъ; послѣ четырехлѣтней осады сдался городъ; жители испросили себѣ жизнь, на томъ условіи, чтобы возвращено было честное древо креста, со всеми плѣнниками и съ уплатою 200,000 золе-

тыкъ; но Саладинъ, раздраженный сдачею города, не хотѣлъ утвердить сего условія, и крестоносцы безчеловѣчно умертвили выданныхъ имъ заложниковъ. Оба Короля раздѣлили между собою лучшую добычу завоеваннаго города, вопреки правъ прочихъ Князей и рыцарей, истомившихся долгою осадю. Дорого отомстилъ за то въ послѣдствіи Леопольдъ, Герцогъ Австрійскій, Королю Рихарду, который бросилъ знамя его, съ одной изъ завоеванныхъ имъ башень. Властитель Тира, Конрадъ, съ неудовольствіемъ оставилъ станъ, и самъ Король Франціи, по недостатку денегъ и частымъ несогласіямъ съ Королемъ Англии, рѣшился предоставить ему дѣльнѣйшіе усилія битвъ, какъ будто взятіе Птолемаиды было единственною цѣлю его вооруженія. Онъ оставилъ десять тысячъ воиновъ въ Палестинѣ, подъ начальствомъ Герцога Бургундскаго, и отплылъ во Францію, посреди общаго ренета крестоносцевъ. Еще сто тысячъ войска могло идти къ Іерусалиму, подъ начальствомъ Львиного сердца; но сладость давно желаннаго отдыха, посреди изобилія и роскоши, удерживала ихъ въ стѣнахъ Птолемаиды; наконецъ, по зову духовенства; напоминавшаго непрестанно о плѣв Св. града, дружины Христіанъ двинулись къ Яфѣ, вдоль поморія, безпрестанно тревожимыя легкими отрядами Сарацынъ:

Подъ стѣнами Кесаріи встрѣтили ихъ несметныя полчища Саладина, и въ лѣсахъ Арсура возгорѣлась жестокая битва, какой доволъ не было въ Сиріи и не повторилось опять; ибо здѣсь сто тысячъ

Христіанъ сражались противъ двусотъ тысячъ Сарацинъ. Король Рихардъ раздѣлилъ войско на пять отрядовъ, и самъ, съ Герцогомъ Бургундскимъ, носился повсюду, чтобы поддержать духъ воиновъ. Король Лузиньянъ стоялъ посрединѣ дружинъ, Храмовники бѣжали впереди. Съ страшнымъ войскомъ устремлялись Турки, Арабы и Египцы на Христіанъ и окружили ихъ, какъ рѣшницы оха, но въ рѣженію лѣтисни Арабской, но сокрушилась о жельзное племя Франковъ; або какъ молотъ по наковальнѣ, такъ раздавались по латамъ и щитамъ удары мечей; вся земля усыпана была стрѣлами и копьями; съ часу на часъ разгарался пылъ битвы; все войско приняло въ ней участіе, продолжая путь своей сивезъ чашу лѣса, и уже совсѣмъ опрокинуты были враги, когда опять, съ новою силою, они устремились на Христіанъ; тоже отчаянное мужество Короля Рихарда удержало побѣду; съ пятнадцатью рыцарями бросился онъ въ самый пылъ сечи при вопляхъ: «Господи, спаси святой гробъ!» и невѣрные бѣжали. Султанъ спасся съ жолдъ битвы, только съ семнадцатью Мамелуками, потерявъ тридцать два Эмира и восемь тысячъ воиновъ; побѣда стоила не болѣе тысячи пѣшихъ Христіанамъ; но они не умѣли ею воспользоваться.

Битва Арсурская могла бы рѣшить участь крестоваго похода и Св. града, какъ нѣкогда битва при Тиверіадѣ, если бы Рихардъ воспользовался ею по примѣру Саладина, когда онъ побѣдилъ крестовосцевъ; но по ихъ безконечнымъ распрямъ и не какому то странному недоумѣнію, которое внезапно

ожидало: лавры и седины: Короли Англии, (одна только слава была плодом победы. Франки озабочены привольем на чуждом для них саморяде Сирин; все красота была в руках Сарацин; сами Турки, испуганные проворного осадки Нволемады, разрушили стены Десса и Аскалона; чтобы избежать новых состязаний с ледяными людьми Запада, и оба воинства только издали наблюдали друг друга, иногда встречаясь в мелких стычках. Неустрашимый Рихард, всегда бывший там, где предстояла большая опасность, едва не был однажды схвачен в плен неприятелем: его спасла только приверженность рыцарей, выдавшего себя за Короля; но случай вой не сделал его осторожнее; современная ливония сравнивает доблесть воителя, когда он возвращается с боя, весь усыпанный стрелами по доспехам, с ежем; ометившим свои колюча иглы. Никакия убеждения не могли удержать его от безпрестанных опасностей, которыми подвергался как простой воин, так что его имя было ужасом для Сарацин; одно его присутствие обращало в бегство тысячи; но доблесть сражался как витязь, он не умел распорядиться ходом войны по шарики.

Не ожидая дальнейших успехов своему оружию и услышав, что Косрадъ, владетель Тира, вступилъ въ переговоры съ Султаномъ, Морозъ хотѣлъ предупредить его и предложилъ миръ Саладину, на тѣхъ условіяхъ, чтобы возвратилъ Христіанамъ Іерусалимъ и честное древо креста. Над-

мѣнно отвѣтствовать Султанъ, что Иерусалимъ никогда не принадлежалъ Христіанамъ, и не можетъ быть выданъ имъ, безъ тяжкаго грѣха для Мусульманъ, равно какъ и древо креста; потому отказалъ выдать его и Царю Грузинскому и Императору Греческому, которые предлагали за него большія деньги. Король хотѣлъ еще, другимъ путемъ, приобрести дружбу Султана, польстивъ честолюбію брата его Малемъ Адея, которому втайнѣ предложилъ руку своей невѣстки, вдовствующей Королевы Сицилійской, съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ они царствовали въ Иерусалимѣ. Но Епископы Христіанскіе, равно какъ и имамы Магометанъ, гласно изъявили свое негодованіе противъ столь беззаконнаго союза, и онъ былъ оставленъ. Король, угрожаемый отлученіемъ церковнымъ, чтобы приобрести опять довѣренность крестоносцевъ, рѣшился зимою идти къ Иерусалиму; опять возгоралось общее усердіе, даже всѣ большіе на носилкахъ двинулись вслѣдъ за войскомъ, не смотря на непроходимость дорогъ, въ ущельяхъ Іудейскихъ, и на зимнія непогоды, съ коими безрѣдась равность воневъ.

Смутился Саладинъ и сталъ тщательно укрѣплять городъ; искусные каменщики призваны были изъ дальняго Моссула, и трудились днемъ и ночью, расширяя рвы около стѣнъ и обнѣвая башни и бойницы, пришедшія въ ветхость. Еще недовольный сами приготовленіями Султанъ, опустошилъ окрестности Сяграда, конница его по всѣмъ дорогамъ отбивала съѣстные запасы, подвозимые съ поморія въ станъ Христіанскій; однако

неблагоприятный исходъ рушился самъ себѣ. Решимость престоисцевъ была столь велика, въ первые дни, что никто не смѣлъ подымать голоса противъ опасности долгой осады, въ зимнее время, въ виду многочисленнаго непріятеля; должно было скрывать тайный советъ опытныхъ вождей объ отступленіи; когда же наконецъ голодъ и болѣзни заставили его обнаружить, общее уныніе овладѣло станомъ, и тѣ, которые имѣли довольно нравственныхъ силъ, чтобы идти впередъ къ Іерусалиму, внезапно обезсильли при герьской вѣсти о возвращеніи; многіе, въ порывѣ отчаянія, оставляли свои знамена, громко обвиняя Рихарда; съ трудомъ могли возвратитъ Герцога Бургундскаго съ отрядомъ рыцарей Французскихъ. Обратный путь болѣе походилъ на пораженіе, по множеству труповъ и запасовъ, конни былъ усыпанъ.

Грустно остановилось войско, у развалинъ Аскалона, и стало воздвигать опять его обрушенныя твердыни. По зову и примѣру Короля, все рыцари, бароны и самое духовенство, принялись за дѣло строенія; но Герцогъ Австрійскій Леопольдъ, памятуя прежнія обиды въ Птолемаидѣ, надменно сказалъ Рихарду, что онъ не каменщикъ и не плотникъ; Герцогъ Бургундскій, оболоченный Конрадомъ, оставилъ также ставъ съ своими рыцарями, которые жаловались, что вмѣсто завоеванія Св. града, ихъ заставляютъ строить Аскалонъ. Въ то же время возникла вражда, въ стѣнахъ Птолемаиды, между Генуэзцами и Пизанцами; первые хотѣли сдать городъ Маркизу Тира, вторые сохра-

цать его Королю Англии; Конрадъ изступилъ отъ отечества, Рихардъ устремился съ войскомъ, и присутвіемъ своимъ возобновилъ порядокъ. Но вси доносія дѣйствія Хрестоіанъ, ограничивались безопасными походами въ горы Иудейскія, когда между тѣмъ Султанъ собиралъ свои полчища къ великому походу: Напрасно старшіе Князья старались возобновить согласіе между Королемъ и Маркизомъ, при личномъ ихъ свиданіи подлѣ станицъ Кесарій.

Вскорѣ Рихардъ принужденъ былъ, по общему выбору войска, признать его своимъ преемникомъ въ Палестинѣ, когда самъ, получивъ вѣстия изъ Англии, о заговорѣ брата Іоанна, объявилъ свое намѣреніе возвратиться въ отечество. Генрихъ, Графъ Шампанскій, посланъ былъ возвѣстить Конраду избраніе его въ Короля Іерусалима, и прибылъ въ Тиръ для того, чтобы наследовать его престолъ; ибо два Ассасина, изъ сенты Иманьялъца, восставшии Шейхомъ горъ, поразили канцелярши Конрада, когда онъ возвращался съ вершеотца, даннаго ему по случаю его вояженія. Гражданѣ Тира, утраченные безначаліемъ, умоляли Генриха, взять за себя вдову Конрада, ту самую Изабеллу; дочь Алмерика, которая уже дважды давала собою право на престолъ Іерусалимскій; въ третій разъ обратила она брачный вѣнецъ свой въ мѣдный вѣнецъ царскій, ибо и Генрихъ, какъ два перыя ея супруга, Конрадъ и Торонъ, не достигъ желаннаго царства. Ихъ всѣхъ пережилъ утратившій его Король Дузиньянъ.

... Ся радости усматывахъ Рихардъ, о мечахъ и о
лаборѣхъ племянника своего Генриха, который дитя
отъ съ тѣмъ былъ и племянникомъ Короля Фран-
ца; свастанный оборотъ сей пѣгасилъ на время
дѣхъ раздоры, ибо и Герцогъ Бургундскій возвра-
тился въ станъ, владѣ за новыиъ Королюмъ. Ри-
хардъ воевалъ тогда въ окрестностяхъ Рамы и
оладѣлъ горнымъ замкомъ Дарумъ; но его без-
престанно тревожили вѣсти, о замыслахъ давняго
врага, Филиппа Августа, который поддерикивалъ
брата его Иоанна; воевди крестоносцевъ, опасаясь
унынія войска при удаленіи Короля, дали торжѣ-
ственнѣи обѣтъ не оставлять Палестину и подѣ
его отъѣзда. Оя самъ одинаково тревожился, забо-
дами о собственномъ королевствѣ, и о участи Хри-
стианъ Сирийскихъ; возбужденнѣи советами духов-
ника, объявилъ наконецъ войску, раненіе свое, — не
оставлять раньше года священной войны, до сид-
дующей пасхи, и немедленно яти къ Св. граду.

... При столь утѣшительной вѣсти, всѣ крестоносцы
подняли къ небу руки, громко возсылая хвалы
Бгу: и се нынѣ время благоприятное, се нынѣ
часъ спасенія! и забывъ минувшія труды, весело
готовились къ новымъ подвигамъ; укрѣпившись ко-
дѣна разслабленныя, ничто не казалось тяжкимъ;
войска предлагали несеи на себя все запасы, и му-
щество, дѣлалось, несть бы общими, богатыи не-
кдись о убогихъ, и поддерикивала ихъ милостынею;
сильныи оставляли для немощныхъ коней и лоша-
ковъ; войско, несмытанное долгими бѣдствіями, и
какъ бы уже пораженное, внезапно привило, тор-

нестованный видъ; забывая оныя пернатые племени и разноцветныя хоругви, заблестали обнащенные мечи и длинныя копья; имя Рихарда раздавалось повсюду; станъ Христовъ вразвннно исполнился духомъ Господнимъ, говорить летописецъ, но не на долго! Въ недѣлю всехъ Святыхъ, двинулось все войство, отъ Хеврона къ горамъ Иудейскимъ, ушолія конхъ заняты были отрядами Султана и жителями Хеврона и Наблуза. Онъ самъ укрѣпился въ Иерусалимѣ, съ избранными своими дружинами, и продолжалъ исправлять ствны; двѣ тысячи пленниковъ Христіанскихъ употреблены были на крѣпостныя работы. Слухъ ли о новыхъ силахъ Султана, или собственное неостоянство Рихарда, оныя удержали его на пути къ побѣдѣ. Онъ внезапно остановилъ войско; на разстояніи семи часовъ отъ Св. града, въ маломъ городѣ Виеинополѣ (нынѣ селеніи Виеамасѣ), и простоялъ тамъ нѣсколько недѣль, подъ тщетнымъ предлогомъ, будто бы ожидаетъ Короля Генриха, посланнаго имъ за связанными войсками въ Птолемаиду. Съ замедленіемъ похода возникли распри; Герцоги Бургундскій и Австрійскій, ненавидѣвшіе Короля, воспламеняли войско къ битвамъ всякой разѣ, когда онъ отлагалъ походъ, и на оборотъ, ревность ихъ внезапно остывала; какъ только возгаралось усердіе Рихарда; такимъ образомъ, самое приближеніе къ Иерусалиму не прекратило раздоровъ. Прошло болѣе мѣсяца, поднялись отовсюду жалобы противъ Рихарда: «пойдемъ ли наконецъ къ Иерусалиму?» зывали въ крестоносцы. Самъ Король, въ борьбѣ съ соб-

откровенными чувствами, раздвигая общую тоску и негодовавъ на судьбу свою. Однажды, увлеченный погонею за неприятелемъ до высотъ Оммауса, онъ увидяль съ горы башни Иерусалимскія, и залившись слезами, закрыль платомъ лице свое, признавая себя недостойнымъ смотреть на Св. градъ, который не могъ освободить своимъ оружіемъ. Но столь странно было уворство его характера, что когда, по возвращеніи въ станъ, главную вожди начали настаивать объ осадѣ, онъ одиень укрѣпился прогнать всѣхъ и даже прогнать собственной воли, уверяя, что не можетъ вѣдать явной опасности славу оружія Христіанскаго и собственную честь.

Бароны Палестинскіе, которые, изъ личныхъ своихъ выгодъ, думали болѣе о завоеваніи неморенныхъ городовъ, нежели о Св. градѣ, поддерживали нерасщепительность Рихарда, и только умножали тѣмъ общее неудовольствие и волненіе умовъ. Наконецъ Король положилъ составить совѣтъ, изъ пяти рыцарей Странноприимныхъ, пяти Храмовниковъ, пяти бароновъ Французскихъ и пяти Палестинскихъ, чтобы рѣшить — идти ли къ Иерусалиму? Нѣсколько дней совѣщались между собою избранные рыцари и бароны, испытывая обстоятельства. Молва о возникшей, будто бы, враждѣ между Халифомъ и Султаномъ, и возмущеніи противъ него Мамелуковъ, благоприятствовала покою; но отклоняющіе оныи говорили, что слухи сіи нарочно разнужены Султаномъ, дабы замечъ только крестоносцевъ въ безводныя опрестности Иерусалима и опять погубить ихъ каждую, какъ при Тиверіадѣ,

ибо все утеша горныя въ руки неприятели. Если даже одолжить: Христиане, какъ сохранять сообщенія свои съ поморьемъ? если же будутъ разбиты, ничто не спасетъ ихъ отъ меча Саладина! Такъ разсуждали недостойные послѣдователи Готфреда и первыя кресторыцъ дружины, которыя при одномъ кликѣ: «такъ хочетъ Богъ!» сокрушили все препоны. Во время сближенія, Рихардъ, услышавъ что богатый караванъ идетъ горами, изъ Египта въ Иерусалимъ, ночью оставилъ станъ, съ либерною дружиною, и, не смотря на стальнойю защиту неприятеля, ограбилъ караванъ въ окрестностяхъ Хеврона: до осьми тысячъ верблюдовъ, съ множествомъ коней и выюнаго скота, и съ богатѣйшими товарами Азіи и Африки, сдѣлался добычею Короля, который возвратился въ станъ торжествовать послѣдній успѣхъ свой, въ окрестностяхъ Иерусалима.

... Сражомъ исполнился Иерусалимъ; Султанъ, чтобы возбудить упавшій духъ оловка Омровъ, на которыхъ наводило ужасъ одно имя Рихарда, принужденъ былъ совать ихъ, въ мечеть Омара, и тамъ, надъ заветнымъ камнемъ Патріарха Іакова, заставилъ присягнуть, что умрутъ прежде нежели выдадутъ городъ; но не смотря на обѣтъ сей, рожетъ неудовольствія: и даже горькія упреки заглушала въ советѣхъ голоса Саладина, котораго обвиняли въ напрасномъ упорствѣ. А между тѣмъ советы рыцарей и бароновъ, малодушно ранивъ отступление войскъ къ поморью. Ущербъ распространялось еще по всему стану, поклонники и воины проклинали

время; нафриво или утрощенное; и Малестина; Умножилися раздоры, и крепостиски; уже не соединилася одиное целое, не могли больше ни крепиться, ни перенести овецъ бдствій... Французи и Англичане шай рево; Герцоги Бургундскій и Кероиль, очинили другъ противъ друга; кождіа изъ нихъ, который переходил изъ усть въ уста; и один шилтъ Тиру, другіе въ Йебу или Акру; и думал только о возвращеніи на Западъ...
... Мира, слылася необходимостію для Короля Англіи; оставленный воевати, но еще сохранив вроденную надгнность, онъ требовалъ его отъ Саладина, то воевал отряды свои изъ Аккобну, то угрожалъ осадитъ дальній Бейрутъ; Султанъ медлил, собиравъ Эмировъ Сиріи, Месопотаміи и Египта; и внезапно подступилъ, со всеми силами, къ Йебу, гдѣ было не болѣе трехъ тысячъ воиновъ Христіанскихъ. Здесь, въ послѣдній разъ, долженъ было составаться два могучіа соперника и, въ битви ихъ, Западъ съ Востокомъ. После /многихъ преступленій городъ былъ взятъ и преданъ огню и мечу; самій воегорода предлагалъ дуться; и внезапно является морозъ Рихардъ, съ не многими судами, и морозъ брѣсется вгавъ на берегъ; даннѣйшій ипріятелемъ. Все бжикитъ при вое поведеній съ марою дружиною, Лицное сердце вресла дусти Турковъ, вресъ оставленный городъ въ поле; и снани Саладинову, и тамъ разбиваетъ шатры воера. На строгій дошъ, Турки воедали; нечаянно шавасы на Йебу и, въ янвль сени тѣлома, вадни воерді, устремились на Христіанъ; и шаволо шаведшихъ къ

клятвою на Евангелии и креста. Король и Султанъ, дали только царское слово безъ клятвы. Вся Князь Христіанскіе, въ томъ числѣ и Антиохійскій, не принимавшій никакого участія въ походѣ, и въ Эмиратъ Сиріи, даже Шейтъ гора, врагъ Христіанъ и Магометанъ, приглашенъ былъ къ подписанію мирнаго договора.

Одинъ только Лузиньянъ, бывший Король Іерусалимскій, не повѣстивъ имени своего въ договоръ, потому что самъ былъ исключенъ изъ числа владѣтелей Сиріи, какъ утратившій свое царство; Графъ Генрихъ вступилъ его мѣсто, а Лузиньянъ получилъ королевство Кипрское, которое прежде долженъ былъ выкупить у ордена Храмовниковъ; ибо Рихардъ, нуждаясь въ деньгахъ, заложилъ какъ завоеванный у Грековъ островъ, и около двухсотъ лѣтъ царствовалъ тамъ родъ Лузиньянъ, удерживая за собою и титулъ Королей Іерусалимскихъ. По заключеніи мира, воители западные пожелали посетить Св. мѣста, хотя богомольцами, прежде нежели отплыть на родину, и, съ разрѣшенія Султана, многими караванами отравились въ Св. градъ. Но ихъ присутствіе возбуждало въ Сарацинахъ та чувства ненависти, какія къ нимъ питали во время войны: «столь страшны были взоры Турковъ», говоритъ современный латинянецъ, что мы бы лучше желали быть въ Тирѣ или Акрѣ, нежели на пути въ Іерусалимъ!» Султану нужно было употребить всю свою власть, чтобы соблюсти законы гостепріимства. Французы, враждебныя Англичанамъ, не были допущены до поклоненія Св. мѣстъ; но ич

братъ бывшаго повелителя Востока, раздѣлявшій съ нимъ все его битвы, Малекъ Аделъ, сдѣлался независимымъ въ Месопотаміи: оттолкъ риналъ судьбу дѣтей Саладиновыхъ, то принимая участіе въ ихъ междоусобной брани, то примиря ихъ, когда видѣлъ, что усиленіе одного можетъ повредить собственному его могуществу. Главные Князья, изъ племени Айбидовъ, и даже потомки Атабековъ, сокрушенныхъ Саладиномъ, возстали на обломкахъ его царства, и такимъ образомъ, вся Сирія представляла такой же хаосъ безчисленныхъ влстителей; каковымъ воспользовался некогда Готфредъ, съ первыми крестоносцами, и котораго не дождался Рихардъ. Эмиры возбуждали Султана Египетскаго, вооружиться противъ старшаго брата и осадить Дамаскъ; но Афадалъ, съ помощію дяди Малекъ Аделя, заставилъ его бѣжать въ пустыню, и Египеть сдѣлался бы достояніемъ Султана Дамаскаго, если бы дядя не примирилъ наемниковъ; но воноръ онъ самъ возбуждалъ охоту Султана Египетскаго, противъ старшаго брата, принявъ начальство надъ войсками и, овладѣвъ Дамаскомъ, сталъ управлять самовластно Сирією, и имя Азиза; вѣнчанный Аделъ напрасно искалъ помощи у бессильнаго Калмъ Багдадскаго; онъ совѣтовалъ ему только вооружиться терпачіемъ. Въ это смутное время, Иерусалимъ переходилъ изъ рукъ въ руки враждующихъ; Султанъ Дамаскій уступилъ его своему Эмиру Азеддину, Султанъ Египта, послалъ туда другаго вѣнчателя. Эмиръ Абуль-Хаджи, получилъ Св. градъ изъ рукъ Ма-

лиць Анжю, и тогда его длабю оне мртвааи че
времь четвераго престоваго похода . . . . .
Но война внутреннхъ раздорехъ возниша и
между Християна Палестинахъ, которая, после
отшествя престолоцвевъ, предана была на проше-
волы враговъ. Король Иерусалимскій Генрихъ, пре-
небратомъ своимъ тиотинимъ митромъ, думавъ только
о возвращеніи въ митроупую родину, въ свое бога-
тое графство Шампаніе. Король Кипра Луизьянъ,
саботочный немимъ царствомъ, долженъ былъ
безарестанно умирять въ немъ мятежи Грековъ,
возбужденныхъ изъ Царьграда. Босундъ III, виа-
ствъ князь Антиохи и Графъ Триполи, велъ не-
престанную войну съ соседнимъ владетелемъ Ар-
мении, то содержалъ его плѣнникомъ въ своей сте-
лицѣ, то самъ впадалъ въ его темницу; брачный
союзъ сына Босундова, съ дочерью Князя Армян-
скаго, не могъ потушить закоснелой вражды обо-
ихъ. Въ тоже время, зависть и честолюбіе возбуди-
ли другъ противъ друга рыцарскіе ордена Пале-
стины. Еще одинъ орденъ Тевтоническій учредил-
ся, изъ рыцарей Германскаго происхожденія, въ
продолженіе третьяго престоваго похода, и въ по-
сидѣствіи перешелъ въ Европу, на берега Балтій-
скаго моря, ибо цвлю его было обращеніе лавч-
никовъ. Но два старшіе ордена, Странноприимныхъ
и Храмовниковъ, постоянные жители Палестины,
обладая несметными богатствами, въ Азии и Евро-
пѣ, не стыдятся подымать ва нихъ оружіе другъ
противъ друга, вместо того чтобы обращать его
1197 годъ.

на; галлерей: это Вадуть, Бейрутинъ, Адрианаго
машинъ: следовать за дымъ въ Битру, проводил: она
въ могилу. Прибытіе второго отряда крестоносцевъ
оказало удалий духъ Христіанъ Палестинскихъ.
Воо войско оставилъ Малекъ-Адель на разведеніи
разоренной имъ Яффы, двинулось вдоль поморія, въ
богатому Бейруту, который былъ столицою Сиріи,
на своемъ счастливому положеніи у подошвы Ама
вана. Въ его мечети проводились Султаны и
Эмиры, и въ его темницахъ тѣмнись пять тысячъ
пленниковъ Христіанскихъ, товарищей Адрианаго
сердца.

Малекъ-Адель устремился вслѣдъ за дружиною
Запада, и достигъ ихъ между Тиромъ и Сидономъ,
тамъ возгорѣлась умирная битва, и долго болѣе
лазъ побѣда, наконецъ отважное мужество Фран
ковъ одолѣло. Султанъ бѣжалъ съ поля сраженія,
войско его разбѣжало на пути къ Дамаску и Јеру
салиму, и слѣдствіемъ славной побѣды было немал
ленное покореніе Сидона, Асаликии и Бейрута, удо
влетворившихъ своимъ богатствомъ жажду крѣ
пости, еще однацать вса поморіе Сиріи пер
шло въ руки Христіанъ, и посредствомъ рале
стия Сіонъ, ожидая скорого набавленія, но на къ
неску обратились взоры побѣдителей. Между гдѣ
третій отрядъ посланъ былъ Императоромъ Гайри
комъ, уже не мало убѣжденій, но цѣлую долетѣ
въ Палестину, подъ предводительствомъ каймера
кинерія, Кофрѣда, Епископа Галацѣгійскаго, ко
торый засталъ еще торжественныхъ у подошвы
Арана, и Амико, маманина: доканія освобрило

Съ. грады, начавше опять холоднаго сужденія, а его управленіяма, въ тройной стѣнѣ и широкихъ рвахъ; слававшихъ невѣрными, даже послѣ Салатина, и ошмившихъ непогодакъ, опасныхъ для войска въ горакъ Іудейскихъ. Роскошныя города и деревня занимали всѣхъ больше, нежели убогій Иерусалимъ, богатый только сокровищами вѣры; старшю вожди отложили до весны его завоеваніе и рѣшились овладѣть прежде малою, но почти неприступною крепостію Торонъ, которая одна только оставалась Туркамъ на берегахъ Сирина, недалеко отъ Тира.

Начался приступъ, безъ стѣнобитныхъ орудій и подкоповъ, изъ скалахъ, и пеленіе одной нѣтъ стѣны города, при отчаянномъ мужествѣ рыцарей, ужаснули осаждаемыхъ. Они уже хотѣли сдаться; но таково было безначаліе въ станѣ Христианскомъ, что не кому было принять ключей крепости; Герцоги Саксонскій и Брабантскій и князь тождо вліаніе на свои отряды; канцлера Конрада, представлявшій лице Императора, могъ бы действовать съ королевскою властію, но истомленный болѣзнію и безъ всякой опытности военной, онъ не хотѣлъ изъ янтра и даже не принималъ никакого участія въ событіяхъ. Собрались однако плавильно вожди, чтобы выслушать условія посланныхъ нѣтъ замка, которые просили себя только жизни и свободѣ; но буйный Князь хотѣлъ отказать имъ и нѣтъ столь смирешной пресобръ, думая страшныиъ примаромъ навести ужасъ на всѣхъ Сарацинъ; оспено возникла жестокая распрѣ въ станѣ, и хотя

канцлеръ / правникъ / условіа / сдать / не / сами / предла-
жию / поздравяе / въ / кривостъ / убьди / своихъ / заше-
паться / до / последней / капли / крови / ибо / не / предви-
дѣли / себѣ / пощады / в / посреди / безмилія / враговъ.
Снять / позобновились / жестокиѣ / приступы / и / битвы /
во / время / коня / все / болѣе / и / болѣе / воспламеняе /
духъ / защитниковъ / Торона / и / упало / мужество /
осаждавшихъ . Вѣсть / о / приближеніи / Малекъ / Адель /
съ / египетскими / войскомъ / совершенно / ихъ / смутали /
Всѣ / рѣшились / къ / тайному / отступленію / при-
казъ / маманунъ / приготовлялись / къ / отступу / и / пер-
вый / удалился / канцлеръ / за / нимъ / прочіе / Князья / и
Епископы / такъ / что / въ / обществѣ / сиротѣхъ / забы-
ли / раненыхъ / и / все / имущество / войска / Отступленіе
было / столь / постыдно / что / некоторые / подозревали
измену / и / говорили / будто / Султанъ / подкупилъ / дру-
жинниковъ / на / предательство /
Въ / Тиръ / гдѣ / соединились / все / войска / стались
опять / жалобы / и / распри / войны / обвиняли / все /
за / то / что / выдавали / имъ / личныя / выгоды / и / гробъ / Не-
купители / его / враговъ / Германцы / и / воины / Палестинъ /
ны / не / могли / болѣе / оставаться / живыми / перья / уда-
лились / въ / Яффу / и / подняли / тамъ / разважины / ея / стѣ-
ны / и / вторые / возвратились / въ / Италеманду / Тогда
опять / подступалъ / Малекъ / Адель / къ / Яффу / и / отогнъ
была / побиваема / въ / жестокой / битвѣ / и / вторымъ / од-
нако / стояла / крѣпостіа / двухъ / и / ихъ / стар-
шихъ / Князей / Герцога / Саксонскій / Генрихъ / и / Гер-
цога / Австрійскій / Фридрихъ / поюжили / живость / свои
на / томъ / ораженіи / Побѣда / сія / возбудила / еще / бо-
лѣе / надмываюся / Германцы / и / немалыя / отъ / нихъ

Барбариса, о котором ты слышала в Иерусалимской
находился в русском плену, — Изабелла, —
колебался престолъ Готфреда, — не терпя от разноречив
директивъ и въ Итогъ вышло в пользу Барбариса. — То-
гда вудрийнаго князя Евноланта и баронъ Палестин-
скихъ предложили съединить воедино идею прочее у
другихъ, и даровать ище четвертому праву, ни при
себя Иерусалимской, ни она, — вернула в новый
бракъ съ Королемъ Нипра, — Алмерикомъ, братомъ и
преемникомъ Душманна. — Такимъ образомъ, — выиг-
дася и много Иерусалимский въ предъ того, — что
отъ удрученнаго в Оса, — презытайши въ торжественно
праздновала в свадбачна въ Итогъ магда; — когда не
человекъ и шестъ, — отъ конци Императора Генриха, —
нарушилъ общую ридеку. — Илья и Шенской, — и
кери, — забавлять в избранному преемнику, — пошла
ишла отъ иже в свое отечество, — и не смотря на
убаждениа Папы, — и оторва преемникъ ихъ довершил
принде свой подвигу, — и на шлобы оставилъ и
бывъ вавилонъ Християнъ Востока, — Никто даже не
подумалъ возорыть, — прежде своего отплати, — бон
гочестиво: — страсти в иже Иерусалимъ, — оно: — правору
свѣдѣнцѣковъ Морисъ Рихарда, — Германия остав
ила, — только в иерусалимскую, — въ Яма, — но яно
блани истребде Туркии, — и в иже обиде и приле-
ствы, — Одни только в иерусалимъ, — Кордана Ваде
риа, — Маргарита, — сохранила врно любовь и след
ошешивер, — в иже в иже, — Падуби, — и трибле
и иже в Франци, — в иже дружинно, — Графъ Шо
монта, — Моноотекій, — и в иже на шуде, — начавте
палы войска и в Иерусалимъ, — Магелотан, — ушом

ние: непростительными битвами; одностороннего жезла, ра, и мире были заключены опять на три года, до новых кровопролитий.

Тяготы были для жителей Востока последние годы XII века. Отъ изобилия воды въ Ниле, распространялся голодъ и вслѣдъ за нимъ болѣзни по всему Египту и по всей Сири; до такой степени достигло бѣдствіе, что нацѣлись повержи, казёрыю стали вѣшаться человѣческихъ мѣломъ... Въ Каирѣ тридцать женщинъ соумыло было въ одинъ день, за то что съели собственныя дѣтей, и въ несколько мѣсяцевъ столица Египта потеряла болѣе половины жителей; оттоу прошла губительная эпидемія по всему имперіи Сири, и къ довершению бѣдствія, страшное землетрясеніе опустошило всѣ лучшіе города и селенія. Когда зѣлая земля и осѣдали вершины Ливана, море, бурными волненіемъ, выбрасывало на берегъ корабли и даже подводныхъ жильцовъ своихъ; много селеній стерлось съ лица земли; опрокинулись великолѣпныя зданія Багдада и Дамаска; въ Тивъ и Наблусъ остались только нѣсколько улицъ; станы Итолеманды и Тринолы обратились въ груды развалинъ. Народы Востока ожидали уже страшной трупы послѣдшаго суда, и возблагодарили Бога, за сохраненіе града чудесъ и Пророковъ, который были пощажены истребительствомъ Божиимъ, со всѣми его окрестностями. Не было битвъ между Христіанами и Мусульманами, они сражались только съ разъяренными стихіями и смертъ, лучше великой стражи, охраняла важные ихъ предѣлы; Новая дружина кресто, кото-

рыд скликалъ со всего Запада Первосвященникъ Римскій, ничего не могли бы сдѣлать посреди общаго смятенія земли обтраванной.

Иннокентій III. сидѣлъ тогда на кафедрѣ, древней всемірной столицы, и напомнилъ собою Европѣ лице Григорія V. II. Цари, Епископы и народы трепетали его мощнаго слова, ибо никогда власть папская не достигала ни прежде, ни послѣ, до такой высокой степени. Освобожденіе Св. града было пламеннымъ желаніемъ Иннокентія, и на сію священную для него цѣль были обращены все усилія его пятнадцатилѣтняго святительства. Тотчасъ по вступленіи своемъ на кафедру, сталъ онъ разсылать грамоты и проповѣдниковъ крестоваго похода по всей Европѣ. «Если Богъ умеръ за человека, человекъ ли убійца умереть за своего Бога?» возывалъ ко всемъ Иннокентій, и нашелъ отголосокъ въ рыцарствѣ Франціи; но сами властители Христіанскихъ королевствъ заняты были междоусобіемъ. Венифатій Маркизъ Монфератскій, братъ знаменитаго Конрада, бывшаго Королемъ Іерусалимскимъ, и Балдуинъ Графъ Фландрскій, которому предназначено было вступить на престолъ Императоровъ Греческихъ, сдѣлались предводителями владѣльческихъ графовъ и бароновъ. Путь ихъ лежалъ чрезъ Венецію, ибо моремъ хотѣли они совершить свое странствіе, и, по недостатку денегъ, обязались служить оружіемъ надмѣнной республикѣ. Престарѣлый Дождь ея, Генрихъ Дандоло, вызвался быть предводителемъ дружинъ и обратилъ къ завоеванію города Зары, на берегахъ Адріатики, пер-

вый пылъ крестоносцевъ. Новое искушеніе отвлекло ихъ отъ предназначенной цѣли: въ станѣ вѣтязей западныхъ явился юный Алексій, сынъ Императора Греческаго Исаака-Ангела, низвергнутаго съ престола своимъ братомъ; онъ возбудилъ общее участіе и, лестными обѣщаніями, всѣхъ увлекъ къ стѣнамъ Царьграда. Напрасно Иннокентій грозилъ громами Ватикана; на сей разъ жажда корысти и славы одолѣла его угрозы; флотъ Венеціанскій, вмѣсто береговъ Сиріи, принесъ мнимыхъ защитниковъ Св. гроба къ стѣнамъ Константинополя.

Легкая побѣда увѣнчала ихъ первый подвигъ; похититель престола бѣжалъ; ослѣпленный имъ Исаакъ взшелъ опять на престолъ и раздѣлилъ его съ сыномъ Алексіемъ. Казалось, прочный союзъ дружбы навсегда соединилъ Грековъ и Латинъ; но когда дошла рѣчь до исполненія договора, тщетными оказались громкія обѣщанія Алексія; онъ просилъ дать ему время для расплаты. Крестоносцы, возбуждаемые Папою къ дальнѣйшему походу, не хотѣли долѣе медлить; возникли распри, за ними кровопролитія; явился новый мятежникъ Мурсулъ, который умертвилъ обоихъ Императоровъ и, воцарившись на мѣсто ихъ, рѣшился отразить пришельцевъ Запада; они же взяли приступомъ роскошную столицу Восточной имперіи и предали ее огню и мечу. Въ пожаръ ея погибли древнія сокровища искусствъ; святыня храмовъ расхищена была буйными воинами, которые ничего не щадили въ порывѣ слѣпой ярости. Соборъ Софійскій временно

обратился въ стойла безсловесныхъ ; великолѣпный престолъ его былъ сокрушенъ. Патріархъ Юсифъ съ Императоромъ Θεодоромъ Ласкарисомъ, провозглашеннымъ въ часъ общаго смятенія, спаслись въ Никею и тамъ основали новую державу, до времени освобожденія Царьграда. Балдуинъ, Графъ Фландрскій, избранъ былъ на престолъ Константинополя и вѣнчанъ въ храмъ Софійскомъ Θεомю, новымъ Патріархомъ Латинскимъ. Маркизь Монфератскій сдѣлался Королемъ въ Θεссалоникъ ; Дождь Венеціи приобрѣлъ себѣ многія области и острова бывшей имперіи, которую по частямъ раздѣлили между собою графы и бароны Франціи, позабывъ о крестовомъ походѣ. Даже и бароны Палестинскіе, услышавъ о неожиданномъ успѣхѣ шедшихъ къ нимъ на помощь, устремились, съ береговъ Сирии, дѣлить съ ними добычу. Ужаснулся Папа Иннокентій, и хотя укорялъ грамотами своими неправедныхъ завоевателей, однако утвердилъ за ними вожженное ихъ оружіемъ у Христіанъ, ибо радовался насильственному покоренію Церкви Константинопольской престолу Римскому. Бывшій врагомъ Императоровъ Греческихъ, Іоанникій, Король Болгарскій, отмстилъ за разореніе ихъ столицы, новымъ ея властителямъ. Въ жестокой битвѣ съ Болгарами пали, одинъ за другимъ, Императоръ Балдуинъ и Король Воицѣатій ; но еще около полувѣка держалась имперія Латинская въ Царьградѣ.

XXXI.

ШЕСТОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ*.

Король Иоаннъ Бриенскій.

Едва могли оправиться Христиане Палестинскіе отъ бѣдствій ихъ постигшихъ. Добродѣтельный Король Алмерикъ, который подавалъ благой примѣръ своимъ баронамъ, и рыцари трехъ орденовъ истощили весь свои сокровища, на пропитаніе убогихъ и обновленіе стѣнъ. Недоставало рукъ для произведенія работъ, и какъ иъкогда Саадинъ употреблялъ Христианъ для укрѣпленія Иерусалима, такъ ильгинини Магометанскіе обречены были для восстановленія упавшихъ бойницъ Итолемаиды. Въ числѣ ихъ трудился, какъ простой невольникъ, знаменитѣйшій поэтъ Персія Саади, пѣвецъ розы и соловья. Уже начинали опять возникать несогласія съ Турками и большое смятеніе царствовало

* Michaud Hist. Liv. 12.

въ областяхъ Христіанскихъ, ибо не было единодержавія. Эмиръ Алена находился въ мирѣ съ Королемъ Іерусалимскимъ, въ то время, какъ Князь Антиохійскій, Храмовники и Страннопріимные воевали сами собою съ другими Эмирами Сиріи; жители бѣдственной страны сей не вѣдали съ кѣмъ миръ и съ кѣмъ война: не было большихъ сраженій, но безпрестанныя стычки. Посреди сихъ безпорядковъ, Христіане оплакали еще смерть добраго Короля. Алмерикъ, слѣдуя благочестивому обычаю, пошелъ собирать пальмы, на страстной недѣлѣ, въ городъ Каифу, къ подножію горы Кармила, и заболѣлъ во время своего путешествія. Онъ скончался въ Птолемаидѣ, почти въ одно время съ Княземъ Антиохійскимъ Боемундомъ III, и скиптръ Іерусалимскій достался опять въ руки Изабеллы; скоро и она послѣдовала во гробъ за Алмерикомъ, будучи послѣднею изъ царственныхъ лицъ, рожденныхъ еще въ Св. градѣ.

Дочь Изабеллы и Конрада оставалась единственною наследницею престола Іерусалимскаго; на ея будущаго супруга возлагали все свои надежды бароны Палестинскіе; они озаботились найти его для юной Королевы, и опасаясь избрать кого либо изъ среды своей, для избѣжанія распрій, рѣшились искать себя Государя, въ отечествѣ Готфреда и Балдуиновъ. Епископъ Птолемаиды и владѣтель Кесаріи, посланы были ко двору Короля Франціи, Филиппа Августа, просить его, отъ имени всѣхъ Христіанъ святой земли, о избраніи достойнаго рыцаря въ Короли бѣдствующему Сіону; дабы онъ

могъ спасти остатокъ царства. Рука юной Королевы, вѣнецъ и благословенія неба, должныствовали наградить доблесть того, кто придетъ защитить наследіе Сына Божія. Съ великою почестью приняты были посланники Палестинскіе, и хотя мало отраденъ былъ вѣнецъ сей, слава польстила сердцу рыцарей. Выборъ Филиппа Августа палъ на Іоанна Бриенскаго, одного изъ самыхъ доблестныхъ витязей своего вѣка, который съ радостію принялъ лестное предложеніе, и обещалъ посвятить съ войскомъ въ новое свое королевство.

Утѣшительная вѣсть сія оживила опять духъ Христіанъ Востока; ихъ прежнее уныніе обратилось въ безразсудную радость. Они отвергли мирныя предложенія Малекъ-Адела, который царствовалъ во всей Сиріи и Египтѣ, послѣ смерти племянника Авиза; Султанъ давалъ имъ десять замковъ и крѣпостей въ залогъ мира. Напрасно самые благоразумные изъ вождей, особенно Великій Магистръ Страннопріимныхъ, напоминали баронамъ Палестины, какъ мало можно полагать надежды на помощь Западныхъ, еще недавно соvrащенныхъ Царградомъ съ пути къ Сіону; никто не хотѣлъ слушать мудрыхъ совѣтовъ. Король Іоаннъ приплылъ въ Птолемаиду, съ блескомъ царскимъ и только съ тремястами рыцарей, которыхъ содержалъ на деньги Короля Франціи и Папы. Торжественно совершился бракъ его съ Марією, но еще посреди свадебныхъ пиршествъ, Турки уже вторглись въ предѣлы Христіанъ, подъ личнымъ предводитель-

ствомъ Султана, и стали угрожать Триполию и Птолемаидъ.

Новый Король, съ малою своею дружиною, хотя и отличался доблестію на ратномъ полѣ, не могъ однако отразить многочисленныхъ враговъ, и опять овладѣло уныніе его подданными. Ему оставалась одна почти Птолемаида, и то безъ защиты, потому что многіе изъ его спутниковъ возвратились въ Европу. Іоаннъ поспѣшилъ отправить къ Папѣ посольство, умоляя его о скорой помощи; но самъ Иннокентій былъ отвлеченъ отъ Востока, кровопролитною войною противъ еретиковъ южной Франціи, Албигенцевъ, которая слыла также крестовымъ походомъ. Малыя дѣти, въ числѣ пятидесяти тысячъ, вооружились тогда за Іерусалимъ; изъ Франціи и Германіи поднялись они, взывая непрестанно: «Господи возврати намъ честный крестъ твой!» и на вопросъ, куда идуть? отвѣчали только: «спасти Св. градъ!» Никто не удерживалъ ихъ безразсуднаго стремленія, полагая въ немъ нѣчто вдохновенное. Такъ перешли они Альпы, чтобы отплыть изъ пристаней Италіи; большая часть ихъ погибла на пути. Тѣ же, которые достигли береговъ Сиріи, горько изумили ея жителей: имъ показалось, что уже на Западѣ не было болѣе мудрости ни въ совѣтахъ княжескихъ, ни въ святительскихъ. Но не такими глазами смотрѣлъ на это Папа Иннокентій: «дѣти сіи, говорилъ онъ, служатъ намъ горькимъ упрекомъ, ибо мы дремлемъ, когда они стремятся на защиту святой земли!»

Желая воспламенить Христіанъ къ священной

войнъ, онъ сталъ созывать въ Римъ на соборъ всѣхъ Епископовъ западныхъ; грамоты его ходили по всему Востоку, ибо не только писалъ онъ къ Латинскимъ Патріархамъ Царьграда, Антиохіи и Іерусалима и Греческому Патріарху Александріи, но даже и къ Султану Малекъ-Аделю, именемъ Всемогущаго, убѣждая его возвратить Іерусалимъ Христіанамъ, какъ ихъ законное наследіе, на время только выданное Богомъ брату его Саладину, по грѣхамъ своего народа. Въ то же время Кардиналъ Курсонъ, родомъ изъ Англій, и пресвященный Епископъ Птолемаиды, Іаковъ Витрійскій, продолжатель лѣтописи Архіепископа Турскаго Вильгельма, назначены были отъ Папы проповѣдниками крестоваго похода по всей Европѣ; но внутреннія ея смятенія долго заглушали ихъ голосъ, и первостепенные властители общали только деньги, а не войска. Соединился наконецъ въ Римъ многочисленный соборъ Латеранскій, болѣе чѣмъ изъ пяти сотъ Епископовъ, съ посланниками всѣхъ Государей западныхъ. Иннокентій умолялъ всѣхъ, именемъ Св. града, вооружиться къ его защите, и краснорѣчивымъ плачемъ Пророка Іереміи, который вложилъ въ уста бѣдствующаго Сіона, тронулъ сердца слушателей. Самъ онъ хотѣлъ идти во главѣ крестоносцевъ, но ему не суждено было довершить начатаго подвига; преждевременная смерть остановила Иннокентія на славномъ поприщѣ; его преемникъ Гонорій, съ тою же ревностію, сталъ проповѣдывать крестовый походъ, стараясь прежде водворить миръ въ Европѣ. Юный Императоръ

Германскій Фридрихъ II. далъ торжественный обѣтъ идти сражаться съ немцами, и не сдержалъ его: но имперскіе Князья и Епископы съ охотою брали крестъ и стали вооружаться; въ вѣчныхъ Государей, одинъ только Андрей, Король Венгерскій, присутствовалъ лично въ крестовомъ походѣ, и его избрали предводителемъ Нѣмецкихъ дружинъ. Островъ Кипръ былъ мѣстомъ собранія войскъ крестоносцевъ; отсюда, въ сопровожденіи Короля Кипрскаго Гугона Лузиньяна, направились они въ Птолемаду, и съ торжествомъ были встрѣчены Королемъ Иоанномъ и всеми Христіанами Сиріи, ибо давно не видали столь многочисленнаго войска, оно восходило числомъ до пяти сотъ тысячъ, но и ему не суждено было достигнуть одержимы утраченной цѣли: духъ первыхъ крестоносцевъ давно угасъ. Вскорѣ открылся недостатокъ продовольствія въ станѣ, по неурожаю послѣднихъ годовъ въ Сиріи, пришельцы стали опустошать окрестныя селенія. Король Иоаннъ долженъ былъ ускорить начало войны, чтобы только сохранить собственныя области. Все войско, подъ предводительствомъ трехъ Королей Іерусалима, Кипра и Венгрии, двинулось къ потоку Киссову, означенному памятью Пророка Іліи. Патріархъ Латинскій Св. града, чтобы болѣе вознаменить войновъ, принесъ въ станъ часть честнаго древа, будто бы спасеннаго послѣ битвы Тиверіадской, и всѣ съ удивленіемъ встрѣтили замогъ неуплодѣн.

Походъ сей болѣе былъ подобенъ благочестивому странствію; при пѣніи священныхъ гимновъ,

крестоносцы прошли пещуцію долины Ізраеля, мимо Фавора и Эрмона, коснулись береговъ моря Галилейскаго, и купались въ святыхъ водахъ Іордана; нигдѣ не встрѣтили они непріятелей и съ добычею возвратились въ Птолеманду. Оттолкъ выступили опять, чтобы овладѣть крѣпостью на вершинѣ Фавора, которая замѣнила тамъ древнюю обитель во имя Пророковъ Моисея и Иліи. Не смотря на камни, низвергаемые съ вершины горы, витязи мужественно достигли до самыхъ воротъ крѣпости. Патріархъ Іерусалимскій шелъ впереди съ крестомъ, Король Іоаннъ, отличаясь доблестію предъ всеми, собственною рукою умертвилъ двухъ Эмировъ; но въ самый часъ победы, неизъяснимый страхъ овладѣлъ войскомъ, и оно столь же быстро спустилось съ вершины священной горы, какъ будто восходило только для поклоненія мѣсту преображенія Господня. Малодушное отступление имѣло гибельныя послѣдствія, ибо уронило духъ воиновъ; стали подозрѣвать въ намѣнъ нѣкоторыхъ вождей; Патріархъ не хотѣлъ болѣе идти впереди дружинъ съ древомъ креста. Другой неудачный походъ къ верхніе предѣлы Сиріи, при зимнихъ непогодахъ, еще болѣе разстроилъ войско; оно раздѣлилось, ибо не могло продовольствоваться на одномъ мѣстѣ; Король Іерусалимскій, Герцогъ Австрійскій, съ Великимъ Магистромъ Страннопринимныхъ, ополчились въ долинахъ Кесаріи. Короли Венгрии и Кипра, съ Раймундомъ, сыномъ Князя Алчіохійскаго, удалились въ Триполи. Великіе Магистры Храмовниковъ и ордена Тевтоническаго ста-

ли укрѣпить замокъ у подошвы Карнила; некоторые возвратились въ Итолеманду, чтобы оттолкъ отплыть въ Европу. Король Кипра заболѣлъ и умеръ, готовясь въ обратный путь; Король Венгрии подалъ прежде всѣхъ малодушный примѣръ; и съ безславіемъ оставилъ Палестину. Прибытіе иныхъ крестоносцевъ, изъ разныхъ пристаней Франціи и Италіи, подняло опять духъ оставшихся.

Ужасъ объялъ Магометанъ, при появленіи новыхъ крестовыхъ дружинъ, которыхъ потокъ неуклонно наводилъ ихъ землю. — Султанъ Малекъ Адель уже не царствовалъ тогда въ Сиріи и Египтѣ. Наскучивъ величіемъ земнымъ, онъ раздѣлилъ свои обширныя области между пятнадцатью сыновьями, подчинивъ ихъ двумъ старшимъ, Малекъ Хамилю, которому далъ Египетъ, и Коррадину, поставленному имъ въ Дамаскъ; а самъ, наслаждаясь отдыхомъ послѣ столькихъ бурь, переходилъ отъ одного къ другому, держа ихъ въ мирѣ и любви; ибо они все уважали отца своего, какъ бы еще сидѣвшаго на престолѣ, и на него обращены были взоры всѣхъ единовѣрцевъ. Войско и народъ умоляли его принять опять бразды правленія, но Малекъ Адель успокоилъ ихъ, предсказывая, что и сіи новыя полчища Запада разсыются сами собою, по примѣру прежнихъ, какъ громовыя тучи, бродящія по темю Ливана, и пророчество его сбылось. Не встрѣтивъ невѣрныхъ въ Сиріи и не обращая вниманія на Іерусалимъ, крестоносцы рѣшились направить свое оружіе на Египетъ, потому что жаждали его богатствъ, и забыли неудачные

походы Короля Алмерика. Весною 1213 года Король Иерусалимскій съ Патриархомъ и своими Епископами, Герцогъ Австрійскій, и три ордена рыцарей, со множествомъ пришельцевъ западныхъ, Князей и Епископовъ, отышли въ Египеть, чтобы осадить богатый городъ Даміету, на правомъ рукавѣ Нила; ее защищала многочисленная стража, крѣпкія бѣйницы и башня посреди рѣки, прегражденной цѣпью во всю ширину. Башня сія была первымъ предметомъ нападеній, ибо нельзя было подняться мимо ея вверхъ по Нилу; послѣ невѣроятныхъ усилій, она взята была Леопольдомъ, Герцогомъ Австрійскимъ, съ помощію другой стѣннотной башни, которая плавала на водахъ.

Султанъ Малекъ-Адель, умеръ съ горести въ Сиріи, услышавъ о первомъ успѣхѣ Христіанъ въ Египтѣ, и увлекъ съ собою въ гробъ славу племени Любитовъ, ибо потряслась ихъ держава и духъ безначалія возникъ опять между многочисленными Эмирами. Но крестоносцы не воспользовались его смертію, столь для нихъ благопріятною; нѣкоторые изъ нихъ, наскучивъ медденностію осады Даміеты, начали возвращаться на родину; безпрестанно притекали и новыя воители изъ Франціи, Англіи и Германіи, всякаго званія и рода, и въ числѣ ихъ тотъ, кому суждено было погубить войско Христіанское въ Египтѣ. Это былъ: надмитный и честолюбивый Кардиналъ Пелагій, уполномоченный легатъ папскій, который появляясь своимъ ланомъ, немедленно подтикнулъ себя Короля и Патриарха, всѣхъ Князей и Еписко-

повь, и самовластно стала распоряжаться ходомъ войны. Между тѣмъ, умноженіе опасности возбудило духъ Магометанъ; подобно какъ Первосвященникъ Римскій на Западѣ, такъ и Халивъ Багдада на Востокѣ, сзывалъ всѣхъ Эмировъ и Султановъ къ защитѣ своей вѣры; они стали собираться въ станъ Султана Египетскаго, подъ стѣнами Даміеты. Нилъ былъ безпрестаннымъ поприщемъ сраженій, на водахъ своихъ и по обѣимъ берегамъ. Заговоръ одного изъ Эмировъ, противъ Султана; и бѣгство Малекъ Хамиля, вслѣдъ за коимъ устремилось все войско, оставили на время Христианъ, безъ всякаго неприятеля предъ собою; но пришествіе Султана Дамасскаго Коррадина, съ свѣжими войсками на помощь брату, возстановило порядокъ между Сарацинами; явился новый станъ ихъ въ виду крестовосцевъ и начались опять кровопролитныя битвы.

Султанъ Коррадинъ, идучи на помощь брату имно Иерусалима, велѣлъ разорить его стѣны и башни, съ такимъ трудомъ укрепленныя Саладиномъ; потому что опасался, чтобы Христиане, въ его отсутствіе, не укрѣпились въ городѣ. Уцѣлѣла только одна крѣпость Давидова, служившая вышгородомъ. Греческій Патріархъ Аванасій, оградилъ своими мольбами храмъ Св. гроба, отъ ярости Коррадина, и намъ сохранилось еще посланіе сего Святителя къ Георгію, Митрополиту Керкирсному, въ коемъ оплакиваетъ бѣдственное состояніе Св. града: «Иерусалимъ, Иерусалимъ, вѣкъгда огражденный и освященный, нынѣ пусть и беззащитенъ; ради не-

неисчислимыя грѣховъ моихъ страдаетъ престолъ сей, перабощенъ Сионъ и помраченъ Св. гробъ, откогда истекаетъ намъ просвѣщеніе!» Султанъ истребилъ также и укрѣпленія горы Фаворской и всѣхъ городовъ, которые были въ рукахъ его на поморіи Сирійскомъ, къ общему изумленію Турковъ и Христіанъ. Между тѣмъ въ станъ крестоносцевъ, огорченныхъ неудачною битвою на берегахъ Нила, явился новый проповѣдникъ, знаменитый святостію своею жизни, Францискъ, основатель убогаго ордена Миноритовъ, которые возложили на себя обѣтъ вольной нищеты. Онъ самъ отдался въ руки невѣрнымъ и не убоялся проповѣдать Христа предъ лицомъ Султана; Хамиль отпустилъ его съ честію, изумленный его Христіанскою смѣлостію.

Уже болѣе года продолжалась осада, никакія убѣжденія не могли удержать утомленныхъ витязей подъ раскаленнымъ небомъ Египта. Возвратился и доблестный Герцогъ Австрійскій; но слухъ о скоромъ прибытіи самаго Императора распространилъ ужасъ между Сарацынами. Оба Султана, отъ имени всѣхъ Эмировъ своего рода, отправили посланниковъ въ станъ Христіанскій съ предложениемъ мира, на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. — Они обязывались возвратить Христіанамъ городъ и все королевство Іерусалимское, со всеми плинцкамн, взятыми въ битвахъ со временъ Саладина, и съ уплатою 200,000 динаріевъ, для обновленія разоренныхъ стѣнъ Св. града. Король Іоаннъ и всѣ бароны западные съ радостію хотѣли принять такой выгодный миръ; но честолюбивый Легатъ

папскій упорствовалъ, говоря, что постыдно отступить отъ Даміеты, послѣ столькихъ нападеній, и мнѣніе его, поддержанное другими Епископами, одолѣло мнѣніе Короля. Такимъ образомъ, по страшному обороту дѣлъ, міряне хотѣли мира, а духовенство войны.

Напрасно жители Даміеты, истомленные голодомъ и болѣзнями, просили помощи отъ своего Султана; онъ не въ силахъ былъ подать ее, и ночью, въ глубокую осень, войско крестоносцевъ овладѣло городомъ; но сколь велико было общее наумленіе, когда въ немъ нашли одни трупы, и блѣдныя призраки скитавшихся старцевъ, женъ и дѣтей; ибо отъ семи тысячъ жителей, не болѣе трехъ осталось въ живыхъ. Крестоносцы, раздѣливъ между собою богатую корысть, принуждены были оставить зараженный городъ. Взятіе Даміеты еще болѣе устрашило Магометанъ. Другая крѣпость на берегахъ Нила, Танисъ, безъ боя сдалась нѣсколькимъ рыцарямъ. Султаны Сиріи и Египта послали просить помощи у Халифа Багдадскаго, который самъ былъ угрожаемъ страшнымъ нашествіемъ Чингисъ-Хана, изъ глубины ненавистной дотолъ Монголін, и въ свою чреду умолялъ обонхъ Султановъ и всѣхъ Эмировъ, придти спасти его столицу отъ страшнаго потока варяровъ, опустошавшихъ Востокъ. Но духъ раздора сдѣлалъ опять тщетными успѣхи Христіанъ; Король Иерусалимскій, негодуя на честолюбіе Легата, оставилъ на время войско, котораго уже не почитался болѣе предводителемъ. Надвигный Ле-

гаты, хотя и усиленный пришествіемъ Герцога Баварскаго съ новыми престолосцами, не могъ однако убедить ихъ двинуться далѣе во внутренность Египта, безъ личнаго присутствія Короля Іоанна, и принужденъ былъ просить его возвратиться.

Между тѣмъ, Султанъ Каира расположился станомъ, на соединеніи двухъ рукавовъ Нила, гдѣ мало по малу основался около него городъ, воспріявшій имя Мансуры, отъ побѣды, какую въ послѣдствіи одержалъ надъ Христіанами; къ нему собрались Эмиры Ливана, Сиріи и Аравіи, чтобы послѣдними силами отразить страшныхъ пришельцевъ Запада. Въ станѣ Христіанъ начались совѣщанія: идти ли далѣе въ Египетъ или заключить миръ? но благоразумныя представленія Короля Іоанна, съ которыми были согласны Великіе Магистры и всѣ опытные бароны, не могли онять упорства Легата; онъ возмечталъ овладѣть Египетомъ и тѣмъ искоренить совершенно могущество Магометанъ. Напрасно напоминалъ Король о походахъ Алмерика, увѣряя, что Даміеты и Таниса достаточны для обузданія невѣрныхъ, и что главною цѣлію похода столькокъ тысячь — Іерусалимъ, а не Каиръ; Легаты, въ качествѣ представителя папскаго, грозилъ отлученіемъ церковнымъ, и войско двинулось по правому берегу Нила, сопровождаемое флотомъ, плывшимъ вверхъ по рѣкѣ. Египтяне бѣжали предъ ними до Мансуры; Еще однажды, и опять напрасно, Султанъ просилъ мира, предлагая возвратить Іерусалимъ. Получивъ отказъ, онъ рѣшился отчаянно защищать свое царство, и Нилъ,

благодетель его предлесть, сдѣлаясь ему первымъ замѣтникомъ.

Три недели безопасно стояло войско Христіанское, въ виду Магометаѣ, когда стали подыматься воды Нила; пользуясь наводненіемъ, флотъ Египетскій проникъ, боковыми каналами, между Даміеты и става крестоносцевъ, и отрѣзалъ ихъ запасы. Смятенные вожди рѣшились отступить ночью; но жъные воины неосторожно замглаи пламя и пламя обмарижало тайму отступленія. Всадники Турецкіе толпами бросались на отступавшихъ въ беспорядкѣ враговъ. Король Іоаннъ, съ Храмовниками и Страннопримными, отразилъ первое нападеніе; но на савдуюшую ночь, во время отдыха дружинъ, Султанъ велѣлъ отереть всеяплотины, и вода Нила съ шумомъ налялули на спленихъ; Турки стояли на высокихъ мѣстахъ, готовые устремиться къ бою; крестоносцы скитались по наводненной долинк: всадники и пѣше узавали въ тгитъ, бросая оружіе, коней и всея обзавы; блаотвенное зрѣлише сіе напоменале полнана Фараоневы, потонялемы въ Черномъ морѣ, и падивный. Легаты не уступале въ савстоженіи Фараону. Посреди жалобнаго вопля и проклятій глбушаго войсва, онъ принужденъ бавѣ послать умрале. а митръ гардахъ враговъ, енде недавно обрававшихъ къ нему съ тою же врасилою, и въ свою очередь враги не хотали слынахъ о мврѣ. Всехъ болѣе упаротвовале Султанъ Дамасскій, закостанній во враждѣ противъ Христіанъ; но братъ его, Султанъ Елвца, болѣе проткій, опасале нашествія

Императора; рѣшился пощадить ихъ, для будущаго спокойствія своей державы. — Онъ послалъ собственнаго сына, въ залогъ мира, къ престолоснамъ, а съ ихъ стороны Король Іерусалимскій, Герцогъ Баварскій и самъ Легатъ, остались заложниками въ станъ Магометанъ, до сдачи Даміеты и Таяиса... Но въ Даміетъ, куда прибыли свѣжія дружины престолосцевъ, не хотѣли вѣрять поразенію подъ Мансуромъ и сдать городъ. Посланные отъ Короля объявили пришельцамъ Запада, что они принуждены будутъ; въ случаѣ ихъ упорства, сдать Игголеманду вмѣсто Даміеты; желая хотя нѣсколько ихъ утѣшить, послѣ столь бѣдственнаго пораженія, имъ сказали радостную вѣсть, что Турки обязались возвратити наконецъ Христіанамъ честное древо креста, взятое Саладиномъ въ битвѣ Тиверіадской, которое было въ пачину: больше тридцати лѣтъ, какъ нѣкогда кивотъ завета Божія у Филистимлянъ. Возращеніе сего сокровища стоило победы для благочестивыхъ. Даміета оставлена была Туркамъ; но въ извѣщенномъ станѣ Христіанъ открылась голодъ и бѣдѣны. Король Іоаннъ пришелъ умолять Султана о спасеніи своего войска; трогательно описываетъ сіе свиданіе современная летопись. Король съелъ противъ Султана и сталъ плакать; но чѣмъ плачущиы, Государь въ широкія его Султана. — «Я плачу, отвѣчалъ ему Король; видя гибель народа, который взиралъ на мнѣ Богъ.» Умиллся Султанъ, слезами Короля, и самъ началъ плакать; онъ послалъ къба истомленнымъ: отъ голода. Съ горестію и стыдомъ возвратилось вой-

свои крестоносцевъ, попрощемъ недавнихъ своихъ побѣдъ, въ сопровожденіи одного изъ братьевъ Султана, мимо Даміеты, гдѣ уже развѣвались знамена Турокія. Съ плачемъ встрѣтила Птоломанда тѣхъ коня отпускала съ радостными кликами; вся слава, все торжество было на сторонѣ Магометанъ. Такъ бездвѣнно кончилась шестой крестовый походъ, вооружившій весь Западъ, по зову Первосвященника и цѣлаго собора; но все еще не остыла страсть къ битвамъ съ невѣрными!

XXXII.

СЕДЬМОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ.*

Императоръ Фридрихъ II.

Неудачное покушеніе на Даміету, еще болѣе возбуждало Папу Гегорія III. дѣйствовать въ защиту Христіанъ Палестинскихъ; чтобы внушить ту же ревность Императору Фридриху II, онъ старался устроить бракъ его съ Иоландою, дочерью и наследницею Короля Иерусалимскаго. Сантъ Іоаннъ, съ Патриархомъ и Великими Магистрами трехъ ор-

* Histoire des Croisades, liv. 92, 94.

демонъ, призваны были на совѣщаніа въ Италію. Императоръ поклялся защищать новое свое наследіе и подвергался отлученію церковному, въ случаѣ нарушенія обѣта. Король Іоаннъ посетилъ и прочихъ властителей Европы, требуя отъ всѣхъ помощи; но уже не засталъ въ живыхъ своего благодѣтеля Филиппа Августа, Короля Франціи. Императоръ и Папа, съ своей стороны, возбуждали всѣхъ грамотами къ миру и общему вооруженію противъ неверныхъ, представляя имъ жалобы Христіанъ Востока. Православный Патріархъ Александрійскій, удержавшійся на своей кафедрѣ, писалъ, отъ лица всего клира, жалостное посланіе къ Святителю Римскому, умоляя его вступить за страждущихъ своихъ собратій въ Египтъ и Палестинѣ. «Насъ обременяють налогами, и ежели мы не въ силахъ ихъ заплатить, ввергаютъ въ темницу; всякой непременно долженъ внести за себя, по Византійскому червонцу, безъ разбора возраста и состоянія! Если церковь падаетъ, ее не позволяютъ обновлять; мы не можемъ носить мертвыхъ нашихъ по улицамъ въ сопровожденіи креста; насъ употребляютъ на самыя постыдныя работы, для очищенія городовъ, къ повору всего Христіанства. Не забудьте и бѣдственнаго опустошенія Іерусалима, который теперь носитъ только названіе города.»

Слухъ о ромскихъ приговорахъ могущественнаго властителя Запада, въ защиту Св. мѣстъ, достигъ и до отдаленной Грузіи. Ея воинственные жители, безпрестанно воеваніе съ Турками и Пер-

сами, окропая, славою оружія и богатыми даяніями, ролсивенныя свои обители въ Св. градѣ, гдѣ они пользовались особенными преимуществами, ибо Турки боялись раздражить странниковъ своихъ городовъ. По свидѣтельству современнаго Епископа Итолеманды, Іакова Витрійскаго, Грузины одни только имѣли право посѣщать Св. мѣста, безъ даянтя какой либо дани, и ходить верхомъ съ оружіемъ по улицамъ Св. града. Когда услышали они о разореніи станъ Іерусалимскихъ, Султаномъ Дамаскимъ Коррадиномъ, весь народъ, оскорбленный такимъ поруганіемъ града Божія, поклялся отомстить его врагамъ; но страшное нашествіе, Монгольскихъ ордъ Чингисъ-Хана, остановило воинственный порывъ. Славнѣйшая изъ всѣхъ влестителей Грузіи, Царица Тамаръ, которую называли Царемъ на Востоцкѣ, по ея побѣдамъ, старалась поддержать Св. мѣста, если не оружіемъ, то богатыми милостынями. Не щадя своихъ сокровищъ, она украсила храмъ Св. гроба и Голгофы, и собственный монастырь Св. креста, принадлежавшій Грузинамъ близъ Іерусалима; царственныя ея заботы распространялись и на опустѣвшія церкви въ Галилеи и Антиохіи; и на островъ Кипръ основала она цѣлую обитель, и въ горѣ Аѳонской обновила прішедшій въ ветхость монастырь Іверскій. Казнохранитель ея Шота Руставель, самый знаменитый изъ поэтовъ Грузіи, по своей героической poemѣ Барсова кожа, движимъ былъ тѣмъ же благочестіемъ, какое одушевляло и восдвѣтую имъ Царицу; въ преклонныхъ уже лѣтахъ, принялъ онъ на

себя образъ инокскій и, посѣтивъ странникомъ Иерусалимъ, основался навсегда въ Иверской обители Св. креста; тамъ окончилъ дни свои, оставивъ по себѣ благоую память, щедрою милостынкою въсѣмъ обителямъ Палестинскимъ. Имя великой Тамари близко и Русскому сердцу, по ея брачному союзу съ однимъ изъ Князей Русскихъ, Георгіемъ, сыномъ В. Князя Андрея Боголюбскаго, и хотя несчастливъ былъ бракъ сей, но плодомъ его была именитая дочь, Царица Русуданъ, не уступавшая матери, славою своихъ побѣдъ и благодѣяніями Св. земель, въ теченіе долгаго царствованія. Тамъ, два женскія имени стоятъ на высшей точкѣ славы државы Грузинской, ибо это былъ золотой вѣкъ ея, не смотря на жестокія войны съ Татарами. Тамаръ, услышавъ о вооруженіи Императора, писала Первосвященнику Римскому, что главный военачальникъ ея дружинъ, съ большимъ войствомъ, готовъ выступить на помощь западнымъ пришельцамъ, и что она ожидаетъ только вѣсти, о приходѣ Императора въ Палестину, чтобы двинуть свои полки. Такимъ образомъ крестоносцы восточные простирали руку западнымъ, для тойже священной цѣли — Иерусалима.

Однако Императоръ медлилъ, озабоченный войною съ республиками Италіанскими. Онъ испросилъ себя у Папы двухлѣтнюю отсрочку похода и подтвердилъ прежнія клятвы, при совершеніи брака съ Иоландою, которую вѣнчалъ самъ Пана, Императрицею и вмѣстѣ Королевою Иерусалима. Пер-

* Лѣтопись Грузинская Вахуштїа.

вымъ дѣйствіемъ Фридриха, послѣ брачнаго торжества, было отстраненіе тещи своего отъ всякаго участія въ дѣлахъ Палестины, ибо, уже онъ смотрѣлъ на него, какъ на соперника. Доблестный витязь должишь былъ оставить царство, огражденное его побѣдами, и напрасно искалъ себѣ суда у престола Римскаго и другихъ властителей; столь же странная судьба, какая поставила его простымъ рыцаремъ на престолъ Іерусалимскій, повела въ послѣдствіи развѣчаннаго Короля, на шаткій престолъ имперіи Латинской въ Царьградъ, и онъ, подддержалъ ее нѣкоторое время, побѣдами надъ Греками и Болгарами. Наскучивъ заботами царственными и подвигами воинскими, до шестидесятилѣтній Іоаннъ рѣшился посвятить безмелію послѣдніе дни свои, и подѣ рясою монашескою, которой обрекалъ себя еще съ первыхъ дней юности, окончилъ многотрудный подвигъ жизни.

Уже многія тысячи крестоносцевъ собраны были, по зову Императора, въ Кадабрин, ожидая только желаннаго повелѣнія для отплытія. Папа Григорій IX, не уступавшій силою своего характера Иннокентію III, возбуждалъ непрестанно Фридриха къ исполненію даннаго обѣта, и покорился ему Кесарь; но едва вышелъ онъ изъ пристани, какъ внезапно буря разсыла флотъ его и Фридрихъ, страдая самъ морскою болѣзнію, возвратился въ свои предѣлы. Тогда пылкій Первосвятитель Рима, праздновавшій отплытіе Императора, какъ церковное торжество, въ дорывѣ негодованія, предалъ его анаемѣ, за несоблюденіе священнаго обѣта, и

не хотѣлъ слышать о помилованіи; онъ видѣлъ въ немъ опаснѣйшаго врага собственной державѣ, потому что Фридрихъ болѣе думалъ о утвержденіи владычества въ Иудеѣ, нежели о спасеніи Палестины. Между тѣмъ, Патріархъ Іерусалима, съ Великими Магистрами, не престававъ звать о защитѣ, и Папа обращалъ жалобы ихъ въ жестокіе укоры противъ отлученнаго имъ Императора. Съ другой стороны Султанъ Египта Малекъ Хамилъ, устрешенный молвою о его воинскихъ приготвленіяхъ, и находясь во враждѣ съ братомъ своимъ Султаномъ Дамаска, отпривилъ посольство къ Фридриху, съ богатыми дарами, предлагая въ знакъ пріязни уступить ему Іерусалимъ. Обрадованъ и вмѣстѣ изумленъ такому неожиданному предложенію Фридрихъ, и опасаясь возвращенія въ Св. землю законнаго Короля Іоанна, рѣшился предупредить его. Съ великимъ торжествомъ объявилъ онъ подданнымъ, о намѣреніи своемъ плыть въ Палестину, и даже велѣлъ всепародно прочесть духовное завѣщаніе. Императоръ отплылъ наконецъ, на двадцати галерахъ, съ шестью стами рыцарей, оставивъ большую часть своихъ войскъ въ Сициліи, для охраненія отъ притязаній Римскихъ; ибо жестокій его противникъ Папа Григорій, не только не умилоствовалъ при вѣсти объ отплытіи но даже подтвердилъ противъ него анаѣему са то, что не искалъ разршенія церковнаго прежде похода. Вмѣсто благословеній, онъ молилъ Бога сокрушить замыслы горделиваго и клятва сія отозвалась Императору въ Палестинѣ. Принятый

сперва съ почестію въ Птоломаидъ, Патріархоу и Великими Магистрами, какъ освободитель и Король Іерусалима, онъ немедленно былъ всеми оставленъ, лишь только пришло извѣстіе отъ Папы; чрезъ двухъ нарочно посланныхъ имъ монаховъ, объ отлученіи перивіонъ Фридриха. — Такъ честолюбивый Григорій уничтожилъ самъ успѣхъ проповѣданнаго имъ похода.

Измѣнились для Фридриха и отношенія его съ Султаномъ Египетскимъ, который лишился около сего времени брата своего и соперника, Султана Дамаскаго, и уже неохотно уступалъ Императору Палестину, потому что самъ хотѣлъ себя присвоить достояніе сына Коррадинова. Малекъ Хамилъ стоялъ съ войскоу близъ Іерусалима; Фридрихъ выступилъ противъ него изъ Птоломаиды, однако отправилъ отъ себя посланниковъ въ станъ Сарацинскій, предвѣрить Султана, что онъ не завоевателемъ приплылъ въ Азію, а только для того, чтобы получить мирно свое законное наслѣдіе, Іерусалимъ. Затруднительно было положеніе Малекъ Хамиля, ибо обѣщалъ Эмирамъ Сиріи отстоять Св. градъ, чтобы быть избраннымъ отъ нихъ на престолъ Дамаскій, а между тѣмъ, по прежнимъ условіямъ, уже уступилъ его Императору. Съ почестію принялъ онъ посланниковъ, и въ дружескихъ переговорахъ, какіе возникли между Кесаремъ и Султаномъ, обнаружилось взаимное ихъ уваженіе. Грохко было имя Фридриха на Востокъ и велика молва, о его учености и обширныхъ царствахъ, хотя самъ онъ, по выраженію лѣтописей Арабскихъ,

ради своего дѣшного бразила, ничего не считая, если бы продавать его какъ раба на персидшѣ; но блескъ величія царскаго, конемъ любилъ окружать себя Фридрихъ, затмѣвалъ сей недостоинствъ въ глазахъ Востока. — Достойнаго себя, союзника ищущъ, онъ и въ Султана Малекъ Хамиль, кроткомъ и образованномъ, страстно любящемъ поэзію, и уже однажды оказавшемъ свое великодушіе Христіанамъ, спасеніемъ ихъ войска на водахъ Нила. Въ совѣщаніяхъ, между противными се обѣихъ сторонъ, болѣе говорили о философіи Аристотеля и ученыхъ трудахъ Аверроеса, нежели о вѣрѣ; оба властителя, казалось, мало цѣнили обладаніе Св. градомъ, хотя онъ былъ предметомъ ихъ переговоровъ. Малекъ Хамиль видѣлъ въ немъ не святилище Мусульманъ, а только развалины церквей и домовъ; и Фридрихъ отзывался довольно равнодушно о Сіонѣ, въ письмѣ своемъ къ Султану: «я другъ твой; ты знаешь, сколько я выше всѣхъ Князей запада; ты пригласилъ меня сюда; Короли и Цари извѣщены о моемъ походѣ: если возвращусь безъ желаемого успѣха, потерю всякое уваженіе между ними. — Иерусалимъ не есть ли колыбель вѣры Христіанской? и не вы ли его, обрушили? городъ сей теперь въ крайнемъ убожествѣ. Прошу тебя, уступи его мнѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ теперь, дабы, по моемъ возвращеніи я могъ поднять чело мое предъ всѣми Царями; — отрекаюсь впередъ отъ всякихъ другихъ выгодъ сего приобрѣтенія!»

Странное было зрѣлище, въ семъ крестовомъ

некогда, двухъ великихъ Государей, совершенно противоположныхъ широту, сближенныхъ взаимною терпимостию, отчасти и равнодушіемъ, которые идя только желали мира, когда все вокругъ нихъ было незнакомо. Въ обихъ словахъ, Христіанъ и Магометанъ, всё одинаково роняли на своихъ владетелей, за ихъ взаимное сближеніе и богатые дары, какими чествовали другъ друга. Муезинны или глашатаи скликали къ молитвѣ, въ ежедневныя часы, предъ самымъ шатромъ Султана, какъ бы для того, чтобы напомнить о забытой вѣрѣ тому, кто измѣнилъ ихъ пророку и славу Саладиновой. И въ станѣ Христіанскомъ ничего не дѣлалось именемъ Императора, отлученнаго отъ Церкви, а во имя Иисуса Христа и республики Христіанской. Императоръ долженъ былъ опустить свое знамя; рыцари Храма и Странопріимные отдѣлялись отъ войска, и даже первые предложили Султану выдать Фридриха, когда онъ хотѣлъ посетить берега Лордана; но Малекъ Хамиль отвергъ съ презрѣніемъ такое предложеніе.

Посреди внутреннихъ, обоюдныхъ неустройствъ, Императоръ и Султанъ заключили наконецъ перемиріе на десять лѣтъ, съ тайнымъ условіемъ: Малекъ Хамиль уступалъ Фридриху Іерусалимъ, Вифлеемъ и всѣ селенія, на пути отъ Св. града къ Яфѣ и Птолемамдъ, Назареть и Сидонъ съ ихъ округами. Христіанамъ дозволялось возстановить стѣны Яффы, Кесаріи и Сидона, а Магометане сохраняли въ Іерусалимѣ мечеть Омарову и свобод-

ное богослуженіе; княжество Антиохійское и граство Триполійское не включены были въ договоръ; но Императоръ обязывался, съ своей стороны, отклонять Франковъ отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ подданныхъ Султана. — Общее негодование вспыхнуло при оглашеніи договора, столь святотатнаго въ глазахъ обонхъ народовъ; горьке плакали Магометанскіе жители Іерусалима, оставляя дома свои, и проклинали имя Малекъ Хамилля; поэты Востока оплакивали, въ жалобныхъ вѣсняхъ, судьбу Св. града, выданнаго врагамъ. Въ столицѣ Сиріи, первый имамъ всенародно возгласилъ въ мечети хвалу Іерусалиму и возбудилъ общій плачь, воспоминаніемъ сей горькой утраты; Малекъ Хамилль принужденъ былъ даже писать къ Халифу, чтобы оправдать свой поступокъ. — Съ другой стороны, Епископы Латинскіе громко возиали противъ нечестиваго договора, который дозволялъ въ Св. градѣ служеніе лжепророка подлѣ истиннаго богослуженія, какъ бы смѣшивая обзвѣры; Архіепископъ Кесаріи наложилъ запрещеніе на Св. мѣста, святотатно искупленныя Императоромъ. Патріархъ Іерусалимскій Гарольдъ запретилъ посѣщать ихъ благочестивымъ поклонникамъ, какъ будто Іерусалимъ уже пересталъ быть наследіемъ Христовымъ, и онъ написалъ сильное опроверженіе на каждую статью мирнаго договора.

Мертвое молчаніе царствовало на стогнаѣ Іерусалима, когда Императоръ, въ царственной одеждѣ, окруженный своими баронами и рыцарями Тевтоническаго ордена, торжественно вступалъ въ

Св. градъ. Онъ взялъ въ храмъ Воскресенія для царскаго вѣнчанія; но храмъ заблаговременно былъ весь обтнанъ черными, какъ бы пригото- вленный къ погребальному зрѣлищу. Не нашлось и Епископовъ для вѣнчанія; послѣ краткой молит- вы, Фридрихъ велѣлъ возложитъ золотой вѣнецъ на главный престолъ; ибо все духовные благодѣ- ли Св. гроба бѣжали изъ святаянца, какъ бы ви- дя въ немъ мерзость запустыня, предсказанную Давидомъ Пророкомъ. Государь принужденъ былъ самъ взять, съ престола, царскій вѣнецъ и воздо- жить своеручно на главу свою, безъ всякаго цер- ковнаго обряда; рыцари провозгласили его Коро- лемъ Иерусалима, ибо, у подножія завѣшанныхъ трауромъ алтарей, видны были только мечи и копья, и одни лишь клики воинскіе огласили священныя своды.

Тотчасъ послѣ своего коронованія, Императоръ написалъ грамоты Папѣ и Королю, извѣщая о широкое приобритеніи Св. града, и просилъ водать хвалу Богу за столь чудное его избавленіе; не силою коней и колесницъ, но слабыми средства- ми, какія обыкновенно употребляетъ промыслъ Бо- жій для совершенія таинственныхъ своихъ судьбъ. Въ то же время Патриархъ Гарольдъ писалъ Папѣ Григорію, и всѣмъ вѣрнымъ западныхъ предѣламъ, жалобное посланіе, противъ позорнаго перемирія Ке- саря съ Султаномъ, и что же?— Первоверховный Рим- ской опланилъ завоеваніе Иерусалима, какъ бы вте- ричную его утрату, и сравнивалъ Фридриха съ не- честивѣйшими изъ ветхозавѣтныхъ Царей Іудей;

живомъ Божіимъ; поставленныхъ на престолѣ Иерусалимоцій. Бывало самыя ужасныя преступленія изглаживалась, страствованіемъ къ Св. мѣстамъ или крестовымъ походомъ, а Фридрихъ не могъ просить себя прошенія, даже за освобожденіе Св. мѣсть, и громъ проклятія продолжалъ раздаваться надъ набавителемъ Иерусалима. «Дворъ Римскій; возкаичалъ огорченный Кесарь, не хочетъ, чтобы струи Иордана свободно текли опять для всего міра!»

Не болѣе двухъ дней могли оставаться Императоръ въ Иерусалимѣ, и то въ домъ кадія Набулускаго, Эмира Шемаддина, которому приказано было отъ Султана строго наблюдать, чтобы не случилось чего либо неуряднаго съ Императоромъ; но въ первый день кадіи позабылъ запретить мушкетерамъ облачный крикнуть къ, съ вершины минаретовъ, и одинъ изъ нихъ, чтобы отмстить Государю Христіанскому за временное обладаніе Иерусалимомъ, нарочно воагласилъ, съ сѣдлаго минарета, спики корона, оскорбительные для Христіанскаго сунка. Кадіи, смуганный такою дерзостію, строго запретилъ мушкетеру воагласять въ сѣдующую ночь; когда же на другой день Фридрихъ, разумный языкъ Арабскій, спросилъ почему болѣе не слышать молитвенныхъ кличовъ? и кадіи робко извѣдился предъ нимъ. — Императоръ сказалъ: «наприсно Магометане, оставяютъ, для меча, что либо относящееся до нѣтъ вѣры и закона, ибо въ Христіанскихъ областяхъ, никто бы не изменилъ для императора, бопослужебныхъ обрядовъ;» какъ говоритъ о немъ историкъ Арабскій.

Патріархъ Досеѣй, въ исторіи своей пишетъ, что Императоръ Фридрихъ поставивъ въ Св. градѣ незаконнаго Іерарха Латинскаго, вмѣсто православнаго Пречистаго (который былъ тогда Левитинъ); но изъ словъ его не видно, чтобы сей послѣдній вынужденъ былъ удалиться, ибо Фридрихъ оказывалъ терпимость во всемъ исповѣданіямъ. Императоръ, возвративъ въ Птолемаиду, напелъ въ ней всѣхъ своихъ подданныхъ раздраженныхъ противъ него за несчастный союзъ съ невѣрными. Патріархъ наложилъ запрещеніе на городъ, во все время пребыванія въ немъ Фридриха; богослуженіе остановилось, сняты были убранства съ алтарей, иконы завѣшаны, открыты мошки, не слышалось ни звука колоколовъ, ни духовныхъ гимновъ; священники тайно совершали литургію въ заключенныхъ храмахъ, жертвъ хоронили безъ всякаго отпиванія! — Такъ приняла въ Птолемаидѣ освободителя и законнаго Государя Іерусалима. Это происходило во дни страстной недѣли, и тѣмъ ужаснѣе были запрещеніе и клятвы церковныя. Императоръ долженъ былъ договариваться съ своими Христіанскими подданными, какъ съ невѣрными, и не видя успѣха, раздражилъ ихъ жестокими мѣрами. Онъ велѣлъ затворить врата городскія и не допускать жизненныхъ припасовъ, разставилъ повсюду своихъ воиновъ, чтобы наносить оскорбленія Храмовникамъ и богомольцамъ, и даже иноки ордена Францискаускаго, проповѣдавшіе противъ него, подверглись торговой казни. Взаимная ненависть Государя и

его подданныхъ возрасли до такой степени, что онъ долженъ былъ наконецъ оставить Птолемаиду, особенно когда получилъ извѣстіе, о вторженіи войскъ Писскихъ въ его предѣлы, подъ начальствомъ бывшаго Короля Іерусалимскаго. Фридрихъ успѣшилъ оставить Птолемаиду, и день его отплытія торжествовали какъ день избавленія отъ лютаго врага. Онъ обвинялъ въ измѣнѣ Храмозниковъ; они же обвиняли его въ намѣреніи выдать Султану всѣ города Христіанскіе; но правильнѣе можно бы было обвинить его за то, что ничѣмъ не упрочилъ пріобрѣтенія Іерусалима; ибо далъ возможность Султану Египта овладѣть и Дамаскомъ, и не обновилъ даже разрушенныхъ стѣнъ Св. града. Возвратясь въ Италію, Императоръ разсылалъ войска Папы Григорія и Короля Іоанна; но подвергся еще жесточайшей анаэемъ, которая сдѣлала ему чуждыми всѣхъ его близкихъ, ибо распространялась на каждаго, кто только будетъ съ нимъ въ сношеніи; такимъ образомъ, побѣдитель долженъ былъ испрашивать собѣ мира у побѣжденнаго, и въ свою чреду уступилъ надѣшницѣ Григорій.

XXXIII.

ОСЬМОЙ ПОХОДЪ. — НАШЕСТВІЕ ОРДЫ ХОВАРЕЗМІЕВЪ.

Между тѣмъ, въ теченіе десятилѣтняго перемирія между Императоромъ и Султаномъ, беззащитные Христіане Палестины подвергались всякаго рода бѣдствіямъ. Жители Св. града, не огражденнаго стѣнами, безпрестанно опасались нападений Сарацѣнскихъ; и не разъ вопли дикихъ Арабовъ заставляли ихъ искать спасенія въ башнѣ Давидовой, которая одна уцѣлѣла посреди развалинъ. Латинскій Патріархъ Іерусалима, съ баронами и Манастрами трехъ орденовъ, продолжали обитать въ Птолемаидѣ; лишенные Царя, за отсутствіемъ Іоанна Бріенскаго и самаго Фридриха, напрасно зывали къ Западу, остывшему въ ихъ скорбямъ, вопль стальныхъ неслучныхъ покушеній. Папа

Григорій, желая опять возбудить духъ крестовыхъ битвъ, угашаемый его личною враждою съ Императоромъ, пригласилъ его на соборъ, съ тремя Латинскими Патріархами, Царьграда, Антиохіи и Іерусалима, и поручилъ проповѣдывать новый походъ, монахамъ Доминиканскимъ и Францисканскимъ; онъ написалъ самъ окружныя посланія, не только къ владѣтелямъ Христіанскимъ, но даже къ Султану Дамасскому и Халифу Бардада, убѣждая ихъ принять Христіанство и угрожая небесною казнію въ случаѣ необращенія. Нѣсколько Князей Франціи подвиглись на зовъ Первосвященника Римскаго, въ числѣ ихъ Теобальдъ Король Наварскій и два Герцога, Бургундскій и Британскій, ибо изъ Франціи истекали всегда лучшіе воители крестовыхъ битвъ, по ея рыцарскому духу. Уже они готовились отплыть въ Палестину, когда зовъ малолѣтняго Императора Балдуина едва не отвлекъ ихъ силы къ бѣдствующему, подъ властію Латинскою, Царьграду; его не могли довольно охранить, отъ нападенія Грековъ и Булгаровъ, победы престарѣлаго Короля Іерусалимскаго Іоанна, тестя Балдуинова. Другой голосъ, самаго Папы Григорія, возбудившаго походъ сей, внезапно раздался противъ него, къ общему соблазну Христіанъ; ибо новая вражда вспыхнула между нимъ и Императоромъ, и онъ хотѣлъ обратить въ свою защиту крестовыя дружины. Съ негодованіемъ отвергли всѣ такое нечестивое предложеніе и поспѣшили въ Сирію, гдѣ ихъ ожидало горькое пораженіе.

Крестоносцы нашли Востокъ въ такомъ же смя-

телию, какъ и оставленный ими Западъ. По окончаніи перемирія, владѣтель Карака занялъ опять Іерусалимъ и обрушилъ башню Давидову; съ остатками твердыхъ Христіанскихъ, посреди общаго уныніа жителей, которые подверглись еще большимъ оскорбленіямъ. Въ то же время скончался сильный союзникъ Фридриха, Султанъ Египта Малекъ-Хамидъ, и междуособіе вспыхнуло между Князьями Дамаска, Алепа и иныхъ городовъ; они осеревали другъ у друга державу умершаго Султана; но крестоносцы не умѣли воспользоваться ихъ взаимною враждою, и подражали ей своими раздорами, ибо не было между ними настоящей главы. Герцогъ Британскій, одинъ съ своими рыцарями, сдѣлалъ удачный набѣгъ на область Дамасскую, и возбудилъ соревнованіе Герцога Бургундскаго и другихъ бароновъ, которые покусились на добычу въ окрестностяхъ богатой стадами Газы. Король Наварскій, во имени только начальникъ воюемаго, не могъ удержать ихъ безразсуднаго пыла и самъ принужденъ былъ послѣдовать за ними до Аскалона, чтобы подать руку помощи въ случаѣ пораженія. Но на рубежѣ пустыни, напали Сарацины на безвѣщныя толпы крестоносцевъ, изъ коихъ часть хотѣла сражаться, другая же отсутствовать. Герцогъ Бургундскій, съ Графомъ Яффъ, удалились къ Аскалону и просили помощи Короля Наварскаго; но уже было поздно, ибо онъ нашелъ поле битвы, усыпанное трупами своихъ неосторожныхъ сподвижниковъ; Графъ Барскій погибъ въ

• 1240 годъ.

сичь, Алмеринъ гравъ Монсератскій, съ другими баронами, достался въ руки Сарацинъ. Грустно возвратились остальные вожди въ стѣны Птолемаиды, гдѣ возникли между ними жестокия распри. Храмовники и нѣкоторые изъ владѣтельныхъ бароновъ Палестины заключили договоръ съ Эмиромъ Дамаска, чтобы уступить былъ имъ Иерусалимъ; напротивъ того рыцари Страннопріимныи, Король Наварскій и оба Герцога, вступили въ союзъ съ Султаномъ Египта, обещая защищать его противъ Магометанскихъ властителей Сиріи; — посреди столь пavorной распри, крестоносцы Французскіе внезапно оставили Св. землю.

Другіе пришельцы Запада замѣнили ихъ въ Сиріи; доблестный братъ Короля Англіи, Рихардъ, Герцогъ Корнувалійскій, съ цѣлкомъ рыцарства своей земли. Одно имя его, напоминавшее Львиное сердце его ляди, уже оживило упавшій духъ Христіанъ Палестинскихъ. Духовенство и народъ Птолемаиды встрѣтили его съ крестами, при пѣніи гимновъ: «благословенъ грядый во имя Господне!» Не послѣ нѣсколькихъ усилковъ надъ непріателемъ, Рихардъ былъ оставленъ въ одне время, и Храмовниками и Страннопріимными, которые не хотѣли нарушить взаимныхъ договоровъ своихъ съ Султаномъ Дамаска и Египта; Герцогъ, не видя себя никакой помощи отъ природныхъ жителей Сиріи, принужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ битвъ и возобновилъ мирный договоръ съ Египтомъ. Онъ только могъ вырвать освобожденіе пльнниковъ Христіанскихъ и дозволеніе потребности

падшихъ въ битвѣ подѣ стѣнами Газы. Посѣтивъ, поклонникомъ Св. градъ, вторично освобожденный имъ по мирному договору, благочестивый Герцогъ возвратился въ свои предѣлы, чрезъ Италію, гдѣ съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ принялъ его зять, Императоръ Фридрихъ, настоящій Король Іерусалима. Рихардъ не могъ однако примирить его съ неумолимымъ Папою Григоріемъ; вражда сія, между Церковію и имперією, продолжалась и при Иннокентіѣ IV, его преемникъ, оставляя Іерусалимъ бѣдственной его участи.

Пользуясь возстановленіемъ мира съ Сарацинами и внутренними ихъ раздорами, Христіане Іерусалимскіе начинали уже возвращаться въ свои жилища и обновлять опустѣвшіе храмы, когда внезапно ихъ настигло новое, жесточайшее бѣдствіе. Съ Востока нахлынула буря, разразившаяся надъ Св. градомъ. Еще въ исходѣ XII вѣка, образовалась на отдаленномъ краю Азіи, въ пустыняхъ Монголіи, исполинская держава Чингисъ-Хана, изъ множества соединенныхъ ордъ, и несмѣтныхъ полчища, сего новаго повелителя вселенной, быстро покерили обширную имперію Китайскую, всю независимую: дотолъ Татарію и сильное государство Магометъ-Шаха Хорасанскаго, у предѣловъ Индіи. По смерти Чингисъ-Хана, сынъ его Октай-Ханъ наследовалъ его исполинское царство, и раздѣливъ войска на четыре части, послалъ ихъ, подѣ руководствомъ братьевъ своихъ, покерить себѣ вселенную; страшнымъ потокомъ разлились они по ужаснувшейся землѣ. Тогда пострадало и наше

отечество отъ кровопролитныхъ полчищъ Батыя, и дрогнула вся Европа, въ ожиданіи варваровъ, уже перешедшихъ за предѣлы горъ Карнатскихъ; но все сіе тяжкое иго обрушилось на одну Россію, которая послужила оплотомъ всему Западу.

Последнее, изъ четырехъ ополченій Монгольскихъ, обратилось къ Югу, на потомка Селджукидовъ, Гелаль-эдина, который возстановилъ на время сокрушенную державу отца своего Магометъ-Шаха, и тѣмъ навлекъ на себя орды Монгольскія. Онъ палъ въ битвѣ и съ нимъ погубило его царство, опустошенное огнемъ и мечемъ завоевателей; цѣлое племя Ховарезміевъ, преслѣдуемое варварами, подъ предводительствомъ вождя своего Барбакана, устремилось въ предѣлы Малой Азіи и Сиріи, опустошая все, что встрѣчалось на пути; съ жестокостію, не уступавшею Монгольской. Ужасъ соединилъ разрозненныхъ Князей Сиріи, племени Саладинова, не только между собою, но даже съ Христіанами Палестины, противъ общаго врага. Эмиры Сарацынскіе, Дамаска, Алепа и иныхъ городовъ, уступали Христіанамъ не только Іерусалимъ и всю Галилею, но даже обѣщали сдѣлать ихъ участниками въ завоеваніи Египта; ибо Султанъ Каира, чтобы одолѣть враговъ своихъ въ Сиріи, призвалъ къ себѣ на помощь страшное племя Ховарезміевъ, и двадцать тысячъ сихъ дикихъ всадниковъ восторглись, по первому зову его, изъ глубины Месопотаміи, за Евфратъ и Іорданъ.

Опустошеніе Галилеи предварило Христіанъ Св.

1243 годъ.

града, о приближеніи страшнаго врага; все народонаселеніе бѣжало, подъ прикрытіемъ рыцарей Храма и Странноприимныхъ, оставивъ въ Іерусалимѣ однихъ болящихъ и тѣхъ, которые не рѣшились бросить близкихъ своихъ и дома. Варвары проникли безъ всякаго сопротивленія въ городъ и умертвили всѣхъ до послѣдняго человѣка. Но убійство сіе не удовлетворило ихъ кровавой жаждою; они умыслили жестокою хитростю, чтобы привлечь еще болѣе жертвъ. Большая часть варваровъ удалилась на малое разстояніе отъ разореннаго города; нѣкоторые изъ нихъ, оставшись въ немъ, подняли опять на башняхъ хоругви креста и стали звонить въ колокола, чтобы обмануть окрестныхъ жителей. Толпа Христіанъ, спасшихся отъ кровопролитія, медленно подвигалась по дорогѣ къ Яфѣ, въ надеждѣ, что смилуетя надъ ними Господь и возвратитъ ихъ въ дома отеческіе. Внезапно услышали они привѣтный звукъ благовѣста, и нѣкоторые съ вершины горъ увидѣли даже крестныя хоругви; радостная надежда, которой всѣ жѣлали вѣрить, о удаленіи варваровъ, пробудилась въ сердцахъ многихъ, и семь тысячъ изъ числа бѣжавшихъ возвратились опять въ Іерусалимъ. Но едва вошла она въ опустѣвшій городъ, какъ опять варвары съ воплемъ на нихъ устремились, и беззащитныя Христіане еще однажды некали спасенія въ бѣгствѣ подъ мракомъ ночи; почти всѣ погибли или были взяты въ плѣнъ, въ сосѣднихъ ущельяхъ, гдѣ ихъ ожидала засада. Дикіе завоеватели не пощадили ни возраста, ни пола, ни святыхъ храмовъ; безче-

ловично избили они, у подножія самыхъ алтарей, толпу робкихъ иноѣвъ, укывшуюся въ храмъ Воскресенія. Мало было живыхъ для удовлетворенія ихъ алчности; они раскрыли гробы Святителей и Царей, чтобы воспользоваться корыстію мертвыхъ, коснулись даже и священныхъ украшеній гроба Господня и нетлѣнныхъ мощей, хранившихся въ святилищѣ; бѣдствующій Іерусалимъ увидѣлъ еще однажды, въ разоренныхъ стѣнахъ своихъ, все ужасы и святотатства, какія были свидѣтелями при прежнихъ своихъ ирисуахъ.

Между тѣмъ Патріархъ, съ обоеи Магістрами и баронами, совѣщались въ Птолемиадѣ, о средствахъ защиты противъ Ховарезміевъ; по зову пастыря вооружились жители Тира, Сидона и прочихъ городовъ поморія. Войска Сарацинскія, подъ начальствомъ Эмира Эмесокаго, Малекъ-Манзора, соединились съ Христіанами у стѣнъ Птолемаиды, къ взаимному изумленію обоехъ народовъ. Съ поспію принять былъ Малекъ, въ стѣнахъ города, какъ будущій освободитель Палестины и лучший изъ бароновъ язычества, по выраженію современной летописи. Взаимное согласіе Христіанъ и Магометанъ обещало победу надъ врагами; союзное войско выступило къ Аскалону, ибо и орды Ховарезміевъ подвинулись къ Газѣ, ожидая вспомошествованія отъ Султана Египетскаго. Франки потерпѣли отъ него за умерщвленіе братьевъ своихъ въ Іерусалимѣ; но вождь Сарацинскій полагалъ болѣе благоразумнымъ ожидать, чтобы голодъ и неустройство разсылаи дикую орду. По

странному стеченію обстоятельствъ, Патріархъ Іерусалимскій рѣшиль идти противъ враговъ, и ему повиновались Сарацины.

На три части раздѣлился союзная войска; лѣвымъ крыломъ, гдѣ находились рыцари Странноприимные, начальствовалъ племянникъ Короля Іоанна, Валтеръ, Графъ Яефы; правымъ Эмиръ Сарацинскій; Патріархъ, съ честнымъ древомъ креста въ рукахъ, окруженный Великимъ Магистромъ Храмовниковъ и баронами Палестины, занималъ средину и былъ виною поражения, по личной враждѣ своей съ Графомъ Яефы: — пламенный юноша, видя съ какою медленностію строились толпы варваровъ, хотѣлъ устремиться въ ихъ нестройную толпу, и просилъ Патріарха, разрѣшить его отъ клятвы, на него возложенной, за присвоеніе святительскаго замка; дважды отказалъ ему въ томъ неумолимый Патріархъ, а между тѣмъ полчища враговъ успѣли построиться и съ дикимъ воплемъ двинулись впередъ. Тогда Епископъ Вцелесна, самъ вооруженный на битву, сказалъ Графу: «я разрѣшаю тебя отъ неправильной клятвы Патріарха и беру на себя грѣхи твои; устремися на враговъ.» Закипѣла общая кровопролитная сѣча, отъ утра и до вечера, и еще весь слѣдующій день дѣлалась съ тою же яростію; но Эмиръ Сарацинскій первый оставилъ поле битвы и выдалъ Христіанъ, которые уже на въ сѣняхъ были противостоять множеству враговъ. Тридцать тысячъ воиновъ Христіанскихъ и Магометанскихъ пали въ битвѣ или уведены были въ плѣнъ. На-

тріархъ, съ нѣкоторыми изъ Епископовъ и Князей Тира, успѣли бѣжать въ Штолемиду; но изъ рещарей спаслись только не болѣе тридцати трехъ Храмовниковъ и двадцати шести Страннопринимныхъ: — столь ужасна была сія кровопролитная битва. Радостію возшумалъ весь Египетъ при вѣсти о побѣдѣ Ховарезміевъ; пльвиники вступили въ Каиръ при кликахъ народныхъ, имъ въ позоръ выставлены были головы ихъ братьевъ, падшихъ за нѣсколько лѣтъ въ битвѣ около Газы. Пораженіе союзныхъ войскъ Христіанскихъ и Сарацинскихъ расторгло навсегда краткій союзъ ихъ; оба народа приписывали одному всѣ свои бѣдствія. Хоругви креста и жезлорова не могли развѣваться вмѣстѣ, на полѣ сраженія, и самъ Эмиръ Сарацинскій, готовясь къ битвѣ, уже чувствовалъ нѣкій ужасъ, какъ наказаніе за пріязнь съ Франками.

Побѣда Ховарезміевъ предала въ ихъ руки всю беззащитную Палестину; съ помощію ихъ, Египтяне овладѣли опять Іерусалимомъ, Тиверіадою и всеми городами, которые уступалъ Христіанамъ Эмиръ Дамаскскій. Варвары, опустошивъ берега Іордана и окрестности Штолеманды, осадили Яффу и повѣсили на крестѣ предъ ея вратами пльвиника своего, мужественнаго Графа Валтера, въ той надеждѣ, что онъ убѣдитъ своихъ васалловъ сдать городъ. Но доблестный витязъ воскликнулъ съ креста, граждающе Яффу: «долгъ вашъ защитить городъ Христіанскій, а мой умереть за Христа; я и погибъ въ жестокихъ мученіяхъ. Провидѣніе забавило Палестину отъ дивныхъ пришельцевъ, теми же средствами, нами»

ни они въ нее проникли. Султанъ Египетскій послалъ ихъ завоевать Дамаскъ, и городъ сдался, безъ сопротивленія; но вожди сего племени, превознесенные своими побѣдами, начали надмѣнно требовать отъ Султана земель въ Палестинѣ, для своего поселенія, и утраченный такимъ соседствомъ онъ сталъ медлить въ исполненіи своихъ обѣщаній. Тогда раздраженные предложили свои услуги тому Эмиру, у коего недавно похитили область, и осадили Египтъ въ Дамаскъ; отчаяніе поддержало духъ осажденныхъ. Султанъ успѣлъ прислать новое войско изъ Египта и, съ помощію Эмировъ Сирійскихъ, совершенно сокрушилъ, въ двухъ жестокихъ битвахъ, все племя Ховарезмивъ. Оно исчезло столь же быстро, какъ и явилось въ предѣлахъ Сиріи, и даже самое имя его не упоминалось болѣе въ летописяхъ Востока.

Бѣдственно было состояніе Христіанъ Палестинскихъ и послѣ истребленія варваровъ; имъ угрожали соединенныя силы Эмировъ Сиріи, и Султанъ Египетскій, владѣвшій Іерусалимомъ; поморскіе города ихъ оставались совершенно безъ защиты; ибо уже ослабѣвшіе ордены Храмовниковъ и Странноприимныхъ не въ силахъ были охранять ихъ, послѣ двухъ несчастныхъ пораженій близъ Яффы, и даже не могли выкупить своихъ плѣнниковъ изъ темницъ Каира; а между тѣмъ новая дикая орда Комановъ, пришедшая изъ глубины Татарскихъ степей, опустошала предѣлы Антиохійскіе по берегамъ Оронта; Короли Арменіи и Кипра, оба страдали отъ внутреннихъ неурядицъ своихъ областей.

Но свидѣтельству Патріарха Досиея, Король Киликійскихъ Армявъ, испросилъ, у дружественнаго ему Эмира Дамасскаго, обновить Св. мѣста Іерусалимскія, послѣ ихъ разоренія; но благотворительная помощь сія едва не навлекла мщениа Султана Египетскаго на всѣхъ Христіанъ Св. града*. Одна только надежда оставалась бѣдствующимъ жителямъ Сиріи: искать помощи на Западъ; но и тамъ кипѣла нечестивая вражда между Императоромъ Фридрихомъ и Папою Иннокентіемъ IV. Папа, будучи принужденъ бѣжать изъ Италіи, созвалъ противъ него многочисленный соборъ въ Ліонѣ и предалъ его торжественно проклятію, не смотря на ходатайства другихъ Государей. Однако Патріархъ Іерусалимскій и бароны Палестины рѣшились отправить на сей соборъ Епископа Бейрутскаго, чтобы еще однажды, и въ послѣдній разъ, подвигнуть сердца западныхъ братьевъ разсказомъ бѣдствій Св. земли.

* Кн. 8, гл. 20.

XXXIV.

ДЕВЯТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ *.

Людовикъ IX, Король Франціи.

Одна только Франція откликнулась на жалобный зовъ Палестинскихъ братьевъ; ей принадлежала житейская слава перваго крестоваго похода, ей и послѣдняго; Италия и Германія слишкомъ зематы были враждою Императора и Папы; Англія внутренними беззаконіями. Благочестивѣйшій изъ Королей Франціи, Людовикъ IX, признанный святымъ Западною Церковію, почти на смертномъ одрѣ принявъ крестъ и, возставъ отъ болѣзни, подтвердилъ обѣтъ свой; не смотря на жоленія матери своей и духовенства. Вокругъ него собрались все первостепенные бароны королевства; супруга его Маргарита и два брата пожелали ему сопутствовать, а мудрая мать оставалась правительницею Франціи.

* Histoire des Croisés liv. 14, 15, 16, 17, 18.

Еще въ первый разъ, со дня крестовыхъ битвъ, тихо и безъ насилій совершались приготовленія къ походу, ибо благочестіе Короля подавало всемъ назидательный примѣръ; но напрасно, при свиданіи съ Папою въ Лионъ, Людовикъ старался примирить его съ Императоромъ. Иннокентій не вѣрилъ Фридриху, велѣлъ Князьямъ Германскимъ избрать себѣ другаго Императора, и нарекъ Генриха Короля Кипрскаго, внука Лузиньянова, Королемъ Іерусалимскимъ, вмѣсто Фридриха; соблазнительная вражда сія продолжалась, къ стыду и бѣдствію Христіанскаго міра, не только до конца ихъ жизни, но даже перешла и къ ихъ преемникамъ.

Благополучно совершилось плаваніе Короля, отъ береговъ Франціи до Кипра. Тамъ, съ чрезвычайною почестію принялъ его новый Король Іерусалимскій; но несчастный совѣтъ, данный имъ Людовику, провѣсти зиму на его островъ и обратитъ оружіе на Египеть, чтобы въ немъ сокручить всю силу Магометанъ, оказался гибельнымъ для крестоносцевъ, которые утратили свои нравственные силы посреди наслажденій Кипра. Пользуясь краткимъ отдыхомъ, благочестивый Людовикъ старался примирить враждующихъ между собою: въ Палестинѣ; Храмовниковъ съ Странноприимными, Генуезцевъ съ Пизацами, и Короля Армянскаго съ Княземъ Антиохійскимъ; всѣ избирали его своимъ посредникомъ, по славѣ о его царственныхъ и христіанскихъ добродѣтеляхъ. Имя его отдавалось громко по всему Востоку; отовсюду стекались къ нему Христіане Сирій, какъ къ единственному сво-

зу защитнику; самыя орды Татарскія, почтававшія въ Малой Азіи, отравили къ нему посланниковъ съ лестными надеждами, будто желаютъ принять Христіанство. Ужаснулся Султанъ Египетскій Негмеддинъ, сынъ Малекъ-Хамилъ, покорившій всю Сирію своему владычеству. Онъ собралъ полки свои на померіи близъ Даміеты, чтобы отразить страшнаго врага, и самъ болѣеюшій, почти наканунѣ смерти предводительствовалъ войсками. Рыцари Страннопріимные предложили Королю, мирныя договоры съ Негмеддиномъ, оградить благосостояніе Палестины; но все войско крестоносцевъ съ негодованіемъ отвергло такое предложеніе.

Съ наступленіемъ весны, крестоносцы приплыли въ устье Нила, къ стѣнамъ укрѣпленной Даміеты, которая уже была однажды въ рукахъ Христіанскихъ. Въ виду непріятельскаго флота и войска, доблестный Король Франціи, одинъ изъ первыхъ бросился рѣку и вышелъ на берегъ; воины, одушевленные его примѣромъ, пѣшіе и на коняхъ, устремились по волнамъ Нила, на смятенныхъ столь отчаянною храбростію непріятелей; вскорѣ шатры Христіанъ стали на мѣстѣ Сарацинскихъ. Тотъ же ужасъ овладѣлъ и защитниками города; они предали его пламени, умертвивъ прежде почти всѣхъ Христіанъ, и бѣжали къ своему Султану, который, въ порывѣ негодованія, казнилъ виновниковъ позорнаго бѣгства, Съ молебнымъ пніемъ вступили крестоносцы въ опустѣвшую Даміету, не доверяя сами столь легкой побѣдѣ, и уже Египецъ отчаявался о своемъ спасеніи; но Негмеддинъ

не терялъ духа; онъ еще гресилъ Людовика, изъ укрѣпленной Мансурѣ, гдѣ некогда побѣждены были крестоносцы, но неопытности легата Папскаго. Опасаясь той же участи отъ возраставшаго полноводія Нила, Король медленно подвигался впередъ, и оставивъ Даміетту, расположился станомъ на берегахъ Нила; правдою возродила безпорядки въ войскѣ, нѣкоторые изъ вождей не хотѣли повиноваться кроткому Королю, следуя примѣру собственнаго его брата.

Однако все еще благопріятствовало Христіанамъ. Третій братъ Короля, Алфонсъ, Графъ Пиктавнскій, пріѣхалъ изъ Франціи, съ новыми дружинами и казною; воды Нила упали и открыли свободный путь къ Каиру; и самъ могущественней протѣжникомъ Франковъ, Султанъ Негмеддинъ, скончался послѣ долгой болѣзни. Въ сію роковую для Египта минутой, женщина спасла ихъ царство. Умная и прекрасная супруга Негмеддина, нѣсколькими днями, темла его кончину отъ войска; призвала на советъ Эмировъ, которые, по ея внушенію, назвали Сутаномъ сына умершаго властителя, Турк-Шаха, бывшаго въ Дамаскѣ, а между тѣмъ начальство надъ войсками, поручено было опытному Эмиру Факреддину. Когда крестоносцы, въ числѣ шестидесяти тысячъ, належащие на свои силы, приблизились къ городу Мансурѣ, выстрѣнкомъ на раздѣленіи главныхъ рукавовъ Нила, уже Сараньши готовы были принять ихъ; каналъ рѣки болѣе нежели на мѣсяць остановилъ всѣ усилія Франковъ; Греческій огонь истреблялъ ихъ орудія,

не смотря на отчаянную храбрость рыцарей. После столь драгоценной потери времени, Бедуинъ открылъ удобный бродъ черезъ каналъ, но и тогда безразсудное мужество Графа Роберта, брата королевскаго, погубило войско; испросивъ себя начальство надъ передовымъ отрядомъ, устремился онъ, съ малою горстїю храбрыхъ, къ Мансуръ, убилъ вѣжда Сарацинскаго, и самъ нашелъ себя славную оверть въ стѣнахъ города, потому что прочіе рыцари последовали его неблагоразумному примѣру; они оставили Короля, въ опасный часъ переправы, и разсыпались по всему полю битвы, гдѣ въ мелкихъ стычкахъ съ непріателемъ почти все погибли. Эмиръ Мамелукскій, т. е. невольничекъ, составлявшихъ лучшую стражу Султана Негмеддина, Бибарсъ, возстановилъ духъ Сарациновъ, началъ перваго нападенія Графа Роберта; онъ двинувся, съ главными силами на встрѣчу Королю, который еще не успѣлъ построить своихъ полковъ и самъ едва не достался въ плѣнъ непріателю. Ночь прекратила битву, и если Христїане остались обладателями ея страшнаго поля, усѣяннаго ихъ трупами, то самое мужество ихъ труновъ свидѣтельствовало на чужей сторонѣ осталась настоящая побѣда. Уже они не думали осаждать Мансуры, но сами принуждены были выдержать въ станѣ своемъ жестокое нападеніе Сарацинъ, которое совершенно ослабило ихъ силы; заразительная болѣзнь распространилась между ними, отъ неисчисленныхъ труновъ, плававшихъ по Нилу, и голодъ возникъ въ станѣ, отъ прерваннаго сообщенія съ Даміетомъ; это доверши-

ло бѣдствія крестоносцевъ и заставило ихъ помышлять о мирѣ съ новымъ Султаномъ, уже прибывшимъ въ Каиръ. Такимъ образомъ, дважды на тѣхъ же берегахъ Нила, подъ стѣнами той же Мансуры, повторилось бѣдственное поражение Христіанъ.

Людовикъ предлагалъ Султану уступить ему Даміету, въ замѣнъ Іерусалима и прочихъ городовъ Палестинскихъ, и Туранъ-Шахъ соглашался, ибо одинаково опасался мужества крестоносцевъ и измѣны собственныхъ своихъ Эмировъ; но когда дѣло дошло до заложниковъ, онъ не удовольствовался двумя братьями Короля, требуя самаго Людовика; чувство собственного достоинства не позволило баронамъ Франціи выдать своего Государя невѣрнымъ, хотя самъ благочестивый Людовикъ умолялъ ихъ пожертвовать имъ для общаго спасенія. Началось бѣдственное отступленіе, довершившее гибель всего войска. Слабые и болящіе должны были спуститься, на судахъ, внизъ по Нилу къ Даміетѣ; рыцари напрасно уговаривали Короля свѣсть на корабль; онъ хотѣлъ лучше умереть съ своими друзьями, и не иначе какъ въ послѣднихъ отступавшихъ рядахъ, хотя уже изможденный болѣзнію, не въ силахъ былъ не только носить оружіе, но даже держаться на конѣ. Не было бы ему спасенія и на судахъ, ибо всѣ они достались въ руки непріятеля; много Христіанъ погибло въ страшную ночь сію, еще болѣе въ наступившій день, когда съ разсвѣтомъ увидѣли все ихъ безсиліе преслѣдовавшіе Сарацены.

Однако рыцари не переставали биться отступая, доколе самъ Король, въ совершенномъ изнеможении, не былъ взятъ въ плѣнъ, въ одномъ изъ прибрежныхъ селеній. Тогда прекратилась всякая битва, продолжалось одно убійство; болѣе двадцати тысячъ витязей заплатили жизнью за желѣзныя оковы, которыя возложили на руки ихъ Государя, безъ всякаго уваженія къ его высокому сану и еще болѣе высокой добродѣтели; Людовикъ, какъ истинный Христіанинъ, все переносилъ безъ ропота. Въ Мансурѣ, въ убогомъ рубищѣ, содержался плѣнный Король, отвергнувъ пышныя одежды и угощенія враговъ; братья его и бароны томилась такъ же въ другой темницѣ, и толпа воиновъ, которая по бѣдности своей не общала выкуна врагамъ, собрана была, какъ безсловесное стадо, въ одну ограду, отколы ежедневно выводили ихъ по нѣсколько сотъ, для принатія мученической смерти; всѣмъ имъ предлагали отречься отъ Христа, и никто не измѣнилъ своему Богу.

Пользуясь побѣдою, Султанъ предложилъ Королю Франціи, цѣною его свободы, уступить ему Даміету и весь города Палестины; но Людовикъ отвѣтствовалъ, что не имѣеть никакого права распоряжаться достояніемъ чуждымъ. Туранъ Шахъ потребовалъ опять Даміеты и милліона золотыхъ византійскихъ: согласился Король, съ тѣмъ, чтобы завоеванный имъ городъ послужилъ ему выкупомъ, а деньги за его бароновъ; ибо находилъ неприличнымъ, чтобы царственная глава откупалась цѣною золота. На берегахъ Нила назначено было

свиданіе между обоими властителями, въ велико-
льномъ дворцѣ, нарочно для сего устроенномъ;
но по дивнымъ судьбамъ Провидѣнія, торжества
сін обратились въ погребальныя, для самаго по-
бдителя, по ненависти къ нему его Эмировъ. Вождь
Мамелуковъ, Бибарсъ, сдѣлалъ заговоръ противъ
Туранъ-Шака и принудилъ его бѣжать, сперва въ
одну изъ башенъ своего дворца, а потомъ на суда
Франковъ; посреди Нила умерщвленъ былъ юный
Султанъ. При общемъ смятеніи опять провозгла-
сили вдову Негмеддинову властительницею Егип-
та, къ соблазну Магометанъ, коихъ укорялъ по-
сланный Халифа Багдадскаго, за то что покори-
лись женщинамъ.

Благочестивый Людовикъ и всѣ его рыцари едва
не лишились жизни, въ часы народнаго смятенія.
Дважды вторгались въ шатеръ его мятежныя Ма-
мелуки и дерзали обнажать мечъ на доблестнаго
Короля, дважды онъ невольно смиралъ ихъ, своимъ
Христіанскимъ спокойствіемъ, ибо все готовъ былъ
перенести за Христа. — Благоразуміе Эмировъ и
корыстолюбіе простыхъ воиновъ спасли его отъ не-
минуемой смерти; они боялись утратить выкупъ; но,
почти въ самую минуту освобожденія, едва опять не
подвергся Король мученической кончинѣ, когда, по
чувству царскаго достоинства, не хотѣлъ произ-
нести клятвы въ подтвержденіе договора, доволь-
ствуясь однимъ своимъ словомъ; напрасно умоляли
его бароны и самъ престарѣлый Патріархъ Іеру-
салимскій, коему угрожали истязаніями предъ его
глазами; Людовикъ остался непреклоннымъ, и твер-

достою своею не только одолялъ враговъ, но и внушилъ имъ глубокое къ себѣ уваженіе. Они довели его съ честію на суда, ожидавшія остатки дружины Христіанскихъ, при устьи Нила. Тамъ нашелъ царственный труженникъ утѣшеніе въ объятіяхъ вѣрной сунруги, которая сама уже готова была принять смерть, отъ руки одного изъ своихъ приближенныхъ, чтобы только не впасть въ руки невѣрныхъ. Полцѣны выкупа и Даміета сданы были Сарацынамъ; горестно отплылъ Людовикъ въ Штолеманду; тамъ, не смотря на претерпѣнныя имъ неудачи, духовенство и народъ встрѣтили съ крестами пришедшаго къ нимъ во имя Господне.

Не болѣе трехъ сотъ рыцарей оставалось Королю Франціи отъ всей его великолѣпной дружины; съ которою ступилъ онъ на бѣдственную землю Египта; мечъ Сарацынскій истребилъ и большую часть трехъ орденовъ Палестинскихъ; со всемъ тѣмъ Людовикъ колебался оставить Св. землю и двѣнадцать тысячъ плѣнниковъ, томившихся въ темницахъ Каира, хотя правительница мать и народъ умоляли его возвратиться въ отечество. Трижды созывалъ онъ на совѣщаніе братьевъ своихъ, бароновъ и Великихъ Магистровъ; большинство голосовъ было въ пользу возвращенія; но голосъ собственнаго сердца благочестиваго Короля громко зывалъ ему, о защитѣ Св. мѣстъ и своихъ узниковъ, которые бы неминуемо погибли при его удаленіи. Онъ рѣшился остаться, отпустивъ братьевъ и всѣхъ, кто только желалъ отплыть на родину, и умолялъ мать, чины своего королевства и Государей Запада, о

скорой ему помощи; но ее не было откуда ожидать. Императоръ Фридрихъ и Король Кастильскій, вооружившіеся при первой вѣсти о пораженіи крестоносцевъ, скончались скоропостижно; Король Англіи Генрихъ III. думалъ только какъ бы воспользоваться неудачами своего соперника, а Франція, имъ угрожаемая, не въ силахъ была выставить другаго ополченія; Папа Иннокентій продолжалъ возмущать Европу, распрію свою съ наследниками Фридриха. И такъ все бремя священной войны пало на одного благочестиваго Людовика, который могъ только держаться на берегахъ Сиріи, по междоусобіямъ Сарацынскимъ, и славою громкаго имени Короля Франціи, прикрывать беззащитныхъ Христіанъ Палестины. Прежде всего старался онъ укрѣпить разоренные города поморія, обновилъ стѣны Птолемаиды и воздвигъ въ ней великолѣпную церковь, укрѣпилъ вновь Каифу, Яффу, Кесарію, Тиръ и Сидонъ, обрушенный во время его похода въ Египетъ и опять разоренный ордою Туркомановъ, почти предъ его глазами. Людовикъ преслѣдовалъ ихъ до Панады, къ истокамъ Іордана, и одержалъ надъ ними бесполезную побѣду. Съ Султаномъ Дамаска, не могъ онъ вступить въ бой, по своему безсилію; не могъ и заключить съ нимъ дружественнаго союза, хотя нѣсколько разъ склонялъ его къ тому Султанъ сей, враждовавшій съ Мамелуками Египта; Король свято хранилъ собственный договоръ съ ними и боялся, нарушеніемъ онаго, погубить своихъ плѣнныхъ въ Каиръ. — Напрасно владѣтель Дамаскскій предлагалъ уступить ему Ю-

русалимъ и приглашала посѣтить Св. мѣста, по крайней мѣрѣ поклонникомъ; благочестивый Людовикъ, пришедшій съ запада завоевать ихъ, удержалъ пламенное желаніе своего сердца, чтобы не подать малодушнаго примѣра прочимъ Государямъ, которые, подобно ему, стали бы только посѣщать Св. мѣста, вмѣсто того, чтобы освободить ихъ. Онъ отринувъ то, чего жаждала душа его, для пользы Св. гроба, и только, съ оружіемъ въ рукахъ, посѣтилъ соседній Назаретъ и дивный Оазеръ, съ вершины коего обозрѣвалъ, какъ вѣкогда Моисей, землю обитованную, ему недоступную.

Плѣнники его, мало по малу, возвращались изъ Египта; наконецъ Мамелуки, раздражаемые внутренними распрями и опасаясь оружія Франковъ, принуждены были выдать ему всѣхъ тѣхъ, которые еще остались живыми послѣ столькихъ томленій, и даже самыя кости прежнихъ страдальцевъ, замученныхъ ими въ Каирѣ. Но когда развязались руки Людовика, освобожденіемъ его подданныхъ, внезапный переворотъ, въ дѣлахъ Сиріи и Египта, обрушилъ опять всѣ его надежды. Эмиры Мамелуковъ, наскучивъ безначаліемъ, свергли съ престола вдову Негмеддинову, и провозгласили Султаномъ младенца, изъ прежняго рода Любитовъ, подъ управленіемъ одного изъ своихъ Эмировъ; въ тоже время, заключивъ миръ съ Султаномъ Дамаска и Алепа, они обратили общія силы на Франковъ. Едва могла спастись Птолемаида, внезапно осажденная двадцатитысячнымъ войскомъ Сарацынъ, и новыя опас-

ности угрожали Христіанамъ Сиріис: но уже Королю Франціи невозможно было долѣ медлить по-
реди нихъ. Правительница мать скончалась, и за-
боты собственнаго королевства призывали ея обра-
тно во Францію. Самы бароны Сиріи, исполнен-
ные благодарности къ Людовику, просили его не
отлагать далѣ своего путешествія, ибо видѣли,
что онъ, въ теченіе пяти лѣтъ, истощилъ все воз-
можныя средства для ихъ защиты, и ожидали бо-
лѣе отъ него помощи послѣ его возвращенія. Онъ
отплылъ наконецъ изъ Птолемаиды, сопровождае-
мый благословеніями всѣхъ Христіанъ и уважені-
емъ самыхъ Сарацынъ, которые еще не видали та-
кого совершенства добродѣтелей между властителя-
ми Франковъ.

Послѣ удаленія благочестиваго Короля Фран-
ціи, нарушился и тотъ внутренній миръ, который
старался онъ возстановить, между равнородными
Христіанами Сиріи, не имѣвшими надъ собою гла-
вы: Короли Іерусалимскіе, въ Кипрѣ и въ имперіи,
носили только одинъ тщетный титулъ, не заботясь
о мнимомъ своемъ царствѣ, а Патріархъ не былъ
облеченъ достаточною властію, чтобы укротить
враждующихъ. Жестокая распря вспыхнула въ
Птолемаидѣ, за обладаніе церковію Св. Саввы,
между Генуэзцами и Венеціанами, которые давно
уже питали другъ къ другу взаимную ненависть,
но соревнованію въ дѣлахъ торговыхъ, и сія распря
отозвалась двадцатилѣтнею войною обѣихъ респу-
бликъ въ Европѣ. Еще болѣе постыдная ненависть

раздѣляла два духовноинственныя ордена, Храмовниковъ и Страннопримныхъ, за обладаніе нѣкоторыми замками въ Сиріи, вмѣсто того чтобы общими силами отражать невѣрныхъ: лучшій цвѣтъ дворянства Европы принималъ участіе въ сей враждѣ, какъ принадлежавшій къ какому либо изъ обонихъ могущественныхъ орденовъ. На западѣ уже не спрашивали о побѣдахъ надъ Сарацынами, но о томъ только, кто изъ рыцарей одержалъ верхъ? и тамъ однажды услышали, о ихъ кровопролитной сѣчѣ, изъ которой вышелъ живымъ только одинъ Храмовникъ. Но Европа, занятая собственными раздорами, равнодушна была къ симъ ужасамъ; они горько отзывались только благочестивому сердцу Людовика, который не могъ однако подать руку помощи, при безсиліи собственной державы, истощенной крестовымъ походомъ.

XXXV.

НАШЕСТВІЕ МОНГОЛОВЪ, ДЕСЯТЫЙ ПОХОДЪ.

Паденіе Птолемаиды и крестоносцевъ въ Палестинѣ.

Между тѣмъ усиливались на Востокъ враги ослабѣвшихъ Христіанъ. Мамелуки Каира умертвили знаменитую вдову Негмеддинову, за то что она сама убила новаго своего супруга, избраннаго ими въ правители Египту, и возвели на престолъ одного изъ среды своей, Эмира Кутуза. Вмѣстѣ съ Князьями Сиріи направили они сперва общія силы, на страшныя ополченія Монголовъ, наводившія Востокъ. Христіане Палестинскіе безразсудно приняли сихъ варваровъ, за своихъ покровителей противъ Магометанъ, потому что Монголы не касались сперва ихъ владній, хотя на Западъ Папы проповѣдывали противъ нихъ крестовый походъ. Дикія орды завоевателей, подъ предводительствомъ

сына Чингисъ-Ханова, Улагу, устремились по теченію Тигра къ Багдаду, и, раззореніемъ духовной столицы исламизма, положили конецъ Халифату, который давно уже истлѣвалъ, посреди роскоши и праздности преемниковъ лжепророка. Послѣдній державный Халифъ Мостасемъ, изъ славнаго племени Аббасидовъ, погибъ въ развалинахъ своей столицы, и уже не возставала болѣе держава Халифовъ.

Ханъ Татарскій, коварно обещая покровительство Христіанамъ, привлечъ подъ свои знамена дружины Короля Армянскаго, и перейдя Евфратъ, разорилъ Алепъ и Дамаскъ. На свое горе радовались Христіане и даже, надъ Св. гробомъ Искупителя въ Иерусалимѣ, возсылали молитвы о успѣхѣ оружія Монгольскаго. Но распря, возникшая между намѣстникомъ Ханскимъ и рыцарями Тевтоническаго ордена, въ коей погибъ племянникъ вождя Татарскаго, обратила оружіе его на Христіанъ. Раздраженный Кетбога раззорилъ окрестности Сидона и угрожалъ Птолемаидъ. Тогда опомнились Христіане, но поздно; они успѣли заключить мирный договоръ съ сильнымъ Султаномъ Каира; Кутузъ подступилъ къ стѣнамъ Птолемаиды и разбилъ Монголовъ, въ кровопролитной битвѣ близъ озера Тиверіадскаго, гдѣ, казалось, суждено было рѣшиться всегда судьбамъ Палестинимъ; Бѣжали дикія орды Монголовъ, и вся ненависть Сарацынъ обратилась на Христіанъ, ибо закосившіе враги ихъ помнили, какъ радовались они нашествію варваровъ. По всей Сиріи раздавался

одинъ только общій вопль: смерть Христіанамъ! въ Дамаскѣ разрушены были все ихъ церкви. Самъ владыка Египта палъ жертвою своей благосклонности къ Христіанамъ, потому что не хотѣлъ нарушить заключеннаго съ ними договора. Сиварый Бибарсъ, умертвившій послѣднато Султана изъ рода Саладинова, поразилъ опять своею рукою и перваго Султана Мамелуковъ и взошелъ самъ на его мѣсто. Въ немъ возсталъ жесточайшій врагъ Христіанъ Палестинскихъ, котораго Сарацины прозвали столпомъ своей вѣры и отцемъ победы, всегда ему послушной. Напрасно Папы Александръ, Урбанъ и Климентъ IV. воздвигали опять Западъ; все безмолствовало въ отвѣтъ на ихъ безсильный вопль, и посреди сего мертваго молчанія, Европа равнодушно услышала о паденіи Латинской имперіи, основанной ею въ Царьградѣ; Императоръ Балдуинъ VI, изгнанный Михаиломъ Палеологомъ изъ столицы Греческой, явился странникомъ во всехъ царственныхъ дворахъ Европы.

Первымъ подвигомъ сиварыга Бибарса, было опустошеніе предѣловъ Антиохійскихъ; Христіане Птолеманды послали ему напомнить, о мирномъ договорѣ съ его предѣстникомъ; вмѣсто отвѣта, онъ сжегъ великолѣпную церковь Назаретскую и разрушилъ окрестности Фавора. Погрозивъ издали крѣпкой Птолемандѣ, онъ взялъ приступомъ Кесарію и Арсуръ, и разрушилъ до основанія, руками ихъ собственныхъ жителей. На другой годъ Бибарсъ предпринялъ новый опустошительный походъ

въ Иалестину, отринувъ всякое ходатайство Государей Западныхъ, и отвѣчалъ Граю Яффы, сроднику бывшего Короля Иерусалимскаго Иоанна: «что скоро наступитъ время отмстить за всѣ обиды Христіанъ, ибо за каждую хинину заплатятъ они замкомъ, и тысячею воиновъ за одного поселеннаго.» Совершивъ поклоненіе въ Иерусалимъ, въ мечети Омаровой, Султанъ помолился о успѣхъ своего оружія, и осадилъ крѣпкій замокъ Сафада, на острѣ Тиверіадскомъ, принадлежавшій Храмовникамъ. Долго всѣ его усилія оставались тщетными, но чрезвычайной крѣпости мѣста и храбрости защитниковъ; уже онъ готовился отступить, когда распря, возникшая между осажденными, открыла ему врата города. Одни хотѣли сдаться, другіе умереть съ оружіемъ въ рукахъ, и сею бѣдственною распрєю воспользовался Бибаръ, чтобы, вопреки своему царственному слову, предать всѣхъ жителей смерти или неволѣ.

Довольный взятіемъ Сафада, Султанъ возвратился въ Египетъ; но годъ спустя опять явился опустошителемъ, въ предѣлахъ Арменіи, за связь Короля ея съ полчищами Монголовъ, приближился опять къ стѣнамъ Птолеманды, и какъ ангелъ смерти, съ мечемъ въ рукахъ, на боевомъ конѣ своемъ, гордо разѣзжалъ предъ ея вратами: однако опять миновалъ ее, чтобы на обратномъ пути въ Египетъ, овладѣть Яффою, которую съ тяжкимъ трудомъ укрѣпилъ благочестивый Людовикъ. Христіане Сирійскіе еще не успѣли опомниться отъ сего бѣдственнаго похода, какъ ихъ жестокой врагъ

уже явился въ области Антиохійской, подъ стѣнами самой столицы сего княжества, въ отсутствіе ея Государя, все предавая огню и мечу. Смятенные жители сдались ему безъ боя; самъ Бибарсъ хвалялся своею жестокостію, въ письмѣ къ ихъ вл�стителю Боемунду, спасшемуся въ Триполи. «Смерть пришла всѣми путями въ твою столицу! если бы ты видѣлъ твоихъ рыцарей, попираемыхъ ихъ конями, и жителей, продаваемыхъ въ неволю съ женами и дѣтьми, и гробы Патріарховъ разверзаемые, сокрушаемыя каеэдры и престолы, и раздираемыя хартии Евангелія, клириковъ умерщвляемыхъ, церкви и палаты въ пламени, — ты бы воскликнулъ: лучше бы я самъ погибъ вмѣстѣ съ ними!»

Простирая алчные взоры и на Триполи, Бибарсъ отправилъ пословъ къ Боемунду и самъ вмѣшался въ число ихъ, чтобы осмотрѣть укрѣпленія города. Онъ послалъ вѣстниковъ войны съ угрозами и къ Королю Кипра, носившему титулъ Іерусалимскаго, и распространилъ ужасъ на всю Палестину; одновѣдолько поморіе, отъ Триполи до Птолеманды, оставалось въ рукахъ Христіанъ. Архіепископъ Тира, съ двумя Великими Магистрами, отплыли просить помощи въ Европѣ; Папа Климентъ сталъ опять возбуждать къ крестовому походу, посреди собственной войны своей съ имперіею за наслѣдство Сициліи, и опять одна только Франція отозвалась на голосъ Востока. Братъ Людовика, Герцогъ Анжвинскій, овладѣлъ, съ помощію Папы, Неаполемъ и умертвилъ тамъ юнаго внука Императора Фри-

дриа, Конрадина, который также носилъ титулъ Короля Иерусалимскаго; онъ обѣщаль содѣйствовать брату и былъ виною всѣхъ бѣдствій сего похода; ибо не Св. земля была цѣлю его предпріятій. Король Франціи, движимый тѣмъ же духомъ благочестія, вооружился опять, вопреки совѣта своихъ бароновъ, которые однако послѣдовали за своимъ Государемъ, со всемъ его семействомъ. Сынъ Короля Англійскаго, храбрый Эдуардъ, присоединился съ своею дружиною, къ вонтелямъ Франціи. Коварный Карлъ, Король Неаполитанскій, убѣдилъ брата высадить войска на пустынный берегъ Африки, чтобы смирить властителя Тунискаго, страшнаго своими морскими разбоями для Сициліи, и Людовикъ повѣрилъ лестной надеждѣ, будто бы Тунисъ готовъ обратиться къ Христіанству. Подъ палящимъ солнцемъ Африки, лучшей цвѣтъ его бароновъ и онъ самъ, съ частию своего семейства, сдѣлались жертвою смерти. Благочестивый Король умеръ, какъ жилъ, со всемъ смиреніемъ Христіанина, и взоры его, жаждавшіе всю жизнь земнаго Иерусалима, обратились къ небесному; но съ нимъ вмѣстѣ рухнула и крестовый походъ, имъ однимъ одушевляемый. Сынъ его, Филиппъ Смѣлый и братъ Карлъ, заключивъ миръ съ властителемъ Туниса, поспѣшили возвратиться въ свои предѣлы; одинъ только Эдуардъ, съ дружинами Англии и братомъ своимъ Эдмундомъ, Герцогомъ Британскимъ, продолжалъ путь въ Палестину, гдѣ уже все клонилось къ быстрому паденію. Всѣ крестоносцы, собранные вмѣстѣ, составляли немного болѣе тысячи

вонтолей, и эта малая дружина дельца была бороться со всеми силами Мамелуковъ.

Наслѣдникъ престола Англійскаго, чувствуя свое бессиліе, ограничилъ ратный подвигъ опустошеніемъ Назарета, въ отищеніе Магометанамъ, за великоблудный храмъ Благовѣщенія, разворедный Бибарсомъ. Самъ Эдуардъ едва не лишился жизни подъ кинжаломъ Ассасиновъ, посланныхъ Шебхома горь, и заключилъ миръ съ Султаномъ Египта, возвратился въ отечество. Онъ былъ послѣдній изъ Князей Европы, посѣтившій престолосеиъ Св. земли. Еще одна слабая надежда оставалась Христіанамъ Сирійскимъ. Архидіакомъ, соутствовавшій Эдуарду, избранъ былъ, еще во время своего пребыванія въ Цтолемиадѣ, на кафедрѣ Римскую, подъ именемъ Григорія X, и оставляя Сирію, обѣщала ей скорую помощь, стихами ислама: каше забуду тебѣ, Іерусалиме, забвѣна буди десница моя. Патріархъ Іерусалимскій и оба Великіе Магистры послѣдовали за нимъ на Западъ. Григорій лично сдержалъ свое слово, немедленно отправилъ въ Сирію, на собственномъ издѣвоніи, до пяти сотъ воиновъ; но знаменитыи соборъ Ліонскій, созванный имъ для спасенія Палестины, на коелъ присутствовали до тысячи Епископовъ, посланные воелъ Государей Западныхъ, и даже Хама Татарскаго, никого не подвигъ, на священную брань. Императоръ Греческій Михаиъ Палеологъ, желая подстѣять Цалъ, обѣщала отъ себя вооруженную помощь; но онъ слишкомъ былъ занятъ собственнымъ кодебан-

иными царствами. Палестина оставлена была своей судьбѣ, и скоро пали ея послѣдніе оплоты. Иерусалимъ, о искупленіи коего никто не хотѣлъ заботиться, былъ однимъ предметомъ спора трехъ Государей, искавшихъ себѣ только ушестнаго титула. Король Кипра, Генрихъ, и его преемники, дѣдъ Гугона, послѣдній, по благословенію Папы Иннокентія; Король Неаполитанскій Карлъ, убійца Конрадина; полагая что Иерусалимскій вѣнецъ внука Императора Фридриха, скатился къ ногамъ его съ плечи несчастнаго юнши, и Марія, Княгиня Антиохійская; венчала также вѣнецъ сей, происходя, какъ и Король Кипрскій, отъ Изабеллы, дочери Анжерака Иерусалимскаго. Латинскій Патриархъ, три Великіе Магистра, представители Императора и двухъ Королей Франціи и Англіи, и три купеческія республики Венеція, Пиза и Генуя, раздѣляли между собою обладаніе Птолемидою; разбитой на столько же участковъ, сколько было въ ней различныхъ племенъ и властей, и потому никакой договоръ съ Магометанами не могъ осуществиться. Частная ненависть враждующихъ между собою народовъ Христіанскихъ въ Европѣ, безпрестанно отзывалась въ стѣнахъ Птолемиды и нарушала миръ внутренній и вѣншній; какъ не было мира внутри самой Анры такъ не было его и между городами поморія, которые еще оставались въ рукахъ Христіанъ; каждый изъ нихъ боролся не заключаеа договоры съ Султанами Египта, и Малюками пользовалась своимъ случаемъ, чтобы еще болѣе разрознить враговъ своихъ, взаимною завистію.

Иногда требовали они отъ Христіанъ, обещація, не строить новыхъ укрѣпленій, и не помогать другъ другу, даже не обиватьъ свѣтъ храмовъ, и безразсудные на все соглашались.

Жестокаѣйшій ихъ гонитель Бибарсъ, въ теченіе семнадцати лѣтъ, не дававшій покоя покоренной имъ Сиріи, умеръ наконецъ въ Дамаскѣ; но Султанъ Кадаунъ, избранный на его мѣсто изъ Эмировъ Мамелюкскихъ, не уступалъ ему дѣятельностію воинскою противъ Христіанъ. Онъ нанесъ послѣдній ударъ ордамъ Монгольскимъ, въ кровопролитной битвѣ на равнинахъ Эмеса, и склоненный къ миру Графомъ Триполійскимъ, жестоко отмстивъ Царямъ Армянскому и Грузинскому, за ихъ союзъ съ Монголами. Волнаемая Армція предана была огню и мечу, и самъ Царь Грузій, посѣтившій тайно Св. мѣста для поклоненія, открытъ былъ своими врагами и увлеченъ плѣнникомъ въ темницы Каира. Недостатокъ флота удерживалъ Кадауна, отъ конечнаго разоренія городовъ Христіанскихъ; онъ боялся, аще навдѣтъ на себя оружіе Запада, потому и заключилъ послѣдній мирный договоръ съ Шодемаидою, но продолжалъ брать приступомъ фѣдальныя замки рыцарей, на берегу моря или въ горахъ, и наконецъ, не смотря на смиренныя мольбы Графа Босмунда, подступилъ со всѣми силами къ стѣнамъ двѣнадцатаго Триполя. Болѣе мѣсяца длилась провинциальная осада ничто изъ рыцарей и бароновъ Палестинскихъ не подавъ руку помощи бледнущему Босмунду. Триполь разоренъ былъ до основаній; все его народонаселеніе погибло и богатая

пристань опустела. Магометане старались истребить все, что только могло привлечь Христианъ въ надвѣхъ въ роскошнымъ берегамъ Сиріи, Туръ, Сидонъ и Птолемаида, спокойно ожидали той же участи, и вскоре разразилась буря воинская надъ сего послѣднюю столицю Востока. . . . .
Легать пайскій осуждалъ мирный договоръ съ Султаномъ; нововисобіа, присланное Григоріемъ на помощь Христианъ, было видною подвѣдной войны ихъ съ Мамелуками; ибо буйные роды, собранные изъ всахъ сословій, грабили окрестности Птолемаиды. Раздраженный Султанъ не хотѣлъ болѣе слышать ни о какомъ удовольствіи; умная сама, посреди приготовленій къ походу, онъ взялъ жалту; съ сына своего Халиля, что довершить предпріятыи подвигъ. . . . . Огромное плечце Мамелуковъ, двинулось изъ Египта къ стѣнамъ смятенной Птолемаиды. Латинскій Патріархъ Іерусалима, благочестивый старецъ, созвалъ на советъ бароновъ, Великихъ Магистровъ и гражданъ, и пламенно рѣчью возбудилъ всѣхъ къ отчаянной защитѣ. При первой вѣсти объ опасности, Короли Кипра и Іерусалима Генрихъ II, принималъ съ весемью стами рыцарей; повсюду дружина Христианъ не превышала девяти сотъ всадниковъ и восьми тысячъ пѣшихъ. Они раздѣляли между собою защиту обширныхъ укреплений Птолемаиды, обложенныхъ. Королямъ Франціи: Французы и Англичане взяли на себя оборону одной части стѣнъ, Король Кипра съ Магистромъ Тевтоническимъ и два другія Великія Магистра, тремя

1234 г. . . . .

отдѣльными отрядами, расположились по крепкимъ твердынямъ; но послѣдній часъ Итоленаиды уже пробилъ. Необоримый станъ Сарацинскій покрывалъ всю окрестную равнину, отъ моря до египетскихъ горъ, ибо шестьдесятъ тысячъ всадниковъ и сто сорокъ тысячъ пѣшихъ, отъ береговъ Евфрата и Нила, собрались подъ знамена Халиля, чтобы разрушить послѣдній отлогъ Христианъ; до трехъ сотъ огромныхъ орудій дѣйствовали противъ неприсоединенныхъ ни стѣнъ.

В. Магистръ Храмовниковъ, по совѣщанію съ нѣкоторыми изъ вождей, рѣшился просить мира въ станъ Мамелуковъ, и Султанъ еще не испытанный силы враговъ своихъ, согласился отступить съ условіемъ, чтобы каждый изъ жителей внесъ за себя по червонцу, ноголовной дани; но предложеніе сіе было отвергнуто съ презрѣніемъ, прочими властями и народомъ; самъ В. Магистръ едва не сдѣлался жертвою раздраженной черни. Начались кровопролитныя приступы, въ коихъ отчаяніе осажденных не уступало мужеству осаждающихъ; ни съ той, ни съ другой стороны, не было пощады, во множествѣ враговъ одолевало; мало было защитниковъ по обширному пространству укрѣпленій. После первыхъ горячихъ стычекъ, умныя овладѣли сердцами воиновъ, ибо не видѣли никакой пользы отъ кровопролитій. Многие покинули сраженія на судахъ, потому что море было открыто осажденнымъ, и въ нѣсколько дней число защитниковъ уменьшилось до двѣнадцати тысячъ; общія распри, между вождями, довершали бѣдствіе.

Въ часть страшной приступа къ той части города, которую защищали рыцари Кипра съ орденомъ Тевтоническимъ, малолудный Король тайно отцдылъ се всю свою дружиною, и на другой день одно только отчаянное мужество Храмовниковъ и Странноприимныхъ спасло городъ, въ который уже вторглись враги, сквозь проломъ незащищаемой стѣны. Не болѣе семи тысячъ воиновъ оставалось въ Птолемаидѣ. Доблестный Патриархъ еще однажды созвалъ на совѣтъ всѣхъ вождей, и убѣждая ихъ къ взаимному миру, умолялъ не выдавать неприятелю послѣдней надежды Христіанъ Востока.

Ободренные своимъ пастыремъ, защитники Птолемаиды выдержали еще нѣсколько жестокихъ приступовъ, во время коихъ часто старческій голосъ его раздавался позади бѣжавшихъ, по улицамъ города и возвращалъ ихъ къ бою. Уже Султанъ Халиль отчаявался одержать верхъ: но переметчики, изъ числа Христіанъ, подкрѣпили его надежды, и онъ рѣшился на послѣдній приступъ. После многихъ кровопролитій, неприятель ворвался въ проломы; оба Великіе Магистра, Храмовниковъ и Странноприимныхъ, движимые отчаяніемъ, устремились къ стѣнѣ Сарацинскій и опять возстановили битву, но смертью обохъ витязей и всей ихъ дружины, кончилась сѣя неровная сѣча. Не было уже болѣе кому защищать городъ; отсюду врывались къ нему враги; страшная буря присоединила ужасы своихъ молній и громовъ, къ ужасамъ сего страшнаго дня. Пламя раздалось по улицамъ съ топнущими, падающихъ Мамалюковъ; народъ бѣжалъ къ

пристани, чтобы найти спасеніе на судихъ; но тамъ одни только богатые покупали себѣ мѣста цѣною своихъ сокровищъ; вслами отталкивали простой народъ, и множество потонуло, ибо самая буря не позволяла приблизиться ладьямъ. Вожди спаслись заблаговременно; Патриарха Иерусалимскаго едва могли силою увлечь на корабль, который вскрывъ потонулъ подъ бременемъ искавшихъ на немъ спасенія, ибо чадолубивый Пастырь всѣхъ хотѣлъ принять къ себѣ и погибъ жертвою своей Христіанской любви.

Еще въ нѣкоторыхъ частяхъ города мужественно бились нѣсколько рыцарей Храма и Странноприимныхъ, и держался замокъ Храмовниковъ на самой пристани; но не много спустя, обрушилась и сія послѣдняя твердыня, со всеми ея защитниками; все Птолемаида представляла взорамъ одно пространныя пепелище, гдѣ не было никому пощады. Черезъ нѣсколько дней Тиръ, Сидонъ и Вейрутъ, устрашенные паденіемъ Птолемаиды, открыли врата свои побѣдителямъ и подверглись той же бѣдственной участи; такъ совершенно исчезло владычество Христіанъ на Востокъ; основанное мечемъ и мечемъ сокрушенное. Паденіе Птолемаиды было повтореніемъ паденія Иерусалима; ибо съ нею совершенно окончилось королевство Франковъ въ Палестинѣ, восемьдесятъ восемь лѣтъ державшееся въ стѣнахъ Св. града, и сто девяносто лѣтъ на берегахъ Сиріи.

Горькая вѣсть, о взятіи послѣднихъ Христіанскихъ городовъ Сиріи, исполнила горестно все

Европу, иакоже и въсѣла въсѣмъ ошадении Оу: гра-
да, и о не: пришеде: того: же: ратнаго: движеніи,
ибо: буря: крестовныхъ: битвъ: уже: ушла: Одины
тогда: Папа: Николай: IV, въ: высоты: своей: кавоч-
ды, гримъ: въ: слухъ: властителей: Запада: и: Восто-
ка: о: изгнаніи: Сарацинъ: изъ: Св: земля: ель: при-
силь: и: къ: двумъ: Императорамъ: Греческимъ, Царю:
града: и: Трѣбизонда, и: къ: Королямъ: Арменіи: и:
Индра, и: къ: Царю: Грузи, и: къ: самому: властителю:
Монголь, которые: продолжали: отъ: времени: до:
времени: подивать: обольстительныя: надежды: о: сво-
ей: обрѣщеніи: Никто: не: отозвался: на: голосъ: Пер-
восвященнаго: Римскаго: въ: Европѣ: Императоръ: Ру-
дольфъ: вскорѣ: окончилъ: жизнь, Короли: Англіи: и:
Франціи, Эдуардъ: и: Филиппъ, не: думали: оставлять:
своихъ: владѣній: и, съ: кончиною: Папы, Западъ: по-
забылъ: бѣдствіа: Восточныхъ: братьевъ.
По: странному: стеченію: обстоятельствъ, Монго-
лы, властители: Персіи, поднялись: по: зову: Еписко-
па: Римскаго, который: посылалъ: изъ: нимъ: своихъ:
миссіонеровъ, и, вмѣстѣ: съ: Христіанскими: Князья-
ми: Востока, на: краткое: время: освободили: Иеруса-
лимъ: Монголы, хотя: и: побѣжденные: въ: несколь-
кихъ: битвахъ: Мамелюками, не: преставали: проти-
рать: жадныхъ: взоровъ: на: Египеть; ель: послѣ: силъ:
наго: Султана, возннли: опять: жеждоуебдіа: Эми-
ровъ. Еще: могущественный: сынъ: Капа: Улату,
разорителя: Багдада, Абага-Ханъ: и: внуку: его: Ар-
гунъ, благопріятствовали: Христіанамъ: въ: своихъ:
владѣніяхъ, и: отправляли: посольства: къ: первосвя-
тителямъ: Римскимъ, предлагая: имъ, общими: сила-

ни освободить Св. землю: Сынъ Аргуна, Хасакъ-Ханъ, стольже сильный, вооружается также на Египецъ; по зову его, Цари Грузин и Арменин, Король Кипра Генрихъ II и два воинственные орда на Страннопримныхъ и Храмошниковъ, присоединили слабыя свои дружины къ его сильному войску, и на равнинахъ Эмесскихъ, гдѣ еще недавно Бибарсъ и Калаунъ поражали Монголовъ, силы Мамелуковъ Египетскихъ истреблены были Монголами; Алепъ и Дамаскъ открыли врата свои победителю. Иерусалимъ съ торжествомъ принялъ владыку Монгольскаго, который вмѣстѣ съ Христианами посетилъ гробъ Искупителя и, по свидѣтельству летописи Армянской, оставилъ Св. градъ въ ихъ рукахъ. Оттогда отправилъ онъ пословъ своихъ къ Папѣ Вонифатію VIII. и Государямъ западнымъ, приглашая ихъ къ общему союзу противъ Мамелуковъ; Папа восхвалялъ, въ грамотахъ своихъ, зычскаго Князя, великодушно водившагося за Св. землю, но никто не вооружился по его призыву.

Милудный счастливый оборотъ дѣлъ, въ пользу Христианъ Востока, случился во время внутреннихъ смятеній державы Мамелуковъ; ибо Султанъ Хадиль умерщвленъ былъ, два года подлѣ покоренія Птолемаиды, а малолѣтній сынъ его, Мелекъ Неверь, принужденъ уступить на время престолъ свой двумъ сильнымъ Эмирамъ. Потомки Аббасидовъ, утратившіе Халифатъ свой въ Багдадѣ, и признаваемые опять Султаномъ Бибарсомъ въ Каирѣ, какъ духовныя главы, Исламама, принимали уча-

сти въ междоусобицѣ, оставилъ власти своею каж-
даго похитителя престола; но Мелекъ Навяръ, дости-
гнувъ совершеннѣйшаго, вышелъ изъ своего пусты-
наго замка Карамъ, и долговъ его правствоваѣе было
самыми прѣтущими изъ всей династїи Мамелуковъ,
такъ называемыхъ Бахаритовъ. Между тѣмъ, вну-
тряннѣе смятенїя собственнаго государства, застави-
ли Хазана удалиться въ Персію; онъ предпринялъ
еще два похода противъ Султановъ Египетскихъ,
и умеръ въ Дамаскѣ, посреди общаго плача Хри-
стіанъ, коихъ послѣднія надежды унесъ съ собою
въ могилу; ибо по личнымъ его достоинствамъ и
по самой цѣли войны сей, не доставало только
имени Христіанскаго дождю Монголовъ, чтобы по-
хвалъ его назвать крестовымъ. После смерти Хазана,
Короли Кіпръ и Арменїи, должны были оставить
Іерусалимъ, и уже съ тѣхъ поръ никогда не раз-
вѣданы въ немъ знамена Христіанскїа. Страннопри-
имные и Храмовники искали себѣ пристанища на
островѣ Кіпрѣ; а Іерусалимъ преданъ былъ, ихъ без-
сильнѣе и равнодушіемъ, оставшей къ нему Евро-
пы; тому запустѣнію, о коемъ говоритъ Евангелїе.
Странная судьба Св. града!— для искупленїя его,
было двухсотъ лѣтъ, весь Западъ двигался на устра-
щенный Востокъ, и милїоны крестоносцевъ устре-
ли своими жѣсткими всю малую Азію, Сирїю и Еги-
петъ; изъ многихъ крестовыхъ походовъ, предпри-
нятыхъ во имя его, — одинъ только достигъ сво-
ей цѣли, и то съ горстію храбрыхъ остатковъ
несметнаго полчища. Съ тѣхъ поръ, весь предпрїа-
тъ западныхъ Государей, не принесли ему ни ма-

лвйшей отрады. — Уже во сторахъ (походъ) Императоръ Конрадъ и Король Франція Людовикъ, утративъ на пути свои дружины, приходятъ простыми поклонниками въ Иерусалимъ. Другой Императоръ Фридрихъ утопаеъ на третьемъ походъ, и какъ дымъ разсываются его дружины; Короли Франція и Англія истощаютъ силы свои на гордахъ поморіа Рихардъ, львиное сердце, плачетъ, взирая съ высоты горъ на Иерусалимъ, но по какому-то невзяснимому чувству не смаетъ къ нему приблизиться хотя вѣд трепещетъ его имени. Еще иные крестоносцы, прежде нежели идти къ Св. граду, истощаютъ силы подъ стѣнами ничтожнаго замка. — Вожди пятого похода сокрушаютъ Царьградъ, вмѣсто того, чтобы освободить Иерусалимъ. Другіе, подъ предводительствомъ Легата папскаго и Короля Иерусалимскаго Іоанна, гибнутъ въ полноводіе Нила. — Императоръ Фридрихъ II, по мирному договору приобретаетъ Иерусалимъ, и никто не хотеть ввѣчать въ храмъ Св. гроба отверженнаго Папою. Дважды прооружается благочестивый Король Франціи, Людовикъ, единственно для защиты Иерусалима, ибо никакая земная выгода не влечетъ его на священную бравъ; вѣдь то какъ онъ не горько столь чистою, безкорыстною любовію къ Иерусалиму, и дважды не можетъ онъ достигнуть желанной цѣли: сперва блдствуетъ на берегахъ Нила, пагубныхъ оружію крестоносцевъ; въ другой разъ умираетъ на знойномъ поморіа Туниса, и ни въ заключаются крестовые походы; ибо уже никто изъ Государей Европы не

оставляетъ своего престола для освобожденія Св. мѣсть. Между тѣмъ, священная цѣль столькихъ подвиговъ, остается во власти невѣрныхъ и попирается языками, до времени скончанія языковъ. Такъ пронеслись надъ Іерусалимомъ два бурныя столѣтія крестовыхъ битвъ, измѣнившія лице Палестины и Востока!

XXXVI.

ВЛАДЫЧЕСТВО СУЛТАНОВЪ МАМЕЛУК-СКИХЪ.

Короли Іерусалимскіе въ Кипрѣ. Патріархъ Лазарь.

Съ четырнадцатымъ вѣкомъ возникла на Востокѣ новая могущественная династія, долженствовавшая вскорѣ покорить его. Это было пастушеское племя Турковъ, которое при страшномъ нашествіи Монголовъ, перекочевало изъ Трухменіи въ Анатолію, и тамъ укрѣнилось въ горахъ, подъ властію послѣднихъ Султановъ, сидѣнаго нѣкогда ро-

да Сельджукидовъ. Сынь воинственнаго Эртогула, Османъ, давшій свое громкое имя цѣлому народу, мало по малу сдѣлался обладателемъ всей Анатоли и утвердилъ столицу свою въ Бруссъ, отколя потомство его, еще болѣе столѣтїя, боролось съ угасавшею имперіею Греческою, до конечнаго паденїя Царьграда. Орханъ, Муратъ и Баязидъ, сынъ, внукъ и правнукъ славнаго Османа, предписывали законы Императорамъ Греческимъ, постепенно отнимая у нихъ всѣ города вокругъ трепещущей столицы. Бѣдственны были послѣдніе годы сей долголѣтней имперїи, какъ болѣзненные муки умирающаго. — Императоръ Михаилъ Палеологъ, снискавшій себѣ громкое имя, изгнанїемъ крестоносцевъ изъ Царьграда, помрачилъ оное гоненїемъ православныхъ, когда изъ видовъ политическихъ хотѣлъ соединиться съ Церковью Римскою, въ суетной надеждѣ на покровительство Папъ. Сынь его Андроникъ возстановилъ миръ церковный; но семейныя неуройства возмутили спокойствїе гражданское, и внукъ сего послѣдняго, Андроникъ младшїй, принудилъ престарѣлаго дѣда, сперва раздѣлить съ нимъ, а потомъ уступить ему царство. Смятенїя продолжались и при его малолѣтнемъ сынѣ Іоаннѣ Палеологѣ, который принялъ соправителемъ доблестнаго опекуна своего Іоанна Кантакузина, ибо дѣтскїя руки не въ силахъ были держать кормило распадавшагося царства; все пятидесятилѣтнее царствованїе сего Палеолога, подъ грозою Султановъ Орхана и Мурата, было постепенныхъ склопенїемъ Византїи къ ея упадку:

Между темъ, Иерусалимъ и все Сиріи наконецъ въ полномъ распоряженіи Султанахъ Египетскихъ. Магометъ въ Неверъ; идучи ни боролся въ Мекку, посѣтилъ и Св. градъ, но при немъ пострадало много Христіанъ въ Египтъ, за подозрѣніе двухъ монаховъ; Контракъ, въ поддѣлательствѣ главной мечети Каира; едва спился самъ Патріархъ и, по жестокости народа, Христіане не смѣли показываться на улицахъ. Новый указъ строго запретилъ имъ вѣдѣть на лошадахъ и мулахъ, или носить чалмы инаго цвѣта, кромѣ голубаго; церкви и монастыри были закрыты временно въ Египтъ. Вѣною сѣкъ новыхъ притѣсненій была визирь одного изъ владѣтелей Магометанскихъ западной Африки, который посѣтилъ Каиръ, на пути въ Мекку, заимчивъ Султану, что нигдѣ Христіане и Евреи не пользовались такими преимуществами какъ въ Египтъ. По смерти большого Мелекъ-Невера, двѣнадцать сыновей его, одни за другими избираемые и свергаемые съ престола, по прихоти буйныхъ Эмировъ и малодушныхъ Халифовъ, наполнили смутами всю южную Египетъ и Сирію. Замекъ Карахъ, въ каменистой Аравіи, былъ обычнымъ мѣстомъ ссылки свергнутыхъ Султановъ; до времени цѣль новаго вѣцарствія; а Иерусалимъ мѣстомъ изгнанія Эмировъ, если они могли сохранять жизнь при свободѣ паденія. Некоторые изъ Султановъ посѣщали также безвольными Св. градъ, но ихъ милости не простирались на Христіанъ Палестинскихъ. — Наконецъ, послѣ борознявшихъ смутеній, могущественный Эмиръ Берку, происходившій изъ альжирновъ Чер-

кескихъ, низвержъвъ послѣднѣяго Султана изъ рода Бахаритовъ, Халифа, внука Кадаунова, и водворившись самъ на его мѣсто, началъ новую династію Мамелюковъ Черкесскихъ.

Орды Монгольскія, наводившія Сирию, получили наконецъ овладѣть въ предѣлахъ Персія и въ Багдадѣ, бывшей столицѣ Халифовъ, гдѣ и возникло спокойное родъ Мингисъ-Хада, докогда не явился новый завоеватель Востока, Тимуръ. — Отъ столькихъ Христіанскихъ княжествъ, основанныхъ крестоносцами въ Сирию, два только еще держались по ея соседству: малое королевство Арменское въ Киликіи, бывшее въ союзѣ съ Римомъ, и королевство Кипрское. Туда перешли дѣя такла и земли бывшаго королевства Іерусалимскаго и окрестныхъ княженій, и ордена рыцарскія. Когда самъ Король острова нанесъ громкое имя Іерусалимскаго брата, его и бароны раздѣлили между собою прелія званія: Князей Антиохіи, Сидона, Тира, Галлелей, Графовъ Триполи, Яффы и Фавера, и такъ это продолжалось еще два вѣка, до владычества Венеціанскаго. Но въ Кипрѣ не было Латинскаго Патріарха въ Св. градѣ, ибо титулъ сіе не принадлежало Архіепископамъ острова. Изъ Кипра переселился славный орденъ Странноприимчивыхъ на островъ Родосъ, чтобы тамъ прославиться новыми побѣдами надъ Сарацинами, уже на морѣ, когда суша имѣла ихъ оружію; оттогда же вышествовать и знаменитый ихъ сиверинный орденъ Храмовниковъ, въ Европу, чтобы тамъ мученически скон-

* Hist. des Mus. t. XXI.

чавою на: вострѣхъ и вѣрѣ темнѣхъ; отъ: порайнолюбія Короля Франціи Филиппа и младудія Папы Климента. Удѣльни: вѣрѣ темнѣхъ и вѣрѣ темнѣхъ. Но: много: славы: было: одолено: въ: удѣльни: призракамъ: Королей: Иерусалимскихъ: въ: Кипрѣ: влады: коимъ: безпрестанно: носидѣа: и: съ: зова: грота: Султановъ: Мамелусскихъ: и: съ: свора: Султановъ: Турѣцкихъ. Королю: Генрику: второй: послѣ: восты: даго: бѣства: изъ: Птолемаиды: и: неудачнаго: покушенія: съ: Хеномъ: Монгольскимъ: на: Иерусалимъ: подвергся: узамъ: у: Арабнѣ: Кипрскихъ: это: случилось: по: прои: камъ: брата: его: Амверша: Князя: Тирскаго: котораго: съ: помощію: Бенуезцевъ: хотѣлъ: овладѣть: его: престо: ломъ: Генрихъ: удерживалъ: однако: за: собою: царство: и: скончался: въ: Кипрѣ: послѣ: сорока: лѣтъ: и: вѣ: вленія: оставивъ: по: себѣ: преемникомъ: доблестнаго: памянника: Гугона: или: Луизьяна: IV: до: вѣ: вленія: стѣлъ: же: дамы: царствования: старался: устроить: благосостояніе: королевства: но: огорченія: семейными: ѣтравили: его: послѣдніе: дѣла: Престарѣлый: Король: вичавъ: на: царство: обѣла: своего: Петра: скончался: самъ: въ: уединеніи: монастырскомъ: Биспо: оданда: въ: послѣдній: разъ: вснахнула: на: Востоку: тѣвная: искра: крѣстовыхъ: походоу: при: влнствіи: вѣмъ: Петръ: Напрасно: отараннъ: возбуждѣть: се: въ: началѣ: сего: столѣтія: Король: Кипра: и: Арменіи: жалобами: на: престолоу: имъ: осянось: и: Парвосвятителю: Римскіе: проаннн: буд: дай: и: даже: именнть: о: пѣцы: и: ученые: Западу: своими: вѣсннн: и: творѣніями: Благородный: Вене: ціанецъ: Маринъ: Самути: паронне: странствовалъ: на:

Сирію и Египту, чтобы собрать свидѣнія по поводу
уничтоженія Палестиною и предостеречь Па-
пъ свои двѣ книги, съ четырьмя картами: Св. зем-
ли, Египта, Средиземнаго моря и всей земли. «Я
не посланъ къ тебѣ, ни отъ какаго Короля, или
Князя, или республики, говорилъ онъ Клименту V,
но по собственному движению сердца палавъ къ по-
гань твоимъ, чтобы предложить тебѣ легкое сред-
ство, сокрушить враговъ въры, искоренить секту
Магометанскую и приобрести вновь Св. землю. Мои
долгія странствія въ Кипръ, Арменію, Египтъ и
Румелію, дали мнѣ некоторыя свидѣнія на пользу
всего Христіанства.» — Санути указывалъ все пу-
ти, на морь и на сушь, рассказывалъ подробно о
состояніи каждаго государства, совѣтовалъ прежде
всего ослабить могущество Султановъ Мамелукскихъ,
и привлечь, мимо Даміеты и Александріи, всю
торговлю Индіи, прямо изъ Багдада въ пристани
Сирійскія.

... Въ то же время друеи, не менше ревностный
посылавалъ и вступникъ Св. мѣсть, миссіонеръ
Раймундъ Дулло, испросилъ соборное рѣшеніе, на
приславаніе въ университетахъ латинскъ Восточныхъ
и обходивъ вождь Государей запада, умоляя ихъ
спаста Іерусалимъ! И сладкій певецъ Лаурин, Пр-
трарка, настронилъ божье высекникъ тенемъ своего ка-
винцу, призывалъ весь латава къ спасенію Са-
града: «Самъ Божій обратилъ взоръ свой къ тому
мѣсту, гдѣ былъ онъ вознесенъ на крестъ. Ты,
которые обитаете между Реною, Рейномъ и мо-
ремъ, и тѣ, конкъ надитъ знойный полдень, равно

кавъ и жители вѣчныхъ краевъ, отдаленныхъ отъ пути солнечнаго, готовы поднять хоругвь креста; одинъ ли градъ сыновъ Марса, градъ Первосвятителей, останется чуждымъ славному предвѣдѣнію?»

Но сіи краснорѣчивыя призыванія замирали въ нутрахъ отъгнувшихъ сердець, Короли Франціи, на смертномъ одрѣ, вспоминали въ своихъ завѣщаніяхъ градъ Вокій, но не подымали болѣе оружія призыванія. Ихъ примѣру слѣдовали и могущественное вассалы; нигде же принимали крестъ на своей нивѣ и не исполняли обѣта. Папа Іоаннъ ХХІІІ възвѣстивъ войну Христіанъ Восточныхъ и провозгласивъ походъ крестовый. Король Франціи, Филиппъ Вилуа, съ Королями Богемии и Наварры, и всѣми своими баронами, дали клятву въ Парижѣ, идти освободить гробъ Господень. Короли Англіи, Венгрии и Арагона, и многія республики Италіи обѣщались также подать руку помощи; но все предпріятіе рушилось со смертію Папы Іоанна. А между тѣмъ вѣсть, о новомъ крестовомъ походѣ, распространилась по Востоку; Христіанскіе жители Сиріи и Египта, наипаче богомольцы и кудцы подверглись жестокому гоненію. Султанъ Кабра, Мелекъ Назеръ, стали собирать войска съ прочими Эмирами Сиріи, чтобы не только отрезать Христіанъ, но даже ихъ ислечь на Западъ. Потомокъ Аббасидовъ, жившій въ Египтѣ, где носилъ грѣбъ имя Халвеа, разослалъ повсюду свои праметы, возбуждая асыхъ истинныхъ Му-

— 111336 41 — Richard, Histoire des Croisades. 1871. 19.

сулманъ къ оружію, обещаніями чувствннаго раи ихъ лжепророка. — Но Папа Венедиктъ XII, заступившій мѣсто Іоанна, уже не нашелъ въ крестоносцахъ, давшихъ обѣтъ, желаннаго расположенія къ походу, не смотря на усиленные жалобы Христіанъ Восточныхъ. Тогда инокъ Антиохійскій Андрей, пришедшій просить о помощи Первосвяте-теля Римскаго, въ Авиніонѣ, услышавъ, что Ко-роль Франціи Филиппъ отлагаетъ походъ свой, съхватилъ за уаду его коня и спросилъ: «ты ли Филиппъ Король Франціи, давшій обѣтъ Богу освѣ-бодить Св. землю? — Если ты хочешь исполнить свое предпріятіе, молю Госнода направить стопы твои къ побѣдѣ; если же нѣтъ, и ты обманыва-ешь святую Церковь, гнѣвъ Божій на тебя, на твоёмъ родѣ, и на твоёмъ царствѣ; ибо на тебя падетъ вся кровь, которая пролилась при одной дѣсти о твоёмъ походѣ!» Смутился Король и звалъ инокъ съ собою. — «Пойду предъ тобою, если идешь на Востокъ, и оставлю тебя если на Западъ, сказавъ онъ, яду каяться о грѣхахъ моихъ въ ту землю, которую ты выдалъ Сарацинамъ.»

Однако жестокая война, возникшая между Англією и Францією, воспрепятствовала обоимъ Ко-ролямъ, не смотря на ихъ обѣты, идти въ Іеруса-лимъ, и надъ родомъ и царствомъ Филиппа сбы-лось пророчество инокъ Антиохійскаго. Однагъ толь-ко флотъ, вооруженный Папою, Венецією и Коро-лемъ Кипра, съ помощію рыцарей: Родосскихъ, от-плылъ къ берегамъ Азиатіи и овладѣлъ Смирною, гдѣ погибъ Легатъ папскій: Турки снятъ дѣлтъ

онили оттоль крестоносцевъ. Жестокая чума, пришедшая съ Востока и опустошившая весь Западъ, подлѣ страшнымъ прозваніемъ черной смерти, положила на время предѣлъ воинскимъ предпріятіямъ; но явленіе Короля Іерусалимскаго Петра, въ Авиціонѣ, возбудило опять духъ крестовыхъ походовъ.

Петръ уже былъ испытанъ въ битвахъ съ Турками Карамани, у коихъ отнялъ Сатаію, и простеръ оружіе даже до Смирны. Еще одинъ вѣнецъ присоединился къ двумъ его вѣнцамъ, Кипра и Іерусалима, когда Армяне Киликійскіе, недовольные своимъ Королемъ Леонтиемъ, предложили малое свое царство Петру, правленіе коего было самое счастливое для его острова. Съ такою славою предсталъ онъ Папѣ Урбану V. въ Авиціонѣ, гдѣ находились тогда Іоаннъ, Король Франціи, и Водемаръ III. Король Даніи, со многими владѣтельными Князьями Европы. Властители западные тронуты были плачевнымъ рассказомъ Короля Кипрскаго, о бѣдствіяхъ Христіанъ Восточныхъ, и принявъ крестъ, обещали обратитъ силы свои на Султана Египетскаго; Петръ посѣтилъ почти все царственные дворы Европы, и все восхищались красноречіемъ доблестнаго Короля, проповѣдника крестовыхъ битвъ; назначенъ былъ и Легатъ со стороны Папы, дабы участвовать въ походѣ; но все кончилось одними лестными обещаніями. Король Іерусалимскій собралъ только толпу бездомныхъ наводниковъ, которые искали себя счастія на вой-

пѣ; Король Франція Іоаннъ умеръ плавающимъ въ Англіи, а Датскій Волдемаръ остановленъ былъ смятеніями собственнаго государства. Венеція, изъ видовъ торговыхъ, вооружила нѣсколько судовъ, но главными союзниками были рыцари Родосскіе, которые еще не забыли своихъ подвиговъ въ Св. землѣ. До десяти тысячъ воиновъ отплыли, подъ знаменемъ креста и подъ предводительствомъ храбраго Петра, изъ пристани Кипра, и безъ всякой препоны овладѣли Александріею. Король хотѣлъ укрѣпиться въ этомъ городѣ, столь необходимомъ для дальнѣйшихъ дѣйствій, и ожидать въ немъ войскъ Египетскихъ; но его союзники не могли устоять противъ искушенія, ограбить богатства Александріи, ибо они болѣе думали о корысти, нежели о побѣдахъ. Не ожидая Мамелуковъ, крестоносцы оставили на четвертый день опустошенный ими городъ, раздраживъ только непріятеля противъ Христіанъ, которые опять пострадали въ Египтѣ; флотъ крестовый наполнилъ такими же бѣдствіями и берега Сиріи, раззоривъ поморскіе города, Триполи, Тортозу и Лаодикію, и возвратился безъ дальнѣйшихъ подвиговъ.

Усызкамъ Христіанъ благоприятствовали внутреннія смятенія Египта, при частомъ низверженіи съ престола слабыхъ сыновей Мелекъ Незера; Мамелуки не имели и флота, чтобы отразить крестоносцевъ. Пользуясь этими обстоятельствами, Венеціане, въ качествѣ посредниковъ, заключили на выгодныхъ условіяхъ миръ; между Королемъ Кипра и Султаномъ Египетскимъ Шабаномъ, который

дальше, другияхъ братьяхъ держался на престолѣ. Съ
обѣихъ сторонъ возвратили ливанскихъ и Султаны
уступить Королю половину десятинной повинны,
взимаемой съ товаровъ въ Александрию, Дамаскъ,
Тирь, Бейрутъ и Иерусалимъ. Онъ отдалъ рыца-
рямъ Родосскимъ древній ихъ замокъ, которыми
владѣли во Св. градѣ, и освободилъ богомола-
цевъ, отъ поворной дани пяти червонцовъ, ка-
кую должны были платить для выкупа своей го-
ловы, когда ходили на поклоненіе Св. мѣсть. Хри-
стіане получили также дозволеніе исправить об-
ветшавшіе храмы Св. гроба, Виссема и Назарета.
Таковы были сѣдствія сего ничтожнаго и по-
слѣднаго похода крестоносцевъ; но они были все-
ма кратковременны, ибо благосостояніе королевства
Кипрскаго рушилось съ кончиною Петра; онъ былъ
вскорѣ умерщвленъ братомъ своимъ, Княземъ Гали-
лейскимъ; а слабый его сынъ и преемникъ, Петръ II,
провелъ все свое десятилѣтнее правленіе въ мѣн-
дусобіяхъ съ лядою Іоанномъ и въ войнѣ съ
Генуезцами, которые пользовались беспорядками
острова, и овладѣли еги главными городами Фамагу-
стеръ. Другой братъ умерщвленнаго Петра, Іаковъ,
заслушавъ мѣсто слабаго племянника, будучи самъ
закупленъ своимъ народомъ изъ темницы Генуез-
ской; онъ вѣдчался также тремя вѣдцами, Кипра,
Иерусалима и Арменіи, хотя даже и весь островъ
не былъ въ рукахъ его, отъ притязанія Генуезцевъ.
Такъ протекло четырнадцатое столѣтіе, для Коро-
лей Иерусалимскихъ и прочихъ некогда державныхъ

Минзей и Гризозъ Сирій, удержавшихъ за собою одинъ титулъ утраченныхъ владѣній.

Время перейти, отъ мнимыхъ сихъ властителей къ истиннымъ православнымъ Патріархамъ Св. града, о коихъ упоминаетъ Досифей въ своей исторіи.* Между ними является, въ началѣ сего столѣтія, одно свѣтлое лице, утѣшительное для всего Христіанства, Лазарь, ревностный пастырь и исповѣдникъ за вѣру отцевъ. Онъ наследовалъ наедрю послѣ Григорія, который управлялъ Церковію въ долгое царствованіе Михаила Палеолога и дожилъ до дней Императора Андроника, избѣжавъ, во своему отдаленію, соборовъ и смуть церковныхъ Палеолога. Не столько счастливъ былъ его преемникъ Лазарь, испытывавій гоненія и отъ Императоровъ, но гражданскихъ безпорядкамъ, и отъ Султана Египетскаго, за исповѣданіе вѣры. Вмѣстѣ съ Іоанномъ, Патріархомъ Цареградскимъ, и Св. Григоріемъ Паламю, Архіепископомъ Фессалоникъ, соборно осудилъ Лазарь неправильныя мнѣнія Варлаама и Аквидина, о божественномъ свѣтѣ преображенія Господня, и потомъ, вмѣстѣ съ Паламю, подвергся изгнанію, отъ тогоже Патріарха, за то что благопріятствовалъ доблестному правителю имперіи, Іоанну Кантакузину. Еще при Императорѣ Андроникѣ, когда Лазарь былъ избранъ во Св. градъ, по общему согласію, и отправился въ Царьградъ за утвержденіемъ царскимъ, нашелся въ духовенствѣ Іерусалимскомъ, нѣкто Герасимъ, который послалъ на него обвиненія въ отступу,

* кн. IX. гл. 9.

потому, что хотѣлъ самъ приобрести ему посредствъ на Императора не повѣрилъ; клеветы и писалъ къ Султану Египетскому, о призваніи Лазаря законнымъ Патріархомъ; ибо безъ его согласія никто не могъ святительствовать въ Св. градѣ. Когда же на смерти Андроника, возникли при малолѣтствѣ сына его Іоаннѣ, междоусобія вдовствующей Императрицы съ опекуномъ царства, Лазарь, по родству своему съ Кантакузинимъ, принужденъ былъ удалиться изъ Царьграда, въ предмѣстіе Галату, принадлежащее Франкамъ. Патріархъ Іоаннѣ, руководимъ на его мѣсто Герасимъ, и сталъ требовать выдачи Лазаря, а Латиняне думали воспользоваться благоприятнымъ случаемъ; чтобы обратитъ его на свою сторону. Общая ему милость Папы, если подчинится Емму, они угрожали въ противномъ случаѣ, выдать его врагамъ:— мужественный Лазарь предпочелъ послѣднее; но и враги приняли его съ почестію, за такую твердость въ вѣрѣ. Отпущенный къ Іоанну Кантакузину, онъ вѣнчалъ его на царствѣ въ Адрианополь; и на вѣдвореніи мира возвратился съ нимъ въ столицу. Тогда Императоръ отправилъ Лазаря, при своемъ посольствѣ, въ Египетъ, убѣждать Султана чтобы возвратилъ ксеодру законному Патріарху; и покровительствовалъ Христіанамъ Палестинскимъ. Услышавъ о томъ, кжепатріархъ Герасимъ, хотѣлъ еще однажды оклеветать Лазаря, уже предъ лицомъ Султана, но умеръ на пути въ Египетъ. Властитель Мамелукскій, водворивъ на ксеодрѣ Іерусалимской законнаго пастыря, написалъ дружеское

послание Императору, и еще однажды утвердил его въ покровительство своимъ Христианамъ Восточнымъ, обещая заставить всякое притисненіе, со стороны Магометанъ, и охранять крады.

Но преемникъ сего Султана, по наветамъ своихъ Эмировъ, воздвигъ гоненіе на православныхъ и многіе изъ нихъ скончались мученическаго смерти: вызванъ былъ и Лазарь въ Египеть, гдѣ старшіи Мамелуковъ хотѣли, сперва ласками, а потомъ угрозами и пытками, совратить его въ свою вѣру, чтобы велѣвъ за пастыремъ увѣчь и воцѣлную паству. Мужественно воспротивился оный Патріархъ, какъ и всегда Латинчанъ, и уже иррекли надъ нимъ приговоръ смертный, но Султанъ не допустилъ его исполнить. Однако раздраженные Эмиры дважды еще терзали Лазаря; давъ ему не пятидесяти ударовъ воловьими жилами, такъ что земля обогрѣлась страдальчешкою кровію и одни кости остались отъ невозможнаго тѣла. Его свергли наконецъ въ темницу, гдѣ сами пристава Сираццнскіе, изумленные мужествомъ Святителя, помогали ему въ узахъ. Тронутая и Патріархъ Каптевъ, заклятый врагъ Грековъ; денная дѣлшій вражде Лазаря; видя мученіе старца за истинную вѣру, онъ воспользовался своимъ вліаніемъ при дворѣ Султана, чтобы испросить ему свободу и миръ православнымъ. Султанъ велѣвъ не только отпустить Патріарха, но даже отправилъ его, своимъ посланникомъ, въ Царьградъ, къ редствекному Императору. Съ миромъ отшелъ къ Господу, посреди своей паствы, сей многострада-

наш; Мастера; овсего одого; асодушиль; Совершилъ;
и; адрокъ; ашесты; аить; асвершилъ; аасоду; Са;
града;

XXXVII.

НАШЕСТВІЕ ТАМЕРЛАНА, ПОКОРЕНІЕ ІЕРУСАЛИМА СЕЛИМОМЪ.

Деленіе кордовскаго Кадрисаго, и Деварада.

Новая туча собиралась на северномъ небоскло-
нѣ Сиріи, готовая разразиться надъ всю протекающею
кровью. Возсталъ опять завоеватель, подобный
Нингисъ-Хану; и опять пришли въ величіе орды
Туркменскія и Монгольскія, едва лишь успокоив-
шіяся въ завоеванныхъ ими царствахъ. Тамер-
лану, иначе Тимуру, одному изъ ближайшихъ соседей
семей Табарія, окрестною лежала вселенная:

она овладѣла крѣпкими болѣе нежели миллиономъ
побѣжденных имъ жертвъ, отъ предѣловъ Малой
Азій до береговъ Ганга; девять царственныхъ династій
исчезли подъ его оружіемъ и двадцать семь
вѣнцевъ державныхъ владѣтелей Азій, соединились
на одной его главѣ. Самаркандъ, во глубинѣ Та-
таріи, былъ великолѣпною столицею его необъятна-
го царства, которое простиралось отъ Китайской
стѣны до Средиземнаго моря, и земля предъ нимъ
умолкла, какъ нѣкогда предъ Александромъ, по
словамъ Св. писанія. — Шестнадцать походовъ
предпринималъ онъ, въ теченіе сорокалѣтняго своего
царствованія, изъ коихъ нѣкоторые продолжались
по нѣсколько лѣтъ, и во все сіе время только
пять разъ возвращался въ столицу, чтобы тамъ
насладиться отдыхомъ, послѣ столькихъ битвъ и
побѣдъ. — Монголія, Трухменія и Хорасанъ были
цѣлѣннѣе имъ оружія; Тимуръ вое-
никъ и въ глубину отечества нашего, но возвра-
тился съ береговъ Оки, испуганный страшнымъ
видѣніемъ; Грузія, Персія, роскошная Индія и
наконецъ Сирія, обратили на себя алчность заво-
евателя.

Гостеприимство, которое оказавъ Султанъ Египет-
скій Беркукъ, потомку Хану Монгольскому Ак-
мату, изгнанному изъ Багдада, навлекло гнѣвъ Тиму-
ра сперва на владѣтеля Мамелуковъ, а потомъ на
Баязида Султана Турецкаго, когда изгнанникъ у
него искалъ спасенія. Все царствованіе Беркука
прошло въ междоусобіяхъ съ своимъ Эмиромъ:
они не только отнимали у него Сирію, но и са-

мамы изгнали съ Египта; однако, подверженны были им преставъ, Верзукъ удержалъ Татерлана, на его побѣдномъ пути въ Сирію, когда выступилъ противъ него съ войсками изъ Дамаску. Но послѣ смерти Султана, на юнаго сына его, Феруджа, обручилась вся ярость Монголовъ. Татерланъ двинулся опять въ Сирію, одержалъ надъ Мамелуками кровопролитныя победы, подъ стѣнами Алепа и Дамаска, взялъ и опустошилъ оба города. Тогда завоеватель обратилъ оружіе свое на болѣе сильного непріятеля Баязидъ, Султана Оттоманскаго, который дерзнулъ помѣриться силами съ исполиномъ Востока. Кровопролитная битва Анкарская, сокрушивъ Оттомановъ, продолжила еще на полвѣка существованіе дряхлой имперіи Византійской, и Мануилъ Палеологъ вздохнулъ свободно, за стѣнами своей столицы, освободившись отъ осады Турецкой оружіемъ Тимура.

Непреставныя возмущенія Эмировъ и битвы противъ Монголовъ, могутъ дать понятіе о томъ бездѣльномъ положеніи, въ которомъ находилась Сирія подъ владычествомъ Мамелуковъ, во все теченіе XIV и XV вѣка. Если Иерусалимъ не подвергался частымъ осадамъ и разореніямъ, на нѣко- нѣ пытавали Дамаскъ, Алепъ, главные города Сиріи, и даже сосѣдніе ему Газа, и Рамла: то потому лишь, что Св. градъ не лежалъ на ратномъ пути, будучи отстраненъ Промысломъ Божиимъ отъ обычной стези человѣческой, для высшей цѣли.

Одному и въ немъ отъбывался; часто гонимая протѣвъ Христіанъ, начало войны бывало всегда въ Капръ, по смутамъ гражданскимъ. Султана Феруджъ, за годъ до своей кончины, возвращаясь изъ усмирениой имъ Сирии, посѣтилъ богомолицамъ мечеть Омарову, и его примѣру послѣдовалъ Шейкъ Махмудъ, бывшій вѣдомо его паденія и наследникомъ престола; но и царствованіе шейха протекло въ битвахъ междоусобицъ. При одномъ изъ его преемниковъ, Султанъ Бурсбавъ, который со славою управлялъ Египтомъ, Христіанскій Царь Аббасинія, Ираиъ Исаяцъ, сынъ Дашада, умертвилъ много Магометанъ въ своихъ предѣлахъ, за то что Мамелюки, неизвестно по какой причинѣ, заперли въ Иерусалимѣ храмъ гроба Господня; раздраженный Султанъ хотѣлъ, въ отмщеніе за то, умертвить Патріарховъ Иерусалима и Александріи и всѣхъ Христіанъ, но былъ умилостивленъ Эмирами. — По списку Патріарховъ, дѣтующихъ Досифеевой, въ то время святительствовалъ въ Св. градѣ Доросей, который, снѣмъ три жизни своей, уступилъ катедру собственному сыну Теофилау; такъ они записаны оба въ одной древней грамотѣ, або инаго, кромѣ именъ, не сохранилось отъ нихъ дѣлній въ смутные дни сїи; преемникомъ ихъ былъ Теофанъ. О Патріархѣ Теофанѣ упоминаетъ, въ своихъ путевыхъ запискахъ, и паломникъ Русскій, іеродіаконъ Троицкой лавры Зосима, который отправился къ Царьградъ съ Валивою Князиею Анною, девицею Греческа-

го Царя Мануша, и потому страждоушаго, со Святителемъ Иерусалимскимъ, по многимъ мѣстамъ Палестины.

Горько памято было царствование Бурбая Царю Иерусалимскому Иоанну, сыну Іакова, который тогда царствовалъ въ Кипрѣ. — Раздраженный частыми нападеніями Франковъ, на берега Египта и Сиріи, Султанъ вооружилъ сильный флотъ противъ Кипра; ибо островъ сдѣлался прѣстанищемъ морскихъ разбойниковъ, въ теченіи многихъ лѣтъ. Войска его одержали совершенную побѣду и не только опустошили весь островъ, но и взяли въ плѣны самаго Иоанна. Опять увидѣлъ Египетъ Короля Иерусалимскаго, плѣнникомъ на берегахъ Нила, какъ некогда Иоанна Врѣнскаго. * Ходатайство консуловъ Европейскихъ и В. Магистра рыцарей Родосскихъ, спасли отъ смерти потомка Лузиньяновъ; но онъ долженъ былъ заплатить дорогую цѣну за свой выкупъ, и тогда утратились все выгодныя условія договора, который заключилъ съ Мамелуками Король Петръ. Островъ сдѣлался на время областію Египта; ** сынъ Иоанна, носившій тоже имя, возведенъ былъ на престолъ Кипра, уже въ качествѣ вассала, и утвержденъ посланникомъ Султана Бурбая, въ столицномъ своемъ городѣ Никосіи. — До такой степени упало достоинство Латинскихъ Королей Иерусалима! Тридцати лѣтнее правленіе его протекло подъ покровительствомъ Мамелуковъ; некоторые сами принужденны были ограждать его отъ нападенія Турковъ Карамашинъ

* 1426 г. ** 1432 г.

раздоры семейные свели его преждевременно въ могилу.

Незаконный сынъ Іаковъ, избранный имъ въ Архіепископы Кипру, домогался привлечь себя наслѣдіе родительское и лишить престола законную сестру свою Карлоту, обрученную съ Герцогомъ Савойскимъ, Еще при жизни отца, наложилъ онъ смутеніемъ островъ, ибо подъ его княжаломъ падали его враги. По смерти Іоанна, Архіепископъ тайно отплылъ въ Александрію, чтобы просить себя вънца у Султана Мамелунскаго Кайтбая, и получилъ желаемое. Когда же возвратился, съ войсками Сарацинскими, изгналъ зятя и сестру изъ столицы и долго осаждалъ ихъ, въ одномъ изъ городовъ померія, доколѣ не принудилъ совершенно удалиться; но не долголѣтнимъ было и его царствованіе. Юный Госумара плѣнился красотою Енатерны Корнаре, благородной Венеціанки; хитрая республика поспѣшила признать ее дочерью Св. Марка, и совершить бракъ съ Королемъ Кипра, что бы потомъ приобрести себя его наслѣдіе. По смерти Іакова, сестра его Карлота стала опять домогаться престола, чрезъ посредство того же Султана Египетскаго, а между тѣмъ Енатерина, объявленная правительницею острова, лишилась сына своего младенца Іакова; тогда Венеція принудила дочь Св. Марка уступить республикѣ всѣ права свои на королевство Кипрское, и овладѣла островомъ. Такъ прекратилось окончательно на Востоцкѣ королевство Іерусалимское, въ лицѣ послѣдняго младенца, изъ рода Думниана, который утратить на-

страшій вѣнокъ Сионскій. Но титло сіе удержали на себѣ Короли Неаполя, какъ преемники Императора Фридриха II. вѣнчавшагося въ Иерусалимѣ, и Короли Сардиніи, происходившіе отъ племени Карлоты, дочери Луанцьянонъ.

Пятнадцатый вѣкъ видѣлъ паденіе и другаго царства, которое было родственно Иерусалиму, не по титулу своихъ влaстителей, а по дѣятельному участию, какое принимало всегда въ судьбахъ его, отъ перваго Константина и до послѣдняго: Византія пала, подъ громовыми ударами правнукъ Баамада молніи! Предчувствуя близкое паденіе своей державы, уже стѣсненной въ одной оградѣ столицы, оружіемъ Султана Оттоманскаго Мурата, Императоръ Іоаннъ Палеологъ думалъ найти спасеніе на Западѣ, соединеніемъ Церквей, и обманулся въ своихъ надеждахъ. Онъ послалъ повѣренныхъ къ Патріархамъ Восточнымъ, Александріи, Антіохіи и Иерусалима, дабы они назначили своихъ мѣстоблюстителей на соборъ Вселенскій, съ полномочіемъ утверждать все его рѣшенія, именемъ ихъ, и Святители дали напередъ согласіе на все, что только не будетъ противорѣчить прежнимъ вселенскимъ уставамъ. Іоаннъ святительствовалъ тогда въ Сѣградѣ, и вѣрными его мѣстоблюстителями были именитый Маркъ Эфесскій, который одинъ не колебался, когда едва не поколебалося православіе во Флоренціи.... Императоръ Іоаннъ, обманутый личными общими Папы Евгенія IV, отплылъ въ Италію, вмѣсто того чтобы послѣдо-

вать приглашенію Императора Римскаго, на соборъ Базельскій, и вынужденъ былъ, тѣсными обстоятельствами, подписать, вмѣстѣ съ Архіереями, порочныя условія собора Флорентискаго.

Ужаснулись Святители Восточные, когда услышали о такомъ злоупотребленіи даннаго имъ полномочія. Патриарха Филоея Александрійскій и Доросей Антіохійскій, вмѣстѣ съ Митрополитомъ Кесарійскимъ Арсеніемъ, собрались во Св. градъ къ Патриарху Іоакиму, чтобы предать торжественно анаемъ незаконныя дѣяніи собора Западнаго и новаго Патриарха Цареградскаго, Митрофана, который былъ поставленъ Императоромъ на кафедру благочестиваго старца Іоанна, скончавшагося во Флоренціи. Нѣсколько лѣтъ спустя, тѣ же Патриархи, Александрии и Антіохіи, и новый Патриархъ Іерусалима, Григорій, пришли въ Царьградъ; уже при послѣднемъ Императорѣ Константѣ Палеологѣ, въ краѣ Св. Софій опять осудили догматы Латинскіе, и поставили православнаго Патриарха Аванасія, на мѣсто Григорія Маммы, преданнаго Риму. Это былъ послѣдній соборъ Іерарховъ Восточныхъ, въ древней столицѣ православія, до ея сокрушенія Магометомъ II. Седьмой изъ царственныхъ рода Палеологовъ и одиннадцатый славнаго имени Константиновъ, Императоръ мужественно палъ, съ оружіемъ въ рукахъ, на стѣнахъ своей столицы, и съ нимъ угасла одиннадцативѣковая имперія Восточная, праливавшая столько милостей на Св. градъ. Осиротѣвшіе его Святители

Истор. Патр. Доросей и Филоея. С. 1445. Гр. 1405 р.

лишились: сильнѣйшей своей ошоры, которая столько разъ отражала ихъ отъ поменій Сарацѣнскихъ. Тридцати шесті: лѣтнее правленіе Григорія и болѣе, нежели сорокалѣтнее преемника его Доросея, протекло: все въ междоусобіяхъ Султановъ Мамелукскихъ, раздразившихъ Сирію и Египеть. Доросей дожилъ до владычества Оттоманскаго въ Іерусалимѣ, ибо на обломкахъ свщенной имперіи Константиновъ, внезапно возрасло исламическое царство Султановъ Турецкихъ и охватило весь Христіанскій міръ Востока.

Султанъ Магометъ, котораго все царствованіе протекло въ битвахъ, съ военными народами и соседями завоеванной имъ имперіи, въ послѣдніе годы своей жизни, обратилъ взоры на Египеть; но смерть застигла его въ Анатоліи. Кантбай, одинъ изъ славныхъ Султановъ Мамелунскихъ, тридцать лѣтъ воевавшій на престолѣ Каира, долженъ былъ однако собрать все свои силы, чтобы противустать грозному завоевателю; жестокая война вспыхнула между нимъ и преемникомъ Магомета, Баяздомъ, за благосклонный пріемъ, оказанный въ Египть младшему брату его, изгнаннику Джаму. Попріищемъ битвъ была Караманія, отчасти принадлежавшая Мамелукамъ, и Эмиръ Кантбай, Езбеки, покрылъ себя славою, одержавъ многія победы надъ Оттоманами. Но Кантбай хотѣлъ мирно окончить дни свои, ибо предвидѣлъ, послѣ себя, новыя смуты и уже предчувствовалъ, что слабый Египеть не въ силахъ держаться противъ возрастающей силы Оттомановъ. Мало было

некателей шаткого престола Мамелуковъ; Халиса и Эмиры съ трудомъ могли найти преемниковъ Кантбаю; при последнемъ изъ нихъ, Кансу-Гаури, вспыхнула рѣшительная для Сиріи и Египта война съ сыномъ Баязида, Султаномъ Селимомъ, также за покровительство, оказанное брату его, лишенному наследія предковъ. Мамелуки собрали всѣ свои силы противъ могущественнаго Султана, и на поляхъ Сиріи, подъ стѣнами Алепа, рѣшилась участь ихъ царства и самаго Иерусалима.

Осмидесятилѣтній Кансу былъ затоптанъ во время бѣгства, копытами своихъ Мамелуковъ; но Селимъ, уважая доблести царственного старца, съ честью предалъ тѣло его землѣ. Алепъ и Дамаскъ немедленно открыли врата побѣдителю и признали надъ собою владычество Оттомановъ. Между тѣмъ, бѣжавшіе въ Египетъ Мамелуки, избрали вождемъ своимъ мужественнаго Эмира Туманъ-бей, и готовились къ отчаянной защитѣ въ Каирѣ. Селимъ двинулся противъ нихъ, со всеми своими силами; оставивъ войска въ Рамлѣ, Султанъ пожелалъ видѣть Иерусалимъ и вступилъ въ глубокую полночь въ священные врата его; до разсвѣта посетилъ онъ гробы Пророковъ и таинственный камень Патріарха Іакова, въ мечети Омаровой. Это было зимою, въ половинѣ Декабря, и отъ чрезвычайныхъ дождей не было сухаго мѣста на площадкѣ храма, гдѣ бы державный поклонникъ могъ преклонить колѣна, но время не позволяло молить; не смотря на непогоду, рано утромъ поснышалъ

онъ въ Хевранъ, поклониться гробу: Абраамову и вѣр-
ныхъ Патриарховъ, и возвратился въ станъ свой
къ Аскалону. Изъ Иерусалима написалъ Селимъ
повелительную грамоту Туманъ-бею, чтобы поло-
жилъ оружіе; но не внявъ угрозамъ новыи Сул-
танъ Мамелуковъ. Имѣна двухъ его Эмировъ да-
ровала победу Селиму, подъ стѣнами Каира, кото-
рый защищался уперто и взять былъ новою имѣ-
ною. Нѣсколько тысячъ Мамелуковъ пали въ бит-
вѣ, многія сотни на плахъ.

Жестоко праздновалъ свою победу Султанъ въ
покоренномъ Египтѣ, напоминая страшныя крово-
пролитія Тамерлановъ. Туманъ-бей бѣжалъ, съ
остатками дружины къ Бедуидамъ въ пустыню,
и продолжалъ военныя дѣйствія, доколѣ не выдастъ
былъ врагамъ своими союзниками. Обрадовался
Селимъ, услышавъ о плѣнѣ грознаго Мамелука, ибо
уже начиналъ отчаяваться въ покореніи Египта;
онъ принялъ его сперва съ честью и дѣлился его
воинскимъ доблестямъ: но потомъ, возбуждаемый
тѣми, которые завѣнили своему Султану, и опа-
саясь новыхъ смятеній, осудилъ его на позорную
смерть, предъ вратами его столицы. Танъ окончи-
лась держава Мамелуковъ, два вѣка съ половиною
страшная Христіанамъ Сиріи, Манголамъ и самимъ
Оттоманамъ. Съ тѣхъ поръ Мамелуки остались
только въ качествѣ Беекъ или Князей въ Египтѣ,
и раздѣлили между собою управление областей ея;
подъ начальствомъ верховнаго правителя, утверж-
даемаго въ Царьградѣ. Султанъ Селимъ управл-

* Histoire des Ottomans, Nismes Liv. XXIV. 1517 г. !!

идя также Халифатъ въ древнемъ родѣ Аббасидовъ, со смертію поспѣвшаго изъ нихъ Мотанакла, и принявъ на себя высочайшій санъ сей, какъ единственный повелитель, свѣтскій и духовный, всѣхъ Мусульманъ.

Достигнувъ на обратномъ пути Дамаска, устроилъ онъ тамъ управленіе Сиріи, раздѣливъ ее на три Паманіа, Алеа, Трипханъ и Дамаска; Св. градъ вознесъ въ область послѣдняго, и не имѣлъ отдельнаго воеводы, но повѣренный Паша Дамаскаго назначенъ былъ въ качествѣ намѣстника Іерусалимскаго. Однако Султанъ еще однажды посетилъ Св. градъ, ушедъ изъ Дамаска, опять въ смиренномъ образѣ поклонника, хотя также неблагопріятствовали ему земныя погода. — Патриархъ Дореей встрѣтилъ его во вратахъ города, со всеми духовенствомъ, и ласково бесѣдовалъ Султанъ со Святителемъ и старцами Іерусалимскими: отъ дальнихъ отъ себя Ахтиаме, или забытъ благоволенія, которымъ опредѣлилъ, чтобы всѣ обители и церкви были во власти Патриарха, и онъ бы первенствовалъ во всѣхъ духовныхъ обрядахъ надъ прочими исповѣданіями, а все духовенство было бы свободно отъ поголовной подати, хараджъ, взимаемой съ Христіанъ. — Между войнами Султана было много Христіанъ; бей Пелопониса, Геронтіи, оградилъ ходатайствомъ обители Снайскую и ея подворье въ Каирѣ, отъ разоренія. — И Франки, съ своей стороны, не забыли своихъ единовѣрцевъ въ Іерусалимѣ; тотчасъ послѣ возвращенія Султана въ Кон-

стантиннополь, явился посолъ Испанскій просить, о подтвержденіи преимуществъ, какими пользовались при Мамелукахъ вноки Латинскіе Св. гроба, дабы не водворилась обычная полѣть, издавна определенная для Богомольцевъ западныхъ. Такимъ образомъ, послѣ столькихъ переворотовъ гражданскихъ, воинскихъ и духовныхъ, Св. градъ подпалъ наконецъ владычеству Султановъ Оттоманскихъ, подъ коимъ и донынѣ состоитъ.

Послѣ завоеванія Сиріи и Египта, Султаномъ Салымомъ, кончается для Иерусалима и политическая его исторія; ибо вся Палестина, какъ область обширной имперіи Турецкой, уже не представляеть исключительной лѣтописи событій, какъ во времена крестовыхъ походовъ и даже владычества Мамелукскаго.—Мы можемъ почерпать свѣдѣнія о Св. градѣ, только изъ рассказовъ поклонниковъ, которые, съ тѣхъ поръ и до нынѣ, не переставали посѣщать Св. землю, не смотря на весь ея неустройство, подъ бѣдственнымъ игомъ Магометанъ. Въ теченіе XV вѣка, при державѣ мятежныхъ Мамелуковъ, владѣтельные Графы и Князья Европы, особливо Германскіе, предлагали свои благочестивыя странствія, и намъ осталась цѣлая книга ихъ походовъ, подъ именемъ Паломника Св. земли. Изъ числа именитыхъ, были Герцогъ Помераніи Богуславъ, Иоаннъ Графъ Сольмскій и Рейнскій, Фальцграфъ Александръ съ Графомъ Нассаускимъ; они посѣщали дорогою рыцарей Фодоса и Королей Иерусалимскихъ въ Кипръ, еще до покоренія остро-

рова Венеціанами.—Всѣ сіи путешествія совершались наиболѣе въ послѣднихъ годахъ того вѣка. Но одно изъ самыхъ драгоценныхъ, по своимъ свидѣніямъ о состояніи Христіанъ въ Іерусалимѣ, есть описаніе Кармелита Французскаго, Николая Гюена, странствовавшаго въ 1487 году.*

Онъ былъ гостепріимно принятъ Латинскими монахами ордена Св. Франциска, на горѣ Сіонской, какъ и всѣ путешественники западные: ибо на Сіонѣ находился главный монастырь Франковъ, великолѣпно украшенный даяніями Герцога Бургундскаго Филиппа, на томъ мѣстѣ, гдѣ Господь совершилъ вечерю тайную съ своими Апостолами; двадцать четыре инока, подѣ начальствомъ благодѣтеля Св. земли, составляли братство Латинское въ Іерусалимѣ, и благодѣтель имѣлъ разрѣшеніе отъ Папы производить въ рыцари Св. гроба, мечемъ и шпорами Короля Готфреда. Но въ самомъ храмѣ Св. гроба Франки держали только двухъ монаховъ, которые смѣнялись тамъ для служенія литургіи во святыхъ; ибо соборною церковію и святымъ вертепомъ владѣли Греки, которые были многочисленны въ Іерусалимѣ, по словамъ Кармелита, и притѣсняли Франковъ. Пришельцы западные имѣли еще на Сіонѣ женскій монастырь, во имя Св. Клары, гдѣ обитали шесть монахинь, а въ Вифлеемѣ, въ рукахъ ихъ, находились великолѣпный соборъ Богоматери и малая пещера Рождества Христова.

Православные Сиріане, т. е. Арабы, составляли

* Hueb, Voyage en Palestine imprimé à Lion par Michalet 1488.

особенно народонаселеніе Іерусалима; но они были въ уничиженномъ состояніи, пренебрегаемые, какъ рабы Мамелукскіе, и хотя единогряды Грекохъ, имѣли однако особенный монастырь Іоанна Божіа слова, въ бывшемъ его дѣмѣ, и содержали отъ себя одного монаха въ храмъ Воскресенія.

Армяне владѣли уже тогда великолѣпный монастыремъ Св. Апостола Іакова, который, какъ утверждаютъ Грузины, былъ у нихъ купленъ; ики же принадлежала обитель Каиафы на Сіонѣ, гдѣ предсталъ на судилищѣ Господь. — Другія исповѣданія, какъ, то Марониты, Іаковиты Сирійскіе, Халдеи или Несторіане, Копты, кромѣ Абиссинцевъ, часто враждовавшихъ съ Мамелуками на границахъ Египта, не имѣли своихъ отдѣльныхъ обителей въ Іерусалимѣ, хотя обрѣтались въ довольно большомъ количествѣ; даже Евреевъ считалось тамъ до трехъ сотъ, раздѣленныхъ на многія секты. — Но самыя любопытныя свѣдѣнія богомольца западнаго относятся до народа Грузинскаго,

Мамелуки, памятуя свое происхожденіе Черкесское и опасаясь мужественнаго племени Грузинъ которые часто воевали съ Турками, предоставляли имъ особенныя преимущества въ Іерусалимѣ, и бы многіе изъ Султановъ Египетскихъ были сами куплены въ Грузію. Одни Грузины имѣли право вѣздѣжать на коняхъ, съ оружіемъ въ рукахъ и рабнущенными знаменами, во Св. градѣ, и были избавлены отъ всякой подати; даже самыя жены ихъ, какъ Амазонки, не иначе какъ въ оружіи и на конѣ, являлись на улицахъ Іерусалимскихъ. Кре-

нѣ великозвѣной обители честнаго престоа и многихъ другихъ, исконо поддерживаемыхъ благочестіемъ Царей Грузинскихъ; имъ принадлежала вся Голгоба, гдѣ позволялось служить Франкамъ, и домъ Первоосвященника Анны на Сіонѣ, имъ обитель Архангельская, и они держали также своихъ иноковъ въ храмъ Воскресенія, для богослуженія.

Въ летописи Грузинскаго Царевича Вахуштія, находится весьма любопытное и вмѣстѣ загадочное снзаваніе, о походѣ трехъ Царей Грузинскихъ въ Іерусалимъ, въ 1524 году, которое доказываетъ тогдашнее могущество сего народа, хотя событіе сіе нигдѣ болѣе не повторяется въ иныхъ летописяхъ и сбичиво по лѣтосчисленію. — Онъ говоритъ, что преемникъ Султана Салима, Солманъ, будучи самъ занятъ войною на Западъ и находясь въ разрывѣ съ Шахомъ Персидскимъ, отправилъ Пословъ къ тремъ Царямъ, Георгію Карталинскому, Ваграту Иммертинскому и Левону Какетинскому, съ такимъ словомъ: «Іерусалимъ, сокровище вашей вѣры, въ рукахъ неверныхъ, но я отдамъ его вамъ;— идите, изгоните враговъ и владѣйте имъ;» ибо Султанъ опасался, чтобы и они не присоединились къ Персамъ противъ него. Услышавъ такое слово, все три Государи, дружные между собою, поспышавши собрать войско и; вѣсть съ Атабекомъ Кварланъ выступили въ Св. землю, полные упованія на Бога. Когда же приближались къ Іерусалиму, жители его послали сказать имъ: «обнаружьте свое намѣреніе, если вы пришли врагами, то васъ слишкомъ мало, если же странниками, то слишкомъ

много. — Мы пришли, отвѣдали дни Царя, въ надеждѣ освободить оружіемъ Св. мѣста; но славъ проконкретившей битвы съ жителями, нашедшими на брань, Грузины обратили ихъ въ бѣгство и вслѣдъ за ними ворвались въ городъ, гдѣ взяли много пленныхъ и добычи. Когда вѣсть сія достигла до Султана, онъ осыпалъ ихъ своими милостями и даровалъ имъ Св. мѣста, гробъ Господень, Голгофу, Виаземъ и обитель честнаго Креста; Цари возвратились послѣ освобожденія Св. града, съ великимъ торжествомъ, въ свои предѣлы.

Трудно разрѣшить, кто были сіи мострыне, о коихъ говоритъ Султанъ? — если это относится къ Франкамъ: то они не владѣли городомъ, а только нѣсколькими обителями; если къ Персамъ, въ качествѣ Шиховъ, то они не доходили до Иерусалима, а мятежные Мамелуки были одного закона съ Солданами; сверхъ того здѣсь есть еще и равенствѣ въ годахъ. Въ первый годъ его царствованія, когда онъ точно занятъ былъ войною съ Венгріею, возмущился Паша Дамасскій Джанберди Гавали, назначенный Селимомъ, и овладѣлъ временно всею Сиріею; но онъ былъ усмирѣнъ еще въ 1524 году, слѣдственно ранѣе назначеннаго срока. — Если же предполагать, что летописецъ Грузинскій, ошибся въ годахъ, то опять выйдетъ недоразумѣніе на счетъ царствованія Георгія IX Царя Грузинскаго, который вступилъ на престолъ только въ 1524 году. — Нельзя ни утверждать, ни отбрасывать сего преданія; ибо весьма вѣроятно, что оно основано на какомъ-либо историческомъ событіи,

хотя и Патріархъ Іерусалимскій Досифей не упоминаетъ о немъ въ своей исторіи. Онъ говоритъ однако, что съ тѣхъ поръ, какъ Оттоманы овладѣли Царыградомъ и стали презирать Грековъ въ Іерусалимѣ, одно только утѣшеніе находилъ Св. градъ въ Грузинахъ; ибо они еще и во времена Султановъ Мамелукскихъ могли защищать Св. мѣста, и владѣли въ самомъ Іерусалимѣ шестью обителями, изъ коихъ двѣ въ послѣдствіи уступили Грекамъ, Св. Феклы и Предтечи, одну Іоанна Богослова Латинянамъ, и одну Апостола Іакова Армянамъ.

Но Архіепископъ Грузинскій Тимофей, посвятившій Св. мѣста въ половинѣ минувшаго столѣтія; подтверждаетъ сказаніе лѣтописи Вахуштіевой, о походѣ трехъ Царей въ Іерусалимъ, и присовокупляетъ еще къ сему, что Грузины, по освобожденіи Св. мѣсть, владѣли ими исключительно восемнадцать лѣтъ; а благочестивый Левъ, Царь Кахетинскій, не оставилъ ихъ и по возвращеніи въ отечество, но прислалъ денежное вспоможеніе, съ своимъ повѣреннымъ, настоятелемъ Крестнаго монастыря, Іоакимомъ, для обновленія храма Св. гроба и Голгобы, которые тогда украсили мраморомъ. Онъ же говоритъ, что въ его время на Голгобѣ, у подножія Патріаршей каедры, написано было по Грузински на мраморъ: «Грузинскій помазанникъ, Царь Кахетинскій, и Карталинскій Левъ достопамятный, возобновитель и ктиторъ гроба Христова, Голгобы и высокой соборной церкви Іерусалимской Патріархин, разоренной Татарами,

вскупившіи свои усердіемъ, прислалъ Грузинскаго Архимандрита, отца Іоакима, настоятеля Крестнаго монастыря, и возобновилъ святыню сію для вѣчной своей памяти и своихъ потомковъ въ лѣто 1586. — Надпись сія истреблена во время послѣдняго пожара храма.

XXXVIII.

ВЛАДЫЧЕСТВО СУЛТАНОВЪ ОТТОМАНСКИХЪ.

Патріархи Доросей, Германъ и Соеремид.

Султанъ Солиманъ подтвердилъ Патріарху Доросею и духовенству православному благоприятные указы отца своего Селима и возобновилъ стѣны Іерусалимскія, которыя оставались разоренными со временъ крестовыхъ походовъ; онъ употребилъ на то камни древняго обширнаго замка рыцарей Странноприимныхъ, и стѣны существуютъ донынѣ, но гора Сионская осталась внѣ ограды. По мѣстному

• Истор. Дослѣ. кн. XI. гл. 7. 1580 г.

преданію, раздразнившей Султанаъ дившія за сію жизни того, кому поручено было строеніе. Оня обновилъ и мечеть Омарову, которая пришла въ упадокъ, въ смутныя времена Мамелуковъ, и взялъ для сего великолѣпный мраморный немоствъ и колонны Вилеемскаго храма. Не рому было вступить за Христіанское святилище, какъ нѣкогда во времена Халифа Абделмелека, который пощадилъ Геосиманскій мраморъ, по ходатайству Императора Іустиніана. А такъ какъ въ то же время супруга Султана, знаменитая своею красотою и властію, Роксолана, строила въ Іерусалимѣ имаретъ, или домъ для содержанія бѣдныхъ и ученыхъ, то Султанъ приказалъ въ передѣ въ врата храма Воскресенія, чтобы имѣть новый источникъ дохода, при каждомъ ихъ открытіи, съ приходящихъ богомольцевъ, а деньги обратить на строеніе имарета. Указомъ Султанскимъ была опредѣлена и пошлина за входъ во святилище, различная для разныхъ исповѣданій и племенъ: — Франки, какъ чуждые пришельцы, платили по четырнадцать левовъ; Греки, подданные Султана, только половину; Армяне, жители Карамацин, по пять левовъ; владѣльцы Аравитяне Сиріи и Египта и Коцты по три лева; а Грузины и Абиссинцы ничего не платили, ибо, какъ видно, Султанъ искалъ дружественныхъ сношеній съ сими двумя воинственными племенами, на дальнихъ рубежахъ своей исполннкой имперіи. Патріархъ Досноей свидѣтельствуетъ, что и въ едо время, т. е. въ исходѣ XVII вѣка, соблюдалось то же распределение податей.

Судя по сему описанию, можно видеть, въ какомъ бедственномъ состояніи находилось духовенство православное въ Иерусалимѣ, съ времени нападѣнн Царяграда, исключая одного лица святаго вождя народа Грузинскаго, который поддерживалъ святилище, но былъ въ неприязни съ Патриархомъ, по разнородности племени. Самые Патриархи и Епископы избирались тогда изъ туземныхъ Арабовъ, которые по своей неопытности въ дѣлахъ и крайнему необразованію, принесли Церковь Палестинскую въ совершенный упадокъ. До такой степени доходила бедность, что богослуженіе совершалось въ полотняныхъ ризахъ, въ желѣзными трикириями и мѣдными сосудами, и священные церковныя должны были итаться трудами рукъ своихъ, къ этому времени относится и уступка многочисленныхъ обитателей, принадлежавшихъ православному, въ руни иноверцевъ. Патриархъ Досифей рассказываетъ, каковыи образомъ великодушный соборъ Велесемскій достался въ руни Латиняиъ: однажды, въ великую субботу, всѣ иноки Велесемскіе пошли въ Иерусалимъ и остался тамъ одинъ замигатель лампадъ; но и ему желательно было побывать въ этотъ день у Св. гроба; но простота своей, отдалъ онъ ключи, отъ святаго вертепа Рождества, одному Латинскому монаху, поручивъ ему вечеромъ засвѣтить лампады въ пещеръ; когда же возвратился на другой день и сталъ спрашивать обратно ключей храма, уже не могъ болѣе получить ихъ; а иноки Латинскіе, которыхъ позвали

Греки на судъ предъ нами, силою денегъ, удержали за собою право обладанія храмомъ. Расказъ сей весьма правдоподобенъ, но тому что не было причины Франкамъ, владѣть исключительно соборомъ Византійскимъ, когда Саладинъ, послѣ ихъ изгнанія, уступилъ всю святаяница православнымъ Сиріянцамъ и они, вмѣстѣ съ Греками и Грузинцами, удержали ихъ за собою въ бѣдственную эпоху Мамалюковъ.

Между тѣмъ Арабы, завидуя Грекамъ, опасались, чтобы они не овладѣли исключительно Св. мѣстами, и пользуясь ихъ упадкомъ, послѣ того, какъ прекратилось для нихъ покровительство Императоровъ Византійскихъ, строго наблюдали, чтобы никто изъ Грековъ не былъ посвященъ, не только въ Патріарха, но даже въ Епископы. Такое положеніе продолжалось около ста лѣтъ, до святительства Германа, уроженца Морейскаго. Изучивъ въ совершенствѣ языкъ Арабскій въ Египтѣ, онъ прежде былъ діакономъ, въ монастырѣ Патріаршій, гдѣ его почли сперва за природнаго Араба, а потомъ, по необычайнымъ дарованиямъ, набрали единодушно на кафедру Св. града, преемникомъ Патріарха Доротея. Германъ началъ опять, мало по малу, посвящать Епископовъ изъ Грековъ, въ теченіе долгаго своего святительства, и со смертію послѣдняго члена Синода Іерусалимскаго, изъ мѣстныхъ Арабовъ, постановилъ за правило, чтобы и впредъ не смѣли посвящать, въ Епископы Іерусалимскаго престола, кого либо изъ Арабовъ. Пра-

вило: сіе обладаетя съ тѣхъ паръ, съ такою строгостію, что и понынѣ не только Епископы, но даже иъ іеромонахи и іеродіаконы родомъ Греки; местнымъ жителямъ Сири не вѣрится никакая хозяйственная должность до монастыремъ Палестинскимъ. Для укрѣпленія сего правила, Германъ поставилъ также, чтобы наследство духовенства Греческаго въ Іерусалимѣ, всегда оставалось съ гробу.

Съ избраніемъ Германа, единоплеменные ему Греки, стали опять посѣщать во множествѣ Св. мѣста и обогащать ихъ своими приношеніями; онъ самъ ходилъ въ Константинополь и другія мѣста, за сборомъ милостыни, и вмѣстѣ съ Вселенскимъ Патриархомъ Діонисіемъ совѣщался, о подчиненіи епархіи горы Синайской престолу Іерусалимскому; — однако Епископы ея нынѣ опять почитаются самостоятельными. Германъ посѣщалъ часто и Заіорданскія области, принадлежавшія его паствѣ; ибо туда, въ укрѣпленный городъ Каракъ, большая и богатѣйшая часть православныхъ жителей Іерусалимскихъ укрѣпилась, въ правленіе Мамелюковъ. Помощію ихъ обновилъ онъ мраморныя колонны обветшавшей часовни Св. гроба; и покрылъ ее сверху свинцомъ, чтобы защитить отъ дождя, потому что всегда была отверсть главный куполъ храма Воскресенія. Когда же Францисканскіе монахи, воспользовавшись его отсутствіемъ за Іорданъ, устроили желѣзный кивотъ, на подобіе часовни, надъ мѣстомъ снятія со креста, и стали исключительно въ немъ служить, Германъ, возвратившись

въ Іерусалимѣ, заставлялъ ихъ увѣривать такое нововведеніе. Во время его святительства, Церковь Іерусалимская испытала еще тяжкое бѣдствіе отъ землетрясенія: высокая крестообразная грама Воскресенія обрушилась и повредила куполъ надъ Сагробомъ; то же случилось съ колокольною Башенкою; и съ тѣхъ поръ еще онѣ находятся въ развалинахъ.

Мудрый Святитель, опасаясь вліянія Арабскаго на дѣла церковныя, рѣшивъ назначить себя преемника, еще при жизни, и привелъ съ собою въ Царьградъ единомысленнаго ему священника, персія Св. Николая, что у городскихъ воротъ Агіаканъ, котораго одѣвъ въ восточскую одежду, подъ именемъ Софронія. Чтобы придать болѣе торжественности избранію своего преемника, онъ пригласилъ въ Іерусалимъ Патріарха Александрійскаго Сильвестра, Митрополитовъ Доросенъ и Нектарія, Епископа Синайскаго Евгенія и другаго Епископа Симеона изъ Антиохійской епархіи, со всѣми высшими и низшими чинами Патріархія Іерусалимской, и составилъ изъ нихъ соборъ въ своихъ келіяхъ, на которомъ торжественно отрелся отъ престола. «Дети мои, сказалъ старецъ своимъ клирикамъ, Богъ да благословитъ васъ! такъ какъ я, по старости и по слабости силъ моихъ, не могу долге оставаться на кафедрѣ Святительской, то изберите и поставьте на мое мѣсто кого либо другаго.» Всѣ единогласно одобрили предложеніе Патріарха Германа и рѣшились, согласно съ древними примѣрами, написать три

листки на трехъ листкахъ, чтобы потомъ бросить о нихъ жребій. На другой день, Патріархъ Александрійскій и прочіе Архіереи положили листки сіи на Св. трапезу храма Воскресенія и, послѣ божественной литургіи, ввели въ алтарь мадаго отрока, который снялъ съ престола одинъ изъ листковъ: на немъ было имя Софонія; такимъ образомъ само Провидѣніе оправдало тайное, сердечное избраніе добродѣтельнаго старца Германа, и все духовенство Іерусалимское съ любовію приняло сіе назначеніе, какъ по собственному расположенію, такъ и потому, что оно согласно было съ желаніемъ всеми любимаго Патріарха. Онъ просилъ себя только, у новаго святителя, въ управленіе, Лидду и Раму; но все Христіане Іерусалимскіе единодушно воскликнули: «отецъ нашъ, не удайся отъ насъ, по живи съ нами въ Іерусалимъ!» Старецъ отвѣчалъ, что исполнитъ ихъ желаніе, если обрѣтетъ необходимое для себя спокойствіе въ Св. градѣ, и на-ства его объявила громогласно, въ присутствіи свидѣтелей иныхъ престоловъ, что не имѣетъ ни малѣйшаго иска или жалобы, на бывшаго своего Патріарха, ни по какимъ дѣламъ церковнымъ или гражданскимъ. Если же кто либо останется недоволеннымъ, избраніемъ новаго Архiepастыря, котораго нынѣ все принимаютъ, какъ бы отъ руки трехъсотъ семнадцати отцевъ Никейскихъ, или станетъ тревожить старца Германа; то долженъ будетъ внести за сіе пятьдесятъ Венеціанскихъ первоцвѣтъ цѣни, ибо и самъ Патріархъ Софоній долженъ почитать Патріарха Германа вмѣсто отца. Соборное сіе дѣ-

ніе, писанное на Арабскомъ языкѣ, доселѣ хранит-
ся въ библіотекѣ Патріаршей.

Софроній былъ человекъ благоправный и весь-
ма усердный къ святынь; онъ возобновилъ церковь
равноапостольныхъ Константина и Елены, находя-
щуюся въ патриархіи, для вѣчной памяти своихъ
родителей, какъ явствуетъ изъ надписи, и сдѣлалъ
многія другія исправленія въ храмахъ Иерусалим-
скихъ. Такимъ образомъ, въ Виелеемѣ, съ обѣихъ
сторонъ Св. вертепа, поддержалъ сводами соборъ,
уже начинавшій клониться къ паденію; и въ са-
момъ храмѣ Воскресенія началъ обновлять иконо-
стасъ, усердіемъ Христіанъ острова Крита; но ико-
ностасъ оконченъ только при его преемникѣ Тео-
фанѣ въ 1608 году: всѣ украшенія были благо,
краснаго и небеснаго цвѣта, съ золотыми звезда-
ми. Когда же, во дни святительства Софроніева,
одинъ богатый богомалецъ западный, силою денегъ,
хотѣлъ отнять у православныхъ Голгоюу, и внести
судіямъ шесть тысячъ золотыхъ, за неправое прио-
брѣтеніе святыни, ревностный Патріархъ собралъ
последнія свои деньги, и за двойную сумму возвра-
тилъ православнымъ обладаніе Голговою; съ тѣхъ
поръ она перешла изъ рукъ Грузинъ къ Грекамъ;
однако полуденная часть священнаго утеса, на коей
пригвожденъ былъ ко кресту Спаситель, осталась
во владѣніи Франковъ; ибо они и прежде имѣли
тамъ право служить литургію, на маломъ престолѣ,
хотя сперва не владѣли симъ мѣстомъ.

По убогому положенію своей касседры, Патрі-
архъ Софроній предпринималъ многія странствія,

для сбора милостыни, сперва въ Египеть и на гору Синайскую, куда сопутствовалъ ему гость и богомолецъ Русскій, Трифонъ Корабейниковъ, при-слаяный Иоанномъ Гроровымъ, съ царскими поминованиями, по душѣ убиеннаго имъ Царевича Иоанна. Потомъ отправился въ Царьградъ и еще далѣе въ Молдавію, гдѣ получалъ въ даръ для Св. гроба монастырь Круію, отъ благочестиваго воеводы Петра. Онъ хотѣлъ продолжать свое путешествіе и въ Россію, ибо тамъ находился въ то время святѣйшій Іеремія Константинопольскій, который возвелъ достоинствомъ Патріаршимъ Митрополію Московскую и всея Руси, но долженъ былъ отложить свое путешествіе, по смутнымъ обстоятельствамъ времени.

По возвращеніи Патріарха Іеремія въ Царьградъ, Софроній, вмѣстѣ съ прочими Святителями Восточными, подписалъ утвердительную грамоту, о возведеніи Іова въ санъ Патріаршій, и присутствовалъ вмѣстѣ съ Іереміею и Мелетіемъ Александрійскимъ, на другомъ соборѣ, которымъ отвергнуть новый календарь Папы Григорія XIV, распространяемый имъ по Востоку. Когда же въ послѣдствіи Софроній, по своимъ проклятымъ лѣтамъ, не могъ болѣе странствовать для сбора милостыни, онъ рукоположилъ себя врсемникомъ благочестиваго Теофана, воспитаннаго при немъ съ юныхъ лѣтъ, подобно какъ и онъ самъ былъ избранъ сперва въ сотрудники старцу Герману; Теофанъ былъ посылаемъ имъ по многимъ странамъ, чтобы пожертвованиями православныхъ Христіанъ поддержать святыню Палестины.

скую, оспориваемую иновѣрцами. Мѣстное преданіе говоритъ, что такъ какъ двери храма Воскресенія были заключены стражею Турецкою, и входящіе богомольцы, мужчины и женщины, по необходимости объѣдали и спали внутри храма: то Софроній хотѣлъ воспретить безпорядки, недостойныя святости мѣста. Но ему явился, въ сонномъ видѣніи, самъ Господь Иисусъ Христосъ и сказалъ: «Епископъ! я терплю это, а ты для чего хочешь воспретить народу моему оставаться въ моемъ храмѣ? — довольно ихъ благочестія, о прочемъ же подобаетъ приложить попеченіе.»

Мы имѣемъ свидѣтельство, о состояніи Св. мѣстъ въ исходѣ XVI вѣка, чрезъ двухъ поклонниковъ, рднаго восточнаго, другаго западнаго, которые посѣтили Палестину, во дни святительства Софроніева. Трифонъ Корабейниковъ, посланный Іоанномъ, описывая красоту храма Воскресенія, говоритъ, что куполъ его не додѣланъ, потому что Турки, однажды разоривъ оный, не допускаютъ исправить; но это вѣроятно относится къ поврежденію, случившемуся отъ упавшей при землетрясеніи колокольни. Достойно замѣчанія, что въ храмѣ, гдѣ по словамъ Трифона, всѣ исповѣданія различныхъ народовъ имѣли свои малые престолы, около главнаго собора Греческаго, Болгары воздвигли себѣ престолъ, надъ самою крышею часовни Св. гроба, и тамъ совершали богослуженіе, подъ открытымъ куполомъ. Расскажь его, о сошествіи огня въ великую суб-

• Истор. Досно. кн. XI, гл. 7.

боту, исполнить теплою вѣрой. Христіане угашаютъ огни, въ домахъ своихъ, еще съ великаго четверга, ожидая появленія небеснаго; гробъ же Господній запечатываютъ; въ день субботній, Патріархъ, взошедши въ великую церковь, молить со слезами Господа, о ниспосланіи божественнаго свѣта, и когда узрѣть его, какъ лучъ солнца, нисходящій сквозь отверстіе купола на Св. гробъ, онъ совершаетъ вокругъ крестный ходъ, со всемъ духовенствомъ, приказывая Туркамъ отпечатать свѣтилице. Тогда входитъ одинъ внутрь его, износить святыи огонь, который раздаетъ всемъ вѣрнымъ и иноувѣрнымъ, и огонь сей не жжетъ, доколь еще въ рукахъ Патріаршихъ, а на Св. гробъ возжигаются сами собою всѣ кандила православныхъ.

Трифонъ засталъ еще тринадцать обителей православныхъ въ самомъ Іерусалимѣ, и рассказываетъ о монастырѣ Св. Михаила, служившемъ вмѣсто подворья для иноковъ Св. Саввы, что когда Турки разорили верхъ церковный, два старца, Моисей и Меодій, испросили въ Россіи милостыню, на обновленіе сей церкви, отъ Царя Іоанна Грознаго и Митрополита Макарія. Довершивъ съ дозволенія Султанскаго строеніе, иноки едва не подверглись самой лютой смерти отъ невѣрныхъ; ибо Паша Іерусалимскій захотѣлъ обрушить опять куполъ и найдень былъ въ ту же ночь мертвымъ въ своей ложницѣ; стража Турецкая устремилась на обитель, но обрѣвши иноковъ на молитвѣ, удалилась, поражен-

* Обзоръ Русскихъ путешествій въ пут. ко Св. мѣст. 1830 г.

ная внезапнымъ ужасомъ. Съ изумленіемъ описываетъ Трифонъ великолѣпіе лавры Св. Саввы, и особенно соборной его церкви, изъсѣченной изъ огромныхъ камней, съ рѣзнымъ иконостасомъ, ярко вызолоченнымъ, и со стѣнною живописью; кромѣ собора, еще пять церквей, и весь хозяйственный заведенія обители, находившійся въ лучшемъ устройствѣ; ибо тогда Сербы еще владѣли лаврою, которую обновили въ самое цвѣтущее время ихъ царства. Они приобрѣли ее отъ Грековъ, вынужденныхъ оставить древнюю свою обитель, по нестерпимымъ гоненіямъ Арабовъ въ 1504 году, и выстроили для защиты оной башню, съ придѣломъ Св. Симеона; оттолъ, одинъ изъ иноковъ, стоявшій на всегдашней стражѣ, подавалъ знакъ о приближеніи Бедуновъ; но въ исходѣ XVI вѣка и Сербы, въ свою чреду, оставили лавру, ибо уже не въ силахъ были ее поддерживать, и она пребывала въ упадкѣ около ста лѣтъ, до временъ Патриарха Досіоея. Трифонъ засталъ, вѣроятно, лавру уже въ послѣдніе годы обладанія Сербскаго*.

Другой путешественникъ того же времени, Князь Радзивилъ, говоритъ, что онъ слышалъ въ Іерусалимѣ, и въ самой лаврѣ Св. Саввы, о бѣдственной кончинѣ множества ея иноковъ, приключившейся при Султанѣ Селимѣ II. (т. е. около 1570 года): Однажды, когда новый Паша назначенъ былъ въ Іерусалимъ, монахи Св. Саввы, коихъ считалось тогда до тысячи, пришли къ нему для поздравленія и принесли въ даръ каждый по куриць; Паша, испу-

* 1583 г.

ганный такимъ множествомъ людей, въ одинаковомъ одѣяніи, спросилъ ихъ, кто они? и услышавъ, что всѣ иноки Св. Саввы, отвѣчалъ имъ: «дары ваши приѣмлю, но не могу дозволить, чтобы такое множество народа обитало въ стѣнахъ одной обители, изъ опасенія бунта.» Онъ велѣлъ тутъ же умертвить многочисленную братію, кромѣ двадцати человекъ, и Султанъ одобрилъ жестокую предусмотрительность своего намѣстника. Во время посѣщенія Князя Радзивила, ихъ было только тридцать человекъ, и такъ какъ происшествіе сіе случилось не болѣе какъ за десять или пятнадцать лѣтъ, то конечно нѣтъ сомнѣнія въ вѣроятности оного, ибо рассказъ Князя простъ и не преувеличенъ.

Радзивиль говоритъ также*, что и при первомъ Селимѣ много пострадали иноки Іерусалимскіе, когда онъ шелъ завоевать Египетъ. Услышавъ, будто они зарыли въ землю сокровища храма Господня, пожертвованныя Государями западными, Султанъ заключилъ ихъ всѣхъ въ темницу башни Давидовой и содержалъ на хлѣбъ и на водѣ, въ теченіе двадцатисеми мѣсяцовъ, допытывая, гдѣ скрыты желанныя сокровища; но иноки мужественно претерпѣли всѣ истязанія и ничего не открыли, хотя многіе изъ нихъ скончались мученически, отъ долгихъ томленій. Они освободились только по совершенномъ покореніи Египта. Однако рассказъ сей не сходенъ съ исторіею Патріарха Досея, о благосклонномъ обращеніи Селима съ духовенствомъ

* Письмо II, Путеш. кн. Радзивила.

православнымъ, и можно предполагать, что Радзивилъ упоминаетъ здѣсь только о инокахъ Латинскихъ, о которыхъ, какъ извѣстно, ходатайствовалъ, послѣ возвращенія Султана въ Царьградъ, нарочно присланный посолъ Короля Испанскаго. Весьма любопытно приводимое Княземъ преданіе, о златыхъ вратахъ, чрезъ которыя въѣхалъ Господь Иисусъ, въ день вербнаго торжества. Турки почитаютъ за грѣхъ отворять ихъ, утверждая, что они только отверсты будутъ одному великому и сильному Государю, который чрезъ нихъ взойдетъ въ Св. градъ и будетъ властителемъ вселенной. Когда же Князь спрашивалъ Турковъ, для чего ихъ Султанъ не взойдетъ чрезъ нихъ самъ, чтобы съ малымъ трудомъ получить обладаніе вселенной? — они молчали, а понуждать ихъ къ отвѣту было бы опасно; ибо по заповѣди корана, состязавшійся о вѣрѣ заслуживаетъ казнь.

Когда Радзивилъ посѣщалъ Іерусалимъ, онъ былъ принятъ иноками Францисканскими, уже не на Сіонѣ, но въ новой ихъ обители Спасовой, которую купили у православныхъ и гдѣ донынѣ пребываютъ, ибо главный монастырь ихъ, Тайной вечера, находился въ рукахъ невѣрныхъ, съ 1560 года. Одинъ изъ Евреевъ Цареградскихъ, сильный деньгами при великомъ Визирѣ, просилъ Латинянъ позволить ему поклониться гробамъ Давида и Соломона, коихъ мѣсто, по давнему преданію, назначалось подъ сводами сего храма; но все его просьбы остались тщетными. Раздраженный Еврей поклялся отмстить, и возвратясь въ Царь-

градъ, упреналъ Визиря въ равнодушнѣ къ двумъ столъ великихъ Пророкамъ, прославленнымъ въ коранъ, концы святыхъ останки находились въ рукахъ Христіанъ; въліяніемъ своего богатства онъ достигъ наконецъ малодушной цѣли, сдѣлавъ Христіанъ, подобно какъ и Евреевъ, чуждыми сей святини.

Раздвигая, описывая съ большою подробностію внутренность храма Воскресенія, говоритъ, что въ его время Св. гробъ принадлежалъ Латинянамъ, хотя это несогласно съ исторіею Досноя, равно какъ и половина Голгобы; она была имъ уступлена, по взаимному согласію Грузинъ, во владѣніи концы осталась другая половина Св. утеса, и Армяны, кои Франки отдали за то третью часть верхнихъ хоръ храма. Западный богомолецъ упоминаетъ еще, о церкви явленія Господа Магдалинъ, отколы начинались, какъ и теперь, всѣ крестные ходы Латиняны; и о ихъ придыль въ церкви обрѣтенія креста, гдѣ находились также алтари Греческій и Армянскій. Придыль Лонгина Сотника былъ общимъ всѣхъ народовъ, Раздѣленія ризъ принадлежалъ Армянамъ, а Терноваго вѣнца Абиссинцамъ, равно какъ и мѣсто приношенія Исаака, по другую сторону Голгобы. Позади Св. гроба, Копты выстроили свою безобразную часовню, воспользовавшись гнѣвомъ Султана противъ всѣхъ Франковъ, которыхъ ввергнулъ въ темницу, послѣ славной побѣды Лепантской, одержанной Іоанномъ Австрійскимъ надъ его флотомъ. Доходы, получаемые Турками за отверстіе Св. вратъ для поклонниковъ, простирались до тридцати шести ты-

сячь рублей; изъ числа оныхъ Европейцы платили за себя поголовно по девяти червонныхъ, Греки пять, Сирияне три, а Христіане отдаленныхъ мѣстъ Азии по семи и осми. Распредзленіе святаяиши внутри храма Воскресенія, между разлччными народами, было уже и въ то время почти одинаково съ нынѣшнимъ, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что придѣлы Грузинъ достались въ послѣдствіи Грекамъ, а Абиссинцевъ Армянамъ; но подземелье собора Вилеемскаго еще принадлежало тогда Францисканамъ, и въ обители честнаго креста имѣлъ свое пребываніе Епископъ Грузинскій. Вообще состояніе Палестины того времени было самое блестящее; не только Христіане, но самыя Турки безпрестанно терпѣли отъ нападений Бедуиновъ, которые безнаказанно грабили по всей Палестинѣ и нимало не уважали Пашу Іерусалимскаго, съ малою стражею его янычаръ.

XXXIX.

ПАТРИАРШЕСТВО БЕОФАНА *.

Семнадцатое столѣтіе Церкви Іерусалимской памято и для Россійской, по тѣмъ близкимъ отношеніямъ духовнымъ, въ какихъ они находились между собою; ибо Патріархи Восточные, тѣснимые въ своихъ предѣлахъ, стали часто посѣщать страну православія, гдѣ ихъ съ любовію принимали благочестивые Самодержцы; самые подвиги Святителей Іерусалимскихъ болѣе намъ извѣстны въ теченіе сего вѣка, ибо очевидцемъ ихъ былъ церковный писатель Доснеей, облеченный и самъ саномъ Патріаршимъ **. Онъ говоритъ, въ послѣдней книгѣ своей исторіи, что когда по происканъ Францисканъ въ Іерусалимъ, домъ Патріаршіи обременился тяжкими долгами, для сохраненія Св. мѣсть, и Святителя не могли лично пещись о своей паствѣ,

* 1608 г. ** Кн. XII, гл. 1.

у Св. гроба: то они сдѣлались ради нея скитальцами по вселенной; но божественный Промыслъ, всегда извлекающій благое и изъ недобраго начала, въ замѣнъ отторгаемыхъ лестію и силою Христіанъ Палестинскихъ, утвердилъ въ православіи безчисленное множество городовъ и народовъ, чрезъ путешествія Патріарховъ Іерусалимскихъ, къ общему благу всей Церкви. Болѣе другихъ подвизался блаженный Пастырь Теофанъ, въ теченіе тридцатисемилѣтняго своего святительства, и отечество наше должно всегда помнить его великія заслуги; ибо онъ носѣтилъ и утвердилъ оное въ самую бѣдственную эпоху Уніи и Самозванцевъ, когда ни сѣверная, ни южная Россія, не имѣли пастыря; Теофанъ былъ Ангеломъ мира для обѣихъ*.

Восточные Патріархи, слыша о неурядицахъ единовѣрнаго царства Россійскаго и о гонимыхъ Римскихъ противъ православія, уже изнемогавшаго на югъ безъ Епископовъ, — сошлись для совѣщанія у гроба Господня и послали кроткаго его блюстителя устроить Церковь Россійскую; Патріархъ Константинопольскій далъ ему полномочіе, дѣйствовать лицемъ своимъ, и отправилъ съ нимъ своего Экзарха, архимандрита Арсенія. Посѣтивъ сперва столицу Русскую, еще до освобожденія изъ плѣна Филарета Никитича, Теофанъ нашелъ Церковь въ волненіи, по случаю нѣкоторыхъ исправленій въ требникъ. Самъ Государь замѣтилъ грубыя ошибки, издавна вкравшіяся, не только въ рукописныя служебныя книги, но и въ

тъ, которыя напечатаны были при Патріархахъ Іоанъ и Гермогенъ; онъ поручилъ Архимандриту Діонисію заняться, вмѣстѣ съ братіею Троицкою, исправленіемъ свихъ погрѣшностей; ибо со временъ Стоглава и до Никона, трудъ сей былъ постояннымъ предметомъ заботъ царскихъ и патріаршихъ. Діонисій, сличивъ Русскій требникъ съ Греческими, исправилъ нѣкоторое возгласы, и за то подвергся жесточайшимъ гоненіямъ, отъ Митрополита Крутицкаго Іоны. Въ теченіе цѣлаго года терпѣлъ святой старецъ душную темницу, и пытки, даже поруганія отъ народа, и все сіе переносилъ онъ съ чрезвычайною кротостію и терпѣніемъ, какъ исповѣдникъ слова Божія. Пріѣздъ Патріарха облегчилъ его участь.

Прежде всего Оерфаанъ, по совету Царя, вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ, слезно молили великаго труженика, Митрополита Филарета, принять на себя высокой санъ патріаршій, и долго отрекался Святитель. Испытанный всеми бѣдствіями, въ теченіе двадцати лѣтъ, постриженный неволею, сосланный, разлученный съ семействомъ, наконецъ десять лѣтъ томившійся въ плѣну, усталый старецъ хотѣлъ только житія безмолвнаго, и едва былъ упрошенъ Царемъ, Патріархомъ и соборомъ, украсить собою престолъ Св. Петра. Такимъ образомъ, уже третій исповѣдникъ восходилъ на него, со времени учрежденія патріаршества и тѣмъ прекратилось девяти лѣтнее сиротство Церкви Московской. Самъ Іерусалимскій Святитель совершилъ посвященіе великаго Филарета и, уставною грамотою, утвердилъ на будущія времена права, данныя при по-

ставленію Іову, святѣйшимъ Іеремією Цареградскимъ. Тогда устроилось чудное явленіе въ лѣтописяхъ міра, нигдѣ и никогда не повторившееся, — родителя Патріарха и сына Царя, вмѣстѣ управлявшихъ государствомъ.

Патріархъ Теофанъ не замедлилъ оправдать, предъ новымъ Святителемъ Московскимъ, страждущаго Діонисія и объщалъ, въ засвидѣтельствованіе правоты его, прислать объяснительныя грамоты, по совѣщаніи съ прочими Восточными Патріархами, что въ послѣдствіи исполнилъ; ибо святѣйшій Филаретъ ревностно продолжалъ заниматься дѣломъ исправленія книгъ служебныхъ. Освобожденный архимандритъ возвратился въ лавру Сергіевскую, прославленную его подвигами, и тамъ имѣлъ утѣшеніе принять торжественно своего избавителя и видѣть смиреніе Владыки Іерусалимскаго, предъ мощами преподобнаго Сергія. Онъ представилъ Теофану доблестныхъ иноковъ, подвижавшихся вмѣстѣ съ нимъ за отечество, которые находили, что раны, полученные въ битвѣ, служили имъ еще лучшими будильниками для плача и вздыханія о грѣхахъ.

Съ благословеніями съверной Россіи, направился блаженный Теофанъ въ южную, и посѣтилъ Кіевъ, древнюю мать православія, страдавшую безначаліемъ церковнымъ. Король Сигизмундъ, не смотря на свои гоненія, призналъ въ Теофанѣ лице Патріаршее и велѣлъ воздавать ему должныя почести, хотя потомъ опять усомнился въ его санѣ. Ревностный къ просвѣщенію церковному, Тео-

Фанъ, именемъ Патріарха Константинопольскаго, утвердилъ Боговѣленское братство въ Кіевѣ, старопигіальнымъ, т. е. прямо зависящимъ отъ Вѣденскаго Владыки, благословилъ завести въ немъ училище, на Эллино-Славянскомъ и Латино-Польскомъ языкахъ, и присовокупилъ къ нему братство милосердія, или странновѣрный домъ, обратившійся въ бурсу академическую. Когда долгимъ пребываніемъ Патріарха въ Кіевѣ, мало по малу стали ободраться православные, то почетное духовенство и дворянство, собравшееся вмѣстѣ съ Гетманомъ изъ сосѣднихъ городовъ, на праздникъ Успенія, упросили Феофана дать имъ наконецъ главу Церковную и пастырѣй, коихъ такъ давно уже была лишена Малороссія. По примѣру прежнихъ Патріарховъ, торжественно посвятилъ онъ въ лаврѣ, Митрополитомъ Кіевскимъ Іова Борецкаго, игумна Михайловскаго монастыря, и еще двухъ, ректора Виленскаго училища, архимандри Мелетія Смотрицкаго Архіепископомъ въ Полоцкѣ, и Іосифа во Владимірѣ Волинскій, а потомъ и прочихъ: Исвакія въ Луцкѣ, Исаію въ Перемышлѣ, Пансія въ Холмѣ, Грека Аврамія въ Пинскѣ; такимъ образомъ, возстановивъ упраздненныя епархіи и возбудивъ всѣхъ стоять твердо за вѣру, спокойно возвратился въ свои предѣлы.

Но въ самомъ Іерусалимѣ Патріархъ Феофанъ непрестанно долженъ былъ бороться съ Франками и Армянами, за обладаніе святынею: водворитель мира въ предѣлахъ чуждымъ, не могъ обрести его у себя. Давно уже Франки овладѣли Св. вертепомъ

Вселесемскимъ; но по крайней мѣрѣ они допустили въ него для служенія православныхъ. По древнему обычаю, Патріархъ со всемъ духовенствомъ, совершалъ всемошное бдѣніе, наканунѣ Рождества Христова, въ большомъ соборѣ, и когда пѣвецъ церковный, во время литіи, долженъ былъ спуститься въ самый вертепъ подъ алтаремъ, чтобы возгласить надъ мѣстомъ рожденія Божочеловѣка: «рождество твое, Христе Боже нашъ, возсія мірову свѣтъ разума,» — тогда Франки, затворивъ обѣ двери вертепа, не впустили туда пѣвца, подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы хранитель онаго отлучился въ Іерусалимъ. Огорченный Патріархъ, не кончивъ вечерняго молитвословія, немедленно возвратился въ Св. градъ и предалъ дѣло молчанію; а Франки еще болѣе возгордившись, задумали отнять у Православныхъ и другую половину Голгофы, и дерзнули даже пробить сводъ, гдѣ стояла патриаршая кафедра. Не стерпѣвъ уже столь наглого насилія блаженный Теофанъ и показавъ кадію Іерусалимскому хрисовуллы Султановъ, получили отъ него право на владѣніе всею Голгофою и вертепомъ Рождества. Франки, съ своей стороны, обратились къ Царю и силою денегъ убѣдили его заключить въ землицу Патріарха! Нечестивый правитель хотѣлъ даже умертвить его; но былъ оставленъ кадіемъ и принужденъ отпустить его изъ заключенія. Однако, опасаясь козней Латинскихъ, Патріархъ не выходилъ изъ обители своей до праздника Іліи Пророка, и въ этотъ день, вышедши

тайно изъ Св. града; бѣжалъ въ Акру. Услышавъ о томъ Паша, отправилъ нарочнаго къ бею Акры, чтобы схватить Θεοφана, и посланный за нимъ въ ягонию Эѳіоплянинъ настигъ его, надъ потокомъ у горы Кармильской; но будучи съ дѣтства Христіаниномъ, тронулся бѣдствіемъ старца и отпустилъ его за сто золотыхъ. — Патріархъ сѣлъ на корабль и, приплывъ въ Царьградъ, вступилъ тамъ опять въ нрѣніе съ Франками, уже предъ диваномъ Порты; но силъ хрисовулъ, приобрѣлъ онъ законное свое достояніе: всю Голгову, камень помятаго Господня и Св. вертепъ Вилеемскій, съ южнымъ притворомъ храма, на что и получилъ хаттишерифъ, т. е. собственноручное опредѣленіе Султана. Однако, незлобивый пастырь простилъ Латинцамъ обиду и не коснулся ихъ лампадъ, горѣвшихъ надъ святынищами.

Пять лѣтъ спустя, они опять возобновили свои притязанія, воспользовавшись походомъ великаго Визиря Ибрагима, противъ Паши Багдадскаго. Обольщенный ихъ дарами, Визирь увѣрилъ слабого Султана Мурата, будто бы великій дѣдъ его Солиманъ отдалъ Св. мѣста во владѣніе Франковъ, а не Грековъ, и стерши нима свѣхъ послѣднихъ изъ Султанскаго фирмана, написалъ нервыхъ. Это стоило имъ 16,000 левовъ, поднесенныхъ въ даръ Визирю, не считая прочихъ подарковъ Муфтію и инымъ важнымъ сановникамъ государства; ибо они уже надѣлись навсегда оставить за собою Св. мѣста. Патріархъ Θεοφанъ былъ тогда въ Валахіи; но и въ столь трудныхъ обстоятельствахъ успѣлъ побѣ-

вратить утраченное. — Въ отсутствіе великаго Визиря, каймаканъ его или намѣстникъ Мустафа Паша, будучи родомъ изъ Албаніи, благопріятствовалъ православныхъ и самъ научилъ ихъ, какъ приступить къ Султану. Экономъ Іерусалимскаго подворья въ Царьградѣ, Іоаннъ, и другой іеромонахъ Св. гроба, по имени Амигдалъ, управлявшій эпархією Хіесскою, подали письменно челобитную Мурату, когда онъ жилъ въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ своихъ; Султанъ лично объяснялся съ ними, на Арабскомъ языкѣ, и, услышавъ отъ каймакана подтвержденіе словъ ихъ, послалъ въ Іерусалимъ нарочнаго агу, чтобы возвратитъ православнымъ похищенные у нихъ святилища. — Еще чрезъ два года, снова принужденъ былъ судиться Патріархъ Теофанъ съ Латинянами, сперва у Мутия, а потомъ предъ диваномъ, и опять укрѣпился Св. мѣста за православными; Патріархъ же отнущенъ съ честію, на свое подворье, и ему даны вновь подтвердительная хрисовула. — Кратки и выразительны были слова сего хаттишерифа: «Кадію и Пашъ Іерусалимскимъ: смотрите, чтобы дѣло было произведено по моей божественной заповѣди, а если поступите лукаво, отсѣку вамъ головы: — знайте это.» — Теофанъ возвратился въ Іерусалимъ, въ сопровожденіи Султанскаго аги, который ввелъ его опять во владѣніе Св. цеперы, занечатанной по прѣскаму Франкоу за девять мѣсяцевъ предъ тѣмъ, и съ тѣхъ поръ, оноло полутька они оставили въ покоѣ православныхъ. Но уже на сей разъ Патріархъ не оставилъ, на Голго-

ев и въ вертепъ Рождества, лампадъ Латинскихъ, какъ въ первый разъ, потому что и они, во время краткаго своего обладанія, выкинули лампы Греческія; Армяне же сами вынесли свои, и когда спрашивали у нихъ, для чего? они отвѣчали, «завтра Франки опять будутъ владѣть сими мѣстами и мы, съ ними вмѣстѣ, повѣсимъ наши лампы.» Хрисовулла Султанская уступила Грекамъ и самый монастырь, издавна принадлежавшій Римлянамъ въ Виолеемъ; но Митрополитъ Виолемскій Аѳанасій, мѣстоблюститель престола Патріаршаго, не захотѣлъ имъ воспользоваться; а Патріархъ Теофанъ обязался вносить ежегодно въ мечеть Султана Ахмата, по триста двадцати червонныхъ, чтобы только Франки не начинали болѣе своихъ неправильныхъ притязаній предъ диваномъ.

И Армяне, въ одно время съ Франками, не оставляли въ покоѣ Святителя Іерусалимскаго. Они имѣли обыкновеніе каждый, девяностый годъ, праздновать Пасху, недѣлею послѣ православныхъ; (что нынѣ уничтожено по совѣту знаменитаго ихъ Патріарха Нерзеса); по сему случаю, въ 1633 году, имъ пришло на мысль, въ первый разъ, праздновать отдѣльно и обрядъ Св. огня, а потомъ, на слѣдующій годъ, уже они хотѣли восхитить себѣ и первенство отъ Грековъ для полученія сего огня въ великую субботу; но такъ какъ мѣстное начальство, кадій и Паша, не могли имъ разрѣшить нововведенія, они обратились въ Царьградъ. Султанъ Муратъ, замышлявшій войну противъ Венгровъ, находился тогда въ Адрианополь, и посему

многіе изъ Грековъ устремились въ стаю его. Все благопріятствовало Армянамъ, ибо великій Визирь, Ибрагимъ Паша, былъ имъ соотечественникъ; имъ покровительствовалъ и другъ Султана, Абаза Паша, и они имѣли въ свою пользу свидѣтельство отъ властей Арабскихъ Св. града. Ибрагимъ Паша велѣлъ имъ судиться у Казискериды, или великаго судьи западнаго, который спросилъ только одного изъ нихъ: «отъ кого принялъ некогда Халифъ Омаръ Іерусалимъ?» — и услышавъ, что отъ Грековъ, отвѣчалъ весьма просто: «такъ какое же дѣло Армянамъ до Іерусалима?» — Сдѣлавъ строгій выговоръ кадію и властямъ Іерусалимскимъ, Казискеридъ отпустилъ Православныхъ, съ утвердительною грамотою о ихъ первенствѣ, и доставилъ имъ вскорѣ на то хаттишерифъ Султанскій.

Когда же Муратъ возвратился изъ Адрианополя, Армяне стали опять умолять вельможъ въ свою пользу, общая имъ до шестидесяти тысячъ червонныхъ. Греки, не въ силахъ будучи собрать столько денегъ, обратились къ Бостанджи-башѣ, или начальнику садовъ Султанскихъ, который былъ въ отрочествѣ Христіаниномъ, и даже мать его Христіанка была еще жива. Патріархъ Теофанъ самъ призвалъ ее къ себѣ и умолялъ ходатайствовать за единовѣрцевъ. — Насталъ день верховнаго суда; несмѣтное множество Армянъ стеклось къ дверямъ дивана, такъ что напруднилась ими вся окрестность Св. Софіи; Султанъ, по особенному случаю, явился въ судъ, не въ царской а въ обыкновенной одеждѣ, въ сопровожденіи одного лишь Бостанджибашы, который

далъ о томъ знать іеромонаху Амигдалу и велѣлъ ему говорить съ ними свободно, какъ бы не узнавая лица царскаго.

Самъ Востанджи-бани спросилъ презрительно Амигдала: «что значить это собраніе Грековъ?» Когда же Султанъ услышалъ, что это не Греки, а Армяне, и онъ въ свою чреду спросилъ: «чегонищутъ Армяне?» — тогда Амигдалъ подробно, и съ доказательствами, изложилъ ему все дѣло. «Армяне пришельцы, сказалъ онъ, а Іерусалимъ и все царство сіе принадлежало искони Грекамъ, и Греки всегда были жителями туземными. Посему Омаръ и послѣ него Государи Арабскіе, потомки Халифовъ и Султаны Мамелуковъ, равно какъ и Государи Турецкіе, давали Грекамъ право распоряжаться въ Іерусалимѣ, какъ въ собственномъ своемъ достояніи; Омаръ, въ договоръ, который заключилъ съ Патріархомъ Софроніемъ, отдалъ Іерусалимъ Патріарху, съ такимъ распоряженіемъ: чтобы всѣ Христіане, откуда бы ни приходили они въ Іерусалимъ для богомолья, подчинены были Патріарху Греческому, и на поклоненіе святымъ мѣстамъ въ Іерусалимѣ ходили съ его воли, и каждый изъ нихъ приносилъ бы ему въ даръ одинъ сребреникъ и полъ драхмы. А нынѣ Армяне, надѣясь на свое богатство, хотять отнять у Грековъ и святыя мѣста и первенство; мало сего, они думаютъ сборищемъ своимъ привести въ страхъ самаго Царя.» — «Не уже ли Султанъ о томъ не знаетъ и нѣтъ ли какаго помощника у Армянъ?» спросилъ Муратъ. — «Нѣтъ, Государь мой, сказалъ

въ отвѣтъ Амигдалъ, Царь ничего объ этомъ не знаетъ; да правосуднѣйшій Султанъ Муратъ и не сдѣлаетъ никакой обиды покорному ему православному народу и не станетъ покровительствовать Армянамъ. Боямся мы только Абазы-Паши, парашаго совѣтника, который за одно съ Армянами, и нигь помогаетъ, потому что взялъ съ нихъ шестьдесятъ пунгій серебра, за то лишь, чтобы не доносить Царю о нашихъ дѣлахъ, и сдѣлать намъ обиду.» — «А точно ли ты знаешь, что Абаза-Паши взялъ съ Армянъ деньги?» спросилъ опять Муратъ. — «Вѣрно знаю, отвѣчалъ Амигдалъ, и думаю, что онъ лежать въ кладовой его, еще запечатанныя печатями Армянъ.» — Султанъ немедленно послалъ обыскать кладовую Абазы-Паши, и когда тамъ нашли кошельки съ печатями Армянъ, тотчасъ же велѣлъ отсѣчь голову виновному. Раздраженный хотѣлъ наказать смертію всѣхъ виновниковъ несправедливаго смятенія; но по ходатайству одного изъ своихъ вельможъ, родомъ изъ Армянъ, назвалъ только трехъ старшинъ Армянскихъ, изъ числа осмидесяти; прочихъ же заключилъ въ темницу, и взялъ съ нихъ богатый выкупъ, а Грекамъ далъ хрисовулла, для подтвержденія ихъ правъ, и грамота сія была заявлена во всѣхъ судебныхныхъ мѣстахъ Востока. Съ тѣхъ поръ Армяне оставили на краткое время въ покоѣ Патриарха.

Много было ему заботы и отъ собственныхъ единовѣрцевъ въ Палестинѣ. Монахи Сербскіе, завистлившіе отъ своего Архіепископа Пекійскаго, подобно какъ и Грузины, имѣвшіе своего Католикоса,

не хотѣли подчиниться власти Патріарховъ Греческихъ Іерусалима, и отъ того происходили между ними частыя смуты. По запискамъ монастырскимъ, нельзя въ точности определить времени, когда Сербы овладѣли исключительно обителию Архангела Михаила, или подворьемъ Св. Саввы въ Св. градѣ, и звали пустынную лавру, оставленную Греками по набѣгамъ Бедунскимъ. Они укрѣпились тамъ башнею и стѣнами, противъ невѣрныхъ; но и съ Патріархомъ завели несогласія, требуя себя, по примѣру Грузинъ, отдѣльныхъ святилищъ въ храмъ Воскресенія, и стали платить, мимо его, подати Султанамъ. Игумены ихъ самовольно присвоили себѣ право ходить, съ посохомъ въ рукахъ, въ присутствіи Святителя; обращались на него съ жалобами къ Патріархамъ Цареградскимъ, и наконецъ, пригласивъ въ Іерусалимъ, для разбирательства по сему предмету, Патріарховъ Александріи и Антиохіи, жепросили себѣ несправедное опредѣленіе: быть независимыми отъ престола Св. Іакова брата Божія. Что же наконецъ было слѣдствіемъ такой независимости? — Сербы, разстроившись въ своихъ дѣлахъ, какъ по случаю построенія башень, такъ и по внутреннимъ безпорядкамъ, вошли въ неоплаченные долги и, продавъ все свое имѣніе, принуждены были наконецъ разбѣжаться, такъ что лавра и ея подворье остались совершенно пустыми. Франки вздумали воспользоваться столь благопріятнымъ случаемъ, чтобы пріобрѣсти подворье, соседнее къ ихъ монастырю, Армяне же обратили взоры свои на самую лавру.

Тогда Патриархъ Феоданъ озабочился охранить святыню сію православнымъ. Онъ отдалъ займодавцамъ пятьдесятъ-четыре тысячи левовъ долга, державшаго на двухъ обителяхъ, и принялъ ихъ въ свое вѣдѣніе; но ему надлежало бороться съ мѣстными властями, которыя продолжали требовать платы съ опустывленныхъ обителей, и съ Франками и Армянами, которые домогались приобрести ихъ. Въ такой крайности, Святитель пустился въ дальній путь, къ Воеводѣ Молдавскому Василию, извѣстному чрезвычайнымъ своимъ усердіемъ къ Церкви; ибо уже испыталъ оное однажды, во время своего путешествія въ Россію. Рано утромъ, неожиданно, явился Феоданъ въ палатахъ Ясскихъ, и когда обрадованный Воевода вышелъ босыми ногами, на встрѣчу старцу, чтобы почтить высокій санъ его, Святитель подалъ ему конецъ веревки, висѣвшей у него на шеѣ, и сказалъ: «сынъ мой, удави меня лучше своею рукою, чтобы не задушили меня Турецкіе займодавцы.» Благочестивый Василій, тронутый слезами старца, немедленно внесъ за него шесть тысячъ червонныхъ долга, и когда не много спустя пріѣхалъ въ Яссы Ага султанскій, съ повелѣніемъ взять Патриарха за другіе шесть тысячъ, Воевода уплатилъ и сію сумму, и еще девять тысячъ инымъ займодавцамъ Турецкимъ, и не довольствуясь такими благодѣяніями, послалъ сорокъ тысячъ червонныхъ, съ двумя своими поваренными въ Іерусалимъ, чтобы совершенно уничтожить всякій долгъ на Св. гробъ. Не многіе изъ Императоровъ Восточныхъ оказали столько

услугъ Св. гробу, сколько сей благопоспѣшнѣйшій Воевода Молдавскій, безъ котораго православные лишились бы непременно обладанія Св. мѣстами.

Можно судить, о бѣдственномъ состояніи Іерусалимскаго престола того времени, по письму Патріарха Александрійскаго Герасима къ Θεофану, 1629 года, въ коемъ извѣщалаъ его, что посланную имъ въ Египетъ, для продажи, утварь Св. гроба и собственную его митру, купилъ некто благочестивый вельможа Сендаллахъ и возвращаетъ Святителю, съ его же старцемъ, присокупивъ еще въ даръ десять тысячъ червонныхъ, для расплаты съ долгами. Въ другой разъ Патріархъ Θεофанъ, тѣснимый заимодавцами, лишился драгоценной чаши, которую поднесъ ему Царь Грузинскій Теймуразъ, во время его путешествія по Грузіи. Святитель Іерусалимскій оставилъ тамъ по себѣ вѣчную память, предоставивъ Епископу Кутанса титуло Митрополита и право носить саккосъ, при священнослуженіи. Много пособилъ ему и Патріархъ Константинопольскій Кириллъ; поученіями своими подвинулъ онъ сердца православныхъ, къ пособію въ пользу Св. гроба, и пригласивъ въ домъ патріархій всѣхъ старейшинъ, убедилъ ихъ пожертвовать значительную сумму, для уплаты тяжкихъ долговъ престола Іерусалимскаго.

Другой воевода Молдаванскій Радулъ, предмѣстникъ Василія, уступилъ Св. гробу монастырь, именуемый Галатою, подлѣ Яссъ, который прежде принадлежалъ Кіеву, по дарственной записи Воеводы Петра, но былъ приведенъ въ упадокъ.

Патріархъ Теофанъ отдалъ все въ управленіе племяннику своему, Митрополиту Вилоческому Асанацію, вмѣстѣ съ тремя другими обителями, принадлежавшими въ Молдавіи Св. гробу, и приобрѣлъ еще въ Валахіи монастырь Георгіевскій. Стравствуя непрестанно изъ Іерусалима въ Царьградъ, онъ купилъ себѣ и подворье въ Константинополѣ, съ церковію и садомъ, гдѣ съ того времени постоянно поселились Патріархи Іерусалимскіе*; ибо они видѣли, что только въ столицѣ Оттоманской имперіи, личнымъ присутствіемъ, могутъ защищать права свои противъ Римлянъ и Армякъ, съ помощію Воеводъ обѣихъ княжествъ, и управлять дѣлами Св. гроба. Подворье сіе, бывшее прежде домомъ Князей Кантакузинныхъ, сгорѣло еще при Теофанѣ въ 1649 году, во время страшнаго пожара, опустошившаго всю часть города, называемую Фанаръ, и было тогда же возобновлено, съ дозволенія великаго Визиря, по усердію купцевъ Цареградскихъ. Последующіе Патріархи расширили и украсили новое свое пристанище, гдѣ донынѣ рѣшаются судьбы Церкви Іерусалимской.

— Патріархъ Теофанъ, заботившійся столько о нуждахъ Св. гроба, не былъ равнодушенъ и къ духовнымъ потребностямъ, не только своей паствы, но и вселенской Церкви, какъ было видно изъ его заботъ о патріархіи Всероссійской, митрополіи Кіевской и экзархатѣ Иверскомъ. Въ Царьградѣ, вмѣстѣ съ Патріархами Кирилломъ Константинопольскимъ и Александрійскимъ Митрофаномъ, осудилъ

* Кн. XI, гл. 40.

онъ Кальвинскія мнѣнія Лувариса, и содѣйствовали знаменитому Митрополиту Кіевскому, Петру Могила, въ собраніи признаніи его православнаго исповѣданія въры всею Восточною Церковію. Онъ скончался въ Константинополѣ, облаквашемъ възвѣмъ, послѣ тридцатитрехъ лѣтняго святительства, и былъ погребенъ въ обители Богоматери, на островѣ Халки, одномъ изъ Княжескихъ.

XI.

ПАТРИАРШЕСТВО ПАИСІЯ.

Послѣ смерти Теофана, Патриархъ Константинопольскій Пареній, хотѣлъ самовольно поставить на престолъ Іерусалимскій Митрополита Веррійскаго Іоанникія; но отцы Св. града, зная, что для нихъ нуженъ человекъ миролюбивый и смиренный, вождь а не властитель, прибѣгли съ просьбою къ знамо-

* Истор. Патр. Доснеся Кн. XII. гл. 1—3. 1645 г.

итому Воеводѣ Василю, который влажелея богатствами своими свыше многихъ Государей, и достигли желаемого. Они избрали себя въ Архипастыря родственика Теофанова, Пансія, бывшаго игумена въ Ясскомъ монастырѣ Галатъ, и Патріарха Цареградскій; по уваженію къ могущественному Воеводѣ, не сталъ противиться избранію Іерусалимлянъ; онъ послалъ, для рукоположенія Пансія въ Яссахъ, экзарха своего, Григорія Митрополита Ларисскаго, съ другими Епископами. Съ юныхъ лѣтъ пришелъ Пансій въ Св. градъ, и долгое время находился иподіакономъ при Патріархѣ Софоніѣ, по смерти коего удалился въ пустыню Іорданскую, чтобы тамъ вести жизнь подвижническую, доколѣ не былъ поставленъ Теофаномъ въ игумены. Какъ человекъ правдивый и безпорочный, никогда не имѣлъ онъ у себя ни суммы, ни власяница, и потому вѣрно собиралъ доходы Св. гробу, а во время голода посылалъ, изъ пристани Галацкой, цѣлые корабли, съ хлѣбомъ и всякими припасами, въ Палестину. Будучи крѣпкимъ ревнителемъ законовъ божественныхъ, Пансій былъ одаренъ и необычайною силою духа и тѣла, при маломъ ростѣ, такъ что однажды, впавши въ руки разбойниковъ, около Хотина, онъ одинъ одолѣлъ ихъ двадцать и даже отнял у нихъ лошадей.

Тотчасъ по своемъ постарѣніи, Пансій отправился, сухимъ путемъ, въ Іерусалимъ, гдѣ былъ встрѣченъ Синодомъ и отцами Іерусалимскими; но клирики, изъ туземныхъ жителей, не хотѣли воздать ему подобающей чести, но чувству зависти

ствъ къ Грекамъ и по старой памяти своего вліянія при Мамелюкахъ. Софроній и Феофанъ старались ограничивать ихъ надмѣнность; когда же прибылъ новый Патріархъ, они вышли все вдругъ изъ стѣнъ Иерусалимскихъ и наметали цѣлую груду камней предъ его вратами, въ знакъ своей непокорности. Памсій не потерялъ духа, онъ условился тайно съ мѣстными властями, чтобы не благоприятствовали мятежникамъ, и постановилъ для нихъ такія строгія правила, что съ той поры они совершенно преобразовались. Проводя нѣсколько времени на своей кафедрѣ, предпринялъ онъ дальнее странствіе въ Царьградъ и Москву, чрезъ оба княжества Молдавіи и Валахіи, за сборомъ милостыни для Св. гроба. Напрасно Пареній Константинопольскій, враждуя лично противъ него, наислалъ о немъ много худого Самодержцу Русскому; благочестивый Царь Алексій Михайловичъ принялъ его милостиво и осыпалъ царскими щедротами, за которыя даже въ послѣдствіи пострадалъ Святитель. Будучи въ Москвѣ, Памсій посвятилъ тамъ, въ Митрополиты великому Новгороду, знаменитаго Никона, которому суждено было и лишиться сана отъ руи Патріарховъ Восточныхъ, не смотря на холатайства другаго Святителя Иерусалимскаго Нестарія. По возвращеніи въ Молдавію и Царьградъ, Памсій долгие годы былъ откупиться четырьмя тысячами червонныхъ отъ притѣсаній великаго Визиря; предъ концы одолевалъ его Пареній, за его странствованіе въ Россію, и еще спорилъ съ нимъ за собственное по дворю; ибо Патріархъ Царьградскій, завидуя сте-

ченію народа къ чудотворной иконѣ, принесенной изъ Іерусалима, заперъ церковь сію, и старался поссорить Памсія съ Господарями Молдавіи и Валахій, всегда благопріятствовавшими Св. гробу. Это задержало Патріарха на обратномъ пути его въ Іерусалимъ.

Въ 1649 году, строитель Богоявленскаго монастыря, что въ Москвѣ, Арсеній Сухановъ, былъ посланъ съ другимъ старцемъ Іоною въ Іерусалимъ, отъ Царя Алексія Михайловича и Патріарха Іосифа, для описанія Св. мѣстъ и Греческихъ церковныхъ чиновъ; ибо сей Святитель, еще прежде Никона, почувствовалъ необходимость очистить церковныя книги и обряды отъ малыхъ погрѣшностей, икравшихся по несовершенству рукописей и неопыркв ихъ съ подлинниками. Арсеній сопутствовалъ возвращавшемуся изъ Москвы Патріарху Памсію, и дважды возвращался съ дороги, съ письмами отъ него къ Царю, такъ что только въ 1651 году, видя замедленіе Патріарха, рѣшился одинъ продолжать дальшее странствованіе. Изъ Галаца, спустился онъ Дунаемъ въ Черное море, и достигнувъ Царьграда, нашелъ духовенство Греческое въ великомъ сматеніи, ибо еще недавно былъ умерщвленъ, по волѣ Султана, Патріархъ Константинопольскій Пареній, и на мѣсто его возведенъ Іоанннкій. По сей причинѣ, не долго прожилъ въ Царьградѣ Арсеній и отплылъ въ Венецїю, описывая съ точностію все, что только могъ замѣтить мимоходомъ во время своего странствія.

Въ Александріи нашелъ онъ одни только разва-

лины древнихъ знаменитыхъ храмовъ и соборной великой церкви Св. Марка; монастырь Патриаршій частію принадлежалъ Франкамъ, частію Гремамъ Ласково приняла его въ Каиръ Архіепископъ горы Синайской Юсифъ и Патриархъ Іоанншій, весьма замѣчательный по своему глубокому знанію догматовъ церковныхъ; Арсеній, пользуясь его мудростію, вѣлъ съ нимъ продолжительная бесѣды, касавшіяся до устройства церковнаго. Потомъ спустился Инокъ до Даміеты, приплылъ благополучно въ Яффу, и въ Октябрь того же года достигъ наконецъ цѣли своего странствія Іерусалима. Тамъ засталъ уже Патриарха Пансіа и остановился на постоянное жительство въ монастырь его; до Пасхи слѣдующаго года. Во все сіе время внимательно наблюдалъ церковные обряды и со слѣдующимъ записывалъ чинъ богослуженія. Записки эти возбудили подозрѣніе нѣкоторыхъ иноковъ; они хотѣли ихъ истребить и жаловались Патриарху, что Русскій пришелецъ пишетъ на нихъ доносъ Царю; но имъ строго запрещено было трогать Арсенія. Однако самъ Патриархъ, видѣвшій устройство церковное въ Россіи, остерегался старца и замѣтивъ, что Арсеній и Іона никогда не снимаютъ клобуковъ, велѣлъ и своему духовенству всегда ходить на трапезу въ клобукахъ, что, въ жаркомъ климатѣ Палестинскомъ, возбудило ропотъ противъ пришельцевъ. Нѣкоторая часть плановъ и записокъ Сукацова о Царьградѣ и Египтѣ, какъ онъ самъ рассказываетъ, потому-то съ кораблемъ, на коемъ заблаговременно ихъ отразилъ изъ Александрии.

Арсеній, привыкшій видѣть Церковь православную во всемъ ея блескѣ въ столицѣ Русской, при Царѣ Алексіѣ, когда отечество наше уже отдохнуло отъ долговременныхъ смутъ, его потрясавшихъ, слишкомъ строго судилъ иногда недостатки и безпорядки, вкравшіеся отъ ига Турецкаго въ наружныя обряды. Но даже посреди тяжкаго положенія Иерусалимской Церкви, преимущество Греческаго Патриарха, надъ главами прочихъ исповѣданій, было весьма замѣтно во всѣхъ случаяхъ, когда они сходились по обстоятельствамъ политическимъ. Такъ Патриархъ Пансіѣ, пригласивъ къ себѣ на трапезу власти Армянскія, въ числѣ конхъ былъ даже и главный Патриархъ Эчмиадзинскій, Филиппъ, съ двумя намѣстниками Иерусалимскимъ и Антиохійскимъ, послалъ только для встрѣчи ихъ священниковъ, и ввелъ прямо въ свои покои; когда же въ послѣдствіи Патриархъ Армянскій пригласилъ Пансію къ себѣ въ обитель, то онъ встрѣтилъ его самъ во вратахъ, намѣстники умывали ему ноги посреди церкви, а все духовенство подходило къ рукъ. Самые Франки, мало общительные, въ то время какъ Патриархъ Пансіѣ, празнуя рождество въ Внолеемѣ, хотѣлъ посѣтить ихъ церковь, встрѣтили его торжественно и поставили на первомъ мѣстѣ; во входныя молитвы велѣлъ онъ пѣть своимъ старцамъ.

Относительно возженія Св. огня, Арсеній рассказываетъ: чистосердечно всѣ обстоятельства, предшествовавшія оному: какими образомъ разсвѣлся сперва слухъ въ народъ, что многія лампады

засвѣтлнелъ сами собою въ церкви, когда это было только отраженіемъ на нихъ лучей солнца, проликавшаго нѣтъ купола, и что предъ настоящимъ возженіемъ Св. огня, внутри часовни гроба, Патриархъ Пансіей велѣлъ погасить все огни въ церкви; послѣ торжественнаго шествія около собора, онъ вошелъ одинъ внутрь гроба, и по долгой молитвѣ, вышелъ оттолкъ къ народу въ обывкъ рукахъ свѣчи, возжєнныя Св. огнемъ.

Все размеры святилищъ Палестинскихъ и мѣстность Св. земли описаны имъ съ чрезвычайною подробностію. Арсеній, говоря о строеніи храма Воскресенія, предполагалъ, что гробовой покой Спасителя находился, не въ отдѣльномъ утесѣ, но съ боку, въ самой скалѣ Голговы, и что Елена, сохранивъ всю его внутренность, отделила оный наружно отъ Голговы, въ видѣ каменной палатки, освѣвши все пространство между ними, и разбивъ одинъ каменный холмъ на два отдѣльные утеса, которые включила въ храмъ. Арсеній называетъ нынѣшній придѣлъ Лонгина Сотника, мѣстомъ, гдѣ положено было тѣло для креста, а гробъ Мелхиседека подъ Голговою — гробомъ матери Балдуина, вѣроятно, Королевы Мелхизенды, (по словамъ Греческихъ священниковъ); онъ говоритъ также, что жены и дѣти Балдуиновъ покоились въ прищюрь подъ молументами, стоявшими позади камни, на коемъ умасляли тѣло Спасителя; но со времени пожара они не существуютъ.

Въ другомъ мѣстѣ Арсеній, разсказывая свое путешествіе на Іорданъ, вмѣстѣ съ прочими поклон-

никами подъ прикрытіемъ Паллы, на страстной недѣль, описываетъ берега Иордана и указываетъ опустѣвшій монастырь Герасима, ближе къ устью рѣки, а разоренную обитель Предтечи, гдѣ предлагаетъ мѣсто крещанія Спасителя, выше къ северу, за пять верстъ отъ обыкновенной стези поклонниковъ къ Иордану, и далѣе говоритъ, что онъ вмѣстѣ съ Латинскими монахами отдѣлился отъ толпы, дабы посѣтить Сарандаръ, гору, гдѣ постылся Спаситель сорокъ дней, и гдѣ они имѣли церковь и служили литургію.

Весьма замѣчательно, что въ Вилеескомъ соборѣ, во время Арсенія, еще украшенномъ мозаическими изображеніями вселенскихъ соборовъ, существовала, на полуденной стѣнѣ алтаря, слѣдующая надпись по Гречески: «расписана сія великая церковь Св. Вилеема, въ царство Мануила великаго Царя порфирноснаго, во дни великаго господина Ригія Иерусалимскаго Амора, при Вилеескомъ Епископѣ господинѣ Раулѣ, въ лѣто 6677, индикта 11-го.» На Сіонѣ старецъ Арсеній не могъ проникнуть въ храмину, бывшую некогда монастыремъ Римскимъ, гдѣ совершилась Тайная вечеря; но онъ описываетъ, по слышаннымъ имъ рассказамъ, мѣсто сіе, и говоритъ о пещерѣ подъ мечетью, гдѣ погребены Давидъ и Соломонъ: что Турки не смѣютъ въ оную входить, по страху смерти, а только опускаютъ во нее зазженное кандило.

Благоговѣнное описаніе всѣхъ видѣнныхъ имъ Св. мѣстъ, часто и умилительно прерывается отрывками Евангельскими, приводимыми во свидѣ-

только со святости и въ набожнѣннѣе болѣе стѣн-ныхъ событій, такъ что когда сердце иногда скор-битъ о запустѣннѣи нѣкоторыхъ святилища, оно улаживается утѣшительными глаголами Св. писанія и забываетъ настоящее, ради величія прошедшаго. Въ лаврѣ Св. Саввы нашелъ онъ много остатковъ прежняго ея величія и богатую библіотеку, рукопи-сей и книгъ Преческихъ и Славянскихъ, а братій мало. Старцы сказывали ему, что не болѣе шести-десяти лѣтъ, какъ они опять стали жить въ своемъ монастырѣ, что еще живъ тотъ старецъ, который испросилъ въ Царьградѣ фирманъ на обновленіе лавры, бывшей въ запустѣннѣ двѣнадцать лѣтъ, и что прежде того она также была около ста лѣтъ въ рунахъ Арабовъ.

Новые раздоры, съ Армянами, не позволили Па-триарху Павсію долго оставаться въ Иерусалимѣ; причиною же раздоровъ былъ наследіе святилища Абиссинскихъ. Народъ сей, сильный во времена Мамелуковъ, съ которыми велъ кровопролитныя вражды въ Африкѣ, получилъ во владѣніе отъ Султановъ Египетскихъ, обители Авраамову, на во-сточной сторонѣ Голгофы, исколѣю келлій въ южной части храма Воскресенія, и нѣкая мѣста внутри Св. града. Много было у нихъ утвари драгоценной; Армяне, усилившіеся въ Палестинѣ, но своимъ богатствомъ и связямъ съ вельможами Турецкими, были въ общеніи съ Иановитами Сирій-скими и Коптами, и получивъ сперва дозволеніе служить на ихъ алтаряхъ, въ Виллаемѣ, мало по малу пріобрѣли ихъ себѣ. Они подружались и съ

Абиссинцами, учредили съ ними общую трапезу, и взявъ отъ нихъ въ залогъ, за малую сумму денегъ, ихъ святилища, оставили ихъ за собою, когда Царь Абиссинскій пересталъ отпускатъ своихъ вассаловъ въ Иерусалимъ. Въ числѣ ихъ имущества была конная мельница, предъ самымъ входомъ патриаршаго дома, гдѣ стали безчинствовать пришельцы Армянскіе, располагаясь, какъ въ гостиницѣ, съ своими лошадьми. Напрасно Патриархъ и отцы Иерусалимскіе убъждали Армянъ, прекратить такое безчинство или уступить имъ мельницу. Наконецъ, въ бытность свою въ Царьградѣ, Падсій, жалуюсь на притѣсненія мѣстныхъ властей, которыя грабили поклонниковъ на Иорданѣ и называли ложную монету на монастыри Палестинскіе, въ замѣнъ отбираемыхъ у нихъ денегъ, коснулся и безпорядковъ Армянскихъ; чрезъ Бостанджи-бегина, благопріятнаго Грекамъ, оныя испросилъ хатта-шерифъ Султанскій, по которому все достояніе, принадлежавшее Абиссинцамъ, отдавалось православнымъ.

Возвратясь въ Иерусалимъ, Патриархъ, въ силу сего указа, получилъ въ свое владѣніе монастырь Авраама на Голгофѣ, иконы и лампы въ храмѣ Воскресенія и притворъ Винолеемскій. Когда же сдѣлался правителемъ Газы и Иерусалима накто Куссейинъ-Паша, человекъ сильный и самовластный, Армяне, силою денегъ, оныя отняли у Грековъ не только все, что принадлежало Абиссинцамъ, но даже одинъ входъ въ притворъ Винолеемскій и выкинули оттолкъ лампы православныхъ. Чтобы upro-

чить обладаніе свое надъ оими священниками, Армяне успѣли склонить въ свою пользу сановниковъ, бѣлыхъ и черныхъ, двора Султанскаго; но въ тотъ день, когда долженъ былъ собраться диванъ, для утвержденія сего права, возмущеніе Янычаръ на ристалищѣ Царьградскомъ, лишило жизни всѣхъ сихъ вельможъ, и вскоре послѣ того, великій Визирь, благопріятствовавшій Армянамъ, былъ низложенъ Султаномъ Магометомъ. Знаменитый Мехметъ-Паша Кіупріоли, родомъ изъ Албаніи, сынъ священника, котораго мать даже умерла монахинею, сдѣлался Визиремъ и, во все время своего владычества, благопріятствовалъ православнымъ, ибо самъ не ранее двадцати лѣтъ обращенъ былъ къ исламу.

Патріархъ Пансіій, притѣсняемый въ Іерусалимѣ, обратился съ жалобами въ Царьградъ и былъ самъ туда вызванъ, для суда съ Армянами предъ верховнымъ судищемъ. Диванъ рѣшилъ въ пользу православныхъ, ибо Визирь велѣлъ прочесть въ хрисовуллы Султановъ, въ слухъ сановниковъ Порты, и сказалъ Армянамъ: «вы слышали, и такъ не старайтесь искажать правды деньгами; справедливость на сторонѣ Грековъ.» Однако онъ сталъ требовать отъ Патріарха, сто пунгій или кошельковъ серебра, за оказанное ему правосудіе; но услышавъ отъ него, что уже Греки платятъ, по четыре тысячи червонныхъ ежегодно, въ мечеть Султана Ахмета, за соблюденіе правъ своихъ на Св. мѣста, согласился принять только тридцать кошельковъ; тогда же, при содѣйствіи великаго драгомана Панагіота, родомъ изъ Грековъ, выданъ былъ по-

вый благоприятный фирманъ, въ коемъ подробно были прописаны все грамоты Халифа Омара и Султановъ Селима, Салимана, Мурата и Ибрагима. Патриархъ Пассій посватшилъ отправить указъ сей въ Иерусалимъ, къ жьстнымъ властямъ, каждъ вмьстѣ съ Пашею отдали во власть православныхъ все Св. мьста, принадлежавшія Абиссинцамъ, и отвѣли опять Вилеємскую пещеру у Армянъ; но самъ намьстникъ Патриархій Аношмъ, по личной ненависти къ Пассію, сломалъ печати на дверяхъ церкви Св. Юанна и отдалъ ее самовольно Армянамъ, равно какъ и четыре келліи при Св. вратахъ; не допустилъ также православныхъ и до обителі Св. Іакова, которая осталась въ рукахъ Армянъ.

Православные нашли себѣ жестокаго противника и въ Хуссейнѣ Пашѣ Иерусалимскомъ, который ненавидѣлъ великаго Визиря, еще въ то время какъ онъ былъ Пашею Дамасскимъ, и потому ближайшимъ его начальникомъ. Однажды Кіупрюли предпринялъ набожное путешествіе, по Св. мьстамъ Иерусалима и Хеврона, и будучи тамъ услышалъ, что уже другой правитель назначенъ на его мьсто въ Дамаскъ; немедленно отправился онъ въ обратный путь въ Царьградъ, чрезъ Газу; но Хуссейнъ, чтобы показать ему свое могущество, а вмьстѣ и презрѣніе, вышелъ на встрѣчу бывшему своему начальнику, съ 4000 вооруженныхъ Арабовъ. Отсель возникла между ними непримиримая вражда, и Хуссейнъ не только не хотѣлъ исполнить въ точности указа, присланнаго Визиремъ, но даже за-

держалъ его: чужаки и возбуждѣлъ противъ него Па-
ну Дамаскаго; Тагирь-оглу, и въ некоторыхъ другихъ
областныхъ правителяхъ Сиріи. — Слухъ, распро-
странившійся въ Іерусалимъ, чрезъ Франковъ, буд-
то бы Патріархъ Пансіей повѣшенъ, когда это со-
вершилось съ его гонителемъ Парезніемъ, еще бо-
лье превознесъ иновѣрцевъ и Хуссейна. — Все
окончилось однако въ пользу православныхъ: Хус-
сейнъ Паша лишень былъ власти надъ Іерусали-
момъ, который поступилъ подъ ближайшее управ-
леніе Пашы Дамасскаго, и онъ самъ долженъ
былъ уватить, въ казну Султанскую, сто тысячъ
лефовъ, взятыхъ имъ съ православныхъ. — Но
и Тагирь-оглу долго колебался исполнить фирманъ
взять съ Арманъ до 50 коншельковъ серебра,
и чтобы устрашить Грековъ, повелъ съ собою,
связанными въ Дамаскъ, двухъ изъ ихъ старшихъ
инокъ; другой указъ великаго Визиря прямо къ
кадію Іерусалимскому, заставилъ наконецъ мѣст-
ная власти отдать во владѣніе православныхъ мона-
стырь Св. Іакова, который, по ихъ преданіямъ,
Армяне испросили себѣ только на время у Грузинъ,
съ обещаніемъ влатить имъ, по осьмидесяти чер-
вонныхъ ежегодно, и съ теченіемъ времени совер-
шенно себѣ присвоили, что было еще въ XV вѣкѣ.
Слухъ, о насильственной смерти Патріарха Пан-
сія, едва не сдѣлался истиною, по тѣмъ бѣдстви-
ямъ, какія испыталъ онъ въ Царьградъ за мило-
стыню, собранную имъ въ Россіи. Пансіей отдалъ
передѣлать богатую митру, подаренную ему Па-
режъ Адексіемъ Михайловичемъ, во вкусъ болѣе

Византійскомъ; а недоброжелатели донесли на него каймакану, (ибо Визирь былъ въ отсутствіи), будто онъ готовитъ корону для Царя Московскаго. Намѣстникъ Визиря вытребовалъ себя сперва митру, а потомъ Патріарха, и обвинивъ его въ изменѣ, посадилъ въ яму, назначенную для убійць; оттого перевелъ въ темницу должниковъ, чтобы взять съ него деньги, равно какъ и съ другихъ предстоятелей духовенства. Но мужественный Патріархъ не хотѣлъ, платою денегъ, сознавать вины своей и навлекать тоже гоненіе на свою братію. Видя его непреклонность, каймаканъ отправилъ митру въ Адрианополь, съ тою же клеветою противъ Патріарха, и туда поспышши къ великому Визиру нѣкоторые изъ старцевъ Іерусалимскихъ, чтобы оправдать своего владыку. Между тѣмъ, Святитель подвергся всякаго рода истязаніямъ, отъ жестокаго каймакана. Онъ велѣлъ повлечь его на ристалище, посадивъ, для большаго поруганія, на тешую лошадь, съ верблюжьимъ выюкомъ, которымъ истерзаны были ноги старца; палачи шли впереди его, какъ бы для казни, и три раза перемѣняли избранное для нея мѣсто, чтобы навести ужасъ на свою жертву. Но Патріархъ оставался непреклоннымъ на всѣ ихъ требованія, и когда они умоляли его, хотя малою суммою денегъ, выкупить жизнь свою, онъ съ твердостію отвѣчалъ только: «дѣлайте что хотите». — Ему накинули на шею веревку и уже стали тянуть ее, спрашивая: «что дастъ каймакану?» — Патріархъ молился и молчалъ. Тогда пришло новое повелѣніе мучителя, не умерщвлять

его, но въ тяжкихъ оковахъ посадить опять въ темницу. Старца влекли по улицамъ, продавъ ему налку между растерзанныхъ оковами ногъ, такъ что онъ стоналъ отъ нестерпимой боли, но не смотря на то ни въ чемъ не уступилъ. Смущенный кайманами отдалъ его, подъ предложеніи приизни, на поруки одному богатому Турку, ибо самъ начиналъ уже бояться великаго Визиря.

Въ Адрианополь начался судъ; надвись, вышитая около креста поверхъ митры, свидѣтельствовала, что не Патріархъ Царю, а Царь Патріарху даровалъ ее, и самая цѣна митры, восходившая только до пятисотъ левовъ, а не до ста тысячъ, не словамъ каймакана, подала благую мысль, что неприлична она столь великому Государю, каковъ Московскій. Чтобы придать болѣе гласности своему рѣшенію, въ пользу православныхъ, Визирь отиравилъ ятъ сперва на судъ Муфтію, какъ верховному блюстителю законовъ; а потомъ самъ понесъ къ Султану митру, и сказалъ ему, что будучи въ Іерусалимѣ, видѣлъ такого рода украшенія на Патріархахъ, какъ даръ Царей, его предѣвственниковъ. Султанъ удивлялся красотѣ митры, увѣчанной двѣнадцатью зубцами, на подобіе башенъ, и надѣвъ ее на одного Христіанина Абиссинца, воскликнулъ: «чудное украшенію!— такъ какъ жаловали оное предки мои Патріархамъ, то и я повелѣваю отдать ее Патріарху и быть ему свободнымъ.» Такимъ образомъ, блаженный Пансіи освободился отъ узъ томничныхъ,

а незаконный, таймаканъ былъ, ослонъ и отправленъ на войну въ Критъ, гдѣ вскорѣ убитъ.

Однако, такъ какъ дѣла Патріарха пришли въ расстройство, отъ претерпѣнныхъ гоненій, онъ рѣшился искать себѣ помощи въ Молдавіи и Валахіи. Благочестивый Воевода Василій былъ уже свергнутъ съ престола симомъ своимъ Стефаномъ; но чрезъ посредство властителя Валахскаго Михны, неспроста себѣ Святитель дозволеніе посѣтить Грузію, чтобы тамъ воспользоваться приношеніями православныхъ въ пользу Св. гроба; это было весною 1658 года. — Во время его пребыванія въ Синопѣ, страшный пожаръ вспыхнулъ въ городѣ; Патріархъ, взявъ нѣсколько святой воды въ чашу, послалъ одного изъ своихъ діаконовъ покрѣпить на пламя, къ общему изумленію, оно тутъ же остановилось. Писатель исторіи Доспедіи рассказываетъ сіе происшествіе, какъ очевидецъ, находясь при сѣтѣ своего пасыря. — Изъ Синопа отправились они моремъ въ Мингрелію, гдѣ нашли многіе слѣды Христіанства у полудикихъ жителей. Мѣстный Епископъ дружески принявъ Святителя, привелъ его во дворецъ Дадіана и оттуда проводилъ въ Кутаисъ, къ Имеретинскому Царю Александру. Зиму провелъ Патріархъ въ великолѣпномъ монастырѣ Келатскомъ, близъ Кутаиса; а на слѣдующій годъ, чрезъ Грузію и Трапезундъ, возвратился въ Царьградъ.

Во время путешествія Патріарха Паисія, епархія его страдала отъ жестокости мѣстнаго правителя Веллеса, который одинаково притѣснялъ Турокъ

и Христианъ, но своему зыроному праву, такъ что се времени обладанія Турецкаго не было еще по добныхъ мучителей въ Св. градъ. Валелсь, вета зуа монашествующихъ, для полученія денегъ, по вьездѣ нѣсколько изъ нихъ въ соборной палатѣ Патріаршей; самъ онъ, въ пьяномъ видѣ, взомель въ церковь Константина и Елены, и взявши кадилье, сталъ кадить; большая часть иноковъ и шамьстникъ Анеимъ разбѣжались къ Рамлу и Яежу! Нѣкоторые изъ нихъ хотѣли спустить, въ окно патріаршаго дома, утварь церковную, чтобы скрыты се внутри храма Воскресенія; но веревка оборвалась и ящики разбились вмѣстѣ съ драгоценными вещами. Много утвари похитилъ и правитель, умертвивъ одного богатаго Еврея, у котораго находилась она въ залогъ. Поражая свои несчастныя жертвы, бросалъ онъ ихъ марочне предъ вратами обитателей, чтобы заставить откупаться деньгами отъ труповъ, и такимъ образомъ, кромѣ расхищенной утвари, вынудилъ съ патріаршаго дома до осмнадцати тысячъ левовъ; отъ сего умножился долгъ; ибо отцы Иерусалимскіе, не имѣя денегъ, занимали за чрезвычайныя проценты, чтобы только спасти жизнь и удовлетворить алчнаго тирана. Наконецъ жалобы ихъ достигли до великаго Визиря и онъ смѣнилъ мучителя.

Между тѣмъ Армяне не остались спокойными; доколѣ опять себѣ не возвратили себѣ монастыря Св. Іакова. Они обьщали большую сумму денегъ Рейсь-Ефендію и начальнику пѣхотныхъ войскъ въ Царьградѣ, бывшему въ большой доверенности у

Султана, и оба сановника явились къ Визирю, съ просьбою: отдать Армянамъ древнее ихъ достояніе, коимъ владѣли около трехсотъ лѣтъ. Визирь, опасаясь обмана, спросилъ о семъ дѣлѣ великаго драгомана Панагіота, какъ природнаго Грека, который ищелъ тогда неудовольствіе противъ Патриарха Павсія, и не вступился за него. Тогда Визирь присудилъ обладаніе обителью Св. Іакова Армянамъ, но такъ, какъ нельзя было измѣнить Султанскаго хаттишерфа, даннаго въ пользу православныхъ, то, по его приказанію, Панагіоти предписалъ намѣстнику патриаршему Анонму: отдать монастырь сей Армянамъ, что онъ немедленно исполнилъ; тогда же вступили опять Армяне во владѣніе притвора Виселемскаго в сада, принадлежавшаго некогда Абиссинцамъ.

Напрасно Патриархъ Павсій ѣздилъ въ Адрианополь, умолять великаго Визиря, о монастырь Св. Іакова. Кіупрюли, посоветовавшись съ Рейсъ-Ефендіемъ, остался непреклоннымъ. Отказъ сей и неприятыя сношенія Патриарха, по сему предмету, съ Вартопедомъ Армянскимъ Елеазаромъ, въ Царградѣ, сильно подѣйствовали на его здоровье; онъ началъ страдать кровотеченіемъ, и предпринявъ обратное странствіе въ Іерусалимъ, скончался дорогою, на маломъ островѣ Кастельроссо, не оставивъ по себѣ никакаго завѣщанія. Непрестанная забота, о уплатѣ тяжкихъ долговъ Св. гроба, и утрата обители Св. Іакова, были причиною его смерти; онъ только о томъ и бесѣдовалъ въ последние минуты. Епископъ Лидды и Прохоръ, бу-

душій Епископъ Назарета, находились при свить Патриарха, вмѣстѣ съ Доснеемъ, писателемъ исторіи Іерусалимской, и Доксою, благочестивою женою изъ Синопа, шедшею на поклоненіе Св. мѣсть. Первые два не были чтителями памяти усопшаго; не смотря на просьбы Доснеея, который желалъ, чтобы тѣло его тайнѣ перевезено было въ Миры-Ликійскія и тамъ погребено, близъ гроба Святителя Николая, они похоронили его на одной пустынной горѣ въ Кастельроссо, и тѣмъ едва не навлекли на себя гоненія отъ мѣстныхъ властей Турецкихъ*.

Одиннадцать лѣтъ продолжалось многотрудное святительство Паисія, который оставилъ по себѣ благою память въ Палестинѣ. Въ Яфѣ выстроилъ онъ пристанище для богомольцевъ, чтобы спасти ихъ отъ насилія Арабовъ; въ Лидѣ, гдѣ овладѣли Сарацины половинною великолѣннаго храма Св. Георгія и обратили ея въ мечеть, онъ не пожалѣлъ сокровищъ, чтобы устроить опять церковь, въ оставшейся Христіанамъ части, при гробѣ великомученика. Между Іерусалимомъ и Вилеесомъ возстановилъ ограду монастыря Пророка Иліи, и въ самомъ храмѣ Воскресенія открылъ нѣкоторыя окны и уничтожилъ пристройки, сдѣланныя со времени завоеванія Саладина, такъ что богослуженіе мого совершаться не во мракѣ, и храмъ сдѣлался гораздо свѣтлѣе. Онъ же устроилъ, въ лучшемъ порядкѣ, и чинъ богослуженія церковнаго.

XLI.

ПАТРИАРШЕСТВО НЕКТАРІЯ.

Деснои и другіе, бывшіе съ покойнымъ Патриархомъ, откупившись отъ притязаній Турецкихъ на островъ, возвратились чрезъ Аггалію въ Царьградъ, куда привезли съ собою и все хаттинерифы Султанскію. Тамъ бывшій воевода Молдавскій Василій, оказавшій уже столько услугъ Св. граду, и не менше его усердный драгоманъ Порты Павліоти, собрались, выветъ съ Патриархомъ Константинопольскимъ Парсеніемъ младшимъ, Синодомъ, вельможами Греческими и отцами Іерусалимскими, на подворьи Св. земли, чтобы совѣщаться, кого бы избрать въ Патриарха Св. граду? ибо Святители его, странствуя по всѣмъ землямъ, долженствовали имѣть опытность не только гражданскую, но и духовную, дабы удовлетворительно отвѣчать на все

догматическіе вопросы, ивъ предлагаемыя. Надлежало также обратить вниманіе и на то, чтобы новый Архипастырь былъ родомъ изъ области Палестинской, по всемъ канонамъ древней Апостольской Церкви; ибо Иерусалимская, отъ самаго начала, свято соблюдала сіе правило. Тогда Гавріилъ, Архіепископъ Филиппопольскій, предложилъ Нектарія Синаитяннана, человека мудраго и опытнаго, и все единодушно воскликнули: «одинъ Нектарій достоинъ сей чести!» Самъ Гавріилъ отправленъ былъ, съ соборною грамотою, на Синай, чтобы убедить Нектарія на патріаршество Св. града, и съ нимъ былъ Досисей, котораго употребляли во всехъ важныхъ дѣлахъ церковныхъ.

Достигнувъ Яффы, они узнали, что и Нектарій находится тамъ, потому что по смерти Иосаафа, Епископа Синайскаго, былъ избранъ отцами обители, въ Епископа сей пустынной области, и шелъ оттуда для рукоположенія въ Иерусалимъ. Въ храмъ Св. гроба, въ недѣлю ваій, рукоположенъ былъ Нектарій, по общему согласію отцевъ Иерусалимскихъ, Патріархомъ Св. града, и предпочелъ остаться въ немъ на жительствѣ, чтобы лучше обозрѣть свою паству и узвать людей, а потомъ уже приступить къ дѣламъ высшимъ. Первымъ его дѣйствиємъ было испросить дозволеніе у Хуссейнъ-Паши Газскаго, (котораго вскорѣ потомъ смѣнили) на обновленіе нѣкоторыхъ зданій; немедленно покрылъ онъ обветшавшія келліи иноковъ, скупилъ дома около церкви Предтечи, напротивъ храма Вос-

преселія, и выстроилъ въ Рамлѣ обитель для поклонниковъ. Настала жестокой голодъ по всей Палестинѣ; но бѣдные, не смотря на крайнее положеніе дома патриаршаго, находили тамъ пишу, и богомольцы пришедшіе изъ Греціи, обильною милостынею облегчили страданія народа. Только на другой годъ рѣшился Нектарій ѣхать въ Царьградъ, по дѣламъ церковнымъ, оставивъ своимъ наместникомъ Неофита, Митрополита Вилеесмскаго, и, во время морскаго путешествія, дважды едва не впалъ въ руки разбойниковъ; изъ Саталии, уже сухимъ путемъ, достигъ онъ Царьграда.

Кроткій Нектарій старался обратить, на пользу Св. гроба, тяжкое для него разлученіе съ своею любимою паствою. Въ Царьградъ убѣдилъ онъ богатаго вельможу Греческаго, Манулаки Кастріята, устроить тамъ училище и пожертвовать значительную сумму на обновленіе храма Вилеесмскаго, которое однако довершилъ его преемникъ. Потомъ предпринялъ трудное путешествіе по Булгаріи, Македоніи, Валахіи и Молдавіи, для сбора милостыни, и возвратившись въ тяжкой болѣзни въ Константинополь, совершенно исцѣлился, при живомъ источникѣ. Онъ посетилъ и острова Архипелага, на обратномъ пути своемъ въ Іерусалимъ, куда достигъ послѣ пятилѣтняго отсутствія. Тамъ, первую и главную его заботою, было возданіе подобающей чести святынь. Зная, что отцы Іерусалимскіе самовольно раздавали Св. мощи, въ даръ Государямъ православнымъ, онъ устроилъ для каждой частицы хрустальные ковчеги, равно какъ и

златой кивотъ для храненія честнаго креста, отъ коего также отдѣляли части, и всю сію святыню вложилъ въ одинъ большой кипарисовый крестъ, который велѣлъ носить впереди крестныхъ ходовъ, совершавшихся въ храмъ. Такимъ образомъ сокровища сіи сохранялись неприкосновенными, и богомольцамъ открывалось только одно малое отверстіе новой раки, для благоговѣйнаго цѣлованія креста Госводня. Ревностный Архипастырь устроилъ новый благолѣпный престолъ, въ соборномъ алтарѣ храма Воскресенія, на мѣсто разбитаго мраморнаго камня, служившаго дотолъ трапезою, и поставивъ на оный великолѣпную дароносицу, повѣсилъ предъ нею семь лампадъ. Онъ обратилъ вниманіе и на убогое состояніе великолѣпной вѣкогда лавры Св. Саввы, оградилъ ее новыми стѣнами, устроилъ гостинницу для богомольцевъ въ семь пустынномъ мѣстѣ, и многое исправилъ въ прочихъ обителяхъ*.

Со времени Патріарха Германа, который возобновилъ кубуклій, или часовню Св. гроба, она находилась въ полномъ распоряженіи православныхъ, а прочія исповѣданія допускались въ нее только для богослуженія. Но послѣ смерти Патріарха Павсія, Франки уловили въ обманъ намѣстника его Лаврентія, человека легкомысленнаго. Сперва испросили они, ради благоговѣнія къ святышѣ, обновить крышу часовни и, такимъ образомъ, присвоивъ себѣ самый камень гроба, начали ставить на немъ свои подсвѣчники. Не довольствуясь тѣмъ, они жаловались Лаврентію, что имъ оскорбительно

* Истор. Патр. Досно. кн. XII, гл. 3. 1664 г.

служить утренню, въ недѣлю ваій, вмѣстѣ съ прочими еретиками, хотя, по древле установленному порядку, соблюдалась и въ этомъ постепенность: ибо послѣ соборной утренни православныхъ, начинали ее у себя Римляне, потомъ Армяне, далѣе Конты и Сирійцы, каждый народъ въ своихъ отдѣленіяхъ, не мѣшая одинъ другому. Едва только получили они позволеніе совершать свои утренни, почти въ одно время съ православными, какъ уже представили свидѣтелей кадію Іерусалимскому, будто имѣютъ на то право, и всякой годъ позволяя себѣ болѣе и болѣе, дошли до того, что стали уже служить утренню при восхожденіи солнца, когда должна была начинаться соборная литургія православныхъ; вслѣдъ за молитвами утренними, вопреки всякаго порядка, поставили они свои каяедры, противъ дверей Св. гроба, и начали литургію, прежде Греческой. Патріархъ Нектарій былъ одержимъ въ то время подагоурою, а готовившійся къ богослуженію Митрополитъ Виолеемскій, по слабости характера, не осмѣлился прекословить Франкамъ. Но Досисей, уже возведенный около сего времени въ санъ Митрополита Кесарійскаго, поспѣшилъ обличить самоволіе Латинское предъ кадіемъ; получивъ отъ него свидѣтельство въ справедливости православныхъ, опъ ѣздилъ нарочно въ Адрианополь, чтобы исходатайствовать вновь утвердительный фирманъ отъ Порты, на древнее свое право; ибо, по несчастію, состязаніе различныхъ исповѣданій, въ одномъ храмѣ, столь велико, что тамъ нельзя опустить безъ вниманія ни малѣйшаго

нарушенія взаимныхъ правъ, дабы вовсе ихъ не утратить.

Такимъ образомъ, Латиняне воспользовались отсутствіемъ Патріарха Нектарія въ Царьградъ, чтобы тайно обскать камень Св. гроба, и только властію кадія могли удержать ихъ отцы Греческіе. Когда же возвратился Патріархъ, они не захотѣли воздать ему должной почести и не возжгли для его прихода лампадъ своихъ, во Св. гробъ; посему и онъ не велѣлъ растилать для нихъ ковровъ, около камня помазанія Господня, въ тотъ день, какъ они совершали празднество свое, такъ называемое тѣла Божія. Когда же надобно было поддержать вѣшнюю стѣну храма, что исполнили общими силами Греки, Франки и Армяне: то посолъ Французскій постарался, чтобы имя его единовѣрцевъ стояло въ данномъ фирманѣ первымъ, вопреки издревле признаннаго Портою первенства православныхъ въ Іерусалимъ; такіа оскорбленія возбуждали взаимную неприязнь Грековъ и Латинянь.

Нектарій, желая всеми средствами поддержать преимущества православныхъ, предъ прочими исповданіями, и особенно въ сравненіи Франковъ, утредилъ опять служеніе литургіи каждую субботу, на маломъ престолѣ, который стоялъ противъ дверей гроба, подъ такъ называемою царскою аркою; ибо сей обычай вышелъ съ нѣкотораго времени изъ употребленія. Самъ Досноей удивляется, какимъ образомъ, ревнитель православія, Патріархъ Османъ, въ долгое свое святительство, не ввелъ

опять богослуженія православныхъ внутри часовни Св. гроба, гдѣ оно искони совершалось не на самомъ гробѣ, по въ придѣлѣ Ангела, на мраморномъ камнѣ, нарочно для сего устроенномъ; Франки же продолжали совершать литургію на гробовой плитѣ, гдѣ лежало самое тѣло Господне. (По сей причинѣ, когда созидали обитель новаго Иерусалима, во дни Патріарха Никона, не было положено служенія литургіи, внутри подобія часовни Св. гроба, хотя теперь она опять совершается православными, въ древнемъ Иерусалимѣ въ гробовомъ вертепѣ). Но не смотря на всѣ старанія Патріарха Нектарія, Франки усиливались все болѣе и болѣе въ его святительство, и стали почитать себя совершенными обладателями священной часовни, украшая ее по своему произволу; блаженный старецъ, по свойственной ему кротости, переносилъ ихъ оскорбленія.

Свидѣтельствомъ пастырской долготерпимости осталось и намъ, миролюбивое его посланіе къ Царю Алексію Михайловичу, въ защиту Никона Патріарха, когда самъ Нектарій, вмѣстѣ съ прочими Святителями Восточными, приглашаемъ былъ на соборъ въ Россію, для его низложенія. Онъ наставлялъ Царю, о прежнихъ заслугахъ знаменитаго мужа, и просилъ его быть снисходительнымъ къ слабостямъ человѣческимъ, ради любви Христовой. «Намъ кажется, писалъ онъ, что вы мирнымъ образомъ можете успокоить сіе дѣло, и снова пригласить киръ Никона, чтобы онъ возвратился на свой престолъ, показавъ ему статьи уложенія нашего.

для точнаго вхъ соблюденія : и ежели онъ окажется сперва преступившимъ оныя, а потомъ раскаяется и дастъ обещаніе соблюдать, то достоинъ прощенія ; ибо случалось весьма много такого и еще важнѣйшаго въ Церкви, и все поправлено для мира и тишины. И такъ, просимъ мы священное ваше Величество, чтобы вы не приклоняли слуха своего къ совѣтамъ мужей завистливыхъ, любящихъ мятежи и возмущенія, а напротивъ, если таковыя будутъ изъ духовнаго сана. Свидѣтельствуюсь Богомъ, что насъ весьма огорчили случившіеся въ Россійской Церкви соблазны : почему гораздо справедливѣе мнѣ, нежели Іереміа, сказать слова его : утробою моею болѣзную, страждетъ сердце мое и душа моя. Онъ оплакивалъ плотскую брань, а я стенаю и плачу о духовной, и, подобно ему, скажу : кто дастъ главѣ моей воду и очамъ моимъ источники слезъ, да оплачу происшедшее несогласіе и раздѣленіе въ Церкви Господней ? Несогласіе и возмущеніе въ Церкви страшнѣе всякой войны ; ибо раздираетъ нешвенную одежду Христову, которую не раздѣлили и жестокосердые воины, во время страданія Христова ; раздрать же одежду Христову есть явный знакъ погибели душъ, за которыя Христосъ умеръ. Вы не вѣдаете, что въ теперешнемъ положеніи, когда наша Церковь находится подъ игомъ рабства, мы уподобляемся кораблямъ, потопляемымъ безпрестанными бурями, отъ разныхъ притѣсненій языческихъ ; одну лишь вашу Россійскую Церковь мы видѣли, подобно второму Ноеву ковчегу, служащему спасеніемъ отъ всякаго

языческаго потопа и сохраняющемо въ себѣ неистлѣнными сѣмена благочестія. Нынѣ же кто внушилъ вамъ отвращеніе отъ сего блага мира? Для чего такъ жестоко отметаеете отъ себя первое достояніе? Первое достояніе есть миръ: миръ бо, глаголашъ Снисшедшій на вольную страсть, оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ. Или не знаете, что самопроизвольно отметающій первое наслѣдіе, лишается и усыновленія и уже не обрѣтаетъ отца во Христѣ; ибо не имѣющій мира, какъ возможетъ быть чадомъ Христовымъ? И такъ помысливъ о семъ, миролюбивѣйшій Государь, послѣдуя кротости Давида, воспріими ревность по вѣрѣ православной и постарайся со тщаніемъ паки возвести законнаго Патріарха вашего на престолъ его, дабы во время священнаго твоего царствованія не было положено злаго и гибельнаго начала смѣнять православныхъ, и правомыслящихъ о догматахъ вѣры, Патріарховъ вашихъ. Сіе есть началомъ разрушенія Церкви нашей въ Константинополь; оно послужило и донныи служить источникомъ многихъ золъ, и содѣлало насъ посрамленными предъ Западною Церковію. Опасайтесь и вы, чтобы необычайное у васъ не обратилось въ гибельную привычку.» Кроткое заступленіе Святителя Іерусалимскаго было какъ бы вознагражденіемъ, за тѣ горести, какія навлекло Никону другое духовное лице Палестины, Павсій Лигаридъ, Митрополитъ Газскій, оставившій свою епархію, чтобы искать себѣ временныхъ успѣховъ въ Италіи, и потомъ возбудившій многихъ въ Церкви Россійской, прояслами своими противъ ея Ар-

хидастыря. Сильно осуждалъ его писатель исторіи церковной Патріархъ Досиеей, какъ зараженнаго Латинствомъ, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, и только его преемникъ Хрисанеъ, слышавшій лично въ Кіевѣ, о покаяніи Лигарда, въ послѣдніе годы его жизни, старался оправдать память его предъ современниками.

Не только дѣломъ, но и словомъ, подвизался равностый святитель Нектарій, для духовнаго огражденія своей паствы, и написалъ цѣлую книгу, подъ именемъ Синтагма, въ коей собралъ всѣ опредѣленія Св. отцевъ и соборовъ противъ владычества Папскаго. Но онъ уже чувствовалъ, что тѣлесныя силы его оскудѣвали, отъ чрезмѣрныхъ трудовъ, и будучи вынужденъ отплыть опять въ Царьградъ, дабы противодѣйствовать нападеніямъ Франковъ, рѣшился наконецъ оставить многотрудный престолъ свой. Сперва открылся онъ о томъ искреннему своему пріятелю, Митрополиту Досиею, и тотъ совѣтовалъ ему, для лучшаго устроенія дѣлъ церковныхъ, объявить свое отреченіе не въ Царьградъ, а въ Іерусалимъ, дабы избраніе его преемника могло совершиться правильно, властію соборною, и новый Патріархъ, будучи самъ изъ Іерусалимлянъ, вполне постигалъ бы нужды своей паствы. Но престарѣлый Нектарій не принялъ совѣтовъ Досиеей; онъ послалъ его самаго въ Марису, гдѣ тогда находился Султанъ, чтобы испросить фирманъ на свободное назначеніе себя преемника, и съ помощію Господаря Молдавскаго Дуки, получилъ желаемое. Патріарху Константинопольскому.

Меедію пришло повелѣніе Султанское, содѣйствовать во всемъ къ избранію новаго Святителя Іерусалимскаго, и соборнымъ рѣшеніемъ всего духовенства, соединившагося на подворьи Св. гроба, самъ ученый Митрополитъ Досеѣй избранъ былъ въ Патріархи Св. граду и рукоположенъ обоими Патріархами, а Нектарій, въ качествѣ намѣстника, съ титуломъ Патріаршимъ, удалился въ Іерусалимъ, куда вскорѣ прибылъ и бывшій Патріархъ Константинопольскій Діонисій. Тамъ оба старца искали себѣ успокоенія отъ многихъ заботъ своего святительства.

XLII.

• ПАТРИАРШЕСТВО ДОСЕЕВЪ.

Между тѣмъ, тяжкое бремя долговъ осталось въ наслѣдство Досеѣю, отъ происковъ Армянскихъ и Латинскихъ, и отъ бывшаго возмущенія Паша Дамаскаго, намѣстники коего разорали Іерусалимъ.

• 1660 г.

Долгъ сей восходилъ до осмисотъ тысячъ левовъ, не считая накопившихся процентовъ, и хотя Господарь Дука старался по возможности содѣйствовать къ его уплатѣ, самъ Патріархъ вынужденъ былъ немедленно предпринять странствованіе по Булгаріи и Молдавіи и обширнѣе княжествамъ, для сбора милостыни. Болѣе двадцати тысячъ левовъ, серебряныя ланцады и два монастыря, одинъ въ Яссахъ, другой въ Эшуръ, были плодомъ сего странствія, во время коего не разъ подвергался онъ опасностямъ. Достигнувъ Царьграда, гдѣ принужденъ былъ состязаться за Св. мѣста съ посломъ Французскимъ, Доснеей посѣзшимъ къ Пасхѣ слѣдующаго года въ Іерусалимъ; тамъ выкупилъ ризницу Св. гроба, изъ рукъ занимавцевъ, уничтожилъ нѣсколько пристроекъ, сдѣланныхъ иновѣрцами внутри храма Воскресенія, и получивъ фирманъ на обновленіе собора Виелеемскаго, ревностно имъ занялся, ибо деньги и матеріалы были уже на то приготовлены заблаговременно. Много затрудненій дѣлали мѣстные власти касательно исполненія фирмана: ибо въ немъ давалось разрѣшеніе на поправку крыши, надъ рождествомъ Христовымъ, а такъ какъ не было упомянуто собственно о соборѣ, то Турки умышленно относили это къ одному лишь вертепу рождества. Надобно было опять пещать въ Царьградъ, для поясненія фирмана, и это стоило семь тысячъ левовъ. Не малаго труда было перевезти въ Виелеемъ изъ Яффы, по горной непроходимой дорогѣ, большія деревья для крыши храма. — Христіанскіе жители Рамлы и Лидды, по усердію къ свя-

тынъ, продолжавъ для сего новую дорогу въ горахъ. Въ самомъ Вилеємъ Франки возбуждали яжежь единовѣрныхъ Арабовъ, будучи недовольны тѣмъ, что Греки, при обновленіи южнаго притвора вынесли многія тѣла погребенныхъ въ церкви, во время обладанія Латинскаго; все однако кончилось усѣбно и храмъ былъ обновленъ совершенно. Послѣ отъѣзда Патріарха въ Царьградъ, опять возобновились безднштва со стороны Франковъ въ Вилеємъ; они научили одного Турецкаго пристава Св. вратъ подать жалобу, будто бы Греки коснулись гробовъ не только Латинскихъ, но и Мусульманскихъ. Дѣло дошло до великаго Визиря, бывшаго тогда на Польской войнѣ, оною Каменецъ-Подольска; но съ помощію великаго драгмана Парамюта, хотя и не безъ расходовъ, православные получили новый фирманъ, чтобы никто не безпокоилъ ихъ въ Вилеємъ. А между тѣмъ Патріархъ приобрѣлъ въ Валахіи еще два монастыря для Св. гроба, и наведши въ одномъ изъ нихъ часть чести глгзъ Предтечевой, препроводилъ ее въ Іерусалимъ.

Много тревоги причинило Православнымъ прибытіе въ Царьградъ Французскаго посла Меркиса де Ноантезъ, и особенно его путешествіе въ Іерусалимъ. Надивный посолъ, пользуясь тѣмъ, что имя Людовика XIV. столь же громко, на Востоцъ, какъ и на Западѣ, сталъ требовать отъ Султана, возвращенія всѣхъ Св. мѣстъ Франкамъ, какъ состояющимъ подъ исключительнымъ покровительствомъ

Королей Франціи, которые будто бы искони владѣли святынею Палестинскою. Но Турецкое правительство, не смотря на чрезвычайныя требованія, постановило только, чтобы Франки владѣли въ Иерусалимѣ тѣмъ, что было въ рукахъ ихъ до того, и имѣли бы свободный доступъ для поклоненія святыне. На слѣдующій годъ, посолъ спросилъ себя позволеніе вѣхать на богомолье въ Иерусалимъ, и Франки, превознесши его прѣзломъ, пришли въ неистовство. Чтобы приготовить священную часовню гроба, для пріятія знаменитаго гостя, и вывѣсть съ тѣмъ совершенно овладѣть ею, они задумали очистить отъ копоши самыя отверстія, сквозь которыя проходитъ свѣтъ въ ея своды; Греки, опасаясь пустить яхъ на крышу кувуклія, предлагали сами это исполнить; но Римляне рѣшились самою проложить себѣ дорогу, осыпали ударами двухъ старцевъ, ризничаго Закхея и другаго инока Макарія; а одинъ изъ Латинскихъ священниковъ, родомъ Испанецъ, ударомъ камня, убилъ монаха Греческаго, по имени Климента. Это случилось 3 Марта; когда же, по возникшему въ храмѣ смятенію, какій послалъ развѣдать о случившемся, Франки задарили его, и онъ написалъ только въ своемъ донесеніи, что убійство произошло по случаю драки между Греками и Франками, не сказавъ на чьей сторонѣ была вина.

Посолъ услышалъ о томъ еще въ Рамлѣ; и, мало не смутившись, вступилъ онъ съ великимъ торжествомъ въ Иерусалимъ, и чтобы еще болѣе показать свое могущество, проходилъ мимо патриар-

шихъ воротъ, приказалъ своимъ приближеннымъ разорвать камлани на стоявшихъ около старцахъ Греческихъ, за то будто, бы, что не принялъ его самъ Патріархъ, съ должною почестью, какъ представителя столь великаго Государя. Онъ написалъ и дерзкое письмо къ Нектарію, угрожая ему своимъ ищениемъ въ Царьградъ, такъ что испуганный Святитель бѣжалъ въ Египетъ и оттолъ на Синай; но тревожимый страшными видѣніями, за то что оставилъ свою паству, возвратился опять въ Іерусалимъ. Такія же наглости ознаменовали и посещеніе посла въ Внолеемъ; онъ непременно хотѣлъ овладѣть святою пещерою Рождества, и для того домогался выманить ключъ отъ нея у игумена Кирылла, чтобы заставить кого либо, изъ бывшихъ съ нимъ священниковъ Латинскихъ, отслужить тамъ литургію и тѣмъ доказать права свои на святилище: однако, на сей разъ хитрость его не удалась; ибо отрокъ Греческій, бывший въ услуженіи у посла, предварилъ о томъ православныхъ, а игумень собралъ нарочно единовѣрныхъ Арабовъ въ пещеру, подъ предлогомъ любопытства, при входѣ посла. Но тѣмъ не удовольствовавшись наивинный Ноантель: воспользовавшись отшествіемъ богомольцевъ къ Іордану, на страстной недѣлѣ, онъ взшелъ ночью съ топорами въ храмъ Воскресенія, и тамъ, въ маломъ придѣлѣ позади главнаго алтаря, хотѣлъ высѣчь, изъ подъ престола православныхъ, часть столба, къ коему привязанъ былъ Спаситель, во время истязаній. Услышавъ о такомъ беззаконіи, Нектарій и отцы Греческіе обратились къ кадію и при-

воли въ волненіе весь городъ. Стража Турецкая ночью устремилась въ храмъ, и отворивъ врата, застала тамъ посла съ его сообщниками. Тогда Патріархъ Нектарій съ укоризною изгналъ его изъ храма, и хотя посолъ много написалъ на него клеветы великому Визирю; но уже сей сановникъ былъ предваренъ, о его противузаконныхъ дѣйствіяхъ, и не дозволилъ ему продолжать путешествія въ Египеть: онъ принужденъ былъ со стыдомъ возвратиться въ Константинополь.

Нѣсколько времени Армяне не тревожили Грековъ въ Іерусалимѣ, по внутреннимъ своимъ несогласіямъ. Вартопедъ ихъ Елеазаръ, долго боровшійся съ Патріархомъ Пансіемъ, вступилъ самъ въ состязаніе съ Католикосомъ всей Арменіи, Іаковомъ, за право варить исключительно Св. муро въ монастырѣ Эчміадзинскомъ; много истративъ денегъ по сему предмету, въ диванъ Турецкомъ, онъ исходатайствовалъ себѣ наконецъ титуло Патріарха Армянъ Іерусалимскихъ. Римляне, чтобы уничтожить Грековъ, поспѣшили признать новый санъ Армянскаго Епископа въ Св. градѣ; но Елеазаръ, не довольствуясь однимъ титуломъ, пожелалъ и преимуществъ, и силою денегъ получилъ, отъ мѣстныхъ властей, право служить литургію на Св. гробѣ. Смущались Франки и просили помощи отъ намѣстника, бывшаго Патріарха Нектарія; старецъ поспѣшилъ къ кадію и, показавъ ему грамоты Султанскія, доказалъ, что Православные одни имѣютъ власть во Св. гробѣ, и только дозволили Римлянамъ,

но ихъ прошесть, совершать тамъ литургію; но сіи послѣдніе, употребивъ хитрость, выпросили у кадія свидѣтельство, будто бы имъ однимъ предоставлено сія право, и послали такое донесеніе въ Царградъ къ великому Визирю. Патріархъ Досея, бывшій тогда въ Сербіи, посѣщилъ въ Адрианополь, гдѣ находился дворъ Султанскій, и представъ со всеми фирманами, данными православнымъ, предъ верховный судъ Визиря и Каискеридогъ, просилъ полного обладанія Св. гробомъ, изгнанія изъ него прочихъ исповѣданій, и дозволенія православнымъ совершать въ немъ литургію.

Великій Визирь, благопріятствуя православнымъ, сказалъ имъ, что грамоты Халифовъ и Султановъ Мамелунскихъ, равно какъ и опредѣленія истинныхъ властей недостаточны, если Греки не имеютъ сверхъ того латтишерифовъ Султановъ Оттоманскихъ, и обрадованный Патріархъ отдалъ ему, данъ за другія, всѣ указы Султанскіе въ пользу православныхъ, начиная отъ Селима и до Мурата. Когда же прочтено было въ слухъ слышающее опредѣленіе Султанское: «повеждаю Патріарху и Грекамъ имѣть первенство предъ Франками, Армянами, Грузинами, Абхосинцами, Каптами, Сириянами и предъ всеми народами, при гробѣ, въ каждой церкви и монастырѣ, и быть имъ первыми при всякомъ священнодѣйствіи: или ходѣ; другимъ же исповѣданіямъ: входить на поклоненіе не иначе, какъ съ имъ позволенія, и — то Визирь сказалъ: «довольно!» Онъ потребовалъ грамоты Франковъ.

состоявшія болѣе изъ опредѣленій мѣстныхъ властей въ ихъ пользу. Послѣ долгаго пренія, по древности правъ каждаго исповѣданія, Визирь спросилъ еще у Франковъ: «есть ли у нихъ фирманъ позднѣе того, который данъ былъ Султаномъ Муратомъ Патриарху Θεοφανу?» и когда они искали еще оправдаться тѣмъ, что въ этомъ фирманѣ упоминалось о Виселемъ и Голгоевъ, а не о Св. гробѣ, Визирь съ гнѣвомъ отвѣчалъ: «что не вѣтъ судитъ о смыслѣ грамотъ Султанскихъ, ибо Муратомъ дарованъ Грекамъ не только часть Виселема и Голгоевы, но оба храма вполнѣ,» и изгналъ ихъ изъ верховнаго суда; Напрасно Патриархъ предлагалъ миръ Франкамъ, по выходѣ изъ присутствія; они съ гордостью его отвергли, надѣясь на ходатайство пословъ Франціи, Германіи и Англіи, но на сей разъ Визирь остался непреклоннымъ; Франки утратили свою тягбу, которая стоила и Грекамъ до сорока тысячъ левовъ.

Не ранѣе какъ на слѣдующій годъ, по обычнымъ замедленіямъ Турецкаго правительства, Патриархъ могъ привести въ исполненіе фирманъ въ пользу православныхъ. Это было въ Январѣ 1676 года, и съ тѣхъ поръ они стали опять служить литургію внутри часовни Св. гроба, въ придѣлѣ Ангела; Досвоей вынесъ, въ присутствіи мѣстныхъ властей, украшенія Латинскія; покрывавшія праморъ священной часовни, и лампады ихъ; висѣвшія, въ придѣлѣ Ангела, не сохранили ихъ внутри Св. гроба; хотѣлъ даже дозволить Римлянамъ продолжать тамъ свое служеніе; но они требовали себѣ права на служеніе и предъ дверями часовни,

черезъ что лишились и перваго дозволенія, хотя не на долго; потому что вскорѣ политическія сношенія Порты съ Европою обратили въ ихъ пользу дѣла Палестинскія. Доснеей воспользовался благоприятными обстоятельствами, чтобы распространить зданіе патриархіи до бывшей обители Иверской, во имя Св. Феоклы, и обновить келліи ея, купленные у Коптовъ. Онъ принужденъ былъ однако тайно выѣхать изъ Іерусалима въ Царьградъ, когда узналъ, что Франки замышляютъ убить его, и около Бейрута спасся отъ Маронитовъ, переодѣвшись въ Турецкое платье; столь велика была ненависть иноверныхъ, за отнятую изъ рукъ ихъ святыню. Въ это время скончался въ Св. градѣ благочестивый старецъ, бывший Патриархъ Нектарій, на семьдесятъ-четвертомъ году отъ рожденія, который и послѣ своего отреченія отъ престола, смиренно управлялъ, въ качествѣ наместника, дѣлами Св. гроба.

Епископъ Латинскій, жившій въ Галать, предлагалъ Патриарху примириться съ Франками и охотно соглашался на то Доснеей; но новый блюститель Св. земли, пріѣхавшій изъ Рима, нарушилъ опять согласіе, непомерными требованіями, такъ что самъ Епископъ принужденъ былъ сознаться, что тогда только Римляне примирятся съ Греками, когда сіи послѣдніе сдѣлаются Папистами; иначе, если бы и уступили имъ Св. гробъ, не заключать мира. Едва лишь успѣлъ возвратиться Доснеей въ Іерусалимъ, какъ опять принужденъ былъ вѣхать искать защиты въ Константиноль, противъ сое-

дипломныхъ усилій Армянь и Латинянь. Сбравшись въ монастырь Св. Іакова, они дали взаимную клятву помогать другъ другу. Бывшій Вартопедъ Клеазаръ, за шестьдесятъ тысячъ левовъ, испросилъ опять у мѣстныхъ властей зданія, принадлежащаго Абиссинцамъ, и дозволеніе служить утрецию въ храмѣ, въ одно время съ православными; Римляне же негодовали еще и за то, что Греки недавно начали совершать вечерній ходъ свой до святилищамъ, прежде ихъ собственнаго. Но приездъ Патріарха въ Царьградъ обрушилъ все козни, ибо онъ имѣлъ при себѣ султанскіе фирмады.

Тогда озаботился о монастыряхъ Иверскихъ, которые, по безпорядочному управленію настоятелей своихъ, неопытныхъ и непокорныхъ Патріархамъ, пришли въ совершенный упадокъ, еще со временъ Павсія; долгъ на нихъ возвысился до ста тысячъ левовъ, такъ что они совсѣмъ опустѣли и уже Армяне хотѣли овладѣть монастыремъ Св. Николая, а Франки знаменитою обителію Креста. Цари и Католикосы Грузинскіе, нѣсколько разъ, старались поддержать свое достоинствѣ въ Палестинѣ; но по несчастію, посылаемыя ими деньги не достигали своего назначенія, по безпорядкамъ намѣстниковъ, а иногда посланные ими бывали сами ограблены на дорогѣ, что случилось въ 1659 году съ Епископомъ Тифлискимъ Іессеємъ, въ Анатоліи. Два года спустя, іеромонахъ Грузинскій Іосифъ, который заглядывалъ обителями Иверскими, собравъ до сорока тысячъ левовъ и много драгоценной утвари.

ри, отправился моремъ въ Палестину и погибъ съ кораблемъ. Наконецъ, самъ Католикосъ Грузинъ, Дометій, братъ Царя, собравъ сто тысячъ левовъ, рѣшился ѣхать въ Иерусалимъ; но на дорогъ, узнавъ о смерти брата своего, вызваннаго Шахомъ Персидскимъ въ Испагань, самъ скончался отъ горести, а деньги, собранныя имъ, все пропали безъ вѣсти. Такимъ образомъ уже не оставалось болѣе никакой надежды, на освобожденіе обитателей Иверскихъ, которыя были все въ залогъ у Арабовъ и заперты. Патріархъ Досицей, желая однако сохранить ихъ православнымъ, рѣшился самъ предпринять опасное путешествіе въ Грузію, гдѣ уже былъ однажды съ Пансіемъ, и предпославъ въ Иерусалимъ, до сорока тысячъ левовъ, отчасти собранныхъ его повѣренными въ Грузію, для уплаты долга, поѣхалъ моремъ изъ Константинополя въ Трапезундъ, а оттолъ сухимъ путемъ, чрезъ Эрзерумъ и Карсъ, въ Тифлисъ.

Принятый съ честію Царемъ Грузинскимъ, Патріархъ Досицей не много однако приобрѣлъ пользы, отъ своего путешествія, и принужденъ былъ поспѣшить обратно въ Царьградъ, куда вызывалъ его, соборною грамотою, Патріархъ Константинопольскій Іаковъ, чтобы противустать опять нападеніямъ иновѣрцевъ. Иерусалимъ страдалъ также отъ жестокости тамошняго правителя, который въ теченіе семи лѣтъ собралъ съ обитателей православныхъ, до семидесяти тысячъ левовъ, такъ что Святитель принужденъ былъ искать защиты у Порты, и Ви-

зирь послалъ нарочнаго сановника, для прекращенія сихъ злоупотребленій въ Палестинѣ. Правительство Порты отвергло опять все домогательства Франковъ и Армянъ, слившихся присвоить обладаніе Св. мѣстъ, и Патріархъ сихъ послѣднихъ, Елеазаръ, удалился въ Персію, гдѣ былъ избранъ Католикосомъ всей Арменіи.

Странное явленіе мнимаго Мессіи Еврейскаго, изволвало въ то время умы всѣхъ его единовѣрцевъ, въ Царьградъ и Іерусалимъ. Нѣкто Савватай Сава, изъ знаменитаго и богатаго рода, человекъ образованный и величавой наружности, поселился въ одной изъ пещеръ Палестинскихъ и сталъ выдавать себя за Мессію, ожидаемаго Іудеями. Толпы народа начали къ нему стекаться въ пустыню, отколь далъ знать о себѣ Евреямъ Іерусалимскимъ; однако они ему не повѣрили, по внушенію одного изъ своихъ образованныхъ соотечественниковъ, врача Испанскаго Іакова. Ложный Мессія отважился и самъ явиться въ Св. градъ, но прилужденный его оставить, поселился въ Смирнѣ, гдѣ чрезвычайно умножилось число его приверженцевъ, изъ всѣхъ странъ свѣта. Рассказывали о немъ много чудесъ, будто бы воскрешалъ мертвыхъ, такъ что смутилось правительство Турецкое и, вытребовавъ изво въ Царьградъ, посадило въ темницу. Но и туда не следовало за нимъ множество взрвующихъ, и ученые Раввины обращались къ нему, изъ отдаленныхъ мѣстъ, съ высокопарными посланіями. Онъ же, пользуясь легковѣріемъ своихъ единоплеменни-

конь, провождалъ жизнь развратную, ибо многіе иска-ли имѣть отъ него священное племя. Наконецъ Султанъ потребовалъ его къ себѣ въ Адрианополь и тогда обнаружилось малодушіе ложнаго Мессіи. Уже онъ назвался, предъ лицомъ грознаго властителя, не Христомъ, а послѣднимъ пророкомъ Магометомъ, предсказаннымъ будто бы въ Св. писаніяхъ, и для спасенія жизни немедленно принялъ ученіе корана. Однако и послѣ сего продолжалъ выдавать себя опять за Мессію, между Іудеями, доколѣ не былъ сосланъ въ заточеніе въ Морю, гдѣ и умеръ.

Возвратясь въ Іерусалимъ, Патріархъ Досеи въ озабоченіи, прежде всего, о уплатѣ долга Иверскаго, для выкупа и приобрѣтенія заключенныхъ обитателей. Собравши всѣхъ землевладельцевъ, онъ погасилъ въ одну недѣлю всѣ долготѣнія ихъ тягбы съ Грузинами, уплативъ имъ до девяноста-четырехъ тысячъ левовъ; жестокосердый и корыстолюбивый Паша потребовалъ себѣ лично до шести тысячъ червонныхъ, за одну только утвердительную грамоту, о прекращеніи всѣхъ исковъ для обновленія лавры Св. Саввы, пришедшей въ упадокъ; стѣны ея обрушились, оставалась одна лишь церковь, стада Бедуинскія паслись по монастырю и даже въ опустѣвшихъ святилищахъ. Менѣе нежелан въ полгода, ревностный Святитель совершенно обновилъ занесенную обитель величайшаго изъ подвижниковъ Палестинскихъ: укрѣпилъ ея стѣны, возвысилъ бази-

ни, перестроилъ и освятилъ весь цѣркви и устроилъ келліи и гостиницу, для иноковъ и странниковъ, такъ что, по его выраженію, послѣдняя слава храма сего была паче первыя. Отправляясь самъ въ Царьградъ, онъ поручилъ отцамъ Иерусалимскимъ обновить и весь монастыри Иверскіе, имъ приобретенные, которые клонились къ паденію, особенно три главные: честнаго креста, святителя Николая и Василія великаго. Они же, движимые ревностію, въ продолженіе одного года, обновили еще сверхъ того и обители, двухъ святыхъ Феодоровъ, Анны и Георгія, употребивъ на весь сіи издержки не болѣе тридцати тысячъ левовъ.

Не объ одномъ ви́шнемъ благосостояніи своей паствы заботился благочестивый пастырь, но и о духовномъ. Уже около полувѣка, Кальвинскія мнѣнія, о таинствѣ евхаристіи и священства, въ коихъ подозрѣвали бывшаго Патріарха Константинопольскаго, Кирилла Лукариса, волновали православный Востокъ; блаженный Досифей, будучи въ Палестинѣ, соединилъ соборъ въ Вилеємѣ, изъ подвластныхъ ему Епископовъ, и написалъ изложеніе православной вѣры о сихъ догматахъ, для утвержденія Церкви; изложеніе сіе въ послѣдствіи было послано Святѣйшему Синоду Россійскому, Вселенскими Патріархами, при утвержденіи онаго, когда нѣкоторые изъ Англичанскихъ Епископовъ обратились къ Церкви Восточной, съ предложеніями о мирѣ церковномъ, и досель оно соблюдается, какъ твердое основаніе догматовъ православной

вѣры. Патріархъ Досноей видя также, что со времянь Лукариса заведена была въ Царьградъ типографія и печатались многія книги, порекомендовалъ сему полезному заведенію ко благу своей цѣлѣ. Будучи въ Ясеахъ, не пощадилъ оныя издержекъ, для пріобрѣтенія всего нужнаго къ устройству типографіи, подъ надзоромъ одного Валахскаго іеромонаха, по имени Митрофана, и прежде всего напечаталъ книгу Патріарха Нектарія, противъ власти Папской, и творенія Симеона Фессалоникскаго. Между тѣмъ Франки всмѣчески старались оклеветать Патріарха, чтобы только овладѣть Св. мѣстами; они обвинили его предъ правительствомъ Порты, что будто печатаетъ вредныя противъ него книги; но благоразумный Визирь не далъ вѣры ихъ клеветамъ. Тяжкая болѣзнь Святителя, вызваннаго по сему случаю въ Адрианополь, долго его тамъ задержала.

Опять началъ приступать посолъ Французскій къ великому Визиру, съ требованіемъ Св. мѣсть для Латинянъ, обѣщая за то, именовъ Короля своего, принять сторону Султана, въ долголѣтней войнѣ его съ Римскою имперіею; Визирь, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ Порты Оттоманской, принужденъ былъ дать обѣщаніе, что отправить съ своей стороны агу, для разбирательства дѣла между Франками и Греками. Патріархъ, едва оправившись отъ болѣзни, поспѣшилъ предстать правителю Турціи и умолялъ его, отмѣнить столь тяжкое для него рѣшеніе, которое возбудитъ толь-

ко мѣвья распри и будетъ стоять многихъ денегъ отцамъ Иерусалимскимъ. Но великій Визирь успокоилъ его, говоря, что вынужденъ былъ, противъ собственнаго желанія, удовлетворить требованію Французскаго посла; самъ же лично благопріятствуетъ православнымъ подданнымъ Султана и обещалъ, что посольство аги не будетъ имѣть никакого вліянія на дѣла, потому что тѣмъ выиграется только время и польстятъ самолюбію Франковъ. Началось наследованіе въ Иерусалимъ, о взаимномъ обладаніи обѣихъ исповѣданій: Франки, силою денегъ, убедили мѣстныхъ власти, дать имъ свидѣтельство, будто бы всѣ Св. мѣста принадлежали имъ, до временъ Патріарха Теофана, несправедливо ихъ похитившаго. Однако, не смотря на то, они не имѣли успѣха въ Царьградѣ, и Патріархъ Досеѣй получилъ опять хрисовулу царскую, на владѣніе Св. мѣстами. Убіеніе Визиря, возмутившимся янычарами, и низложеніе Султана Магомета, послѣ сорокалѣтняго его царствованія, измѣнили обстоятельства при дворѣ Турецкомъ. Однако, и отъ новаго Султана Солимана, Патріархъ успѣлъ испросить утвердительную грамоту на Св. мѣста, ибо жестокая война съ Австрійцами возбуждала негодованіе Порты противъ всѣхъ Франковъ; но на слѣдующій годъ заключеніе мира, между Австрією и Портою, въ Карловицахъ, при посредничествѣ Франціи, дало и въ Иерусалимѣ перевѣсъ Римлянамъ надъ православными, не смотря на всѣ усилія великаго драгомана Маврокордата, который, во вре-

ня заключенія мира, старался защитить права своихъ единовѣрцевъ.

По настоянію новаго посла Французскаго, прибывшаго въ Царьградъ, Порта принуждена была выдать фирманъ, совершенно противурѣчившій прежнимъ, ибо благопріятствовалъ Франкамъ и уступалъ имъ во владѣніе Св. мѣста. Превознесшіеся такою побѣдою, они обнаружили всю свою злобу противъ Грековъ и немедленно обрушили Св. престолъ, находившійся въ придѣлѣ Ангела, предъ Св. гробомъ, вынули изъ подъ него ковчегъ со Св. мощами, и выкинули весь украшенія православныхъ изъ священной часовни; потомъ разрушили въ Внелсемъ иконостасъ соборный, выстроенный, съ большими издержками, Патриархомъ Нектаріемъ, и оказывали всякаго рода перуганія снатымъ и духовенству Греческимъ; они даже распустили слухъ, будто Патриархъ Досмеей повѣшенъ въ Царьградъ, и оклеветали его намѣстника въ Іерусалимѣ предъ мѣстными властями, такъ что принужденъ былъ, со многими изъ отцевъ, удалиться въ Дамаскъ. Тамъ пребывали изгнанники, доколѣ Патриархъ не исходатайствовалъ въ пользу ихъ фирманъ у Порты, въ силу коего могли безопасно возвратиться въ Іерусалимъ. Радостная вѣсть о томъ, что Святитель живъ, поддержала духъ православныхъ въ Св. градѣ, и они праздновали съ вознесеніемъ огней въ домахъ своихъ, въ продолженіе цѣлой ночи.

Патриархъ Досмеей останавливается на столѣ горестныхъ событіяхъ и не продолжаетъ далѣе

своей исторіи, хотя святительствоваъ еще осемнадцать лѣтъ до 1708 года. Преемникъ его Хрисанъ, издавшій въ свѣтъ его исторію въ 1715 году, не присовокупляетъ къ ней позднѣйшихъ событій, вѣроятно потому, что ему горько было описывать успѣхи Римлянъ и уничтоженіе православныхъ; оттого и свѣдѣнія, о состояніи Церкви Иерусалимской, опять исчезаютъ въ XVIII вѣкъ. Огорченіе Святителя Иерусалимскаго явствуетъ изъ послѣднихъ словъ его, кои заключаетъ свое пространное твореніе*. «Напрасно и ложно разглашаютъ повсюду Франки будто бы Св. мѣста въ ихъ власти; ибо хотя и получили они первенство въ нѣкоторыхъ изъ сихъ мѣстъ, но не полное ими обладаніе; потому что и мы торжественно, съ болышею свободою, чѣмъ Римляне, совершаемъ всѣ наши церковныя службы, не опасаясь никакого пренятствія съ ихъ стороны. Да и то, что они говорятъ, будто святой гробъ и святая пещера Вифлеемская въ ихъ власти, показываетъ только, что они одни тамъ служатъ, между тѣмъ какъ и мы, если захотимъ, можемъ служить тамъ безпренятственно, хотя не дѣлаемъ сего по многимъ причинамъ, а особенно для того, чтобы не подумалъ народъ, что мы отъ нихъ не различаемся въ богослуженіи. Сверхъ сего, сколько имѣемъ мы Св. мѣстъ, монастырей и престоловъ, въ самой соборной церкви Св. гроба, въ святомъ градѣ и въ его, близи и далеко. Римляне и все прочее сборище вкупѣ не имѣютъ и половины того, чѣмъ по ми-

* Истор. Патр. Досмо. Кн. XII. гл. 13.

лости Божіей мы владѣемъ, съ полною властію. Присвоили же себѣ Римляне нѣкоторыя Св. мѣста въ 1689 году, въ Апрель мѣсяцъ.»

Сими словами заключается исторія Патриарха Досмеея, проникнутаго справедливою скорбію о утратѣ святилищъ: такое соревнованіе о Св. мѣстахъ, внутри самаго храма, гдѣ пострадалъ общій всѣхъ Спаситель, не должно казаться страннымъ, намъ отдаленнымъ пришельцамъ; ибо на Востокъ вѣра составляетъ истинное отечество многообразныхъ племенъ; они враждуютъ между собою, не такъ какъ послѣдователи различныхъ исповѣданій, но какъ разнородные по своему происхожденію, еще памятующіе давнія несогласія своихъ предковъ, и потому совершенно чужды другъ другу, а между тѣмъ втѣснены во внутренность малаго заключеннаго храма, гдѣ невольно возникаетъ взаимная ихъ распря.

XLIII.

ОСЬМНАДЦАТОЕ СТОЛѢТІЕ.

Патріархи Хрисанвъ, Мелетій, Парсеній, Евремъ, Софроній,
Аврамій и Аноній.

Еще болѣе правъ приобряли себѣ Римляне въ 1700 году, по ходатайству Австрійскаго посла Графа Эттингена. Два фирмана Порты обезпечили свободное ихъ богослуженіе въ Іерусалимѣ*, подѣ особеннымъ покровительствомъ мѣстныхъ властей, вопреки давнихъ преимуществъ православнаго духовенства. Имъ предоставлены были: обитель Предтечи внѣ города, кладбище Сіонское, монастыри Виллесама и Назарата, съ ихъ садами, такіе же въ Сафате, Сандъ и Рамль, пещера Геесиманская и часовня Св. гроба. Они получили дозволеніе совершать крестный ходъ на гору Элеонскую, въ вербное воскресенье, и служить въ развалинахъ храма Іоакима и Анны, принимать повсюду своихъ

* Hammer Liv. LXI.

богомольцевъ и обновлять Св. мѣста, имъ принадлежащія, все это съ явнымъ нарушеніемъ правъ исповѣданія православнаго. Тогда обнаружилась и настоящая цѣль всѣхъ дѣйствій Латинскихъ, для обладанія Св. мѣстами; ибо вслѣдъ за полученіемъ сихъ фирмановъ, появились на Востокъ Іезуиты и внезапно наводнили собою Палестину, Сирію и Египетъ, повсюду раставляя свои сѣти, столь быстро, что уже въ 1717 году прибылъ въ Сирію и мнѣшій Патріархъ Антиохійскій, дотогъ носившій только одну почетное титуло въ Римѣ; а настояшій Патріархъ православныхъ подвергся жестокииъ гоненіямъ. Распря его предмѣстника Аванасія, съ Митрополитомъ Алепскимъ Герасимомъ, открыла широкую дверь миссіонерамъ Латинскимъ, которые дотогъ таились по главнымъ городамъ Сиріи, стараясь только привлечь къ себѣ духовенство и мірянъ, снисходительностію къ воступкамъ, вальченіемъ болящихъ и дарами; они находились, болшею частию, подъ покровительствомъ самихъ Архіереевъ православныхъ, потому что скрывали настоящую цѣль свою и являлись только общими благодѣтелями Христіанъ Восточныхъ, упомывая о Царѣ, какъ о покровителѣ, а не главѣ. Когда же Митрополитъ Алепа, по личной ненависти къ Патріарху, принялъ Унію и последовалъ ему Евсеюмъ Сидонскій, тогда обнаружилось и совершено давно таившееся сѣмя: — внезапно образовалась Уніа и укрѣпилась въ двухъ монастыряхъ Ливанскихъ, подъ покровительствомъ Маронитовъ, издавна подчиненныхъ Римскому престолу; почти весь

Алепъ, наполненный мятежными личиками и поддерживаемый торговлею съ Франками, принялъ ихъ сторону, и всѣ усилія законныхъ пастырей, для прекращенія раздора церковнаго внутри своей паствы, остались тщетными. Унія расла а народъ, хотя и чуждаясь Римлянъ, невольно ей поддавалась, ибо священники ихъ носили одежды православныхъ и тѣмъ обольщали неопытныхъ.

Наградями, обольщеніями и уступчивостію въ правилахъ церковныхъ, Римская Церковь успѣла привлечь къ себѣ довольное число православныхъ; главнымъ же предметомъ ея гоненій былъ мудрый Хрисанъ, Патріархъ Іерусалимскій, который одинъ сопротивлялся словомъ и дѣломъ новизнѣ Латинскимъ: съ нимъ вмѣстѣ Римляне думали покорить все православное духовенство и тѣмъ легче усилить въ своихъ намѣреніяхъ. Однако, поддѣржанное силою свыше, оно не только сохранило свое существованіе, но и внутреннее ему стадо сберегло незараженнымъ отъ чуждаго ученія. Патріарху Хрисану предстояло побѣдить и еще большее затрудненіе. Храмъ Воскресенія, отъ ветхости, клонился къ разрушенію и необходимо было обновить его. Западная Церковь, еще при жизни Патріарха Досея, всячески домогалась получить отъ Порты позволеніе на перестройку храма; но Досея, благоразуміемъ своимъ, отклонялъ все проски, говоря, что Римляне хотятъ совершенно овладѣть святилищемъ, и потому старался получить себѣ это право. Такимъ образомъ время про-

текало въ расприхъ, а храмъ нуждался болѣе и болѣе въ перестройкѣ. Стѣсняемый, неотлагательно нуждою обновленія храма, и видя могущество Западной Церкви, Хрисанъ условился наконецъ, въ 1720 году, съ Посломъ Франціи Маркизомъ Боникомъ, возобновить храмъ общими силами, и совершилъ сей великій подвигъ.

Святительство мудраго Хрисанова: памятно намъ, странствованіемъ одного благочестиваго паломника Русскаго, Василя Барскаго, который получивъ образованіе въ духовныхъ училищахъ, двадцати лѣтъ оставилъ домъ отеческій и, въ теченіе 24 лѣтъ странствовалъ по Св. мѣстамъ, въ Европѣ, Азій и Африкѣ. Сперва посетилъ онъ Австрію и Италію, изъ Венеціи отплылъ въ Афонскую гору; оттуда направился въ Палестину, и встрѣтилъ на пути въ Хіосѣ Патріарха Хрисанова. Потомъ прожилъ годъ въ Египтѣ, гдѣ пользовался особенными милостями Патріарха Космы, и видѣлъ Синайскую гору; возвратясь вторично чрезъ Иерусалимъ въ Сирію, два года находился въ Триполитскомъ училищѣ. — Сильвестръ, Патріархъ Антиохійскій, чрезвычайно притѣвляемый въ своей епархіи ревностію Римской пропаганды, старался удержать при себѣ образованнаго Русскаго паломника, и постричь его въ монашество; но Барскій не могъ привыкнуть къ постоянному жительству въ Антиохіи и искалъ новыхъ странствованій. — Острова Архипелага привлекли его вниманіе; на Патмосѣ прожилъ онъ шесть лѣтъ въ училищѣ, при духовницѣ наставникъ Макаріевъ. — Долготѣлій подвигъ его стран-

ствія, совершеннаго по большей части прыкомъ, въ крайней нищетѣ и съ безпрестанною опасностію, дѣлаетъ его чрезвычайно уважительнымъ. Барскій возвратился въ отечество, какъ бы только для того го, чтобы упокоить кости свои въ родной землѣ, и скончался въ Кіевѣ, чрезъ шесть недѣль по своемъ пріѣздѣ.

Путешествіе его имѣетъ большое достоинство по точности, съ которою онъ говоритъ о всякомъ малѣйшемъ предметѣ, встрѣчавшемся ему на пути, представляя очень ясно самую мѣстность, разстоянія, нравы жителей, даже обстоятельства времени. Съ какимъ теплымъ чувствомъ вѣры идетъ онъ въ путь, съ какимъ самоотверженіемъ и упованіемъ одолеваетъ все препятствія! Христа ради посвящаетъ онъ мѣста подвиговъ Христовыхъ, не зная будетъ ли имѣть пищу на завтрашній день, и спокойно засыпаетъ посреди опасностей, терпѣть побои и поруганія и радуется имъ, какъ истинный поклонникъ; недугъ тѣлесный гнѣтеть его на пути въ Антиохію, онъ изнемогъ духомъ, но въ горахъ встрѣчаются ему развалины церкви и въ одной крестъ съ надписью: «крестъ падающихъ востаніе!» и этихъ словъ ему довольно, чтобы забыть все печали и труды.

Лишь только укротилась нѣсколько тревога Западныхъ, Армяне, пользуясь возмущеніемъ лыпчаговъ, повстали противъ православныхъ въ 1730 году. Большими деньгами склонили они на свою сторону великаго Визиря Али Пашу, родомъ изъ Арменіи, и онъ, представивъ Султану Маммуду I.

подложные фирманы, ублажалъ его выдать новый въ пользу Армявъ. Патріархъ Мелетій, преемникъ Хрисанва, жившій тогда въ Іерусалимѣ, поспѣшилъ въ Константинополь, гдѣ всѣ православные съ трепетомъ ожидали его прибытія, чтобы противудѣйствовать Армянамъ. Порта выслушала однако саркастичныя представленія Грековъ и, послѣ тщательныхъ изслѣдованій, убѣдившись въ правотѣ ихъ, созналась въ своей ошибкѣ и уничтожила указъ, данный ею Армянамъ; православнымъ же возвращены были древнія ихъ права, новымъ фирманомъ.

Тогда возникли опять гоненія Западной Церкви. Недовольная отнятыми ею Св. мѣстами, она рѣшилась вытѣснить совершенно изъ Іерусалима православныхъ и, посредствомъ Министра Франціи, ублажала Порту согласиться на ея требованія, но не успѣла въ своемъ намѣреніи. Между тѣмъ Франки собрали множество своихъ ревнителей, въ числа Арабовъ Палестинскихъ, и, въ день вербнаго воскресенія **, возбудили ихъ противъ Христіанъ православныхъ; вооруженные расхитили всѣ украшенія, которыми были на сей праздникъ убраны церкви Греческія. Патріархъ Св. града Царевній и православные жители Царьграда обратились съ жалобами къ Султану Осману. Порта, которая всегда взирала съ неудовольствіемъ на то, что однажды принуждена была уступить требованіямъ Франковъ и отнять у своихъ подданныхъ древнія права ихъ, на обладаніе Св. мѣсть, благосклонно приняла прошеніе Па-

* 1734 г. ** 1753 г.

тріарха. Она велѣла изслѣдовать, съ большимъ вниманіемъ, всѣ судебныя приговоры, по которымъ дѣйствовали враждующія стороны, и нашла, что фирманы, данныя православнымъ, были гораздо древнѣе; правительство Турецкое, дѣйствуя по справедливости, новымъ хатташерифомъ, возвратило имъ прежнія права ихъ, не отнимая однако у Франковъ соучастія въ богослуженіи. Франки не могли снести равнодушно сего рѣшенія, и множество прошеній противъ православныхъ было ими подано, большею частію въ царствованіе Султана Мустафы, около 1768 года. Открывшаяся война съ Россією дала поводъ Французамъ, какъ союзникамъ и главнымъ дѣйствующимъ при сей войнѣ, возобновить свои требованія на неограниченное обладаніе Св. мѣстами. Но Патріархъ Іерусалимскій Евремъ, призванный въ Константинополь, умѣлъ съ такимъ благоразуміемъ представить Портъ права свои, подкрѣпленные многими фирманами, что Султанъ, не взирая на дружбу съ Францією, рѣшительно отказалъ союзникамъ.

Стоитъ только остановить вниманіе на бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ Іерусалимскимъ престоломъ, со времени завоеванія Салимова, чтобы издивиться, какими пожертвованіями, могли Патріархи сохранить православную Церковь, въ ея первобытвой чистотѣ, и устоять противъ совмѣстительства Франковъ и Армянъ. Грустно подумать, что съ всѣхъ сторонъ стѣкавшіяся подаванія благочестив-

* 1757 годъ.

выхъ, большею частію употреблялись, для насущнаго мѣстныхъ властей. Сколько разъ Патріархи предпринимали многотрудныя путешествія, чтобы собрать хотя малыя подаянія, коими могли бы противудѣйствовать щедрымъ даваніямъ Франціи, Австріи, Испаніи и Рима; ибо сіи державы ревностно поддерживали Францисканскихъ братьевъ, въ Иерусалимѣ и его окрестностяхъ. Въ половинѣ сего столѣтія, по случаю умноженія долга монастырей Латинскихъ, отъ ихъ частыхъ тяжбъ и безпорядковъ внутреннихъ, одинъ Король Испанскій, по ходатайству Прокуратора Св. земли, Рибейра, послалъ въ Иерусалимъ до осьмисотъ тысячъ рублей, и такимъ образомъ внезапно облегчилась братія Латинская отъ бремени тяжкаго долга. Часто, въ продолженіе сей борьбы, Иерусалимскій престолъ впадалъ въ огромные долги, и тогда благоразумное управленіе Патріарховъ, согрѣваемыхъ любовію къ Церкви и вѣренному стаду, опять поддерживало то, что клонилось къ паденію. Но по особенному промыслу Божию, о Церкви Иерусалимской, рядъ замѣчательныхъ Іерарховъ непрерывно управлялъ ею, и святительство ихъ было продолжительно: таковы были Германъ и Софроній, Теофанъ, Пансій, Нектарій, Досифей и Хрисанъ, поддержавшіе православіе на Востоку.

Между тѣмъ, съ упадкомъ могущества Оттоманскаго, поколебалось и въ Палестинѣ владычество Португій; опять, какъ во времена Мамелюковъ, Сирія и Египетъ сдѣлались поприщемъ беззаламн

мѣстныхъ влaстителей, только именемъ признававшихъ надъ собою власть Султановъ. Въ началѣ осьмнадцатаго вѣка, одно богатое сошеяство въ Дамаскѣ, эль-Адмъ, въ теченіе двадцати лѣтъ управляло, въ качествѣ Пашей, всюю областію и Іерусалимомъ, и жители Сиріи наслаждались миромъ; но когда, по просямъ одного изъ евнуховъ Султанскихъ, послѣдній изъ Пашей сихъ, Азадъ, принужденъ былъ бѣжать въ Бедуинамъ, начались междоусобія. Паша Газы, Гуссейнъ, дѣйствовавшій противъ Азада, временно получилъ въ свое управленіе и Св. градъ; поступивъ же на мѣсто своего соперника, скоро утратилъ оное, ибо не могъ защититъ отъ Бедуиновъ каравана богомольцевъ, шедшихъ въ Мекку. Абдалла-Паша, бывшій Пашею въ Багдадѣ и потомъ назначенный Портою въ Дамаскѣ, заключилъ миръ съ Азадомъ; но не болѣе двухъ лѣтъ продолжалось его кроткое правленіе, памятное Іерусалиму. Около 1740 года сталъ возвышаться въ Палестинѣ шейхъ Арабскій Дагеръ, который сперва укрѣпился въ Сафатъ, на берегахъ моря Галилейскаго, противъ Пашей Дамаскихъ, а потомъ отнялъ Акру изъ рукъ Паши Саидскаго и, укрѣпивъ ее стѣнами, распространилъ отголѣ владычества своею на всю Палестину. Сосѣдніе шейхи горъ покорились сильному Дагеру, и даже пустынные Бедуины уважали его, какъ по родственнымъ связямъ; такъ и по славѣ его имени, а жители Палестины отложили подъ его отеческимъ правленіемъ отъ грабительства Бедуиновъ и мѣстныхъ влaстителей. Сильное племя Мутуалиевъ, у, подоимы

горь Антанокитъ, вступило съ нимъ въ союзъ и оградило его отъ Пашей Саида и Дамаска, которые принуждены были уважить въ шехъ соумытника своего по управленію Сиріею; наконецъ сама Порта Оттоманская, хотя и съ крайнимъ неудовольствіемъ, признала, въ 1768 году Дагера шейхомъ Акры, Назарета, Тиверіады, Сафата и всей Галилеи, и Эмирѣмъ надъ всеми эмирами Арабскими; однако не оставляла его въ покоѣ и безпрестанно покушалась на жизнь шейха, чрезъ своихъ тайныхъ посланцевъ, или старалась возбудить семейные раздоры между честолюбивыми дѣтьми его, возставляя ихъ противъ отца. Она назначила Пашею Дамаскимъ хитраго Османа, а двухъ сыновей его Пашами Саида и Триполи, и подчинила ему Іерусалимъ и всю Палестину, чтобы общими силами противудѣйствовали шейху. Османъ началъ притѣснять Дагера, умножая денежныя повинности подвластныхъ ему земель, и вскорѣ вспыхнула между ними настоящая война.

Однажды шейхъ осаждалъ въ горномъ замкѣ, около Наблуза, двухъ возмущившихся сыновей своихъ, получилъ внезапное извѣстіе о тайномъ противъ него походѣ Османъ Пашы. Въ ту же минуту послалъ онъ вѣстника въ замокъ сказать дѣтямъ, что мирится съ ними и, при ночномъ свиданіи, объяснилъ угрожавшую всемъ опасность. Тогда старшій сынъ его Али вызвался однимъ обрушить все замыслы Пашы, и съ пятью стами всадниковъ, выстунивъ ночью изъ замка, напалъ при разсвѣтѣ на спящій станъ Турецкій; все ихъ полчище

обратился въ бѣгство: богатая добыча досталась въ руки побѣдителей; — война сія, истощившая казну Османа, побудила его къ насильственнымъ мѣрамъ въ предѣлахъ Палестинскихъ, отъ которыхъ возникли возмущенія въ Рамль, Газъ и Яфѣ, затушенные въ потокахъ крови. Вся Палестина роптала противъ жестокаго властителя, и воспользовалась соседствомъ могущественнаго Али Бей, чтобы возстать противъ Паши. Сей воинственный вождь Мамелуковъ, пріобрѣтшій мало по малу владычество надъ всемъ Египтомъ, завоевалъ и Мекку, и совершенно отложился отъ подданства Порты. Кровавопролитная война Турціи противъ Россіи и появленіе флота нашего въ Средиземномъ морѣ, возвысили его надежды. Онъ заключилъ дружественный союзъ съ шейхомъ Дагеромъ, который также не ожидалъ ничего, кромѣ гибели изъ Царьграда, и оба вооружились противъ Пашей Сирійскихъ.

Отрядъ Мамелуковъ занялъ Газу, Лиду и Рамлу. Османъ поспѣшилъ на помощь Яфѣ; но явленіе Дагера заставило его удалиться, и все поморіе Палестины осталось въ рукахъ шейха. Вслѣдъ за тѣмъ многочисленное войско Египтянъ, подъ предводительствомъ зятя Али Бей, Магомета, вступило въ Сирію и, съ помощію Дагера, осадило Дамаскъ; уже городъ былъ взятъ и самый замокъ готовъ сдаться, когда хитрый Османъ Паша, силою денегъ, убѣдилъ невернаго Мамелука потерять весь плодъ своей побѣды, немедленнымъ отступленіемъ. Освобожденный отъ страха Египетскаго, Османъ

хотѣлъ захватить шейха въ стѣнахъ самой Акры; но опять мужественные сыновья его защитили старца. Ночью напали они на полчища Турецкія, совершенно ихъ разсѣяли и, одержавъ кровопролитную побѣду надъ Друзами, овладѣли пашаликомъ Сандскимъ. Смутилась Порта; изнуренная войною противъ Россіи, она предложила шейху миръ на самыхъ выгодныхъ для него условіяхъ и сдѣлала Пашей Дамаска, Триполи и Санда; но престарѣлый Дагеръ, превознесенный своими побѣдами, вымышлялъ уже о покореніи всей Сиріи, и въ надеждѣ на силы Али Бей, отвергнувъ миръ. Бѣство сего послѣдняго изъ возмущившагося Египта, обрушило его замыслы; однако старецъ не терялъ духа; гостепріимно встрѣтилъ онъ изгнанника въ Яфѣ, пригласилъ Русскую флотилію, запасавшуюся водою въ Каифѣ, содѣйствовать ему противъ Друзовъ и Турковъ, и одержалъ надъ ними совершенную побѣду у подошвы Ливана. Это было первое появленіе оружія Русскаго на берегахъ Сиріи; весьма необычайна была битва, въ которой толпа Бедуиновъ, Мамелуковъ и Варварійцевъ, сражалась, подъ прикрытіемъ нашихъ судовъ, съ цѣлымъ войскомъ Турецкимъ, подъ начальствомъ семи Пашей. Дагеръ и Али-Бей, возвратясь въ Акру, принуждены были осаждать возмущившуюся противъ нихъ Яффу; восемь мѣсяцевъ длилась осада и наконецъ сдался городъ; нетерпнвіе Али-Бей, который не хотѣлъ ожидать помощи Русскихъ, чтобы возвратиться въ Египетъ, было причиною его

гибелю: Онъ, умеренный былъ въ пустынь, высланными противъ него Мамелуками; но счастье еще благоприятствовало Дагеру въ Сиріи. Неудовольствія Друзевъ противъ жестокаго Джеззара, назначеннаго начальникомъ въ Бейрутъ, побудили ихъ заключить союзъ съ шейхомъ; еще однажды флотъ Русскій подступилъ, вмѣстѣ съ его войсками, къ Бейруту, и Джеззаръ принужденъ былъ сдаться. Османъ Паша, поставленный опять Пашею въ Сирію, снова обратился въ бѣгство, при одномъ имери воинственнаго старца и его сыновей, но эта победа была последнимъ торжествомъ девяностолѣтняго шейха.

Остальные годы его протекли не въ желанномъ спокойствіи; насильственные мѣры его главнаго казначейскаго, Ибрагима, возбудили общее неудовольствіе жителей. Самъ онъ, потерявъ опору Влиста и флота Русскаго, рѣшился покориться Портѣ и уступить ей пашаликъ Сандскій, къ крайнему негодованію сыновей, которые сами жаждали власти и не могли ничего получить при жизни престарѣлаго отца. Всѣ трое его оставили и поселились въ Хевронъ, Наблузъ и у Бедуиновъ, а между тѣмъ Магометъ, Бей Мамелуковъ, заступившій мѣсто Али-Бея, двинулся съ войсками въ Сирію и овладѣлъ Газою, Ясосою и Акрою: Дагеръ бѣжалъ въ горы Галилейскія; внезапная смерть Магомета возвратила ему Акру: тогда явился неожиданно Капитанъ-Паша, съ флотомъ Турецкимъ, и открылось все коварство порты, которая искала только уловить шейха, послѣ заключенія мира съ Россією.

Покаместъ или совѣщанія, о сдѣлѣ или отрженіи непріятелей, одинъ изъ бывшихъ его военачальниковъ запретилъ войскамъ сражаться противъ Капитанъ-Паши. Дагеръ хотѣлъ еще защищаться, но видя, что всѣми оставленъ, бѣжалъ изъ города и былъ убитъ подъ стѣнами, рукою своихъ. Такъ окончилось владычество его въ Палестинѣ, продолжавшееся около сорока лѣтъ*. Капитанъ-Паши назначилъ Пашею Акры и Санда, жестокаго Джазара, прозваннаго палачемъ за свое зверство, отъ котораго страдала, въ теченіе многихъ лѣтъ, вся Сирія, ибо пашаликъ Дамасскій съ Іерусалимомъ были присоединены къ его владѣніямъ. Ему суждено было состязаться, подъ стѣнами Акры, съ исполиномъ Запада и одержать верхъ.

Въ предпоследній годъ осьмнадцатаго столѣтія, Наполеонъ, разсылавъ дружины Мамелуковъ, къ пирамидѣ, и овладѣвъ всѣмъ Египтомъ, предпринялъ завоеваніе Сиріи. Утратою своего флота, сожженнаго Англичанами, отрванный отъ Франціи, великій полководецъ, искалъ себя спасенія въ новыхъ подвигахъ, и каждый шагъ его въ пустынь ознаменовалъ былъ славой. Предъ нимъ бѣжали дикіе Бедуины и буйные Мамелуки; Эль-Аришъ, на рубежѣ пустыни, не устоялъ противъ быстрого напора его войскъ; Газа отырала ему врата свои и врата Сиріи; Яффа пала предъ нимъ, послѣ кровопролитнаго приступа, и тѣмъ распространила ужасъ его имени по всей Палестинѣ; пристань Каіафы доставила ему морское сообщеніе съ Егип-

* VII. T. I, ch. 1. 1776 г.

томъ и уже Иерусалимъ ожидалъ, какъ во дни крестовыхъ походовъ, набавителей Франковъ; но они были возбуждены инымъ духомъ, блже враждебнымъ, нежели покорнымъ Тому, чей священный гробъ освобождали некогда ихъ предки. Устрашенные Турки начали укреплять стены Св. града; околы вратъ Геосиманскихъ, еще показываютъ слѣды сихъ укрѣпленій. Но Акра, истомившая некогда соединенныя силы Государей Франціи и Англіи, во время третьяго крестоваго похода, хотя и пала тогда предъ ихъ оружіемъ, сокрушила всѣ усилія Наполеона. Флотъ Англійскій подступилъ на помощь Джеззаръ Паши. Напрасно храбрыя дружины Французскія, одушевленные примѣромъ своего вождя, отражали всѣ вылазки осажденныхъ и ихъ союзниковъ, и сами, съ отчаяннымъ мужествомъ, стремились на укрѣпленныя твердыни Акры. Въ теченіе двухмѣсячной осады, горныя замки Сафата и Назарета и приморскій Тира покорились ихъ оружію; у подошвы священной горы Фаворской, славная побѣда, какой давно не изумлялся Востокъ, надъ соединенными полчищами Турковъ и Арабовъ, покрывала безсмертною славой военачальниковъ Клебера и Наполеона; будущій Король Неаполя, Мюрать, достигъ береговъ Иорданскихъ; но Иерусалимъ не былъ священною цѣлію завоевателей, а упорная Акра превзошла всѣ приступы. Ихъ было пять, одинъ ужаснѣе другаго; послѣдній всѣмъ правозначѣль. Начальникъ Англійской эскадры, Сиръ Сидней-Смитъ подалъ руку помощи Джеззару, и Наполеонъ, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, принужденъ

былъ отступить. Громкимъ мажорствомъ объявилъ онъ о томъ своихъ войнамъ, какъ бы возыная имъ какой либо новый подвигъ, воспоминаніемъ одержанныхъ побѣдъ; началось трудное отступление въ Египетъ, омраченное смертію многихъ пунныхъ, оставленныхъ въ стѣнахъ Яффы. Такъ пронеслась сія трехмѣсячная буря надъ смятенною Палестиною! Знаменитый полководецъ, одержавъ еще одну блистательную побѣду надъ арміею Турецкою, на берегу моря, близъ Абукира, тайно отплылъ въ Европу искать тамъ новыхъ подвиговъ, звѣща императорскаго и всемірной державы, доколь древній Кремль не напомнилъ ему Акры. Въ послѣдствіи, узникомъ на пустынномъ островѣ Св. Елены, не разъ говаривалъ онъ товарищамъ своего заточенія: «если бы я взялъ Акру, я бы совершилъ переворотъ на Востокъ; часто малыя обстоятельства рождаютъ великія событія! — Я бы достигъ Константинополя и тогда бы измѣнилъ лице міра!» Но сей блистательный походъ завоевателя горько отозвался Христіанамъ Іерусалимскимъ; они истощили большія суммы денегъ на укрощеніе раздражительнаго варварства Арабовъ, и особенно Паша Сирійскаго, на выкупъ пленныхъ, въ Акрѣ и Яфѣ, и на обновленіе монастырей, разоренныхъ во время похода.

Посреди сихъ политическихъ бурь, возникли новыя требованія Армянъ. Они усилья, силою денегъ, преклонить на свою сторону Юсуфъ-Пашу, бывшаго начальникомъ арміи Турецкой противъ Франгузовъ, и домогались получить право священной

послуженія, наравнѣ съ православными, въ святой Геосиманіи и Вислемеъ. Истощенный убытками, понесенными со всехъ сторонъ, престолъ Іерусалимскій находился въ самомъ бѣдственномъ положеніи, и только съ чрезвычайными усиліями одолевъ притязанія Армянъ. Новымъ указомъ, даннымъ въ 1805 году, все приняло прежній порядокъ. Лишь только успокоилось дѣло съ Армянами, вліяніе Франковъ стало снова угрожать православнымъ. По заключеніи мира Франціи съ Портою, они начали ходатайствовать, о исключительномъ позволеніи перестроить часовню Св. гроба, нѣкоторыя части храма и святилище Геосиманское, и получили желаемое соизволеніе, измѣнивъ въ просьбѣ своей названія Св. мѣстъ. Но Патріархъ Анемъ, не взирая на собственную опасность, осмѣлился обнаружить передъ Портою истину, и тѣмъ заставилъ ее переимѣнить свое рѣшеніе.

Многіе ученые путешественники Западныя посетили Св. мѣста въ теченіе XVIII столѣтія, и сдѣлали ихъ описаніе; но въ самыхъ послѣднихъ годахъ того вѣка и въ первыхъ нынѣшняго, два благочестивыхъ богомольца, одинъ Русскій, другой Французскій, оставили намъ болѣе страдное впечатлѣніе своими путевыми записками; онѣ тѣмъ примѣчательнѣе, что вскоре послѣ сгорѣла святилище Іерусалимское. Первый изъ нихъ Мелетій, іеромонахъ Саровской пустыни, пользовавшійся покровительствомъ, какое Турки оказывали всѣмъ богомольцамъ Русскимъ, въ силу мирныхъ договоровъ при

Кучукъ-Кайнардинъ, стремился въ 1793 году; онъ ограничился однимъ Иерусалимомъ, но за ту отчетливо описываетъ каждый шагъ свой, прибѣгая къ мѣстнымъ рукописямъ и преданіямъ. Мелетій обратилъ особенное вниманіе на различныя исповѣданія, раздѣлившія между собою святинше, и на достояніе каждаго, старался извѣдать, съ какаго времени оными владѣють. Изъ его описанія видно, что Франки, которые при Мамелюкахъ и со времени завоеванія Турецкаго, до конца XVI. вѣка, принуждены были во всемъ уступать Грекамъ, превознеслись надъ ними послѣ Карловицкаго мира, поддерживаемые послами западныхъ державъ, и старались совершенно отнять у православныхъ обладаніе Св. мѣсть. Повторяя все, что рассказывалъ Патріархъ Досмеей, о тѣхъ хитростяхъ, какими Франки достигли обладанія Св. гроба, Мелетій говоритъ, что въ его время, отъ самой часовни и до царской арки, простерта была Латинская сѣнь, дабы тѣмъ ознаменовать, что и самое преддверіе Св. гроба въ ихъ власти; внутри онаго, въ полстѣни отъ самаго помоста, развѣшаны были также ихъ ткани, а на гробъ стояли серебряныя перлы и западный образъ воскресенія Христова. Совершенно ежедневно тайныя мши свои или литургіи, внутри Св. гроба, они позволяли однако Грекамъ носить тамъ свои лампы, даже въ большемъ противъ нихъ количествѣ. Описывая подробно разныя и украшенія храма Иерусалимскаго, Мелетій свидѣтельствуетъ, что большая часть утвари и иконъ есть даръ машихъ Царей и Патріарховъ, и что са-

мые Франки дивились красоте живописи собственно Русской.

Другой поклонникъ, приплывшій въ 1806 году, Шатобрианъ, красноречивымъ словомъ своимъ, напомнилъ остывшему Западу, о бѣдствіяхъ Св. земли, нѣкогда освобожденной его полчищами. Послѣ столькихъ ученыхъ описаній, утѣшительно для сердца слышать наконецъ голосъ Христіанина и богомольца надъ Св. гробомъ. Онъ засталъ поморіе Сиріи уже подъ болѣе кроткимъ владычествомъ Паши Акрскаго Салмана; который заступилъ мѣсто звѣрскаго Деззара; но Іерусалимъ страдалъ, отъ притѣсненій жестокаго Паши Дамаскаго Абдаллы. Станъ его раскинутъ былъ подъ стѣнами Св. града, ибо онъ по обычаю совершалъ ежегодно путешествіе по своей области, чтобы собирать подати и грабить обители Христіанскія; самъ поклонникъ западный долженъ былъ, именемъ своимъ, защитить братій монастыря Латинскаго отъ ненормальности требованій Паши. Последній изъ богомольцевъ, видѣлъ онъ храмъ Св. гробъ, въ его древнемъ величій; два года спустя, ужасное для всѣхъ Христіанъ бѣдствіе постигло Іерусалимъ: великолѣпное святилище сторуло со всеми сокровищами, какими украсило его благочестіе Христіанъ; всѣхъ исповѣданій, въ теченіе осьми вѣковъ; ибо послѣ разоренія его Халифомъ Бугиетскимъ Хакимомъ въ 1009 году, оно уже не подвергалось никакому опустошенію.

XLIV.

ПОЖАРЪ И ОБНОВЛЕНІЕ ХРАМА.

Патріархи Поликарпъ и Аванасій.

Греки обвиняютъ Армянь въ поджигательствѣ храма, потому что пожаръ сей начался на хоркѣ въ ихъ предѣлѣ, когда праздновали они память Св. Григорія, просвѣтителя Арменіи, и полагають, что они отважились на такое преступленіе, для того, чтобы присвоить себѣ совершенно святилище, выстроивъ оное на свой счетъ. Армяне же слагають всю вину на двухъ изъ своихъ единовѣрцевъ, которые были заключены для эпитиміи въ храмъ и подождли его, изъ личной вражды къ своему духовному начальству. Но хотя и жестоко обвинять цѣлый народъ въ такомъ святотатствѣ, безъ ясныхъ доказательствъ, нельзя однако не замѣтить, что многое говоритъ противъ нихъ. Они пользовались тогда покровительствомъ Мустафы Паша

Байрактара, который низложилъ съ престола сла-
бого Султана Мустафу, любимаго янычаръ, и поста-
вивъ на его мѣсто Махмуда, самъ возгосподство-
валъ надъ имперіею въ санъ великаго Визиря.
Черезъ посредство одного изъ своихъ согражданъ,
бывшаго при немъ банкиромъ, Армяне домогались
полнаго обладанія Св. мѣстами; но недавній пра-
витель не смѣлъ прямо нарушить древнихъ фир-
мановъ, въ пользу православныхъ, и, какъ пред-
полагаютъ Греки, внушилъ имъ то преступное сред-
ство, отъ котораго они отрекаются. Странно одна-
ко, что имѣя большой монастырь въ Св. градѣ, со
всеми удобствами помѣщенія, рѣшились заключить
въ святилище людей подозрительнаго поведенія, и
во всякомъ случаѣ ненадежныхъ, отъ какой бы
причины ни загорѣлся храмъ. Одинъ изъ нихъ
найденъ былъ въ послѣдствіи подъ развалинами,
со слиткомъ растопившагося золота въ рукахъ.

Огонь показался сперва на престолѣ Армянской
церкви; православные иноки, жившіе въ храмѣ,
замѣтивъ пламя, хотѣли тотчасъ подать помощь,
но Армяне заперли входъ на свои хоры, уверяя,
что сами въ состояніи потушить незначительный
пожаръ. Когда пламя, распространяясь болѣе и бо-
лѣе, охватило все ихъ кельи, они сами ударили
въ бѣгу, чтобы просить помощи; но уже было
поздно. Вся старшая братія и члены Синода Иеру-
салимскаго находились тогда въ близъ лежащей
церкви Константина и Елены, гдѣ читали вечернее
правило; услышавъ звонъ и увидѣвъ пламя, скоро
отхвѣтивъ окна, они схватили какія только вышли со

суды и стали лить воду, со стороны колоколовъ, въ верхнія окна храма и на большой свѣщниковый куполь; но такъ какъ святилище было заперто, не могли ничего сдѣлать на такомъ разстояніи. Покинувъ собирали Турецкихъ стражей Св. вратъ, рѣшились по всему городу, для ихъ открытія, протекло болѣе часа; уже пламя охватило куполы и все святилище обратилось въ одну пылающую массу, гдѣ невозможно было ничего спасти, такъ что, въ теченіе трехъ часовъ, отъ великолѣпнаго зданія осталось одно страшное пепелище. Всю ночь оно пылало и на разсвѣтъ погасло, потому что не было болѣе пищи для огня. Изъ всѣхъ драгоценностей спаслась одна только третья часть утвари и сосудовъ, которые находились въ ризницѣ на хорахъ; прочее же все погубило, и невозможно оцѣнить всей необъятной утраты.

Когда прекратился пожаръ, начальствующіе въ Св. градѣ и старшины Турецкіе, собравшись единодушно, разбили для себя четыре шатра предъ Св. вратами, и въ теченіе трехъ дней, до субботы 3 Октября, наблюдали, чтобы не случилась какая либо покража; между тѣмъ православные, равно какъ и Франки и Армяне, выносили груды камней и земли съ своихъ участковъ, для обозначенія собственности: каждаго исповѣданія внутри храма, а Св. врата закладены были камнями и оставлена свѣрѣ лишь только малая дверь изъ досокъ. Эти Иерусалимскіе, доведенные до отчаянія столь ужасными событіями, не успѣли отправить геракла

вѣсти о томъ Патриарху Афонну; но Господь призрѣлъ его послѣднія минуты, и блаженный старецъ отошелъ, до полученія вѣсти, въ иную лучшую жизнь.

Общее уныніе овладѣло всеми православными въ Царьградѣ, когда услышали о пожарѣ Іерусалимскомъ. Но провидѣніе Божіе не оставило братьевъ Св. града въ столь бѣдственную для нихъ годину; въ то самое время, когда горѣлъ храмъ Св. гроба, погибъ и жестокій Байрактаръ-Паша, въ пламени собственного дема, зажегшаго тошною возмутившихся Янычаръ. Братія Іерусалимская, при содѣйствіи Патриарха Цареградскаго, могла свободно соединиться на своимъ подворьяхъ, для избранія себѣ Архiepастыря, и единодушно была избрана Педикаризъ; Митрополитъ Велесмокій мужъ непытанной добродѣтели, много потрудившійся для пользы Св. гроба, какъ знаменуетъ самое его имя. Патриархъ Константинопольскій Каллиникъ, по жалостному воплю новаго Святителя Іерусалимскаго Педикарна, возвалъ о помощи ко всемъ православнымъ Христіанамъ Востока; такъ описывалъ онъ бѣдственное происшествіе, въ окружной своей граматѣ:

«30. минушаго Сентября, 1808 года, въ среду, въ девятомъ часу ночи, предъ разсвѣтомъ, внезапно и неожиданно случился величайшій пожаръ, внутри храма святаго живомоеднаго гроба, и сгорѣла вся сіа, достойное удивленія, царственное святилище, равно какъ и высокой, свинцомъ покрытый куполъ, и малый бывшій надъ самою часовнею

Св. гроба; верхнія галлерей оглашенныхъ, бывшія около него, подъ большимъ куполомъ, какъ съ нашей стороны, такъ и со стороны Франковъ и Армянъ, обрушились совсѣмъ, поелику сгорѣли тѣ знаменитыя мраморныя столпы, на которые опирались сіи галлерей. Сгорѣли также и оба казнохранилища, малое и большое, и всѣ келліи и всѣ святыя иконы, и крестъ, водвыгнутый на святой Голгоѣ, Св. престолъ, и жертвенникъ, и Патріаршія каеэды горняго мѣста, и Св. мѣши; когда же растопились мраморныя колонны, на конхъ лежали своды, обрушились и самыя своды надъ алтаремъ. Жертвою пламени сдѣлался соборный иконостасъ и всѣ придѣльные, со всѣми ихъ иконами, и двѣ каеэды, Патріаршая и Архірейская, посрединѣ собора; отъ чрезвычайнаго огня растаяли, какъ восковыя свѣчи, лампады и напикадилы и прочая церковная утварь; такъ исчезла вся великолѣпная ризница и дары столыихъ благочестивыхъ Государей, хранившіеся внутри храма; сгорѣли и Св. врата, и куполъ надъ соборомъ разсѣлся на двое; только подземная церковь, обрѣтенія креста, главныя связи, священная часовня гроба, и самая дверь ея не повредились; прочее же все, какъ мы уже сказали, сгорѣло и исчезло, и никакой пользы не могли принести всѣ подвиги предодобныхъ иноковъ, устремившихся на помень. Они не имѣли времени, хотя сколько нибудь, угасить пламя, отъ чрезвычайной силы онаго и дыма; столь ужасенъ и внезапенъ былъ пожаръ сей, обратившій въ пустыню великолѣпное оное святы-

лица; которое уже нынѣ нельзя и узнать посреди его пещелища.

«Мы же, получивъ горестное извѣстіе о семъ несчастномъ событіи, чрезъ грамоты и людей, при-
сланныхъ изъ Іерусалима, въ царствующій градъ,
къ возлюбленному сослужителю и брату нашему
блаженнѣйшему Пелликарну, Св. града Іерусалима
и вся Палестины, пролили горькія слезы, вмѣстѣ
съ соборомъ подвластныхъ намъ Архіереевъ, о иже-
ванъ бѣдствіи насъ постигшемъ. Но имѣя упова-
ніе на всеблагій Промыслъ погребеннаго въ томъ
всесвятомъ гробѣ и воскресшаго изъ него Господа
Іисуса Христа, положили единодушно воззвать об-
щнымъ глазами, о помощи, для обновленія бже-
ственнаго храма, въ полной надеждѣ, что благо-
стію Божію, все горькое обратится въ сладкое, и
что ревность благочестивыхъ Христіанъ не потер-
питъ, дабы такая святыня оставалась въ запущен-
номъ и родъ нашъ лишился бы столь душеспаси-
тельнаго поклоненія. Посему, собравъ въ Констан-
тинополѣ всѣхъ сущихъ съ нами братій нашихъ
Архіереевъ, въ присутствіи блаженнѣйшаго Патри-
арха Іерусалимскаго и ревностныхъ имѣвшихъ
вѣдомкъ нашего народа, мы изложили имъ, о
необходимости скорого вспомошествованія; для
воззвданія всесвятаго храма гроба Господня, и
уже неспроста, чрезъ посредство всеми нами
подписаннаго прошенія къ высокой Цертвѣ, цар-
ственный хаттишернеъ, на свободное обновленіе
сгорѣвшаго святилища. Участвуя сами, съ душев-
ною радостію, въ столь священномъ дѣлѣ, соб-

ственными средствами, уповаемъ, что и другіе поспѣдуютъ ревностно сему благому призыву.»

Главнымъ надзирателемъ работъ, при строеніи храма Иерусалимскаго, назначенъ былъ отъ правительства Абдурахманъ-бей, человекъ знатный и благонамѣренный, хорошо расположенный къ Христіанамъ; Патріархъ Поликарпъ послалъ въ Иерусалимъ и опытнаго зодчаго, Комнина, уроженца Митиленскаго, который пользовался вниманіемъ правительства за прежнія свои заслуги. Онъ взялъ съ собою необходимые на первый случай матеріалы и мастеровъ, и отплылъ изъ Константинополя, въ началѣ Мая 1809 года; прочіе же матеріалы, какъ то мраморъ, олово, желѣзо, известь и лѣсъ, отправляемы были въ послѣдствіи постепенно въ столицу, и даже лѣсъ заимствованъ былъ изъ Италіи. Но едва только показался въ Иерусалимъ исполнительъ воли Султанской, для обновленія храма, какъ уже начались козни Франковъ и Армянъ, для похищенія у Грековъ права на исключительное возсозданіе святилища. Первые надѣялись на покровительство Западныхъ державъ; вторые на собственныя богатства и вліяніе при дворѣ сановниковъ Порты, и дѣйствовали общими силами противъ православныхъ.

Ненасытная алчность мѣстныхъ властей находилъ выгоднымъ для себя сопротивленіе иновѣрцевъ, и потому вымышляла различные предлоги для неисполненія Султанскаго фирмана; наконецъ, послѣ многихъ пожертвованій со стороны духовныхъ властей Иерусалимскихъ, позволили приступить къ дѣ-

лу, и 19. Июля 1809 года обновлены одни Св. врата; но тутъ опять остановились работы. Иностранцы, возбуждвъ Магометанскую чернь, требовали, чрезъ ея посредство, прекратить строеніе доколѣ не докажутъ они свои права предъ Портою. Назначенъ былъ двухмѣсячный срокъ для судопроизводства, во время коего Армяне Іерусалимскіе убѣдили своихъ единовѣрцевъ, въ Царьградѣ, обвинить Грековъ, въ неправоудномъ присвоеніи права на строеніе храма. Начался судъ; знатнѣйшіе самовники Порты, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ собирались у Шейхъ-Ислама, блюстителя правосудія, и слышавъ древніе султанскіе фирманы, данныя Грекамъ, съ грамотами, какія представляли Армяне, вынуждены были, ясными доводами, признать справедливость на сторонѣ Грековъ и подтвердить, новымъ хаттишерифомъ Султана Махмуда, все прежніе; но не смотря на правду свою, дорого стоила православному сія продолжительная тажба.

Между тѣмъ, когда миновался двухмѣсячный срокъ, отцы Іерусалимскіе, не получая новаго повелѣнія, многими дарами убѣдили мѣстныхъ власти дозволить имъ продолжать работы, съ тѣмъ однако, чтобы священная часовня гроба, большой куполь надъ нею и отдѣленія Франковъ и Армянъ, остались неприкосновенными до новаго фирмана. На такихъ условіяхъ продолжалось строеніе храма до Декабря мѣсяца. Тогда Армяне, получивъ извѣстіе изъ Царьграда, что уже изданъ новый фирманъ, разрушавшій все ихъ надежды, возбудили опять народъ, 17. Декабря, яростная тогда воо-

руженныхъ Арабовъ напала на храмъ и на патриархію, ранила многихъ работниковъ, убила одного изъ нихъ, и сокрушивъ мраморъ и отчасти то, что было выстроено, съ дикими воплями требовала выдачи архитектора и письмоводителя патриаршаго, чтобы смертію ихъ прекратить работы. Отцы Іерусалимскіе успѣли спасти ихъ въ подземельяхъ; но буйная чернь свирѣпствовала цѣлый мѣсяцъ на улицахъ Св. града, распространяя ужасъ, грабежъ и насиліями, на всѣхъ жителей. Не ранѣе 9. Января 1810 года прибылъ изъ Царьграда посланный, съ новымъ фирманомъ Султанскимъ, въ пользу православныхъ, и тогда только власти духовныя могли опять, силою денегъ, убѣдить правителей Турецкихъ усмирить мятежниковъ. Начальникъ области, собравъ до тысячи вооруженныхъ, разогналъ толпу грабителей, наказалъ главныхъ преступниковъ, и порядокъ возстановился.

Православные могли опять приступити къ работамъ, и съ тѣхъ поръ она уже продолжалась безпрепятственно до успѣшнаго ея окончанія 11. Сентября того же года. Наканунъ праздника воздвиженія честнаго креста, въ день, посвященный Церковію памяти перваго обновленія храма Іерусалимскаго, при равноапостольномъ Царь Константиѣ, соборъ Епископовъ Св. града имѣлъ утѣшеніе освятити и новое святилище; воздвигнутое изъ развалинъ, усердіемъ православныхъ, и подвигъ сей поистиннѣ свыше всѣхъ похвалъ; ибо Патриархъ Іерусалимскій, при убогихъ средствахъ того времени, только съ необычайными усиліями могъ обновити

сіе мартовенное святѣлище. Три дня спустя послѣ его освященія, всѣ власти духовныя и свѣтскія Іерусалима, пришли освидѣтельствовать храмъ и нашли оный, хотя и не въ прежнемъ великолѣпнѣи, но въ крайней мѣрѣ совершенно въ томъ же видѣ, какъ онъ былъ до пожара.

Не смотря на чрезвычайную дороговизну матеріаловъ, для строенія и производства самыхъ работъ, надержки сіи составили только третью часть тѣхъ расходовъ, какіе должно было употребить на удовлетвореніе мѣстныхъ властей и для судопроизводства. Въ Константинополь надержано было по сему предмету девяносто тысячъ червонныхъ, а въ Іерусалимѣ, вмѣстѣ съ расходами по строенію, до двухъ сотъ шестидесяти пяти тысячъ червонцевъ; такимъ образомъ болѣе четырехъ милліоновъ рублей стоило престолу Іерусалимскому обновленіе храма, и оно повергло его въ тяжкіе долги, но сохранило однако православному обладанію древнюю святыню, которую получили въ наслѣдіе отъ своихъ предковъ.

Армяне не остались спокойными зрителями торжества православныхъ. Въ томъ же году, еще во время строенія храма, начали они опять домогаться въ Царьградѣ участія въ сѣмъ обновленіи, и тѣмъ бы сія продолжалась съ 7. Апрѣля 1810 до 25. Февраля 1811 года; но сужденія сановниковъ Порты благоприятствовали православнымъ, ибо нельзя было опровергнуть древнія права ихъ, засвидѣтельствованныя столькими фирманами. Они воспользовались однако обстоятельствами, для ихъ благо-

приятными, въ концѣ того же года, когда Порта была раздражена противъ Грековъ, чтобы испросить себѣ новыя права, какихъ не имѣли прежде: получили участіе въ священнослуженіи, въ пещерахъ Геосиманской и Вилеємской и приобрѣли сѣверное крыло Вилеємскаго храма. Въ то же время, Патріархъ Поликарпъ огорченъ былъ и притязаніями Франковъ, которые одолевъ беззащитнаго, испросили себѣ у Порты исключительное обладаніе часовнею Св. гроба, и 27. Мая 1811 года, не только воспретили служеніе литургіи внутри Св. гроба православнымъ; но даже вынесли отгаль всѣхъ иконы и украшенія. Не ранѣе 1818 года, Святитель Іерусалимскій получилъ опять древнее право священнослуженія въ Св. гробѣ, и оно было подтверждено, со всеми прежними правами православныхъ, въ 1820 году, новымъ хатташерифомъ Султанскимъ.

Непосредственно послѣ сей эпохи, востаніе Грековъ довершило страданія Іерусалимскаго престола: нельзя пересказать всего, что претерпѣло духовенство отъ мѣстныхъ властей, а Патріархъ Поликарпъ въ Константинополѣ, за искуденіе своей жизни. Съ 1821 по 1827 годъ всякая помощь православныхъ прекратилась, вмѣстѣ съ поклонниками и Іерусалимскій престолъ принужденъ былъ занимать деньги, за дослѣданные проценты, чтобы удовлетворять необходимымъ своимъ потребностямъ; это было причиною непомернаго увеличенія долговъ, которые возрасли до шести милліоновъ рублей.

Въ такомъ бѣдственномъ положеніи, послѣ смерти блаженнаго Поликарпа, засталъ дѣла патріархин добродѣтельный старецъ Аѳанасій, избранный прямо изъ Архимандритовъ, на кафедру Іерусалимскую въ 1827 году, когда немногіе рѣшались на столь трудный подвигъ. Хотя предстояло ему испить чашу горести, однако съ помощію Божіею, мудрымъ распоряженіемъ, успѣлъ онъ постепенно разсѣять массу накопившихся долговъ и обезпечить собственность Св. гроба. Подъ его пастырскою сѣцію, Іерусалимскій престолъ и братія Св. града начали вкушать отраду, послѣ столькихъ смятеній внутреннихъ и вѣншихъ, и доселѣ продолжается мирное его святительство, ко благу ввѣренной ему отъ Господа паствы, на священной кафедрѣ Іакова брата Божія.

Конецъ второй части.

КАТАЛОГЪ ВСѢХЪ ПАТРИАРХОВЪ

ІЕРУСАЛИМА.

по Р. X.

1	Іаковъ, братъ Божій по плоти, первый Іерархъ Іерусалимскій	33
2	Симеонъ, братъ Клеопы	70
3	Іустъ	110
4	Закхей, не старѣйшина мытарей, но другой ему соимянный.	
5	Товія.	
6	Веніаминъ.	
7	Іоаннъ.	
8	Матѣй.	
9	Веніаминъ II, по Баронію, а по Никифору Филиппъ.	
10	Сенека.	
11	Іустъ II.	
12	Левій.	
13	Ефремъ.	
14	Іосифъ или Іессей.	
15	Іуда.	

Всѣ вышеозначенные Патріархи были, по происхожденію, Іудей.

- 16 Маркъ, первый изъ числа необрѣзанныхъ. 134
17 Кассіанъ.
18 Публій.
19 Максимъ.
20 Іуліанъ, по Евсевію, а по другимъ исто-
рикамъ Юлій.
21 Гай.
22 Симмахъ.
23 Каій.
24 Іуліанъ II.
25 Капитонъ.
26 Илія.
27 Максимъ II.
28 Антоній.
29 Валентъ.
30 Домитіанъ.
31 Наркиссъ 197
32 Дій или Елій.
33 Германъ.
34 Гордій.
35 Александръ 212
36 Марзаванъ.
37 Именей.
38 Замва или Замвад.
39 Ермонъ 208
До сего времени царствовали Единскіе
Цари и Церковь Христова была отъ
нихъ гонима: со времени же правленія
Христіанскихъ Царей, начинается слѣ-
дующій рядъ Патриарховъ:
40 Макарій, присутствовавшій на первомъ вое-
ленскомъ Соборѣ въ Никее 310

41	Максимъ III.	333
42	Св. Кириллъ, двукратно, послѣ шихеслѣ- дующихъ трехъ Патріарховъ, присутство- вавшій на второмъ Вселенскомъ Соборѣ, въ Константинополѣ	351
43	Ерениій или Иринеи.	
44	Ираклій или Евтихій.	
45	Иларій. Трехъ вышепомянутыхъ Патріарховъ : Ерениія, Ираклія и Иларія, историки и Св. Церковь исключаютъ изъ каталога Іерусалимскихъ Патріарховъ, какъ ет- ступниковъ, а также и Феодосія, овла- дѣвшаго престоломъ при Патріархѣ Юве- наліѣ.	
46	Іоаннъ II.	386
47	Правлій	417
48	Ювеналій, присутствовавшій на соборахъ : Ефесскомъ и Халкидонскомъ	430
49	Феодосій, монофизитъ, который Ювеналія свергнулъ съ престола.	
50	Анастасій	458
51	Геронтій, монофизитъ, который свергнулъ Анастасія съ престола; и сего также из- ключаютъ изъ каталога Іерусалимскихъ Патріарховъ.	
52	Мартирій	479
53	Салустій	490
54	Илія II. Аравитянинъ, сверженный Царемъ Анастасіемъ	496
55	Іоаннъ III.	517
56	Петръ, въ царствованіе Іустиніана	526

57	Макарій II, сверженный.	.....	
58	Евстохій		553
	По сверженіи Евстохія, возведенъ на пре-		
	..... столъ сверженный Макарій		562
59	Іоаннъ IV.		
60	Амосъ.		
61	Исаакій или Исихія.		
62	Захарія.		
	По плѣненіи Іерусалима и онъ, между		
	плѣнными, отведенъ былъ въ Персію .		610
63	Модестъ		628
64	Софроній		629
	По смерти его Іерусалимскій престолъ не		
	имѣлъ Патріарха двадцать девять лѣтъ.		
65	Георгій, по лѣтописи Евтихія.		
66	Феодоръ, присутствовавшій на шестомъ		
	Вселенскомъ Соборѣ		664
67	Анастасій II, присутствовавшій на Констан-		
	тинопольскомъ Соборѣ, избранномъ въ		
	Труалѣ		692
68	Іоаннъ V, ...		705
69	Георгій II, по Евтихію.		
70	Феодоръ II, на шестомъ Соборѣ и до седь-		
	маго, занимавшій престолъ Патріархій .		730
71	Исидоръ III, присутствовавшій на седьмомъ		
	Соборѣ		765
72	Фома		800
73	Василій, ученикъ Фомы		819
74	Іоаннъ VI, ...		839
75	Сергій, сынъ Мансура		842
76	Соломонъ		858
77	Феодоръ III, или Феодосій		862

78 Илія IV, братъ въспомнутаго Сергія, жившій во времена Царя Василія Маке- донскаго	879
79 Сергій II, сынъ Танглана	910
80 Лезъ	915
81 Асамасій	931
82 Николай	
83 Христодуль, происхожденіемъ изъ города Аскалона	
84 Іоаннъ VII, сожженный съ храмомъ Св. Грба	968
85 Агафонъ или Агапій	
86 Христодуль II, ...	982
87 Ома II, врачъ и философъ	990
88 Іосифъ II, врачъ и философъ	1000
89 Теофилъ	1003
90 Никифоръ	1022
91 Орестъ, жившій въ царствованіе Романа, когда возобновленъ былъ храмъ	1027
92 Мина	1044
93 Софроній II, ...	1045
94 Маркъ II, ...	1065
95 Симеонъ II, писавшій противъ оупсно- ковъ	1080
96 Евонмій, жившій во времена Алексія Ком- нина	1101
97 Агапій	
98 Савва, жившій во времена Алексія Комнина	
99 Епхерій	
100 Іаковъ II	
101 Арсеній	1145

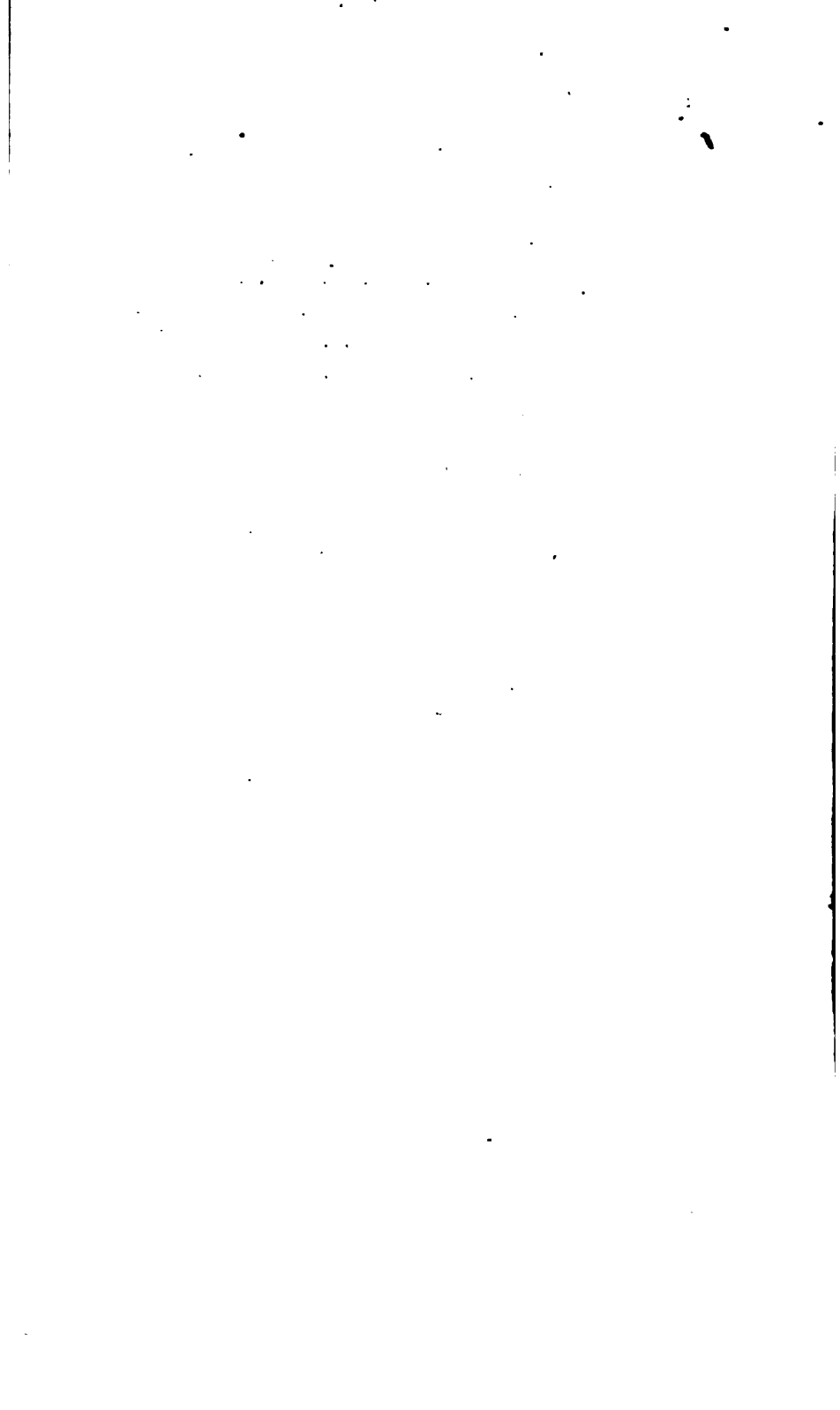

102	Иоаннъ VIII, жившій во времена Мануила Комнина.	
103	Никифоръ II, жившій при томъ же Царѣ .	1156
104	Доседей, переведенный на престолъ Константинопольскій, при Исаакѣ Ангелѣ .	1188
105	Анастасій II, ...	1213
106	Леонтій	1229
107	Григорій, жившій во времена Михаила Палеолога	1250
108	Лазарь, жившій въ царствованіе Андроника; сверженный съ престола Герасимомъ, а при Иоаннѣ Кантакузинѣ, снова возведенный	1346
109	Герасимъ, незаконный, свергнувшій Лазаря съ престола, какъ упомянуто выше.	
110	Созроній III.	
111	Доросей.	
112	Феофанъ II, сынъ Доросея.	
113	Феофанъ	1430
114	Иоакимъ, жившій во время Флорентійскаго Собора	1443
115	Григорій II, ...	1458
116	Доросей II, ...	1491
117	Германъ II, ...	1534
118	Созроній IV, ...	1579
119	Феофанъ II, ...	1608
120	Пансій	1645
121	Нектарій	1660
122	Доседей II, который написалъ исторію Иерусалимскихъ Патриарховъ	1669
123	Хрисанъ, племянникъ вышеупомянутаго Доседея	1707

	по Р. X.
124 Мелетій	1731
125 Парсепій	1737
126 Еѡремъ II, ...	1766
127 Соѡроній V, ...	1771
128 Аврамій	1775
129 Прокопій	1787
130 Анѡимъ	1788
131 Поликарпъ	1808
132 Аѡанасій III, доньнѣ	1827

Примѣчаніе. — Годы нѣкоторыхъ Патріарховъ не выставлены, потому что не опредѣлены въ лѣтописяхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Глава XXIII.	Первый крестовый походъ . . . 1
— XXIV.	Завоеваніе Іерусалима Крестоносцами 18
— XXV.	Королевство Іерусалимское Франковъ 42
— XXVI.	Второй крестовый походъ . . . 79
— XXVII.	Упадокъ королевства 91
— XXVIII.	Взятіе Іерусалима Саладиномъ . 110
— XXIX.	Третій крестовый походъ . . . 127
— XXX.	Четвертый и пятый крестовые походы 151
— XXXI.	Шестой крестовый походъ . . . 164
— XXXII.	Седьмой крестовый походъ . . . 179
— XXXIII.	Осьмой походъ. Нашествіе орды Ховарезміевъ 193
— XXXIV.	Девятый крестовый походъ . . 205
— XXXV.	Нашествіе Монголовъ; десятый походъ 218

	Стран.
Глава XXXVI. Владычество Султановъ Мамелукскихъ	235
— XXXVII. Нашествіе Тамерлана, покореніе Іерусалима Селимомъ	249
— XXXVIII. Владычество Султановъ Оттоманскихъ	267
— XXXIX. Патріаршество Теофана	283
— XL. Патріаршество Пансія	299
— XLI. Патріаршество Нектарія	318
— XLII. Патріаршество Досиея	328
— XLIII. Осьмнадцатое столѣтіе	347
— XLIV. Пожаръ и обновленіе храма	366

